МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ФГБОУ ВО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ФИННО-УГОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ**

ПРОБЛЕМЫ МАРИЙСКОЙ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЙОШКАР-ОЛА
2016

УДК 81.115+82.091
ББК 80(4Рос)
П781

Редакционная коллегия:

Л.А. Абукаева, Е.М. Андрианова, Т.Н. Беляева, Р.А. Кудрявцева (отв. ред.), ***В.Т. Михайлов***

Рецензенты:

А.М. Иванова, д-р филол. наук, доцент, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова;

Д.Я. Григорьева, канд. филол. наук, доцент, зам. директора Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Утверждено Ученым советом
Марийского государственного университета

П781 **Проблемы марийской и сравнительной филологии:** сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. *Р.А. Кудрявцева*. Йошкар-Ола, 2016. 363 с.

ISBN 978-5-94808-977-5

Данный сборник представляет собой третий выпуск научного издания кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета. Он составлен на основе докладов и сообщений участников III-ей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы марийской и сравнительной филологии», посвященной 85-летию со дня основания кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного университета (30 сентября 2016 года).

Сборник адресован ученым, преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, студентам, учителям и всем интересующимся вопросами марийской и сравнительной филологии.

Ответственность за содержание материалов, глоссирование и перевод примеров несут авторы статей.

УДК 81.115+82.091
ББК 80(4Рос)

ISBN 978-5-94808-977-5

© Коллектив авторов, 2016
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ 9–11

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МАРИЙСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Абукаева Л. А. Лингвопрагматический аспект употребления марийских запретов 12–15
Албахтина Т.А. Названия крупяных блюд в марийском языке 15–21
Александрова Л.В. С.Г. Чавайнын сылнымутыштыжо культурологий сынан лексике ойыртем 22–23
Андрианова Е.М. Н.С. Мухинын сылнымутыштыжо тӱп родо-тукым термин-влак кучылталтме ойыртемышт 23–27
Барцева Л.И., Гаврилова Е.А. М. Илибаеван «Орина кова» повестьыштыже материальный да духовный культур дене кылдалтше икмыняр шомакын семантикышт да этимологийышт 27–28
Барцева Л.И., Иванова О.В. Семантические особенности сложных слов в повести Г. Алексеева «Заря надежды» 28–30
Барцева Л.И., Салтыкова И.С. Н. Лекайнын «Кого вырсын тылыштыжы» романышты военный лексикы 30–32
Барцева Л.И., Соколова В.А. Г. Алексеевын «Ӱшаным ӱжара конда» книгаштыже кӱэмалтше ойсавыртыш-влакын чоҥалтме да морфологий ойыртемже 32–34
Венина Н.К. Синтаксическая конвергенция в романе А. Тулая «Будьте счастливы» 34–35
Виногорова О.В. С. Чавайнын «Элнет» романыштыже герой-влакын илыш корныш дене кылдалтше лексике йӧн-влак 35–37
Гаязова А.Х. Формы вежливого обращения в марийском и татарском языках 37–39
Дубникова Л.О. *В*. Колумбын сылнымутыштыжо вашлиялтше марий топоним-влак 39–41
Загребина А.И., Стрелкова О.Б. Словообразование имён существительных в удмуртском и финском языках (в сопоставительном аспекте) 41–45
Зорина З.Г. О составе согласных в марийских языках 45–50
Изергина Е. Ю. Марий йомакыште сылнештарыме йӧн-влак 50–51
Ипакова М.Т. Некоторые проблемы перевода официальных и рекламных текстов с русского на марийский язык 51–59
Карпова Л.В., Максимов В.Н. Олыкмарий наречийын шеҥше подговорын грамматике ойыртемже 59–60
Кушакова В.В. Марий да англичан йылмылаште раш палыдыме олмештыш мут-влак 61–62

Ласточкина Е.Г. Социолингистические аспекты в изучении омонимов марийского языка 62–65
Максимов В.Н. К вопросу о гласных фонемах уржумского говора лугового наречия марийского языка 65–68
Матросова Л.С., Смирнова А.В. Временные послелоги в газете «Кугарня» 68–70
Матросова Л.С., Чендемерова Н.Ю. «Кугарня» газетыште пуртымо конструкций-влак 70–72
Мокеева А.Э., Андрианова Е.М. А. Мичурин-Азмекейын сылнымутыштыжо вашлиялтше орнитоним-влакын ышталтме ойыртемышт 72–75
Мукина И.В. Единицы измерения в чувашских переводах Библии 75–80
Сергеев О.А. Суффиксальный способ образования терминов в школьных переводных учебниках марийского языка 20–30-х гг. XX века (на материале отдельных книг) 81–84
Сибатрова С.С. О русских заимствованиях в системе марийских подражательных слов 84–98
Соловьев В.И., Максимов В.Н. Ӧдӧн Бэкен диалект мутерыштыже юлтӱр кутыртыш (мутвундо анализ) 98–99
Таганова М.А. Годы независимости и национальные языки: изучение туркменского словообразования 100–103
Тимерханова Н.Н. Аффиксоиды в удмуртском языке 103–105
Тихонова И.Г. Зоя Дудинан возымо йылме сылнылыкше 105–106
Фомин Э.В. Абсолютные агнонимы чувашского языка с возможной марийской этимологией 107–110
Эрцикова Г.А. *Вет* и *молан манаш гын* как средства связи частей сложного предложения в современном марийском языке 110–114
Якимова Н.И. Особенности семантического разряда фразеологических единиц с соматическим компонентом «нога» 115–117
Яндемерова С.В. Англичан да марий йылмылаште изъявительный наклоненийыште действительный залог 117–118

РАЗДЕЛ 2. ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Анисимова А.Р., Бояринова Г.Н. Яков Егоровын «Пиалетым кычал, эргым» роман-дневникшын сылнымут тӱняже 119–120
Антонов Ю. Г. Героико-патриотическая тема в драматургии Ф. Атянина 121–124
Антропов Г.Г. Роман «В грозу» В.Ф. Сапаева: особенности жанра и стиля 124–126
Арекеева С.Т. Тема империалистической войны в поэзии Кузебая Герда 126–129
Архипова М.Ю. Ю. Чавайнын поэзийыштыже жанрым ончыктышо кокымшо вуймут 129–132

Афанасьева С.М. Ю. Байгузан «Таче – шочмо кече» психологический драмыже 132–134
Ахмастинова Г.К. Синтез религиозной и философской мысли в татарской поэме 134–137
Беляева А.И. А. Александров-Арсакын поэзийыштыже вуймутын тӱшкаже да сомылжо-влак 137–139
Беляева Т.Н. Языческая символика в марийской драме второй половины XX века (семантико-функциональная характеристика) 139–141
Бояринова Г.Н. Валерий Абукаевын «Сулык пыжаш» трагикомедийже: сылнылык ойыртем 141–145
Владимирова О.Г. Творческое наследие В.С. Юмарта-Чекушкина 145–147
Волкова Н.Э. «Кугарня» газетыште савыкталтше кызытсе марий ойлымашын темыже да проблематикыже 147–149
Галкина В.В. М. Илибаеван «Кугу тӱня – шыгыр тӱня» романыштыже тӱжвалтӱсын верже 149–152
Н.А. Григорьева, Г.Н. Бояринова Г. Алексеевын лирический сӱретлаже: сылнылык ойыртем 152–153
Гусева Н.В. Исследователи о марийской малой прозе периода Великой Отечественной войны 154–157
Ермакова Г.А. Особенности представления мифологического сознания в поэме П.П. Хузангая «Песни Тилли» 157–161
Ефремова Е.В. Г. Ефрушын прозыштыжо тӱжвалтӱс поэтике 161–163
Зайцева Т.И. Традиционная и авторская символика войны (на материале драматургии Е. Загребина) 163–166
Закирзянов А.М. Эхо войны в современной татарской драматургии 166–170
Иванов И.С. Шочмо литературым шымлыме паша нерген 170–172
Кириллова И.Ю. Жанровые особенности исторической трагедии в чувашской драматургии второй половины XX века 172–174
Кошаев А.В. «Сасканай» И. Смирнова как замысел марийского национального эпоса 174–176
Кудрявцева Р.А. Образ-символ Великого Белого Бога в лирическом цикле З. Дудиной «Я в тихую рощу приду» 177–181
Кузьмин Г.В. Я. Элексейнын творчествыштыже Морко кундем дене кылдалтше проблематике 182–183
Максимова О.М. Документальная основа прозы военного публициста В.В. Голубева 183–186
Медведева Т.А. М. Кудряшовын «Шем шынгалык йымалне» повестьшын сӱретлыме тӱняже 186–188
Милютина Л.В. З. Дудинан сылнымутыштыжо артист-влаклан пӧлеклышан раме ужаш (адресатын да лирике геройын образышт) 188–190
Мышкина А.Ф. Творческое наследие классиков советской литературы в русле современности 190–192
Павлова И.Ф., Семенов А.Ф. Образ ребенка-сироты в удмуртской литературе о войне 193–196
Разина Ю.Н. Творческий диапазон удмуртского писателя Г.А. Ходырева 196–199

Родыгина А.Р. Автобиографическая повесть Г.М. Пирогова «Горький мед» 199–201
Рябинина М.В. Художественный психологизм в творчестве Г. Гордеева 201–204
Савирова М.П. Исследователи об особенностях авантюрного сюжета в приключенческих жанрах чувашской литературы 205–206
Семенова Э.С. Пет Першутын раме текстыштыже пӧлеклышын да эпиграфын верышт 206–208
Смелова И.Н. Л. Яндаковын пьесылажын жанр содержаний ойыртемышт 208–210
Софронова И.В. Система образов в «Югорно» А.Я. Спиридонова 210–214
Софронова Л.В., Бояринова Г.Н. Л. Семенован ойлымашлаштыже ава да икшыве йодыш 214–215
Федорова Л.П. Инварианты любовной лирики в творчестве удмуртских поэтов-фронтовиков 215–219
Федосеева Н.А. Тема сиротства в марийской литературе 1920–1930-х годов 219–220
Хайруллин Р.З. Традиции русской литературы в стихотворении Кузебая Герда «Буран в деревне» 221–224
Шеянова С.В. Сон как форма вторичной условности в художественном континууме романа Е. Четвергова «Ванечка» 225–227
Ягодарова И.А., Бояринова Г.Н. Светлана Григорьеван поэзийыштыже идалык жап 227–229
Якимова Е.Р. Жанр исторической пьесы в чувашской и марийской драматургии 229–231
Ямбаршева А. Г., Бояринова Г.Н. Е. Юнусован йомаклаштыже кумдык тӱня 231–233
Яшметова Н.А. В. Регеж-Гороховын повестьласе проблематике (типологий ойыртем) 233–235

РАЗДЕЛ 3. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Ахметшина Г.Р., Мамонтова М.С. Практика оцифровки музейных фондов в рамках сохранения культурного наследия Республики Марий Эл 236–237
Вишнева М.А., Мамонтова М.С. История сотрудничества национальной библиотеки им. С.Г. чавайна и национального музея им. Т.Е. Евсеева 237–240
Глухова Н.Н. Численный метод анализа фольклорного стиля 240–244
Горячева М.А. Тайный язык как объект социолингвистического изучения 244–248
Григорьева С.В., Глухова Н.Н. Черландарыше мужо-влак деч шӱведыме мут-влак 248–250

Гундогдиева С.Х. Ранние тюркоязычные переводы «Гулистана» Саади 250–252
Ильина Г.Г. Улыпы в контексте фольклорно-образных параллелей Урало-Поволжья 252–256
Коваленко Е.С., Кутасова В.Е. Марийские филологи – уроженцы Советского района Республики Марий Эл 256–258
Кондрашкина Е.А. Межкультурное взаимодействие диаспоры с иноязычным окружением 258–261
Кузнецова М.Н. Сохранится ли марийский язык в XXI веке? 261–265
Кумаева М.В. Сюжеты и мотивы мансийских народных сказок 265–267
Кутасова В.Е., Окишева Х.С. Литературные музеи Моркинского района Республики Марий Эл 268–270
Макарова Т.О. Проблема иммиграции африканского населения во Францию 270–272
Михайлов В.Т. Марийское просветительство во второй половине XIX века 272–276
Михальченко В.Ю. Социально-речевая адаптация в контексте социолингвистических проблем 276–279
Мошкина О.В., Москвина Л.П. Легенды горы Карман-курык 280–283
Пенькова М.В. К вопросу о художественном своеобразии марийских преданий 283–286
Пишлёгер Кристиан Википедии на финно-угорских языках Урало-Поволжья 286–290
Пушкина Н.В. Этнографизмы в марийских драматических произведениях 1920–1960 годов 290–293
Родионов В.Г. Истоки художественного сознания уральских народов (к постановке проблемы) 293–296
Рыбакова А.А., Кадыкова Г.Н. Сохранение и развитие народных традиций (на примере деятельности студии народной марийской вышивки г. Звенигово) 296–299
Соегов М. Финно-угроведение (уралистика) глазами тюрколога 299–302
Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Марийцы и марийскоязычные СМИ (телевидение и радио) в начале 2010-х годов 302–307
Шкалина Г.Е. Культурное наследие финно-угорских народов как развитие этноэкологических проектных технологий 307–312
Яковлева О.Н. Мистико-мифологический образ Пихампара в словесном творчестве тюркских народов 313–316

РАЗДЕЛ 4. МАРИЙСКАЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФИЛОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аликова З.И. Преподавание предметов этнокультурного компонента в условиях профильной школы 317–318
Беляева З.А. Использование материалов устного народного творчества на уроках марийского языка и литературы и во внеклассной работе 319–321

Волкова З.А. Марий йылмым туныктымаште у йӧным кучылтмаш 321–323
Иванова Т.И. Инновационный подход при формировании этнокультурных компетенций обучающихся начальной школы в рамках ФГОС 323–324
Константинова В.В. Модель формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов в поликультурной образовательной среде 325–329
Константинова В.В. Научно-методические основы использования интегративного подхода в преподавании предметов, реализующих языковые права и этнокультурные потребности обучающихся 329–331
Кудрявцев В.Г., Москвина Л.П. Роль этнокультурного компонента в формировании национальной идентичности в вузовском образовании 331–335
Кудряшова М.М., Ипаева А.С., Поликарпова Л.А. Внеклассные мероприятия как средство воспитания этнокультурной толерантности школьников 335–337
Максимова Л.В. Марий йылме учебникын историйже гыч (С.М. Кушаковын 2 класслан марий йылме учебникше) 338–340
Матросова Л.С. Кафедра марийского языка и литературы Марийского государственного университета: история и современность 340–344
Никитина С.В. Калык йӱлам – йоча чоныш 345–347
Ураськина Н.И., Бусыгина Л.В. Об основных тенденциях и перспективах развития билингвального образования в общеобразовательных организациях Удмуртской Республики 347–350
Федорова С.Ю. ИКТ-технологии на уроках иностранного языка в свете требований ФГОС 351–353
Яншитова Р.Ю. Наследие ученых-лингвистов в преподавании этнокультурного компонента 353–355

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 356–362

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник статей представляет собой третий выпуск научного издания кафедры финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета по теме «Проблемы марийской и сравнительной филологии». За последние три года, в течение которых по данной теме проводились конференции и на основе их материалов готовились к изданию сборники статей, сформировалось профессиональное сообщество ученых из российских и зарубежных вузов, заинтересованных в обсуждении актуальных проблем современной филологической науки и филологического образования, готовых к широкому научному сотрудничеству.

Серия изданий «Проблемы марийской и сравнительной филологии» призвана, во-первых, освещать современные теоретические и прикладные проблемы марийской, финно-угорской, урало-поволжской филологии, во-вторых, активизировать включение марийского языкознания, фольклористики и литературоведения в актуальное поле сравнительных и междисциплинарных исследований, осуществляемых в сегодня в России и за рубежом.

Сборник составлен на основе докладов и сообщений участников III-ей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы марийской и сравнительной филологии», проведенной 30 сентября 2016 года в рамках мероприятий, приуроченных к 85-летию Марийского государственного университета.

Конференция была посвящена 85-летию со дня основания кафедры марийского языка и литературы. Кафедра марийского языка и литературы была создана 30 сентября 1931 года в Марийском агропединституте. Первым заведующим кафедрой был доцент Василий Тимофеевич Соколов. С этого времени кафедра прошла длительный путь развития в рамках Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской и Марийского государственного университета, в условиях множества структурных изменений. Кафедра, входившая в разное время в структуру историко-филологического, филологического, гуманитарного факультетов, института финно-угроведения, института национальной культуры и межкультурной коммуникации, дала начало смежным кафедрам, вышедшим из нее, имевшим финно-угорскую направленность, связанным с марийской и сравнительной филологией. В разные годы этими кафедрами руководили И.С. Галкин, Ю.В. Андуганов, И.Г. Иванов, И.С. Иванов, А.Н. Куклин, Н.Н. Глухова, О.А. Сергеев, В.Н. Максимов, С.С. Сабитов, Л.С. Матросова, Е.М. Андрианова и др. Заметим, непосредственно подготовкой конференции, по материалам которой подготовлен данный сборник статей, занималась кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, активно взаимодействуя с дирекцией института и со всеми кафедрами института, а также с учеными других подразделений университета.

В конференции «Проблемы марийской и сравнительной филологии», проведенной в рамках научных мероприятий Международной ассоциации финно-угорских университетов и Марийского государственного университета, при поддержке Министерства культуры, печати и по делам национальностей РМЭ, приняли участие в очной и заочной форме более 170 человек из российских регионов (Москвы, Марий Эл, Чувашии, Удмуртии, Татарстана, Мордовии, Югры и др.), а также Австрии, Эстонии, Туркменистана и Таджикистана. С докладами и сообщениями выступили более 50 студентов бакалавриата и магистратуры Марийского университета и других вузов России, около 20 педагогов общеобразовательных учреждений.

Открыл конференцию директор института национальной культуры и межкультурной коммуникации Р.И. Чузаев. С ключевым докладом-презентацией «Кафедра марийского языка и литературы Марийского государственного университета: история и современность» выступила заведующая кафедрой марийского языка и литературы Л.С. Матросова.

С приветственными словами и поздравлениями выступили: проректор по научной работе и инновационной деятельности, профессор А.Н. Леухин; заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей РМЭ Г.С. Ширяева; начальник управления общего и дошкольного образования Минобрнауки РМЭ О.М. Майкова; заместитель директора МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, доцент Л.Я. Григорьева; декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова, профессор А.М. Иванова; заведующая кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России Удмуртского государственного университета, профессор Т.И. Зайцева. Профком университета во главе с Л.А. Садовиной подготовил подарки и поздравил ветеранов кафедр: профессоров Н.И. Исанбаева, И.С. Иванова и Е.Н. Мустаева, доцентов З.К. Иванову, С.С. Сабитова и М.Н. Кузнецову.

С пленарными докладами выступили: научный сотрудник Венского университета (Австрия) Брэдли Джереми («Марийский язык в университетах Вены и Мюнхена: 2014–2017» – в онлайн-режиме), профессор Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова В.Г. Родионов («Истоки художественного сознания уральских народов (к постановке проблемы)» и профессор Марийского государственного университета Л.А. Абукаева («Лингвопрагматический аспект употребления марийских запретов»).

В рамках конференции работали шесть секций: «Актуальные проблемы современного марийского и сравнительно-сопоставительного языкознания», «Опыт развития национальных литератур и перспективы сравнительного литературоведения Урало-Поволжья», «Опыт и перспективы междисциплинарных исследований в области филологии и культурологии», «Марийская и сравнительная филология в системе общего и профессионального образования», «Проблемы истории, поэтики, стилистики и функционирования марийской и финно-угорской художественной словесности», «История и современное состояние марийского языка и языков

народов Урало-Поволжья», «Проблемы межкультурной коммуникации и международных отношений». Последние три секции были студенческими.

Материалы выступлений, публикуемые в данном сборнике в виде статей, разнообразны по тематике и стилю изложения; некоторые из них носят полемический характер и призывают к серьезным дискуссиям; также представлен сугубо практический опыт авторов в образовательной сфере. Все это во многом определило минимальное вмешательство редакционного коллектива сборника в стилистику авторских текстов.

При подведении итогов работы участники конференции единодушно высказались за продолжение практики проведения конференции «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (в том числе юбилейной) и публикации одноименного сборника статей по ее итогам.

Редакционная коллегия благодарит всех авторов и надеется на дальнейшее научное сотрудничество.

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МАРИЙСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Л.А. Абукаева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПОТРЕБЛЕНИЯ МАРИЙСКИХ ЗАПРЕТОВ*

В статье рассматриваются особенности функционирования марийских запретов – ойӧрӧ – с точки зрения прагмалитнгвитики. Запреты свидетельствуют об ориентации адресанта на вежливые, социально приемлемые формы выражения мысли. Ойӧрӧ регулируют отношения между человеком и природой, определяют иерархию отношений между членами этнической общности и семьи, имеют огромную воспитательную силу, выступают как одно из гармонизирующих начал, способствующих определению места человека в мире.

Ключевые слова: *лингвофольклористика, прагмалингвистика, запрет, принцип кооперации, принцип вежливости.*

Важными для прагмалингвистики являются проблемы, связанные с субъектом речи, его отношение к собеседнику, к действительности и сообщаемой информации [4]. Антропоцентрический подход связан с интерпретацией текста в аспекте его порождения и восприятия, воздействия на читателя (слушателя) [1, с. 62]. Прагматика и лингвофольклористика имеют области пересечения в исследованиях, которые касаются адресанта и адресата речи. Среди них – интерпретация речи, в частности роль контекста, ситуации, эстетический эффект высказывания и некоторые другие. В этом отношении представляется важным изучить особенности функционирования различных жанров фольклора, рассмотреть специфику их воздействия на адресата, чтобы понять, как они связывают участников коммуникации.

Данная работа является попыткой рассмотреть с указанных позиций марийские запреты – ойӧрӧ – как жанр, непосредственно функционирующий в процессе речевого взаимодействия участников коммуникации. Вклад в изучение ойӧрӧ внесли такие учение, как В. М. Васильев [5], Т. Е. Евсеев [6], С. И. Ибатов [7], Н. С. Попов [8], П. А. Апакаев [3], Р. П. Четкарева [9] и др.

Определенное время (30-е – 90-е годы XX века) по известным причинам запреты мари – *ойӧрӧ* – относили к суевериям и рассматривали как пережиток прошлого. Такой однозначно отрицательный подход не способствовал раскрытию сущности *ойӧрӧ*, в то время как запреты продолжали не только функционировать в этнокультурном пространстве, но и трансформировались, возникали новые *ойӧрӧ* по отношению к новым объектам и реалиям действительности.

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-14-12003.*

Ойӧрӧ по своей структуре представляют своеобразную формулу и состоят из двух частей. Первая часть – это собственно запрет со словом *ок /о йӧрӧ* ‘не годится’; вторая часть – лаконичное изложение последствий нарушения запрета, реже причины его существования: *Вожан чӧп меҥге йымач лекташ о йӧрӧ – шайтан капка йымач лектат* [2, с. 42] ‘Нельзя ходить под л-образным столбом – проходишь под чертовыми воротами.

Запреты обнаруживают слитность с такими жанрами, как миф, сказка, быличка, бытовой рассказ, песня. Синкретизм подтверждает и древнюю природу *ойӧрӧ*. Жанровый синкретизм отражает не только единство религиозно-философских и эстетических воззрений народа, но и в случае с запретами способствует их лучшему запоминанию.

На употребление запретов накладывают свои отпечатки закономерности речевого общения. Но эти закономерности получают весьма своеобразное воплощение. Во-первых, практически в полной мере соблюдаются «кооперативные принципы» коммуникации в естественных языках, сформулированные П. Грайсом [11]. Максима количества (сообщай столько, сколько необходимо), максима качества (сообщай то, что требуется, не говори того, что считаешь ложным), максима отношения (говори по делу) и максима способа (выражайся ясно и понятно) вытекают из общего принципа общения и определяют правила поведения субъектов речи. Они особенно актуальны при функционировании *ойӧрӧ*, поскольку запреты произносятся именно в тот момент, когда возникает ситуация нарушения установленных норм поведения.

Подавляющее большинство запретов, по данным проведенного нами анкетирования, высказываются в виде мудрого совета, наставления и рекомендации. Собеседник, обычно это старший по возрасту, не допускает грубых проявлений недовольства поведением партнера по общению. Каждый запрет разъясняется, дается толкование причины его существования или излагаются последствия нарушения: *Нойышым манаш о йӧрӧ – Юмо канашет йӧным ышта, черланет* [3, с. 42] ‘Нельзя говорить, что устал(а) – Бог предоставит возможность отдохнуть, заболеешь’.

Действие «принципа вежливости» [12, с. 107] относится к таким запретам, как *Еҥ нерген шойыч удам ойлаш о йӧрӧ – умшат пужла* ‘О человеке за спиной худое говорить нельзя – рот заболит’; *Шоныде ойлаш о йӧрӧ – еҥ ӧпке вачышкет нелын возеш* [10, с. 17] ‘Нельзя говорить, не подумав, – обида человека тяжким грузом ляжет на твои плечи’; *Еҥым шылталаш ок йӧрӧ – шкаланет савырна* [14] ‘Нельзя стыдить человека – к тебе же все вернется’.

Следующий компонент максимы вежливости – максима симпатии. Основное ее требование – сводить к минимуму антипатию и к максимуму симпатию между собой и собеседником. Она находит воплощение в таких запретах: *Еҥым кӓмыташ, рӓнчыкташ о йӧрӧ – шканет лиеш* ‘Нельзя обижать, унижать человека – все к тебе вернется’; *Окшакым, чолакым оҥарташ, воштылаш о йӧрӧ – шке тугай лийын кертат* ‘Калеку, уродов нельзя дразнить, нельзя насмехаться над ними – сам таким можешь стать’; *Шке калыкетым кӓмытен, мыскылен ойлаш о йӧрӧ – шкендым мыскылет* ‘Нельзя дурное говорить о своем народе, нельзя его высмеивать – себя высмеиваешь’. Однако не следует хвалить попусту, поскольку это портит людей – *еҥ пужла*.

Максима согласия призвана сводить к минимуму несогласие между говорящим и собеседником. Ее соблюдение можно продемонстрировать следующими примерами: *Кугыеҥлан ваштареш ойлаш о йӧрӧ* ‘Нельзя возражать старшим’; *Еҥ дене сӧйгедалаш о йӧрӧ – тӱсет шемемеш* ‘С человеком ругаться нельзя – лицо почернеет’. Функционирование таких запретов диктуется стремлением говорящего избежать отрицательную реакцию слушателя, его обиду, при этом вторая часть запрета содержит достаточно сильный психологический довод: *Ача-авалан торжа мутым ойлаш о йӧрӧ – ӱмыр мучко рыскалан от лий* ‘Родителям нельзя говорить грубых слов – всю жизнь не будешь счастлив’; *Ача-авалан икшывым шудалаш о йӧрӧ – мутет шуэш, энгек лиеш, икшыветым йомдарен кертат* ‘Родителям нельзя проклинать своих детей – сказанное исполнится, будет беда, можешь потерять ребенка’. В этническом сознании народа укрепилась вера в силу материнского слова: считается, что если мать скажет что-либо сорок раз, то это обязательно сбудется. Такой же силой обладает слово, произнесенное в свой адрес. Психология общины диктует соблюдение и такого запрета: *Еҥын йочажым шудалаш ок йӧрӧ – чыла шке йочатлан логалеш, але уныкатлан* [63] ‘Нельзя проклинать чужих детей – все обернется против твоих детей или внуков’.

Воплощение максимы скромности, которая требует минимального одобрения самого себя, можно обнаружить в подобных запретах: *Пиалет нерген гел ойлаш о йӧрӧ – шинча возеш* ‘Нельзя все время говорить о своем счастье – сглазишь’; *Икшыветым моктен ойлаш о йӧрӧ – шинча возын кертеш* ‘Ребенка нельзя хвалить – можно сглазить’. Не исключается также, что эти запреты соблюдаются и из страха перед завистью окружающих (*кӧранымаш*).

Рассмотренные запреты свидетельствуют об ориентации адресанта на конвенциональное общение и поведение, которое предполагает вежливые, социально приемлемые формы выражения мысли.

Запреты марийского народа вписаны в систему его религиозных, этических, эстетических представлений. Они регулируют отношения между человеком и природой, определяют иерархию отношений между членами этнической общности и семьи, имеют огромную воспитательную силу, выступают как одно из гармонизирующих начал, способствующих определению места человека в мире.

Литература

1. *Абукаева Л.А.* Лингвистика и фольклористика: взаимодействие и взаимосвязи // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 1. С. 61–64.

2. *Абукаева Л.А.* Ойӧрӧ: кугезе ой да илыш умылымаш. Йошкар-Ола: Марий Эл Республикын тӱвыра, печать да калык коклосе паша шотышто министерствыже, Республикысе калык усталык рӱдер, 2007. 48 с.

3. *Апакаев П.А.* Слово о народной педагогике // Марий Эл учитель. 1991. № 1. С. 86–89.

4. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3. С. 208–223.

5. *Васильев В.М.* Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск, 1927. 128 с.

6. *Евсеев Т.Е.* Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шӱведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш. 1994. 208 с.

7. Марий калык мут ден тушто-влак. Марийские пословицы, поговорки и загадки / сост. *С.И. Ибатов*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 184 с.

8. *Попов Н.С.* О некоторых обрядах и обычаях, связанных с хозяйственной деятельностью марийцев // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. Вып. 4. С. 123-138.

9. *Четкарева Р.П.* Табу народа мари в системе формирования культуры повседневности // Известия Российского государственного педагогического университета. 2009. № 109. С. 53-58.

10. *Ялаева Р.* Шуктет гын ойӧрым – илышет лиеш поро (Эрвел марийын 233 ойӧрӧжӧ). Что может спасти природу и каждого из нас? (233 табу-запрета народа мари). Йошкар-Ола, 2005. 72 с.

11. *Grice H. P.* Logic and conversation // Pragmatics / Ed. by Steven Davis. New York – Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 305-315.

12. *Leech J.* Principles of Pragmatics. London – New York: Longman Inc., 1983. P. 83–156.

13. Записи *Л. Горевой* 2015 г. от З. В. Небогатиковой, д. Токтарсола Новоторъяльского района Республики Марий Эл.

14. Записи *Н. Смородиновой* 2016 г. от Р. М. Чайкиной, 1941 г. р., д. Средний Торешкӱвар Сернурского района Республики Марий Эл.

Т.А. Албахтина
Тартуский университет (Эстония, г. Тарту)

НАЗВАНИЯ КРУПЯНЫХ БЛЮД В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена этимологии названий крупяных блюд. Проведённый анализ свидетельствует, что большая часть наименований восходит к тюркскому языковому источнику. Отдельные названия, встречающиеся в среде марийского народа, не вошли в литературный язык. К ним относятся лӓ·пӹ, пашма. Такие названия с точки зрения их произношения характеризуются как диалектные.

Ключевые слова: *марийский язык, крупяные блюда, этимология.*

Значительное место в марийской национальной кухне отводится блюдам из разнообразных круп.

Пучумушъ [Сочинения 1775, с. 63], *пучы́мы́ш* [ММ, с. 169] ‘каша’, *ри(Y»КтКА* [OTschW, с. 101] ‘пюре’, *пучымыш* [МРС 1956, с.473; ВМ, с. 219; 7, с. 109; МРС 1991, с. 274; МРС 2003, с.169; СМЯ 5, с. 379; 1, с. 469], малм. *пучӹмыш* [2, с. 202], *пу¨ӧымыш* [1, с.469] ‘каша; кушанье, сваренное из крупы’, *ри˛Тњити·А* Р ВЈр, *ри˛Y»итиА* В М ММ, *ри˛tАитиА* МК, *рѝ·˛Тњə̂тə̂А* U USj US CÜ, рВ· *˛ТњВтВА* СК Č [11, с. 2048] ‘каша из крупы’, *рù ˛Y»≈ти·А* Ob₁, *ри ˛Тњ≈тоА* (К), *ри ˛Y»≈тКА* Ob₂, *риТ‘К₀ти·А* Oka, *ри ˛Y»КтКА* Okr, *рù ˛tА≈ти·А* (MalK), *рù ˛Тњ≈ти·А, ри ˛Тњити·А* Ok, *рù· ˛Тњə̀тКА* Ms Mm₁, *ри ˛Тњи·тКА* Mm₂, *ри ˛Тњù·тК₀А* Mmu, *р≈ ˛Тњ≈т≈ А* Mwo, *рù· ˛ts≈т˭ А* Mup [TschW, с. 548] ‘каша (из ячменя)’ (Ob₁ Oka Okr Ok Ms Mm₁ Mwo Mup), *пучумуш* [МСГМЯ, с. 82] ‘каша’.

Ф.И. Гордеев слово *пучымыш* относит к иранским заимствованиям: <*пучы* (ср. яс. *basä* «похлебка», осет. *bas, basä* «суп») <др. иран. **upa-aasa-* сращение приставки *ва-ира* с корнем *as-* «есть, кушать», памир. *pasᵛ* «густой

компот из абрикосов», ишк. *вит* «кушанье из пшеничной муки, молока, масла» [2, с. 202], хотя на наш взгляд слово *пучымыш* ‘каша’ исконно марийское.

В «Словаре марийских говоров Татарстана и Удмуртии» В.И. Вершинина дано также с пометой «детское слово» *пучи̇* ‘каш(к)а’(сокращение и переделка *пучымыш*) [1, с. 468].

Немеръ [Сочинения 1775, с.63], *ньэмӹр, ньэмэр* [ММ, с. 139], *nemer* [OTschW, с. 76] ‘каша’, *Nemer* [OTschW, с. 79] ‘овсяная, гороховая каша’, *немыр* Л, Г [МРС 1956, с. 353], с.Емангаши, с. Кузнецово [СГНМЯ, с. 100], [ВМ, с. 219; МРС 1991, с. 206; МРС 2003, с.129; СМЯ 4, с. 170] ‘мучная кашица’, [7, с. 110] ‘густая мучная каша’, *н’е·мӹр* СЗ [ССЗНМЯ, с. 143] ‘каша’, *Ne'me'r* [6, с. 209] ‘каша, пюре’, *Nè·mə̂ r* P UJ C Č JT, *Nè·mər* B JP JO V K, *Neme·r* BJ BJp M MK UP USj [11, с. 1621] ‘каша (обычно из муки, но J C Č V и из крупы, P BJ BJp и из картофеля, P M из гороховой муки, UJ из проса’, *Neme·r* Ob_1 Ok, *Nèmə̨r* Ob_2, *Nèmə̀r* Oka, *Ne·mKr* Okr, *Nè·mə̀r* Ms Mm_1 Mmu, *Nè·m4r* Mwo, *Nè·mkr* Mup NW W [TschW, с. 434] ‘каша’ (Ob_2 Okr Mwo W_2), (из муки) (Ока), (из овсяной крупы) (NW), (приготовленная из овсяной крупы с молоком) (Ms), (из пшеничной муки с молоком) (Ms NW), (из ячменя) (Okr Mmu Mup), (из ячменной муки, которую едят, смешивая с маслом (W_1); молочный суп (Ob_2), (из любого вида муки) (Ok), (из овсянки) (Ob_1 Mm_1), *н’е̇мыр*, уст.*н’еме̇р*, *н’ы̇мыр* [1, с. 375] ‘жидкая кашица(пюре, болтушка или жидкое варево) из овощей; болтушка из муки’, *н'эмыр* [МСГМЯ, с. 17] ‘кисель’ < чув. *mĭmkr, nĭmkr* [OTschW, с. 79; TschW, с. 434].

В горном наречии марийского языка значение слова *немӹр* намного шире. Употребляясь с уточняющими словами *немӹр* образует новое понятие [10, с. 33]:

1) *пушты немӹр* ‘каша из пшеничной крупы со ржаной мукой пополам’. В настоящее время этим словом называют и обычную кашу- *шӹрӓш немӹр* (букв. крупяная каша);

2) *крахмал немӹр* ‘кисель’;

3) *тури немӹр* ‘пюре, толченый картофель’, *мӧр немӹр* ‘ягодное пюре’.

В значении ‘каша’ употребляется также *нӧнчык* ‘тесто; хлебный мякиш’, но только в том случае, если имеется уточняющее слово: *пурсанӧнчык* [СМЯ 5, с. 361] кул. ‘гороховая каша’.

В будни варили каши на воде или молоке, а на праздники в каши добавляли мясо, сало или же варили на мясном бульоне.

Для каши использовали крупу всех зерновых культур. Самыми распространенными были каши из овсяной крупы *шӱльӧ пучымыш,* ячменной *шож пучымыш* и пшенной *тар пучымыш, вире пучымыш.*

Марийцы готовили также кашу из гороховой муки и чечевицы: *пурса немыр, пурса кышал* [7, с.110] ‘каша-пюре из гороховой муки’, *яшмык пучымыш* [СМЯ 10, с. 256] ‘чечевичная каша’.

Позже стали готовить гречневую, картофельную и тыквенную каши с добавлением муки: *шемшыдаҥ пучымыш* [СМЯ 5, с. 379] ‘гречневая каша’, *пареҥге немыр* [СМЯ 4, с. 170] ‘картофельное пюре’, *кавун немыр* [МНБ, с. 39; 10, с. 26] ‘тыквенная каша’.

Каши варили из самой разной крупы и муки, иногда с добавлением овощей: *пшона немыр* [СГНМЯ, с. 100], *tarAüraA-Nètə̂ r* UJ [11, с. 1622]

‘пшенная каша’, *пушто немыр* [СМЯ 5, с. 391] ‘каша из толокна’, *ложа˙ш н’е˙мыр* [1, с. 376] ‘мучная болтушка’, *ковста˙ н’е˙мыр* [1, с. 376] ‘жидкое варево из капусты’, *шӱ˙л’ӧ н’е˙мыр* [1, с. 376] ‘жидкая овсяная каша’.

Меню марийской кухни расширилось и за счёт русской кухни. Марийцы стали готовить *манный пучымыш* [СМЯ 4, с. 19] ‘манная каша’, *рис пучымыш* [СМЯ 6, с. 56] ‘рисовая каша’.

В горном наречии марийского языка в значении ‘каша’ употребляется слово *шӹрӓш,* которое в литературном языке употребляется в значении ‘крупа’: *манный шӱраш* Г [СГНМЯ, с. 89] ‘манная крупа, манная каша’, *пшона шӹраш* [СГНМЯ, с. 218], *прос шӹраш* [СГНМЯ, с. 126] ‘пшено; пшенная каша’

Шӱрӓш [ММ, с. 280], *ш̡·рӓкш* СЗ [ССЗНМЯ, с. 294], *шӱраш* [МРС 1956, с. 746; СМЯ 9, с. 416] ‘крупа’, *шӹрӓш* Г [СМЯ 9, с. 416] ‘каша; кушанье из сваренной крупы’, *шӹраш* [СГНМЯ, с. 218] ‘крупа; каша’, *АӱгӓА* Р В, А*ш*гӓ·*А* М, *Аӱsм·А* МК, *Аӱra·A* U СӰ, *Аӱra·kˠA* СК, *Aŋ̱rà·kˠA* Č, Aŋ̱·*rakˠA* ЈТ, *Aŋ̱·räkˠA* JO V, *Ак·räA* К [11, с. 2620] ‘крупа’< ф.-п., ср.: ф. *suurima* ‘крупа’, эрз. *sʹuro,* мокш. *сёра* ‘хлеб (в зерне)’ [КЭСК, с. 274].

Распространенным блюдом, особенно в северных и центральных районах края, являлся кисель, который называли *кышал.*

Кишалъ [8, с. 102], *кӹшал, ксал, кӹсал* [ММ, с. 79], *kˀsal, kKAal* [OTschW, с. 60], *кӹшал* Г (МРС 1956, с. 278; СМЯ 3, с. 281], *кышал* [МРС 1956, с. 278; МРС 1991, с. 160; МРС 2003, с. 100] ‘кисель’, [7, 110] ‘овсяной кисель’, *кӹ·шӓл* СЗ [ССЗНМЯ, с. 110], *кыса˙л* [1, с. 262] *уст.* ‘кисель; тесто’, *кӹшӓл* [10, с. 32] ‘каша из гороховой муки’, *кӹсӓл* [1, с. 267] ‘овсяной кислый кисель (подговор деревни Верхняя Иж-Бобья (Пови) Малопургинского р-на Удм.)’, *kə̂sa·l* Р В ВЈ М ММ, *ккsч·l* ВЈр, *kiSa·l* МК UP USj US, *kˀša·l* UJ, *kKša·l* С Č, *kK·šal* ЈТ, *кк·шӓl* JO K [11, с. 755], *kKsa·l* Ob₁ Okr, *kKsal, ksal* Ob₂, *kiS̩a·l* Ok, *kKAa·l* Ms Mm Mmu, *k4Aal* Mwo, *kKAal, kAal* Mup, *кк·Аӓl* NW W₁ [TschW, с. 324] ‘кисель’ < рус. [OTschW, с. 60; TschW, с. 324; 1, с. 267].

А.Н. Куклин пишет: «Слово *кышал* относится к числу ранних заимствований. Не исключено, что оно было воспринято в начальные этапы историко-культурных взаимосвязей марийского народа с русским. Об этом весьма наглядно свидетельствует особенность адаптации старорусизмов. В ранних русских заимствованиях свистящий согласный ***с*** языка-источника на марийской почве перешел в шипящий звук ***ш***. Например: ***русъ-*** мар. ***руш***. Слово *кышал* в современном марийском языке означает пищу, приготовляемую из простокваши и толокна или овсяных отрубей. Кышал готовят также из крахмала, доводя до густой консистенции, и подают со сливочным маслом. Слово *кисель,* сохранившее фонетический облик языка-источника, появилось в словарном составе марийского языка сравнительно недавно как вторичное заимствование. Оно не дублирует значение слова *кышал,* а имеет иную семантику и означает кисель жидкой консистенции, приготовляемый для питья из процеженных отжимок различных ягод» [4, с. 38].

Подобно русским, марийцы варили также кисели из овсяного ситева *шӱльӧ кышал* и гороховой муки *пурса кышал.* Такой кисель готовили следующим образом. С вечера замачивали овсяную муку мелкого помола. Полученное жидкое тесто процеживали через сито. Затем полученное тесто ставили на огонь, доводили до кипения и варили 7–8 минут до загустения. В

горячем виде подавали со сливочным маслом, а в холодном виде-с топленым или растительным маслом.

Одним из традиционных блюд марийцев было *пушто* ‘толокно’, которое варили из смолотого солода *полто.*

Пушто [ММ, с. 170; МРС 1956, с. 475; ВМ, с. 219; 7, с. 110; МРС 2003, с. 170], *puAto* [OTschW, с. 100], *пу·што* СЗ [ССЗНМЯ, с. 174; 1, с. 473] ‘толокно’, *пушты* Г [МРС 1956, с. 475] ‘ячменная крупа (особо приготовленная)’, уст. [СГНМЯ, с. 127] ‘каша из ячменной крупы’, [СМЯ 5, с. 391] ‘толокно (мука и кушанье)’, [10, с. 33] ‘каша из пшеничной и ржаной муки’, *pušto* P B M UJ C Č, *pu·štB* МК V, *pù·štK* UP JO K, *pu·što* JT [11, с. 2040] ‘каша из перловой крупы’ (JT K), ‘засушенное толокно’< иран. [12, с. 93].

Толокно получали из овса или ячменя, которое замачивали, выпаривали и просушивали в печи. Полученное зерно толкли в ступе или мололи на мельнице.

У горных марийцев *пушты* делали из овсяной муки, горячей воды, масла и соли. Постояв определенное время, эта масса густела и уже называлась *чуҥга* [10, с. 27]. Надо отметить, что *пушты* – главное обрядовое блюдо горных мари. Его варили в хлебный спас 1 августа, при окончании мельничного запруда, после очистки колодца от тины и т.д. Эту кашу варят и в настоящее время, но уже из пшена.

Из толокна готовили горячие и холодные блюда. Обычно толокно заваривали на воде, получая горячее кушанье. Иногда из толокна делали холодную болтушку, замешивая на простокваше или воде. Такие болтушки чаще делали летом, в жаркую погоду. Толокно, замешанное на простокваше называли *пушто лапаш,* а на воде – *йӱштӧ пушто.*

По мнению исследователей, толокно было популярным блюдом и среди русского населения бывшей Вятской губернии (современной Кировской области), которых даже называли «толоконниками» [5, с. 148].

Широко употребительным блюдом в летний период были болтушки *лапаш.*

LapaA [OTschW, с. 62] ‘похлебка’, *лапаш* [МРС 1956, с. 281; МРС 1991, с. 164; МРС 2003, с. 102] ‘кушанье из простокваши и толокна’, [7, с. 111] ‘болтушка на простокваше или сливках из овсяной, ячменной или пшеничной муки’, Л, В бр., клтс. [3, с. 97] ‘похлебка’, *лӓ·пӓш* СЗ [ССЗНМЯ, с. 113], *лапаш* [СМЯ 3, с. 304] ‘похлёбка из муки или толокна, разведённого на воде, молоке и т. п.’, [МСГМЯ, с. 71] ‘кисель’, *lapa· A* P B BJp U C Č, *la· paA* JT, lapa·s M, *lч· рчA* JO [11, с. 1176-1177] ‘болтушка’, размешивают простоквашу с толокном (P, B, UJ), *лапа̑ш* [1, с. 273] ‘каша из муки; болтушка, полужидкое месиво’ < тат. *лапша,* мишар. *лакша, лӓкшӓ,* др.-тюрк. *лакша* [OTschW, с. 62; 3, с. 97].

Лапаш готовили из толокна, овсяной, ячменной, пшеничной и др. муки на простокваше или пахте: *pušto-lapas* M, *pušto-lapaš* CÜ JT, *pùštB-läpäš* JO [11, с. 2041] ‘овсяная каша из засушенного толокна’, *puštK-loXaš-lapaš* UP, *pušto loš lapaš* UJ [11, с. 2041] ‘каша из засушенного толокна’; *шӱльӧ лапаш* [7, с. 120] ‘болтушка из овсяной муки’; *шыдаҥ лапаш* [7, с. 120] ‘болтушка из пшеничной муки’; *pBrsa-lapaš* CK [11, с. 2031] ‘гороховое пюре’. Иногда такую болтушку готовили из ягод: *è\ə̂X-lapaA* [11, с. 275] ‘малиновая каша’; *mòto-lapaA* CÜ [11, с. 1480] ‘черничная каша’.

В северо-западном наречии марийского языка понятие «болтушка» передается лексемой *пашма* [ССЗНМЯ, с. 157].

Болтушку на муке называли *пуламык.*

Пуламы̆к Л [ММ, с. 166] ‘род киселя’, *пуламык* [МРС 1956, с. 467; МРС 1991, с. 269; МРС 2003, с. 166; СМЯ 5, с. 319] ‘болтушка (из муки)’, Л, В блтч. [3, с. 121] ‘болтушка, мучная кашица’, *быламык* В [ЭСМЯ, с. 252] ‘мучная каша’, *pulà·mKk* СЎ, *plà·mKk* СК [11, с. 1994] ‘каша из толокна; кисель (СЎ)’, *pulà·mKk* Mm_1, *plà·mKk* Mup [TschW, с. 554] ‘овсяная каша’ < тат.*боламык* ‘мучная каша’ [ЭСМЯ, с. 252; 3, с. 121; TschW, с. 554]. Ср.: кирг. *буламык,* чагат. *буламык* [3, с. 121].

В северо-западном наречии марийского языка болтушку из муки, взболтанной на молоке, называют *лä·пӹ* [ССЗНМЯ, с. 113; СМЯ 3, с. 322].

Такие мучные каши с различным способом приготовления встречаются в традиционной кухне многих тюркских народов [9, с. 82–83].

К традиционным блюдам относятся различные кушанья с использованием конопляного семени. Из него отжимали растительное масло, использовали в качестве начинки для пирогов и ватрушек, варили суп и кисель.

Одним из любимых блюд были колобки из толчёного конопляного семени и хлебного мякиша, которые назывались *нӧшмӧ нӧнчык* [СМЯ 4, с. 207] ‘смесь хлебного мякиша с конопляным семенем (кушание)’, *нӧшмытуара* [СМЯ 4, с. 213] ‘кушанье, изготовляемое в виде лепёшки из конопляного семени и хлеба’, *нӧшмӧ чумга* [МРС 1991, с. 210] ‘смесь толчёного семени с мякишем в виде шариков’ или *нӧшмӧ чуӈга* [СМЯ 8, с. 435] ‘биточки из толчёных семян’.

Таким образом, значительное место в марийской национальной кухне отводилось крупяным блюдам. Крупы добавляли в супы, использовали в качестве начинки для пирогов и слоёных блинов, варёных колбас и биточков с кровью. Из зёрен ржи, ячменя, овса делали солод, который использовали при изготовлении домашнего пива и толокна. Широко использовалось в прошлом конопляное семя, из которого выжимали масло *нӧшмӧ ӱй,* толчёным семенем заправляли суп, использовали в качестве начинки для пирогов, ватрушек, слоёных блинов.

Сокращенные названия языков и диалектов:

блтч. – балтачевский говор, ***бр.*** – бирский говор, ***В*** – восточное наречие марийского языка, ***др. иран.*** – древнеиранский язык, ***др.-тюрк.*** – древнетюркский язык, ***Г*** – горное наречие марийского языка, ***клтс.*** – калтасинский говор, ***Л*** – луговое наречие марийского языка, ***мишар.*** – мишарский диалект татарского языка, ***мокш.*** – мокша-мордовский язык, ***ишк.*** – ишкашимский язык, ***памир.*** – памирские языки, ***осет.*** – осетинский язык, ***СЗ*** – северо-западное наречие марийского языка, ***тат.*** – татарский язык, ***ф.*** – финский язык, ***чув.*** – чувашский язык, ***эрз.*** – эрзя-мордовский язык, ***яс.*** – ясский язык.

Сокращения названий диалектов
в «Mari nyelvjárási szótár» (Savariae, 1997–2011) Э. Беке
и «Grundzüge der Tscheremissischen Sprachgeschichte II» (Szeged, 1992) Г. Берецки:

B = дер. Вашинга Бирского уезда Уфимской губернии
BJ = дер. Стараъяш Бирского уезда Уфимской губернии

BJp = дер. Красный Ключ Бирского уезда Уфимской губернии
CČ = дер. Чихайдарово Царевококшайского уезда Казанской губернии
CK = дер. Кӱшнур Царевококшайского уезда Казанской губернии
CÜ = дер. Ӱшӱттӱр Царевококшайского уезда Казанской губернии
Č = дер. Кугу- Моламас Чебоксарского уезда Казанской губернии
ČN = дер. Сминцы Чебоксарского уезда Казанской губернии
JK = дер. Кубер-сола Яранского уезда Вятской губернии
JO = дер. Отюково Яранского уезда Вятской губернии
JP = дер. Покшта Яранского уезда Вятской губернии
JŠ = дер. Шуар-Мучаш Яранского уезда Вятской губернии
JT = дер. Туршо-Мучаш Яранского уезда Вятской губернии
KA = дер. Архипкино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KJ = дер. Еласы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KK = дер. Замятино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KM = дер. Микряково Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KN = дер. Высоково Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KŠ = дер. Шиндиръялы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
KČ = дер. Чулъенево (?) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии
M = дер. Тошто-ял Малмыжского уезда Вятской губернии
MK = дер. Карманкино Малмыжского уезда Вятской губернии
MM = дер. Мамаково Малмыжского уезда Вятской губернии
P = дер. Сарси Красноуфимского уезда Пермской губернии
UJ = дер. Средний Ядыкбеляк Уржумского уезда Вятской губернии
UP = дер. Петрушин Уржумского уезда Вятской губернии
US = дер. Нижняя Сукса Уржумского уезда Вятской губернии
USj = дер. Сабуъял Уржумского уезда Вятской губернии
V = дер. Арба Ветлужского уезда Костромской губернии

Сокращения названий диалектов в «Tscheremissisches Wörterbuch» (Helsinki, 2008) Арто Моисио и Сиркка Сааринен:

O = восточный диалект
NW = северо-западный диалект
M = луговой (средний) диалект
W = западный (горный) диалект
Ob_1 = Бирск, Чураево (Ю. Вихманн)
Ob_2 = Бирск (М. Рясянен)
Oka = Калтаса, Чашкино (Э. Итконен)
Okr = Красноуфимск, Нижний Потам (А. Генетц)
Ok = Большой Кильмез (Ю. Вихманн)
Ms = Сернур (Ю. Вихманн)
Mm_1 = Морки (Ю. Вихманн)
Mm_2 = Морки (В. Поркка)
Mm_3 = Морки (Т. Э. Уотила)
Mmu = Мари Ушем (Э. Итконен)
Mwo = волжский диалект, Красный Яр (Э. Итконен)
Mup = Упша (Ю. Вихманн)
NW = Яранск (Ю. Вихманн)
W_1 = Козьмодемьянск, Еласы (Ю. Вихманн)
W_2 = Козьмодемьянск, Ятыково (Э. Итконен)
Ob_1+ Ob_2= Ob

Ob+ Oka+Okr+Ok= O
Mm_1+ Mm_2 +Mm_3=Mm
Mm+Mmu+Mwo+Mup= M
W_1+ W_2= W

Сокращения:

ВМ – Восточные марийцы: ист.-этногр. исследование матер. культ. (середина XIX – начало XX вв.), Йошкар-Ола, 1975; **КЭСК** – Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970; **ММ** – Марий мутэр: тӱрлӧ вэрэ илышэ марийын мутшым таҥастарэн нэргэлымэ книга. М., 1926; **МНБ 1963** - Николаев С.Н. Марийские национальные блюда. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1963; **МРС** – Марийско-русский словарь. М., 1956; **МРС 1991** – Марла-рушла мутер = Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 1991; **МРС 2003 –** Васильев В.Н., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола, 2003; **МСГМЯ –** Моркинско- сернурский говор марийского языка: коллект. моногр. / Мар. гос. ун-т; Л.И. Барцева, В.Н. Васильев, И.Г. Иванов, Л.С. Матросова, З.В. Учаев. Йошкар-Ола, 2012; **СГНМЯ** – Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола 1981; **СМЯ 1-10 –** Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1990–2005. Т. 1–10; **Сочинения 1775** – Сочинения, принадлежащія къ грамматикъ черемискаго языка. СПб., 1775; **ССЗНМЯ** – Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола, 1971; **ЭСМЯ –** Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1 (А–Б). Йошкар-Ола, 1979; **OtschW** – Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948; **TschW** – Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 2008.

Литература

1. *Вершинин В.И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии, Йошкар-Ола, 2011. 794 с.
2. *Гордеев Ф.И.* Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 180-202.
3. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч 2: Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994. 208 с.
4. *Куклин А.Н.* Семантический сдвиг в условиях двуязычия (на примере мордовских и марийских языков) // Современные проблемы мордовских языков. Саранск, 1991. С. 36–42.
5. *Маслова Г.С., Станюкович Т.В.* Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. ТИЭ. Т. 57. М., 1960.
6. *Сельдюкова А. Т.* Прибельский диалект марийского языка: науч. издание. М.-Калуга: Изд-во «Эйдос», 2011.
7. *Сепеев Г.А.* Традиционная пища луговых марийцев // Материальная и духовная культура марийцев. Археология и этнография Марийского края. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1981.
8. *Смирнов И.Н.* Черемисы: ист.-этногр. очерк. Казань, 1889.
9. *Хайрутдинова Т. Х.* Названия пищи в татарском языке. Казань, 1993. 139 с.
10. *Юадаров К.* Марийская крестьянская кухня. Йошкар-Ола, 2003.
11. *Beke Öden*. Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Köt. I–IX. Savariae, 1997–2001.
12. *Bereczki Gábor*. Grundzüge der tscheremissischen sprachgeschichte II. Szeged, 1992. 154 s.

Л.В. Александрова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

С.Г. ЧАВАЙНЫН СЫЛНЫМУТЫШТЫЖО КУЛЬТУРОЛОГИЙ СЫНАН ЛЕКСИКЕ ОЙЫРТЕМ

Статья посвящена изучению лексики С.Г. Чавайна историко-культурологической направленности в аспекте ее семантики, видов, этимологии и словообразовательных моделей.

Ключевые слова: *язык С.Г. Чавайна, лексика историко-культурологической направленности, семантика, виды, этимология, словообразование.*

Шочмо йылме – кеч-могай калыкынат эн шерге поянлыкше. Марий калыкын илыш-йӱла дене кылдалтше мут понлыкшым але мартеат кӱлеш семын шымлыме огыл. Тиде проблемым рашемдаш Сергей Чавайнын сылнымутшо полшен кертеш. Марий классикын произведенийлаштыже шочмо калыкшын илышыже, акрет годсо пайремлаже да йӱлаже, вургем чийыме ойыртемлаже тичмашын сӱретлалтыныт.

С. Чавайнын сылнымутыштыжо вашлиялтше материальный да духовный тӱвыраж дене кылдалтше шомак-влакым семантике шот тыге тӱшкалаш лиеш:

а) тӱрлӧ пайрем, кумалтыш лӱм-влак: крешне, кугече, кумалтыш, пайрем, семык, сорта изарня, сӱан, сӱрем, сӱрем ото, тӱҥото, ӱарня, черке;

б) кочкыш-йӱышым ончыктышо шомак-влак: кинде, мелна осо, ӧран, подкогыльо, пӱрӧ, сыра, туара, ӱй, шӧр-торык, эгерче;

в) вургем да тудын ужашаже; чиемым тӱзатыме тӱрлӧ ӱзгар да арвер: вӱргенчык, вынер, йыдал керем, кузык вургем, кумалтыш тувыр, мыжер, портышкем, сывын, теркупш, тӱргандра, шарпан, шарупш, шовыр;

г) чием ышташ кучылтмо арвер ӱзгар: тасма, тӱр;

д) тӱрлӧ семӱзгар: гармонь, кӱсле, тӱмыр, шӱвыр, шӱвырон;

е) илыш йӱла, илыш ойыртем да тулеч моло шомак-влак: вуй пулчышо вате, йӱла, пазар, почеш толшо вате, пӱраш вате, рекрут, савуш, солык пуышо вате, сӱанвуй, сӱанмарий, тӱрменге, уна, шӱвырзӧ;

ж) ате лӱм: ний лаче;

з) саркурал: керде, лӧлӧ, пистон, секир, умдо;

и) суртышто да озанлыкыште кучылталтше тӱрлӧ тарман, ӱзгар да тулеч моло лӱм-влак: орва шӱдыр, сапондо, тегыт, кашка, шӧрлык;

й) тӱрлӧ кушкыл: паренге, чунгыла;

С. Чавайнын мутшо-влак тӱрлын чоҥалтыт. Апеллятив-влак чоҥалтме йӧнышт дене кум кугу тӱшкалан шелалтыт:

1) простой апеллятив-влак: вӱргенчык, вынер, гармонь, йыдал, керде, керем, комдо, кумалтыш, кӱсле, лӧлӧ, ӧран, пистон, пӱрӧ, рекрут, савуш, сандаль, секир, семык, солык, сорта, сӱан, сӱрем, сывын, сыра, тасма, тегыт, туара, тӱмыр, тӱр, ӱштӧ, шовыр да т.м.;

2) сложный лӱм-влак але апеллятив-композита-влак: кугече, ончылшогышо, теркупш, тӱргандра, ӱарня, сӱанвуй, сӱанмарий да т.м.;

3) составной этнографизм-влак: веҥе тувыр, вуй пулчышо вате, сорта изарня, сӱрем ото да т.м.

Материальный да духовный культур дене кылдалтше шомак-влакын этимологийышт марий калыкын эртен кодшо историйжым рашемдаш полшат. Икмыняржым ончал лектына.

Веңе тувыр – составной апеллятив. Веңе тувыр – ‘зятьев рубашка’. *Веңе* ‘зять’ – урал кугезе йылме годсо шомак, танастарыза тудын акрет годсо сынжым да родо-тукым йылмыласе пелашыжым: **wäŋз* > финн *vävy*, эстон *wäi*, эрзя-мордва, мокша-мордва *ов*, хант *woŋ, weŋ*, венгр *vo (veje),* ненец *wij* [3, с. 41]. *Тувыр* ‘рубашка, рубаха, сорочка’ – одежда из лёгкой ткани, надеваемая на верхнюю часть тела [2, с. 229]. *Тувыр* финн-угор кугезе йылме годсо шомак, танастарыза: удмурт *дэра* ‘холст’; *döra; дэрем, dörem*, ‘рубашка’; коми-зырян *дӧра* ‘холст, ткань, материал (предназначенный для одежды), холстина’; хант *tāɣār, tōɣār, tāɣr* ‘кольчуга’ [1, с. 96]. *«Тугеже, авай, веңе тувыр тӱрлаш иктаж-кӧм весым кычкыралаш возеш»* (С. Чавайн. «Акпатыр» драма) [6, с. 54].

Вӱргенчык – простой апеллятив. *Вӱргенчык* ‘платок, покрывающий голову невесты’ < кугезе чуваш *пӗркенчӗк (пӗркен* – ‘покрываться; закрываться ’ *+ -чӗк),* танастарыза у уйгур йылмын тарин диалектысе *пӱркän – (пӱркä + -н)* ‘закрываться вуалью’, *пӱркäнци* ‘вуаль’; хакас йылмын сагай диалектысе *пургäн* – ‘покрываться’ [4, с. 1] шомаклам. Кивитка кӧргыштӧ вӱргенчык йымалне Окавий шинча» (С. Чавайн. «Окавий» [5, с. 118]. Шернур подговырышто ты шомакын фонетический вариантше *пыргенчык*.

Илыш вашталтме дене шомак-влакат вашталтыт, шке сынышт ден семантикыштымат весемдат але йӧршешлан йомыт. А тыгай шымлымаш мут-влакын кузе лиймыштым, кунам кучылтатлмыштым рашемда да нуным курымешлан аралеи кодаш полша. Калык йӱлам сӱретлыше шомак-влакым шымлымаш, шочмо йылмын мут поянлыкшым, тудын пойдаралт шогымыжым эскерымаш – тиде пеш кӱлешан паша.

Литератур

1. *Лыткин В.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

2. Марий мутер. Т. 7 / МарНИИ. Йошкар-Ола: Мар. кн. из-во, 2002. 432 с.

3. Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1974. 484 с.

4. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саранк. ун-та. 1990. 336 с.

5. *Чавайн С.Г.* Возымыжо кум том дене лукталтеш. 1-ше т.: Поэзий, проза. Йошкар-Ола: Кн. лук. мар. изд-во, 1980. 318 с.

6. *Чавайн С.Г.* Возымыжо кум том дене лукталтеш. 2-шо т.: Публицистика, очерк, пьесе-влак. Йошкар-Ола: Кн. лук. мар. изд-во, 1980. 427 с.

Е.М. Андрианова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Н.С. МУХИНЫН СЫЛНЫМУТЫШТЫЖО ТӰП РОДО-ТУКЫМ ТЕРМИН-ВЛАК КУЧЫЛТАЛТМЕ ОЙЫРТЕМЫШТ

Термины родства и свойства относятся к одному из архаичных пластов лексики и являются одним из важнейших лексико-семантических групп словарного

фонда любого языка. В статье подверглись анализу термины кровного родства, встречающиеся в произведениях марийского писателя Н.С. Мухина.

Ключевые слова: *марийский язык, лексикология, термины кровного родства, лексико-семантическая группа.*

Статьяште Н.С. Мухинын сылнымутан произведенийлаштыже вашлиялтше родо-тукым коклаште кучылталтше термин-влак лончылалтыт. Ешыште, еш-влак коклаште кучылталтше родо-тукым термин-влакым шке жапыштыже С.Г. Чавайн ден М. Шкетанын произведенийлаштышт лончылен лекме.

Мутвундын ты лексике-семантике тӱшка йылмыште ик эн тоштылан да вашталтдымылан шотлалтеш. Туге гынат, марий йылмыште нуным шергалын лекташ гын, палемдаш лиеш: тачысе кечын ты тӱшкашке руш йылме гыч шагал огыл шомак пура. Марий писатель да поэт-влакын сылнымутан произведенийлаштышт тиде ойыртем пеш огеш шижалт, содыки марла возымаште шке тӱп марий термин-влакым кучылташ тыршат. XX курым тӱҥалтышым XXI курымын тачысе кечылаж дене танастараш гын, ты системыште ме ойыртем-влакым ятырак палемден кертына.

Н.С. Мухинын сылнымутан произведенийлаштыже родо-тукым коклясе кылым ончыктышо шомак-влакым шуко палемдаш лиеш. Ты тӱшка шомак-влакым тудо мастарын да кумдан кучылтын. Еш, родо-тукым коклаште кылым ончыкташ марий йылмыште, моло йылмыла дене танастараш гын, ойыртем шагал. Ешыште посна еҥ-влак коклаште ме икгай кыл-влакым ончыктена, мутлан, ача-ава да шочшо, шочшо-влакын икте-весе коклаште кылышт да т.м. Тудын чотшо гына тӱрлӧ амаллан кӧра вашталтеш. Родо-тукым коклясе кылым ончыктышо шомак-влакым ныл тӱшкаш чумыраш лиеш: тӱп родо-тукым термин-влак, тӧп огыл родо-тукым термин-влак, иктешлыше родо-тукым термин-влак, «приобретенный» родо-тукым термин-влак. Н.С. Мухинын сылнымутыштыжо вашлиялтше палемдыме тӱшка-влак кокла гыч ик тӱшкажым – тӱп родо-тукым термин-влакым – лончылен лектына.

Кеч-могай ешынат кышкарже – ача ден ава. Марий йылмыште *ача, ава* термин-влак чӱчкыдын да кумдан кучылталтше мут улыт. Нунын кучылталтме ойыртемышт лач вокатив формышто гына палемдалтеш. Н.С. Мухинын сылнымутан произведенийлаштыже литератур йылмыш пурышо термин-влак вашлиялтыт. Ача, ава терминла дене кылдалтше тыгай пример-влакым ончыкташ лиеш, мутлан:

Ача. – Игем-шамыч! / Те, шинчыде, тыге ласкан маледа, / Эрла эрак, кече лекде, / Тендам кода *ачада* [1, с. 242–243]. Васлийын *ачаже*, Микал кугыза, гына шып эртен ок керт… [3, с. 247]. *Ачий* колыш ондак пеш, / Изи кодым тулыкеш [3, с. 99]. Ток икшыван *ача* семын / Пӱртӱс дечын мый йодам [1, с. 7]. Тайра. Чылтак утышым, ужат, *ачий* [3, с. 110].

Шке шочмо ача огыл гын, марий йылмыште тиде кылым ончыкташ икмыняр термин уло. Н.С. Мухинын пашаштыже *изача* термин кучылталтын, мутлан: *Изачамже* вашлиеш – Путырак шыдын коеш [3, с. 99].

Ава. Ава ужеш: эргыже окмак ушан лийнеже [3, с. 81]. *Авияк* керте, *авийымак* колыштараш ыш лий [3, с. 124]. Маюк. Ой, *авайжат*! Тыйже шкежат

пеш орланет, да эртышым пӧртылташ ок лий [3, с. 161]. Микал. *Авий*, совлат кушто? [2, с. 159].

Ача-аван шочшыштым тӱрлӧ шомак полшымо дене ончыкташ лиеш. Тидын годым иктешлен каласыме значениян шомак-влак кокла гыч *икшыве, шочшо, йоча* терминым палемдыман. Мутлан: Тулыкеш кодшо *икшывыже* / Ачажым шонен шорталеш! [3, с. 100]. Ойган марий вуймучашке / *Икшывыж* дек шинчалеш, / утен шортеш шер теммешке, / тыгай мутым ойлалеш… [1, с. 29]. Воштыл-модын, *йочаштат* / Уремыште курҗталыт, / Кечын кушкыт, виянгыт [3, с. 86]. Пагыт эрта, / Коктын лийын, / *Шочшо* шочеш ий гыч ийын [3, с. 86]. Вич *шочшыжо,* ватыже – / Улмаш тудын ешыже [3, с. 85].

Пӧле ойыртем дене кок термин кучылталтеш – *эрге* да *ӱдыр*. Мутлан: Метрий. *Ӱдырем,* теве ачат ой тӌрысеш толеш: тунемшылан кает гын, поро чечен илышым ужат, илышетат мемнан деч умылышанрак, арурак лиеш [3, с. 105]. Метрий. Адакшым Тайра мыйынат *ӱдырем* огыл мо? *Эрге* ачалан тупуй ой дене илыман огыл!.. [3, с. 250]. – Мо тыгай? Ӱлыл мучаште мом толашат? – манын, Юзай, шотанрак енгын *капеш шушо эргыже,* шке капкашт ончылно шогышыжла колыштеш, вара ӱлыкыла ошкылеш [3, с. 254]. Эрге-шешке шумешке, ваш-ваш коктын йӧратен, кум икгае *эргымат* ыштал, нуно куанат [3, с. 86].

Тиде лексике значенийым почын пуаш автор тыгак моло шомакымат кучылтеш. Нине шомак-влак шочмо икшыве значенийым посна предложенийыште гына почын пуат, шке тӱҥ значенийышт дене нуно весе улыт. Примереш тыгай предложений-влакым ончыкташ лиеш: Изи *ноньой-шамычшат* Паренгым вел кочмыштлан Кушкыт лочо мӱшкыран [3, с. 90]. Тиде марийын *игыжат* Лӧза, виян кушкалыт, Кукшо курим иканат Уке кочмаш, тӧрштылыт [3, с. 89]. Матра. Малаш вочшаш, *ньога-влак* [2, с. 169]. Посна поян ешысе йочам ончыкташ писатель *ситмыж* мутым кучылтеш, мутлан: Поян *ситмыж* мемнан гай йорло енгым эре ондалашак шонен коштыт [3, с. 245]. Ошкылеш – савырна, Толеш мӧнгеш – йӱклана: – Эй, поян *ситмыж*, Корным, вашкерак! [3, с. 104]. Тиде шомак «Марий мутерыште» тыгай значенийла дене ончыкталтеш: 1. незаконорожденный, внебрачный; тот, кто рожден вне брака; пригульный. 2. *перен*. пришлый, пришелец; чужой человек, чужак. 3. *в поз. опр.* незаконорожденный, внебрачный. 4. *в поз. опр. перен.* жадный, ненасытный [4, с. 207].

Ешыште икте деч утларак йоча улмо годым нуным ойырен каласаш манын, *кугу* да *изи* шомак-влак дене пайдаланат. Нине мут-влакым ӧрдыж ең дене мутаныме годым кучылтыт, шкешт деке йодын-каласыме годым родо-тукым терминже дене гына пайдаланат. Мутлан: Орина. *Кугу ӱдырым* пуэм да кунам сӱан деч посна шынден колтем: кугарнян толыда [3, с. 119]. …Опташ пытыш веремат, – Манын, кечын ачаж дек *Кугу эрге* толдалын, шкенжым кӱшкӧ юмо дек Чуч ок нӧлтӧ мокталын [3, с. 88]. Но *кугурак эргыжым* тӱкаш ыш тошт [3, с. 250]. Олымбал мучаште школыш коштшо *изи эргыже*, Япуш, книгам ончен шинчылтеш, коклан ачажым чоян ончалеш [3, с. 248–249]. Ындыже тудо (Микал кугыза – *Е.А.*) чылт пудештале, *изи эргыж* дек керылте: – Мо… Суртышто шоген кертман огыл мо? Изат куш каен? [3, с. 249]. Теве *изи ӱдыретым* туныктетыс [3, с. 111].

Шочын гына вочшо йочалан марий йылмыште посна термин уло – *аза*. Авторын пашалаштыже ме тидым раш ужына, мутлан: Шепкаште шып кийыше тылзаш *азажым* шепкажге пусакыш шуэн пушто вет, шӌлалтен кертде колыш [3, с. 123]. *Азаже* начар лиеш гын, адак ыле: могай ошо, аваж гаяк йытыра, лӧза ыле [3, с. 123]. *Аза* термин ӱдыр але эрге йоча улмым почын огеш пу, тиде терминыште ме пӧле ойртемым ончыктен огына керт. Марий йылмыште тиде ойыртемым палемдаш термин пелен *эрге* але *ӱдыр* мут кучылталтеш.

Эше ик ойыртемым палемдыде огеш лий. «Ушан дурак» кум сӱретан пьесыште эн изи йочаштын лӱмышт огеш ончыкталт. Ача-ава-влак шке шочшыштым *аза* шомакым кучылтын каласат, мутлан: Проси. (Микалылан. Микале – Проси ден Кондрачин кугурак эргышт – *Е.А.*) Микале! *Аза* помыжалтеш гын, рӱпшалте! [3, с. 129]. …*Азат* ыш магыре? [3, с. 129].

Икшыве шомак марий йылмыште кеч-могай йочам ончыкташат кучылталтеш, мутлан: Ой, ия кугыза, киш подеш йӧлатышашлык!.. Теве эргыже! Прамай кушкын шуын огыл – нужна *икшывым* ондалашат тӱҥалын [3, с. 245]. Уремыште ик тӱтан йыҥгыр йӱк шокта: изи *икшыве-влак*, тер тич погынен шинчын, ӧнгеш-оньыш мунчалтат [3, с. 247].

Ешыште шочшо-влак икте-весыштым ойыркалыме годым тӱрлӧ терминым кучылтыт. Нине термин-влакын значенийшкышт кок ойыртем шыҥдаралтеш: пӧле ойыртем да ийгот ойыртем. Сылнымутан произведений-влакым ончал лекмеке, тыгай термин-влакым примерла дене ончыкташ лиеш:

Иза – ойлышо але кутырымо еҥ деч кугурак ийготан эрге йоча. Мутлан: Мий, *изатым* муын тол!.. [3, с. 250]. Кушко каен *изатше*? [3, с. 85]. Маюк. *Изайланак* ӱчым ыштеныт [3, с. 159].

Шольо – ойлышо але кутырымо еҥ деч изирак ийготан эрге йоча, мутлан: Эн кугужо чояж ден, / Еҥ вӱр йӱшӧ улмыж ден / *Шольышт-влак* деч утларак / Пеш чот поен шинчешат, / Шке ачажым пийланат / Уждымо лиеш кернак [3, с. 87].

Ака – ойлышо але кутырымо еҥ деч кугурак ийготан ӱдыр йоча, мутлан: Орина. *Акат* улмо годым тунем кодшаш. *Акат* кая гын, школыш тыйым колтем – вучо [3, с. 105]. Очий. Авай! Кувавай дек мийышымат, тыгай уверым кольым: таче кастене *акай* дек Ялпан уремысе поян Кргорийын Эчанже ончаш толеш, маныт [3, с. 111].

Шӱжар – ойлышо але кутырымо еҥ деч изирак ийготан ӱдыр йоча.

Шочшылан ача-аван ачашт-авашт марий литератур йылмыште *коча*, *кова* терминла дене ончыкталтыт. Тиде кылым ончыктымо годым автор нине терминлам моштен кучылтеш, мутлан:

Коча – йочалан ача-аван ачашт. Мутлан: Тидым эргыже колмек: / – *Кочамытым* колтет, да / Терже кӱлеш мыланем, / Тыйжым мо ден мый колтем? – манын йоча пелешта [3, с. 87]. Теве тиде тукым гыч / (Шке *кочамын* ойлыма гыч) / Лектыт буржуй ден кулак / Еҥ вӱр лӧкен илыше-влак [3, с. 89].

Кова – йочалан ача-аван авашт. Марий литератур йылмыште утларак *кова* термин кучылталтеш, но шуко писатель ты термин олмеш *кувава* терминым кучылтеш. Н.С. Мухинын сылнымутыштыжат тидым ончыкташ лиеш, мутлан: Очий. Авай! *Кувавай* дек мийышымат, тыгай уверым кольым… [3, с. 111].

Н.С. Мухин еш коклясе кылым ончыктымо годым шуко термин-влак дене пайдаланен. Кызытсе пагытыште родо-тукым термин-влакын чотышт шагалем толеш. Амалже семын еш системын вашталтмыжым ончыктыман, поснак ешыште шочшо-влакын чотышт иземмашшым палемдыман.

Литератур

1. *Мухин Н.С.* Ойырен налме почеламут ден поэма-влак. 1 том. Йошкар-Ола, 1965. 204 с.

2. *Мухин Н.С.* Пьеса-влак, проза, публицистика. 2 том. Йошкар-Ола, 1968. 204 с.

3. *Мухин Н.* Ойпого, ойырен налме произведений-влак: почеламут, поэма, пьеса, ойлымаш, публицистика. Йошкар-Ола, 1990. 272 с.

4. Словарь марийского языка. Т. VI: Р–С. / *В.И. Вершинин, И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев.* Йошкар-Ола, 2001. 368 с.

Л.И. Барцева, Е.А. Гаврилова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

М. ИЛИБАЕВАН «ОРИНА КОВА» ПОВЕСТЬЫШТЫЖЕ МАТЕРИАЛЬНЫЙ ДА ДУХОВНЫЙ КУЛЬТУР ДЕНЕ КЫЛДАЛТШЕ ИКМЫНЯР ШОМАКЫН СЕМАНТИКЫШТ ДА ЭТИМОЛОГИЙЫШТ

В статье рассматривается лексика материальной и духовной культуры марийского народа на основе повести М. Илибаевой «Орина кува». В ней анализируются семантика и этимология нескольких лексем с привлечением родственных и неродственных языков. При выявлении истории происхождения слов устанавливаются их структурные особенности и способы образования.

Ключевые слова: *апеллятив-композита, духовная культура, история, лексема, материальная культура, микроэтнос, семантика, сложные слова, этимология.*

Тачысе марий йылме – чалемше курымысо калыкын пӧлекше. Тудын мутвундо чондайыштыже ик эн кугу верым йӱла дене кылдалтше лӱм-шамыч налын шогат. Акрет годым тукым ден тукым икте-весышт деч мо дене гынат ойыртемалташ тыршеныт, мутлан, вургемышт але йӱлашт дене. Тыгай ойыртемлаже, илен толын, ик этносын шкешотанлыкшым ончыкташ полшеныт але марий калыкын посна микроэтнослан шеледалташыже йӧным ыштеныт.

Ончалына материальный да духовный культур дене кылдалтше икмыняр шомак-влакын семантикыштым да этимологийыштым, мутлан:

Атышӧр – апеллятив-композита: ате (посуда) + шӧр (молоко). *Ате* ’посуда’ < акрет годсо *as’t’e. Таҥастарена моло родо-тукым йылмыла дене: карел. астяйт, астей, астиэ, аштиэ, вепс aze, astja ’посуда, посудина’, манс. уата, венгр edeiny ’посуда’. *Шӧр* ’молоко’ < иран шомак, тҥ.: осетин äksym, курд шир ’молоко’ [6, с. 405]. Значенийжым «Марий мутерыште» тыге ончыктымо: ’посуда, хозяйственная утварь’ [3, с. 119]. Тиде умылтарымаш, шонена, раш огыл, *атышӧр* – посуда для молока, молочных продуктов: *Ачаже куэ кумыж гыч тӱрлӧ атышӧрым пеш мастарын ыштылеш* [1, с. 46].

Кленча – простой апеллятив, значенийже – анҕысыр шӱян янда ате [4, с. 349]. *Кленча* ’склянка, бутылка’ марий йылмыш чуваш йылме гыч толын. А тушкыжо руш йылме гыч пурен, тҥ.: чув. кĕленсе < руш склянка [7, с. 139]: *Арака кленчамат конден шындыш, а йылмыже гын – ӱй да мӱй* [1, с. 67].

Кӱзӧ – простой апеллятив, кӱртньӧ гыч ыштыме писе вуян, пӱчкедаш йӧрышӧ предмет [5, с. 223]. Тудо финн-угор кугезе годсо шомак, акрет годсо сынжым да родо-тукым йылмыласе пелашыжым рашемдаш полшат: *kečs > хант köčəγ, keši, манси kasay, käsi, венгр kés [2, с. 422]: *Эргын шомак ондак шӱмым йӱкшыктен волыш, вара пӱсӧ кӱзым кермыла юш-шт чучо* [1, с. 55].

Нӧреп ‘погреб’ – простой апеллятив. Тудын көргӧ содержанийже - пакчасаскам, шӧр-торыкым да моло кочкышым шокшо да йӱштӧ деч аралыше вер. *Нӧреп* < чув. нӳхреб ’погреб’, араб mihrab, мишар нәвräб [7, с. 205]: *Шӧран ӱй ате, мелна кышыл пелен ачашт гӱжлен мурышо самоварым ӱстембак шында, авашт нӧреп гыч мӱй кӱмыжым пурта* [1, с. 48].

Тыгеракын, М. Илибаеван «Орина кува» повестьыштыже чылаже 61 шомакын значенийжым да лиймыжым рашемдыме. Нуно тӱрлӧ йылме негызеш виянҕынат да эркын ойышкына шыҥеныт. Илыш-йӱлам ончыктышо лексике марий калыкын историйжым, кылкучемжым, йылмын вияҥ толмыжым пеш ӱшандарышын умылтараш полша.

Литературт

1. *Илибаева И.К.* Кумыл: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 2003. 192 с.

2. Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484 с.

3. Словарь марийского языка. Марий мутер. Т. I: А–З. Йошкар-Ола: Мар кн. изд-во, 1990. 488 с.

4. Словарь марийского языка. Марий мутер. Т. II: И–К (кабак – коса). Йошкар-Ола: Мар.кн. изд-во, 1992. 464 с.

5. Словарь марийского языка. Марий мутер. Т. IV. М–Ӧ (ма – ӧрчыктарымаш). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 384 с.

6. Словарь марийского языка. Марий мутер. Т. VI: Р–С. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. 368 с.

7. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. 336 с.

Л.И. Барцева, О.В. Иванова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ПОВЕСТИ Г. АЛЕКСЕЕВА «ЗАРЯ НАДЕЖДЫ»

Статья посвящена сложным словам сочинительного типа. Материалом исследования послужила книга Г. Алексеева «Заря надежды». Автор указанного произведения часто прибегает к сложным словам с сочинительной связью, так как они позволяют ему более красочно и ярко охарактеризовать персонажей, выразить свое отношение к происходящим событиям.

Исследование показало: лексическое значение сложного слова с сочинительной связью связано с разнообразными семантическими соотношениями между компонентами. Они представляют антонимические, синонимические сближения, сложение значений составляющих и т.д.

Ключевые слова: *марийский язык, антоним, лексика, лексическое значение, подчинительная связь, синоним, сложное слово, сочинительная связь.*

Лингвисты выделяют два типа семантических отношений между компонентами сложного слова: сочинительные и подчинительные. В данной работе рассматривается сочинительный тип семантических отношений между компонентами сложного слова на основе повести Г. Алексеева «Заря надежды». Собранный нами материал позволил сгруппировать его следующим образом:

1) парные слова, представляющие сложение значений составляющих: кид-йол ‘конечности’ (букв. рука-нога), кӱмыж-совла ‘посуда’ (букв. тарелка-ложка), тувыр-йолаш ‘белье’ (букв. рубашка-штаны), туп-вачe ‘спина’ (букв. спина-плечи), тумо-ваштар ‘лиственные деревья’ (дуб-клен), ушкал-сӧсна ‘скотина’ (букв. корова-свинья), чыве-комбо ‘домашние птицы’ (букв. курица-гусь), шӱм-мокш ‘внутренние органы’ (букв. сердце-печень), шӧр-торык ‘молочные продукты’ (букв. молоко-творог), шинча-пылыш ‘свидетели’ (букв. глаза-уши), юмо-пӱрышӧ ‘всевышний’ (букв. бог-предопределитель);

2) сложные слова, одно из которых является следствием другого, т.е. вытекающим из другого компонента: какши-кошар ‘худощавый’ (букв. худой-острый), кочкаш-йӱаш ‘кушать, пить’, оралге-ойган ‘задушевный’ (букв. хриплый-грустный), палаш-шижаш ‘знать’ (букв. знать-чувствовать), йыген-шелышт опташ ‘заготовить дрова’ (букв. складывать, спилив-сколов), йӱын-шалатен пытараш ‘пропивать’ (букв. уничтожить, пропивая-разбрасывая), лӱдын-магырен кияш ‘реветь’ (букв. лежать боясь-плача), мушкын-поген опташ ‘похоронить’ (букв. положить, помыв-собрав), сӧрвален-ӱшанен кошташ ‘надеяться’ (букв. ходить, умоляя-надеясь), шонкален-шарнен кияш ‘лежать, вспоминая’ (букв. лежать, думая-вспоминая);

3) парные сближения синонимических или близких по значению слов [1, с. 2]: вий-ал ‘сила’ (букв. сила-сила), вий-куат ‘сила’ (букв. сила-мощь), ойго-орлык ‘беда’ (букв. печаль-страдание), родо-тукым ‘родственник’ (букв. родня-род), туткар-азап ‘беда’ (букв. беда-несчастье), шӱк-куштыра ‘мусор’ (букв. мусор-сор); сындыме-шапалге ‘бледный’ (букв. бледный-блеклый); йомдарен-шалатен пытараш ‘растерять’ (букв. уничтожить, потеряв-разбросать), ӧрын-вожылал колташ ‘застесняться’ (букв. пустить, оробев-застеснявшись), сурлен-лывыжген каяш ‘разомлеть’ (букв. пойти, разомлев-расслабившись), шымлен-эскерен ончаш ‘букв. изучающе (смотреть)’ (смотреть, исследуя-наблюдая); тыматлын-ласкан ‘спокойно’ (букв. нежно-ласково), уэш-пачаш ‘повторно’ (букв. снова-повторно);

4) парные сближения, выражающие одновременность действий, признаки действий: ойгырышын-шонышын ‘печально-задумчиво’; шоныдымын-вучыдымын ‘нежданно-негаданно’ (букв. негаданно-нежданно), ужмо-колмо (ок шу) ‘ненавидеть’ (букв. (не хочется) видимо-слышимо), кутырен-моктанен кошташ ‘хвастаться’ (букв. ходить, болтая-хвастаясь), ончен-мутланен налаш ‘поговорить’ (букв. взять, глядя-разговаривая), шонен-вучен илаш ‘жить в

мыслях, в ожидании’ (букв. жить, думая-ожидая), шонен-ончен кошташ ‘думать-присматриваться’;

5) сложные слова, одно из которых уточняет, поясняет другое: мурызо-артист ‘артист-певец’, слесарь-наладчик ‘слесарь-наладчик’, кӱреналге-шем ‘темно-коричневый’ (букв. коричневато-черный), ош-кандалге ‘светло-голубой’, пеҥгыде-козыра ‘твердо-шершавый’, лапка-лӧчката ‘низкий-полный’, шем-чевер ‘темно-красный’;

6) антонимические сближения [1, с. 2]: ача-ава ‘родители’ (букв. папа-мама), ӱдыр-каче ‘молодежь’ (букв. девушка-парень), кӱчык-кужу ‘недолгий’ (букв. короткий-длинный), шере-кочо ‘трудности (в жизни)’ (букв. сладкий-горький), тыгай-тугай 'несерьезный’ (букв. такой-сякой), тиде-тудо ‘одно-другое’ (букв. это-то), таче-эрла ‘сегодня-завтра’, уло-уке ‘остатки’ (букв. имеется-отсутствует), пурен-лектын (кошташ) ‘захаживать’ (букв. войти-выйти), шинчен-шоген (керташ огыл) ‘находиться в беспокойном состоянии’ (букв. не мочь сидеть-стоять).

Таким образом, сложные слова с сочинительной связью по своим семантическим соотношениям между компонентами разнообразны и многообразны. Одни из них представляют сложение значений составляющих, другие, сохраняющие значение компонентов, поясняют друг друга; третьи находятся между собой в синонимическом или антонимическом отношениях. Лексическое значение сложного слова неизбежно связано с внутренним содержанием его компонентов.

Литература

1. *Барцева Л.И.* Лексические инновации в произведениях художественной литературы и периодической печати // Словообразовательная архитектоника в волжско-финских языках: материалы Межд. науч. симпозиума. Саранск, 1999. С. 36–44.

Л.И. Барцева, И.С. Салтыкова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Н. ЛЕКАЙНЫН «КОГО ВЫРСЫН ТЫЛЫШТЫЖЫ» РОМАНЫШТЫ ВОЕННЫЙ ЛЕКСИКЫ

Лексические единицы военной тематики продолжают функционировать в живой речи мари, находят применение в научно-учебной литературе, художественных произведениях и т.д. В данной работе останавливаемся на военной лексике, почерпнутой из романа Н. Лекайна «В огне Великой войны». Только в четвертой части данного произведения нами зафиксировано 160 лексем.

Ключевые слова: *военная лексика, заимствование, лексема, лексика, лексико-семантическое значение, семантика, тюркские языки, тематика.*

Н. Лекайнын «Кого вырсын тылыштыжы» романыжын ¼ лаштыкышты мӓ 160 военный лексемым сирен лыктынна. Нӹынӹм лексико-семантический значени доно тенге тӹшкӓленнӓ:

1. Должностьым дӓ званим анжыктышы шамаквлӓ – 19: *капитан, командир, комвзвод, лейтенант, сержант* да т.м.: Ныжмы пандашан генерал угыц каньысырланаш тынгальы [1, с. 3];

2. Военный деятельностьым палемдышы лексемывла – 6: *мотоциклист, пехотинец, пулеметчик, связной, танкист*: Мирный эдем шайылны автоматчик сӹнзӓшкӹжӹ керӹлтӹ [1, с. 24];

3. Военный техникын лӹмвлӓшт – 2: *самолет, танк*: Самолётвлӓ кӱшӹцӹн, лӱдӹшлӓ урмыжын, ӱлӹкӹ шыралтевӹ [1, с. 9];

4. Войскан вид дон родым анжыктышы лексика – 3: *пехота, разведотряд*: Жеп шукат ак эртӹ, вургымла вел флангышты немецкий артиллери тӓрвӓнӓ [1, с. 23];

5. Армишты да вырсышты командывлам палемдышы лексемывла – 11: *батальон, взвод, войска, военный эшелон, дивизии, колонна, полк* да т.м.: Арми ӓль мирный халык – нӹнӹлӓн сойток [1, с. 19];

6. Оружи дӓ нӹнӹн лӹмвлӓшт – 13: *автомат, винтовка, пичал, пулемёт, пушка, станкач* да т.м.: Трӱк, кыргыж миэн, Лашманов вӹкӹ автоматшым лӱктальӹ, но Алексеев немецӹм штик доно шырал сӹмӹрӹш [1, с. 26];

7. Пыдештшӹ, йылышы военный хӓдӹрвлӓ доно кӹлдӓлтшӹ шамаквлӓ – 8: *горючий жидкость, граната, минывла, осколок, порох, снаряд* да т. м.: Нӹнӹ лоштыжы осколочный, фугасный, термитный бомбывла улыт [1, с. 23];

8. Оружин частявлажы да патрон лӹмвлӓ – 12: *гильзы, колибр, лента, обойма, патрон, приклад, пульывла, рукоядка, связка, спусковой крючок*: Затвор яжон каштеш [1, с. 15];

9. Вырсышты ваштарешлӓ ылшы армии дӓ тӹдӹн доно кылдӓлтшӹ шамаквлӓ – 8: *гитлеровец, красноармеец, советский салтак, тышман, тышман салтак, руш салтак, фашист*: Немецвлӓ! – сӹгӹрӓльӹ Алексеев [1, с. 9];

10. Вырсыштыш действии доно кӹлдалтшӹ лексемывлӓ – 36: *автоматный очередь, артподготовка, артканонада, артналет, бой, боевой, бомбежка, ви, война, вырсы, воздушный тревога, отпор, плен, пушташ, пыдештеш, служба, список* да т.м.: Боецвлӓ вес атакым вычат [1, с. 23];

11. Военный места доно кылдӓлтшӹ лӹмвлӓ – 10: *командный пункт, пункт, позиции, пулеметный точка, фронт, часть, штаб*;

12. Военный сооружениим анжыктышы шамаквлӓ – 8: *бруствер, дот, дзот, мунем, окоп, траншей, ячейка* да т.м.;

13. Военный чимаш лӹмвлӓ – 5: *пилотка, гимнастерка, галифе* да т.м.: Алексеев вылнӹ ыжар гимнастёрка, техеньок ыжар галифе, тӹрӹньрӓк шӹндӹмӹ пилотка, кӹдӓлӹштӹ брезент *пряжӓ* [1, с. 7];

14. Команды доно кылдалтшы лексемывла – 9: *атакыш, анзыкы, ида цакны, команда, огонь, приказ, Родина верц, спасайся*: Родина верц! Анзыкы! [1, с. 25];

15. Тайымы действим анжыктышы шамаквла – 4: *донесени, маскировка, разведкы*: Разведкӹн сведенижӹ гӹц пӓлӹ: немецвлӓн силашты тиштӹ кого [1, с. 15]; 16. Армиш ямдылымы организации да тыдын доно кылдалтшы лексемывла – 3: *военкомат, повесткы, присяга*: Присягым, совестьым да честьым мондыман агыл [1, с. 28];

16. Армиш ямдылымы организации да тыдын доно кылдалтшы лексемывла – 3: *военкомат, повесткы, присяга*: Присягым, совестьым да честьым мондыман агыл [1, с. 28];

17. Вырсышты салтаквлан состояним, характерым анжыктышы шамаквла – 8: *боец, воин, герой, пленный, трус; госпиталь, санитар, шушыргышы.*

Вырсы дон кӹлдӓлтшӹ лексикын ӹштӓлтмӹштӹм, кышец лӓкмӹштӹм шотыш нӓлӹмӹкӹ, келесӓш лиэш: 20 лексемым финно-угор жеп годшы дӓ марла йӹлмӹ тӹнгеш виӓнгшӹ шамаквлӓеш шотлен кердӹнӓ: анзыкы, ви, цӓкнӓш, колаш, кредалаш, луаш, мунем, тыл, цакнаш, шыгер, ытараш да т.м; 138 шамак руш йылмы гыц кӱслымы але руш йылмы гач толшы: автомат, автоматный очередь, автоматчик, арми, артилери, атака да т.м; тышман шамак тюрк йылмы гӹц толшы.

Иктешлӹмӓшӹм ӹштӓш гынь: вырсы доно кӹлдӓлтшӹ шамаквлӓ Н. Лекайнын романыштыжы кымда вӓрӹм нӓлӹн шалгат. Нуны тематикышт донат пиш паян ылыт. Ышталтмышт шотышты шукышт кӱслӹмӹ ылыт.

Литература

1. *Лекайн Н.* Кого вырсын тылыштыжы: роман / алык марла гӹц сарӹмӹ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2007. 380 с.

Л.И. Барцева, В.А. Соколова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Г. АЛЕКСЕЕВЫН «ЎШАНЫМ ЎЖАРА КОНДА» КНИГАШТЫЖЕ КЎЭМАЛТШЕ ОЙСАВЫРТЫШ-ВЛАКЫН ЧОҤАЛТМЕ ДА МОРФОЛОГИЙ ОЙЫРТЕМЖЕ

Статья посвящена изучению структурных и морфологических особенностей фразеологизмов в марийском языке на основе книги Г. Алексеева «Заря надежды». В ней рассматриваются следующие виды фразеологизмов: структурно равнозначные предложению; по своему строению представляющие словосочетание. Фразеологические единицы, будучи эквивалентными слову, соотносятся с различными частями речи, в связи с этим в работе указываются такие их разряды: субстантивные, адъективные, нумеральные, прономинальные, вербальные, адвербиальные, междометно-модальные.

Ключевые слова: *марийский язык, фразеологизмы, фразеологические единицы, фразеологические обороты.*

Сылнымутан литературышто произведенийын йылмыжым сӧрастарыше ик йӧнлан кӱэмалтше ойсавыртыш-влак шотлалтыт. Ме палена: фразеологизм-влак тукым гыч тукымыш куснен толшо, ойым сылнештарыше йылме кончыш-влак улыт. Мемнан лончылымо Г. Алексеевын «Ўшаным ўжара конда» повестьыштыжат тыгай пенгыдемдалтше ойпидыш-влак ятыр вашлиялтыт. Нуно книгасе персонаж-влакын йылмыштым, ыштыш-кучышыштым, мемнан йыр улшо тӱням раш да онайын почаш полшат.

Чоҥалтме да морфологий шотыштат ты сылнымут пашаште кучылтмо фразеологизм-влак пеш шкешотан улыт. Ышталтме модельышт дене ик тӱшкашт

муткылдышлан келшен толыт, вес тӱшкашт предложенийым ушештарат [2, л. 121]. Икмыняр примерым контекстыште ончалына.

Муткылдышлан келшен толшо фразеологизм-влак: *вуйын шогаш, кугун шӱлалташ, мутым кучаш, тӱням мондаш* да т.м. Отделений командир улам, шке гаем шым салтаклан *вуйын шогем* [1, л. 190]; Теве адакат окнаш пеш эскера (Петю) – *тӱняжымат монден* [1, л. 218].

Кышкарышт дене предложенийым шарныктыше кӱэмалтше ойсавыртыш-влак тыгай улыт: кок рӱдан предложений сынан: а) распространённый огыл ойлончо гай койшо: *тӱня порвола, йылме ок савырне*: Чынжымак, *тӱня порволыш* мо?! [1, л. 167]; Такшым ушкал вӱта манашат от тошт, *йылме ок савырне*,- ош кермыч дене ош кугу полат [1, л. 218]; б) распространённый предложенийым шарныктыше: *вашке паша важык кая*: Стас йоҥылышыжым кызыт иже умылыш: *вашке паша важык кая* [1, л. 118].

Ик рӱдан ойлончым шарныктыше кӱэмалтше ойсавыртыш-влакат вашлиялтыт: а) безличный предложений моделян: *чонлан роп чучеш:* Тунам гына (рвезын) *чонжылан роп чучын* колтыш [1, л. 174]; б) определённо-личный предложений сынан: *вуеш ит нал, коля рожыш пураш ямде* да т.м: *Вуеш ит нал*, Миклай, мыйын тудо тыгай вет, шкат палет [1, л. 170]; Ынде Венюат, ачаж манмыла, «*пийым поктыл ок кошт*» – тудат ача-аваж семынак эрден кынелеш, тудынат ынде шке сомылжо уло [1, л. 173].

Повестьыште тыгак сложный предложений структуран пеҥгыдемдалтше ойпидыш-влакат кончат: а) ушем мутдымо кыдежан ойлончо моделян: *мо лийын – лийын: Мо лийын-лийын,* мый ни тыйын, ни тудын ончылно титакан омыл [1, л. 205].

Лексике-грамматике значенийышт дене произведенийысе фразеологизм-влак тӱрлӧ ойлымаш ужаш-влаклан келшен толыт: а) лӱм мутлан: *волгыдо ончалтыш:* Ты йокрок кугыжаныште ик-кок чевер тамга веле – чурий сынышт, *волгыдо ончалтышышт* [1, л. 116]; б) пале мутлан: *вуйдымо пормо гай.* А бойышто гын… *Вуйдымо пормо гай* улыт [1, л. 39]; в) чот мутлан: *шӱй даҥыт.* Паша - *шӱй даҥыт,* ласкан кутыралтен шинчашат эрык уке [1, л. 118]; г) олмештыш мутлан: *ни эрге, ни шольо огыл:* А мый тылат *ни эргыч, ни шольыч* омыл [1, л. 138]; д) глаголлан: *вуйым йомдараш, изин-кугун кояш, йол ӱмбаке шогалаш*: Пала, тудыжо Стас верч *вуйжым йомдарен* [1, л. 118]; Сайкин шыргыжаш тӧча, заказчик толын лекмек, нуно эре тыге: *изин-кугун веле койыт,* а шкенжын шинчайымалжат какаргыше [1, л. 121]; Ик кече веле кӱвар ӱмбалне кийыш, эрлашыжымак *йол ӱмбаке шогалаш* тӧчаш тӱҥале [1, л. 185]; е) наречийлан: *киш ден меж гай, пулвуй даҥыт*: *Киш ден меж гаяк* пижынатыс [1, л. 205]; *Пулвуй даҥыт* сип лумым келын, автоматым кӱш нӧлтен, рядовой Шувалов куржын [1, л. 100]; ж) междометно-модальный. Нуно шонымым ӱшанен каласен пуаш, шӧрен ойлаш, кутырымо ойлан пеҥгыде иктешлымашым ышташ, ӧрмӧ, кокыте шонкалыме, шкалан кугун ӱшаныме кумылым почын ончыкташ полшат: *вуеш ит нал, мо лия-лия: Вуеш ит нал*, Миклай, мыйын тудо тыгай вет, шкат палет [1, л. 170]; А-а, *мо лия-лия*, яра воштырымак пижыктемат, йӧра-огыла [1, л. 166].

Иктешлен каласаш гын, Г. Алексеевын «Ӱшаным ӱжара конда» повестьысе кӱэмалтше ойсавыртыш-влак чоҥалтме шот дене марий йылмыште

улшо тӱрлӧ типан предложенийым, сочинений да подчинений йӧн дене кылдалтше муткылдышым ушештарат, лексике-грамматике значенийышт денат йылмыште чыла ойлымаш ужашлан келшен толыт.

Литературт

1. *Алексеев Г.В.* Ӱшаным ӱжара конда: повесть да ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1993. 256 с.

2. *Барцева Л.И, Галкин И.С.* Кызытсе марий йылме. Лексикологий. Йошкар-Ола: Изд. дом, 2003. 184 с.

Н.К. Венина

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В РОМАНЕ А. ТУЛАЯ «БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ»

Статья посвящена изучению стилистических особенностей синтаксической конвергенции на материале романа марийского писателя А. Тулая «Будьте счастливы».

Ключевые слова: *синтаксическая конвергенция, повтор, риторическая фигура, умолчание.*

Целью нашего исследования является изучение моделей синтаксической конвергенции в романе А. Тулая «Будьте счастливы». Задачи исследования: рассмотреть определения синтаксической конвергенции; выявить и описать использованные в произведении модели синтаксической конвергенции; рассмотреть их функции.

Стилистические особенности конвергенции в различных произведениях анализировали многие исследователи: И. Гальперин, И. Арнольд, З. Хованская, К. Долинин, М. Риффатер. Их интерес вызывают стили письма как отечественных, так и зарубежных писателей.

Конвергенция – это средство усиления выразительности, состоящее в концентрации в каком-либо отдельном месте текста пучка изобразительных и выразительных средств, участвующих в реализации одной и той же стилистической функции [4, с. 237]. Первым, кто дал определение понятию «конвергенция стилистических приемов», был М. Риффатер. Конвергенцией он называл «скопление в одном месте нескольких независимых стилистических приемов» [2, с. 88].

Стилистической конвергенцией В.Н. Малеванная считает «комплексно синтактико-стилистический прием, возникающий в результате сочетания нескольких синтаксических выразительных средств и стилистических приемов в одном контексте и характеризующийся многокомпонентностью структуры, полиэксплицитным характером синтактико-стилистического вида межфразовой связи между компонентами и единством стилистической функции» [1]. Синтаксическая конвергенция используется для усиления эмоциональности и выразительности текста, позволяет акцентировать внимание на определенных

участках и деталях, которые выделены автором произведения как наиболее важные.

В романе А. Тулая «Будьте счастливы» синтаксическая конвергенция имеет различные модели:

1. **Повтор + риторическая фигура,** например: *Ну, кӧ тудо тыгай?! Кӧ?!* [3, с. 6] ‘Ну, кто он такой?! Кто?!’; Шоналтетат, проста калык тиде шучко жапым сайын ни ужын, ни шижын *огыл*, манаш лиеш. *Огыл и чыла!* [3, с. 10] ‘Подумаешь, так обычный народ эту жуткую пору хорошо не увидел, не прочувствовал, можно сказать. Нет и все!’

2. **Повтор + умолчание**, например: Тунамат нимом *шым умыло*, кызытат *ом умыло*… Шукыжым *ом умыло*… [3, с. 11] ‘И тогда ничего не понял, и сейчас не понимаю… многого не понимаю…’; Тыгайрак енгна *уло* мемнан родо-шочшо коклаштынат… *Уло*… [3, с. 31] ‘Такой человек есть и среди наших родственников… Есть…’

3. **Повтор + риторическая фигура+ умолчание:** *Адак шыже. Адак ик шыже!.. Адак ик шыже* койын эрта… [3, с. 10] ‘Опять осень. Опять одна осень!.. Опять одна осень проходит…’; *Омо? Шучко омо?..* [3, с. 5] ‘Сон? Жуткий сон?..’

Таким образом, в романе А. Тулая «Будьте счастливы» различные стилистические приемы, взаимодействуя друг с другом, образуют синтаксическую конвергенцию и выполняют общую функцию: передают экспрессию и эмоциональность или же акцентируют внимание на определенном предмете, действии, состоянии.

Литература

1. *Малеванная В.Н.* Синтаксическая конвергенция в английской художественной прозе. Киев, 1986. 186 с.

2. *Риффатер М.* Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX: Лингвостилистика. М., 1980. С. 69–95.

3. *Тулай А.* Пиалан лийза! Кокымшо книга: Пӧлка: кум книган роман. Йошкар-Ола: Марий Эл Республикысе «Марий журнал» кугыжаныш унитар казна предприятий, 2015. 376 с.

4. *Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.* Общая риторика: курс лекций; словарь риторических приемов / отв. ред. *Е.И. Ширяев*. Ростов н/Д, 1999. 320 с.

О.В. Виногорова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

С. ЧАВАЙНЫН «ЭЛНЕТ» РОМАНЫШТЫЖЕ ГЕРОЙ-ВЛАКЫН ИЛЫШ КОРНЫШТ ДЕНЕ КЫЛДАЛТШЕ ЛЕКСИКЕ ЙӦН-ВЛАК

В статье показаны характеры двух литературных героев романа С. Чавайна «Элнет» – Сакара и Макара. Анализируются черты внешности выбранных персонажей, некоторые свойства характеров, их чувства и эмоции. Описание проводится в сравнительном плане.

Ключевые слова: *роман, литературный герой, жизненный путь, лексика, лексические приемы.*

Тиде статьяште ме С. Чавайнын «Элнет» романыштыже Сакарын да Чужган Макарын илыш-пӱрымашыштым, койыш-шоктышыштым, тӱжвал тӱсыштым, нунын шонымашыштым шымлена. Герой-влак икте-весышт дене кузе кылдалтыт, нунын коклаште могай ойыртем уло – чыла тидым ончен лектына. Темым почын пуаш тыгай тӱҥ цельым шындыме: герой-влакым сӱретлымаште авторын могай лексике йӧным кучылтмыжым шымлен лекташ. Цельыш шуаш тыгай задаче-влакым палемдыме: 1) герой-влакым сӱретлымаште лексике йӧн могай верым налын шога; 2) герой-влакым сӱретлымаште автор могай лексике йӧным кучылтеш (метафор, метонимий, таҥастарымаш, олицетворений, кутырымо лексике); 3) нине йӧн-влак герой-влакым сӱретлымаште могай рольым шуктат.

Кажне геройын шке койыш-шоктышыжо, пӱрымашыже, кутырымо ойыртемже, тӱжвал тӱсшӧ, кӧргӧ чонжо да молат. Сакар ден Макарым сӱретлымаште лексике йӧн-влак тӱҥ верым налыт.

Сакарын тӱжвал тӱсшым сӱретлымаште С. Чавайн таҥастарымаш да метафор дене пайдаланен. Тыште геройым Нӧнчык-патыр дене таҥастарымаш тӱҥ верыш лектеш. Макарын тӱжвал тӱсшӧ нерген шуко возымо огыл. Тӱҥ шотышто, автор метафор дене пайдаланен.

Герой-влакын койыш-шоктышыштым сӱретлымым ончалына гын, ончыл верыш таҥастарымаш, метафор, олицетворений, антитезе, оҥартыш мут дене пайдаланыме лектеш. Сакарын койыш-шоктышыжым сӱретлымаште кугу верым таҥастарымаш налеш. Автор Сакарын писылыкшым мераҥ дене, чулымлыкшым, вийжым маска дене таҥастара [1, с. 25]. Макарын койыш-шоктышыжым почын пуаш автор таҥастарымашым кучылтеш. С.Г. Чавайн Макарым кишке дене таҥастарен ончыктен.

Сакарын шӱм-чонжым сӱретлымаште писатель метафорым, таҥастарымашым, олицетворенийым, антитезым кучылтеш. Мутлан, Сакарын шӱм-чон ойгырымыжо тудын талгыдыжым наҥгайыме сӱретыште раш почылтеш. Отышто Сакар картын чоклымыжым колыштеш, а чонжо аза семын йӱла [2, с. 256].

Тыгеракын, ме герой-влакым сӱретлымаште авторын могай лексике йӧн-влак дене пайдаланымыжым шымлен лекна. Образ-влакым сылнын да тӱрыс почын пуаш манын, автор ятыр таҥастарымашым, метафорым, оҥартыш мут-влакым кучылтын. Сакар ару, волгыдо чонан еҥ гын, Макар – сатир сынан тип. Нечкын кушшо поян эрге вожылмым ок шинче, нимом ок жапле. Но тудо поян, садлан Чачин ачаж-аваже, тошто йӱла почеш илен тунемше нужна еҥ-влак, ӱдырыштлан пиалым шонен, тудым Макарлан пуаш келшат. Но Чачи, кӧргӧ виян ӱдыр, тиде туткар деч утла, виеш марлан пуымо кечынак поян сурт гыч куржеш, шке эрыкшым арален кода [3, с. 16].

Сакар ден Макар илышын кок могырыштыжо шогат. Иктыже нужна, а весе – поян. Сакар поро чонан гын, Макарын торжа койышыжо веле палдырна. Но нуно ик ӱдыр верч кучедалыт. Тыште нунын вашпижмашышт коеш. Чачин таҥастарен ойлымыж гочат нунын коклаште кугу ойыртемым ужына: «Могай янлык Чужган Сакар!.. А теве Сакар пырчат тугай огыл» [2, с. 230].

С. Чавайн герой-влакын койыш-шоктышыштым почын пуымо годым марий йылмын поянлыкше дене моштен, тыршен пайдаланен.

Литератур

1. *Асылбаев А.А.* С.Г. Чавайн. Илышыж ден творчествыже. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1959. 37 с.

2. *Чавайн С.* Возымыжо кум том дене лукталтеш. 3-шо т.: Пьеса-влак. Элнет: роман. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1981. 426 с.

3. *Чавайн С.* Чумырен лукмо ойпого. I-ше т. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2008. 333 с.

А.Х. Гаязова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ФОРМЫ ВЕЖЛИВОГО ОБРАЩЕНИЯ В МАРИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному рассмотрению основных форм вежливого обращения в марийском и татарском языках. Выбор формы обращения особенно важен для установления контакта между собеседниками. Показано, что формы обращения зависят от характера коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: *сопоставительное языкознание, марийский язык, татарский язык, формы обращения, речевой этикет, коммуникативная ситуация.*

В первые моменты коммуникации для установления контакта перед собеседниками стоит важная проблема выбора формы обращения. Например, обратиться к русскоязычному собеседнику на «ты» или «вы»; человеку, говорящему по-марийски, на «тый» или «те»; к собеседнику, родной язык которого татарский «син» или «сез».

В сравниваемых языках существуют оба способа обращения на *вы* и на *ты*, образующих своеобразную оппозицию для формального и неформального видов общения, о чем было написано в предыдущем абзаце.

В работе Т.П. Арискиной приводится история двух теорий возникновения вежливого обращения на *Вы*, которую она связывает с римской традицией обращения к императорам в двух городах. По другой теории вежливая форма *Вы* соотносится с местоимением *мы*, которым пользовались политические деятели вместо личного местоимения *я*. Именно эта тенденция существует и поныне [1, с. 33].

Исследователь В.В. Колесов описывает появление вежливой формы на «Вы» в России в XVI веке. Это произошло под влиянием польского этикета и одним из первых, кто начал употреблять эту форму был боярин А. Курбский. Она надолго осталась как форма обращения в аристократических российских кругах, тем более что этому способствовало влияние современных европейских языков на русское общество в XVIII веке. «В литературе впервые переводчик и поэт В. Тредиаковский употреблял «нежное *Вы* за важное *Ты*». Важное, величавое и возвышенное – так понимали это слово тогда» [2, с. 217].

Выбор для речевого акта форм *ты* или *Вы* зависит от трех факторов. Во-первых, нужно сразу определить социальный статус, а, возможно, и социальную роль собеседника, сравнив их с собственными данными. Во-вторых, необходимо учитывать степень знакомства с коммуникантом, а также характер

взаимоотношений с ним. В-третьих, определить, является ли обстановка официальной или неофициальной [1, с. 35–36]. Об этом упоминается и в работах других исследователей речевых форм, например, Н. И. Формановской и Э. Сепеши [3, с.15].

Опираясь на перечисленные закономерности, можно показать правила употребления марийских и татарских вежливых местоимений.

Степень знакомства собеседников. Мар. *те* «Вы», тат. *сез* «Вы» применяются при общении с незнакомым (малознакомым) адресатом; мар. *тый* «ты», тат. *син* «ты» – с хорошо знакомым. Это общее правило, действующее в обоих языках. Необходимо отметить, что: а) маленькие дети, молодежь общаются только на *ты*; б) при переходе к более близкому знакомству возможен переход на *ты*: мар. *тый,* тат. *син.*; в) в некоторых случаях даже при хорошем знакомстве и дружеских отношениях сохраняется общение на *Вы:* мар. *те*, тат. *сез.*

Неофициальные формы обращения диктуются рядом ситуаций, которые перечислены во многих работах. Исследователи относят к ним такие отношения как «нейтральность», «близость», «дружба», «родство». Считается, что данные отношения относятся не только к внешним проявлениям, но и к более глубоким уровням общения. Например, в рамках одной и той же группы лиц, которые отличаются друг от друга степенью знакомства или родства, могут использоваться различные формы обращения. Это объясняется возрастом собеседников, который учитывается по линии оппозиции «старший – младший» [1, с. 47]. В коммуникативной ситуации обращение к знакомому в сравниваемых языках чаще всего используются имена собственные. Использование личного, полного имени в марийском и татарском языках происходит весьма редко и в определенном контексте может свидетельствовать о серьезной теме разговора или беседы. Как во многих культурах, по отношению к хорошо знакомым, близким людям, а это обычно друзья или родственники, независимо от их возраста, если общаются равные между собой люди, применяется сокращенная форма имени. Однако среди родственников младший по отношению к старшему по возрасту редко обращается только по имени, а старший по отношению к младшему – часто [1, с. 48].

В Татарстане, как и в Марий Эл, намного чаще обращаются просто по имени: обращение по имени может распространяться и к адресату, который старше адресанта.

При обращении к знакомым, если между собеседниками нет большой разницы в возрасте, оно может совпадать с обращением, принятым в семье. И, в зависимости от характера отношений, это обращение может быть полным именем, ласкательным или прозвищем. Однако, если существует возрастная разница, составляющая не менее 15–20 лет, то при обращении к собеседнику по имени добавляется мар. *кокай*, тат. *аппай* «тетя» или мар. *чӱчӱ,* тат. *абый* «дядя».

Марийскому и татарскому речевому этикету также типичны подобные сочетания в речи, которые предназначены не родственникам. При таком подходе «родственные обращения» превращаются в элементы особого свойства: мар. «акай» – старшая сестра, «изай» – старший брат, «эргым» – сын, «ӱдырем» – дочь; тат. «кызым» – дочь, «улым» – сын и т.д. Такого рода обращения, по

мнению Н.И. Формановской, «социологически и стилистически маркированы, причем, маркированность их возникает с разных позиций – адресанта и адресата. Адресант, использующий такие вокативы по отношению к неродственнику, – всегда носитель просторечия или демонстрирующий подчеркнутую «простоту» общения» [4, с. 64].

К официальным формам обращения исследователи относят «группу форм сословно-иерархического характера, предполагающих обращение по имени/фамилии. Официальные формы обращения используются в официально-деловой и не слишком официальной обстановке при общении знакомых, малознакомых и незнакомых лиц, принимающих участие в разговоре» [1, с. 65–66]. Правила хорошего тона предполагают обращение к учителям и преподавателям всех учебных заведений по имени и отчеству. Однако в татарских национальных школах, особенно в младших классах, допускается обращение имя +*аппай* «тетя» или *абый* «дядя». В медицинских учреждениях татары обращаются *Сорыйм сезне, доктор!* «Прошу вас, доктор!». Дети обращаются к врачам: *Доктор абый!* «Дядя доктор!», *Доктор аппай*! «Тетя доктор!». Современная жизнь вносит свои коррективы в коммуникативные процессы. Различные встречи, презентации, конференции, публичные лекции, открытие выставок, празднование юбилеев, дружеские встречи и т.п. ставят задачи корректного обращения к большому числу коммуникантов, а не только по отношению к единичному собеседнику.

При обращении к аудитории в марийской и татарской культурах происходит определенное калькирование обращений, взятых из русского языка и используемых по аналогии: мар. *уна-влак* и тат. *кунаклар* «Гости». В аудитории, где круг собравшихся невелик, обращение может быть менее официальным, а более доверительным, поэтому используются следующие выражения: мар. *йолташ-влак* и тат. *дуслар* «Друзья/товарищи». Обращения могу выступать с определением мар. *шергакан / пагалыме* и тат. *кадерле / хөрметле* «дорогие / уважаемые».

Литература

1. *Арискина Т. П.* Выражение речевого этикета в эрзянском и венгерском языках: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2007. 151 с.

2. *Колесов В. В.* Культура речи – культура поведения. Л.: Лениздат, 1988. 272 с.

3. *Формановская Н. И.* Беседы о речевом этикете. Рус. речь. М.,1989. 126 с.

4. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспект. М.: Рус. яз., 1982. 158 с.

Л.О. Дубникова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В. КОЛУМБЫН СЫЛНЫМУТЫШТЫЖО ВАШЛИЯЛТШЕ МАРИЙ ТОПОНИМ-ВЛАК

Статья посвящена исследованию топонимов в произведениях В. Колумба. Выявляется этимология топонимов. Рассматривается их роль в создании стихотворного текста.

Ключевые слова: *топоним, В. Колумб, этимология, поэт, история, языкознание.*

Кундемнан эн кугу поянлыкше – тудын калыкше, кумылым куандарыше, чоным вӱчкышӧ пӱртӱсшӧ да мландыже. Пӱртӱс да мланде – шочмо вер. Тудын дене кылым нигунам йомдарыман огыл.

Вершӧр лӱм-влак калыкын духовный поянлыкше семын тукым гыч тукымыш куснат. Сандене топоним-влак тӱшка вий дене шочыктымо калык поянлык семын аклалтыт.

Пытартыш жапыште топонимийым утларак шымлаш тӱҥалыныт. Молан манаш гын вершӧр лӱм-влакын лиймыштым да историйыштым пален налаш моткоч оҥай. Нунын этимологийыштым шымлымаш – шочмо йылмын мут поянлыкшым, тудын кушкын шогымыжым эскерыме шотышто путырак кӱлешан паша. Садлан кӧра, мемнан шонымаште, тиде паша марий йылмын да марий калык историйын ӱчашымашан йодышлажым икмыняр рашемдаш полша, адакшым мутын шочмыжым, вияҥ толмо корныжым, илышыште кузе кучылталтмыжым эскераш йӧным ышта.

Морко кундемын ик талантан енже, Валентин Христофорович Колумб, марий кундемым тӱзаташ шуко надырым пыштен: ятыр произведенийым шочмо Морко кундемже да тыгак йӧратыме Марий Эл нерген серен. Пӱртӱсым чонаҥден, айдеме илыш дене иктӧр шынден. В. Колумб шке поэзийышкыже гуманизм идейым пурта, пӱртӱсым, тудын озажым – айдемым – йӧраташ кумыланда.

В. Колумбын сылнымутыштыжо топоним-влак: Арын – «Эре чоҥешташ», Весьшӱргӧ – «Тул кайык», Вончыдӱр – «Илен улмаш ик марий», Вончӱмбал – «Энгерсолаште», Йошкар-Ола – «Энгерсолаште», Какшан – «Эре чоҥешташ», Кожлаер – «Илен улмаш ик марий», Кугызан курык – «Эре чоҥешташ, чоҥешташ», Оршаҥге – «Эре чоҥешташ, чоҥешташ», Пумыр ял –«Эре чоҥешташ, чоҥешташ», Ӱшӱт – «Тул кайык», Чавайнур – «Порылык», Шор-Уньжа – «Эре чоҥешташ, чоҥешташ», Элнет – «Порылык», Энгерсола – «Порылык», Юл – «Эре чоҥешташ, чоҥешташ» [2, с. 5–41; 3, с. 23–37].

Пример шотеш топоним-влакын этимологийыштым ончалын лектына.

Арын – *Рӱмбалгеш вӱдылалтын Арын клуб.* В. Колумб. Морко кундемыште.

Арын – ойконим. И. С. Галкин, Ф. И. Гордеевын шымлымашыж дене келшен, тыге палемда: «Села тудым негызлыше енъын лӱмжӧ – Арын дене лӱмдалтын. Тиде антропоним татар йылме гыч кӱсынлымӧ, таҥастарыза: Арын (Арлын) ‘посопный татарин’» [1, с. 72].

Вончыдӱр – ойконим – композита.

Вончо гидронимын тӱҥжым И.С. Галкин ненец йылмысе *вонч* ‘яма, впадина, лобжина, овраг’ мут дене таҥастара. Тиде мутын акрет годсо формыжо, тудын шонымаште, Вонжа улмаш. Тыште И.С. Галкин энер лӱмым ыштыше *-жа* суффиксым ойыра да тыгай иктешлымашым ышта. *Тӱр* ‘край, окраина, опушка’ – кугезе финн-пермь йылме годсо мут. Таҥ.: удмурт *дур* ‘край предмета’; коми-зырян *дор* ‘край, кромка, кайка’.

Юл. *Марий сер деке Юл ӱмбачын.* В. Колумб. Арбуз.

Юл – гидроним. Ф.И. Гордеев ты лӱмым индоиран йылме гыч кугезе финн-угор йылме еш улмо годым кӱсынлымылан шотла [1, с. 72].

Энерсола. *Энерсола чодрасе гай / Шолдыра куэм кӧ ужын огыл*. В. Колумб. Морко куэ.

Энерсола – ойконим – композита: *энер* да *сола*. Энер ‘река, речка’ урал кугезе йылме годсо шомак [1, с. 96]. Сола ‘селение, сола’ < руш владимиро-поволжский соло, таҥ.: лит. село [4, с. 26].

Пашам иктешлен, тыге каласен кодыман: Валентин Колумбын произведенийлаштыже топонимым кучылтмаш моткоч кӱлешан да пайдале. Вершӧр лӱм дене кылдалтше паша саскаже утларак поян да у сынан улеш, марий сылнымутан литературыштына палынак кышам кода.

Литератур

1. *Галкин И.С*. Марий исторический лексикологий: тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986. 72 с.

2. *Колумб В.Х*. Эре чоҥешташ: почеламут-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 180 с.

3. *Колумб В.Х.* Почеламут-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. 1965. 143 с.

4. *Кузнецов В.В.* К вопросу о происхождении топоформанта -*сола* в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1978. С. 25–33.

А.И. Загребина, О.Б. Стрелкова
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В УДМУРТСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)

Статья посвящена исследованию и сопоставлению словообразования имён существительных в удмуртском и финском языках. Особый интерес представляет деривация отглагольных существительных: один суффикс в удмуртском языке используется при образовании слов с различными значениями, таким образом, в финском языке обнаруживается несколько его соответствий.

Ключевые слова: *сопоставительное языкознание, удмуртский язык, финский язык, имя существительное, словообразование.*

В каждом языке существует целая система способов словообразования, которые различаются в зависимости от того, какие словообразовательные средства используются в мотивированных словах. Как известно, словообразовательные способы обладают разной степенью продуктивности. Продуктивным является тот способ словообразования, который служит образцом для образования новых слов в современном языке; а словообразовательный способ, который не даёт новообразований в современном языке, называется непродуктивным. Именно с точки зрения продуктивности / непродуктивности хотелось бы рассмотреть некоторые аспекты словообразования в финском и удмуртском языках.

Если рассматривать словообразование удмуртского и финского языков, то эти языки ещё не так хорошо изучены в сопоставительном аспекте, хотя отдельные труды по словообразованию финского языка мы можем отметить. Это

работы таких исследователей, как Jouko Vesikansa («Johdokset» = «Словообразовательные суффиксы», 1978) [1], Vesa Koivisto («Suomensanojenrakenne» = «Словообразование слов в финском языке», 2013) [2]. А в удмуртском языкознании этот вопрос является одним из наименее исследованных. Поэтому на сегодняшний день вопрос сопоставительного изучения словообразования в удмуртском и финно-угорском языкознании является очень актуальным.

Суффиксальный способ – это наиболее употребляемый способ словообразования как в финском, так и в удмуртском языке, так как путём прибавления к производящей основе словообразовательного суффикса получается множество новых слов. Прежде всего, для имён существительных в данных языках широко распространяется суффиксация. Именно это и стало темой нашего исследования.

Целью данной работы является исследование и сопоставление словообразовательных суффиксов имён существительных в удмуртском и финском языках, выявление общих и отличительных черт между языками в области словообразования.

В работе «Морфология удмуртского языка» 2011 года уже дана достаточно подробная классификация словообразовательных суффиксов имён существительных, а также их значения [3, с. 56–60], поэтому мы при сопоставлении с материалами финского языка преимущественно опирались на эту классификацию.

Суффиксы существительных, образованных от глагола (отглагольных существительных). В удмуртском языке это суффиксы *-он* (*-ён*), *-н*, а в финском – *-minen, -us*(*-ys*). В обоих языках эти суффиксы являются продуктивными. Они имеют разные значения:

1. Длительное действие (процесс): удм. *гожъяськон* – ф. *kirjoittaminen* ‘процесс письма, написание’, удм. *пукон* – ф. *istuminen* ‘сидение’, удм. *лыдзиськон* – ф. *lukeminen* ‘чтение’, удм. *мынон* – ф. *käveleminen*‘ходьба’, удм. *учкон* – ф. *katsominen* ‘осмотр’, удм. *кӧлон* – ф. *nukkuminen* ‘процесс сна’.

2. Одиночное действие: удм. *юан* – ф. *kysymys* ‘вопрос’, удм. *валэктон* – ф. *vastaus* ‘ответ’, удм. *пумиськон* – ф. *tapaus* ‘встреча’. Соответственно, в подобном значении одиночного действия суффиксу *-он* удмуртского языка соответствует суффикс *-us(-ys)* финского языка.

3. Слова, обозначающие предмет: удм. *усьтон* – ф. *avain* ‘ключ’, удм. *ӵушкон* – ф. *pyyhe* ‘полотенце’. Таким образом, при обозначении предмета суффиксу *-он* удмуртского языка соответствуют существительные, образованные с суффиксами *-in, -e* финского языка.

4. Чувственное восприятие: удм. *шокан* – ф. *hengitys*‘дыхание’, удм. *шӧдон* – ф. *aavistus* ‘предчувствие’.

В удмуртском языке встречаются примеры слов, образованных от словосочетаний: удм. *куасэн ворттылон* – ф. *hiihtäminen* ‘катание на лыжах’, удм. *тодэ ваён* – ф. *muisteleminen* ‘воспоминание’, удм. *жоже усён* – ф. *katkeroittaminen* ‘огорчение’, удм. *конькиен ворттылон* – ф. *luisteleminen* ‘катание на коньках’.

Итак, мы пришли к выводу, что семантика слов с вышеперечисленными суффиксами и в удмуртском, и в финском языках совпадает. Мало того, слова образуются от основ глаголов и в обоих языках одинаковое образование слов. Таким образом, словообразовательному суффиксу *-он* (*-ён*), *-н* удмуртского языка в различных значениях соответствуют суффиксы *-minen, -us(-ys), -in, -e* финского языка.

Следующий рассмотренный нами суффикс в удмуртском языке *-лык.* Он соответствует финскому *-us (-ys).* С данными суффиксами как в удмуртском языке, так и в финском слова образуются или от существительных, или от прилагательных. Можно выделить следующие группы:

1) слова с обобщённо-собирающим значением: удм. *байлык* – ф. *rikkaus* ‘богатство’, удм. *визьлык* – ф. *älykkyys*‘ум’, удм. *зэмлык* – ф. *totuus* ‘правда’, удм. *дунлык* – ф. *arvous* ‘ценность’;

2) слова, основы которых обозначают возможность действия, указанного в основе слова: удм. *луонлык* – ф. *mahdollisuus* ‘возможность’, удм. *каронлык* – ф. *velvollisuus* ‘долг’, удм. *быгатонлык* – ф. *taitavuus* ‘умение’;

3) слова, которые обозначают отвлечённое качество: удм. *чеберлык* – ф. *kauneus* ‘красота’, удм. *тырлык* – ф. *kyläisyys* ‘сытость’, удм. *лулчеберлык* – ф. *henkkisyys* ‘духовность’.

Можно сделать вывод, что эти слова по способу словообразования и по значению идентичны, то есть суффикс *-лык* синонимичен финскому *-us (-ys).*

Далее разберём суффикс *-чи* удмуртского языка и суффикс *-ja(-jä)* финского языка. Слова с суффиксом *-чи* образуются от существительных и обозначают, какой деятельностью занимается тот или иной человек. В финском же языке слова с суффиксами *-ja (-jä)* образованы от глаголов, а семантика слов та же, что и в удмуртском языке. Например, удм. *вузчи* – ф. *myyjä* ‘продавец’, удм. *ӧнерчи* – ф. *järjestäjä* ‘организатор’, удм. *крезьгурчи* – ф. *säveltäjä* ‘композитор’. В действительности это те суффиксы, которым сложно найти идеально совпадающие примеры, так как они имеют разные основы, от которых образованы данные слова.

В последнее время в удмуртском языке часто встречаются слова на *-ни.* Раньше этот суффикс был популярен только для северных удмуртов. В удмуртском языке существительные с данным суффиксом образуются от отглагольных существительных с суффиксами *-он* (*-ён*), *-н*. Они обозначают место, где проходит то или иное действие или явление. Например, *дышетсконни* ‘учебное заведение’, *вузкаронни* ‘магазин’, *ӵышкиськонни* ‘парикмахерская’, *эмезянни* ‘место, где собирают малину’, *сиськонни* ‘столовая’, *дугдылонни* ‘остановка’ и другие.

В финском языке с такой же семантикой выступает суффикс *-la(-lä).* Этот суффикс является очень популярным. С данным суффиксом новые слова образуются от существительных. Например, *kahvila* ‘кафе’, *mummola* ‘дом, где живёт бабушка’, *papilla* ‘дом приходского священника’, *ravintola* ‘ресторан’, *sikala* ‘хлев’. Встречаются также и примеры подобных моделей удмуртского языка: *myymälä* ‘магазин’, *uimala* ‘бассейн’. Они образованы от глагола с похожей структурой, таким образом, здесь мы можем отметить одинаковую словообразовательную модель.

Разберём на примере слова *myymälä* ‘вузкаронни’. Образовано от глагола *myydä* ‘продавать’, в удмуртском от глагола *вузкарыны* ‘продавать’. Часть *-mä* соответствует удмуртскому *-он* (суффикс отглагольного существительного), суффикс *–lä* семантичен удмуртскому *-ни*. Также с помощью суффикса *-la(-lä)* в финском языке образовано очень много фамилий, названий населённых пунктов, фирм: *Mattila, Kivelä, Hartola, Heinola, Kouvola, Vammala, Pirkkala.*

Следующий суффикс с таким же значением *-mo (-mö)*. Например: *kampaamo* ‘парикмахерская (дамская)’, *korjaamo* ‘ремонтная мастерская’, *leipomo* ‘пекарня’, *valokuvaamo* ‘фотоателье’. Другой суффикс, соответствующий удмуртскому *-ни,* суффикс *-kki*: удм. *дугдылонни* – ф. *pysäkki* ‘остановка’. Рассмотрев ряд соответствующих примеров, делаем вывод, что суффиксу *-ни* удмуртского языка подходят суффиксы *-la(-lä), -mo(-mö), -kki* финского языка, то есть слова с данными суффиксами обозначают место действия, в финском языке с их помощью также образуются фамилии и названия населённых пунктов.

Финскому суффиксу *-ja(-jä)* соответствует удмуртский *-сь, -ись* (*-ӟись*). Например, удм. *ветлӥсь* – ф. *kävijä* ‘ходящий’, удм. *лыдӟись* – ф. *lukija* ‘читатель’, удм. *чорыгась* – ф. *kalastaja* ‘рыбак’. Таких примеров можно найти достаточно много. В удмуртском языке данные примеры являются субстантивированными причастиями. В действительности мы уже не задумываемся о том, что эти слова являются причастиями: *дышетскись* ‘ученик’, *дышетӥсь* ‘учитель’.

Суффикс финского языка *-ri (-uri/-yri)* с соответствующим значением также похож на суффикс удмуртского языка *-сь, -ись (-ӟись).* Образуются производные слова, обозначающие человека, деятеля, профессию или инструменты, с помощью которых осуществляется какая-то деятельность. Производящим словом может быть глагол или грамматическое имя (существительное, прилагательное). Рассмотрим на примере: удм. *пыжиськись* – ф. *leipuri* ‘пекарь’, удм. *кышкась* – ф. *pelkuri* ‘трус’, удм. *суредаськись* – ф. *maalari* ‘художник’, удм. *ӵышкись* – ф. *parturi* ‘парикмахер (мужской)’.

В удмуртском языке имеется малопродуктивный суффикс *-ос*, финским соответствием является *-i, -e*. Например, удм. *тодос* – ф. *tiede* ‘наука’, удм. *быгатос* – ф. *taide* ‘искусство’, удм. *будос* – ф. *kasvi* ‘растение’. Таким образом, суффикс *-ос* прямо идентичен суффиксам *-i, -e* по значению и по образованию слов.

Таким образом, исследуя суффиксальный способ словообразования в удмуртском и финском языках, мы нашли много общего. Рассмотрев только некоторые суффиксы, мы можем сказать, что это очень интересная и необходимая тема в современном удмуртском и финно-угорском языкознании. Данная тема является актуальной, поскольку подобной работы в сопоставительном аспекте не имеется.

Литертура

1. *Vesikansa Jouko*. Johdokset. Porvoo: WSOY:ngraafisetlaitokset, 1978. 142 s.
2. *Koivisto Vesa*. Suomen sanojen rakenne. Helsinki: Hakapaino Oy, 2013. 387 s.
3. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко дышетскон издание / *А А. Алашеева, Д.А. Ефремов, Т.М. Кибардина, Н.В. Кондратьева, С.В. Соколов,*

О.Б. Стрелкова, И.В. Тараканов, Н.Н. Тимерханова, А.Ф. Шутов; кылкутйсь ред. *Н.Н. Тимерханова*. Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 408 б.

З.Г. Зорина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

О СОСТАВЕ СОГЛАСНЫХ В МАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена описанию согласных в горномарийском и луговомарийском языках, основанному на инструментальных исследованиях; подробно рассмотрена картина развития и распространения фонемы /b/.

Ключевые слова: *марийские языки, горномарийский язык, луговомарийский язык, консонантизм, губные согласные, дистрибуция, фонетическая характеристика.*

Фонетические характеристики согласных фонем луговомарийского языка достаточно подробно изучены Л.П. Грузовым, и имеются данные Н.М. Новоселовой по спектральным характеристикам луговомарийских сонорных согласных [2; 3; 4]. Какого-либо последовательного описания горномарийских согласных, основанного на инструментальных исследованиях, в литературе до настоящего времени не имеется. Отдельные сведения о них мы находим у Л.П. Грузова [2; 3] и попытку их описания – у А.А. Саватковой [10; 14].

По существующему до настоящего времени мнению, система согласных каждого из марийских языков насчитывает по 23 фонемы. Традиционно считается, что различие в консонантизме горномарийского и луговомарийского языков заключается в том, что в горномарийском языке имеется среднеязычное /ɦ/, а в луговомарийском — заднеязычное смычное /ŋ/. Однако современные инструментальные исследования свидетельствуют о присутствии в составе согласных горномарийского языка так же заднеязычного смычного /ŋ/ и редчайшего явления в языках мира – гортанной смычки /ʔ/. Таким образом, в луговомарийском языке функционируют 23 фонемы, в горномарийском – 25 согласных фонем.

В литературе практически нет сведений о качественно различных позиционных аллофонах марийских согласных, обусловленных их позицией относительно начала, середины или конца слова, ударного и безударного слога, комбинаторными позициями перед гласными переднего и заднего ряда. В артикуляционном плане характерной чертой всех марийских согласных является слабая напряженность в фокусе образования согласных.

При внешней «схожести» согласных в горномарийском и луговомарийском языках каждый согласный может иметь свои артикуляторные тонкости, т.к. внешнее «совпадение» некоторых фонем в разных системах еще не означает совпадение их артикуляторных и акустических характеристик, ибо разные системы, как правило, порождают разные отношения своих элементов друг к другу. Этому могут способствовать, например, различие в частоте

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-18032.*

встречаемости горномарийских и луговомарийских согласных, их дистрибуция и т.д. [15].

В классификационную таблицу марийских согласных, различающихся по активному действующему органу, традиционно включаются следующие фонемы:

• губные: /p/, /b/, /m/, /ф/, /ß/. Марийские губные согласные являются губно-губными. Следует отметить, что в настоящее время под влиянием русского языка в речи грамотных мари губно-губные /ф/, /ß/ чаще заменяются губно-зубными /f/, /v/.

• переднеязычные: /t/, /ð/, /d/ , /n/, /z/, /š/, /ž/, /c/, /č/, /l/, /s/, /r/;

• среднеязычные: /ɲ/, /j/, /λ/, /ɦ/ – в горномарийском;

• заднеязычные: /k/, /ɳ/, /γ/, /g/ , /x/;

• гортанная смычка: /?/ – в горномарийском.

В данной статье мы рассмотрим лишь четыре согласных /p, b, ф, ß/ группы губных согласных, требующих особого внимания. Считается, что звонкий губно-губной **б** /b/ входит в состав согласных фонем современных марийских языков как заимствованный из русского. Соответственно этому его дистрибуция в марийских языках такая же, как и в русском языке.

В литературе существует мнение, что «согласный Б в дописьменном марийском языке встречался только после губно-губного смычного сонорного звука М; <…> в заимствованных словах он заменялся звуком П или В» [6, с. 35]. «Мари не различает **б** и **в**, не чувствует разницы между ними. Поэтому эта фонема русского языка на марийской почве субституировалась и субституируется через **п** и **в**» [10, с. 27]. «Как определенный звук он (**б**) выступал в марийском языке и раньше. Но его употребление в большинстве диалектов было ограничено одним фонетическим положением – он встречался лишь после **м** в сочетании *мб*: *ломбо* [l'ombo] – черемуха, *комбо* [k'ombo] гусь и др.» [3, с. 212]. Далее Л.П. Грузов переходит к объяснению реализации **б** в русских заимствованиях, отмечая: «Согласный **б**, встречающийся в положении после **м** (*комбо*) или в восточных говорах в начале слова (бяр [*byr*] – кровь), является или комбинаторным, или же факультативным оттенком фонемы **в** /б/, но фонематической самостоятельности он не имеет» [3, с. 213]. В «Основах финно-угорского языкознания» отмечено, что употребление **б** /b/ в положении после смычного сонанта **м** дает право считать согласный **б** смычным вариантом билабиального **в** /ß/; **б** включается в состав фонем марийского языка, т.к. он получил широкое распространение благодаря многоисленным заимствованиям из русского языка» [5, с. 37].

В связи с этим попытаемся рассмотреть картину развития и распространения фонемы /b/. Рассуждение начнем с того, что в исконно марийских словах типа *комбы, ломбы* следует признать произнесение [b] после **м** как результат ассимиляции. В некоторых марийских диалектах, в частности, малмыжском, произнесение [b] в анлауте (не в комбинации с /m/) является нормативным. Так, в малмыжском имеем *бож* [boɦ] – корень (горн. *важ* [ßaž], луг. *вож* [ßož]), *бизыт* [b'izət] – пять (гор. *вызыт* [ßə'zət], луг. *визыт* [ß'izət]) и др., т.е. здесь (в диалекте) может быть другой состав фонем.

Факт живой реальной речи демонстрирует, что в начале исконно марийских слов (но не русских заимствований) на месте графического **в** некоторые мари произносят или [b], или [ß]. Например, *вадеш* "вечером" может произноситься как [ß'adeš] или [b'adeš], *вуй* "голова" как [ßuj] или [buj] и др. То есть не только на месте **б** может произноситься [б], но и на месте **в** может произноситься [b]. Это явление похоже на свободные варианты. Объяснять этот факт только влиянием русского языка, к ажется, нет оснований по той причине, что «путают» эти звуки чаще всего мари пожилого возраста, т.е. те, которые практически крайне мало были знакомы с русским языком, соответственно речь которых подвергалась гораздо меньшему влиянию русского языка. Звуковой строй русского языка не мог изменить речь этих мари в такой степени, чтобы они в марийских словах вместо [ß] произносили [b]. Причина, по-видимому, не в том, что мари только в русских заимствованиях на месте **б** иногда произносят [b], т.е. причина не в переносе русского [b] в марийский и передаче его через [ß]. Очевидно, ее следует искать в возможностях и способностях внутренней системы самих марийских языков порождать и развивать то или иное фонетическое (фонематическое) явление.

Появление /b/ в венгерском, удмуртском, коми, мордва и марийских языках, по-видимому, не было случайным. Исторически была возможна следующая модификация [12, с. 268]:

а) начальное /p/ могло:

– сохраниться в финно-угорских языках: гор. *пырак* [p'ɘrak] – пыль, луг. пурак [pur'ak], венг. [por], фин. [poly];

– измениться в [f] (венгерский язык) и [ß] (марийские языки): венг. [fei], [fø] - голова, манс. [panɳ], коми [pon], морд. [pe], мар. [ßuj] и др.;

– озвончиться в [b]: венг. [bal] – левый, [bog] – узел; праперм. *бер* [ber] - место (сзади), гор. *вӓр* [ßär], луг. *вер* [ßer]. Процесс озвончения, по-видимому, происходил и в прамарийском языке, о чем может свидетельствовать малмыжский диалект. Так, малмыж. *бакшаш* [bakšaš] – стлать, фин. [p] *anna*; малмыж. *баштареш* [baštareš] – навстречу, фин. [v] *astaan*, гор. [ß]*аштареш* и др.;

б) инлаутное /p/ сохранилось в финском, обско-угорских языках, встречается оно и в марийских языках. В венгерском и мордовском он развился в [v], в марийских (в некоторых случаях и в хантыйском) – в [б], в пермских языках (иногда и в венгерском) исчез: фин. *re* [p] о – лиса, венг. *ra* [v]*asz*, морд. *ри*[v]*е*, гор. ӹ*рвӹж* [ə ' rßəž], луг. *рывыж* [r'əßəž]; гор. *лӹпӹ* [l' ərə] – бабочка, луг. *лыпе* [l'ɘre] и др. [12, с. 269].

Таким образом, выдвигаемое нами положение о появлении /b/ в марийских языках как результата озвончения согласных, основана на развитии /b/ из /p/, равно как и /ß/, и /ф/ из /p/. При этом, разумеется, не отрицаем присутствие /b/ и как комбинаторного варианта, о котором говорилось выше. В ходе исторического развития фонетических систем /b/ закрепилось в венгерском, удмуртском, коми, мордовском и некоторых диалектах марийских языков (в частности, малмыжском). Малмыжский диалект, а также речь горных и луговых мари, фактически наполненная реализацией /b/ (потому и «путают» его с [ß]), являются свидетельством того, что явление озвончения не было

чуждым марийским языкам, оно имело определенную протяженность во времени, но не было устойчивым. С возникновением письменности в качестве нормы (разумеется, кроме произношения, на то были и этимологические основания) закрепляется в /ß/ как в интервокальной позиции, так и в начале слова. Условием перехода /p/ в /b/ могла быть привативная оппозиция. При этом и /p/, и /b/ характеризуются слабой смычностью. В свою очередь, именно слабосмычность (особенно в интервокальном положении), по-видимому, и способствовала модификации [p] в [б], а в дальнейшем и «смешению» [b] и [ß], т.е. нечеткому артикуляторному противопоставлению смычности/несмычности.

В какой-то период [b] и [ß] могли выступать равноправными «конкурирующими» единицами для выражения той или иной словоформы: в одних случаях побеждало [b], в других [ß], т.е. это были свободные варианты. Примером как бы «приспособления» фонетических средств к фонологической системе и является речь мари со смешением [b] и [ß], а как результат устойчивости – «победы» [b] – малмыжский диалект. В целом же, система самих марийских языков смогла сохранить [b] в позиции после [m] внутри морфемы и после [m], [n] – на стыке морфем. Например, *кун патя* [k'ynbaђa] – чей ягненок, *тум партня* [t'umbær?ŋæ‘] – дубовая почка ([ß] после [m], [n] может и сохраняться: г. *кенвазаш* [kenß'azaš] – упасть, *кем вык* [kemß′ək] - на сапог и др.). В других же позициях система как бы «раскачивалась» в выборе [b] или [ß], оставляя их факультативными вариантами. С возникновением письменности (где [b] графически изображается как **б** и [ß] как **в** и связанном с этим формированием нормы перспектива потенциального развития противопоставления /b/ и /ß/ средствами самих марийских языков увеличивается.

Однако своего рода фактором развития противопоставления /b/ и /ß/ в марийских языках является и современный русский язык. Следует отметить усиление влияния русского языка в последнее столетие, ибо в начальном периоде контакта русского языка с марийским в самом севернорусском наречии не было противопоставления по глухости/звонкости для /b/ и /p/ в начале слов. В более раннюю пору такие слова, как *Порис* (Борис), *пагор* (багор) и др., марийские языки заимствовали с /p/ в начале слова, т.е. в той форме, в которой они существовали и в русском языке [11; 1; 7; 8; 9].

Для севернорусского наречия, вообще, было свойственно произношение губно-губного [w] (изменение [w] в [v] началось примерно с конца 16 в. и в разных говорах оно проходило различным образом). Стойкость губно-губного образования [w] в севернорусских говорах поддерживалось наличием губно-губного произношения [ф]: [w]ечевой (бечевой) волочили, [w]орону (борону) запрягали. В период перехода от произнесения [w] к [v] «носитель севернорусского наречия предпочитал произнести близкий к [v] звук [b], т.е. обязательно сохранить смычный характер согласного: [b]*озле бочки*, *он там жи*[b’]*от* и т.д.» [9, с. 51]. Такая неустойчивость в самом русском языке, конечно, могла влиять на марийские языки, но трудно представить, что именно это заставляло мари «путать» [b] и [w/ß] в то время, когда не было тесных контактов между мари и русскими.

Таким образом, можно полагать, что однозначной интерпретации существования /b/ в марийских языках только как заимствованного из русского, быть не может. Согласный /b/ был известен в марийских языках и в дописьменную эпоху: существовал в них в качестве и комбинаторного (*комбы*), и факультативного (/b/*ады*, /ß/*ады*), в некоторых диалектах и обязательного варианта (*бур*). Другими словами, можно сказать, что /b/ как явление фонетическое существовало в самих марийских языках. Приобрести окончательный фонологический статус в марийских языках помог русский язык своими многочисленными лексическими «вкраплениями», например: бинт [bint] – винт [vint] и др., что, в свою очередь, привело к развитию противопоставления [b] и [ß] / [v] в самих марийских языках (г. *балл* [bal] – г. *вал* [ßal] / [val] – колода для водопоя и др.) и соблюдению их различия в русской речи и речи на родном языке носителей марийских языков.

Известно, что важнейшей особенностью системы согласных фонем является параллельность изменений отдельных групп согласных в одинаковых условиях, что может образовать соотносительные ряды согласных с различением по признаку звонкости-глухости (или по твердости-мягкости) [13]. Таким образом, в марийских языках по подобию /p – b/ развилось и соотношение /ф – ß/.

Литература

1. *Вострикова О.В.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 99 с.
2. *Грузов Л. П.* Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 162 с.
3. *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1965. 244 с.
4. Новоселова Н.М. Спектральные характеристики сонорных согласных марийского языка // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1975. С. 176–189.
5. Основы финно-угорского языкознания (марийск., перм. и угорск.). М.: Наука, 1976. 463 с.
6. *Пенгитов Н.Т.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Ч. I: Введение, фонетика, морфология. Йошкар-Ола, 1958. 175 с.
7. Русская диалектология / под ред. *Н.А. Мещерского*. М.: Выс. шк., 1972. 302 с.
8. Русская диалектология / под ред. *В.И. Аванесова* и *В.Т. Орловой*. 2-е изд. М.: Наука, 1965. 305 с.
9. Русская диалектологи я / под ред. *В.В. Колесова*. М.: Выс. шк., 1990. 207 с.
10. *Саваткова А.А.* Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969.
11. *Ткаченко О.Б.* Очерки теории языкового субстрата. Киев: Наукова Думка, 1989. 207 с.
12. *Хайду П.* Уральские языки и народы / под. ред. *К.Е. Майтинской*. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
13. *Catford J.C.* Fundamental Problems in Phonetics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1977. 187 p.
14. *Savatkova A.A.* Grammatik des Bergtscheremissischen. Szombathely: savariae, 2002. 292 p.

15. Veenker W. Zur phonologischen Statistik der eremissischen (marischen) Schriftsprachen // Советское финно-угроведение. 1980. № 2. С. 106–134.

Ю. Изергина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙ ЙОМАКЫШТЕ СЫЛНЕШТАРЫМЕ ЙӦН-ВЛАК

Статья посвящена изобразительно-выразительным средствам разных уровней в марийской сказке. Значительное место уделено средствам фонетического и синтаксического уровней. Определены виды троп: метафора, олицетворение, сравнение, эпитет, гипербола, литота.

Ключевые слова: *фольклор, сказка, изобразительно-выразительные средства, тропы.*

Йомак – калык ойпогын ик тӱҥ жанрже. Тудо фольклорын вес жанрже-влак гаяк поян шондыклан шотлалтеш. Литературын виянҥме корныштыжо тудо кугу верым налын шога. Йомакын тӱрлӧ типше-влак сылнымут да лингвистике могырым кугу интересым шочыктат [1; 6; 7].

Йомакыште автор тӱҥ геройлан характеристикым ок пу. Тиде тӱҥлан шотлалтеш. Предметын могай улмыжо да чын лиймылан тӱткӧ описаний уке. Тиде жанрын посна палыже семын ик планан действий виянҥмашым палемдаш лиеш [2, с. 32–33]. Йомакыште тыглай (проста) действий гынат, тудо шуко эмоцийым ончыктен кертеш.

Йомак-влакын синтаксисышт, устный ойлымо ой дене таҥастарымаште, нелырак, келыштаралт чоҥалтыныт. Тыгак шуко тӱрлӧ муткылдыш модель-влак да тӱрлӧ типан простой да сложный предложений дене ончыкталтын. Предложений тип поянлыклан кӧра йомакыште стилистике йӧн-влакым шуко вашлийына. Нунын описанийышт да классификацийышт фольклорист да йылмызе-влак коклаште эше шымлыме предмет лийын огытыл [6; 7].

Йомаклан, посна фольклор жанр семын, отечественный да йот фольклористикыште шуко паша пӧлеклалтын. Тиде жанр эпический, прозаический, сюжетан. Тӱрлӧ йомак тип-влак сылнымут да лингвистике планыште шуко оҥайым ончыктен кертыт. Тачысе кече марте эртаралтше шымлымаш-влак, тӱҥжым, мотив ден сюжет анализлан энертен эртаралтыныт (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский да т.м.), тыгак, цельышт дене келшышын, йомакын тӱҥ структур элементшым умылтареныт (В.Я. Пропп, А.Н. Никифоров, Е.М. Мелетинский да т.м.) [2, с. 34–35].

Йомакым лончылымаш марий йомакын поянлык кӱкшытшым ончыктен. Теве тыгай фонетике да синтаксис йӧн-влакым ойырымо: 1) инверсий, предложенийыште член-влакын почела огыл шогымышт; 2) рифме, предложений мучаште икгай але ялт икгай шоктымаш; 3) мут, муткылдыш але предложений повтор: анафор, эпифор.

Марий йылмыште стилистике йодышым шке пашалаштышт Е.Н. Мустаев, О.А. Сергеев, З.В. Учаев нӧлталыныт, фольклорым К.А. Четкарев, В.А. Акцорин, С.С. Сабитов, Н.Н. Глухова шымленыт [3, с. 34–35].

Синтаксис кӱкшытыштӧ марий йомакым лончылымаш тудын тӱрлӧ да поян улмыжым ончыктен. Лексике ужашын подсистемышкыже образный йӧн-влак пурат. Стилист-влак нуным эше троп маныт. Тушко танастарымаш, метафор, метонимий, олицетворений, эпитет, перифраз, гиперболо, литото да молат пурат [5, с. 57]. Стилистике сылнештарыме йӧн-влак кеч-могай йылмынат сылнештарыме да образ йӧнышт гыч шогат. Тыгай шымлымаш-влак марий фольклорын поян улмыжым ончыктат. Нине йӧн-влак тыгак кутырымо ойыштат, марий йылмын моло стильлаштыжат кучылталт кертыт. Тиде поянлыкым «Ший пӱян Ший Пампалче» марий йомакыште фонетике да синтаксис кӱкшытыштӧ лончылымо, сылнештарыме йӧн-влак гоч ойырен кодымо. Аллитераций, ассонанс да ономатопей йоча йомаклаште кучылталтыт. Марий возыктыш вара вияҥаш тӱҥалын, сандене, тукым гыч тукымыш текстын структуржым йомдараш огыл да йомакын сюжетшым шарнен кодаш манын, тыгай йӧн-влак кугу полышым пуат. Лач тыгай сылнештарыме йӧн-влак фонологий кӱкшытыштӧ тӱҥ функцийым шуктен шогат. Марий йомакыште лачак сылнештарыме йӧным почын ончыктымаш фольклор жанрын типичный корныжым палемдаш полша [2, с. 52].

Марий йомакыште тӱрлӧ типан сылнештарыме йӧным келыштарымаш юзо тӱням ышта. Жанрын йылме йӧнжӧ-влакын поян потенциалже лудшо, колыштшо, шымлызе-влакын тӱткышыштым кумыланда.

Литератур

1. *Акцорин В.А.* Некоторые методологические проблемы изучения марийского фольклора // Проблемы изучения марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1986. С. 5–24.

2. *Глухова Н.Н.* Пространство персонажей марийских сказок // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития: науч. альманах. Тамбов, 2015. С. 31–35.

3. *Глухова Н.Н.* Текстовые признаки марийской сказки // Народное творчество и профессиональное искусство марийцев. Йошкар-Ола, 2002. С. 34–40.

4. *Тимофеева Н.В.* Средства экспрессивности марийской волшебной сказки // Финно-угроведение, 2005. № 2. С. 89–102.

5. *Тимофеева Н.В.* Система стилистических средств марийской волшебной сказки // Финно-угроведение, 2006. № 1. С. 52–69.

6. *Сабитов С.С.* Сюжеты марийских волшебных сказок // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1989. С. 20–43.

7. *Четкарев К.А.* Максим Горький и проблемы марийского фольклора // Ученые записки. Литература, фольклор, искусство. Вып 4. Йошкар-Ола, 1951. С. 8–35.

М.Т. Ипакова
МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНЫХ И РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО НА МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена особенностям и проблемам перевода официальных и рекламных текстов. При исследовании текстов перевода нами выявлены такие виды трансформации, как перестановка, добавление, опущение и замена.

Ключевые слова: *замена, перестановка, трансформация, опущение, калькирование, описательный оборот, неологизм.*

Настоящая работа посвящена особенностям перевода официальных и рекламных текстов. Тема исследовательской работы представляется актуальной, так как с развитием информационных технологий началось стремительное расширение переводческой деятельности лингвистического направления. Актуальность выбранной темы также обуславливается необходимостью разработки конкретных образцов перевода в марийском языке и введения их в практику, унификации и стандартизации, упорядочения и усовершенствования специальной лексики официально-делового стиля.

Специфике перевода официальных и рекламных текстов с русского на марийский язык посвящена статья Л.Я. Григорьевой. При переводе, как отмечает исследователь, необходимо обратить внимание на порядок слов, тенденцию употребления простых предложений и словоформ единственного числа в марийском языке, различия в валентностях лексем, трансформацию заимствованных частей речи и сложносокращенных слов, возможности передачи значений иноязычных слов описательным методом или с помощью собственных мотивированных терминов [3, с. 59]. Актуальность выбранной темы становится более очевидной, если учесть то, что в марийском языкознании (кроме вышеназванного труда) отсутствуют работы, посвященные исследованию особенностей перевода официальных и рекламных текстов с русского на марийский язык.

Цель настоящего исследования – определить основные особенности и обозначить некоторые проблемы, связанные с переводом официальных и рекламных текстов с русского на марийский язык, а также предложить некоторые способы их разрешения. Предметом нашего исследования послужили тексты переводов с русского на марийский язык, поступившие в научно-исследовательский отдел языка МарНИИЯЛИ, а также материалы марийских газет «Кугарня» и «Марий Эл».

В процессе исследования текстов перевода с русского на марийский язык были выявлены следующие основные особенности:

1. Имена существительные множественного числа русского языка в марийском языке передаются в форме единственного числа, так как нередко форма единственного числа в марийском языке совершенно не указывает на отношение к количеству, т.е. «их значение не связано с выражением количественных отношений» [5, с. 41], например:

Русский текст:	***Перевод на марийский (луговой) язык:***
двери	*омса*
банкеты	*банкет*
готовые ***комплекты*** *на окно*	*окналан ямде* ***комплект***
товары малышам	*йоча* ***сату***
низкие цены	*шулдо* ***ак***
медицинские анализы	*медицине анализ*
сувениры *Марийского края*	*Марий кундемысе* ***сувенир***
изделия *из природных материалов*	*пӱртӱс* ***материал***
особые условия для ***постоянных клиентов***	***эре пайдаланыше клиентлан*** *посна йӧн*

Но:

школа иностранных ***языков***	*йот* ***йылме-влак*** *школ*
выходные дни	*каныш кече-влак*

Общеизвестно, что имена существительные в марийском языке с суффиксом *-влак* обозначают группу однородных предметов или лиц. Это отражается в текстах переводов:

выборы депутатов	*депутат-влакым сайлымаш*
Уважаемые избиратели!	*Пагалыме сайлыше-влак!*
Уважаемые покупатели!	*Пагалыме сатум налше-влак!*
график обслуживания ***налогоплательщиков***	***налог тӱлышӧ-влак*** *дене пашам ыштыме радам*
обслуживание частных ***клиентов***	*частный* ***клиент-влак*** *дене пашам ыштымаш*
лицам, не достигшим 18 лет, *продажа алкогольной продукции запрещена*	***18 ийыш шудымо-влаклан*** *аракам ужалаш чарыме*
Отдел делопроизводства и работы с обращениями ***граждан*** *администрации городского округа «Город Йошкар-Ола»*	*«Йошкар-Ола» ола округ администрацийын кагазвиктыш да* ***граждан-влак*** *дене пашам ыштыше пӧлкаже*
министерства *и* ***ведомства***	***министерстве*** *ден* ***ведомство-влак***
федеральные ***органы***	*федерал* ***орган-влак***
нормативные правовые ***акты***	*норматив права* ***акт-влак***
Государственные ***символы*** *Республики Марий Эл*	*Марий Эл Республикын кугыжаныш* ***символжо-влак***

2. Имена прилагательные русского языка, которые оканчиваются на *-ский (-ская), -ический (-ическая), -ный (-ная), -овая (-овой), -овый* на марийский язык переводятся именами существительными в именительном падеже например:

*косметиче****ский*** *кабинет*	*косметике пӧлем*
*букмекер****ская*** *компания*	*букмекер компаний*
*ортопед****ический*** *салон*	*ортопедий салон*
*сервис****ный*** *центр*	*сервис рӱдер*
*компьютер****ный*** *клуб*	*компьютер клуб*
*мультибренд****овый*** *салон свадебного и вечернего платья*	*сӱан ден кас тувыр мультибренд салон*
*товары быт****овой*** *химии*	*быт химий сату*
*виз****овый*** *центр*	*визе рӱдер*
*дилинг****овый*** *центр*	*дилинг рӱдер*

Но:

*груз****овой*** *шиномонтаж*	*груз****овой*** *машинаш шиным шындымаш*
*цифр****овой*** *супермаркет*	*цифр****овой*** *супермаркет*
*публич****ное*** *акционерное общество*	*публич****ный*** *акционер ушем*
*юрид****ический*** *адрес*	*юрид****ический*** *адрес*

3. Термины, образованные в русском языке с помощью приставок, переводятся на марийский язык **калькой,** например:

межкультурный	*тӱвыра кокласе*
противопожарный	*тулазап ваштареш шогышо*

Полукалькой:

межрегиональный	*регион кокласе*
межрайонный	*район кокласе*
межконфессиональный	*конфессий кокласе*

Из вышеуказанных примеров видно, что, когда переводятся и приставка и основа, второй компонент в марийском языке имеет полный эквивалент.

4. Сопоставляемые русские и марийские термины в рекламных текстах иногда образуют лакунарность. Термин русского языка не имеет эквивалента в марийском языке и образует в нем лакуну. В большинстве случаев она не заполняется, но иногда встречаются в терминосистеме такие лакуны, которые можно заполнить иным словом, подходящим только по значению (не синонимом) лакунарной единице.

В текстах переводов с русского на марийский язык лексические лакуны восстанавливаются с помощью:

а) калькирования:

«технологии комфорта»	*«комфорт технологий»*
сухая стяжка	*кукшо стяжке*
керамическая плитка	*керамике плитке*
широкий ассортимент ***пролетарских напитков***	*шуко тӱрлӧ* ***пролетар йӱыш***
огромный выбор ***буржуйских закусок***	*шуко тӱрлӧ* ***буржуй пурледыш***

б) описательного оборота (толкования), например:

рассрочка	*тӱлымӧ жапым шуяш лиеш*
антиквариат	*шергакан тошто ӱзгар*
корпоративы	*паша еш пайрем*
быстро, вкусно, ***натурально***	*вашке, тамле,* ***шке ыштыме***
прокат ***реабилитационного*** *оборудования*	***черланен кийыме деч вара тазалыкым тӧрлаташ*** *ӱзгарым жаплан пуымаш*

Как видно, вышеуказанные примеры в марийском языке имеют лакуну: нет лексического эквивалента и значение невозможно передать калькой или полукалькой. Только функциональное значение данных терминов даёт возможность заполнить лакуну описательным оборотом.

в) неологизмов, например:

ресторан	*сийгудо*
крепёж	*кучыктыш*
мебель	*пӧртарвер*
предприниматель	*амалкалче*

Фонд поддержки ***предпринимательства*** *Республики Марий Эл*	*Марий Эл Республикын* ***амалкалымашлан*** *полыш шотышто фондшо*

г) заимствований, например:

кафе	*кафе*
бассейн	*бассейн*
матрасы	*матрас*
кровати	*кровать*
телефон	*телефон*

5. При переводе текстов с русского на марийский язык неизбежна перестановка слов. Перестановка – это один из видов переводческой трансформации, при котором конструкция предложения (порядок слов) на русском языке не соответствует конструкции предложения на марийском языке, поэтому при переводе неизбежна перестановка слов, например:

солярии: вертикальный, горизонтальный	*шогыман да кийыман солярий*
продукт из Марий Эл	*Марий Эл гыч йӧрвар*
Центр психологии и развития личности	*Психологий да шкем вияҥдаш полшышо рӱдер*
Парк культуры и отдыха	*Тӱвыра да каныме парк*
«Школа МАТУР»	*«МАТУР школ»*
агентство путешествий	*путешествий агентстве*

6. Добавление в виде послелогов, союзов или каких-либо компонентов в марийских текстах. Добавление – прием перевода, который характеризуется использованием в переводящем языке единиц, которые отсутствуют или опущены в тексте исходного языка [4, с. 147], например:

заходи на кофеек	*кофем* ***йӱаш*** *пуро*
кофе с собой	*кофем пелен* ***налаш лиеш***
наш хозяйственный	*мемнан озанлык* ***кевытна***
займы выдаются по паспорту за 20 минут	*оксам кӱсын 20 минут жапыште пуат,* ***пелен*** *паспорт* ***лийшаш***
площадь Девы Марии	*Дева Мария* ***лӱмеш*** *площадь*

Примеры показывают, что без добавления тех или иных компонентов значения переводимого текста не передается полностью. Только уточнив их понятие, добавив поясняющие слова, получаем правильный перевод. В вышеуказанных конкретных примерах, в основе добавления лежит эквивалентность различных конструкций в русском и марийском языках.

7. Как правило, при переводе происходит опущение некоторых лексических единиц. Опущение – прием перевода, который характеризуется пропуском в переводящем языке единиц, которые присутствуют в тексте исходного языка, при сохранении семантической эквивалекнтности. Обычно при переводе опускаются слова, которые являются избыточными при восприятии текста [4, с. 152]. Эти единицы образуют особый пласт безэквивалентной лексики, поскольку ее передача на другой язык представляет особую трудность.

В таких случаях трудность перевода заключается в точном подборе соответствия. Однако однозначное эквивалентное соответствие подобрать практически невозможно, поэтому, в случае, если при переводе терминов не подобрано соответствие, данный термин не переводят, например:

ресторан марийской ***кухни***	*марий сийгудо*
Туристско-информационный центр ***города*** *Йошкар-Олы*	*Йошкар-Оласе турист увер рӱдер*
Музей истории ***города*** *Йошкар-Олы*	*Йошкар-Олан историй тоштерже*

8. Замена слов (терминов) и грамматических форм в марийском языке, например:

авторская *миникофейня*	***шке рецептан*** *изи кофейне*
классический *массаж*	***тыглай*** *массаж*
сеть *магазинов*	*кевыт* ***радам***

При переводе текстов с русского на марийский язык особого внимания заслуживает сопоставление существительных с предлогами. При сопоставлении терминосочетаний, где одним из компонентов является предлог определенного падежа, их эквиваленты в марийском языке могут быть в другом падеже, например:

все ***для*** *шитья и рукоделия*	*чылажат ургымаш ден кидпаша****лан***
автозапчасти ***для*** *иномарок*	*иномарку****лан*** *шапашужаш*
услуги ***для*** *частных клиентов*	*частный клиент-влак****лан*** *полыш*
одежда и обувь ***для*** *всей семьи*	*уло еш****лан*** *вургем ден йолчием*
ортопедическая обувь ***для*** *взрослых и детей*	*кугыеҥ ден йоча****лан*** *ортопедий йолчием*
на *жизнь, здоровье и всякий случай*	*ылыш****лан****, тазалык****лан*** *да кӱлеш лийме годым*
ставки ***на*** *спорт*	*спорт****лан*** *ставке*
шторы ***на*** *заказ*	*йодмо* ***почеш*** *окнасакыш*
мебель ***на*** *заказ*	*йодмо* ***почеш*** *пӧртарвер*

Форма родительного падежа с предлогом *для* в марийском языке заменяются также атрибутивным словосочетанием:

материалы ***для*** *авторемонта*	*машинам ачалыме ӱзгар*
товары ***для*** *дома*	*пӧрт сату*
место ***для*** *курения*	*тамак шупшмо вер*
фильтры ***для*** *воды*	*вӱд шокте*

Имя существительное единственного числа в именительном падеже заменяется суффиксом множественного числа в марийском языке, например:

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная (межпоселенческая) библиотечная ***система****» муниципального образования «Килемарский муниципальный район»*	«*Килемар муниципал кундем» муниципал ушемын «Рӱдерамдыме (ял кундем коклясе) книгагудо-****влак****» муниципал бюджет тӱвыра тӧнежше*

В вышеуказанном примере марийский суффикс -*влак* заменяет русское слово *система*, сохранив семантическую эквивалентность.

9. Надо обратить внимание на особый характер употребления в рекламных текстах личных и притяжательных местоимений, например:

наша мебель	***мемнан** пӧртарвер**на***
ваш голос – ваше будущее	***тендан** йӱк**да – тендан** ончыкылык**да***
наша страна, наш выбор, наш президент	***мемнан** эл**на, мемнан** сайлымаш**на,** мемнан президент**на***

Но: *«**Тендан** мебель» у кевыт почылтын* [2] ‘Открылся новый магазин «Ваша мебель»’. *Тый**ын**ат мебел**ет** уке гын, тол «Амарис» фирмыш!* [1] ‘Если у тебя нет мебели, приходи в фирму «Амарис»’. Словосочетания типа *мемнан мебель, тендан мебель* без притяжательных суффиксов широко употребляется в разговорной речи марийского языка. Но в литературном языке, как и в других финно-угорских языках, мы считаем, что они должны употребляться с притяжательными суффиксами, например: *мемнан пӧртарвер**на,** тендан пӧртарвер**да**.*

10. Особое место в официальных и рекламных текстах занимает указание времени в русском и марийском языках. Для марийского языка, как и для других финно-угорских языков, по-нашему мнению, не характерны такие формы, как, например: *спектакль латкум шагатлан тӱҥалеш* ‘спектакль начнется в тринадцать часов’. Эта конструкция заимствована с русского языка, в марийском языке данное предложение мы должны перефразировать следующим образом: *спектакль ик шагатлан тӱҥалеш* (или: *спектакль ик шагат кечывалым тӱҥалеш*). Но, к сожалению, по радио, телевидению, в марийских газетах, а также в рекламных текстах города мы встречаем только заимствованные с русского языка конструкции. Сравним следующие примеры:

Русский текст:	***Перевод на марийский (луговой) язык:***	***Варианты перевода:***
Приём заказов до 18.00	*Йодмаш 6 шагат кас марте налалтеш*	*Йодмаш 18.00 шагат марте налалтеш*
Вагон-ресторан работает до 23.00	*Ресторан-вагон 11 шагат йӱд марте пашам ышта*	*Ресторан-вагон 23.00 шагат марте пашам ышта*
Начало спектакля в 18.00	*Спектакль 6 шагат кастене тӱҥалеш*	*Спектакль 18.00 шагатлан тӱҥалеш*

11. Сложные термины (имена существительные и прилагательные) с русского на марийский язык также переводятся калькой или полукалькой:

Русский текст:	***Перевод на марийский (луговой) язык:***
*электр**о**материалы*	*электроарвер*
*электр**о**инструменты*	*электроӱзгар*
многопрофильный	*шуко профилян*
двухпалатный	*кок палатан*

Но термин *общеобразовательный* в марийском языке, в зависимости от контекста переводится следующим образом:

общеобразовательный (муниципальное общеобразовательное учреждение)	***туныктымо*** *(муниципал туныктымо тӧнеж)*
общеобразовательный (Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Кибеевская основная ***общеобразовательная*** *школа»)*	***общеобразовательный*** *(Йылеял тӱҥ* ***общеобразовательный*** *школ» муниципал бюджет туныктымо тӧнеж)*

12. Иногда в официальных или рекламных текстах используется рифма, и бывает довольно сложно воспроизвести перевод в стихотворной форме, при этом сохранив смысл. Однако примеры такого перевода всё-таки можно привести:

Аллея памяти *сотрудников органов внутренних дел по Республике Марий Эл,* *погибших при выполнении служебных обязанностей* *Герой не гибнет умирая:* *Двойная жизнь ему дана,* *И эта жизнь его вторая* *Бессмертной славою полна...*	*Марий Эл Республикысе элгӧргӧ паша орган-влакын* *службо пашам шуктышыштла ӱмыр лугыч лийше пашаеҥыштлан* *Шарнымаш аллей* *Ок мондалт талешке нигунам:* *Кок ӱмыр пӱралтын тудлан,* *Чеверласен волгалтара корнынам,* *Курымашлык чап чӱкталтеш эрелан...*
Мы помним! Мы гордимся! *Никто не забыт ... ничто не забыто!*	*Ме шарнена! Ме кугешнена!* *Нигӧ мондалтын огыл ... нимо мондымо огыл!*

Но не всегда удается сохранить рифму:

Аптека социальная – экономия реальная	*Социал аптеке – ситышын аныклымаш*

Таким образом, некоторые особенности перевода официальных и рекламных текстов обусловлены спецификой типологически разных языков, каковыми являются русский и марийский языки.

При исследовании текстов перевода нами выявлены такие виды трансформации, как перестановка, добавление, опущение и замена. Полученные результаты данного исследования позволяют утверждать, что при переводе используются полные эквиваленты, значительное место также занимают кальки и полукальки. Заимствования в большинстве своем незаменимы в официально-деловом стиле, марийский язык их заимствует в форме оригинала (*грузовой, цифровой и т.д.*). При переводе текстов также необходимо обратить внимание на особый характер употребления личных и притяжательных местоимений, единственного и множественного чисел в русском и марийском языках, описательных терминов и неологизмов. Правильный и точный перевод всегда делает информацию любого текста ясной и доступной.

Литература

1. Кугарня. 2016. 11 мар.

2. Марий Эл. 2015. 13 янв.

3. *Григорьева Л. Я.* Специфика перевода официальных и рекламных текстов с русского языка на марийский язык // Язык и социум: материалы Межрег. науч.-практ. конф., посв. Дню мар. письменности / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2015. С. 55–60.

4. Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.

5. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 322 с.

Л.В. Карпова, В.Н. Максимов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ОЛЫКМАРИЙ НАРЕЧИЙЫН ШЕҥШЕ ПОДГОВОРЫН ГРАММАТИКЕ ОЙЫРТЕМЖЕ

Статья посвящена анализу грамматических форм шиньшинского подговора лугового наречия марийского языка.

Ключевые слова: *марийский язык, луговое наречие, подговор, грамматика, прошедшее время глагола.*

Кеч-могай калыкынат эн тӱҥ палыже – йылме. Лач тудо нимо деч ончыч ик тӱшкаеҥ-влакым посна калыкыш чумыра. Тыге кажне калыкын шке йылмыже уло. Тудым ме чумыр калык йылме манына. Но чумыр калык йылме чыла вере йӧршеш икгай лийын ок керт, тыштат тӱрлӧ ойыртем-влак лектыт. Ик калыкынак йылмыже тӱрлыш савырнымаш кок амаллан кӧра лектын кертеш. Ик могырым, ончычсо посна тукым-влакын кутырымо ойыртемышт нунын иктыш ушнымек ышталт кодеш; вес могырым, посна тӱшка-влакын тӱрлӧ верыш илаш куснен, моло деч ойыралтмыштлан кӧра тӱрлӧ вашталтыш лектеш.

Марий йылме кужу илыш-корным эртен. Ожно тӱрлӧ вере илыше марий-влак коклаште пеҥгыде кыл лийын огыл. Вашкылым кучыде, посна-посна илымылан кӧра нунын йылмыштышт ойыртем лекташ тӱҥалын, варажым тудо эркын-эркын эре утларак пеҥгыдемын. Тыге марий йылме икмыняр наречийлан шелалтын: олыкмарий, эрвелмарий, курыкмарий, кас-йӱдвел наречий. Утларак кугу ойыртем олыкмарий да курыкмарий ден кас-йӱдвел наречий коклаште шижалтеш.

Марий йылмыште олыкмарий наречий чотшо денат, кумдыкшо денат эн кугу наречийлан шотлалтеш. Ты наречийыште ныл говорым ойырат: морко-шернур, йошкар-ола, волжск да вӱрзым, эше южышт тышкак липша говорым пуртат.

Морко-шернур говор Марий Эл Республикын Морко, Шернур, У Торъял, Куженер, Параньга районлаштыже, тыгак Советский да Оршанка район-влакын ужашыштыже, Мари-Турек районын касвел ужашыштыже кучылталтеш. Тиде говор марий литератур йылмын тӱҥжылан возын, сандене тыште ойыртем-влак шагал улыт. Мыланна лач морко-шернур говорын Шеҥше ял подговорешыже

чарнымына шуэш. Татар ял воктене илымыштлан кӧра, Морко район Шеҥше ялыште илыше-влакын Морко районын кутырымышт деч изиш ойыртемалтеш.

Тиде подговорын морфологий ойыртемжым ончал лекмеке, каласаш лиеш: шымлыме подговорышто тӱҥ шотышто глаголын жап формыштыжо да шӧрымӧ частицылаште ойыртем уло.

Кокымшо эртыше жап формышто шеҥше подговорышто *толн омул, толн отул, толн огол, толн онал, толн одал, толн оготул* гай формо-влак улыт. Мутлан: подг. *Тэҥгэчы пайрамыш изамыт нэзнай-молан дыр толн оготул;* лит. *Теҥгече пайремыш изаймыт ала-молан дыр толын огытыл.* ‘Почему-то вчера на праздник брат с семьей не пришел’.

Тыгак подговорышто шкет чот 3-шо лица формышто *ыжны ойлы* лиеш (лит. *ынже ойло).*

1-ше да 2-шо лица шкет чотысо олмештыш мут-влак литератур нормо деч ойыртемалтыт: *мый, тый* олмеш *май, тай* лиеш.

Подговорын падеж системыже литератур йылме деч ок ойыртемалт. Тыштат лу падеж уло: именительный, родительный, дательный, винительный, сравнительный, совместный, местный, направительный, обстоятельственный, отделительный. Падеж-влакым кучылтмаште икмыняр ойыртем-влак лектыт. Чондымо предметым ончыктышо шомак-влак чыла падеж денат вашталтыт гын, чонан предметым ончыктышо-влак – тӱҥалтыш кудытышто веле. Тыгак дательный падежыштат ойыртем шижалтеш: *мыланем, тыланет* олмеш *малнэм, талнэт* формо кучылталтеш.

Обстоятельственный падеж ик значенийже дене дательный падеж деке лишке. Мутлан: подг. *Мэнан авалан колхоз прэдсэдател’ кугу пӧлӧкым ойырин;* лит. *Мемнан авалан колхоз председатель кугу пӧлекым ойырен.* ‘Председатель колхоза выделил нашей маме большой подарок’.

Пале мутын превосходный степеньжым ыштыме годым, *эн, пеш, путырак* да *моткоч* мут-влак деч посна, *тугай* да *зра* шомак-влак кучылталтыт.

Икманаш, шеҥше подговорышто грамматике могырым ончымо годым икмыняр ойыртем вашлиялтеш. Туге гынат тудо литератур йылме деч умылаш лийдымын огеш ойыртемалт. Тидыже подговорын морко-шернур говорын ик ужаш улмыжым пеҥгыдемда.

Литератур

1. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже // Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Йошкар-Ола, 1986. 123 с.

2. *Иванов И.Г.* Марий диалектологий. Йошкар-Ола, 1981. 98 с.

3. Моркинско-сернурский говор марийского языка: коллект. монография. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. 208 с.

В.В. Кушакова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙ ДА АНГЛИЧАН ЙЫЛМЫЛАШТЕ РАШ ПАЛЫДЫМЕ ОЛМЕШТЫШ МУТ-ВЛАК

В статье рассматриваются общие и отличительные черты в системах местоимений марийского и английского языков. Рассматриваются группы местоимений, их морфологические категории и синтаксические функции в выбранных языках. Результаты исследования имеют прикладной характер, так как могут быть использованы при преподавании английского языка школьникам и студентам, родной язык которых – марийский.

Ключевые слова: *служебные части речи, местоимение, неопределенные местоимения, марийский язык, английский язык, морфология, синтаксис, орфография***.**

Марий йылмысе шуко шымлызыже ойлымаш ужаш тӱшкам ик семын ойыра. Шымлызе-влак олмештыш мутлан теве тыгай умылымашым пуат: олмештыш-мут лӱм мут, пале мут, чот мут олмеш кучылталтше да предметым, качествым, количествым ончыктышо ойлымаш ужаш. Марий йылмыште, синтаксис функцийым, грамматике кылдышым шотыш налын, олмештыш мут-влакым 3 тӱшкаш ойырымо: 1) местоименный существительный: мый, тый, тудо, ме, те, нуно, кӧ, мо, нигӧ; 2) местоименный прилагательный: тыгай, тугай, тиде, нине, саде, могай, кудо. 3) местоименный числительный: мыняр, тынар, нимыняр, мыняр-гынат, кеч-мыняр. Раш палыдыме олмештыш мут-влак ончыктат: 1) палыдыме ең ден предметым: ала-кӧ, ала-мо, иктаж (иктаже), иктаж-кӧ, иктаж-мо, кӧ-гынат, мо-гынат; 2) палыдыме качествым: ала-могай, иктаж-могай, могай-гынат; 3) палыдыме чотым: икмыняр, ала-мыняр, иктаж-мыняр, мыняр-гынат, ала-кунар, иктаж-кунар, кунар-гынат; 4) моло ең ден предмет коклаште палыдыме еҥым але предметым: ала-кудо, иктаж-кудо, кудо-гынат [4, с. 130; 5, с. 79].

Шымлызе-влак англичан йылмыште тыгай олмештыш мут-влакым ойырат: а) личный: he, she, it, we, you, they; б) притяжательный: my, mine, his, her, its, our(s), your (s), their (s); в) возвратный: myself, yourself, himself, herself, itself, oneself, ourselves, yourselves, themselves; г) взаимный: each other, one; д) указательный: this, that, these, those; е) йодышан: who (whom), whose, what, which; ж) относительный (йодышан олмештыш мут-влак дене икгай улыт). Нуно предложенийын ужашыже-влакым кылдаш кучылталтыт. з) раш палыдыме: some, any, no, every да нунын производныйышт-влак, much, many, little, few, all, both, either, neither, each, other, one. Англичан йылмыште тыгай раш палыдыме олмештыш мут-влакым палемдат: 1) some ден any; 2) some ден any деч производный олмештыш мут-влак; 3) no ден none. 4) much ден many; 5) much ден many; 6) all; 7) both; 8) either ден neither; 9) each ден every; 10) other; 11) one [2, с. 56–57; 3, с. 69–72].

Шочмо йылмысе олмештыш мут-влакын вияҥ толмыштым ончалаш гын, шукышт финн-угор жапысе улыт. Кугезе йылмыште олмештыш мут лу наре веле лийын. Нунын коклаште *мый, тый* личный олмештыш мут-влакым палемдаш лиеш, кугезе марий формышт – *мине, *тине. Икмыняр рашемдарыше олмештыш мут вопросительно-относительный олмештыш мутлаш чуваш

йылмысе керек- ден кеч- частице-влакым ушымо дене лийыныт. Кугезе марий йылмыште раш палыдыме олмештыш мут-влакат палдырнен огытыл. Нуно вара гына вопросительно-относительный олмештыш мут деке раш палыдыме частице-влакым ешарыме дене шочыныт [1, с. 27–25].

Англичан йылмысе олмештыш мут-влакат изи огыл вашталтышым эртеныт. Кугезе формышт нунын **se, *seo* лийын. Тошто периодысо ончыктышо олмештыш мут-влакын ойыртемалтше палыштлан род, чот, падеж улмо шотлалтын. Англичан йылмын вияҥ толмо корнын кокла периодыштыжо у притяжательный олмештыш мут-влак шочыт. Тыге притяжательный олмештыш мут-влак кок тӱшкалан шелалтыныт. Марий йылмысе семынак англичан йылмыштат вес йылмын влиянийже коеш. Кокла период жапыште англичан йылмысе олмештыш мут скандинав диалектла гыч пурышо both «коктынат», «когынек» олмештыш мут дене пойдаралтеш.

Иктешлен каласаш гын, марий йылмыштат, англичан йылмыштат олмештыш мут системе йот йылме-влакын шыҥымыштлан кӧра вашталтын, пойдаралтын шоген. Кугезе формо-влакат, икмыняр вашталтышым чытен, кызытсе кече марте аралалт кодыныт. Кок родо-тукым огыл йылмысе олмештыш мут-влакын ойыртемышт нерген ойлымо годым нунын коклаште ятыр икгайлыкым муаш лиеш.

Литературт

1. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже: Морфологий да синтаксис. Йошкар-Ола, 1986. 123 с.
2. *Резник Р.В*. Грамматика английского языка. М., 1986. 175 с.
3. *Качалова К.Н., Израилевич Е.Е.* Практическая грамматика английского языка. М., 2000. 717 с.
4. Современный марийский язык: Морфология. Йошкар-Ола, 1961. 324 с.
5. *Учаев З.В.* Марий йылме. Йошкар-Ола, 1982.183 с.

Е.Г. Ласточкина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

СОЦИОЛИНГИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ОМОНИМОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена разграничению омонимов от полисемии в марийском языке с помощью психолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: *социолингвистика, психолингвистика, омонимы, полисемия, коэффициент семантической связанности.*

Основная функция языка – коммуникативная. Поэтому необходимо исследовать специфику его как явления, неразрывно связанного с обществом, с носителями языка [4, с. 1].

Изучив анализы критериев разграничения омонимии от полисемии, мы можем сказать, что ни один из критериев не дает возможность полностью отделять эти явления друг от друга, каждый из них подходит только к конкретному примеру. Основными критериями дифференциации полисемии и

омонимии являются: а) семантический критерий, б) этимология слов, в) отсутствие семантической связи между синонимами, подобранными к каждому омониму, г) наличие у каждого члена омонимичной пары своего фразеологического окружения, д) возрастание вероятности различия словообразовательных рядов (при частичном пересечении производных), е) синтаксические особенности (субъектно-объектное отношение, характер изменения субъекта действия, синтаксическая сочетаемость, локальность – не локальность значения), ж) перевод на другой язык. Также одним из критериев разграничения являются контекст, диалектология и там, где необходимо, можно применять комбинированный метод. Когда разграничение двух явлений вызывает трудности, можно провести психолингвистический опрос или же анализировать каждое слово конкретно, что, несомненно, поможет отличить омонимию от многозначности [3, с. 57].

При разграничении омонимии и полисемии в марийском языке основную роль играет семантическая сторона слова, но даже в этом случае мы не можем утверждать точно, является ли данная единица полисемией или омонимией. Еще Б.Н. Головин замечал, что лексикограф не должен опираться только на собственное языковое чутьё [1, с 82].

Наш эксперимент опирается на опыт Д.В. Качурина в разграничении полисемии от омонимии в его диссертации «Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей» (2013). Мы попытаемся в качестве способа проверки предложить опору на показания языкового сознания носителей языка с помощью метода психолингвистического эксперимента.

Перед опрашиваемыми были поставлены такие вопросы: как Вы считаете, есть ли основания для того, чтобы явления X и Y называть одинаково, есть ли между ними что-то общее? если да, то почему, на Ваш взгляд, эти явления называются одинаково? Также мы предлагаем респонденту ещё один вопрос: «Насколько значимой, ненадуманной Вы считаете такую связь? Оцените её по шкале от 1 до 5, где 1 – неочевидная, надуманная, едва обнаруживаемая, непрочная, 5 – очевидная, очень прочная». Этот вопрос выполняет сразу две функции: во-первых, заставляет ответившего ещё раз задуматься над собственным ответом и тем самым как бы проверить самого себя; во-вторых, с помощью этого вопроса, задаваемого каждому респонденту, мы сможем по формуле среднего арифметического вычислить средний результат по каждой паре значений и получить, таким образом, некий «коэффициент семантической связанности» (далее везде — КСС) усреднённого носителя языка, тем самым выполнив первое условие (увидеть усреднённый результат для каждого случая). Не обнаружение респондентом семантической связи оценивается нулём. Мы предлагаем такое распределение пар значений по трём названным классам в зависимости от их КСС: омонимы — КСС<2; переходный класс — 2≤КСС<4; полисемия — КСС≥4 [2, с. 245-246].

Нами были выбраны слова с учетом таких условий: 1) хотя бы одним из словарей данные значения рассматриваются как принадлежащие одному слову; 2) во всех словарях, включённых в выборку, зафиксирована омонимия, однако

наше собственное языковое чутьё подсказывает нам, что между значениями возможна семантическая связь (2, с. 256).

Нашими респондентами были студенты и выпускники филологического факультета. Мы полагаем, что именно эта категория людей может ответить объективно на наши вопросы и дать точную оценку семантической связи между словами. В ходе анкетирования нами были получены 1000 языковых реакций (40 респондентам предлагались 26 пар значений).

После проведенного нами опроса мы убедились в том, что некоторые наши гипотезы совпадают с реакциями респондентов, а некоторые отличаются. Так, например, мы предполагали, что слова *йылме, кече, такт, тылзе* являются на самом деле не омонимами, что и подтвердил наш опрос. Что касается слов *шоя* I ‘сказка’ и *шоя* II ‘вранье, ложь, обман’, то тут мы вынуждены не согласиться и отнести данную единицу к омонимам, так как, хоть и существует семантическая связь между этими словами, каждое из них называет разное явление. То же самое можно сказать о словах *шӱшпык* и *шырпе*, которые мы отнесем к омонимам. В слове *игече* респондентами была предложена другая трактовка: *игече* I ‘погода’ – *игече* II ‘день’, поэтому пара оказалась в промежуточном классе, но если рассматривать слово в словарной форме *игече* I ‘погода’ – *игече* II ‘возраст, годы’, то мы отнесем их к омонимам.

Особо отметим слова *иктӧрлык* и *сем*, так как значения другого слова были не определены: *иктӧрлык* I ‘одинаковый’ – *иктӧрлык* II мат. равенство; *сем* I ‘мелодия, мотив’ – *сем* II ‘толк, ум, разум’ – *сем* III Г. ‘способ, метод, средство’. Чаще всего слово *иктӧрлык* употребляется в первом значении ‘одинаковый’, а второе слово используется лишь специалистами в области математики, слово *сем* широко известно как мотив, мелодия: к*уштымо сем* плясовая мелодия; *муро сем* мотив песни; *марла сем* марийская мелодия. Примеры: *Миклай йоча годсек йӧратыме семжым шӱшкалта* (Г. Чемеков) = Миклай насвистывает полюбившийся ещё с детства мотив; *Композитор воза ныжыл семым, сылне стихым возат поэт-влак* (В. Сапаев) = Композитор сочиняет нежную музыку, поэты пишут прекрасные стихи; *Баян сем почеш тавалтымет веле шуэш* (В. Сапаев) = Под звуки баяна так и хочется поплясать [5, с. 171–172].

Итак, после проведенного эксперимента можно сказать, что данного рода исследования являются эффективными. Но есть моменты, над которыми нужно работать, например, нас не удовлетворили ответы на вопрос «Если есть связь между словами, то в чем она проявляется?» Очень часто опрашиваемые отвечали «связь есть», либо «связи нет» и не объясняли, в чем эту общность значений они видят. Также не было ясно, оценивается ли семантическая связь, а не стилистическая или какая-то другая. Поэтому, как утверждал Г.С. Щур, «различные типы зависимостей <…> между предъявляемым словом и его ассоциатами определяются не наличием у них смысловой общности, а соотнесённостью соответствующих компонентов с действительностью» [6, с. 145].

В целом, психолингвистический эксперимент можно считать успешным и можно признать необходимым обращение к речевому опыту как можно большего числа носителей языка при разграничении омонимии от полисемии.

Тем не менее выводы, полученные таким способом, нельзя считать окончательными и однозначными. Лишь применение нескольких критериев разграничения может привести к конечному выводу по поводу отнесения слова к омонимам или полисемии.

Литература

1. *Головин Б.Н.* Омонимы в современном русском литературном языке // Вопросы преподавания современного русского языка: материалы Горьковской межвуз. лингв. конф. Горький, 1960. С. 67–73.

2. *Качурин Д.В.* Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 393 с.

3. *Ласточкина Е.Г.* Лексико-семантические особенности омонимов в марийском языке: Dissertationes philologiae uralicae universitatis Tartuensis. Тарту: University of Tartu press, 2016.

4. *Нурсеитова А. К.* О социолингвистическом аспекте исследования дву- и многоязычия // URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philologia/7_102682.doc.htm (дата обращения: 27.09.2016).

5. Словарь марийского языка. Т. VI: Р, С. / А.*А. Абрамов, В.И. Вершинин, А.С. Ефремов* и др.; гл. ред. *И.С. Галкин*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. 368 с.

6. *Щур Г.С.* О типах лексических ассоциаций в языке // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 140–150.

В.Н. Максимов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ О ГЛАСНЫХ ФОНЕМАХ УРЖУМСКОГО ГОВОРА ЛУГОВОГО НАРЕЧИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу гласного фонетического строя уржумского говора лугового наречия марийского языка. До сих пор этот говор не являлся объектом специального исследования. Среди работ, посвященных этому говору, следует назвать работы Н.Т. Пенгитова, И.С. Галкина, Е.Н. Мустаева, К.И. Козлова, В.А. Акцорина, Г.А. Сепеева, Ю.В. Андуганова, В.Н. Максимова. В данном говоре употребляются в разных фонетических вариантах 9 гласных фонем.

Ключевые слова: *экспедиция, говор, наречие, гласная фонема, границы говора.*

Первое упоминание уржумского говора и о сборе материалов (фольклорных, диалектологических, этнографических) можно отнести к началу XX века. Эти экспедиции были к мари, которые жили и живут около рек Вятка, Байса, Буй. В 50-е годы XX века говор начали изучать более детально. Так, в 1957 году состоялась диалектологическая экспедиция МарНИИ во главе с младшим научным сотрудником И.С. Галкиным и студентом Марийского педагогического института им. Н.К. Крупской Е.Н. Мустаевым [1, с. 177; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Также Г.А. Сепеев собирал этнографические материалы в Уржумском, Советском, Лебяжском районах Кировской области.

В 80-е годы XX века преподаватель МарГУ Ю.В. Андуганов вместе со студентами собирал фольклорные и диалектологические материалы в

Уржумском районе Кировской области. Также в 90-е годы XX века в этих районах собирал диалектологический материал автор этих строк [8; 9].

Рамки границы уржумского говора не так уж велики. По нашему мнению, рамки уржумского говора проходят по территории Республики Марий Эл, незначительная территория Мари-Турекского района, а также Кировской области начиная от города Советск до деревни Русский Турек. Разграничение этих территорий, на наш взгляд, не совсем верно. Мари, говорящие на этом говоре жили и живут в бассейне трех рек – это Вятка, Байса, Буй, иногда их ещё называют мари, живущие рядом с водой.

Говор охватывает такие деревни, села, как в Лебяжском районе Кировской области с Ветошкино, д. Малое Ветошкино, д. Мари-Байса в Ветошкинском сельском поселении; д. Большой Сердыж, д. Комарово, д. Малый Сердыж в Воткинском сельском поселении; д. Изиморко, д. Индыгойка, д. Кукнур, д. Якино Индыгойского сельского поселения; д. Большой Рын, д. Кокорево, д. Малый Рын, д. Малый Рын-Дудурово, д. Малый Рын-Мари Кококревского сельского поселения; д. Мошкино, д. Пузинерь, д. Шои Кузнецовского сельского поселения; д. Васичи, с. Лаж, д. Новики Лажского сельского поселения;

– в Уржумском районе Кировской области: с. Байса, д. Посенур, д. Малая Ашлань Басинского сельского поселения; с. Буйский, д. Мазары, д. Пакшай Буйского сельского поселения; починок Васькино, д. Ешпаево, д. Малые Коршуны Выпаевского сельского поселения; д. Адово, д. Мари Мерзино Рублевского сельского поселения.

К сожалению, говорящих на этом говоре людей остается всё меньше (за исключением пожилых людей), а марийских деревень почти не осталось.

Гласные фонемы, которые встречаются в диалектах, отличаются от современного литературного языка. Так в рассматриваемом говоре мы находим следующие гласные фонемы: а, о, у, ӱ, ӧ, и, ы, э, ʌ.

Фонема а [а] – нижнего подъема, переднего ряда, неогубленная, встречается во всех фонетических положениях:

– в начале слова, например, апсат лит. апшат ‘кузнец’, айз’а лит. аза ‘ребенок’;

– в середине слова, например, ускал лит. ушкал ‘корова’, узалаш лит. ужалаш ‘продавать’, пузар лит. пужар ‘рубанок’;

- в конце слова, например, козла лит. кожла ‘лес’, мас’ка лит. маска ‘медведь’, пурс’са лит. пурса ‘горох’, из’а лит. иза ‘старший брат’, тӧрза ‘окна’.

Фонема о [о] – среднего подъема, заднего ряда, огубленная. Эта фонема встречается во всех диалектах марийского языка и во всех фонетических положениях: ойз’а лит. оза ‘хозяин’, коз лит. кож ‘ель’, оз’ым лит .озым ‘озим’, воз’ымо лит. возымо ‘написано’, мʌрызо лит. мурызо ‘поющий, певец’, картопка лит. паренге ‘картофель’, морко лит. кешыр ‘морковь’.

Фонема у [у] – верхнего подъема, заднего ряда, огублённая фонема, встречается:

– в анлауте, например, узаташ лит. ужаташ ‘провожать’, ушкалаш ‘тёлка’, улазэ лит. улазе ‘ямщик’, узалаш лит. ужалаш ‘продавать’;

– в инлауте, например, пултыш ‘кусок’, кумалтыш ‘моление’, кин’эрвуй лит. кынервуй ‘локоть’, с’укыр лит. сукыр ‘каравай’, с’урт лит. сурт ‘строение, дом’, чурончымо лит. воштончыш ‘зеркало’.

Фонема ӱ [ӱ] – верхнего подъема, переднего ряда, огубленная, встречается: ӱдырем ‘дочка, девушка’, йӱ лит. ӱй ‘масло’, ӱдаш ‘сеять’, йӱаш лит. ияш ‘плавать’, пӱжаш лит. пужаш ‘разрушать’, тӱдӧ лит. тудо ‘он, она, оно’, тӱгай лит. тугай ‘такой’, шӱраш ‘крупа’, ӱмасе лит. ӱмашсе ‘прошлогодний’.

Фонема ӧ [ӧ] – среднего подъема, переднего ряда, огубленная. Данная фонема имеет место:

– в начале слова, например, ӧталаш лит. ӧндалаш ‘обнять’, (ом) ӧлталэ лит. (ом) ӧндале ‘не обнимаю’;

– в середине слова, например, нӧлперла ‘ольха’, нӧмнан лит. мемнан ‘наш’, пӧрт ‘дом’, сӧрэм лит. сӧрем ‘дёрн’, сӧрлык лит. шӧрлык ‘шкаф’, пӧрт ‘дом’;

– в конце слова, например, в падежных окончаниях: пӧртыштӧ ‘дома’, пӧртышкӧ ‘домой’; тӱмырзӧ ‘барабанщик’, шӱвырзӧ ‘волынщик’, кӱтышӧ ‘пастух’, ӱчызӧ ‘упрямый’, нӱнӧ лит. нуно ‘они’, коч-кӧ, кот’-кӧ лит. кеч-кӧ ‘кто угодно’, шӱкшӧ лит. шопо ‘кислый’.

Фонема и [и] – верхнего подъема, переднего ряда, неогубленная гласная фонема. В наречиях марийского языка эта фонема встречается во всех фонетических положениях, в данном говоре она наиболее продуктивна, например, вин’эр лит. вынер ‘холст’, пил’ыш лит. пылыш ‘ухо’, илэм лит. илем ‘жилье’, имн’эшке лит. имнешке ‘всадник’, индырчык лит. индырыше ‘мучитель’, виглаш лит. вигак ‘сразу, немедленно’, висл’э лит. витле ‘пятьдесят’, нил’ лит. ныл ‘четыре’, ишим лит. шым ‘отрицательная частица не I прошедшего времени’, лиштэн пытараш лит. ыштен пытараш ‘закончить (тебе)’.

Фонема ы [ы] – среднего ряда и среднего подъема, неогубленная. Данная фонема встречается:

– в начале слова, например. ырвэзэ-лак лит. рвезе-влак ‘ребята, юноши’; ылэ лит. ыле ‘был’, ышташ ‘делать’;

– в середине слова, например, нылымшэ лит. нылымше ‘четвертый’, пырыс ‘кот, кошка’, вынэр лит. вынер ‘холст’; мурызо ‘певец’, тӱмырзӧ ‘барабанщик’;

– в конце слова не встречается.

Фонема ʌ [ʌ] – заднего ряда, верхнего подъема, огубленная. Эта фонема встречается:

– в анлауте, например, ʌлмаж лит. улмаш ‘оказывается был’, ʌмбак лит. умбаке ‘далеко’, ʌлʌт лит. улыт ‘етсь’;

– в инлауте, например, кʌвэлышкэ лит. кудывеке ‘в какую сторону’, мʌло лит. моло ‘иной, другой’, тʌгʌраш лит. тувыраш ‘материал для рубашки’; шʌлʌш лит. шулыш ‘голенище’;

– в абсолютном исходе не встречается.

Рассмотрев эмпирический материал можно констатировать следующее:

1) данный говор еще полностью не исследован, но были попытки обозначить его границы;

2) в этом говоре наиболее употребительна фонема [и], которая в большей мере распространена ближе к ареалу границы малмыжского говора восточного наречия марийского языка;

3) говор имеет фонему [ʌ], которая вошла в гласную фонемную систему данного говора.

Литература

1. *Пенгитов Н.Т.* Итоги марийской диалектологической экспедиции МарНИИ 1957 года. Йошкар-Ола 1960. С.177.

2. МДЭ – 57 Марийская диалектологическая экспедиция 1957 г. // Тетрадь *И.С. Галкина*. № 50.

3. МДЭ – 57 Марийская диалектологическая экспедиция 1957 г. // Тетрадь *И.С. Галкина*. № 57.

4. МДЭ – 57 Марийская диалектологическая экспедиция 1957 г. // Тетрадь Е.Н. Мустаева. № 52.

5. МЭЭ – 60 Марийская этнографическая экспедиция 1960 г. // Тетрадь *К.И. Козлова*. № 5, 6, 7.

6. МФЯ – 66 Марийская фольклорная экспедиция 1966 г. // Тетрадь В.А. Акцорина. № 31.

7. МФЭ – 66 Марийская фольклорная экспедиция 1966 г. // Тетрадь *К.И. Козлова*. № 31.

8. МДЭ – 91 Материалы диалектологической экспедиции 1991 г. // Тетрадь *В.Н. Максимова*. № 284.

9. МДЭ – 92 Материалы диалектологической экспедиции 1992 г. // Тетрадь *В.Н. Максимова*. № 285.

Л.С. Матросова, А.В. Смирнова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕЛОГИ В ГАЗЕТЕ «КУГАРНЯ»

Статья посвящена изучению временных послелогов в современном марийском литературном языке на основе примеров из газеты «Кугарня». Теоретическим материалом для их рассмотрения послужила классификация послелогов В.А. Ефремова.

Ключевые слова: *послелоги, грамматические отношения, лексико-грамматическая категория, темпоральность, временные значения, знаменательные слова.*

В современном марийском литературном языке послелоги являются специфической лексико-грамматической категорией. Наличие послелогов характерно для всех финно-угорских языков. Послелоги относятся к разряду служебных слов, так как лишены назывной функции. Они возникли и развивались из категории знаменательных слов.

Послелоги в марийском языкознании изучались З.В. Учаевым [5], Е.Н. Мустаевым [1], И.С. Галкиным [1], Л.С. Матросовой [3], В.А. Ефремовым [4]. В.А. Ефремов пишет: «В лексике марийского языка, наряду с собственно послелогами, имеется целый ряд групп послелогов, именуемых наречными,

отыменными послелогами и отличающихся от собственно послелогов двойственностью функций, т.е. способностью в одних случаях употребляться как самостоятельный член предложения, а в других – как послелог, как выразитель грамматических отношений (пространственных, временных, причинных, целевых, орудийных, сравнительных и др. отношений) между предметами или лицами, между предметом и лицом» [4, с. 50].

На основе его классификации послелогов мы проанализировали примеры из газеты «Кугарня» и выделили следующие послелоги, отражающие временные отношения:

– ваштареш (действие осуществляется во времени, указанном временем);

– почеш (выражает отношения последовательности проявления действия временного и пространственного порядка);

– гоч (действие длится определенный промежуток времени, указанный именем);

– вошт (действие длится определенное время, указанное именем);

– мучко (действие длится продолжительное время, указанное именем): «Форумым эртарыме верыште идалык мучко лагерь-влак пашам ыштат» [2, с. 5];

– вашеш (действие происходит во времени, названном именем);

– годым имеет значения временного порядка: а) действие глагольного сказуемого и действие, выраженное страдательным причастием с послелогом, происходят одновременно; б) выражение определенного периода, момента, случая, условия: «Садлан 13–14 ияшыж годым журналист лияш шонен» [2, с. 2].

Далее приводим примеры с послелогами, обнаруженными нами в газете Кугарня», не выделенными в марийском языке В.А. Ефремовым:

«Юграсе национально-культурный объединений-влакын "Йолташ-влак, кидым ваш кучена" фестивальышт 15 октябрь гыч 4 ноябрь марте шуйна» [2, с. 3];

«Российмште 2004 ий годсек 3 сентябрьыште Терроризм ваштареш кучедалмаште икоян улмо кечым палемдат» [2, с. 3];

«Шонгемме велеш Юмо деч эше ик йочам йодын кумалыныт» [2, с. 12];

«Тылеч вара Грешнова актриса лияш шонен пыштен да школ деч вара Киевский университетыш тунемаш пурен» [2, с. 15];

«Тыгодым кажныже икте-весылан энерташ, полшаш тӱҥалын» [2, с. 11];

«Колымыж деч ончыч преподобный Александр эше ик кӱ черкым чоҥен» [2, с. 12];

«Рим империйыште тидын почеш финансовый ий тӱҥалын [2, с. 12].

В рассмотренном нами номере газеты Кугарня» найдены 53 примера с послелогами, выражающими временные значения. 33 из них – с послелогом *годым*, 3 – *деч вара*, 2 – *деч ончыч*, 4 – *марте*, 3 – *годсе*, 3 – *мучко*, 2 – *тыгодым*, 1 – *почеш*, 1 – *велеш*, 1 – *тылеч вара*. Все указанные послелоги в синтаксических конструкциях раскрывают общее темпоральное значение предложений.

Литература

1. *Галкин И.С., Мустаев Е.Н.* Финно-угроведенийын негызше. Морфологий. Синтаксис. Лексика / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1984. 122 с.

2. Кугарня. 2016. 2 сент. № 36 (1394).

3. *Матросова Л.С.* Кызытсе марий йылмыште почешмут-влакын синтаксис жап значенийым почмаште сомылышт // Марийская филология / Мар. гос. ун-т. Вып. 5. Йошкар-Ола, 2005. С. 138–140.

4. *Ефремов В.А.* Послелоги в марийском языке // Труды МарНИИ языка, литературы и истории. Вып. IX. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. 59-85.

5. *Учаев З.В.* Марий йылме: Мут вашталтмаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 216 с.

Л.С. Матросова, Н.Ю. Чендемерова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

«КУГАРНЯ» ГАЗЕТЫШТЕ ПУРТЫМО КОНСТРУКЦИЙ-ВЛАК

Статья посвящена изучению вводных конструкций в современном марийском литературном языке на основе примеров из периодических изданий газеты «Кугарня». Теоретическим материалом для изучения послужила классификация значения вводных слов В.Т. Тимофеевой.

Ключевые слова: *вводные конструкции, вводные слова, вводные предложения, значения вводных слов.*

Марий йылме шанчыште пуртымо мут ден пуртымо ойлончо-влак шотышто лӱмын шымлыме паша уке. В.Т. Соколов «Марий йылме грамматик» книгаштыже пуртымо мутан ой нерген тыге палемден: «Ойышто улшо мут-влак шке коклаштышт пижын, кылдалт шогат. Южгунам ойышто моло мут-влак дене пижын шогыдымо мут але ой лиеш. Тыгай ойым *пуртымо мутан ой* маныт. Пуртымо мутан ойышто пуртымо мутшат, ойжат запятой дене ойыралтыт» [6, с. 46–47].

М.П. Чхаидзе «Синтаксис лугово-восточного марийского языка» книгаштыже пуртымо мут нерген тыге палемден: «Ойлышын ойлымо деке отношенийжым ончыктышо мутым *пуртымо мут* маныт. Нуно тӱрлӧ отношенийым ончыктен кертыт: куанымашым; ӧпкелымашым; пенгыдын да пенгыдын огыл ӱшанымашым; шонымашын кӧн ойлымыжым; каласыме шонымашын ончыч ойлымо шонымаш дене кылдалт шогымыжым; шонымаш радамым да т.м.» [9, с. 96–100].

К.Ф. Смирнов, И.М. Солнцев, И.А. Борисов «Марий йылме грамматика. Синтаксис» учебникыште пуртымо мут, пуртымо ойлончо, нунын значенийышт нерген М.П. Чхаидзе семынак умылтареныт. Нуно пуртымо единицан предложенийлаште чарналтыш палым шындыме правил-влакым икымше гана пуэныт: «1. Пуртымо мут ден пуртымо предложений-влак запятой дене ойыралтыт. Мутлан: Погыда, *ужамат*, ешаралтын огыл, а книга шуко лийын. 2. Пуртымо предложений-шамыч, утларакшым распространенный предложений-влак, скобка дене але тире дене ойыралт кертыт. Мутлан: Тудо отечествыште – *мый ӱшанем, тидыже лиешак* – мыйым нигӧат изменник ок ман» [5, с. 63–65].

В.Т. Тимофеева «Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис» книгаштыже пуртымо мутлан умылымашым пуэн, кӱлешлыкшым ончыктен, значений тӱшкалан шелалтмыжым палемден коден. Тудо тыгай кандаш тӱшкам ойырен:

1) «пеҥгыдын ӱшанымашым*: чын, чынак, конешне, товат;*

2) пеҥгыдын огыл ӱшанымашым*: очыни, векат, пожалуй;*

3) ойлымым, шонымым иктешлымашым*: икманаш, значит, мутлан;*

4) каласымашын але кутырымашын радамжым*: ик могырым, вес шот дене;*

5) каласымым кушеч налмым*: еҥ манмыла, мыйын шонымаште;*

6) еҥын вниманийжым ойлышо еҥ деке савыраш*: ужат, колыштса;*

7) ик шонымашым весе дене кылдаш, ончыч каласымым иктешлаш*: мутлан, тугеже, икманаш;*

8) йывыртымым, ӧрмым, шыдешкымым, чаманен каласымашым» [7, с. 96–103].

З.В. Учаев «Марий йылме. Теорий: 5–9 класс» (1993) книгаштыже пуртымо мутлан тыгайрак умылымашым пуэн: «Ойлымо еҥын шке каласымыжым ешарен аклыме мутым але мут сочетанийым *пуртымо мут* маныт» [8, с. 212–214]. Пуртымо мутын предложений член лийдымыжым ончыктен. Тудо пуртымо мут ден пуртымо ойлончын значений тӱшкажым утларак кумдаҥден.

Руш йылме шанчыште пуртымо мут нерген В.Н. Ярцеван Лингвистический энциклопедий мутерыштыже тыгайрак определенийым пуымо: «Пуртымо мут – предложенийыште грамматике шотышто кылдалт шогыдымо мут ден муткылдыш. Пуртымо мут ойлышо еҥын ойлымо дек отношенийжым ончыкта. Кутырымо годым паузо да ойсем дене ойыралтеш. Значений шот дене тӱрлӧ отношенийым ончыктат: пеҥгыдын да пеҥгыдын огыл ӱшанымашым (*чын, векат, товат, очыни*), куанымашым, ӧпкелымашым (*пиалешна, чаманаш логалеш*), каласымым, шонымашым кушеч налмым (*еҥ манмыла, мыйын шонымаште*), еҥын тҫткышыжым ойлышо еҥ деке савыраш (*ужат, палет, колышт*), шонымо радамым ончыкташ, ончыч каласымым иктешлаш (*икымше, пытартышлан, мутлан, икманаш*)» [10, с. 81].

Пуртымо конструкций-влаклан пример-влакым «Кугарня» газет гыч погымо. Чылажге ныл номер гыч 43 пуртымо мутым возен лукмо. Тыште 15 пуртымо предложенийым верештме. Мутлан, Леведышыже шолдыргышо, уым леведман (*августышто тидым ыштен пытараш шонат*), но кӧргыштыжӧ йоҥгыдо да волгыдо [2, с. 10]. Спектакль деч вара артист-влак мемнан деке (*тунам ме Моркышто иленна*) унала эре пурат ыле [3, с. 11].

Семантике негызеш нине пуртымо мут ден ойлончо-влакым тыге тӱшкалаш лиеш:

1) пеҥгыдын ӱшанымашым ончыктышо 7 пуртымо мутым возен лукмо: *Мутат уке*, ончыко каяш, шкем виянгдаш да шуараш [2, с. 6]. Армий, *чынак*, чонышто келге кышам кода [1, с. 6]. *Конешне*, тидым налаш окса шуко кӱлеш [3, с.10]. Икана, «Воштылаш, *товатат*, сулык огыл» мыскара конкурсышто участвоватленам [1, с. 10];

2) пеҥгыдын огыл ӱшанымашым ончыктышо 10 пуртымо мутым мумо: Кочкеш, *витне,* шоналтышым [2, с. 12]. *Очыни*, пеленже наҥгайынеже [2, с. 12]. *Очыни*, мый але ок кӱл гыч кӱлешанжым ойырен ом мошто [4, с. 12];

3) ойлымым, шонымым иктешлымашым ончыктышо 9 пуртымо мутым возен лукмо: Лифт шалана гын, *мутлан*, шымше пачаш марте ошкыл кӱзаш пеш

сай зарядке [1, с. 16]. *Мутлан*, ӱдырамаш шовычым, пӧръеҥ тувырым йодеш [3, с. 12]. *Икманаш,* творчестве шотышто сай ончыкылыкым сӧрышӧ ӱдыр [3, с. 4]. *Икманаш,* лагерьыште чылажымат самырык тукымын пайдажлан ыштыме [2, с. 4];

4) йывыртымым, ӧрмым, шыдешкымым, чаманен каласымым ончыктышо 2 пуртымо мутым мумо: *Пиалешем*, икана наркологий диспансерыш логалынам [3, с. 10]. Икана театр ончылно самырык артист-влак марий мурым муралтышт да ачам (*пиалешыже*, пеленже семӱзгар лийын) баяным шокталтыш [3, с. 11].

Иктешлен каласаш гын, газетыште пуртымо мут шагалрак кучылталтеш. Чӱчкыдырак интервьюм пуышо еҥын ойыштыжо веле ужаш лиеш. Молан манаш гын пуртымо конструкций-влак ойлышо еҥын каласыме деке отношенийжым ончыктат, а интервьюлаште лачак тиде кумылак почылталтшаш.

Литературӱ

1. Кугарня. 2016. 5 авг. № 32 (1390).
2. Кугарня. 2016. 12 авг. № 33 (1391).
3. Кугарня. 2016. 19 авг. № 34 (1392).
4. Кугарня. 2016. 26 авг. № 35 (1393).
5. *Смирнов К.Ф., Солнцев И.М., Борисов И.А.* Марий йылме грамматика. Кокымшо ужаш: Синтаксис: шымияш ден ср. школлан лукмо учебник. Йошкар-Ола. 1949.
6. *Соколов В.Т.* Марий йылме грамматик. М., 1935.
7. *Тимофеева В.Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис. Йошкар-Ола. 1989.
8. *Учаев З.В.* Марий йылме. Теорий: 5–9 класс. Йошкар-Ола, 1993.
9. *Чхаидзе М.П.* Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М., 1941.
10. *Ярцева В.Н.* Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

А.Э. Мокеева, Е.М. Андрианова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

А. МИЧУРИН-АЗМЕКЕЙЫН СЫЛНЫМУТЫШТЫЖО ВАШЛИЯЛТШЕ ОРНИТОНИМ-ВЛАКЫН ЫШТАЛТМЕ ОЙЫРТЕМЫШТ

Статья посвящена изучению способов образования орнитонимов в марийском языке. Названия птиц представляют собой одну из устойчивых лексико-грамматических групп любого языка, составляют основной словарный фонд языка. В статье рассматриваются суффиксальный и лексико-синтаксический способы образования орнитонимов, которые встречаются в произведениях А. Мичурина-Азмекея.

Ключевые слова: *марийский язык, морфология, словообразование, суффиксация, орнитонимы.*

Пӱртӱсын шкешотанлыкше поснак кайык да янлык-влак дене рашемеш. Чынак, марий чодырана нине чонан-влаклан поян. Пӱртӱсым эскерен моштышо

мастар А. Мичурин-Азмекеят шке творчествыштыже кайык да янлык лӱм-влак дене кумдан пайдалана.

Марий калыкын илыме кундемже ожнысек чодыралан, вӱдлан поян лийын. А кушто чодыра, вӱд – тушто кайык, кушкыл, кол. Ожнысо марий кайыкым, янлыкым, колым кучен, тидын дене шкенжым пукшен. Мланде паша пеш кугу верым налын огыл: утларакшым сонарзе да колызо лийыныт. Кайыквусым, янлыкым, колым кучаш куштылго огыл. Вет тидлан нунын илыме верыштым, кычкырыме ойыртемыштым, койыш-шоктышыштым палаш кӱлын. Марий калык тидланат уста улмаш: тудо кажне кечын пӱртӱс, янлык, кайык тӱня дене вашлийын, тӱрлӧ могыр гыч ужын моштен. Тидыже кайыклан лӱм пуымо ойыртемыште пеш раш коеш.

Марий йылмыште кайык лӱм-влак келгын шымлалтыныт. Тиде аланыште филологий шанче кандидат В. Н. Васильев поснак кугун тыршен [2; 3]. Тудо 1984-ше ийыште «Марийская орнитонимия» теме дене кандидатлык диссертацийым арален. Валентин Николаевич шке пашаштыже кайык лӱм-влакын этимологийыштым, нунылан лӱмым пуымо принцип-влакым, морфологий кышкарыштым лончыла, ийгот да пӧле шот денат нуным ойыркала. Меат шкенан статьяштына, шымлызын теорийжылан энгертен, кайык лӱм-влакым морфологий шот дене лончылена.

Морфологий структур дене кайык лӱм-влак проста да сложный лийын кертыт. Проста тӱшкаште тыгай кайык лӱм-влакым палемдаш лиеш, кушто улыжат лач ик морфеме гына (*карш, киса, музо* да т.м.) да суффиксан.

А. Мичурин-Азмекейын произведенийлаштыже лач ты морфологий ойыртем-влаклан ятыр примерым муаш лиеш. Ик морфеме гыч лийше, але, вес семынже, проста орнитоним-влак тыгай вашлиялтыт: *киса, карш, сузо, куку, лудо, шӱшпык.* Мутлан: *Уалаште мурышо олык кайык йӱкым, шудо коклаште карш карымым колыштын, уло могырет шула* [9, с. 7]. *Кож парчала гыч тарванен, «быр» да «быр»* ***киса-влак*** *межа гоч, ончычна, чоҥештен-чоҥештен эртат* [7, с. 12–13]. *Лукын кашталалтын але вӱраҥ гай шуйнен, вуй ӱмбал кайык* ***комбо, турня, йӱксӧ-влак*** *йӱкланен эртен-эртен каят* [9, с. 180]. *Телылан илаш кодшо олача* ***музо****, чевер шинчагомдышан* ***кӱдыр*** *ден* ***сузо-влак*** *пӧчыжан верлаште ракатланат* [9, с. 182]. ***Сузо-влак*** *шыжым купышко турняпӧчыжым кочкаш мият* [8, с. 84]. *Ер вес могырысо пӱнчерыште* ***куку*** *кукукла* [9, с. 154]. *Вуй ӱмбачем мужырын-мужырын да тӱшканат кайык* ***лудо-влак****, шулдырышт дене южым шойгыктен, ер гыч ерыш чоҥештен эртат* [9, с. 142]. *Олыкысо арамаште* ***шӱшпык-влак*** *мурат* [9, с. 154].

Марий йылмыште лӱм мутым ышташ ятыр суффикс кучылталтеш. Профессор И.С. Галкин, мутлан, чылаже лӱм мутым ыштыше 42 суффиксым ончыкта [4, с. 12–51]. Суффикс-влакым, мутым ыштымаште чӱчкыдын але шуэн кучылталтмыштым шотыш налын, продуктивный, малопродуктивный да продуктивный огыл тӱшка еда шеледаш лиеш. Тачысе кечын, кайык лӱм-влакым структур могырым шергал лектына гын, тиде тӱшкам ыштыше продуктивный огыл суффикс-влакым палемден коден кертына. Термин-влакым моло родо-тукым йылмыласе тыгаяк шомак-влак дене танастарена гын веле, суффикс-влакым ончыктен кертына. Тӱрлӧ суффикс полшымо дене ышталтше кайык лӱм-влакым ончал лектына.

Вӱд тӱрлаште ***кӱседык-влакын*** *чарга йӱкышт шергылтеш* [9, с. 147]. *Кӱседык* «чибис» шомак **-едык** суффикс полшымо дене ышталтын. Тиде суффикс лач ты мутышто гына кучылталтеш, лийме шот дене тудо, В.Н. Васильевын шонымыж почеш, сложный, кок финн-угор суффикс гыч лийше: урал кугезе годсо ***-t** – шуко гана лийше действийым ончыктышо значениян да ***-kk** суффикс – иземден каласыме значениян [1, с. 10–11].

А сут ***вараш****, эр кочкышлан пагаржым темаш ваҥен коштшыжла, пундыш ӱмбалне шӱшкен шинчыше мызылан шотлен, мыйын вуйысо упшышкем керылтын* [8, с. 40]. *Ужам: тиде – чодырасе вараш, пеш осал кайык* [7, с. 25]. *Вараш* «ястреб» мутышто шымлызе-влак **-аш** але **-ш** суффиксым палемдат. Тиде мутын диалектлаште шке вариантше уло – **варакш**. Тыште **-кш** суффикс палемдалтеш. Л.П. Грузовын шонымыж почеш, вараш шомакыште **-ш** суффиксым ончыкташ лиеш, **-к-** йӱк лектын возын [6, с. 229]. Туге гынат, **-кш** ден **–(а)ш** суффикс-влак уменьшительный значениян улыт [1, с. 10–11]. Шке шомакше оҥартыш мут гыч лийын [2, с. 76–77].

Шке тӱсшылан келшыше верлаште илымыж дене ***курмызак*** *тушман деч куштылгын аралалтеш* [9, с. 148]. *Палем:* ***курмызак-влак****, нимыняр йоҥылыш лийде, лач ик корно дене да ик кӱкшыт гыч чоҥештат* [9, с. 148]. **-зак:** *курмызак* «вальдшнеп» мутышто **–зак** суффикс улмым родо-тукым йылмыла дене таҥастарен гына палаш лиеш: фин. *kurppa*, эст. *kurbits*. Кызыт тиде суффикс у мутым ышташ ок кучылталт. И.С. Галкинын шонымыж почеш ты морфемыште урал кугезе годсо **-ц** суффиксым ойыраш лиеш, вара тышке **-ак** усилительный частице ешаралтын [5, с. 91].

-л'е (-л'ӧ): *купшӱльӧ* «сойка». *Тиде –* ***купшӱльӧ,****- мане кочам. – Тиде кайык айдемым але вольыкым, я янлык коштмым шижеш гын, уло йӱкын варгыжаш тӱҥалеш, - умбакыже умылтара* [7, с. 13]. *Вашта*решыже *купшӱльӧ «вошты-вошты» колта* [9, с. 110]. *Икана гына* ***купшӱльым*** *сакен тольым* [8, с. 17]. Кызыт марий йылмыште тиде суффикс мут ышташ огеш кучылталт, кугезе урал йылме годсо [7, с. 86]. Тудын суффикс улмыжым родо-тукым йылмыла дене веле таҥастарен палдараш лиеш, матлан: фин. kuukso, кар. kuuksoi, к.-зыр. кукша, марий йылмысе значений денак кучылталтыт [10, с. 10; 2, с. 86].

-те: *шиште* «дятел»: *Вара тораште «тук-тук, тук-тук»* ***шиште*** *пералтыме йӱк шергылте* [7, с.12]. *Ала-кушто токмак пӱнчӧ вуйым шем* ***шиште*** *кочыр-р-р мурыкта* [9, с. 148]. Ты суффикс шомакым моло финн-угор йылмалаште улшо тыгаяк значениян мут дене таҥастарен ойыралтеш: коми *сизь*, удм. *сизь* «дятел» [1, с. 10–11].

-чо: *кувылчо* «самка глухаря»: *Тиде – ава сузо, эше тудым вес семынже* ***кувылчо*** *маныт, - умылтара кугыза* [8, с. 20]. Йылмызе-влак тиде суффиксым кызыт у мутым ышташ кучылталтдыме суффикс-влак тӱшкаш пуртат. Тудо пошкудо татар йылме гыч пурен [10, с. 13].

Кызытсе марий йылмыште лӱм мутым ыштыше да кумдан кучылталтше вес йӧнлан лексике-синтаксис йӧн шотлалтеш. Тудын полшымо дене мут-влак ушалтмаш да мужыралтмаш йӧн дене ышталтыт. А. Мичурин-Азмекей шке сылнымутыштыжо *олагорак* да *кугылудо* шомак-влакым кучылтеш: *Посна шогылтшо пушеҥгыла вуйышто гына теве ик вере, теве вес вере* ***олагорак-влак,*** *шемын палдырнен, нерыштым эрыктылын, шыпак шинчылтыт, коклан ош*

тувыр ӱмбач шем джемперым чийыше дирижёр – шогертенын воштылал колтымо йӱкшӧ шокта [9, с. 185]. *Ер вуйыш шумешке, кок километр наре ошкылмо гутлаште изирак кум тӹшка* ***кугылудым*** *кынелтен колтышна, а лӱяш – йӧн ыш лий* [8, с. 28].

Нине шомак-влакым ончалына гын, нунын кок муттӱҥан улмыштым палемден кертына. *Олагорак* «серая ворона»: *ола* – пале мут, кудыжо кайыкын пун тӱсшӧ дене палдара да *корак* – ик кайык тӱшкам ончыкта. **к** кок гласный коклаште **г** кусна. *кугылудо* «большая утка»: кугу – пале мут, кайыкын кугыт ойыртемжым поснак палемда да *лудо* – лӱм мут, кайык тӱшкам ончыкта.

Иктешлен каласаш гын, А. Мичурин-Азмекейын сылнымутыштыжо вашлиялтше кайык лӱм-влак морфологий структур дене тӱрлӧ улыт. Ышталтме ойыртем негызеш нуно проста да сложный, кучылталтме могырым продуктивный да продуктивный огыл лийыт. А. Мичурин-Азмекейын произведенийлажым шымлен лектын, ик морфеман латик кайык лӱмым ончыкташ лиеш, суффикс полшымо дене лийше куд орнитоним вашлиялтеш. Утларак вашлиялтше тыгай суффикс-влакым ончыкташ лиеш: -едык, -(а)ш, -зак, -льӧ, -те, -чо. Тыгак кок сложный кайык лӱмым палемден кодаш лиеш.

Литературт

1. *Васильев В.Н.* Марийская орнитонимия: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1984. 16 с.
2. *Васильев В.Н.* Марийские орнитонимы, их структура и историческое развитие // Вопросы марийской ономастики. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1982. С. 65–80.
3. *Васильев В.Н.* Происхождение некоторых названий птиц в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. 1985. Вып. 5. С. 44–62.
4. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1966. 166 с.
5. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Йошкар-Ола, 1986. 122 с.
6. *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965. 241 с.
7. *Мичурин-Азмекей А.* Чодырасе сӱан. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1955. 46 с.
8. *Мичурин-Азмекей А.* Тул воктен. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1960. 85 с.
9. *Мичурин-Азмекей А.* Пӱртӱс мур. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1981. 179 с.
10. *Сергеев О.А.* Марий йылме. Мут ышталтмаш: йылмым келгырак тунемше-влаклан. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1995. 144 с.

И.В. Мукина
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ В ЧУВАШСКИХ ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ

Статья посвящена сопоставлению и сравнению переводов на чувашский язык слов и словосочетаний, используемых в тексте Библии, как в Ветхом, так и в Новом

завете, для обозначения единиц измерения тех или иных реалий жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: *перевод Библии, мера, единицы измерения, эквивалентность текста, когнитивная и эмоциональная информация, национальный колорит.*

Чувашский народ является вторым народом в России, который имеет полное издание Библии на современном, хорошо обработанном и кодифицированном литературном языке. Переводы Библии на национальные языки ценны не только как факты культуры в широком смысле, но и как показатель развитости этих языков, для каждого языка это своего рода проверка на гибкость и продуктивность его реальных и потенциальных семантико-словообразовательных и синтактико-стилистических возможностей.

В своих предыдущих исследованиях [5; 6] мы, рассматривая переводы Библии на чувашский язык с историко-культурной и лингвистической точки зрения, определили значимость этих переводов в плане формирования национального самосознания чувашей, а также развития словарного состава чувашского литературного языка и терминологической лексики. Данная статья посвящена исследованию переводов реалий, связанных конкретно с единицами измерения, упоминаемые в Библии (в нашем случае это – реалии-меры). Словами-реалиями или экзотизмами принято называть такие лексемы, которые обозначают реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-либо народа, страны или местности. Выбранные нами в качестве объекта исследования экзотизмы относятся к этнографическим реалиям. Реалии-меры отличаются от прочих экзотизмов тем, что имеют соотнесенность с цифровой знаковой системой. Наименование мер, обозначающих единицу веса, длины, площади, объема жидкости и т.д., обнаруживают национальные традиции передачи.

В Библии мы встречаем множество реалий, относящихся к единицам измерения, которые отсутствуют в чувашской культуре, а некоторые, хотя и имеются в языческой картине мира чувашей, в силу своих архаических названий, совершенно непонятны современным поколениям. Чтобы понять смысл некоторых частей Священного Писания необходимо знать эквиваленты мерам, используемым в древности. Тем более в переводах Библии на чувашский язык использованы древние названия единиц измерения.

Мера длины, поверхности, объема и тяжести у чувашей, как и любого другого народа, возникли в глубокой древности. Их возникновение связано с потребностями производства, обмена, общественной жизни и домашнего быта. Большинство мер, употреблявшихся чувашами, создано, несомненно, ими самими. До середины II тысячелетия н.э. на чувашскую метрологию оказывали некоторое влияние меры юго-восточных народов, с которыми чуваши имели экономические и политические связи, в дальнейшем она испытала значительное воздействие русских мер. При их изучении следует иметь в виду, что единых, твердо установившихся систем мер не было. Наблюдалась неустойчивость величин одних и тех же мер. В некоторых мерах, особенно в мерах поверхности, значительны были межобщинные различия.

Как предполагает В.Д. Димитриев, чувашские меры длины, употреблявшиеся с древних времен, можно подразделить на две группы: одни

применялись преимущественно мужчинами при земельных и строительных мерах и измерении значительных расстояний, другие – в домашнем быту, особенно женщинами [4, с. 16].

Во время земельных и строительных работ мерили «шагом» (*утас, пусăм* или яра пусăмĕ), «саженью» (хăлаç «маховая сажень», *чалăш* «косая сажень»), верстой (*çухрăм*). Позднее начали пользоваться веревкой (*вĕрен*). Величину *утăм* определяли по длине шага мужчины среднего роста. Она составляла в основном 88 см. *Хăлаç* «обхват» определялся размахом рук такого же мужчины от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой и равнялся в среднем 176 см длине древнерусской маховой сажени. *Чалăш* первоначально означал косую сажень, не отличавшуюся по длине от древнерусской косой сажени в 248 см (расстояние от конца пальцев вытянутой правой руки до пальцев левой ноги). По замечаниям историков, в XIX – начале XX вв. *чалăш* и *хăлаç* обычно употреблялись как синонимы. Изредка сажень чуваши называли *патак* (палка). В практике встречались случаи приравнивания *чалăш* и *хăлаç* к казенной русской сажени, в XVIII – в начале XIX века равной 216 см, после 1835 г. – 213, 36 см.

Вĕрен у чуваш имела длину *10 чалăш*, т.е. 2480 см.

В быту, в ткачестве, столярном и кузнечном деле применялись такие меры длины, как *пӳрне* (палец – бралась его толщина), *ал лаппи* (ладонь – 5 пальцев), *шит* (пядь – 2 ал лаппи, т.е. 10 пальцев), *чике* (локоть – 2 шит, длина от локтевого сгиба руки до конца сжатого кулака), *хур* (мера в 2 локтя). Если *шит* «пядь», как общепризнано, имела длину 18-33 см, в среднем 20,5 см., то *чике* следует считать примерно в 41 см., *хур* – 82 см., *ал лаппи* – 10, 25 см, *пӳрне* – 2,05 см.

Как известно, основу Библии составляют Ветхий и Новый Заветы, которые являются своего рода сборниками различных документов, относящихся к разным эпохам и принадлежащим перу разных авторов. Поэтому единицам с одними и теми же названиями, встречающимися в разных местах Библии, вероятнее всего соответствуют разные современные эквиваленты.

Основные меры длины, встречающиеся в Ветхом Завете, это – **локоть** (евр. *амма*) равнялась расстоянию от локтя до конца среднего вытянутого пальца у мужчины; **ладонь** (евр. *тофах* или тефах) – равна длине 4 перстов (ширину); **пядень** или **пядь** (евр. *серет*) – расстояние от начала большого пальца до конца мизинца, как наша четверть, равное 3 ладоням; **перст** *(палец* в ширину – *И.М.)* (евр. *эцба*), **трость** (евр. кане) – равнялась 6 локтям. Согласно Талмуду, ширина пальца равнялась ширине шести сложенных семян, а локоть равнялся ширине 144-х таким же образом сложенных семян [2, с. 245]. Как видим, небольшими мерами длины у евреев, как и у других народов, служили *палец, ладонь, локоть* человека. Лексемы, обозначающие данные реалии-меры, не составляли большого труда для перевода на чувашский язык, поскольку древнееврейские и древне-чувашские меры и единицы измерений достаточно близки между собой. Таким образом, зная, чему был равен вавилонский локоть, мы можем представить себе размеры Храма Господа и Соломонова дома, когда в Третьей книге Царств Ветхого Завета читаем: *Соломон Çӳлхуçа валли лартнă Çуртăн тăршшĕ утмăл* ***чике****, сарлакăшĕ çирĕм икĕ, çӳллĕшĕ вăтăр икĕ* ***чике*** *пулнă, Çурт*

умĕнчи пăлтăрăн Çурт сарлакăш пек çирĕм ***чике*** *пулнă, сарлакăшĕ вунă* ***чике*** *пулнă:* Храм, который построил царь Соломон Господу, длиною был в шестьдесят *локтей*, шириною в двадцать и вышиною в тридцать *локтей.* И притвор перед храмом в двадцать *локтей* длины, соответственно ширине храма и в десять *локтей* ширины перед храмом: (3 Цар., 6:2).

Переводы остальных мер длины нам тоже вполне понятны: *...вăл тăваткăл пулмалла, икĕ хутлă ту, тăршшĕ пĕр* ***шит****, анлăшĕ те пĕр* ***шит*** *пултăр* – Он должен быть четыреугольный, двойный, в *пядень* длиною, и в *пядень* шириною: (Исх., 28:16); *Кашни юпи вунсакăр* ***чике*** *çÿллĕш пулнă, ытамласа виççессĕн вуникĕ* ***чике*** *пулнă: вĕсем хăвăл пулнă, пăхăр хулăнăшĕ тăватă* ***пÿрне*** *таран пулнă* – Столбы сии были каждый столб в восемнадцать *локтей* вышины, и снурок в двенадцать *локтей* обнимал его, а толщина стенок его, внутри пустого, в четыре *перста* (Иер., 52:21). *Ситтим йывăççĕнчен сĕтел ту, тăршшĕ икĕ* ***чике****, сарлакăшĕ пĕр* ***чике****, çÿллĕшĕ* ***чике*** *çурă пултăр…ун тавра* ***ывăç тупанĕ*** *сарлакăш шакăлча туса çаврăн , шакăлчи тавра ылтăн кăшăл ту* – И сделай стол из дерева ситтим, длиною в два *локтя*, шириною в *локоть*, а в вышиною в полтора *локтя*, …и сделай вокруг его стенки в *ладонь*, и у стенок его сделай золотой венец вокруг (Исх., 25:23,25). *Пысăк чикепе, – вăл ахаль чикерен* ***ал тупанĕ*** *чухлĕ вăрăмрах, - шутласан, парне сĕтелĕ çапла пулмалла: никĕсĕ пĕр* ***чике****, сарлакăшĕ пĕр* ***чике****, ун хĕррипе йĕри-тавра пĕр* ***шитлĕ*** *карлăк çавăрнă*: И вот размеры жертвенника *локтями*, считая *локоть в локоть* с *ладонью*: основание в *локоть*, ширина в *локоть* же, и пояс по всем краям его в одну ***пядень,*** и вот задняя сторона жертвенника: (Иез., 43:13).

В Книге Пророка Иезекииля (Иез. 40:5 и дал.; 42:16 и дал.) встречается еще одна мера длины, которая называется **трость** (евр. кане), которая равнялась 6-ти локтям (от старинного Моисеева локтя, так называемый царский локоть) и на чувашский язык переведена словом **шалча**. Чему равна данная единица измерения, в чувашских словарях конкретно не указывается, в словаре Ашмарина лишь вкратце указано, что она является какой-то мерой земли [1:110], в «Чувашско-русском словаре» дается 3 значения: *кол, жердь* и *столб* [7, с. 602], при этом не указывается конкретная длина **шалчи**. Про данную меру длины Иезекииль говорит, что он имеет длину большую Моисеева локтя на одну ладонь и который считался равным 523, 5 миллиметрам: *Акă Турă Çурчĕ йĕри-тавра – хÿме, леш ар аллинче – виçмелли* ***шалча****, кашни чикине чавсапа алă тупанĕ тăршшĕ шутласан, çав* ***шалча ултă чике тăршшĕ****...*(Иез. 40:5).

Из всего сказанного видно, что евреи для измерения площадей довольствовались обозначением длины участка и его ширины, выраженной в *локтях* и *тростях*. У чувашей меры поверхности отличались неунифицированностью, значительным зональным и межобщинным разнообразием величин одних и тех же мер. Основной чувашской мерой поверхности являлась **ана** «загон». В некоторых местах ее синонимом был **пĕрпилĕк** или **пилĕк** «беляк». В юго-восточных районах Чувашии параллельно с **аной** употреблялся однозначный термин **пусă**. Историки отмечают, что пилĕк «беляк» (пĕрпилĕк, çурпилĕк) являлся мерой, возникшей в золотоордынской период. Мера *беляк* употреблялась также у мордвы, марийцев и удмуртов. Термин происходит от тюркского **болÿк** «часть, доля». **Пилĕк** означает «надел».

Первоначально в Золотой Орде чувашские, мордовские, марийские и удмуртские общинники земельный надел (участок) называли *беляком*. В дальнейшем *беляк* получил значение единицы меры поверхности [4, с. 18].

При переводе названий мест, где указываются земельные участки и наделы (площадь которых можно обрабатывать с помощью пары волов в течение дня) чувашские переводчики не пользовались чувашскими архаичными мерами площади, обходились словами «çĕр пайĕ»и измеряли его площадь чувашским **шалча** (Иез.48: 9-12 и дал.).

В Новом Завете в основном встречаются греческие меры длины, из них на чувашский язык переведены *пехюс* «локоть» (чике=6 ал лаппи=24 пӳрне=44,4 см.), *оргюя* «сажень» (хăлаç = 4 чике =179 см.). Кроме этих мер в чувашском переводе Нового Завета встречается такая чужеземная мера, как *стадия* – самая большая единица меры длины у греков, первоначально это была длина Олимпийского ристалища (место атлетического состязания греков), составляющая около 200 метров. Восемь таких стадий составляли римскую милю, в более позднее время римскую милю считали равной 7,5 стадиям, которая соответствовала 400 локтям и чувашскому *100 хăлаç*. *Пĕр çирĕм пилĕк е вăтăр* ***стади*** *чухлĕ ишсе кайсан, вĕсем Иисус тинĕс çийĕн утса пынине, кимĕ патне çывăхарнине курса хăрса ӳкнĕ (Ин., 6:19)*.

Неопределенные меры пути, такие как «дневной путь» (примерно восьмичасовой путь – 20-40 км.) и «субботний путь» (длина пути, которую было разрешено совершать в субботу – 1 км.= 2000 локтям по всем направлениям от дома) чувашский читатель может понимать лишь тогда, когда будет знаком с еврейской культурой или через словари. В этом случае переводчику необходимо знать реальную величину каждой меры в соотношении с библейской метрической системой. Для удобства читателю в переводе Священного Писания на чувашский язык даны комментарии отдельным текстом по поводу некоторых мер (измерений), упоминаемых в Библии [3, с. 1219–1222].

Реалии-меры, т.е. меры жидких и сыпучих тел, обладающие ярким историческим и национальным колоритом, рассматриваются как экзотизмы, т.е. как носители колорита, и в чувашском переводе они переданы с помощью транскрипции. Такие меры объема жидкостей как **лог** – самая малая мера = примерно 0,3 литра (Лев. 14.10); **гин** = 12 логам = 4 литра (Исх. 29:40; Иез. 4:11); **бат** – самая крупная мера жидких тел = 6 гинам=24 литра (Иез. 45:11), также меры сыпучих тел у евреев **каб** – самый малый объем = 4 горсти или 1,3 литра (4 Цар. 6:25); **гомер** или **иссарион** = 1,4 каба = 2,2 литра; **сата** = 6 кабам, содерж. 1мешок зерна или 8 литров (Быт. 18:6); **ефа** – равная бату, часто встречающая мера = 3 сатам или 10 гомерам = примерно 22 литра; **хомер** – самая крупная мера сыпучих тел = 220 литров, мина – или манна = 558,5-610 грамм сохранены в чувашском переводе в транскрибированном виде. В Книге Пророка Иезекииля эти меры являются общею для сыпучих и жидких тел: *Сирĕн тĕрĕс виçе, тĕрĕс* ***ефа****, тĕрĕс* ***бат*** *пултăр. Ефапа бат пĕр виçеллĕ пулмалла, апла пĕр бата* ***хомерăн*** *вуннăмĕш пайĕ кĕмелле; вĕсен виçине* ***хомер*** *тăрăх шутламалла. Пĕр* ***сикль*** *çирĕм* ***герăпа*** *танлашать, сирĕн çирĕм сикль, çирĕм пилĕк сикль тата вунпилĕк сикль вара пĕр* ***мина*** *шутланать. Аслă пуçлăха сирĕн акă мĕнле хырçă парса тăмалла: пĕр* ***хомер*** *тулăран* ***ефан*** *улттăмĕш пайне, пĕр* ***хомер*** *урпаран*

ефан *улттăмĕш пайне парас пулать; йывăç çăвĕ памалли йĕрке: пĕр* ***кор*** *чухлĕ йывăç çăвĕнчен* ***батăн*** *вуннăмĕш пайне памалла; вунă* ***бат*** *пĕр* ***хомер*** *пулать, мĕншĕн тесен пĕр* ***хомерта*** *вунă* ***бат*** *шутланать* (Иез. 45:10-14).

Хотя чуваши еще в древности употребляли разнообразные меры сыпучих и жидких тел, большей частью они не обладали едиными для всех местностей величинами. Даже в пределах одно сельской общины некоторые меры были неодинаковой величины. В старину наиболее распространенной мерой сыпучих тел была **тырă чĕресĕ** «хлебный чиряс, кадочка» – посуда из выдолбленного ствола липы и реже осины. Она могла быть различной емкости, вмещать от нескольких пудов до нескольких футов зерна. Более крупные из них назывались **çӳпçе**. Как мера сыпучих тел широко употреблялись **кунтăк** «лукошко», **чĕрес** «ночовка», **алтăр** «большой ковш», **тирĕк** «деревянное блюдо», **курка** «ковш, кружка», другая посуда. В данном случае переводчикам нельзя было заменять еврейские единицы измерения категориальными, генерализирующими синонимами или пользоваться описательным переводом, потому что уровень эквивалентности текста в целом от подобных замен снижается, а семантика в контексте не реализуется. Таким образом, сообщение о чужой стране, совмещающее благодаря транскрипционным соответствиям когнитивную и эмоциональную информацию, надежнее действует на читателя, поскольку они служат средствам передачи национального колорита.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. XVII. Чебоксары, 2000. 434 с.

2. Библейский словарь: энциклопедический словарь / сост. *Эрик Нюстрем*; под ред. *И.С. Свенсона*. СПб: Библия для всех, 1998. 518 с.

3. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов на чув. яз. [Религиозное издание РБО]. СПб, 2009. 1567 с.

4. *Димитриев В.Д.* Старинный чувашский календарь и единицы измерения. Чебоксары / Чув. респ. ин-т повышения квалификации работников нар. обр., 1992. 30 с.

5. *Мукина И.В.* Лексико-семантический анализ лингвоспецифичных слов в переводах Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 304–311.

6. *Мукина И.В., Мукин В.А.* Лингвокультурологическое структурирование языковых особенностей, связанных с переводом Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 125–131.

7. Чувашско-русский словарь: Около 40000 слов / под ред. *М.И. Скворцова*. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.

О.А. Сергеев
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В ШКОЛЬНЫХ ПЕРЕВОДНЫХ УЧЕБНИКАХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА 20–30-Х ГГ. XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОТДЕЛЬНЫХ КНИГ)*

Статья посвящена словообразовательному анализу лексических единиц в школьных учебниках. В образовании терминов, связанных с просвещением и наукой, участвовали представители разных слоев населения Марийского края. В преобладающем большинстве из них были начинающие творческие работники. Некоторые из них к тому времени имели небольшой опыт переводческой работы. Они неплохо знали грамматические и словообразовательные возможности родного языка. Многие термины, созданные ими, до сих пор активно употребляются в современном марийском литературном языке.

Ключевые слова: *переводные учебники, школьные книги, переводческое мастерство, суффиксальный способ, образование слов, продуктивные суффиксы, словообразование, морфема, составители, лексические единицы.*

В статье подвергнуты интерпретации некоторые школьные учебники 20–30-х гг. прошлого столетия. Все рассмотренные пособия являются переводными. В переводе участвовали разные люди, впоследствии многие из них стали знаменитыми людьми своего века. В начале XX столетия по многим отраслям науки и просвещения марийский язык не имел своей терминологии. Составители-переводчики школьных учебников взялись за создание терминологической лексики. В центре словотворческой деятельности, главным образом, опора была на внутренние словообразовательные возможности родного языка. Для этого авторы использовали разные способы образования новых слов.

Самым распространенным способом словообразования был морфологический (суффиксальный) способ, который и в настоящее время в современном марийском литературном языке является одним из активных способов словотворчества. Можно выделить такие суффиксы, как, например, *-эм (-ем), -ер (-эр)*, образующие имена существительные от основ существительных: *мландэ лончэм* ‘слой земли’ [6, с. 46], *лапэм*[анрак] *мландэ* ‘низинная земля’ [5, с. 39, 47], ср. *лончо* ‘слой’, *лап* ‘низменность’; *мутэр* ‘словарь’ [3, с. 2, 14].

В единичных примерах при помощи малопродуктивного суффикса *-ык* от основ числительного образованы имена существительные: *чотык* ‘количество’ [6, с. 25], *чотык* ‘единица, число’ [6, с. 57], ср. *чот* ‘количество, число’.

Довольно много существительных образованы от основ глагола, самыми активными являются суффиксы:

1) *-маш (-ымаш)*, например: *вуйлымаш* ‘оглавление (книги)’ [10, с. 107], *коллэктивлымаш* ‘коллективизация’ [11, с. 12], *тӱлымаш* ‘размножение’ [11, с. 28], *овэртымаш* ‘объявление, новости’ [3, с. 13, 15], *увэртымаш* ‘объявление, новости’ [3, с. 13, 15], ср. лит. *увертарымаш* ‘объявление’;

* *Работа выполнена при финансовой поддержке «Языковой программы Фонда Коне».*

2) *-тыш*: *йамдыл**тыш*** ‘железа’ [3, с. 4, 6, 16], *пӱйжвӱд йамдыл**тыш*** ‘потные железы’ [3, с. 4], *ойр**тыш*** ‘разница’ [8, с. 60], *палыр**тыш*** ‘знание, результат’ [2, с. 146], *палыр**тыш*** ‘знак, указание’ [2, с. 83];

3) *-ыш*: *кудалт**ыш*** ‘выбрасывание’ [11, с. 37], *лукт**ыш*** ‘вывод’ [11, с. 179, 194], *шопэшт**ыш*** ‘кислород’ [3, с. 86], *нийалт**ыш*** ‘усик, щупальце’ [11, с. 26, 48], *коч**ыш-йӱӱш*** ‘пища, пропитание’ [3, с. 11] (лит. *кочкыш-йӱыш* ‘пища и питье, провизия’), *олт**ыш*** ‘горючее, топливо’ [1, с. 11], *олд**ыш*** ‘горючее, топливо’ [2, с. 68], *олд**ыш** ӱзгар* ‘горючее, топливо’ [2, с. 45], *минэрал вийаҥд**ыш*** ‘минеральное удобрение’ [2, с. 20], *пунышк**ыш*** ‘плесень’ [2, с. 24], *шӱр**ыш*** ‘масло, мазь, замаска’ [1, с. 54], *шӱр**ыш*** ‘изоляция’ [1, с. 37], *пайдалэ кӱнч**ыш*** ‘полезные ископаемые’ [10, с. 17], *кошарт**ыш*** ‘уплотнение, заключение’ [2, с. 84], кошарт***ыш*** ‘заключение (например, книги)’ [11, с. 184], *айар чактар**ыш*** ‘противоядие, от противоядия’ [2, с. 140].

В отдельных лексических единицах можно выделить суффикс *-ж (-ыж)*, который принимает участие в образовании:

а) существительных от имен существительных): *рӱды**ж*** ‘ось земного шара’ [4, с. 5], *вэл**ыж*** ‘страница’ [2, с. 156], ср. *рӱдӧ* ‘сердцевина, ось’, *вел* ‘сторона’;

б) имен прилагательных от прилагательных же: *тӱлы**ж*** ава ‘плодовитые самки’ [11, с. 62], ср. *тӱлӧ* ‘плодовитый; способный размножаться’;

в) имен существительных от действительных причастий: *толшы**ж*** ‘приход, доходы’ [6, с. 37], *кайышы**ж*** ‘расходы, издержки’ [6, с. 37], ср. *толшо* ‘приходящий; приходящие’, *кайыше* ‘уходящий; расходуемые’.

В образовании глаголов активно участвуют следующие суффиксы:

– суффикс *-аҥ*, образующий глагол от основ существительных: *вӱд**аҥ**аш* ‘наполниться соком (о дереве, кустарниках)’ [8, с. 46], *курал**аҥ**аш* ‘вооружиться’ [5, с. 127], *тувыртыш**аҥ**аш* ‘портиться, испортиться (о яйцах)’ [9, с. 129], *машин**аҥ**даш* ‘механизировать, машинизировать’ [5, с. 42], *пырч**аҥ**ланаш* ‘собираться в колосья, поспевать’ [9, с. 108], *шырк**аҥ**алташ* ‘опыляться’ [11, с. 66];

– суффикс *-тар* (*-дар)*. При помощи данного суффикса образован глагол также от имени существительного: *йӧн**дар**аш* ‘сравнивать, сопоставлять’ [7, с. 7];

– суффикс *-алт*. Образован глагол от существительного *кокс* ‘тж’: *кокс**алт**аш* ‘превращаться в кокс (коксовать, коксоваться)’ [5, с. 76];

– суффикс *-лан*. Он участвует в образовании новых слов, как, например: *толкын**лан**эн* ‘биться, пульсировать (о сердце)’ [3, с. 8, 15], *пушл**ан**аш* ‘1) испаряться; 2) издавать запах; распространять запах’ [7, с. 10], *озымл**ан**аш* ‘всходить’ [9, с. 108], ср. существительные: *толкын* ‘волна’, *пуш* ‘запах’, *озым* ‘озимь’;

– суффикс *-л*. Данный аффикс является одним из частотных суффиксов, от основ существительного образованы глаголы: *игы**л**аш (игэ игы**л**ышэ кол*) ‘приносить, приносить детеныша’ [11, с. 86], *орлайл**э**н* ‘расти гроздями’ [11, с. 67], *коллэктивл**ы**мэ* ‘коллективизированный’ [5, с. 65], *лӱм**л**аш* ‘клеить’ [5, с. 11], *сипырл**а**ш* ‘писать цифрами, цифровать’ [8, с. 21], *ужашл**а**ш* ‘делить, разделять’ [4, с. 56].

В образовании глаголов от основ глагола проявляют активность суффиксы:

1) *-тар*: *уш**тар**аш* ‘объединять, соединять ’[4, с. 20];

2) *-алт*: *организовай**алт**аш* ‘организовать, организовывать’ [1, с. 3], *строй**алт**аш* ‘строиться’ [1, с. 3], , *шырканг**алт**аш* ‘опыляться’ [11, с. 66];

3) *-й*, также образует слова от заимствованных глаголов, например: *страковай**й**аш* ‘страховаться’ [6, с. 26], *жалай**й**аш* ‘жалеть, пожалеть’ [9, с. 19] и нек. др. В одном слове показатель *-й* присоединен к основе имени прилагательного: *йытырай**й**аш* ‘чистить’ [9, с. 142].

Таким образом, в образовании терминологической лексики можно выделить суффиксы:

1) 1 (а) *-эм (-ем), -ер (-эр), -ж (-ыж)*, образующие имена существительные от основ существительных; 1 (б) суффикс *-ык*, при помощи которого от основ числительного образованы существительные; 1 (в) суффиксы *-маш (-ымаш), -тыш, -ыш*, образующие имена существительные от основ глагола; 1 (г) суффикс *-ж (-ыж)*, принимающий участие в образовании имен существительных от действительных причастий;

2) *-ж (-ыж)*, образующий прилагательные от имен же прилагательных;

3) 3 (а) суффиксы *-аҥ, -тар (-дар), -алт, -лан, -л*, образующие глагол от существительных; 3 (б) *-тар, -алт, -й*, образующие глагол от глаголов; 3 (в) суффикс *-й*, участвовавший в образовании глаголов от основ прилагательного.

Из рассмотренных показателей, суффиксы *-маш (-ымаш), -ыш, -аҥ* (в отглагольных образованиях непродуктивен), *-алт, -лан, -л* и в современном литературном языке являются продуктивными, суффикс *-тыш* считается малопродуктивным, а суффиксы *-ер (-эр), -ж, -ык, -тар, -й* – непродуктивными.

Литература

1. *Албычев П.* Тэхникым – школышко / пер. *Г. Игнатьева*. Йошкар-Ола: Маробиздат, 1932. 56 с.

2. Биологий. Йошкар-Ола: Маробиздат, 1931. 154 с.

3. *Васильев В.М.* Вольык дене адемын капкылже могайе? Перевод брошюры «Как построен организм животных» проф. Н.А. Сошественского / Земотдел МАО; под ред. *И.И. Воробьева*. Краснококшайск: Первая Гос. тип., 1922. 16 с.: прил.

4. *Граве Д.* Кузе сандалык лийын / *Лаши* кусарэн. М.: СССР Калыкын Рӱдӧ Савыктыш, 1925. 60 с.: ил.

5. Гэографий СССР да моло кугужаныш-влак: 4-шэ ий тунэмшэ-влаклан. М.: Учпэдгиз, 1932. 128 с.

6. *Зэнчэнко* дэн *Эмэнов.* Илыш дэн шинчымаш чотышто: йалласэ школын IV-шэ пӧлкалан лукмо задачник / *И.Е. Романов* кусарэн М.: СССР Калыкын Рӱдӧ Савыктыш, 1925. 94 с.

7. *Костычев П.* Мланде паша / *Л.В. Аги* кусарен. М.: Центр. изд-во народов СССР, 1924. 67 с.

8. *Никитинский И.И.* Пӱртӱс илыш: тӱҥалтыш школлан лукмо 1-шэ кнага / *Н.С. Мухин* кусарэн. М.: СССР Калыкын Рӱдӧ Савыктыш, 1925. 78 с.

9. *Сави В. (Мухин).* У корно: кок ий тунэмаш коштшо йоча-шамычлан лудшашлык марла кнага. М.: СССР Калыкын Тӱҥ Савыктыш, 1924. 204 с.

10. *Тэтьурэв В.А.* Пӱртӱс шинчымаш = Естествознание: тӱҥалтыш шк. тунемме кн.: 3-шо ий туныктымо. 1-ше ужаш. М.: Учпедгиз, 1933. 107 с.

11. *Цузмэр М.Я.* Зоологий: кокла школышто тунэммэ кнага: 6–7-шэ ий тунэмшылан. М.: Учпэдгиз, 1933. 198 с.

С.С. Сибатрова
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

О РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СИСТЕМЕ МАРИЙСКИХ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

В статье рассматриваются русские заимствования в системе подражательных слов марийского языка. В ходе анализа фактического материала выявлено более 60 единиц, восходящих к русским звукоподражательным словам и глагольным междометиям. Они изложены согласно общепринятым семантическим подгруппам звукоподражательных слов.

Ключевые слова: *марийский язык, подражательные слова, происхождение, русские заимствования.*

В марийском языке в качестве отдельной знаменательной части речи выделяются подражательные слова (*оҥартыш мут*), т.е. слова типа: *шыр* (подражание приятной улыбке или сиянию солнца), *коштыр-коштыр* (подражание скрипу, хрусту, резкому шуршанию чего-л.), *тык-мук* (подражание запинке, заминке в речи) и т.д. Как самостоятельный грамматический класс слов они стали рассматриваться некоторыми марийскими специалистами с середины 1950-х годов, до этого они, как правило, включались в систему междометий [см.: 38, с. 5–13].

Для обозначения таких лексических единиц марийские лингвисты используют разные термины: образные слова [16, с. 157; 41, с. 17], подражательные слова [36, с. 308; 5, с. 138–147; 41, с. 17; 14, с. 322], изобразительные слова [13, с. 83], ономатопоэтические слова [1, с. 258; 2, с. 44–45], на марийском языке – *оҥартыш мут* [11, с. 95–97; 38; 39, с. 167–173]. Согласно их мнению, подобные слова дают «слуховой или зрительный образ действия или состояния» [16, с. 157], служат «для условного воспроизведения различных явлений действительности», «чтобы наиболее отчетливо, образно, живо передать видимое, слышимое или осязаемое» [36, с. 308], употребляются «для образной передачи различных явлений внешнего мира, воспринимаемых зрительно и на слух, внутреннего состояния и действий человека» [13, с. 83] и «для условного воспроизведения различных слышимых, видимых, ощущаемых явлений действительности» [41, с. 17], «условно воспроизводят видимые, слышимые явления, осязаемые ощущения», «помогают обрисовать изображаемую картину (видимую, слышимую, осязаемую) живо, ярко, отчетливо» [14, с. 322].

В марийском языкознании имеется несколько специальных работ, посвященных подражательным словам (история их изучения подробно освещена в работе З.В. Учаева [см. 38, с. 5–13]). В 1939 году выпущен отдельный оттиск статьи М.П. Чхаидзе «О междометиях в марийском языке» из сборника «Памяти

академика Н.Я. Марра» (М.-Л., 1939). В нем автор излагает «физиолого-биологическую» звукоподражательную теорию профессора Н.И. Ашмарина, «специалиста по поволжским языкам, автора ряда работ по вопросам звукоподражания» [47, с. 275] и выражает свое (в целом негативное) отношение к ней «с позиции нового учения о языке» [47, с. 285]. В статье Ф.И. Гордеева «Подражательные слова и этимология» рассматривается происхождение отдельных подражаний, при этом обращается внимание на важное значение подражательных слов в исследовании истории всего лексического состава языка [5]. В научно-публицистической статье «Мутвундым пойдара» («Обогащает лексику») С.Д. Дмитриев кратко излагает разные (семантические, грамматические – морфологические и синтаксические) особенности подражательных слов, их роль в словообразовании, некоторые моменты из истории их изучения, активное использование в качестве выразительных средств в творчестве писателей. На взгляд автора, подражательные слова находят ограниченное отражение в марийских словарях (с чем надо согласиться), также уделяется недостаточное внимание изучению их в школе [11]. Наиболее полно и системно («в соответствии с программой по современному марийскому языку») подражательные слова рассмотрены в вузовском учебном пособии З.В. Учаева «Онартыш мут» («Подражательные слова»). В отдельных разделах и подразделах книги последовательно освещены: история изучения подражательных слов в «советском языкознании» (в марийской лингвистике, тюркологии, финно-угроведении), сущность подражательных слов, их семантические группы (звукоподражательные, зрительноподражательные, выражающие чувства, звуко- и зрительноподражательные), синонимия, моносемия и полисемия в их системе, связь между их структурой и значением, их фонетические, структурные и морфологические особенности, синтаксические функции, изобразительно-выразительные свойства и словообразовательные возможности. Что весьма ценно, книга содержит богатейший иллюстративный материал из художественных произведений на лугово-восточном марийском литературном языке, систематизированный по разным аспектам анализа и описания подражательных слов [38]. Роль подражательных слов как художественно-изобразительных средств З.В. Учаевым представлена также в отдельном подразделе его пособия для факультативных занятий «Сылнымут йылме» («Язык художественной литературы») [40, с. 77–86].

Многочисленность подражательных слов и большая частотность их употребления в речи отмечаются в качестве одной из основных особенностей марийского языка рядом исследователей [16, с. 158; 38, с. 3; 11, с. 95; 14, с. 322]. По подсчетам Г. Берецки, «на основе нескольких букв» марийского диалектного словаря Э. Беке, «доля ономатопоэтических слов высока» особенно среди лексем на буквы *й, л, м, ш, в*, «но существуют звуки, которыми почти не начинаются ономатопоэтические слова, например *н*, что говорит о важной роли звуковой символики в этом разделе лексики» [1, с. 258]. Эти данные в какой-то мере подтверждаются и материалами «Словаря марийского языка» (хотя, надо заметить, он не охватывает все богатство марийских подражательных слов). Так, словарь содержит около 660 словарных единиц с пометой «подр. сл.». Более всего таких единиц выявлено на буквы: *ч* – 98, *к* – 76, *п* – 74, *ш* – 67, *т* – 63, *л* –

59, *й* – 55 (кроме того, на букву *ю* – 20), *в* – 31; менее 30 единиц на буквы: *ц* – 23 (все примеры из горного наречия), *б* – 19, *р* – 16, *г* – 13, *д* – 11, *с* – 10; менее 10 единиц на буквы: *м* – 7, *у* – 4, *х* – 4, *ф* – 3, *н* (звук *н'*) – 3, *а* – 2, *ж* – 1, *з* – 1; не обнаружено подражательных слов на (что интересно, гласные) буквы г. *ӓ, э, и, о, ӧ, ӱ, ы,* г. *ӹ*, также *е* и *я.*

По мнению И.С. Галкина, подражательные слова в марийском языке (также в удмуртском) получили широкое распространение под влиянием тюркских, прежде всего булгарского, языков, где они употребляются весьма активно [3, с. 83]. Г. Берецки также считает, что «марийские ономатопоэтические слова обнаруживают большое сходство с чувашскими» и что «между марийскими и татарскими ономатопоэтическими словами меньше сходства» [1, с. 258–259]. Однако он делает следующий вывод: «В марийском языке несомненно имеются и заимствованные ономатопоэтические слова чувашского и татарского происхождения, но характерно для языка не заимствование. Марийский язык усвоил систему образования ономатопоэтических слов соседних тюркских языков и сам создал множество таких слов по этому образцу» [1, с. 258–259; также 2, с. 45]. На основе материала словаря Э. Беке, а именно на основе ономатопоэтических слов, которые «бытуют в обоих марийских наречиях», Г. Берецки приходит к заключению, что «они уже существовали в древнемарийском языке» [1, с. 258].

Несмотря на такие бесспорные выводы Г. Берецки, специальное изучение показывает, что в марийском языке немало подражательных слов, заимствованных и из русского языка. Причем несмотря на то, что для русского языка не характерно такое обилие звукоподражательных и глагольных междометий, как для марийского.

Настоящая статья посвящена определению состава и места русских заимствований среди подражательных слов марийского языка. Она написана на основе фактических материалов, выявленных прежде всего в «Словаре марийского языка» (1991–2005), где «впервые широко представлены наиболее распространенные подражательные слова» [18, с. 9], и в вышеназванном пособии З.В. Учаева «Подражательные слова». (Ввиду этого марийский языковой материал почти полностью отражает особенности лугового наречия, лугово-восточного литературного языка; редкие факты из горного наречия снабжаются соответствующей пометой). Подражательные слова, их фонетические и графические варианты передаются в статье в соответствии с источниками. Краткое толкование значений подражательных слов в целом дается согласно «Словарю марийского языка», а также, в случае их отсутствия в словаре, на основе характеристики З.В. Учаева или показаний примеров. В качестве источников по русскому языку использованы толковые словари Института русского языка АН СССР (1948–1965) и, по мере необходимости, В. Даля (изд. 1955 г.), С.И. Ожегова (изд. 1983 г.); следует заметить, в словарях русского языка нашли отражение (тоже) не все звукоподражательные и глагольные междометия. Для подтверждения исконности русских слов (значит, и степени «надежности» источника заимствования) приводятся данные из этимологического словаря М. Фасмера (изд. 1986, 1987 гг.). Русские заимствования представляются по семантическим подгруппам

звукоподражательных слов, установленным марийскими языковедами (З.В. Учаевым). В их ряд включены прежде всего слова, идентичные или близкие фонетически и семантически, единицы с несвойственными марийскому языку фонетическими особенностями – звуками (например, с согласными *ф, х* и в начале слова *б, г, ж, з, д*) и сочетаниями звуков (например, *пчх: апчхи; кх: кхы*; *тр: тра-та-та; чз < д'з': чзин-чзин; шл': шльоп*; *пж < пш*: *пжик*), также с характерными звуковыми изменениями, которым они подверглись при проникновении (заменой, выпадением, чередованием).

Марийские подражательные слова, как правило, подразделяют на 3 группы**:** звукоподражательные, зрительноподражательные, эмоционально-подражательные [36, с. 308; 5, с. 139; 39, с. 169–170]; в своем пособии «Подражательные слова» З.В. Учаев дополнительно выделяет четвертую группу – звуко- и зрительноподражательные слова (*«ужмо-колмым ончыктышо онартыш мут-влак»*), которым свойственна синкретичность семантики [38, с. 43–44; также 39, с. 170; 36, с. 308]. Так, по результатам анализа обнаруженного материала, почти все русские заимствования относятся к звукоподражательным словам, что объясняется наибольшей характерностью таких единиц для самого марийского языка, с одной стороны, и относительной многочисленностью их в русском, с другой. Ниже выявленные русизмы будут изложены по традиционным семантическим подгруппам звукоподражательных слов.

1. Звукоподражательные слова, имитирующие звуки, характерные **для человека и его действий**. В данной подгруппе выявлено более 15 единиц.

Апчи, апчхи – подражание чиханью [18, с. 95]; ср. рус. *апчхи* – то же [15, с. 29];

го-го-го – подражание смеху; ср. рус. *го, го-го* – выражает одобрение, грубый смех и т. п. [27, с. 188]. Марийское подражание Ф.И. Гордеев отмечает как заимствование из русского языка [6, с. 234];

кхы, кыхӧ-кыхӧ – подражание покашливанию, кашлю; ср. рус. *кхе-кхе, кхе-кхе-кхе* – обозначает кашель [29, с. 1916]. В марийских источниках содержится также подражание *кхым-кхым, кхм-кхм*; ср. рус. *кхм-кхм* – выражает недоумение, раздумье, иронию [29, с. 1916], однако (судя по материалам интернета) употребляется и для обозначения подражания кашлю;

лоп, лоп-лоп – подражание резкому звуку при ударе, хлопке [20, с. 390]; ср. рус. *хлоп* – обозначает звук при ударе, хлопке [35, с. 199–201]. Произошло выпадение согласного *х* в начале слова, как известно, для марийского языка не характерно стечение согласных в данной позиции. Поэтому в русских заимствованиях «один (или несколько) изначальных согласных утрачивается (... диал. *рес* 'крест', *пачер* 'квартира'...)» [8, с. 185];

му-му, му-му-му – подражание невнятной речи, разговору; ср. рус. *му* – обозначает мычание коровы, быка [30, с. 1333], *мумлить* – говорить вяло или нечисто, шамкать, как беззубый [10, с. 359]. Глагол *мумлить* М. Фасмер характеризует как звукоподражательное образование, приводит параллели из ряда славянских языков [44, с. 9];

пук – подражание звуку шума при отрывистом выпускании воздуха, пара, газа, дыма [22, с. 317]; ср. рус. *фук* – обозначает быстрое действие по значению глагола *фукать; фукать* – издавать глухой отрывистый звук, произносить *«фу»*;

дуть, производя глухой отрывистый звук; прерывисто с шумом выпускать воздух, пар и т. п. [34, с. 1585]. Родственные соответствия глаголу «звукоподражательного» происхождения (правда, от **fu*) имеются во многих славянских языках [45, с. 209]. Замещение мар. *п* < рус. *ф* «в изустных заимствованиях» в истории языка было явлением распространенным, ср. *понар* ‘фонарь’, *пупайкы* ‘фуфайка’, *путбол* ‘футбол’ [7, с. 214; 8, с. 180; 17, с. 30, 121];

пык-пок – подражание попыхиванию, затяжке при курении [22, с. 466]; ср. рус. *пых* – обозначает звуки, издаваемые при пыхтении [31, с. 1801], *пыхать, пыхтеть* – выпускать струи воздуха, выпускать дым при курении, с шумом выпускать пары, газ, воздух и т. п. [31, с. 1802–1803]. Согласно М. Фасмеру, слово *пыхать* «основано на древнем ономатопоэтическом образовании», генетически связано с рядом слов в славянских языках [44, с. 421]. Хорошо известна в истории языка передача русского *х* марийским *к*, ср. *манак* ‘монах’, *лемек* ‘лемех’, *пастук* ‘пастух’ [7, с. 214; 8, с. 180; 17, с. 46]. В *пык-пок* наблюдается также одно из свойственных марийскому языку чередований гласных в компонентах сложных подражаний *ы/о* (ср. *йыҥгыр-йоҥгыр, йыҥ-йоҥ* – подражания звону; *чыри-чори* – подражание визгу, пронзительному крику);

топ-топ, тып-топ, тып-тып – подражание топоту ног, звукам шагов, также (у *тып-тып*) легкому похлопыванию, постукиванию [23, с. 155, 409, 410]; ср. рус. *топ-топ* – подражание звукам шагов [15, с. 713]. Вариант *тып-топ* мог развиться по аналогии с другими марийскими подражательными словами (о характерном чередовании *ы/о* в подобных словах см. выше), а *тып-тып* – в результате выделения и повторного использования первого его компонента. В марийском языке употребляются также синонимичные подражательные слова г. *тыпи-топи, тыпик-топик* – подражание звуку, топоту шагов [23, с 407], *топ-топыр* – подражание скачке, топоту от скачки [23, с. 155], *дыбе-дӧбӧ* – подражание звукам топота при беге [18, с. 429], *тыпке-топко* – подражание звуку шагов, топоту [23, с. 407]. Очевидно, они представляют собой собственные образования от заимствованного *топ-топ, тып-топ* посредством суффиксации;

тук, тук-тук, тук-тук-тук – подражание звуку короткого удара, стуку, биению, ударам сердца [23, с. 238]; ср. рус. *тук, тук-тук, тук-тук-тук* – обозначает звуки коротких, отрывистых ударов, стука [33, с. 1112], *тукать* – ударять, бить со стуком; ударяя или ударяясь обо что-л., производить короткий, прерывистый звук [33, с. 1113]. Глагол *тукать* (как и *стукать, ткать*) М. Фасмером определяется как звукоподражательного происхождения, при нем даются соответствия из других славянских языков [45, с. 116];

уа, у-а, у-а-а – подражание плачу (ребенка); ср. рус. *уа* – обозначает плач младенца или подражание ему [34, с. 11];

фийт, фью, фють – подражание свисту (например, человека, птиц, пули) [24, с. 227]; ср. рус. *фью, фью-фью, фьють, фюйть, фють* – обозначает свист [34, с. 1608–1610];

фу – подражание дутью ртом; ср. рус. *фу* – обозначает короткий звук, издаваемый при тушении, охлаждении чего-л. [34, с. 1580]. М. Фасмер рассматривает рус. *фу* как «позднее» звукоподражательное междометие [45, с. 208];

ха-ха-ха – подражание громкому смеху, хохоту [24, с. 245]; ср. рус. *ха-ха, ха-ха-ха* – обозначает звуки, издаваемые при громком смехе, хохоте [35, с. 57];

хе-хе-хе – подражание смеху; ср. рус. *хе-хе, хе-хе-хе* – обозначает звуки, издаваемые при негромком или тонком смехе, шутливое или ироническое посмеивание [35, с. 121–122];

хи-хи-хи – подражание негромкому смеху, нередко со злорадством [24, с. 250]; ср. рус. *хи-хи, хи-хи-хи* – выражает смех исподтишка или тонким голосом [35, с. 154]. М. Фасмер приводит ряд «славянских» соответствий междометия *хи-хи* при глаголе *хихикать* [45, с. 240];

хо-хо-хо – подражание громкому смеху, хохоту [24, с. 254]; ср. рус. *хо-хо, хо-хо-хо* – обозначает звуки, издаваемые при громком смехе, хохоте [35, с. 427]; *хохотать* – неудержимо громко смеяться [35, с. 429]. Глагол *хохотать* звукоподражательного происхождения, имеет генетически общие слова в некоторых славянских и других языках [45, с. 272].

По семантике несколько отдельно от вышеприведенных единиц стоят подражания *коп и пжик*:

коп – зрительное подражание быстрому схватыванию чего-л. кем-л., а также подражание легкому глухому стуку при падении небольшого предмета [19, с. 435]; ср. рус. *хоп* – обозначает быстрое движение при хватании, схватывании [35, с. 377], *хопить* – схватить (имеются родственные глаголы в других славянских языках) [45, с. 261]. При заимствовании произошла типичная звукозамена мар. *к* < рус. *х* в начале слова, ср. *комак* ‘хомяк’, *кеч, коть* ‘хоть’, *крен* ‘хрен’ [7, с. 214; 17, с. 46];

пжик – подражание быстрому совершению действия [22, с. 104]; ср. рус. *пшик* – обозначает звук чего-л. лопающегося, взрывающегося, шипящего и т.п.; ничто [31, с. 1785].

2. Звукоподражательные слова, имитирующие звуки, характерные для **домашних животных и зверей, домашних и диких птиц, насекомых.**

В источниках зафиксировано более 10 подражаний звуковым проявлениям **домашних и диких животных:**

ам-ам, хам-хам-хам – подражание лаю собаки; ср. рус. *ам, хам* – «*детск.* укушу, съем, вот я тебя съем»; *амка, гамка* – «*детск.* вавака, собака, пес» [9, с. 15]; *гам* – о лае собак, пении птиц и т. п. [27, с. 31]. Случаи передачи русского *г* глухим фрикативным *х* в принципе известны и самому марийскому языку: *выхатир, пыхатир* ‘богатырь’, *махнит* ‘магнит’ и др. [17, с. 44]. Однако Ф.И. Гордеев, основываясь на примерах из восточных финно-угорских и чувашского языков, утверждает, что марийские *ам, хам* проникли «из булг. (др.-чув.) источника» и что русские *ам, гам, хам* также являются булгаризмами. При этом он считает ошибочным мнение М. Фасмера об ономатопоэтическом характере рассматриваемых лексем [4, с. 96];

ав-ав [аф-аф] – подражание лаю собаки. Возможно, как и *гав-гав*, русского происхождения, ср. рус. *ав-ав* (к сожалению, в словарях не зафиксировано). Ф.И. Гордеев мар. *ав-ав, аф-аф,* как и мордовские и удмуртские параллели, относит к заимствованиям из чувашского языка, при этом приводит киргизский глагол *абала* ‘лаять’ [4, с. 34–35];

гав-гав [гаф-гаф] – подражание лаю собаки; ср. рус. *гав* – лай, *гавкать* – лаять, брехать [9, с. 339]. При глаголе *гавкать* (и междометии *гав*) М. Фасмер дает соответствия из других славянских языков и поддерживает существующее мнение о звукоподражательном происхождении глагола [42, с. 379];

ио-о-о, ийо-о-о, ийо-ийо – подражание ржанию жеребца, лошади, коня; ср. рус. *и-го-го: игогокать* – кричать *и-го-го* (о жеребце) [29, с. 18]. В марийских вариантах слова наблюдаются выпадение согласного *г* (*ио-о-о*) и замена его согласным *й* (*ийо-о-о, ийо-ийо*). Согласно Л.П. Грузову, выпадение согласных в середине слова – явление не редкое, «в интервокальном положении, как правило, утрачиваются согласные с вокализованным характером: *й, в, д, г*» [8, с. 187].Также известны случаи передачи русского согласного *г* марийским *й* (правда, перед гласными переднего ряда), ср. *йерой* ‘герой’, *йектар* ‘гектар’ [7, с. 194];

ме-е, м-мьа – подражание блеянию овцы, козы, ягненка; ср. рус. *ме, ме-ме* – воспроизводит крик барана, козла [30, с. 743], *мемекать* – издавать звук *«ме»* (о блеянии овец, коз) [30, с. 830]. В словаре В. Даля зафиксирован глагол *бекать, бебекать, бекетать,* основное значение которого определяется как «*мемекать,* блеять, кричать овцой, по-овечьи» [9, с. 80]. История глагола *бекать, бебекать, бекетать* рассматривается М. Фасмером как звукоподражательная, представляются лексические параллели из других славянских языков [42, с. 146];

мӧ-мӧ, мӧ-ӧ-ӧ, му-у – подражание мычанию теленка; ср. рус. *му* – обозначает мычание коровы, быка [30, с. 1333]. При глаголе *мычать* М. Фасмер приводит ряд соответствий с начальным *му-* из славянских и других индоевропейских языков [42, с. 146]. В случае с *мӧ* имеет место звукопереход мар. *ӧ* < рус. *у*, что можно видеть и в других (правда, единичных) русизмах: «*улица* > л. *ӧлица*, ... г. *ӧлицӓ, ӧл’цӓ*» [17, с. 120];

мыр-мыр – подражание мурлыканью кошки [21, с.128]; ср. рус. *мур, мур-мур-мур* – обозначает мурлыканье кошки [30, с. 1367–1368], *мурлыкать* – издавать звуки *«мур-мур»* [30, с. 1375]. Происхождение глагола *мурлыкать,* как и соответствий из некоторых тюркских языков, М. Фасмер связывает с звукоподражанием, дает параллели из немецкого и латинского языков [44, с. 13]. Правда, не просто объяснить в марийском языке переход русского лабиального гласного *у* в ударной позиции в нелабиальный *ы* (тем более рядом с лабиальным согласным *м*), хотя отдельные подобные примеры в диалектах зафиксированы: рус. «*пуд* > л. *пыт*» [17, с. 112];

мяу, мяу-у-у – подражание мяуканью кошки; ср. рус. *мяу* – обозначает мяуканье кошки, *мяукать* – издавать звуки *«мяу»* [30, с. 1458]. Согласно М. Фасмеру, слово *мяукать* образовано от подражания *мяу*, генетически близкие глаголы представлены в славянских и других индоевропейских языках [44, с. 32];

р-р-р – подражание рычанию (собаки); ср. рус. *р-р-р: рычать* – издавать громкие, угрожающие, низкого тона звуки, напоминающие звуки *«р-р-р»* (о животных) [32, с. 1647], *рыкать* – издавать рык [32, с. 1622]. Соответствия русским глаголам, также имени *рык* встречаются в ряде славянских и некоторых других индоевропейских языков [44, с. 527–528];

фыр, фыр-фыр, фр-р – подражание звуку фырканья кого-л., а также звуку махания, хлопанья крыльев птиц [24, с. 242]; ср. рус. *фр-р* – выражает недовольство, отвращение и т. п. [34, с. 1577], *фыркать* – издавать глухой отрывистый звук, выпуская с шумом воздух из ноздрей, рта; сердиться, брюзжать, выражать недовольство [34, с. 1607]. Данный глагол М. Фасмер квалифицирует как звукоподражательное образование, приводит параллели из других славянских языков [45, с. 213];

хрю-хрю – подражание хрюканью свиньи; ср. рус. *хрю, хрю-хрю* – обозначает звуки, издаваемые свиньей и некоторыми другими животными; *хрюкать* – издавать звуки *«хрю, хрю-хрю»* [35, с. 500–501]. Происхождение глагола *хрюкать* М. Фасмер рассматривает как звукоподражательное [45, с. 213].

Более 10 единиц представляют собой подражания звуковым проявлениям **домашних и диких птиц**:

йиги-йиги – подражание крику гусят; ср. рус. «*дига, диганька* об. пск. тига, тиженька, тега, кличка гусей» [9, с. 435], *теги-теги, тига-тига, тиги-тиги, дига-диганькьа, тега* [см. 6, с. 263]. Вероятно, источником для мар. *йиги-йиги* стал русский вариант с согласным *д'*. Переход мар. *й* < рус. *д'* (иногда *т'*) хорошо известен в языке, ср. *йекрет* ‘декрет’, *йиректыр, йеректыр* ‘директор’, *йежурный* ‘дежурный’ [7, с. 209; 17, с. 32–33];

кар-р, кар-р-кар-р – подражание крику ворóны (вóрона), карканью; ср. рус. *карк* – «граянье, крик черни, воронья», «крик однократный» [10, с. 92], *каркать* – издавать резкий, гортанный звук (о крике ворóны, вóрона и некоторых других птиц) [29, с. 820]. Появление глагола *каркать* М. Фасмер связывает со звукоподражанием, представляет прямые соответствия из украинского и болгарского языков, а также родственные слова из других индоевропейских языков [43, с. 200];

ко-го, го-го-го – подражание крику, гоготу, гоготанью гусей; ср. рус. *го, го-го* – крик гусей [27, с. 188–189]; *гоготать* – издавать резкие, отрывистые крики, похожие на звуки «*го-го-го»* [27, с. 199]. Основываясь на мнении М. Фасмера о звукоподражательном характере русского глагола [42, с. 425], марийское подражание *го-го-го* Ф.И. Гордеев относит к заимствованиям из русского языка [6, с. 234];

кукареку – подражание крику, кукареканью петуха; ср. рус. *кукареку* – то же, *кукарекать* – издавать крик *«кукареку»* [29, с. 1799–1800]. В марийских источниках зафиксированы варианты с переднерядными гласными *кӱкӱрекрек, кекырек-кырек*; они, скорее всего, являются тюркскими заимствованиями, ср. тат. *кикрикүк* [37, с. 252], чув. *киккирик* [46, с. 175], ибо трудно объяснить переход заднерядного гласного *у* в переднерядный *ӱ* в положении между заднеязычным согласным *к*;

ку-ку, ку-кук – подражание крику, пению кукушки [20, с. 107]; ср. рус. *куку* – о крике кукушки [29, с. 1805], *куковать* – издавать крик *«куку»* [29, с. 1802]. При глаголе *куковать* М. Фасмером приведены многочисленные соответствия из славянских, а также из других индоевропейских языков [43, с. 406]. Марийские источники содержат также вариант с гласным переднего ряда *кӱкӱк-кӱкӱк*, который, очевидно, является заимствованием из татарского языка, ср. тат. *күккү*

[37, с. 335; также 12, с. 88]. Следует добавить, при слове *кукушка* М. Фасмер дает ряд параллелей и из тюркских языков, причем более всего с гласными переднего ряда [43, с. 407]. Вариант *ку-ку**к*** мог развиться от *ку-ку* под влиянием данного тюркского заимствования;

курлык-курлык – подражание крику, курлыканью журавля [20, с. 154]; ср. рус. *курлы* – о крике журавля, *курлыкать* – кричать, издавать звуки *«курлы»* [29, с. 1869]. Согласно мнению М. Фасмера, глагол *курлыкать* происходит от звукоподражания (*кур, кура*) аналогично образованию *мурлыкать* [43, с. 426];

хор-р – подражание хорканью, звукам, издаваемым некоторыми птицами [24, с. 254]; ср. рус. *хор-р*: *хоркать* – издавать звуки *«хор-р», «квор»* (о вальдшнепе и других куликах) [35, с. 385]. Глагол *хоркать,* на взгляд М. Фасмера, является звукоподражательным образованием; имеет родственные параллели во многих славянских языках [45, с. 263];

чийык-чийык – подражание чириканью, щебетанию синиц [24, с. 359]; ср. рус. *чилик-чилик: чиликать* – издавать звуки *«чилик-чилик»*, щебетать, чирикать [35, с. 1027]. По мнению М. Фасмера, слово *чиликать* является производным от звукоподражания [45, с. 362]. На почве марийского языка произошел переход мар. *й* < рус. *л'* (правда, такой переход специалистами до сих пор не отмечался). Появление гласного *ы* на месте (даже) ударного *и,* по-видимому, объясняется изменением места ударения в марийском языке;

чылик-чолик – подражание щебету, чириканью, чиликанью некоторых птиц [24, с. 484]; ср. рус. *чилик-чилик: чиликать* (см. выше). При освоении русского слова отмечаются замена гласного *и* марийским *ы* в предударной позиции (ср. *йыван* 'диван', *пычал* 'пищаль', *Выльып* < рус. *Филип* [17, с. 19]) и одно из свойственных чередований гласных *ы/о* в компонентах сложных подражаний (см. выше);

чик-чик – подражание чириканью воробья; ср. рус. *чик-чик: чикать* – производить короткие, отрывистые звуки *«чик», «чик-чик»*; ударить, уязвить [35, с. 1027]. Происхождение глагола объясняется М. Фасмером как «звукоподражательное», связывается с «праслав. **čik*» [45, с. 360–361];

чик-чирик – подражание чириканью, щебетанию воробья; ср. рус. *чик-чирик* – обозначает щебетание некоторых птиц [35, с. 1027]. Как видно, сложное по составу подражание заимствовано в цельном виде. В русском языке второй компонент *чирик* лег в основу глагола *чирикать,* соответствия ему имеются и в других славянских языках [45, с. 365];

чип-чип – подражание крику курицы (более всего употребляется в качестве вокативного слова для кур и цыплят); ср. рус. *цып-цып* – возглас, которым подзывают кур [35, с. 732]. Подзывания (также существительные), идентичные или близкие русскому *цып-цып,* выступают во многих славянских языках [45, с. 307]. На почве марийского языка произошло известное замещение мар. *ч* < рус. *ц,* ср. *черке* 'церковь', *чыган* 'цыган', *чипыр* 'цифра' [см. 7, с. 179; 17, с. 39, 122]. Передача русского гласного *ы* гласным *и* в марийском языке также явление нередкое, ср. *цирк* 'цирк' [*цырк*], *тикывы* 'тыква' [17, с. 21];

чи-чи-чок-чок-чок – подражание чириканью и чоканью дрозда. По составу сложное: *чи-чи,* ср. рус. *чив-чив* – обозначает щебетание некоторых птиц [35, с. 1025], и *чок-чок-чок,* ср. рус. *чок-чок: чокать* – издавать звуки *«чок-чок»*

(о некоторых птицах и животных) [35, с. 1101]. В первом компоненте (*чи-чи*) наблюдается выпадение конечного глухого *[ф]* источника, что встречается и в других случаях, ср. *черке* ‘церковь’, *Покыро* ‘Покров (день)’, *Яку, Яко* < рус. *Яков* [см. 17, с. 31].

2 заимствования используются для подражания звуковым проявлениям **насекомых:**

ж-ж, жыж-жыж-ж – подражание жужжанию насекомых (пчелы, шмеля, слепня и др.) [18, с. 452]; ср. рус. *ж-ж-ж* – обозначает жужжание насекомого, сдержанный шепот, звон косы и т. п. [28, с. 5], *жужжать* – производить однообразно-дребезжащий звук, похожий на *«ж-ж»* [28, с. 5]. Глагол *жужжать* М. Фасмер считает образованным от звукоподражания (долгого *жж*), приводит параллели из украинского, а также (при слове *жужелица*) из других славянских языков [43, с. 64];

з-з-з – подражание звуку жужжания пчел и т. п. [18, с. 478], также звуку летящей пули; ср. рус. *з-з-з* – обозначает звук летящей пули, кипящей жидкости и т. п. [28, с. 199], *жужжать, жузжать* – издавать звук, подобный растянутому произношению буквы *ж* или *з*, как делают пчелы, шмели и пр. [9, с. 546].

3. Звукоподражательные слова, имитирующие звуки, характерные **для неодушевленных предметов**. Данная подгруппа заимствований объединяет около 15 единиц.

Бах – подражание сильному низкому отрывистому звуку [18, с. 148]; ср. рус. *бах* – обозначает сильный отрывистый звук, шум, произведенный ударом, падением, выстрелом и т. п. [26, с. 298], *бахать* – производить резкий, отрывистый звук, шум [26, с. 298–299]. В марийском словаре зафиксировано также подражательное слово *бау* ‘бах’ [18, с. 148], вероятно, русского же происхождения;

буль-буль – подражание бульканью жидкости [18, с. 166]; ср. рус. *буль-буль* – выражает звук бульканья, *булькать* – производить звук, получающийся при падении небольшой струи жидкости (например, при наполнении сосуда с узким горлышком или выливании из такого сосуда), вообще производить звуки *буль-буль* [26, с. 685–686]. Ф.И. Гордеев мар. *буль-буль* рассматривает как русское заимствование [4, с. 210];

бух, бух-бух – подражание звуку выстрела, взрыва, шуму падения; также обозначает моментальное действие [18, с. 170]; ср. рус. *бух* – обозначает короткий звук от внезапного падения, выстрела и т. п., *бухать* – колотить, стучать чем-л. тяжелым, производить густой, громкий звук [26, с. 711]. Согласно Ф.И. Гордееву, *бух-бух* является заимствованием из русского языка [4, с. 247]. В марийском языке также употребляются фонетически адаптированные варианты *пук, бук: пук* – подражание звуку выстрела, взрыва, шуму падения [4, с. 247], *бук* – подражание моментальному действию (например, вспышке). В них имеют место характерные для марийского языка звукоизменения: мар. *п* < рус. *б* (ср. *пуйто* ‘будто’, *пазар* ‘базар’, *Порис* < рус. *Борис* [7, с. 212; 17, с. 28]), мар. *к* < рус. *х* (см. выше);

дин-дин, динь-динь – подражание звуку колокольчика и т. п. [18, с. 410]; ср. рус. *динь-динь*, (в иллюстрации) *дин-дин* – о звуке колокольчика [27, с. 794].

По мнению Ф. И Гордеева, мар. *динь* «восходит к русскому *динь-динь*» [6, с. 264];

доӊ-доӊ – подражание звону колокола; *тоӊ-тоӊ* – подражание звону, звонкому звуку удара, стука и т. п. [23, с. 153]; ср. рус. *дон,* (чаще) *дон-дон-дон* – обозначает звон колокола, металлической доски и т. п. [27, с. 974]. В конце слова произошла замена мар. *ӊ* < рус. *н*, что встречается и в других заимствованиях (*чиӊ-чиӊ, чиӊ-чиӊ, чоӊ-чоӊ*). Вариант *тоӊ-тоӊ* развился в результате закономерного перехода в начале слова мар. *т* < рус. *д* (см. выше);

з-з-з-фьют – подражание звуку летящей со свистом пули. Сложная единица, состоит из двух компонентов, заимствованных из русского языка: *з-з-з* (см. выше) и *фьют* (см. выше *фью, фють, фийт*);

та-та-та – подражание мерным отрывистым звукам (например, пулеметной стрельбы) [23, с. 63]; ср. рус. *та-та-та* – обозначает мерные отрывистые звуки [33, с. 142], *татакать* – издавать мерные отрывистые звуки [33, с. 137]. Глагол, по мнению М. Фасмера, звукоподражательного происхождения [45, с. 26];

тик-так – подражание тиканью (часов), легкому, мерному постукиванию [23, с. 107]; ср. рус. *тик-так* – воспроизводит тихое и мерное постукивание, тиканье часов; *тикать* – тихо и мерно постукивать (о часах, часовом механизме) [33, с. 437–438]. При глаголе *тикать* М. Фасмер представляет соответствия из немецкого и французского языков [45, с. 56];

тра-та-та – подражание резким отрывистым звукам (дроби барабана, очереди автомата и т. п.) [23, с. 219]; ср. рус. *тра-та-та* – передает звуки музыки или мерного, ритмичного стука, шума [33, с. 837]. Почти все слова с сочетанием согласных *тр,* в том числе в начале слова, в марийском языке являются русскими заимствованиями (ср., *трагедий, трактор, трест, трос* и др.);

у-у-у – подражание вою, гулу, реву кого-чего-л.; ср. рус. *у* (в иллюстрации также *у-у, у-у-у*) – подражание какому-л. гудящему, воющему, свистящему и т. п. звуку [34, с. 11]. В марийских источниках зафиксирован вариант *ву-у-у*, можно допустить, что он есть результат развития согласного *в* перед лабиальным гласным *у*. Как известно, в истории языка такое явление имело место, например, *вучаш* ‘ждать’, ср. морд. *учомс,* фин. *odotta* [8, с. 188];

ух – подражание сильному глухому звуку удара, падения и т. п.; ср. рус. *ух* – передает сильный и глухой звук от удара, падения, выстрела и т.п. [34, с. 1096], *ухать* – издавать сильный глухой звук (при ударе, падении, выстреле, разрыве и пр.) [34, с. 1101];

чзин-чзин – подражание звенящему звуку, звяканью при правке косы или пилы [24, с. 356], *чинь* – подражание звонкому звуку [24, с. 364], *зиӊ-зиӊ, чиӊ-чиӊ* (также *чоӊ-чоӊ)* – подражание звону стекла (нередко бьющегося), удару по металлическому предмету [14, с. 325], *чиӊ-чоӊ* – подражание звону стекла (при ударе) [24, с. 364]; ср рус. *дзень, динь, тень* – звукоподражание звону, бряку, например, стекла [9, с. 434]. В марийских заимствованиях в одних случаях (*чзин-чзин* < рус. *дзинь, дзень; чинь* < рус. *тинь, тень*) имеет место замена русского *д’* и *т’* марийским *ч* (ср. *чорка* ‘тёрка’, *чекньык* ‘техник’ [17, с. 38; также 8, с. 181]), в остальных – выпадение одного из согласных (или *ч,* или з) в начале слова

ввиду нехарактерности стечения согласных в этой позиции и замена конечного согласного мар. *ҥ* < рус. *н* (см. выше). Кроме того, в *чиҥ-чоҥ* проявляется чередование *и/о,* которое встречается и в других подражательных словах (ср. *к**и**гик-к**о**гок* – подражание крику гусей);

чык-чок, г. *цык-цок* – подражание цоканью, щелканью, коротким резким звукам [24, с. 479, 282]; ср. рус. *цок, цок-цок* – обозначает звонкие, отчетливые, отрывистые звуки (при ударе обо что-л.) [35, с. 715], *цокать* – издавать короткие, звонкие, прищелкивающие звуки (о птицах, животных), издавать отрывистые, короткие звуки (при ударе обо что-л.) [35, с. 716]. Сложная подражательная единица используется с распространенным в марийском языке чередованием *ы/о* (см. выше). В слове *чык-чок,* кроме того, имеет место закономерный переход мар. *ч* < рус. *ц* (см. выше);

шльоп – подражание звуку падения твердого предмета в жидкость [25, с. 161]; ср. рус. *шлеп* – обозначает звук, издаваемый при шлепании, шлепе [35, с. 1468], *шлепать* – производить глухой, неотчетливый звук (обычно при ударе, падении и т. п.); создавать шум, глухие звуки, идя, двигаясь по воде, грязи и т. п. [35, с. 1470]. Происхождение глагола *шлепать* М. Фасмером отмечается как звукоподражательное, при этом представляются параллели из славянских языков [45, с. 453].

Нужно добавить, что, вполне возможно, из русского языка в марийский вошли ряд других звукоподражательных слов (во всяком случае, судя по фактическим материалам интернета). В рассмотренные выше семантические подгруппы можно (бы) дополнительно включить следующие единицы, воспроизводящие звуки, издаваемые: человеком – *кор, кор-р, кыр, кыр-р, кор-гор-гор, хыр-хыр* (подражание храпу, хрипу), *ля-ля, ля-ля-ля* (подражание невнятному разговору, речи), *уф-ф* (подражание дутью ртом); животными – *хыр-хыр* (подражание мурлыканью кошки); птицами – *пик, пи-ик* (подражание писку птенцов, насекомых, маленьких животных); насекомыми – *бьез-з* (подражание визгу, жужжанию пчелы); неодушевленными предметами – *др-р-р, дыр-дыр-дыр, тыр-дыр-дыр, тор-тор-тор* (подражание глухому прерывистому шуму, стуку работающего механизма, глухому раскату грома), *ду-ду-ду-у* (подражание гудению в печной трубе), *ж-ж-ж* (подражание глухому шуму, шелесту, шипению), *трам-трам-тра-ра-м, тра-ра-ра-ра-трам-рам* (подражание игре, звуку игры на музыкальном инструменте), *ту-у, ту-ту-ту* (подражание звукам дуды, трубы, духовых инструментов). К сожалению, в русских словарях соответствия вышеприведенных единиц не зафиксированы, поэтому сложно пока однозначно и убедительно (со ссылками) судить об их происхождении.

Таким образом, в марийском языке (в использованных источниках) представлено более 60 подражательных слов русского происхождения. Они почти все относятся к звукоподражаниям, только отдельные единицы (например, *коп, пжик, бух, бук*) содержат в себе другую, иногда дополнительную, семантику. Источниками марийских звукоподражаний являются русские звукоподражательные слова и глагольные междометия. Заимствованы подражания таким звуковым проявлениям человека, как чиханье, покашливание, (разный) смех, плач (ребенка), свист, дутье ртом, топот и т. д. Имеются

подражания-русизмы, передающие звуковые проявления домашних животных (лай и рычание собаки, мурлыканье и мяуканье кошки, ржание и фырканье жеребца, мычание теленка, блеяние овцы, хрюканье свиньи), домашних и диких птиц (крик гусят и гусей, петуха, курицы, вороны, кукушки, журавля, воробья, синицы, дрозда и др.), а также насекомых (пчелы, шмеля, слепня и др.). Заимствованные подражания звуковым проявлениям неодушевленных предметов связаны с воспроизведением звуков удара, падения (на твердую поверхность или в жидкость), выстрела, взрыва, свиста пули, пулеметной стрельбы, очереди автомата, дроби барабана, бульканья жидкости, звонов колокольчика и колокола, тиканья часов, звону стекла (бьющегося) и т.д. При заимствовании одни подражания полностью сохранили свое звуковое оформление, другие, ввиду фонетической специфики марийского языка, претерпели разного рода изменения (чаще всего замену, выпадение звуков). Несомненно, бóльшая часть русизмов со звукоизменениями являются ранними заимствованиями.

Сокращения:

г. – горное наречие марийского языка; **детск.** – детский; **диал.** – диалектный; **л.** – луговое наречие марийского языка; **мар.** – марийский язык; **морд.** – мордовский язык; **рус.** – русский язык; **тат.** – татарский язык; **фин.** – финский язык; **чув.** – чувашский язык.

Литература

1. *Bereczki G.* A cseremisz nyelv történeti alaktana. Debrecen, 2002. 290 o.
2. *Берецки Г.* Взаимосвязи языков Волжско-Камского ареала // Пленарные доклады X Международного конгресса финно-угроведов: I ч. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2005. С. 5–53.
3. *Галкин И. С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис: тунемме книга / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1986. 122 с.
4. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. I: А–Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.
5. *Гордеев Ф.И.* Подражательные слова и их этимология // Вопросы марийской диалектологии. Йошкар-Ола, 1981. С. 138–147.
6. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. II: В–Д. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 288 с.
7. *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 244 с.
8. *Грузов Л.П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 211 с.
9. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I: А–З. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 699 с.
10. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II: И–О. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. 779 с.
11. *Дмитриев С.Д.* Мутвундым пойдара // Ончыко. 1983. № 2. С. 95–97.
12. *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. II: Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994. 206 с.
13. *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 3–96.

14. *Мустаев Е.Н.* Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: учеб. пособие. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. 396 с.

15. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 14-е изд., стер. / под ред. *Н.Ю. Шведовой*. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.

16. *Пенгитов Н.Т.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Ч. I: Введение, фонетика, морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. 176 с.

17. *Саваткова А.А.* Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969.130 с.

18. Словарь марийского языка. Т. I: А–З. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 488 с.

19. Словарь марийского языка. Т. II: И–К (кабак – коса). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 464 с.

20. Словарь марийского языка. Т. III: (косараш – ляпкыме). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 504 с.

21. Словарь марийского языка. Т. IV: М–Ӧ (ма – ӧрчыктарымаш). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 384 с.

22. Словарь марийского языка. Т. V: Ӧ (ӧрчыктарыме –), П. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. 508 с.

23. Словарь марийского языка. Т. VII: Т. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

24. Словарь марийского языка. Т. VIII: У, Ӱ, Ф, Х, Ц, Ч. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 511 с.

25. Словарь марийского языка. Т. IX: Ш, Щ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 520 с.

26. Словарь современного русского литературного языка. Т. I: А–Б. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 736 с.

27. Словарь современного русского литературного языка. Т. III: Г–Е. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1294 с.

28. Словарь современного русского литературного языка. Т. IV: Ж–З. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 1364 с.

29. Словарь современного русского литературного языка. Т. V: И–К. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1819 с.

30. Словарь современного русского литературного языка. Т. VI: Л–М. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 1460 с.

31. Словарь современного русского литературного языка. Т. XI: Пра – Пятью. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1842 с.

32. Словарь современного русского литературного языка. Т. XII: Р. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1676 с.

33. Словарь современного русского литературного языка. Т. XV: Т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1286 с.

34. Словарь современного русского литературного языка. Т. XVI: У–Ф. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964. 1610 с.

35. Словарь современного русского литературного языка. Т. XVII: Х–Я. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 2126 с.

36. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 323 с.

37. Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл.,1966. 863 с.

38. *Учаев З.В.* Оҥартыш мут. Йошкар-Ола, 1983. 92 с.

39. *Учаев З.В.* Марий йылме: факультативный занятийым эртарыме учеб. пособий: туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

40. *Учаев З.В*. Сылнымут йылме: факультативный занятийым эртарыме пособий. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 128 с.

41. *Учаев З.В.* Узловые проблемы морфологии марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. ин-т образования, 2002. 50 с.

42. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. I (А–Д) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 573 с.

43. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. II (Е – Муж) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

44. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. III (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

45. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. IV: Т – Ящур / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

46. Чувашско-русский словарь. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.

47. *Чхаидзе М.П.* О междометиях в марийском языке // Памяти академика Н.Я. Марра. М.-Л., 1939. С. 275–293.

В.И. Соловьёв, В.Н. Максимов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ÖДӦН БЭКЕН ДИАЛЕКТ МУТЕРЫШТЫЖЕ ЮЛТӸР КУТЫРТЫШ (МУТВУНДО АНАЛИЗ)

Статья посвящена истории изучения диалектов марийского языка. Основное внимание уделено лексическому анализу волжского говора лугового наречия марийского языка в многотомном диалектном словаре венгерского ученого Ӧдӧна Бэке (1997–2001), который собирал материал для научных исследований по марийскому языку от 29 военнопленных-мари, участников Первой мировой войны.

Ключевые слова: *Ӧдӧн Бэке, словарь, диалект, наречие, волжский говор, лексический анализ слов.*

Диалектологий – йылме наукын ик ужашыже; тудо йылмын диалектше-влакым шымла. Кеч-могай йылмыштат эреак посна ойыртем-влак лийын кертыт. Тидыже иктаж-могай кундем але посна еҥ тӱшка дене кылдалтеш.

Финн-угроведенийыште марий диалектым шымлымаш эн онchычак йот элысе шымлызе-влакын лӱмышт дене палыме. XIX курымын 80-ше ийлаж гыч марий диалектологий дене материалым погымашке финн ученый-влак ушнат. XIX курымышто тиде суап пашашке венгр шымлызе-влакат куснат. Нунын кокла гыч XX курым тӱҥалтышыште Ӧдӧн Бэкен лӱмжымат ончыкташ кӱлеш. Тудо Икымше тӱнямбал сар годым 29 марий салтак-пленный-влак деч шуко диалект материалым шкежак ош кагазышке возен коден.

Волжский говор Марий Элысе Звенигово ден Волжский районлаште илыше марий-влакын кутырымо ойыртемыштым авалта. Волжский говорым ялт ойыртемалтдыме ик тичмаш манаш ок лий. Тудын кӧргыштыжӧ икмыняр тӱшкам ончыкташ лиеш, нунын кокла гыч Сотнур ден Помар подговорымат палемдыман.

Индеш том дене лекше Ӧдӧн Бэкен мутерыштыже тыгай шонымаш тӱҥ верым налеш: мут тӱшкалымаш калыкын материальный да духовный культурыжо дене чак кылдалтын. Марий йылмын олык-эрвел наречий юлтӱр

кутыртышышто тыгай ойыртемым ончыкташ лиеш: шуко мут-влак литературнормышто огыт кучылталт. Нормативный лексикыште нуно тӱрлӧ ойлымаш ужаш улыт. Ӧдӧн Бэкен мутерже гыч эмпирический материалым налын [1], икмыняр мут тӱшкам ончалына.

1. Пӧрт да тӱрлӧ суртарвер дене кылдалтше мут-влак: *шертешка* ‘оглобля, сердечник в передней оси’; *регенче-омарта* – регенчым шупшыкташ кӱрыштмӧ изи кож; *весла; кӧвӧк; пашкыч* ‘лестница’.

2. Пӧрт да суртӱзгар: *корвок* – пырче оптымо кольмо; *катмак* ‘мотыга’; *корвок* ‘корка’.

3. Кочкыш, йӱыш да нуным ыштымаш: *татк* ‘шултыш’; *кӧтӧрма* (шемшыдаҥ ложаш дене лугат) ‘лепешка’; *шаган* – шоган ‘лук’.

4. Вургем, тувыр, йолчием, сылнештарыше ӱзгар: *акча, мари акча* – марий тувырышто кучылталтше ший ӱзгар, окса ‘марийское украшение, которое используется в национальных костюмах’; *пежем* – кыд чием ‘рукавицы’; *пыльжеан* – шӱртӧ дене ыштыме тӱр ‘вскрученный из ниток’.

5. Пӱртӱс: *пасу–кува* ‘хранительница поля’.

5.1. Янлык тӱня (янлык дене кылдалтше финно-угор мут-влак шагал огыл верым налыт, кугу верым татар йылме гыч кӱсынлымаш налеш): а) суртвольык дене кылдалтше мут-влак: *азу* ‘клык’; *сӱвӧ* (сисня, шкал *сӱвӧ*); б) янлык, шукш-копшаҥге, кайык да кол дене кылдалтше мут-влак: *нргльо* – кайык, кудо пӧртвуйеш шун гыч да шудо гыч пыжашым ышта ‘разновидность ласточки’, кызыт вараксим, чезек манына; *олатва* – кайык, кӧгӧрчен деч кугырак ‘птица семейства голубей’; *чртак* – кол ‘щука’.

5.2. Кушкыл тӱня. Марий йылмыште кушкылым ончыктышо мут шуко. Нуно пӱртӱсын поянлыкшым ончыктат (пушеҥге, емыж, шудо да тӱрлӧ т.м.): *кламбр* – кушкыл ‘пглин’; *лошката* – кудыр, шарлен шогалше пушеҥге ‘широкий’; *пи-пилиш* – кушкыл ‘вьюнок полевой’; *прнш* – пӱтырнен кушшо пушеҥге; *карше* – укшге-вожге вӱдыштӧ кийше пушеҥге.

Мучаглан тыгай иктешлымашым ышташ лиеш: илыш явлений да тӱрлӧ могыржо дене кылдалтше 18 мут тӱшкам чумырымо. Эн шуко тыгай мут тӱшка-влак вашлиялтыт: *айдемын койыш-шоктышыжо дене кылдалтше неопределённый формо глагол* (71 мут), *тӱрлӧ причастий ден пале мут-влак* (47 мут) да *пӱртӱсыштӧ лийше явлений* (31 мут).

Литературт

1. *Beke Ödön. Mari nyelvjarasi szotar* (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) / Neuredigiert von Margarita Kuznecova; Herausgegeben von Janos Pusztay. Bibliotheca CeremissicA, 1–9. Savariae, 1997–2001.

М.А. Таганова
Национальный институт рукописей
АН Туркменистана (г. Ашхабад)

ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ: ИЗУЧЕНИЕ ТУРКМЕНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В статье показано, как в независимом и нейтральном Туркменистане, благодаря созданным правительством условиям, углубленному изучению подвергаются все уровни туркменского языка, в том числе словообразование, представляющее собой ныне самостоятельный раздел туркменского языкознания.

Ключевые слова: *независимость, Туркменистан, туркменский язык, алфавит, словообразование.*

В этом году Туркменистан отмечает 25-летний юбилей своей независимости. Достижения за эти годы очень велики. Так, был выбран созидательный курс, нацеленный на обеспечение прогресса страны в области науки, образования, культуры, обеспечения уверенных позиций Туркменистана на арене мировой политики и экономики. Сегодня независимый и нейтральный Туркменистан постоянно расширяет границы взаимовыгодного международного сотрудничества, активно участвует в разработке путей гармоничного решения важных задач человечества, сотрудничая со многими странами мира и крупными международными организациями, в том числе с такими, как Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, Организация по безопасности и сотрудничества в Европе и Организация исламского сотрудничества. В установлении дружеского и долгосрочного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе надежным фундаментом служит забота государства, направленная на достойное продолжение ценных гуманистических принципов человечества и созидательные инициативы по развитию принципов мира, взаимопонимания и дружбы.

Путь, выбранный туркменским народом в годы независимости, способствовал развитию международных отношений и всех отраслей народного хозяйства, в том числе туркменской науки. Перед учёными встала задача возведения отечественной науки страны на международный уровень. Со стороны государства были созданы и создаются все условия для осуществления этой задачи. Огромная работа проводится по поиску и возвращению на Родину многочисленных рукописей, изучению жизни, творчества, научного и литературного наследия древних и средневековых мыслителей, поэтов, ученых и философов, своим творческим созиданием внесших весомый вклад в сокровищницу мировой культурной цивилизации. Среди них – Бируни, Фараби, Хорезми, Ибн Сина, Кашгарли, Замахшари, известные во всём мире, поэты Абусагыт Абулхаир, Ясави, Азади, Махтумкули, Кемине, Сеиди, Зелили, Молланепес, Мятаджи и многие другие, украшающие историю туркменского народа.

Огромно число туркменских писателей и поэтов, писавших свои бесценные произведения с приходом ислама в Центральную Азию не только на родном для них туркменском языке, но и на распространённых в то время персидском и арабском языках. В качестве примера можно назвать такие имена,

как Абдылла ибн Мюбарег, Мухаммет ибн Гаймаз Зехебини, Джарулла Замахшари, Абу Рейхан Бируни, Ибн Сина, Абусагыт Абулхаир и многие другие.

В Национальном институте рукописей АН Туркменистана ведётся большая работа по поиску, сбору и хранению рукописей, произведений народного творчества, являющихся национальным достоянием. С целью донести его до общественности, сохранить для будущих поколений работники института переводят на туркменский язык тексты поэтов-классиков, написанные на арабском, персидском, тюркском языках, издают и распространяют их в обществе. В Туркменистане стала традицией организация масштабных международных симпозиумов и конференций, посвященных творчеству известных поэтов и ученых, приуроченных к их юбилейным датам. Только за последние годы в Туркменистане состоялись грандиозные юбилейные торжества международного масштаба, посвященные творческому наследию выдающихся корифеев художественного слова Махмуда Палвана [7] и Махтумкули Фраги [6]. Такие мероприятия проводятся с активным участием ученых из разных стран мира, в том числе известных российских ученых.

Большое развитие получило и туркменское языкознание. Именно в годы независимости туркменский язык получил государственный статус. Впервые все делопроизводство стали вести на туркменском языке. Состоялся переход на новый алфавит на основе латиницы. Обновилась туркменская терминология, в которой отдавали предпочтение туркменским эквивалентам бывших советско-интернациональных слов. Были возвращены на Родину копии многих письменных источников туркменского языка, которые в разные времена по различным причинам оказались в архивах, библиотеках и музеях зарубежных государств. Письменные источники на тюркском, персидском и арабском языках переводятся на современный туркменский язык. Многие из них были изданы. Работа по переводу и подготовке их к изданию активно продолжается по сегодняшний день.

Как ответ на созданные прекрасные возможности для развития туркменской науки, лингвисты Туркменистана проводят глубокие исследования по изучению истории и современного состояния туркменского языка, издают и готовят к изданию многочисленные монографии, учебные пособия и словари [1; 2; 5; 6; 7; 8; 12]. Например, только в нынешнем году были напечатаны «Толковый словарь туркменского языка» [11] и «Орфографический словарь туркменского языка» [13].

Одним из актуальных вопросов языкознания в независимом и нейтральном Туркменистане являются вопросы словообразования. Как и во всей тюркологии, в туркменской лингвистике словообразование входило в состав морфологии. Только в 1990-е годы начали появляться работы, в которых словообразование рассматривается как отдельный раздел туркменского языкознания.

Несмотря на значительные достижения в мировой лингвистике, многие вопросы словообразования, особенно тюркского, в частности, туркменского, остаются малоизученными или не изученными вовсе. Большой интерес представляет изучение формально-семантических отношений однокоренных

слов, исследование их словообразовательных связей. Важным в этой сфере является изучение словообразовательных гнезд. В настоящее время выявлены актуальные направления и первоочередные проблемы туркменского словообразования [9; 10]. Среди них особый интерес вызывают вопросы определения степени проявления значения производящего слова в производном слове, установления структурно-функциональных отношений между единицами словообразовательного уровня, особенностей словообразовательного анализа, закономерностей словообразования, выявления и изучения словообразовательных моделей и гнезд туркменского слова и др.

Следует отметить, что разрабатывается концепция туркменской деривации как системы, созданной на основе переосмысления достижений мирового языкознания с учетом типологических особенностей словообразования туркменского языка. Основное внимание при этом уделяется изучению аффиксов с точки зрения функциональной грамматики и, конечно, сравнительно-сопоставительного языкознания.

Ведутся исследования по изучению таких словообразовательных понятий, как словообразовательные отношения, мотивационная база, соотношение производящего и производного слова, словообразовательная пара, словообразовательный тип, единицы словообразования и т.п.

Следует отметить, что большой вклад в формирование общей теории мирового словообразования внесли работы специалистов, изучавших языки разных систем, особенно ученых из России. В туркменском языкознании в этом отношении особое место принадлежит работам П. Азимова [3], А. Борджакова [4] и др.

В туркменском языкознании определенная работа проведена по проблемам словообразовательных гнезд [14].

Вышесказанное дает возможность говорить о научных достижениях Туркменистана в годы независимости, в том числе в области туркменского языкознания, а также международного научного сотрудничества.

Литература

1. *Arnazarov S.* Türkmen Türkçesinde Isimlerde Fiil Yapan –ar/-er/-k Eki Üzerine // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, Sayı 23, 2007. S. 39–50.

2. *Atanyýazow S.* Türkmen diliniň sözköki (etimologik) sözlügi. Aşgabat, 2004. 496 s.

3. *Azymow P.* Türkmen dili (söz ýasaýjy goşulmalar). Aşgabat, 1950. 244 s.

4. *Borjakow A.* Häzirki zaman türkmen dilinde söz ýasalyş. Aşgabat, 1993. 65 s.

5. Gadymy türkmen diliniň sözlügi. II t., Aşgabat, 2013. 1002 s.

6. *Geldiýew R.* Türkmençede käbir sözleriň gelip çykyşyny ýüze çykarmak üçin geçirilen derňewleriň tejribesinden//Türkoloji Üzerine Aryştırmalar. Sayı 3, Eýlül, 2012. S. 63–72.

7. *Geldiýew R.* "Nehjül-Feradis" (نهج الفراديس) ("Uçmahlaryň açyk ýoly") eseri türkmen dilini öwrenmegiň çeşmesi hökmünde. Aşgabat, 2013 (рукопись). 150 s.

8. *Ilmämmedow R.* Kitabul-idrak li lisanil-etrak («Türkmen diline düşünme kitaby»). Aşgabat, 2013 (рукопись). 120 s.

9. Magtymguly Pyragy we umumadamzat medeni gymmatlyklary// Halkara ylmy maslahatyň gysgaça beýany,14–16.05. Aşgabat, 2014. 520 s.

10. Mahmyt Pälwan we XIII asyr türkmen medeni durmuşy// Daşoguz şäherinde geçirilen halkara ylmy maslahatyň gysgaça beýany, 18–19.09. Aşgabat, 2013. 480 s.

11. *Söýegow M.* Gadymy türkmen ýazuw diliniň tekst gurluşy we onomastikasy. Aşgabat, 2013 (рукопись). 250 s.

12. *Taganowa M.A.* Türkmen dilinde söz ýasalyşynyň meseleleri // Milli golýazmalar institutynyň işleri, I goýberiş, Aşgabat, Ylym, 2013. Uludag Üniversiresi Basimevi, Bursa, 2013. S. 89–102.

13. *Taganowa M.A.* Söz ýasalyşy öwremegiň taryhyndan // Türkmenistanda ylym we tehnika. 1.2007. S. 17–24.

14. Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi. II tomluk. Aşgabat, 2016. 644 s.

Н.Н. Тимерханова
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

АФФИКСОИДЫ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена морфемам промежуточного типа – аффиксоидам (префиксоидам и суффиксоидам), которые не потеряли семантические и генетические связи с соответствующими корнями.

Ключевые слова: *морфема, аффиксоид, префиксоид, суффиксоид, корень слова.*

В удмуртском языке в словообразовании могут использоваться различные виды морфем, употребляются и такие переходные морфемы, как аффиксоиды. Термин **аффиксоид** (аффикс + греч. -oid – подобный) обозначает такие словообразовательные части слов, которые занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами. Они не тождественны ни аффиксам, ни корням [1, с. 42–43]. Аффиксоиды удмуртского языка бывают 3 типов.

Префиксоид – это морфема, как и префикс, находящаяся перед корнем слова, но образованная от корня самостоятельного слова и сокращенная или потерявшая значение. Можно выделить:

1. Префиксоиды, образованные из сокращенного корня, например: *ог-*: *огвакыт ‘в одно время, одновременно’ < ог ← одïг ‘один’ + вакыт ‘время, период’; оглыктэм ‘заодним’ < ог ← одïг ‘один’ + лыктэм ‘приход’ (=‘в один приход’).* Если говорить о слове *ог*, необходимо отметить, что у него сохраняется лексическое значение *‘один’*, это сокращенный корень *одïг*. *Ог* может использоваться и как самостоятельное слово без суффиксов (*ог арын ‘в один (и тот же) год’, ог кило ‘(примерно) один килограмм’*), но используется и с суффиксами (*огзэ ‘одного’, огезлы ‘одному’*).

В эту же группу можно отнести слова *мылпотыны ‘желать, хотеть’, пальпотыны ‘улыбнуться, улыбаться’*, в которых *мыл-*, *паль-* являются сокращенными корнями *мылкыд* и *пальышак* (*пальышак потыны*), также в данную группу входят слова с префиксоидами *ай-*: *аймурт ‘свёкор’*; *бинь-*: *биньгозы ‘вожжи’*; *шим-*: *шимучыр ‘бедствие; катастрофа’.*

Продуктивными в использовании являются префиксоиды *азь-, ас-, бер-*: *азьветлïсь ‘передовой’; азьвераны ‘предсказать’; асвалан ‘самосознание’; асдун ‘себестоимость’; бервыл ‘остаток; след’.*

2. Префиксоиды, образовавшиеся из потерявшего значение корня, например, *куд-*: *кудласянь ‘с какой стороны’, куддыръя ‘иногда’*. Морфема *куд-* в современном языке уже не используется самостоятельно, но ее принадлежность к корневым элементам можно проследить в следующих словах: *кудлань ‘в какую сторону’* (*-лань* – суффикс направительного падежа имен), *кудйз ‘который из…’* (*-йз* – выделительный суффикс). В эту же группу можно отнести слова *вожпотыны ‘сердиться’, биагай ‘старший деверь’, ваннапал ‘верхняя часть’, воршуд ‘воршуд (божество домашнего очага, хранитель рода); династия; тотем’*: в них элементы *вож-, би-, ванна-, вор-* с синхронной точки зрения уже не могут быть объяснены.

Суффиксоид – это морфема, как и суффикс, находящаяся после корня слова, но образованная от корня самостоятельного слова и сокращенная или потерявшая значение, например, к таковым в удмуртском языке можно отнести: *-ни* или *-тӥ* в значении *‘место’*: *дугдонни ‘остановка (транспорта)’ < дугдон ‘остановка’ + ни ← инты ‘место’; адсконтӥ ‘место свидания’*; *-нал*: *Быдзымнал ‘Пасха’ < Быдзым ‘Великий’ + -нал ← нунал ‘день’* (та же морфема в слове *огнал ‘в один день’*); *-бур*: *ваньбур ‘добро, богатство’ < вань ‘всё’ + -бур ‘?’* (исторически *‘хороший’*, то есть *‘всё хорошее’*); *-тым*: *вутым ‘водоём’*; *-кысъем*: *сьӧдкысъем ‘черноватый’*; *-пӧр*: *вузпӧр ‘рынок’, ужпӧр ‘производство’*; *-ог*: *одйг-ог ‘изредка’*; *-нод: визьнод ‘ум, разум; сообразительность’*.

В отдельную группу можно выделить слова с **псевдокорнями** – такими морфемами, которые не являются самостоятельными корнями, но и в роли префиксоида или суффиксоида не функционируют. Может быть, в этом случае уместно было бы использовать термин **постфиксоид**. Таковыми являются вторые части в словах *адзись-марась ‘свидетель, очевидец’, адзос-чаклос ‘опыт’, арам-сюрам ‘убыток, ущерб’*; морфемы *марась (← мар ‘что’), чаклос (← чакланы ‘наблюдать’)* как самостоятельная единица в языке не употребляются, а *сюрам* вообще не соотносится с каким-либо современным словом).

Некоторые морфемы могут выступать и как префиксоид, и как суффиксоид: *Быддунне ‘Вселенная’, толбыт ‘всю зиму’*; в этих словах аффиксоид *быд-/-быт ← быдэс* в значении ‘весь, целый’ располагается в первом слове в препозиции, а во втором в постпозиции по отношению к корню. Выше уже шла речь о подобном аффиксоиде *ог-/-ог*.

Интересными представляются случаи, когда слово образуется из префиксоида и суффиксоида при формальном отсутствии корня. Таковыми являются: *кудкем ‘насколько’, куд-ог ‘некоторый’, ог-огзэс ‘они друг друга’, ог-огмы ‘мы друг друга’, мыддорин ‘наизнанку’*. В подобных случаях можно говорить о корне нулевой длины.

Таким образом, в удмуртском языке при словообразовании употребляются префиксоиды, суффиксоиды и псевдокорни. Эти аффиксоиды функционально используются так же, как префиксы и суффиксы, но при этом продолжают осознаваться как корневые морфемы и сохраняют свои семантические связи с соответствующими корнями.

Литература

1. *Тихонов А.Н.* Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). 2-е изд., стереот. М.: Цитадель-трейд, ИД Рипол Классик, 2003. 464 с.

И.Г. Тихонова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЗОЯ ДУДИНАН ВОЗЫМО ЙЫЛМЕ СЫЛНЫЛЫКШЕ

Статья посвящена исследованию стилистических средств в произведениях З. Дудиной. Определяется система стилистических приемов, выявляется их роль в создании выразительности и экспрессивности стихотворного текста.

Ключевые слова: *сравнение, метафора, метонимия, эпитет.*

Сай поэзий – йылмын эн ныжыл, чапле кӱкшӧ формыжо. Поэт мут дене пашам ышта, почеламут корнылам чаткан воза. Йылме сылнылыкшат кажне поэтын шкешотан. Зоя Дудинанат поэзийже йылме сылнылык шотышто ойыртемалтше, шке сынан. Сылнымут произведенийым серымаште эн тыглай йӧн – ***танастарымаш.*** Поэтессан творчествыштыже тудо эн чот тӱвырген. З. Дудина эн ондак *гай* (вариантше *гае, гане)* почешмутлан энерта. Тудо ик кончышын ойыртемжым вес кончыш дене танастарен ончаш полша [3, с. 77–84].

Ший гай лумжо
Кушечын тынаре [1, с. 18].

«Ший гай лумжо» манын, поэтесса кечан-кечыште йыли-юли волгалтмыжым рашемда, «тул гане» шинчам йымыктарен йылгыжмым ончыкта. Значенийже дене *семын* почешмутат *гай* гаяк мут ярымым тӧрлаш полша. Но тудо шагалрак вашлиялтеш: *Мӱкш семын илаш ыле мӱй кӱлын; Кумылем, кумылан кече семын; Шуен кизажым суксо семын; Кайык семын шошым кондашат...* Почеламутлаште *-ла* мучашан мутат иктым весе дене танастараш сай йӧным ышта:

Ал пеледыш йылмыла велалтын,
Йол йымалсе волгалтын [1, с. 43].

Ялт, *йылт* шомак-влакынат танастарыме куатышт изи огыл: Почеламутшат – *ялт* чинче; Пошкудо: «*Аватла ялт* койыч», – манеш; Мӧр пеледыш *гай йылт лийынам* тыланет. Пытартыш корнышто *ялт* ден *йылт* шомак-влак йыгыре улыт да танастарымашын вийжым кугемдат. *Пуйто* шомакат коклан танастараш полша:

Тиде юарлыше рвезе *Пуйто вӱранлыме презе,*
Пӧрдын-пӧрдеш ончылнем. *Тӧрштыл модеш воктенем* [1, с. 49].

Икманаш, танастарымаш каласыме ойын чыла ужашыжым пеледышла сылнештара, йомартле сыным пуа. Танастарыме негызеш ***метафор, метонимий*** шошымсо пӱртӱсла одарланат. Метафор – ик предметым, качествым, действийым, явленийым весын ӱмбак кусарен ойлымаш. Теве,

мутлан, поэтесса воза: Ош имне... Торга... Шем пылын *кудыржым* рончен. Тиде метафор формо икгайлык негызеш шочын: пыл ора тыгак, ловыкталтын, каваште иеш [2, с. 165]. «Уке, *шомак куршем* ок почылт», – воза автор. Тыге предмет гоч мутвундо поянлыкым ончыкта. Шӱмем «когарге», «йӱксӧ» манаш гын, нуно метафор лийыт: Ит когарте шӱмым, ит когарте!; йӱла чонем. Нуно пӱтынь йылмыште палыме метафор улыт, илышыште кумдан кучылталтыт.

Шӱм-чон вучышо, марий йылмым сӧрастарыше сылнылык йӧн – ***эпитет.*** Поэтессан творчествыштыже тудо вашлиялтеш, почеламут йолважым сылнын ончыкта: ал кече, ал снеге, шем чодыра, ямле пиал, ош кече, ал пеледыш, мамык мланде, чевер олма, шӧртньӧ чӱчалтыш, ужар лай шошо, шым муран мардеж... Тиде радамым эше шуяш лиеш. Палена, эпитет тӱрлӧ ойлымаш ужаш дене кылым куча. Автор кызытеш утларак пале мут гыч лийше эпитетлан энерта. Но, мутлан, сборникыште наречий гыч лийше эпитетымат вашлийына:

Ош лум,
Чинчын-вунчын *койын*
Йӱштӧ кечыште модеш [1, с. 46].

Тыгеракын, З. Дудинан эпитетше тӱҥ шотышто сылне, шонымашым раш, келгын почын пуаш полша. Пӱртӱс тӱня – поэзийым сӧрастарыше тӱня. Тудын пӱтынь илышыже поэтлан волгыдо, сылне, тӱрлӧ йӱк яман, шымле шым чиян. Поэт пӱртӱс дене айдеме семын мутлана, кушкылжат-вондержат, олыкшат-пасужат, пеледышыжат-саскажат, янлыкшат-кайыкшат сылнымут тӱняште чонаҥеш, айдемыла мутлана, мура, кушта, шӱшка... Тыгай Зоя Дудинанат поэзийже:

Кидше дене вуй гычем ласкан.
Мане пуйто: «Лий шиялтыш,
Йоҥгыжо лум сем эше устан».

Тыштат пуйто кугурак еҥ (ава, кова) тыланыме ойым каласа, сай поэт лияш ӱжеш. «Модшо кече» почеламутышто пуйто кече курыкышто мунчалта, йоча-влаклан куанен шыргыжеш, а вара:

Кас лиймеке,
Иже кече
Курык гыч волен йомеш.
Кок шинчажым
Пыч ышталын,
Мыйым шкеж деке ӱжеш [1, с. 46].

Ме Зоя Дудинан поэзийжын сылнылыкшын икмыняр шӧрынжым ончен лекна. Тышечат раш: мурызо кажне произведенийжым лывырге йылме дене, сылнын возаш тыршен. Сандене тыгай поэзийым лудмо да лудмо, а авторжо верч, куанен, порын кӧраныме шуэш.

Литератур

1. *Дудина З.* Мый шкежат суксо омыл: почеламут-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1998. 96 с.

2. *Мустаев Е.Н.* Марий йылме. Стилистика. Йошкар-Ола, 1995. 168 с.

3. *Федотова-Градобаева И.Г., Беляева Т.Н.* Лирические жанры в поэзии Зои Дудиной // Финно-угорский мир. 2004. №. 3–4. С. 74–77.

Э.В. Фомин
Чувашский государственный институт культуры и искусств (г. Чебоксары)

АБСОЛЮТНЫЕ АГНОНИМЫ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА С ВОЗМОЖНОЙ МАРИЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИЕЙ*

Работа посвящена абсолютным агнонимам чувашского языка, семантику которых не удалось установить даже при проведении специальных исследований. Данные слова, локализованные чувашско-марийской контактной зоной, могут иметь марийскую этимологию, при этом пока еще не могут быть объяснены на современном материале.

Ключевые слова: *абсолютные агнонимы, семантика, семантизация, языковые контакты, контактология, чувашский язык, марийский язык.*

Абсолютные агнонимы в настоящее время стали новой базой исследования чувашско-марийских языковых контактов [6–8]. В ходе их изучения в чувашском языке установлено около двух десятков новых единиц, обусловленных марийским участием. В условиях исчерпанности темы в традиционном ключе, когда анализу подвергается общедоступная лексика, лексическая периферия, представленная, в частности, абсолютными агнонимами, становится источником интереснейших наблюдений.

Ниже приводится список абсолютных агнонимов чувашского языка, паспортизируемых чувашско-марийским контактным ареалом. Данные агнонимы взяты из словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина. В годы работы над тезаурусом одним из опорных пунктов, в котором собирался словарный материал, являлось село Малое Карачкино современного Ядринского района Чувашской Республики. В работе также приводятся леммы, паспортизируемые близлежащей с опорным пунктом территорией.

Малокарачкинский говор в настоящее время начинает осмысливаться в качестве диалекта: «В 2009–2010 годах под руководством ученых Института языкознания Российской академии наук – докторов филологических наук академика А. В. Дыбо и профессора О. А. Мудрака – была проведена экспедиция в село Малое Карачкино Ядринского района. По результатам исследований ученые пришли к выводу, что данная территория по своим специфическим диалектологическим особенностям имеет право на статус отдельного диалекта» [1, с. 78]. Речь идет о диалекте, про который Н.И. Ашмарин замечал: «Черемисское влияние на чувашский язык не идет далеко от черты, разделяющей две народности, и скоро теряется, так что с постепенным удалением от черемисских селений язык скоро делается все более и более близким к “настоящему чувашскому языку”» [2, с. 344].

Словарные статьи в данной работе модифицированы: леммы расставлены в современном алфавитном порядке, их транскрибирование дано в соответствии с действующими правилами, иллюстративные тексты переведены на русский язык, места их фиксации приведены уменьшенным шрифтом и переставлены в

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00045.*

постпозицию. В исследовании используются стандартные условные знаки и сокращения.

Работа ставит целью привлечь к обсуждению проблемы заинтересованные стороны. Рассматриваемые здесь слова могут представлять древнетюркский след, древнемайрийский субстрат или быть уникальными собственно малокарачкинскими образованиями, также допустимо марийское посредство при заимствовании иноязычных слов, например, русских.

КĂНАР [кънáр]: **Кăнар ойă** название поля [3, т. 7, с. 151]; **Кăнар тӧремĕ** название лесного участка. *Малое Карачкино* [3, т. 7, с. 151]. Топоформант *-анар (-енер), -нар (-нер)* возводится к марийскому *энер (äнгыр)* ‘река, речка’ [5, с. 10]; ср. с названием села в Цивильском районе Чувашской Республики – *Кăнар* ‘Конары’. < мар. *Кынäрäнгыр* река в Горномарийском районе из *Кынäр* < *Кинер* < *Кӱанангыр* букв. каменистая река [4, с. 174].

КОККО [кок:ó] дет. яйцо? *Малое Карачкино* [3, т. 6, с. 265]. Видимо, звукоподражательное образование, родственное русскому *ко-ко-ко,* при собственно чувашском *кăтик-кăтик,* ср. с русским *куд-кудах*. Надо полагать, что здесь имеет место перенос обозначения курицы на яйцо.

ЛАМТИЛĔ [ламд’и́ль’] кое-как, неаккуратно? *Онта чӳкленĕ чох порте лашисене ламтилĕ кӳлсе тохса каяççĕ.* Когда там проводят жертвоприношение, все отправляются с лошадьми, запряженными *ламтилĕ. Енешкасы* [3, т. 8, с. 15].

ЛЕПТЕШКИ [л’эп’т’эшк’и́]. *Малое Карачкино* [3, т. 8, с. 79]. Должна быть словарная форма – *лептешке, -и* – аффикс посессива 3 лица.

ПĂШКАН [пъшкáн] 1. толочься. 2. шелушиться? *Кантăр çӳппи пăр ластăк тӳсессĕн пăшканат, пĕтет.* При толчении конопляный сор *пăшканат,* исчезает. *Малое Карачкино* [3, т. 10, с. 184]. В словаре чувашского языка 1985 г. приводится лишь форма *пăшка* ‘толочь (в ступе)’ [10, с. 284].

ПĔСМЕН [п’ьс’м’э́н’]: **Пĕсмен çырми** название оврага. *Малое Карачкино* [3, т. 10, с. 240].

ПИЛЕНПИ [п’ил’эн’б’и́] в загадке о вымени козы. *Пиленпин иккĕ.* У *Пиленпи* две. *Тораево* [3, т. 9, с. 209]; ср. с загадкой о выковыривании воробьем конопляного семени: *Илемпи куçне пилемпи кăларса илнĕ.* Глаз Илемби вынул *пилемпи* [3, т. 9, с. 209].

САРАНПИ [саранб’и́] в загадке о сосках свиньи. *Саранпин саккăр.* У *саранпи* четыре. *Тораево* [3, т. 11, с. 64]. = *саран* ? + *пи(ке)* ‘дева’. Не связана с марийским мужским именем *Саран* [9, с. 398], этимологически возводимого к чувашскому *çаран* ‘луг’ [5, с. 231].

САТАЛ [сада́л]. *Сатал çинчи кушакне куçне шăрпăк кĕнĕ те*. И заноза попала в глаз кошки, которая лежала на *сатал. Ядрин* [3, т. 11, с. 81]. = рус. стол?

СЛЕВĔС [сл’э́в’ьс] бродяга (?). Вопрос оригинала. *Ядрин?* Первоначальное значение – рысь? [3, т. 11, с. 329]; ср.: чув. *çӳлевĕç* ‘рысь’.

ÇӲЛ ТЕРЕНĔ [çӳ́л’ т’эр’э́н’ь]. *Çӳл теренчи çĕр çырли, татас çеç тенĕ чоня тытрăç парчăç салтака.* Когда собрался нарвать землянику на *çӳл теренĕ,* меня отдали в солдаты. *Малое Карачкино* [3, т. 12, с. 293].

ТĂКТА [тъктá] то же, что *тăхта* (?) ждать, подождать, погодить, повременить, остановиться. *Малое Карачкино* [3, т. 14, с. 254; 3, т. 15, с. 10]. =

тăхта, ср.: *хăях* осока ≥ сундырское *хăяк* ≥ марГ. *хяк,* марЛ. *кияк; хăямат* конец света ≥ марЛ. *киямат* загробный мир; *хурлăх* печаль; горе; несчастье ≥ сунд. *хорлăк* > мар. *орлык* му́ка (примеры по: 5).

ТĂЛЬĂК [тъ́л’ък]: **тăлăк-тальăк** подражание шатающейся походке пьяного. *Тăльăк-тальăк поскаласа каят* (пьяный). Идет, ступая *тăльăк-тальăк. Малое Карачкино* [3, т. 14, с. 262].

ТЕМĔК [т’э́м’ък’]: **Темĕк ойă** название поля. *Малое Карачкино* [3, т. 13, с. 282].

ТЕНЕК [т’эн’э́к’] по-видимому, имя человека. *Малое Карачкино. Йолхой вырăссаня хуса ерсен Тенекпеле Хорачка талашма поçласа çĕр илмешкĕн.* Когда русские *Йолхой*’а были вытеснены, Тенек и Хорачка начали спорить о земле [3, т. 13, с. 292; 3, т. 11, с. 244]. < мар. *Тенек* (*монг тэнэг* ‘глупый, неумный’ [9, с. 448].

ТОППУÇ [топ:у́ç] носилки? *Малое Карачкино* [3, т. 14, с. 148].

ХОРНĂК [хо́рнък]. *Малое Карачкино* [3, т. 16, с. 228].

ХОРТ ОКÇИ [хо́рт окçи́]. *Малое Карачкино* [3, т. 16, с. 231]. < *хорт* ‘пчелы’ + *окça* – деньги, т. е. букв. деньги, выделенные на куплю-продажу пчел?

ЧЫКЛАН [чыкла́н]. *Çын çинĕ чона чыкланат.* Человек во время еды поперхивается. *Малое Карачкино* [3, т. 15, с. 182]; примеры звукоперехода *к ~ х* см. в словарной статье *тăкта.*

ШАÇ [ша́ç]: **Шаç хортти** название части леса. *Малое Карачкино* [3, т. 17, с. 143].

ШĂХАН [шъγа́н ту́]: **Шăхан ту** название горы? *Пире апи çуратнă, чул хушшинче çуратнă, Шăхан ту хĕрĕнче ӳстернĕ, çавăнпа эпир çын шăл айĕнчен тухаймастпăр.* Нас мама родила, родила между камнями, вырастила на краю горы *Шăхан,* поэтому нас сильно осуждают. *Ядрин* [3, т. 17, с. 359].

ШАТЯКА [шад’ягá] в заумной песне. *Шатяка, шатяка шати яти ятака. Тораево* [3, т. 17, с. 150]. < рус. *жадюга?* Не является ли иллюстративная часть искаженным русским (или марийским) текстом?

ШĂЛАК [шъла́к]. *Шăлак* (про свиней). *Орлов В.Н.* [3, т. 17, с. 285]. || мар. *шыллык* мясной, идущий на мясо.

Литература

1. *Ахвандерова А.Д.* Современное состояние чувашских диалектов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2014. № 3. С. 74–78.

2. *Ашмарин Н.И.* Говоры Козьмодемьянского уезда // Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1898. С. 344–392.

3. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: в 17 т. Казань-Чебоксары, 1928–1949.

4. *Воронцова О.П., Галкин И.С.* Топонимика Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2002. 424 с.

5. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. 335 с.

6. *Фомин Э.В.* Марийский материал в семантизации абсолютных агнонимов чувашского языка // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 243–247.

7. *Фомин Э. В.* Общий лексический фонд чувашского и марийского языков: новые единицы // Проблемы марийской и сопоставительной филологии. Йошкар-Ола, 2014. С. 87–89.

8. *Фомин Э. В.* Чувашские агнонимы марийского происхождения // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития). Йошкар-Ола, 2011. С. 269–271.

9. *Черных С.Я.* Словарь марийских личных имен = Марий еҥ лӱм-влак мутер. Йошкар-Ола, 1995. 623 с.

10. Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.

Г.А. Эрцикова
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

***ВЕТ* И *МОЛАН МАНАШ ГЫН* КАК СРЕДСТВА СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматриваются проблемы отдельных связующих средств, которые до настоящего времени прочно не вошли в список показателей связи. Установлено, что лексема ***вет*** *в марийском языке не только выступает как частица, но и выполняет функцию союза; сочетание* ***молан манаш гын*** *является составным союзом.*

Ключевые слова: *союз, союз-частица, сложноподчиненное предложение, синонимы.*

Многие показатели связи частей сложного предложения в марийском языке остаются вне поле зрения специалистов. Союзы и союзные слова как связующие средства, главным образом, находят отражение в разделах нормативных грамматик. Отдельным союзам посвящены специальные статьи [1; 15; 16 и др.].

В стороне от внимания лингвистов остается и группа переходных слов и выражений, которые совмещают функции союзов с функциями других грамматических категорий: *вет* ‘ведь’, *коли* ‘коли, коль, если’, *даже* ‘даже’, *пусть*, *пускай* ‘пусть, пускай’, *пока* ‘пока’ и др. С.С. Сибатрова относит их в группу «единиц, существование которых в марийском языке или наличие функции союза у которых вызывает сомнение» [15, с. 264].

Обратимся к слову *вет* ‘ведь, же’, которое заимствовано из русского языка с небольшим фонетическим изменением: конечный мягкий звонкий согласный [*д’*] перешел в твердый глухой согласный [*т*].

Согласно «Частотному словарю горномарийского и луговомарийского языков», включающего 450 000 словоупотреблений, слово *вет* ‘ведь, же’ в горномарийском языке встречается 496 раз, в луговомарийском – 362 раза [5, с. 11, 351], что свидетельствует о довольно частом употреблении данной лексемы в языке.

Языковой материал показывает, что слово *вет* ‘ведь, же’ часто функционирует в высказывании в качестве частицы: 1) усилительновыделительной (– *Ачий, ынде авият телевизорым включатлен*

мошта ***вет*** [8, с. 18] ‘– Папа, теперь и мама умеет ведь включать телевизор’); 2) вопросительной (*Саню:) – Авий, тый эсе каен отыл? Ынде тый мыйым от кодо* ***вет****?* [7, с. 193]) ‘(Саню:) – Мама, ты еще не ушла? Теперь ты меня не оставишь ведь?’); 3) эмоционально-экспрессивной (*О-о, мемнан чодыра пеш кугу* ***вет****!* [11, с. 31] ‘О-о, наш лес очень большой ведь!’).

В некоторых научных работах последних лет лексема *вет* зафиксирована и как союз [17, с. 224; 15]. Так, «Словарь марийского языка» описывает частицу *вет I* и союз *вет II* в отдельных словарных статьях, как омонимы. О союзе *вет* ‘ведь’ отмечено, что он «соответствует причинному союзу *ведь*» [17, с. 224]. С.С. Сибатрова также относит рассматриваемое слово к подчинительным союзам с причинным значением [15, с. 265].

Собранный нами материал показывает, что лексема *вет* ‘ведь’, так же как и в языке источнике, где называют ее и «союзом», и «союзом-частицей», и «полусоюзом» [*см*. 19, с. 127-128], способна выполнять союзную функцию, т.е. является скрепой. Чаще всего придаточные предложения причины с *вет* ‘ведь’ указывают на непосредственную истинную причину того, о чем говорится в главном предложении. Например: *Правленийын заседанийже ик жаплан кӱрылтӧ,* ***вет*** *«Кугэнгер» колхозын пагалыме енгже пӧртылын* [18, с. 85] ‘Заседание правления прервалось на время, ведь вернулся уважаемый человек колхоза «Кугэнгер»’.

Реже конструкция с *вет* ‘ведь’ может называть логическое обоснование предполагаемого вывода, сделанного в главном предложении. При этом вопрос может быть поставлен от придаточного предложения к главному. Например: *Оршанка педучилищым тунем пытарыше педагогвлак шке паша ыштыме верышкышт калык-влак коклаште келшен илымашым кӱлеш семын виянгдат,* ***вет*** *училищыште налме шинчымаш тудо суапле пашам ворандараш эреак кугу энертыш лиеш* [4, с. 78] ‘Педагоги заканчивающие оршанское педучилище на своих рабочих местах как следует укрепляют дружбу между народами, ведь знания, полученные в училище, всегда будут большой опорой для успешного выполнения этого благородного занятия’.

Граница между частицей *вет* ‘ведь’ и союзом *вет* ‘ведь’ выражается не резко, так как одна и та же единица может выступать в обеих функциях одновременно. Об этом говорят и вышеприведенные примеры (слово *вет* придает усилительно-выделительное значение словам *«Кугэнгер» колхозын* ‘колхоза «Кугэнгер»’, *шинчымаш* ‘знание’ (т.е. выполняет функцию частицы) и в то же время выражает связь присоединяемой части с предшествующим предложением (т.е. выполняет функцию союза).

Близость *вет* ‘ведь’ к союзу проявляется и в синонимике последнего с присоединительным союзом *потомушто* ‘потому что’. Она подобно названной лексеме занимает позицию в составе присоединяемой части и выполняет конструктивную функцию – организует причинную конструкцию. Например: *Янийын тышеч каймыже ок шу,* ***вет*** *тыштак тудын изаже* [2, с. 94] ‘Яний не хочет уходить отсюда, ведь здесь же его брат’ – ср. ***потомушто*** *тыштак тудын изаже* ‘потому что здесь же его брат’. Обе названные единицы употребляются преимущественно в разговорной речи, однако союз *потомушто* ‘потому что’ является наиболее употребительным. Слово *вет* ‘ведь’, по

сравнению с *потомушто* ‘потому что’, которое в марийском языке является одним из основных синтаксических средств связи частей сложноподчиненных предложений с придаточными причины, «используется, как правило, в конструкциях, вторая часть которых имеет характер факультативного примечания к сказанному в первой части или к информации, заключенной в более широком контексте» [13, с. 582].

В тех случаях, когда главная часть предложения оформлена как вопрос (чаще при помощи наречия *кузе* ‘как’) и содержит достоверность утверждаемого, названного в придаточной, союз-частица *вет* ‘ведь’ будет иметь значение, близкое к условному союзу *гын* ‘если’. Например: *Кузе каласет,* ***вет*** *(председатель) йӧн лийме годым ӱчым садак шукта* [6, с. 22] ‘Как скажешь, ведь председатель при подходящем случае все равно отомстит’ – ср.: *(председатель) йӧн лийме годым ӱчым садак шукта* ***гын*** ‘если председатель при подходящем случае все равно отомстит’.

Таким образом, квалификация слова *вет* ‘ведь’ зависит от позиции данной языковой единицы в высказывании, ее семантики и функций. Если лексема находится на границе между соединяемыми речевыми сегментами, выполняет функцию показателя синтаксической связи между ними и квалифицирует причинные, реже условные отношения, то она является союзом-частицей. Если же эта языковая единица занимает позицию уточнителя, то ее статус квалифицируется только как частица.

Функцию связи в сложноподчиненном предложении может осуществлять устойчивое сочетание *молан манаш гын* ‘потому что’, построенное по модели инфинитивных предложений (глагол-сказуемое *манаш* ‘сказать’ + наречие *молан* ‘почему’ и союз *гын* ‘если’, *досл.* ‘если сказать почему’). Встречаются единичные случаи употребления этого сочетания без союза *гын* ‘если’: *молан манаш* ‘потому что’.

Частота употребления данного сочетания в языке невелика. Основная сфера употребления – художественная, публицистическая литература, в частности газетные тексты.

Анализ собранного материала показывает, что до недавнего времени сочетание *молан манаш гын* ‘потому что’ в предложении всегда обособлялось, т.е. относилось к категории вводных слов, хотя официального отражения в словарях и грамматиках не получило.

В 2011 году в журнале «Ончыко» вышел очерк О.А. Сергеева «Эреак чын возена мо?» («Всегда ли пишем правильно?») [14]. Он посвящен анализу орфографических, грамматических, стилистических, пунктуационных ошибок, которые часто допускаются в марийских текстах периодических изданий, художественной литературы, учебников, учебных пособий. По поводу *молан манаш гын* ‘потому что’ автор, приведя несколько примеров из газетных текстов и художественной литературы, где рассматриваемое сочетание отделено запятой, задается вопросом: «Почему после союза поставлена запятая? Разве это вводное слово?» – и отвечает, что оно является причинным союзом, используется для связи придаточной части предложения с главным [14, с. 137]. Сочетание *молан манаш гын* ‘потому что’ зафиксировано и в марийском

орфографическом словаре 2011 года издания в правилах правописания составных союзов [9, с. 22].

Несмотря на это, в настоящее время наблюдается разнобой в пунктуационном оформлении этой единицы. К примеру, в одном и том же периодическом издании (газета «Кугарня») находим предложения, где в одном случае конструкция отделяется запятой, в другом – нет. *Нуно (колледж ден техникумлаште тунемше-влак) ... шкеныштым чын студент семын шижсыныт.* ***Молан манаш гын,*** *корпусыш пурымаштак нунылан студент билетым кучыктеныт* [3] ‘Они (учащиеся в колледжах и техникумах) чувствовали себя настоящими студентами. Потому что уже у входа в корпус им вручали студенческие билеты’. *Садланак ты кочкышым (мелнам) шарналтымеке, ял ушыш толын пура. Пытартыш жапыште рӱдолаштына тиде йодыш огеш лек.* ***Молан манаш гын*** *... Йошкар-Оласе “Сандал” кафешке миен толаш лиеш* [12] ‘Поэтому с воспоминаниями об этой еде (блинах) на память приходит деревня. В последнее время этот вопрос в нашей столице не ставится. Потому что можно сходить в йошкар-олинское кафе «Сандал»’.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что до настоящего времени нет четкости в определении категории рассматриваемого словосочетания. Одни авторы традиционно считают *молан манаш гын* ‘потому что’ вводным словом и выделяют запятым, другие рассматривают его в одном ряду с союзами и пропускают запятую.

Так к какой же категории слов относится данное словосочетание: к вводным словам или союзам? Известно, что основным назначением вводных слов является выражение отношения говорящего к тому, о чем он сообщает, тогда как союзы выражают синтаксические связи и отношения без влияния на форму как связываемых слов, так и предложений. Вводные слова опускаются из предложения без потери смысла высказывания. После исключения *молан манаш гын* ‘потому что’ предложение станет бессоюзным, и его содержание в основном также не изменится. Например: *Чыла вере шуаш нелырак.* ***Молан манаш гын*** *мӧҥгыштӧ изи икшывешамыч улыт* [10] ‘Успевать везде немного трудно. Потому что дома есть маленькие дети’. – ср.: *Чыла вере шуаш нелырак: мӧҥгыштӧ изи икшывешамыч улыт* ‘Успевать везде немного трудно: дома есть маленькие дети’. Однако союз, по сравнению с вводным словом, можно заменить другим, синонимичным, союзом, в конкретном случае – вышеназванными союзами *потомушто* ‘потому что’, *вет* ‘ведь’. – ср.: *Чыла вере шуаш нелырак.*

Потомушто (вет) *мӧҥгыштӧ изи икшыве-шамыч улыт* ‘Успевать везде немного трудно. Потому что (ведь) дома есть маленькие дети’. В синонимическом ряду *потомушто – молан манаш гын – вет* ‘потому что’, как отмечалось выше, синонимы отличаются частотой и сферой употребления.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что сочетание *молан манаш гын* ‘потому что’ всегда используется в сложноподчиненных предложениях и служит средством связи главного предложения с придаточными причины, следовательно, является составным союзом и запятой не отделяется.

Сложноподчиненные предложения с союзами *вет*, *молан манаш гын*, *потомушто* ‘потому что’ – это синтаксические кальки соответствующих конструкций русского языка.

Литература

1. *Васикова Л. П.* Кызытсе марий йылмыште *гын* мутан предложений влак // Марий филологий: статья сборник. Йошкар-Ола. С. 74–88.
2. *Васин К. К.* Мурызын шомакше: ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1966. 172 с.
3. *Гимаев Л.* МарГУ тӱняште икте веле // Кугарня. 2015. 4 дек. URL: https://www.marsu.ru/news/pressa/index.php?ELEMENT_ID=47270 (дата обращения: 19.09.2016).
4. *Емельянов П.* Интернационалист-влакым куштена // Ончыко. 1986. № 5. С. 74–78.
5. *Зорина З.Г., Митрофанов А.А., Сидорова Т.В.* Частотный словарь горномарийского и луговомарийского языков. Ч. 1. Йошкар-Ола: МарГУ, 2005. 636 с.
6. *Иванов М.Е.* Тайыл ваштареш. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. издво, 1960. 116 с.
7. *Корнилов П.Г.* Савырыме кумыл: повесть да ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1977. 264 с.
8. *Луков П.П.* Йӧратыме туныктышо: ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1969. 44 с.
9. Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.
10. *Михайлова О.Н.* Иктылан мут дене полшет, весылан – паша дене / *Л. Камалетдинова* мутланен // Марий Эл. 2016. 13 сент.
11. *Мичурин-Азмекей А.* Чодырасе сӱан: ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1955. 47 с.
12. *Очиев Д.* «Марий калык кочмыверыште марий-влак тыршышаш улыт…» – ойла «Сандал» кафем вуйлатыше Антон Сергеевич Волокитин // Кугарня. 2015. 26 февр. URL: http://xn--80afuoop2g.xn--p1ai/2015/02/марий-калык-кочмыверыште-марий-влак/ (дата обращения: 19.09.2016).
13. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 712 с.
14. *Сергеев О.А.* Эреак чын возена мо? Очерк // Ончыко. 2011. № 8. С. 128 – 139.
15. *Сибатрова С.С.* Влияние заимствованных из русского языка подчинительных союзов на синтаксис марийского языка // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: Ч. V / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола. 2008. С. 263–270.
16. *Сибатрова С.С.* Функционирование союза ни… ни в марийском языке // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 192–196.
17. Словарь марийского языка. Т. I: А – З / гл. ред. *И.С. Галкин*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 488 с.
18. *Тимофеев А.В.* Койдымо фронт: роман. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 320 с.
19. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.

Н.И. Якимова
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗРЯДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «НОГА»

Статья посвящена исследованию фразеологических единиц с соматическим компонентом «нога». Семантический разряд фразеологических единиц с компонентом чув. ура 'нога' < др. тюрк. adag // aдag // ajag, тат. аяк, баш. аяк, является продуктивным в образовании фразеологизмов как в чувашском, так и татарском, башкирском языках.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, соматический компонент, семантический разряд, тематическая группа, устойчивое словосочетание.*

В устойчивых словосочетаниях компонент *ура* «нога» реализует в основном свое прямое значение, а именно, как орудие передвижения человека. Соматические фразеологизмы с компонентом чув. *ура* / тат. *аяк* / башк. *аяк* составляют следующие основные тематические группы.

1. **Характер, манера ходьбы и походки:**

а) **быстрая ходьба:** чув. *ури çĕре лекмест [перĕнмест, тивмест]* «очень быстро (идти, бежать и т.п.)» досл. „нога земли не касается”; русск. соотв. не слышит [чует, чувствует] ног под собой; тат. *аяк иргә* тимәү досл. „нога земли не касается”, баш. *аяк ергә теймәү* досл. „нога земли не касается”; чув. *ури тупанĕсене çеç курса юл* «кто-либо очень быстро убегает, удирает, бежит» досл. „только пятки увидели”; русск. соотв. только пятки сверкают [засверкали]; тат. *үкчәсе генә ялтырай* досл. „только пятки засверкали”, *табаннары гына ялтырады* досл. „только пятки засверкали”, баш. *табан ялтыратыу* досл. „пятки засверкали”;

б) **быть в приподнятом состоянии от чего-либо:** чув. *ури çĕре лекмест [перĕнмест, тивмест]* «быть в приподнятом, восторженном настроении от чего-либо» досл. „нога земли не касается”; русск. соотв. не слышать [чуять, чувствовать] ног под собой»; тат. *аяк җиргә* тимәү досл. „нога земли не касается”, баш. *аяк ергә теймәү* досл. „нога земли не касается”;

в) **неуклюжесть:** чув. *тукмак ура* «человек неуклюжий в ходьбе» досл. „колотушка нога”; тат. *аягын санап атлый* досл. „шагать считая ноги”, *аягы черегән* досл. „гнилая нога”, баш. *аякты сак һөйрәп йөрөү* досл. „ходить тянув ноги”;

г) **процесс ходьбы:** чув. *ура ярса пус* «шагать, вступать, входить» досл. „вступать ногой”; тат. *аяк басып йөрү* досл. „вступать ногой”, баш. *аяк баҫып йөрөү* досл. „вступать ногой”; чув. *ура çинче çӳре* «движение, совершающееся в разное время, в разных направлениях» досл. „ходить на ногах”; тат. *аяк та йөрү* досл. „ходить на ногах”, баш. *аякты йөрөтөү* досл. „ходить на ногах”.

2. **Физическое состояние человека:**

а) **усталость:** чув. *ураран ӳк* «приводить в лежачее положение; вынуждать упасть, лечь» досл. „падать с ног”; русск. соотв. валить [сваливать] с ног; тат.

аягым калмады досл. „ног не осталось”, баш. *аяк калманы* досл. „ног не осталось”.

б) **предсмертное состояние или смерть:** чув. *урана (уруна) тăс* «умереть» досл. „протянуть ноги”; русск. соотв. протянуть ноги, тат. *аяк сузу* досл. „протянуть ноги”; *аяктан егылу* досл. „упасть, валиться с ноги”, баш. *аяк һузыу* досл. „протянуть ноги”.

Для обозначения **«предсмертного состояния»** в чувашском и в других тюркских языках встречаются следующие выражения. *пĕр ури çĕр çинче, тепри тупăкра* «быть близким к смерти» (букв. одна нога на земле, другая в могиле); русск. соотв. *стоять одной ногой в могиле,* тат. *бер аягы җирдә, икенчесе гүрдә* (букв. одна нога на земле, другая в могиле), башк. *бер аяғы гүрзә, икенсеһе ерзе* «еле-еле душа в теле» (букв. одна нога в могиле, другая на земле.

3. **Окрепнуть материально:** чув. *ура çине тăр [çĕклен]* «поправлять, улучшать свое экономическое, материальное положение» досл. „встать на ноги”; русск. соотв. стать [встать, подняться] на ноги; тат. *аяк басу* досл. „встать на ноги”, баш. *аяк баҫыу* досл. „встать на ноги”.

4. **Физические препятствия для активности действия:** чув. *ура хур [ларт]* «исподтишка, с умыслом вредить, пакостить; строить каверзы» досл. „подставить ногу”; русск. соотв. подставить ногу (ножку); тат. *аяк чалу* досл. „подставить ногу”, баш. *аяк салыу* досл. „подставить ногу”.

5. **Зрительное восприятие:** чув. *ура тупанĕнчен (тупанĕсенчен) пуçласа пуç тӳпине çитиех [пуç тӳпи таран]* «целиком, полностью» досл. „начиная с пятки ног до головной макушки”; русск. соотв. с [от] головы до ног [до пят]; тат. *баштан аяк* досл. „с головы до ног”, *аяк табанынынан башлап баш түбәсенә кадәр* досл. „начиная с пятки ног до головной макушки”, баш. *баштан аяк* досл. „с головы до ног”.

6. **Деятельность человека, его (ее) характер и результат:** чув. *ури çăмăл* досл. „легкая нога”; тат. *аягың җиңел булсын* досл. „пусть нога будет легкой”, баш. *аяғы еңел* досл. „легкая нога”.

Компонент *ура* ʻногаʼ в составе соматического фразеологизма может употребляться и в значении образа действия, также обозначать отношения между людьми: а) **дружеские отношения:** чув. *пĕр ураран ут* «действовать, поступать, развиваться и т.п. наравне с кем-либо или в соответствии с чем-либо» досл. „шагать с одной ноги”; русск. соотв. идти в ногу; тат. *бер аяктан атлау* досл. „шагать с одной ноги”, баш. *бер аяктан атлау* досл. „шагать с одной ноги”, *бер табандан* досл. „с одной пятки”.

б) **прервать отношения с кем-либо:** чув. *ура ярса ан пус* «кто-либо никогда не придет, перестанет посещать кого-либо, бывать где-либо. Обычно как угроза, запрещение» досл. „ногой не ступать” / *уру йĕрри ан пултăр* „следы ног не было”; «русск. соотв. чтобы ноги не было [не ступало] чьей где»; тат. *аяк та басмау* досл. „ногой не ступать”, *аяк атламау* досл. „ногой не ступать”, баш. *аяк баҫмау* досл. „ногой не ступать”.

Нога – символ ходьбы, движения. Образы, лежащие в основе фразеологизмов с этим соматизмом, являются в основном одинаковыми. Поэтому в сравниваемых нами языках наблюдается наличие общих соматических фразеологизмов с компонентом *ура /аяк/ аяк/ ayak* «нога».

Литература

1. *Исанбәт Н.* Татар теленең фразеологик сүзлеге. Т. I. Казан: Тат. кит. нәшрияты, 1989. 495 б.

2. *Ураксин З.Г.* Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975. 192 с.

3. *Чернов М.Ф.* Чувашско-русский фразеологический словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 176 с.

С. В. Яндемерова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

АНГЛИЧАН ДА МАРИЙ ЙЫЛМЫЛАШТЕ ИЗЪЯВИТЕЛЬНЫЙ НАКЛОНЕНИЙЫШТЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

В статье предлагается типологический анализ характеристик действительного залога изъявительного наклонения марийского и английского языка. Характеристики залога предлагаются в каждом отдельном языке. После их описания следует сравнение, приводящее к определению общих и отличительных черт выбранной категории глагола в двух языках.

Ключевые слова: *залог, действительный залог, наклонение, марийский язык, английский язык, сравнение, типологический анализ.*

Наклонений – действительность дек действийын отношенийжым каласен пуымо грамматике йӧн. Марий йылмыште тыгай йӧн мыняр улмым шотыш налын, ныл наклоненийым ончыкташ лиеш: 1) изъявительный, 2) повелительный, 3) желательный, 4) условно-сослагательный. Кажныжын шке грамматике значенийже уло, чыланат посна морфологий йӧн дене каласен пуалтыт да икте-весышт деч кучылталтме ойыртемышт дене торлен шогат.

Изъявительный наклонений негызеш чыла моло наклонений ышталтеш, садлан тудым вияш наклонений, молыштым косвенный (вияш деч лийше) наклонений маныт. Изъявительный наклонений илышыште, мемнан йырысе тӱняште лийше действийын реальностьшым – чынак ышталтмыжым але ышталтдымыжым – ончыкта. Но изъявительный наклоненийын посна морфологий йӧнжӧ – суффиксше – уке. Тиде – нулевой грамматике категорий [4, с. 25–27].

Изъявительный наклоненийышкак йодын, пенгыдемден але шӧрен каласыме ой-влак пурат. Кажныже посна интонаций але модальный частице-влак полшымо дене каласалтеш [4, с. 25–27].

И.С. Галкин залогым грамматике категорий семын палемда: морфологий показатель, глагол деке ушалтын, действийын субъект ден объект дек отношенийжым ончыкта [2, с. 28]. Ме палена, марий йылмыште залогын морфологий показательжылан суффикс шотлалтеш. Залог категорийым ыштыше суффиксым мут ыштыше суффикс-влак деч ойырен моштыман. Мутым ыштыше суффикс у лексике-семантике единицым шочыкта, залог показатель глаголым залог дене веле вашталта. Икмыняр примерым кондаш лиеш: *волаш* "спуститься" – *волташ* "спустить", *шолаш* "кипеть" – *шолташ* "кипятить, варить", но: *волтыкташ* "заставить спустить кого-либо, что-либо", *шолтыкташ* "заставить, варить кого-либо, что-либо [2, с. 29].

Чыла куснышо глагол – действительный залоган, мутлан, В. Косоротовын «Шыже муро» книгаж гыч: *«Юрий пеҥгыдырак корным кычал кайыш. Лида чемоданжым нале да каяш тарваныш… Арава чуриян шофер Юрийым ончылтен эртыш да шогале».* Олык Ипайын «Почеламут ден поэма-влак» книгаж гыч: «*Тошто илышым кудалтен, у илышым ыштена; кече йолжым шуялта, турий шошо кечым мокталта, трактор нурым шергылтара, сылне мурым мурена»* [4, с. 19–21].

Англичан йылмыште кум наклонений уло*: изъявительный (Indicative Mood), сослагательный (Subjunctive Mood)* да *повелительный (Imperative Mood).* Изъявительный наклоненийым ончымаште нимогай нелылык уке. Тудо, чынак, ыштыме действийым ончыкта.

Залог категорий объект ден субъект коклосе тӱрлӧ кылым ончыкта. Действий дек субъектын отношенийже йылмын шуко ужашыштыже глаголын лица мучашыштыже ончыкталтеш; тыгодым объектын действий дек отношенийже падеж управлений але примыканий йӧн дене ончыкталтеш. Тиде йылмын типологийже деч шога [1, с. 129–137].

Залог предложенийысе член-влак коклосе кылым ончыкта. Действительный залог действийын субъектшым ончыкта, а дополнений – действийын объектшым *(Jack built a house)* [3, с. 25]. Активный конструкцийыште действийын объект ден субъектше подлежащий да дополнений ден келшен толыт: *His daughter broke the cup* ‘Его дочь разбила чашку’ (‘Тудын ӱдыржӧ кружкам пудыртен’). Шукыж годым активный ден пассивный конструкций-влак ик ситуацийымак ончыктат, кудыжым кутырышо тӱрлӧ семын ужеш.

Англичан йылмыште залог формо куснышо глаголлаште веле палемдалтеш. Кусныдымо глагол-шамычын залог формышт уке.

Кок йылмысе изъявительный наклоненийыште действительный залогым тангастарен лончылымеке, нунын икгай да ойыртемалтше могырыштым палемдыме. Кок йылмыштыжат изъявительный наклонений ден действительный залог предложенийлаште иктымак ончыктат: изъявительный наклонений действийын чынак ышталтмыжым але ышталтдымыжым ончыкта, действительный залог – объект ден субъект коклосе кылым рашемда. Изъявительный наклонений кок йылмыштат чын лийше, кызытсе жапыште лийше, эртыше жапыште ышталтше але умбакыже лийшаш действийым ончыкта. Сандене действительностьын модальностьшо икгай гынат, нунын каласалт кертмышт жап формо деч шогат.

Литературат

1. *Аракин В.Д.* История английского языка. М: ФИЗМАТЛИТ, 2003. 272 с.

2. *Галкин И.С.* Залоги глагола. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. 52 с.

3. *Гуревич В.В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М: Флинта: Наука, 2004. 168 с.

4. *Учаев З.В.* Марий йылме. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985.183 с.

РАЗДЕЛ 2. ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

А.Р. Анисимова, Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЯКОВ ЕГОРОВЫН «ПИАЛЕТЫМ КЫЧАЛ, ЭРГЫМ» РОМАН-ДНЕВНИКШЫН СЫЛНЫМУТ ТЎНЯЖЕ

В статье раскрывается художественный мир романа Я. Егорова «Ищи свое счастье, сынок»: жанровая форма, тематика и идейный мир, проблематика произведения, образ главного персонажа, пафос и особенности композиции. Подчеркиваются художественные особенности описательных элементов.

Ключевые слова: *марийская литература, Я. Егоров, роман-дневник, художественный мир, проблематика, идея, герой, композиция, описательные элементы.*

Яков Егоров «Пиалетым кычал, эргым» романжым дневник формо дене возен. Тыште 1960-70-ше ийла сўретлалтеш. Тўҥ герой – Илюш лўман изи рвезе. Роман мучко тудын илыш корныжо, кушкын толмыжо, пиалым мумыжо ончыкталтеш, кочо, неле илыш йыжыҥлаже почылтеш. Кандаш ияш марте Илюш Ольга лўман ўдырамашым шочмо аважлан шотлен, колымекыже гына чыным пален налеш: шочын вочшо азам шўкшудо коклаште муынат.

Автор йочан илышым умылымыжым, аклымыжым, чыла нелым чытен лекмыжым сўретла да тунеммаште, еҥ-влак дене ваш энертымаште, чыным кычалмаште, ешыште пиалым мумыжым ончыкта. Лач тидым произведенийын темыжлан шотлаш лиеш. Романын тўҥ шонымашыжымат тыгак палемдаш лиеш: тунеммаш, пашам ыштымаш айдемым чапландара; нелым, йöсым чытен лекмаш айдемым пенгыдемда; поро чоным арален кодымаш, ончыкылан ўшанымаш илышыште пиалым муаш полша.

Я. Егоров романыштыже шуко шöрынан проблеме-влакым нöлталеш: 1) социальный проблеме-влак: ялысе неле илыш, пенсий уке, кочкаш уке; 2) культур ден кылдалтше проблеме-влак: тунеммаш, илышыште аван рольжо; 3) бытовой проблеме-влак: йöратымаш, айдеме коклосе вашумылымаш але умылыдымаш.

Проблеме-влакым ончалын, романын пафосшымат палемдаш лиеш. Ончыл верыш трагический пафос налын шога: Илюшын аважым машина перен пуштеш; коваже, черланымеке, кола; ожно изи азам шўкшудо коклаш кудалтен кодышо ўдырамашат авариеш кола. Тыгак драматический пафосат палдырна. Тидым ме герой-влакын образышт гоч шижына: неле илыш ситуаций гыч лекмаш, герой-влак коклосе отношений, вашумылымаш, аван икшывыжын ончыклыкшо верч шонымаш, тыгак директорын интернатыште илыше икшыве-влак верч тургыжланымаш драматический ситуацийым шочыктат.

Ончал лектына романын композицийжым. Тўжвал копозицийым ончалына гын, роман кок ужаш гыч шога. Икымше ужашыште ме событий-

влакым Ольган шинчаж дене ужына. Кокымшо ужашыште – Илюшын. Дневникыште герой-влак шке шонымашыштым, иктешлымашыштым ыштат, иктаж-могай событийлан акым пуат. Кӧргӧ структурым ончалаш гын, призведений ик линиян. Роман мучко Илюшын илышыже, кушкын толмыжо, шонымашыже почылтеш, йыр улшо ең-влак нерген ойлалтеш.

Я. Егоров романыштыже шуко геройым сӱретлен. Чылаже кумшӱдӧ утла герой уло. Кажныже могай-гынат сомылым шуктен шога, сюжетым вияҥдаш полша. Нуно произведенийын рӱдӧ шонымашыжым почмаште изи огыл рольым модыт.

Писатель романыштыже тӱрлӧ описаний-влакым кучылтеш. Произведенийыште портрет характеристике, пӱртӱс, интерьер сӱрет шке верыштым муыныт. Романыште тӱҥ шотышто портрет-описаний йӧным кучылтмаш палдырна. Мутлан, азам кудалтен кодышо-влакым автор тыге сӱретла: *«Шеҥгелне шинчыше пӧръеҥ илалше, чал вуян. Ӱдырамашыже пешак самырык, иктаж латшым-латкандаш ияш. Шофёр кумло-кумло вич ияш гайрак пӧръеҥ, кужу ӱпан. Ӱпшӧ шышталге, олым тӱсан гын, ӧрышыжӧ шеме, очыни, чиялтыме»* [1, с. 40]. Пӱртӱс сӱрет шукыжак ок вашлиялт, туге гынат нуно тӱрлӧ функцийым шуктен шогат. Мутлан, теле толмым автор тыге сӱретла: *«Теле вучыдымын тольо. Киса кугыт лум пырче-шамыч йӱдвошт йогышт. Лумлан куанен, икшыве-влак уремышке тӱшкан лектын юарлат, издерым шупшын коштыт»* [1, с. 49]. Интеръерлан кугу верым ойырымо огыл. Туге гынат, тудо геройын койыш-шоктышыжым, действийын могай верыште каймыжым, социальный сӱрет ойыртемым почаш полша.

Романыште психологизмлан кугу вер ойыралтеш. Тудым автор герой-влакын образыштым чоҥымо годым кучылтеш. Тидлан кӧра нунын шонкалымышт, эмоций кумылышт раш ончыкталтеш. Автор шуко монологым кучылтеш. Мутлан, аважын колымекыже, Илюш чот йӧслана, омеш кончаш йодеш: *«Молан, авай, омешем от кончо. Эре тыйым шонен илем. Тый дечет посна, авай, моткоч чот йӧсӧ. Молан мыйым шкетем коден каенат?Шемгичке чонан айдеме еш илышнам пытарыш»* [1, с. 38].

Я. Егоровын романыштыже марий калык ойпого материалым кучылтмаш палдырна. Автор произведенийыште калыкмутым, калык палым, ятыр мурым, Юмылан, тоштыеҥлан пелештыме шомак-влакым, йомакым кучылтеш. Нуно герой-влакын йылме лывыргылыкыштым, чон поянлыкыштым почыт, сылнымут пашалан шкешотан тӱсым пуат. Романыште икмыняр серышым вашлийына. Кажныже могай-гынат функцийым шуктен шога, мом-гынат увертара.

Я. Егоров шке произведенийыштыже ваш-ваш умылаш, изирак-влакым чаманаш, кугурак-влакым жаплаш, чылалан полшаш ӱжеш.

Литературт

1. Я. Егоров. Пиалетым кычал, эргым // Ончыко. 2011. № 9. С. 37–92; № 10. С. 13–64.

Ю. Г. Антонов
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва (г. Саранск)

ГЕРОИКО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТЕМА В ДРАМАТУРГИИ Ф. АТЯНИНА

Статья посвящена анализу драматургических произведений Ф. Атянина «Герои не умирают» и «Мы вернемся, Россия!», предметом художественного анализа в которых является характер человека, оказавшегося в трагических обстоятельствах военного времени.

Ключевые слова: *мордовская драматургия, драма, конфликт, характер, героизм, документальность.*

Настоящий талант Ф. Атянина как драматурга открылся в художественном осмыслении темы Великой Отечественной войны. Вершиной его творческой деятельности являются драмы «Герои не умирают» и «Мы вернемся, Россия!».

Тема «человек и война» в мордовской драматургии актуальна и наполнена глубоким содержанием, отличается остротой конфликтного решения и психологической заостренностью. «Усилия писателей, обратившихся к военной теме, в значительной мере направлены на изучение суровых реалий войны, на восстановление истинного трагизма и величия повседневности» [1, с. 240].

Военная драматургия Ф. Атянина исполнена особым драматизмом. Она сосредоточена на нравственном выборе, когда человек обнаруживает себя в добре и зле, мужестве и страхе, духовном взлёте и нравственном падении, что позволяет открывать в герое главное, выявлять морально-этические основы его личности.

Ценность человека на войне меряется не только выполнением боевых заданий. Есть ещё одна мера – нравственные границы его характера, его двигательные стимулы. Жизнь человека на войне – это жизнь со всеми её духовными и нравственными проблемами в их сложности и противоречивости. В этом смысле герой Ф. Атянина является важным звеном художественной системы. Обращаясь к эпизодам военного времени, драматург сосредоточивает внимание не только на воспроизведении конкретных перипетий борьбы, но и на раскрытии душевного мира героев, их мыслей, чувств, переживаний. Пристальное внимание автора сосредоточено на художественном анализе связей между событиями войны и человеческими судьбами, выявлении идейных и этических источников победы.

В пьесе «Герои не умирают» изображены события начала Великой Отечественной войны. Тема патриотизма и массового героизма определяет идейный пафос пьесы. На примере одной семьи автор показывает борьбу в тылу врага, в тяжелейших условиях выполнившей свой долг. На оккупированной фашистскими захватчиками территории оказалась обычная сельская семья Пинтиных: Варвара, ее дети Вася, Мария и отец Варвары 67-летний Никанор Парамонович.

В плане раскрытия духовного мира человека центральное место в драме занимает образ простой деревенской женщины Варвары Пинтиной. Она горячо

любит своих детей и жизнь. Это чистое и сильное чувство любви обостряет ее ответственность за своих детей, за родину. Родина требует – это высший закон для героини; она готова ради нее на борьбу, жертвы, подвиг, причем, это не акт самоотречения, а выражение ее лучших нравственных качеств. Для Варвары и ее семьи война − неизмеримое горе и тяжелое испытание. Каждый член семьи по-своему борется за родную землю: кто-то в действующей армии, кто-то на трудовом фронте в глубоком тылу, а Варвара со своими односельчанами, оказавшись на оккупированной территории, вынуждена вести партизанскую борьбу. Никанор Парамонович со своими внуками уходит в лес и организует партизанский отряд. Варвара, оставшись среди немцев, вынуждена терпеть их, выносить физические и моральные унижения. В образе Варвары представлен характер женщины, способной ради достижения победы над врагом вынести любые издевательства и грубость по отношению к себе, сохранить глубокие материнские чувства, гуманистическое отношение к окружающим.

В первой картине пьесы автор воссоздает напряженную прифронтовую обстановку: деревенская семья в тревожном ожидании надвигающегося ужаса оккупации; прошедший две войны старый солдат Никанор Парамонович заменит ушедшего на фронт школьного учителя и готовит учеников к борьбе с врагом. Варвара уже два месяца не получает от мужа, с первых дней ушедшего на войну, никаких вестей. Но вдруг по радио передают, что группа старшины Григория Пинтина совершила рейд в тыл врага, наделала там много шума и захватила в плен немецкого полковника, от которого командование получило очень важные сведения. За этот рейд Григорий и его группа представлена к правительственным наградам. Варвара, как и вся семья Пинтиных, горда за мужа и отца своих детей. Но радость быстро меняется тревогой и печалью: возвратившаяся домой, раненая и в лохмотьях, дочь Пинтиных Мария, работавшая в госпитале, который вместе с ранеными был уничтожен фашистами, сообщает, что отец Григорий Пинтин умер у нее на руках. На вопрос Никанора о том, как это может быть, ведь только что он был жив, Мария отвечает: «*Слушай, о героизме весть быстро расходится… О мертвых героях радио никогда не говорит…*» [2, с. 27]. Горькая правда войны уже с первых сцен является цементирующей основой пьесы. Автор пытается донести до своего читателя правду, которую в первые послевоенные годы часто умалчивали или «художественно» приукрашивали.

Дальнейшие события в драме разворачиваются с калейдоскопической быстротой, что придает определенный динамизм действию: фашисты стремительно двигаются в сторону деревню; через нее проходят эвакуированные, отступающая армия; местные жители эвакуируют общественный скот, чтобы он не достался врагу, и организуют партизанский отряд, уходят в леса. Семья Пинтиных принимает трудное, но верное решение: дома остается Варвара, остальные уходят в партизаны. Варвара свое решение объясняет тем, что не покинет свой родной дом, да и глаза, уши среди оккупантов тоже нужны: *«Уходите, а я из своего дома никуда не уйду! Останусь с извергами!.. Все уйдут, а за домом кто смотреть будет? Там, в лесу вам или свой человек в деревне не нужен?..»* [2, с. 31]. Ф. Атянин подробно воспроизводит сложное внутреннее состояние человека, вынужденного

ежеминутно притворяться и лгать. Драматург заостряет внимание на ее огромной воле, отсутствии страха перед врагом, повышенном чувстве долга и ответственности перед семьей и родиной. Такой тип персонажа в мордовской литературе встречается довольно часто, ибо «он эксплицирует чувство сопричастности отдельной личности к устройству судьбы и счастья других людей, гуманную мысль о невозможности полноценной и свободной жизни человека без ответственной нравственной связи с миром, с окружающими людьми» [3, с. 177]. Измученная фашистами, Варвара мстит им за свою дочь, за миллионы ее ровесниц: «Изверги… Убили мою Марусю!.. (*Смотрит в сторону икон*). Господи, дай силы отомстить… (*Осторожно заходит в горницу, слышны удары топора и тишина. Варвара выходит из горницы*). За Марусю! За невинно пролитую кровь! За муки народные!..» [2, с. 47].

Особенностью пьесы Ф. Атянина «Мы вернемся, Россия!» является документальность. В ней подлинные события являются движущей силой сюжета произведения, его конфликта. Использована реальная биография известного человека – Михаила Петровича Девятаева, который совершил беспрецедентный подвиг − бежал из фашистского плена, угнав немецкий бомбардировщик.

В драме тесно переплетаются личные переживания Виряскина, прототипом которого является М.П. Девятаев, и историческая эпоха, в которой происходили изображаемые события. Подробное событийное изложение насыщается элементами художественной заостренности при описании наиболее драматических моментов. И характер главного героя Виряскина наиболее полно раскрывается в решающие моменты, когда он оказывается на грани смерти и жизни (после вынесенного ему смертного приговора в лагере; во время побега, когда он никак не мог поднять в воздух самолет). В этих ситуациях проявляются несгибаемый характер борца, свободолюбивого, волевого, мужественного. Через этот характер предстает в пьесе типический образ воина нашей страны, олицетворяющий величие, силу и мужество народа, вынесшего все ужасы войны и сохранившего человеческое достоинство. С большой любовью и теплотой изображены и соратники главного героя: Ландышев, Черноглазый, Сокол, Сигизмунд и другие. Их единство является символом дружбы народов.

В пьесе, как и в других жанрах национальной литературы, «усложняется исследование нравственно-психологического мира героя», что, «в свою очередь, предполагает наличие сложных форм художественного изображения» [4, с. 181]. Так, в драматургических произведениях Ф. Атянина нет грандиозных сражений, решающих операций; все внимание автора устремлено к внутреннему миру воюющего человека, к величию его духа, в котором таятся истоки его героизма. Образы персонажей художественно достоверны, реалистичны, психологически обоснованы. В их характерах автору удалось изобразить типические черты людей, отдающих все силы ради победы.

Литература

1. Антонов Ю.Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 253 с.

2. Атянин Ф. Геройхне аф кулсихть = Герои не умирают // Мокша. 1973. № 2. С. 21−50.

3. Демин В.И., Шеянова С.В. Концептуально-авторское отражение мира и человека в романе А. Брыжинского «Вечкемантъ тюсонзо эсензэ» («У любви краски свои») // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 173–178.

4. Левина Н.Н. Мордовская повесть 70–90-х гг. XX в.: к вопросу о поэтике жанра // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. Т. 30. № 2. С. 179–184.

Г.Г. Антропов
Тартуский университет (Эстония, г. Тарту)

РОМАН «В ГРОЗУ» В.Ф. САПАЕВА: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА И СТИЛЯ

Статья посвящена изучению романа В.Ф. Сапаева «В грозу», в аспекте его жанра и стилевых особенностей.

Ключевые слова: *марийская литература, В.Ф. Сапаев, роман «В грозу», жанр, стиль.*

Роман В.Ф. Сапаева «В грозу» («Кӱдырчан йӱр годым») занимает достойное место среди произведений, которые относят к историко-революционной прозе, осмысливающей революционное прошлое марийского народа. Эта проза представлена также романами и повестями Н. Лекайна, Я. Элексейна, О. Тыныша, В. Иванова, А. Эрыкана, В. Юксерна, А. Юзакайна, В. Сапаева, З. Катковой, Ф. Майорова и других. Они не однородны по художественному уровню; разнообразен и творческий почерк писателей, их идейно-мировоззренческие позиции.

Роман Сапаева «В грозу», безусловно, представляет интерес в жанрово-стилевом отношении как в рамках творчества писателя, так и, в целом, марийской литературы 70–80-х годов XX века. Требуют рассмотрения и проблематика и идейный мир романа, жанрово-композиционная структура, особенности стиля.

Материалом для написания романа стали две повести писателя: «Грозовой дождь» («Кӱдырчан йӱр») и «У Талмана» («Талман воктене»). Кроме того, в роман вошли материалы его очерка «Теперь не старая власть» («Ынде тошто власть огыл»,1967). Отдельной книгой роман « В грозу» был издан в 1979 году. Он стал итогом творческой деятельности писателя; в нем нашли обобщенное выражение все художественные принципы писателя, наработанные им в течение всей его литературной деятельности.

Роман «В грозу» – самое крупное произведение В. Сапаева. В нем изображаются события конца 20-х – начала 30-х годов XX века. Проблематика сапаевского романа социально-психологическая, тип проблематики – романный (идейно-нравственый). Писатель дает психологизированное изображение личности в эпоху коренной ломки уклада жизни. Изображая своих главных героев (Ямаева, Начи), автор прослеживает ход их размышлений и переживаний, исследует их внешнее поведение в социальных и бытовых условиях. Поэтому «В грозу» – это социально-психологический роман. Под влиянием социальных

перемен в стране у героев меняются мировоззрение, характер; главными для них становятся стремление к знаниям, желание идти в ногу со временем.

Но в романе есть и лирическое (субъективное) начало. Оно проявляется в том, что автор солидарен со своими героями, обозначенными его позитивной коннотацией, например, автор разделяет переживания и чувства Константина Ямаева по отношению к Анастасии Тереховой. Это угадывается через изобразительно-выразительные средства (к примеру, при создании портрета героини, представленного глазами Ямаева).

Особенностью стиля романа «В грозу» является ориентация на произведения марийского фольклора. Автор пользуется языковыми формами, свойственными образной народной речи. Использование в авторском повествовании и в диалогах героев таких форм устной народной поэзии, как пословицы и поговорки, а также фразеологизмов придает произведению национальный колорит. Важное место в романе имеют этнографизмы (воссоздание традиций и обычаев марийского народа), например, автор представляет обрядовые действа, связанные со смотринами (ӱдырйӱыш) и свадьбой (сӱан). При этом он прибегает к фольклорному интертексту: включает в свое произведение песни, сопровождающие народные обряды. В романный текст вписаны и частушки, в частности, их поет молодежь, которая участвует в строительстве моста.

В речи персонаже романа встречаются многочисленные пословицы и поговорки: *«Кече мландым йората, паша – айдемым»; «Шым гана висен ончыман, ик гана пӱчман»; «Азапым чыташ лиеш, асатым ок лий»; «Шым кол – ик шӱр»* и др. В сапаевском тексте есть и русские пословицы, например, *«Дурная голова ногам покоя не дает».*

Роман «В грозу» богат фразеологизмами: *«кава тӱр корнын-корнын печкалтеш», «йылмет яклака, нигушан ок пиж», «рат-ратан, шот-шотан, – ачаже шоктыш»* и др. Они используются автором при изображении природы, внешнего вида человека, его характера, а также для выражения внутреннего состояния персонажа. К примеру, именно фразеологизм позволяет максимально точно передать состояние Начи: *«Таче мо лиеш? Молан кудашым гын? – Начин чонжо чон олмышто огыл,* ***лектын вочшашла кӱлтка****».*

Роман богат изобразительно-выразительными средствами. Большое место занимают в нем сравнения, которые используются при изображении природы, внешности персонажей. Они используются, главным образом, в изобразительной и характерологической функции. Используемые в портрете персонажей сравнения становятся одновременно средством авторской обрисовки внешней красоты и способом индивидуализации их характеров: *«шӱдыр гай шинчаже», «тувыр-шовырышт кап вӱдыш чыкен лукмо пӱжвӱд дене мушкылтеш».*

В. Сапаев часто употреблял эпитеты; они чаще всего предстают в пейзажных зарисовках: *«мланде ош ужга дене леведалте», «мамык пунан кайык», «шокте йӱр», «тулойыпан кава»* и др. Они способствуют созданию «живущей», движущейся природы: *«ломбер у шовырым чиен», «чевер кече торштылеш».* В пейзажных и портретных описаниях активно используются метафоры, многие из них в психологической (*«шинчаштым йӱлалтен*

ончалыныт» и *«шинчаж дене лӱенак кӱта»)* и изобразительной *(«кече шыргыжеш»)* функциях.

Роман «В грозу» В.Ф. Сапаева вписывается в общий контекст развития марийской литературы второй половины XX века. Он отражает процесс формирования в ней нового художественного содержания (социально-психологическая проблематика), приемов психологического повествования, а также нового уровня фольклоризма и стилистики (использование фольклоризмов, этнографизмов, словесных образов не только в изобразительной, в том числе этноизобразительной, но и в характерологической и психологической функциях).

Литература

1. *Сапаев В.Ф.* Кудырчан йур годым: роман. Йошкар-Ола, 1979. 350 с.

2. История марийской литературы / отв. редакторы *К.К. Васин, А.А. Васинкин.* Йошкар-Ола, 1989. 432 с.

С.Т. Арекеева
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

ТЕМА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ПОЭЗИИ КУЗЕБАЯ ГЕРДА*

Статья посвящена анализу стихов удмуртского поэта Кузебая Герда, посвященных теме Первой мировой войны. Доказывается, что Герд, с одной стороны, отталкиваясь от идеи классовой солидарности, раскрывает антинародный характер империалистической войны, с другой стороны, как истинный поэт-гражданин, с общечеловеческих позиций выявляет противоестественную сущность войны.

Ключевые слова: *удмуртская поэзия, Кузебай Герд, тема Первой мировой войны, поэтические образы, трагическое начало, антитеза.*

Кузебай Герд, выдающийся представитель удмуртского народа, в своей поэзии откликался на все важнейшие события истории. В его поэтических произведениях мы находим и отзвуки Первой мировой войны: поэма «Эксэй ож» («Царская война»), стихотворения «Эксэй кошкиз войнае» («Царь отправился на войну»), «Уйин фронтын» («Ночью на фронте»), «Мӧзмись солдатка» («Тоскующая солдатка»), «Лекрутъёс» («Рекруты») и др. Рассмотрим особенности некоторых из этих произведений.

Поэма «Эксэй ож» («Царская война»), одно из юношеских творений Герда, была создана в 1916 году и явилась откликом на кровопролитную бойню, продолжавшуюся третий год подряд. Отдельной книгой произведение вышло в Казани в 1919 году под названием «Ож» («Война»), затем в первоименной версии было включено в сборник «Крезьчи» («Гусляр», 1922). Можно сказать, что Герд данной поэмой открыл в удмуртской литературе тему «человек и война».

Поэма, в которой преобладает эпическое начало, состоит из 4-х частей. В первой части произведения изображено, как мобилизованный на германский

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-14-18005.*

фронт Микта призывает солдат бросить оружие, чтобы понапрасну не гибнуть за царей и не убивать таких же, как сами, простых крестьян-земледельцев. Герой, с одной стороны, обыкновенный простой человек, из народных низов. Вместе с тем он показан как исключительная личность, выделяющаяся из общей инертной, послушно-покорной массы своей сознательностью и решительностью. Пламенная речь Микты, обращающегося к солдатам, раздается на фоне боязливого молчания народной массы, являя в произведении прием оппозиции. Характеризуя фронтовиков, лишенных воли сопротивляться обстоятельствам, повествователь использует сравнение с «червями», являющееся в поэзии Герда лейтмотивным и означающее крайнюю степень уничижения: *«Словно черви, в глубоком окопе / Они сгрудились в один комок»* [1, с. 32. Подстрочный пер. с удм. здесь и далее везде наш. – *С.А.*].

Во второй части поэмы изображен жестокий ночной бой. Отблески закатного солнца заранее предвещают кровопролитие. «Цветовые» образы являются семантически значимыми и в следующих строках: *«Обильной кровью белый снег, / Свои серые шинели / Они обагрили»* [1, с. 33]. Бунтарь Микта, демонстративно отстранившийся от участия в бое, предстает в героико-романтическом ореоле: *«Богатырскими руками взял ружьё, / Глазами, как солнце / Огляделся вокруг…»* [1, с. 33]. Он, направивший оружие не на германцев-солдат, а на царского офицера, был застрелен другими офицерами. Последняя строфа данной композиционной части насыщена глаголами, идущими в конце каждой строки и воссоздающими звуковой облик кровавой войны: «ружья трещали», «пулеметы кричали», «пушки грохотали» и т.д. Таким образом, ночь предстает как время хаоса и смерти.

В третьей части поэмы изображено утро; кошмарная картина, предстающая после ночного сражения, увидена «очами» солнца. Детально и натуралистически воссозданная покалеченная телесность выступает как следствие страшной войны: «у некоторых полностью сломаны ноги, руки», «у других из простреленной головы вытек мозг», «некоторые ранены в сердце», «штык воткнут в живот – вывалены внутренности». Отдельно выделен образ убитого Микты, тело которого истязают вороны. Как бы от имени убиенных задается наполненный укоризной риторический вопрос: почему их сюда привели, раненых, убитых бросили на поле, почему? Но нет ответа от небес: «*Молча на них смотрят / Голубые небеса, облака, / Не слышен голос Господа»* [1, с. 35].

В 4-й части поэмы автор переносит читателя в деревню, где у погибшего Микты остались жена с ребенком. Описание тяжкого крестьянского труда женщины под палящим, «огненным» солнцем, заведомая беспочвенность и «безнадежность» ее надежд на возвращение мужа с войны, прорывающихся в колыбельной песне, которую она поет сыну, создают у читателя горестное настроение безысходности. Вопрошание женщины, уходящее в пустоту и бесконечность, в том числе усиленное за счет финального многоточия, окрашено глубинной тоской: *«Микта! Почему долго, / Так долго нет от тебя письма, / Весточки, Почему?..»* [1, с. 35].

Таким образом, в поэме Кузебая Герда «Царская война» главной является мысль об антинародном характере империалистической войны. Удмуртский

литературовед Ф.К. Ермаков справедливо отмечает: «Во всех произведениях Герда, посвященных теме войны и народа, проходит мысль о безрассудной гибели простых людей труда ради прихоти богатеев и царя, которые гонят народ из деревни на верную гибель» [2, с. 145].

Стихотворение «Эксэй кошкиз войнае» («Царь отправился на войну») также включено в сборник «Крезьчи» («Гусляр»). Первая строка поэтического текста, вынесенная в заголовок, насыщена ироническим смыслом. Стихотворение держится на антитезе: на одном полюсе – царь и офицерство, на другом – простой рядовой солдат, один из миллионов. Противопоставление является ведущим сюжетно-композиционным приемом: помпезность, пафосность, официоз противостоят скромности маленького человека, вынесшего на себе главные тяготы страшной войны и ставшего ее бесславной жертвой. Автор развенчивает ложь официальных властей, славословящих начальство. Единственный союзник простого солдата-крестьянина, рядового участника войны, – сочувствующая ему природа: *«В поле шелестела рожь, / Заставляя плакать сердце»; «Только ветер посреди деревьев / Воспевал его, жалея»* [1, с. 29–30]. Смерть Пильыпа, скончавшегося от полученных ран, и бахвальство царских прислужников «подвигами» царя говорят о том, что война у каждого из «фронтовиков» была своя, соответственно им уготована разная участь. Таким образом, в данном поэтическом произведении, как и в вышерассмотренной поэме, выражено сострадание к простому человеку.

Стихотворение «Уйин фронтын» («Ночью на фронте») также вошло в сборник «Крезьчи» («Гусляр») и является одним из самых совершенных в поэзии Кузебая Герда. Оно полностью выстроено как батальная сцена. Но суть в том, что сражаются не люди, не солдаты: воюющие стороны представлены одушевленными военными орудиями – пушкой и пулеметом, ведущими меж собой «перепалку», смертельный «диалог». Глагольный ряд со значением человеческих действий («засмеялся», «проснулся», «брызгался», «плевался») способствует созданию их антропоморфного образа. Особой экспрессией обладает глагол «засмеялся», создающий эффект ужаса. Люди здесь не стреляют друг в друга, зато они живые мишени и жертвы стрельбы: *«Некоторые вскрикнули. / Вскрикнув, упали, / Упали от ран. / Погибли, умолкли»* [1, с. 39]. Лаконичное нагнетание, перечисление глаголов, в том числе усиленное за счет повторов, углубляет трагизм картины. Характерный образ «олокинъёс» («некто») знаменует безвестных безымянных солдат, что подчеркивает общечеловеческий характер трагедии. В следующих строках поэт использует параллелизм фольклорного характера, возвышающий образ этих «некто»: *«Горящие огоньки погасли – / Молодые парни погибли»* [1, с. 39].

Композиционное обрамление 4-хстрофного стихотворения составляют описания звуков войны, нарушающих естественную тишину природы, создающих диссонанс, подчеркивающих дисгармонию миропорядка: «… *пушка закричала. <…> Пребывающий в тишине край, / Спящие поля, видящие сны, / Разбудила, напугала»* [1, с. 38]. В стихотворении наблюдается условная трехчастность сюжетно-композиционного рисунка, имеющего «звуковой» характер: тишина – пик грохота, разрывов – тишина. Примененный автором в последних строках поэтический словарь по природе сплошь глагольный,

воспроизводящий звуки войны. Но в конце – зловещее безмолвие: *«Вокруг пушек солдаты / Полегли. Получив раны, / Погибли, / Умолкли»* [1, с. 39]. Отметим, что поляризация воюющих сторон, их противостояние выражены в стихотворении и через пространственный рисунок расположения орудий войны: «*Пушка смотрит за реку, / Пулемет – на пушку»* [1, с. 39].

Таким образом, в стихотворении «Уйин фронтын» («Ночью на фронте»), как и в вышерассмотренных поэтических текстах, через оригинальные образы и приемы выражено не только неприятие войны, но и активный протест против нее, антивоенный пафос. Несмотря на то, что у Кузебая Герда не так много стихов, посвященных теме Первой Мировой войны, прорисовывается его позиция и как поэта, и как гражданина. В рассмотренных стихах нет ни поучения, ни морали, отсутствует публицистичность; есть только художественные картины высокого трагического звучания. Это подлинное искусство, которое заставляет сопереживать. Противоестественность войны, ее дисгармоническая сущность в ряде случаев в стихах Герда передается через оппозицию «война – природа».

Литература

1. *Герд Кузебай*. Зарни кылчуръёсы: кылбуръёс, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1997. 360 с.

2. *Ермаков Ф.К.* Кузебай Герд (жизнь и творчество): монография. Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.

М.Ю. Архипова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Ю. ЧАВАЙНЫН ПОЭЗИЙЫШТЫЖЕ ЖАНРЫМ ОНЧЫКТЫШО КОКЫМШО ВУЙМУТ

Статья посвящена исследованию творчества марийского поэта Ю. Чавайна в аспекте поэтики рамочного текста. В ней проанализированы жанровые подзаголовки, определены их функции.

Ключевые слова: *марийская литература, поэзия Ю. Чавайна, поэтика, рамочный текст, подзаголовок, жанр.*

Ю. Чавайнын поэзийыштыже кокымшо вуймут жанрым гына ончыкта. Тидын шотышто кок произведенийым палемдаш лиеш: «Сонарзе» да «Аля». Нуно коктынат лиро-эпике дене кылдалтыныт, нунын кӧргыштышт «сюжет (эпос семын) да лирике геройын (лирике семын) улмыштым» [1, с. 37] ончыктыман. Иктыже («Сонарзе») поэме семын возалтын, садлан кокымшо вуймутшо «Поэме». Весыжым поэмын ужашыже семын ончыктымо (кокымшо вуймут – «Поэме гыч ужаш»). Умбакыже молан тыге ончыктымым лончылен налына.

Ю. Чавайнын «Сонарзе» произведенийыштыже кок сюжет йыжын уло. Тыгай сылнымут структур лач поэмылан келшен толеш. Иктыже произведенийым эпике дек лишемда, тудо событий-влак гыч шога да эпике произведенийлан келшыше персонаж-влаклан кӧра виянгеш. Весыже текстым

лирике дене кылда, автор деке лишыл улшо лирике геройын шижмашыжым, шонкалымашыжым авалта, произведенийыш субъект стильым да лиризм шӱлышым пурта.

Кок йыжынжат пӱртӱсын поянлыкшым аралыме, жаплыме да поянлыме (кугемдыме) проблеме дене кылдалтын. Автор илышыште лийше тӱрлӧ азапым ончыкта. Поэме кужу жапым авалта: сар деч ончычсо илыш, Кугу Отечественный сар жапысе илыш, сар деч варасе илыш. Произведенийыште ме браконьер-влак ваштареш кучедалмым, сектант-влакын шакше пашаштым ужына. Тыгак поэмыш орол Игнатын тӧрсыр еш илышыже пурталтын.

Событиян сюжетыште кок тӱҥ персонаж – Тамара ден Геню. Тамара, Игнатын уныкаже, йӧратымаш ден парымже коклаште шога: браконьер Геню дене илаш кодаш да ешым чоҥаш але кочаж гаяк пӱртӱсым аралыше лияш. Нуным сӱретлымаште автор шкенжын шонымашыжым, шӱм-чоншижмашыжым келгын почын пуа. Тудо Тамара ден Геню коклясе пышкемым руда. Сай ден удажым ойыркален, поэт кажнылан шке приговоржым луктеш. Тамара еш илышым тачысе шинча дене онча, оксалан кӧра осал пашам ыштыше Геню деч ойырлымо нерген вигак ойла:

Мый уланґдыме лонычшто
Шым кӧнӧ почаҥын мерчаш [2, с. 34].

Поэмын тӱҥ геройжо, мемнан шонымаште, – тиде лирике герой. Тудо уста сонарзе, тӱрло емыжым, поҥгым погаш йӧратыше. Тудо, пӱртӱсым чын шӱмбеллан шотлен, чон почын мутлана:

Туан пӱртӱс! Налын пычалым,
Шым лек кайыкетым лӱяш;
Мый, тыйын муретым кычалын,
Тунам миенам куэрлаш.
Мый, тыйын муретым кычалын,
Эрден воленам памаш дек [2, с. 13].

Субъект стильым пурташлан поэмыште сылныштарыме йӧн-влак кугун полшат. Произведенийыште лирике да волгыдо сынан коннотацийым шындарашлан шуко мутобраз-влак кучылталтыт: 1) эпитет: «ч*евер кечыйол*», «*яндар чодыра*», «*чевер ӱжара», «ладыра ломбо», «шешке сылне моткоч», «осал тушман», «ший энґерлам»; 2)* метафор: *«сентябрь у шӧртньӧ таган ден эрта, чодыра корным тавен», «мардеж, лӱс гыч чинчым пуалын, шинчасорташкем шава», «туп-вачышке канде мардеж <…> кӱрен парчала вошт шоктеш», «лышташ поран», «куэрын ош тувыр урвалтым шопке ал ока ден тӱрла», «шӱм тул ден возалт кодшо мутым», «фашизм, кычкен кӱртньӧ вийым, мемнан мландыш нушкын пурен», «шып ойго», «кунам шӱм деч шӱм ок кораҥ», «но калык поянлыкым толышым пераш кӱлеш кид гыч тазан», «а йӱштӧ – пурлат гын чучеш», «ӱшан кеча кӱч мучашыште», «мыняр сем йоҥга шӱмыштем лӱмешет», «кузе илыш шолын эрта», «луй-кече почшым, чеверым, кожер шерге дене шереш»; 3)* танастарымаш: *«той оҥан пӱнчерла», «яндар шӧртньӧ гае лышташым», «ший гай вӱд», «полша книгала лудаш», «сут пире дечат осал», «пиалын когаргыше шулдырла чӱчеш тиде серыш мылам», «а шоҥго Игнат шке*

шешкыжым ынде ужын Юмет-пӱрышет олмеш», «пӧрдыныт курныжла», «коштеш курныж семын ваҥен», «идалык гыч шыже лышташла йогат да йогат кече-влак», «пычкемыш йӱд гае кожерым», «жап-кайык»», «уж ломбо пеледыш шӧр шоҥла», «урем ден Чайковскийын Первый концертше йога шошо вӱдла ташлен»; 4) олицетворений: *«мардеж, окна йымач куржшыжла, яндам кыркален тыҥ да тоҥ», «пушеҥге-влак кажнышт эркын мылам парчалаштым рӱзат».*

Тыгак лиризм стильым поэтический синтаксисын фигурыжо-влакат пурташ полшат, мутлан: 1) вашмутдымо савырнык (вашмутдымо савырнык): *«Салам лийже, Морко мланде!», «Ой те, шочын-кушмо кундемын мотор олыкла, чодыра!», «Туан пӱртӱс!», «Геню, моторем!», «Таза, пиалан лий, йолташ!», «Эх тые, сонарзе, сонарзе…»; 2)* вашмутдымо йодыш: «*Йоча деч посна еш – мо еш?», – «Лиеш мо, шӱмым пунчалын, кеч ик муро семым лукташ?», «Кузе тыгай еҥым тынаре Тамара моштен йӧратен?», «Тыгай годым кӧн шӱм ок коршто?»*

Поэмыште Ю. Чавайн айдеме да пӱртӱс кокласе кылым, ойыраш лийдыме келшымашым ужнеже. Тидын шотышто произведенийыште орол кугызан образше кугу верым налын шога. Тудо да лирике герой сай йолташ улыт. Нуно коктынат пӱртӱсым йӧратат, аралат да жаплат. Таклан огыл Игнат кугыза манеш:

Мом ужмым чыла лӱйкалет гын,
Вара огеш код ик кисат.
Шкет отыл. Пычал дене лектын,
Коштеш тыйын семын весат [2, с. 10].

Нунылан ваштарешла пӱртӱс поянлыкым чаманыде пытарыше еҥ-влак шогат. Тиде – Геню ден Вачий. Нуно шордым кучен шӱшкылыныт. Шкештат сут пире гай осал улыт. Илыш чыла шке верышкыже шында: Генюм лесник гыч луктыт, Тамара тудын деч ойырлен кая, Вачим судитлат, тудын ешыже ача деч посна кодеш, Игнат йол ӱмбак шогалеш, а Саша олашке кая. Нине событий-влак произведенийыш повествований радамым пуртат да тудым пенгыдын эпос дене кылдат.

Тугеже, кокымшо вуймут лудшылан текстым кузе лудаш да аклаш корным ончыкта, поэме жанр могырым эскераш тарата. А поэме – тиде лироэпике жанр. Тиде жанрлан Ю. Чавайнын «Сонарзе» произведенийже лач келшен толеш.

Вес кокымшо вуймутан текст – «Аля» поэме гыч ужаш. Произведений поэме семын возалтшаш ыле, но автор тудым мучашлен шуктен огыл. Тиде кошартыдыме произведений. Автор тыгай информацийым лудшылан кокымшо вуймутшо гоч пуэн.

Поэмын возен пытарыдыме да савыктыме ужашыштыже Йошкар-Оласе калыкын Икымше Май пайремым пайремлымыжым ончыктымо. Тугеже, лончылымо текст – тиде ик илыш фрагмент, эпизод гына. Тудо описаний йӧн дене возалтын, событий-влак вашталтмаш, виянгмаш тиде эпизод гыч лектын шуын огытыл. Ю. Чавайн калыкын паша пайрем дек кумылжым келгын ончыкта. Граждан лирикысе шӱлыш палдырна. Тудыжо лирике геройын

шижмашыже дене кылдалтын да произведенийыш мутобраз-влак гоч пурталтеш: 1) эпитет: *«сай пагыт», «сай каныш», «мотор Какшан сереш»;* 2) метафор: *«Май волгалтарен Йошкар-Олам», «ош уремлан асфальтыш писте ужарге ӱмылым вела», «еҥ-влак <…>, эн сайжым налын, тӱсышт ден каят уремым сылнештен»;* 3) танастарымаш: *«А калык! Калык! Май пеледыш!»;* 4) олицетворений: *«Ола мемнам чыла вере пеш сайын вашлиеш эре».*

Поэт «Аля» текстыштыже Совет Союз жапысе совет калыкын эн йӧратыме, куанле, волгыдо пайремжым эртарымыжым ончыкта. Тиде пайрем калыкын ик кумылан, икоян, ик еш гай лиймыжым ончыктен. Икымше Май кечын уло калык ола уремыш, демонстрацийыш лектын; чыланат вашла воштылыныт, кутырен ошкылыныт. Еҥ-влак волгыдо кумылан лийыныт:

Еҥ-влак сай пагыт деч <…>
эн сайжым налын,
тӱсышт ден каят
уремын сылныште [2, с. 10].

Тидыже авторын тӱҥ шонымашыже дене чак кылдалтын.

Тугеже, кокымшо вуймут Ю. Чавайнын произведенийлаштыже пеш кӱлешан ужаш семын палдырна. Кок лончылымо текстыштыжат тудо произведенийын жанрже (поэме) нерген информацийым пуа. «Аля» лӱман текстыште тудо тыгак лудшылан произведенийым возен пытарыдымым умылаш полша (поэме гыч ужаш).

Литератур

1. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 80 с.

2. Чавайн Ю.С. Ӱжаран куэрлаште: поэме да почеламут. Йошкар-Ола, 1978. 95 с.

С.М. Афанасьева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Ю. БАЙГУЗАН «ТАЧЕ – ШОЧМО КЕЧЕ» ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДРАМЫЖЕ

Статья посвящена изучению идейно-художественных особенностей психологической драмы Ю. Байгузы «Сегодня – день рождения». В ней анализируются тематика, проблематика произведения, система характеров персонажей, образная символика.

Ключевые слова: *марийская драматургия, психологическая драма, Ю. Байгуза, проблематика, система персонажей, образная символика.*

Ю. Байгузан «Таче – шочмо кече» психологический драмыже 2002 ийыште «Ончыко» журналыште савыкталтын. Кызытсе марий драматургийыште тиде произведений жанр могырым веле огыл, формыж денат онай, йӧршын у сынан улеш. Тудо тӱҥ героинян, Майкан, монологшо семын чоналтын. Драме улыжат кок ужаш гыч шога.

Действий кӱчык жапыште эрта гынат, драматург тиде жап кышкарыш пеш шуко проблемым шыҥдарен. Марий ӱдырамашын шке эртыше илышыжым шарнымаш кызытсе саманын да эртыше курымын пӱсӧ йодышлажым тарватыме дене икверешмудыраналтеш: Сталин жапысе илыш, тоталитар пагыт, репрессий-влак, кызытсе жапысе шкет тулык ӱдырамашын пӱрымашыже да тудын шкетак икшывыжым ончен-куштымыжо, саманын вашталтмыж дене ялысе мер илышын вестӱрлем толмыжо, еш илыш да йӧратымаш.

Героиня илышыжым вашталташ шонен пыштен – кокымшо гана ешым чумыраш кумылаҥын. Сандене тудын кӧргӧ монологшым «у йолтошкалтышым» ыштымыж деч ончыч шкенжым психологически тергымаш семын аклыман. Майка – марий деч посна кодшо ялысе шкет ӱдырамаш. Йӧратыме Микал эргыже – тӱҥ энертышыже да куанже. Пеш вашке илыш дене чеверласыше марийже нерген героиня шукыж годым порын гына шарналта: нигунамат нигӧлан шыдым кучен, я туманлен огыл; тӱрлӧ манеш-манешым – чын ма, шоя – шотыш налын огыл; торжа мутымат нигӧлан нигунамат ойлен огыл. Лач иктылан гына ӧпкела – чон йӧсыж годым, нелылыкшым пелашыж дене лош пайлен огыл, санденак шонымо азапыш шуын – тыгай тымалте, кумылзак кумылжо дене шучко ошкылым ыштен (илыш дене шкак чеверласен). Марийже шке шонымыжым, кумылжым ватыжлан серышыште гына возен коден. Тиде кагаз Майкалан шергакан, тудым лудын, ӱдырамаш ятыр умылен, тыге чонжат лыпланен.

Шке жапыштыже йӧратыме пелашыже, шочмо ялыштыже колхозым чумыраш, ворандарен колташ, ятыр тыршен, а пошкудо Элпай кува тӱшка озанлыкыш пураш кужу жап кӧнен огыл. Санденак Майкан марийже шке «чынжым» кува ӱмбак туарен, тумам луктын. Тыге, тиде сюжетысе конфликт гоч автор социальный йодыш-влакым тарвата: 1930-шо ийласе коллективизаций, Кугу Отечественный сар деч варасе ялысе илышын вашталт толмыжо. Ю. Байгуза ик еш историй гоч чумыр мер илышын политик системыжын тӱрлӧ шӧрынжым нергела. Ятыр сылнымут деталь-влакат нуным рашемдаш полшат, мутлан, шарен сакыме йошкар галстук. Майкалан да тудын пелашыжлан «Эре ямде улам!» манме товатлымаш муткылдыш илышысе девизышт лийын.

Майка кӧргӧ чон тургыжланымашыжым мыняр-гынат сурт-сомылкам ыштымыж годым монда: киндым пышта, шӱрым шолта, пӧртым эрыкта, сурт вольыкым пукша. Но шоныш деч корангаш ок лий. Героинян азапланымыже эреак окна деке миен тӱкнымыжӧ да окна тӧрза-шамычым тарватымыж гоч коеш. То ик окна деке, то весыж деке миен онча, шижалтеш – ала-мом, ала-кӧм пеш вуча. Вуча: памашыш вӱдлан кайыше эргыжым (изишлан йомын), тыгак кокымшо пелаш лийшашыжым. Тудым моткоч тургыжландара ончыкылыкым палыдымаш: кертеш мо лийын пиалан кокымшо пелашыж дене (вет пыштыме киндыже изишак когарген)? умылат мо тудым ялыште? а эргыже мом ойла (тидыже тӱҥ йодыш)? Таче тудын пиалан шочмо кечыже веле огыл, а эн тургым татше, илыш чекше. Санденак тоштым шарналтен, чылажат эше ик гана радамлен, умбакыже рыҥ тошкал кайынеже. Илыш татын пеш кӱчык улмыж нерген символ сынан образ – куку шагат – шижтара. Пӧрт кӧргысӧ тошто куку шагатын кок кирже гына уло (нуно героиня ден эргыжым символизироватлат). Куку муро йӱк эргыжлан пеш келша, санденак Микал тудым эреак ачала. Но

вучыдымын шагатын ик маятникше кўрылт камвозеш. Тиде сылнымут деталь Майкан у илыш радамыш вончаш ямде улмыж да кўлешлыкше нерген шижтара, арам огыл кираже кидше гычат камвозеш (тоштым шарнен илаш огеш кўл). Тидын нергенак шондык пундашыште (пуйто шўм-чон кöргыштö) икымше марийжылан ожнак пöлек шотеш налын пыштыме, но чийдыме, тувыр (сивол сынын образ) шижтара. Майка таче тудым, тынар ий эртымеке, мешак гыч луктеш, но поген ок пыште, воштончыш деке сакалта. Чынжымак, пелашыже колен гынат, ўдырамаш тудым нигунам монден огеш керт, вет эргыжат ачажын сынжым эреак ушештара, сандене героиня тидын дене умбакыже илаш шона.

Икманаш, тачысе саманлан Ю. Байгузан «Таче – шочмо кече» психологический драмыже, тудын пўтынь драматургийже гаяк, у сынан, шўлышан. Тыглай ўдырамашын илыш пöрдемжым сўретлымаште автор кызытсе саманын да кодшо курымын илыш негызжым философ семын нергела да лудшымат шонкалаш ўжеш.

Г. К. Ахмастинова
Набережночелнинский государственный
педагогический универститет (г. Набережные Челны)

СИНТЕЗ РЕЛИГИОЗНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В ТАТАРСКОЙ ПОЭМЕ

Статья посвящена изучению татарской поэмы, пережившей изменения как в форме, так и в содержании и сохранившей в себе лучшие традиции жанра, в аспекте синтеза в ее содержании важнейших исторических событий в жизни татарского народа, вопросов нравственности, общественных, религиозных и философских проблем, а также сложного внутреннего мира человека.

Ключевые слова: *татарская литература, поэма, идейный мир, синтез.*

Истоки жанра поэмы в татарской литературе – в фольклоре [1, с. 37] и в таких известных произведениях, как «Киссаи Юсуф» Кул Гали. Этот жанр в процессе своей эволюции пережил естественные изменения как в форме, так и в содержании, в то же время сохранил в себе лучшие традиции. Поэмы посвящены преимущественно важнейшим историческим событиям в жизни татарского народа, вопросам нравственности, общественным, религиозным и философским проблемам, раскрывают сложный мир чувств и мыслей человека.

В современных поэмах поднимаются морально-нравственные проблемы, находят отражение философские размышления о земной и вечной жизни, восходящие к традициям «Киссаи Юсуф» и, благополучно минуя века, дошедшие до наших дней. Авторы стремятся глубже проникнуть в затаенные слои человеческих чувств и мыслей. Уважая традиции, они стремятся сохранить древние «слои» татарской поэмы, в частности, используют религиозную философию, прочно закрепившуюся в сознании человека, религиозные образы пророков, Сират күпере (мост в рай над пропастью ада). Это можно увидеть в творчестве таких художников слова, как А. Рашит, Р. Харис, Зульфат, М. Аглямов, Х. Аюп, Л. Шагирьян, Э. Шарифуллина, Р. Зайдулла, Г. Мурат, З. Мансуров и др.

Синтез религии и философии наиболее ярко представлен в поэме З. Мансурова «Хозыр галәйһес-сәләмне эзләү» («Поиски пророка»). Произведение опирается на религиозно-мифологические традиции, сказания и жития святых, оно представляет собой художественное единство нескольких своеобразных, сложных композиционных слоев. Ключевые черты поэзии Зиннура Мансурова, единством и взаимосвязью которых определяется её своеобразие, – это традиционность, устремлённость к постижению глубин человеческого духа и связанная с этим философичность, явленная вместе с тем в конкретных образах, вырастающих, в свою очередь, в символы.

Стремление авторов к синтезу различных пластов – это одна из главных особенностей современных поэм. Такой синтез часто сводится к контаминации различных вопросов в рамках одного художественного произведения: религиозно-философских размышлений, представленных сквозь призму религиозно-мифологических образов и изречений; рассуждений о человеке и жизни, жизни и смерти, ценности человеческой жизни, смысле жизни, течении времени; общественно-политических размышлений о судьбе нации и идеологии, трагедии личности в системе, о прошлом, настоящем и будущем нации [3, с. 431]. Слияние различных пластов осуществляется через ассоциативные связи религиозных текстов с художественными – через интертекстуальность. Вышеперечисленные качества обнаруживаются и в поэме З. Мансурова «Поиски пророка».

В прозведении, где доминирует не эпическое, а «лирико-философское» начало [2, с. 304], 14 глав органично объединили в себе религиозно-философские пласты. Национально-философский пласт поэмы находит отражение в оценке социального положения в стране. ГУЛАГ, тюрьмы-лагеря, культ личности, погубивший тысячи людей, революция, бессмысленные войны, нравственность и безнравственность, безверие – вот круг вопросов, занимающих важное место в поэме.

Денсезләнеп калган дөньялыкта
күптән күренгәне юк аның.
Юксынырбыз бер чал юлаучының
ярабызны килеп юганын [4, с. 33].

Внедренную идеологию системы составляют такие явления, как неблагоразумие, равнодушие, зло:

Имансызны берни имәндерми,
тотып көчләр иде...Ай кызын.
Тормышларны күреп торасыңдыр –
сөйлим бугай сиңа артыгын... [4, с. 36].

Юлбарыстай халык югалганны..
Кемне генә борчыр бу маза?!
Сөргендәге Намус сурәтендә
Пәйда булмаганмы БМОда [4, с. 36].

Сложные политические вопросы страны находят отражение в размышлениях о трагедии татарской нации, постепенной утрате ею

исторической памяти, об усилении равнодушия в людях. Подобная философия ярко раскрывается в колыбельной песне 11 главы:

Әлли-бәлли итәр бу,
әмеренә китәр бу;
каргышларда кыйналып,
кыямәткә җитәр бу [4, с.56].

Положение усугубляет существование, параллельно с проблемой распада нации, проблемы исчезновения татарских деревень – второе направление трагедии народа.

Каргагансың карьяларне,
Хозыр хәзрәт, һай, ачы:
«Алтмыш өйле Көтернәсең
Алты өйгә калсачы!..» [4, с. 57].

«Отделение совести, чести от души», ослабление связей между поколениями, утрата чувства долга перед матерью, осложнение взаимоотношений отца и сына – круг вопросов, раскрывающих третье направление трагедии татарской нации. К этому содержательному направлению относится глава о человеке, советующемся со стариком, она звучит как обвинение по поводу создавшегося положения в обществе:

Балачакта, биллəһидер, белмәгәнмен,
Ана хакы бинихһая зур икән!
Инде ништим, Нсыйхәтчем, инде ништим –
Киңәшеңә күңел-калебем зарыккан [4, с. 59].

Безответственность молодого поколения перед старшим не просто подвергается критике, но и расценивается как одна из причин неблагополучия общества, как источник бед. Нравственное, общественно-политическое состояние общества, трагедия нации являются поводом для размышлений, тех или иных чувств лирического героя, с помощью которых автор усиливает философию горечи и страдания:

Чәбәләнер чәчкәйләрен, читенсенми,
Гомеремдә инде ничә кат тарыйм.
Кушучыма тәгам-тәбә куырыймсы –
Ана хакын ничек кайтарыйм [4, с. 59].

Образ жизни пророка, заимствованного из религиозных текстов, представлен в поэме как образец для подражания. С его помощью автор надеется изменить действительность, соотносит его со своей мечтой и идеалами.

Объединенные посредством религиозно-мифологических образов, религиозный и философский пласты раскрывают идею автора о том, что человек живет в этом мире только раз, поэтому он должен стремиться объединить в своей жизни веру, честь и совесть, стремиться к высоте архетипа святости – пророка:

Изгелекле Ата эзләренә
өммәтсезлек көн дә көл сибә...

Пакьләндергеч Хозыр пәйгамбәрнең
ясинчысы
яши
кешедә [4, с. 62].

Ключом к пониманию религиозной философии в поэме служит его эпиграф: *«Пророк сказал: эта жизнь дана на час, поэтому используй ее в добрых целях».* Сталкивая такие противоположности, как вера и безверие, добро и зло, З. Мансуров добился раскрытия сути не только общественных явлений, но и того внутреннего конфликта, который присущ душе каждого человека. Автор пытается помочь оступившемуся, сбившемуся с пути человеку вернуться на путь истины и доводит свои мысли до читателя через образ пророка, через заложенную в него религиозную философию.

Литература

1. *Бакиров М.* Шигърият дөньясына сәяхәт. Фольклордан язма шигырьгә күчеш тарихыннан. Казан: Татарстан газета-журналлар нәшрияты, 1999. 238 б.

2. *Галиуллин Т.Н.* Иҗат чынлыгын раслау // Мансуров З.М. Яшәү үзәне: Шшигырьләр, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 303–310.

3. *Йосыпова Н.* Соңгы еллар татар поэзиясе // Хәзерге татар әдәбияты. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 428–436.

4. *Мансуров З.М.* Хозыр галәйһес-сәләмне эзләү // Мансуров З.М. Яшәү үзәне: шигырьләр, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 33–62.

А.И. Беляева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

А. АЛЕКСАНДРОВ-АРСАКЫН ПОЭЗИЙЫШТЫЖЕ ВУЙМУТЫН ТЎШКАЖЕ ДА СОМЫЛЖО-ВЛАК

Статья посвящена изучению поэтики рамочного текста в поэзии А. Александров-Арсака. В ней определяются типы и функции заглавия.

Ключевые слова: *марийская поэзия, А. Александров-Арсак, поэтика, рамочный текст, типы и функции заглавия.*

Вуймут – «лўмдымаш, сылнымут произведенийын лўмжӧ» [3, с. 11]. А. Александров-Арсакын поэзийыштыже [1; 2] вашлиялтше вуймут-влакым тыге радамлаш лиеш: 1) содержанийын компонентше-влак (теме да идей) дене кылдалтше вуймут; 2) персонажан вуймут; 3) верым да жапым ончыктышо вуймут. Лач нине вуймут-влак мутмастарын сылнымутыштыжо эн шуко верым налын шогат.

А. Александров-Арсакын поэзийыштыже вуймут-влак тыгай темыла дене кылдалтыныт: ава («Ава шӧр»), шочмо ял («Ок мондо ялжым», «Чеверын, тошто ял»), шочмо (ача-ава) пӧрт («Ача сурт»), коммунист жап («Вурсат коммунистым»), илыш («Илыш»), илыш ӱмыр («Эртышна ме ӱмыр корным»), пӱрымаш («Мемнан пӱрымаш», «Тыгай пӱрымаш»), йоча жап («Йочам годым»), рвезылык («Ялыш тольо рвезылык»), йӧратымаш («Лишыл таҥ»), муро («Муро»,

«Муро кодын шӱмеш»), сар («Пытартыш сар», «Черемис сар»), эрык («Эрык»), пайрем («Пайрем») да т.м.

Авторын почеламутшо-влакын вуймутыштышкышт тыгай идей-влакым шындарыме: весылан осалым шоныман огыл («Изишат ок лий мо порым шонымо?»), шӱм чынлыкым ашындарымаш («Возо шӱм оетым»), тӱня вувердыме лийшаш («Вувер мо оза ош тӱняште?»), икоян, пырля да ваш-ваш полшен илыман («Иктеш чумыргаш»), чын дене кугешнымаш («Могай тиде чон»), кресаньык чоным да пенгыдылыкым моктен мурымаш («Мый кресаньык чонан кодынам»), шочмо авам чаманымаш («От сите, авай»), шочмо кундемым моктен мурымаш («Сотнурлан моктеммуро», «Шочмо вел деч посна уке ӱмыр»), шошо толмылан куанымаш («Угыч шошо», «У шошо»), илыш ылыжмылан куанымаш («Уэш пуйто шочым»), ойырлымо але шкет улмо неле кумыл («Чеверласыме муро», «Шкет гармоньчо»).

А. Александров-Арсакын поэзийыштыже кугу верым персонажан вуймут налын шога. Вуймутышто персонаж-влакын произведенийысе кок тӱрлӧ верышт палемдалтеш: 1) персонаж – сӱретлыме объект; 2) персонаж – почеламутын адресатше (тудлан почеламут пӧлеклалтын, тудын деке автор мутшым савыра, садлан тыгай персонаж вуймутышто дательный падежыште пуалтеш). Ик вере персонаж – сӱретлыме объект – историй дене кылдалтеш («Ленин», «Качырий»), вес вере туныктышо («Туныктышо») але ӱдыр («Шара шинчан ӱдыр») ончыкталтыт. Персонаж-адресат дене кылдалтше вуймут моткоч шуко вере вашлиялтеш: «Аваем, ит вурсо», «Вучо, шӱм кайыкем» («кайыкем» мутын синонимже – «йӧратымем»), «Куэ-акаем», «От сите, авай», «Палыме ӱдырлан», «Поэт йолташ-влаклан», «Тау, авай», «Толын кайышылан». Персонаж-адресат семын, айдеме деч посна, иктаж-могай иктешлыме явлений («Марий Эл Республиклан», «Марий ушемлан», «Сотнурлан моктеммуро», «Чеверын, тошто ял») але пӱртӱс образ («Ломбо», «Лышташ», «Палисадысе полан», «Пеледыш», «Тулвуй», «Тӱтан», «Чодыра сем») лийын кертыт.

А. Александров-Арсакын поэзийыштыже вуймут тӱрлӧ верым ончыкта («Ер вес велне», «Шаря кундемем», «Оръеҥ ӱма гай ямле куэрлаште», «Йолгорно», «Окна ончылан», «Сыра корка воктене», «Шоло вуй гыч»). Лирике геройын шонкалымашыже да шижмашыже тӱрлӧ жап дене кылдалтыт: «У ий йӱдым», «Умыр кас»). Тыгак метафора сынан жапым ончыктышо вуймут («Сорлыкдымо жап») вашлиялтеш, тудо конкретне жапым огеш ончыкто. Жапым ончыктышо вуймут-влак коклаште пӱртӱс пагытым да тылзым ончыктышо вуймут-влакым ойырыман: «Шыже кас», «Шыже воштончыш», «Шыже нур», «Шыже энгыремышвот», «Кузыкан шошо», «Май». Икмыняр почеламутлаште верым да жапым иканаште ончыктышо вуймут вашлиялтеш (мутлан, «Фермыште кас»).

А. Александров-Арсакын поэзийыштыже эн шуко верым информативный сомылан вуймут налын шога. Тудо чыла тӱшка дене кылдалтын. Эн шуко вуймут теме да персонаж дене кылдалтын. Персонажан вуймут шукыж годым персонаж-адресатым ончыкта. Вуймутын экспрессивно-апеллятивный сомылжо почеламутлаште гына вашлиялтеш, поэме-влакын вуймутышт чылт информативный сомылан.

Литератур

1. *Александров-Арсак А.* Шӱшпык дечын мурыжым налат гын... Йошкар-Ола: Валентин Колумб лӱмеш историй да сылнымут тоштер, 2013. 44 с.

2. *Александров-Арсак А.* Йолгорно: почеламут ден муро-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во. Йошкар-Ола, 1968. 40 с.

3. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче термин мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай: Ассоциация финно-угорских университетов; NHCollegiumFenno-Ugricum**,** 2011. 80 с.

Т.Н. Беляева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЯЗЫЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В МАРИЙСКОЙ ДРАМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)*

В статье рассматриваются семантика и художественные функции языческих символических образов в марийской драме второй половины XX века.

Ключевые слова: *марийская драматургия второй половины XX века, драма, образ-символ, языческая символика, художественные функции.*

Языческая символика, оказываясь в стихии индивидуально-художественного творчества, транслирует специфику национального миропонимания и мироощущения.

Символическими атрибутами национального менталитета, этнической идентичности в марийской драме второй половины XX являются фитоморфные образы, в частности, священная роща и священный дуб.

Священная роща («кӱсото»), равно как и священные деревья (дуб, липа, сосна, береза, вяз), считается марийцами своеобразным храмом добра. Этот образ-символ, связанный с древней верой марийцев (чимари), предстает в драме К. Коршунова «Помнишь, Элиса?» («Шарнет, Элиса?», 1986). Пьеса доносит до читателя традицию «обращения» человека с этим священным местом. В роще каждое дерево строго охраняется. Марийцы до сих пор верят в то, что в них живут Боги. На основе этого выработалась целая система «табу»: в священных рощах нельзя сквернословить, ругаться, думать о плохом, даже плеваться, справлять естественные нужды, свистеть, громко смеяться, ломать деревья, ветки, рвать листья.

В произведении описывается труднейшее положение тыла в суровые годы войны: в деревне катастрофически не хватает продовольствия, хлеба, люди умирают от голода. Когда закончились запасы дров, председатель колхоза принимает решение вырубить молодые липы, растущие на окраине деревни в священной роще. Героев произведения по их отношению к вырубке рощи условно можно разделить на две группы: с высоким внутренним потенциалом,

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.*

духовно богатые, нравственно чистые персонажи (Буркова Александра Николаевна, Арсений, его мать) и бесчеловечный безбожник – председатель колхоза Йыван. Буркова встает на защиту рощи: *«А люди что скажут? Это не только место, где молились богу, это мольбище, это липовая роща. Любимое место народа. Древнейший памятник!»* [2, с. 155. Пер. с марийского здесь и далее везде наш – *Т.Б.*]. Но власть оказалась сильнее – победила политика атеизма, разрушения церквей и священных рощ. В представлении Ивана, церкви, мольбища – враги народа. Но народ не забыл свою веру, продолжал молиться языческим богам. Истинно верующий народ, как показано в драме, не пошел на порубку:

«… У каждого солдата есть своя семья или же родители. В первую очередь солдат воюет за их счастье. Вы всегда в моем сердце. Мысленно часто обхожу свою деревню, заглядываю в рощу.

А р с е н и й. Теперь у нас не будет священной рощи. Мигытан Йыван хочет срубить на дрова.

А ч а. Священную рощу?!. Не разрешайте! Скоро возвратимся… Береги маму…» [2, с. 163].

В авторской концепции заложена мысль о том, что приверженность вере поддерживала солдат в годы Великой Отечественной войны. Обращение отца Арсению с просьбой предотвратить уничтожение рощи проникнуто идеей сохранения священных рощ ради памяти погибших на войне. «Для людей символ *кӱсото* – это символ продолжения жизни, веры, святости, правды, мира, добра. Священные рощи служили и продолжают служить основой этнорелигиозного самосознания мари в трудные времена» [3, с. 136].

Среди священных деревьев, наиболее почитаемых марийцами-язычниками, – дуб. Именно к его подножию приносили жертву и молились. Такой священный дуб описывается в драме А. Волкова «Алдиар» (1969).

Действие драмы происходит в 1679 году в марийском селении, расположенном на берегу Волги. Пьеса посвящена участию марийского народа в восстании Степана Разина. «Алдиар» А. Волкова вызывает прямые содержательные ассоциации с пьесой «Акпатыр» С. Чавайна. А. Волков, как и С. Чавайн, опираясь на историко-этнографический и фольклорный материал, описывает тяжелейшее положение марийского народа после присоединения его к Русскому государству. Крестьяне «повязли» в бесконечных долгах местным богачам, русской церкви и государству. Продолжается повсеместная христианизация населения. Церковники жестоко преследуют язычников, «кнутом и пряником» заставляют принимать новую веру – православие.

Такая конкретно-историческая ситуация стала фактором сюжетной интриги пьесы марийского драматурга. Молодой охотник, Ямай, приверженец марийской языческой веры, не может жениться на Тяви, так как она приняла православную веру. Некоторые, как Антанас, принимают крещение, потому что за это списывают долги. Мать охотника Ямая, Окси, простудившаяся во время первого крещения, умирает, когда ее во второй раз заставляют войти в холодную реку. Женщин бьют за то, что вовремя не бывают в церкви, стирают по воскресеньям. Но есть и те, которые отказываются принять новую веру. Среди них старик Яшпай. *«Я и сейчас живу не без Бога. День и ночь молюсь своему*

Богу. Мое сердце, жизнь – всегда с Богом… Мой Бог не меньше твоего. Я не смогу отступиться от своего Бога. Марийскую веру кончать – меня кончать…» – говорит он архимандриту [1, с. 17].

Образ дуба в пьесе, во-первых, символизирует силу Богов и человека, ему поклоняющегося. В марийской мифологии дуб всегда ассоциировался с мужчиной, «крепко стоящим» на земле, соблюдающим традиции предков. Ничто не может сломить веру старца. Кроме того, дуб является символом самой языческой веры марийцев. Издавна это дерево считается священным. Марийцы верили, что Бог, святой Дух обитает в лоне этого дерева. Они считали, что через него сохраняется связь с душами умерших предков, он соединяет мир земной и небесный. Он ассоциируется с образом мирового дерева, который можно встретить во многих древних культурах. «К примеру, концепция Древа мира, − указывает Г.Е. Шкалина, – наглядно иллюстрируется в карело-финском эпосе “Калевала”. Крона гигантского дуба достигает неба, корни простираются в царство мертвых, а ствол связывает небо с преисподней» [4, с. 42]. Кроме того, дуб – это символ долговечности и могущества веры, крепости духа и мудрости народа, долголетия и благородства марийских картов (жрецов). В драме А. Волкова церковные служители собираются погубить символ веры мари.

Таким образом, языческая символика в рассмотренных нами пьесах марийских драматургов К. Коршунова («Помнишь, Элиса?»), А. Волкова («Алдиар») представлена фитоморфными образами (священная роща, многовековой дуб). Эти образы-символы помогают воссоздать национальный колорит описываемого времени, этническую природу поведения героев, глубже понять мотивы их поступков, их характер и размышления авторов о вечных вопросах бытия, о добре и зле.

Литература

1. *Волков А.* Посана: пьеса-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1981. 216 с.

2. *Коршунов К.* Шӱм парым: пьеса-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 280 с.

3. *Тойдыбекова Л.* Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu, 1997. 397 с.

4. *Шкалина Г.Е.* Традиционная культура народа мари: монография. Йошкар-Ола, 2002. 159 с.

Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ВАЛЕРИЙ АБУКАЕВЫН «СУЛЫК ПЫЖАШ» ТРАГИКОМЕДИЙЖЕ: СЫЛНЫЛЫК ОЙЫРТЕМ

Целью исследования является анализ поэтики трагикомедии Валерия Абукаева «Гнездо грехов». В задачи автора вошли следующие моменты: дать краткую справку об авторе произведения; выявить специфику жанра трагикомедии; определить жанровую особенность данной пьесы; определить основу композиции; выявить характерные особенности поэтики произведения на основе языка, песенного материала, этнографических картин.

В статье выявляются специфика композиции произведения, его реальные и нереальные герои, особенности обычаев и традиций мари, вера в загробный мир, социальные и бытовые реалии, особенности фольклорно-этнографических картин. Делается вывод о том, что автор, обладая обостренным эстетическим чувством, ощущает, что мир погружен в трагическое обстоятельство и что люди вынуждены жить в этом трагическом состоянии.

Ключевые слова: *марийская литература, Валерий Абукаев, трагикомедия, комедия, трагедия, композиция, этнографизмы, фольклоризм, предметный мир.*

Илыш пӧрдемыштӧ айдеме йӧршынат эрыкан огыл. Тудын илышыже тӱрлӧ фактор дене кылдалтын. Шукыж годым тудо трагедий элемент дене палемдалтын. Тыгайже илышыште ситышын вашлиялтеш. Драматург Валерий Абукаев илышым почын пуышо ятыр йодышеш шогалеш. Тиде совет жапысе илыш йогын, тудын сай ден уда могыржо, перестройко пагытысе саман, туддеч варасе илыш толкын. Ялысе еҥын илышыже нигунамат куштылго лийын огыл. Шукыж годым моткоч неле, драматизм палан. Ондакысе илыш радам пужлен, айдеме илышыжлан шке гына «оза» лийын кодын: кузе моштет, туге иле. Садлан шукынжо илыш корнешышт «пошырненыт».

Трагикомедийысе действий тулыкеш кодшо Сайналче лӱман ялысе ӱдырамашын суртыштыжо каен шога. Тудлан але витле ият темын огыл. Марийже ош тӱням коден каен. Амалжымат ончыктымо: йӱаш йӧратен, арака дене аярген колен. Пошкудо илалше Пайралче тидын нерген тыгерак палемда: *«Экологически чистый продуктым йӱынак отравитлалт колыш шол. Жап деч ончыч каварыш шол, илен моштыдымо, шапшак пӧръеҥ!»* [1, с. 131]. Действий кок кече жапыште эрта: Пайгазын нылле кечыжым эртарыме кечын да эрлашыжым. Озавате поян ӱстелым поген, аракам шолтен ямдылен, пошкудо-влакым ӱжын. Тоштыеҥ-влакым пайремыш ӱжаш Шумат ден Сайран шӱгарлаш миен коштыныт, чылажат йӱла почеш ышташ тыршеныт. Ӱжын толмек, мончаш каеныт, ушташат монден огытыл.

Пьесе мучко йошкар шӱртӧ семын арака йӱмӧ теме эрта. Лач тудлан верчак шуко сулык ышталтеш, язык ыш возыт, илыш пудырана.

Трагикомедийым чоҥымо тӱҥ йӧн – ваштарешла шынден сӱретлымаш. Антитезе ончычсо илыш да тачысе саман могай улмо йодышым почеш, ты тӱнясе да вес тӱня илыш ойыртемым сӱретлен ончыкта, айдемын орвуян улмыж годым да йӱшӧ годымсо пашажым палемда, койышыжым сӱретла. Мутмастар вес тӱняш кайыше да ош тӱняште илыше герой-влакым сценыш луктеш.

Автор пӱсӧ илыш йодыш-влакым ярымла. Эн ондак социальный проблемым шында. Тиде совет жапысе илыш радамын сайже ден уда могыржо, перестройко пагыт деч варасе илыш молемме йодыш. Тыгак ял калыкын ойгыш логалмыже: паша укелан кӧра илыш нелемме, ял пытен толмо, самырык-влакын ялым коден каймышт. Тыгай илыш йогын калыкын койышыжымат ваштальтен, шукынжо аракалан вуйым пуаш тӱҥалыныт, пӧръеҥ-влак веле огыл, ӱдырамашыжат. Кушто арака, тушто яжарланымаш, шӱм-чон яндарлыкым локтылмаш, преступлений. Трагикомедийыште яжарланымаш кугу сулык семын палемдалтын. Тиде йодышымак тӱҥыш лукмо. Тудо икмыняр герой гоч почылтеш.

Пьесе фольклор материаллан поян. Эн ондак муро жанрым палемдыман. Пьесе тӱҥалтышыште Шумат вес тӱняш кайыше нерген мурым мурен пӧртыш пура:

Тыйынат-лай шӱшкымет шуылда гын,
Пӧрт воктеке толылден шӱшкалтал,
Пӧрт воктеке толылден шӱшкалтал.
Мемнамат-лай ужмет шуылда гын,
Сар лыпыне лийын толылдал,
Сар лыпыне лийын толылдал [1, с. 130].

Чынак, вес тӱняш кайыше-влакын шке нергенышт лыве гоч палемдыме нерген калыкыште ойлат. Мурыштат ме тидым ужына. Лывын образше вес тӱня илыш теме дене кылдалтын. Сайналче шке мурыштыжо узьмак гыч толшо калыкым ончен-сийлен моштем мо манын азаплана. Мурышто ондак эргалыме вынерым виктен моштымо нерген ойлалтеш, вара – сийлыме нерген. Синтаксический параллелизм йӧным кучылтмо. Вынерын образше арам огыл. Колышым шӱгарыш вынер дене волтеныт, тудо вес тӱняш корным почын пуа, манын ӱшаненыт. Мурышто «шем» эпитетым кучылтмо, тудо вес тӱням ончыкта. Контраст йӧнлан энертен, пӧртылташ лийдымым палемден кодымо. Шумат мурыштыжо «узьмакыште адрес лиеш гын, тендан дек язум серем ыле» манын ойла. Сайран вес тӱням «изаулын» образше гоч палемда да манеш: *«Тудо гына койшо изаулышко иктын-иктын каена ме чылан»*.

Руштын пытымек, ныллыш толшо-влак тептерым йомдарат. Весела мурым мураш тӱҥалыт, мурен-мурен куштат. Такмак-влак йогат, нуно йӧратымаш темылан пӧлеклалтыныт.

Пайгазын мурыжо комический тӱсан, содержанийын рӱдӧ темыже – арака. Антитезе семын сорта ден арака образ-влак палемдалтыт.

Сылнымут моткоч чак марийын колышым уштымо йӱлаж дене кылдалтын. Тудын тӱҥыштыжо – ныллым чӱктымаш. Тоштыеҥым уштымо йӱла дене кылдалтше материалым ятыр кучылтмо. Теве шӱгарлаш ӱжаш коштмо татым ончалаш. Шумат ден Сайран имне дене миеныт, пеленышт гармоньым налыныт, «уна-влакым» «мурыктен» конденыт. Вес тӱня гыч толшо «уна-влакым» ондак мончаш пуртат, вара веле уштен «сийлат». Пӧръеҥ-влак пӧръеҥым «мушкыктат», ӱдырамаш-шамыч – ӱдырамашым. Мончаш кайме годым колышо еҥын вургемжымат пелен налыт, пурен толмек, кашташ сакат. Пайгаз илымыж годым ныллыште тудын олмеш кӧ шичшашым каласен коден огыл, сандене лишыл йолташыже пайремыште тудын вургемжым чийшаш улмаш. Тиде вургемым «почкаш сакыме вургем» маныт. Тудым ужатыме годым шӱгарлаш почкалтен кондышаш улыт. Пьесыште Пайгазын «рольжым» Сайран «модеш». Тудо Пайгазын вургемжым чия, тушто илымыж нерген ойла да сугынла. Уштымо годым, чаркам темен, яшлыкыште шинчыше банкыш опталыт. Тудыжым омса пурымаште изирак ӱстелеш верандат, яшлык тӱрышкӧ сортам пижыктен чӱктат. Уштымо годым ондак кинде-шинчалым тамлат, Пайралче аракам ӱстел тӱрыш чӱчыкта.

Чумыр налмаште ош тӱняште илыше-влак такшым йӱлам шукташ тыршат. Тидын нерген пьесын геройжо Имангул тыгерак палемда: *«Ош тӱняште кодшо-влак огыт пале, чынжымак вес тӱня уло але уке. Йӱла почеш мо кӱлешым ом*

ыште гын, вес тӱняшке логалмеке, тудыжо чынак уло гын, мутым кучаш перна, манын шонат. Сандене йӱлажым шукташ тыршат»[1, с. 141]. Драматургын шонымыж почеш, тиде ӱшанже пеш чоткыдак огыл. Шуко марийже калык йӱлам тӱҥ шотышто тӱжвач ужеш да ритуалым тыгак тӱжвач гына шуктен шога. Тидыже айдемын нравственность шотышто рӱдыжым нӱшкемда. Тышечак айдемын сулыкшо лектын шога. Тидымак ме трагикомедийысе герой-влакын илышыштышт ужына.

Пьесын кумдык параметрже вес тӱнясе илышыш ончалаш йӧным ышта. Туштат, коеш, илыш шке семын, ойыртемын, виктаралтеш. Автор семын, туштат илыш оза-влак улыт, илыш радамат чылаж годым шотан огыл.

Драматург предмет деталь-влаклан тӱткышым ойыра. Тиде сорта, кӱпчык, товар, чайгорка, керде, вургем, гармонь да молат. Предмет-влак «ойлышо» улыт. Пьесе мучко сортан образше палемдалтеш. Уштымо годым тудым чӱктат, вара тудын нерген мондат. Вес тӱня гыч толшо-влак сорта нерген ик гана веле огыл ушештарат.

Азырен пьесыш кердым кучен лектеш. Тудын полшымо дене герой спискыш пурышо еҥ-влакым черет дене вес тӱняш колташ толын коштеш. Тиде спискыжым тудлан Юмо кучыкта.

Действий Пошкырт кундемысе марий ялыште каен шога. Тидыжым йылме ойыртем гочат шижаш лиеш. Герой-влак шуко диалект шомакым кучылтыт. Мутлан, ыгай, шыйгыкташ, рыскал, курык, порык, высмылла да м. Персонаж лӱм-влакат действий кушто кайымым палемден кодат, фольклор материалат эрвел марийын.

Тӱс символикым ончалаш гын, антитензе семын палемдалтше ошо-шеме оппозициеш шогалман. Вес тӱня гыч «толшо-влак» чыланат ош вургемым чиеныт, лач Имангул гына шем вургеман.

Трагедий ден комедий элемент-влакым автор луген пуэн. Койдарчыкан эпизод-влак шкешотан улыт, нуно марий илыш йӱла дене кылдалтыныт. Илыш кунам-гынат колымаш дене пыта. Ты шот денат тудо трагедиян. Илыш тӱрлӧ тӱсан, айдемат тӱрлӧ шонышан, койышан. Шукыж годым айдеме илыш пӧрдемыштыже уда могырыш лупшалтеш, сай пелыш шогалаш вийым ок му, «куштылго» корно дене кая. Тышечак шотдымо койыш лектеш: арака деке шӱманҥаш, шолыштмаш, пуштмаш да молат. Тыге, пьесын ик геройжо шолышташ кая, а Сайналче кола. Амалже – сулык-языкыште.

Сынымутын чыла структурышкыжо сулык нерген шоныш шындаралтын. Тудын нерген реальный герой-влак ойлат, тидымак вес тӱня гыч толшо-влакат палемдат. Эшежым ты тӱнясе геройла шкештак кугу сулыкыш пурат. Айдеме илыш курымыштыжо шуко сулыкым ышта. Вес тӱняштат чылаж деч эрыкталт ок шукто.

Чыным виктарыше семын пьесыште Утым кува ден Утым кугыза сӱретлалтыт. Нуно илыш гыч пеш шукерте кайышылан шотлалтыт. Шуко ужыныт, чыла палат, сай ден осалым ойырен кертыт. Теве нунын ик ойышт: *«Узьмакыш логалме деч ончыч порсын шӱртӧ ӱмбач ошкыл лекшашет уло. А пытартыш ийлаште колышо-влак кокла гыч тӱжемлан иктыже веле тиде шӱртым эртен кертеш. А молышт тамыкыш шугалтыт»* [1, с. 141].

Мӧнгешла пуртен шындыме элементым действийыш моштен келыштарыме. Пытартыш сӳретыште Сайналчым тойымо йӳлам ончыктымо. Тудын чонжым вес тӳняш нагаяш тушеч лӳмын сӳан толеш. Ик семын, тойышо-влак шортыт, вес могырым гын – сӳан, тушеч налаш толшо-влаклан куан гына.

Автор айдеме койышын уда могыржым почын ончыкта, социальный йодышым нӧлталеш, калык илыш радамым нергела. Тӳҥ пафос семын йӧрдымӧ койышым тӳжвак луктын ончыктымым шотлыман. Илышысе быт трагедийым драматург комический йӧн дене почын пуа, тыгодым марий йӳлам моштен кучылтеш.

Литературӧ

1. *Абукаев В*. Сулык пыжаш // Ончыко. 2010. № 9. С. 129–173.

О.Г. Владимирова
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.С. ЮМАРТА-ЧЕКУШКИНА

Статья посвящена изучению многогранного творчества Виталия Семеновича Юмарта (Чекушкина).

Ключевые слова: *чувашская поэзия, «шестидесятники», Виталий Юмарт (Чекушкин).*

Творчество чувашского художника слова Виталия Семеновича Юмарта (Чекушкина) (1938–2013) относится к поэзии «шестидесятников». Как известно, «шестидесятники» – это интеллигенция 1960-х годов, выступавшая за обновление общества, проявлявшая национально осознанное отношение к тоталитарному режиму, боровшаяся за подлинные культурные ценности и человеческое достоинство. Данный феномен в культуре был характерным и для чувашской литературы.

Среди ведущих фигур чувашской плеяды «шестидесятников» были такие поэты и писатели, как Г. Айги, П. Эйзин, В. Юмарт (Чекушкин), Г. Юмарт (Трофимов), В. Егоров, В. Станьял, Н. Теветкель, М. Волкова, В. Эндип, М. Сениэль, В. Тимаков, Ю. Айдаш и др. Творчество чувашских «шестидесятников» впервые было изучено в диссертационной работе Э.В. Родионовой, которая ввела в научный оборот не только художественные тексты, но и документы, отражающие противоречия между новаторами и консерваторами в чувашской литературе 1960-х годов [2].

Своеобразным организационным центром чувашских «шестидесятников» стал студенческий литературный кружок «Шанчăк» («Надежда») при Чувашском государственном педагогическом институте имени И.Я. Яковлева. Старостой кружка был Валерий Егоров, который в то время вел дневниковые записи о встречах с яркими поэтами «оттепелевского» времени (В. Миттой, Г. Айги и др.). В 2009 году Виталий Юмарт опубликовал их в журнале «Тăван Атăл» («Родная Волга»). Вдохновленные молодые люди протестовали своим творчеством против господствующей в обществе душной атмосферы,

отказывались от традиционной шаблонной образности. За «неплакатные» стихи студентов-пятикурсников В. Егорова, В. Юмарта (Чекушкина) и Г. Юмарта отправили за пределы Чувашской Республики. Эти моменты их жизни нашли отражение в поэме Виталия Юмарта «Çул çинче» («В пути»).

В. Юмарт свою жизнь прожил в селе Старые Алгаши Ульяновской области. Работал учителем русского языка и литературы, истории и обществоведения, чувашского языка и литературы в Староалгашинской и Новоалгашинской средних школах, одновременно был директором, завучем Староалгашинской средней школы. С 1991 года являлся членом Союза писателей Российской Федерации. Подготовил учебник и хрестоматию по чувашской литературе для общеобразовательных школ. Является автором сборников стихов, а также ряда исследований чувашского фольклора, творчества классиков чувашской литературы. Опубликовал цикл статей по истории чувашской литературы. В 1992 году удостоился звания «Заслуженный учитель Российской Федерации».

На сегодняшний день еще не издан отдельный сборник стихов В.С. Юмарта (Чекушкина). Некоторые его стихотворения вошли в коллективные сборники «Çеçпĕл çеçкисем» («Подснежники») (1984) и «Çул курăкĕ» («Горица») (1993), также изданы в журнале «Тăван Атăл» («Родная Волга») (2008). Прожив нелегкую жизнь, поэт никогда не искал славу и известность. Уместно было бы привести воспоминания родной сестры поэта Виталины Семеновны Задоровой (Чекушкиной): «Мы с детства росли сиротой. Отец без вести пропал на войне, а мама из-за болезни рано легла в землю. После смерти матери Витта (так звали его дома) учился в пединституте. Даже на одежду не было денег. Даже если у нас в жизни были трудности, легкую работу мы не искали, честь не теряли…» [1].

Стихотворения и поэмы В. Юмарта пронизаны философскими мыслями, отличаются эмоциональной глубиной и чистотой. Лирический герой в его произведениях не отступает от своих идей, ищет и знает смысл жизни. Поэтому для него счастье не в материальном, а в духовном богатстве:

Мухтав улталĕ, чап астарĕ,
Мăнаçлăх тăвĕ пĕр-пĕччен.
Сăпайлăхпа чĕре кăварĕ
Ан уйрăлччăр пĕр-пĕринчен.
(Похвала обманет, известность заманит,
Гордость оставит одного.
Скромность и пламя сердца
Пусть не разлучатся никогда).

Творчество чувашского поэта Виталия Юмарта многогранно. Его поэзия отличается стремлением пробудить к жизни все лучшее, что есть в человеческих душах.

Литература

1. Личный архив *О.Г. Владимировой*.
2. *Родионова Э.В.* Этапы становления современного чувашского литературоведения в контексте региональной и отечественной литературно-

эстетической мысли второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол.наук. Чебоксары, 2016. 23 с.

Н.Э. Волкова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

«КУГАРНЯ» ГАЗЕТЫШТЕ САВЫКТАЛТШЕ КЫЗЫТСЕ МАРИЙ ОЙЛЫМАШЫН ТЕМЫЖЕ ДА ПРОБЛЕМАТИКЫЖЕ

Статья посвящена рассмотрению содержательной составляющей различных видов марийских рассказов, публиковавшихся в 2015 году в газете «Кугарня».

Ключевые слова: *марийский рассказ, газета «Кугарня», 2015 год, тематика, проблематика.*

Кызытсе марий ойлымаш посна книга ден да журналлаште гына огыл лукталтеш, тыгак тудо марий газетлаште кумдан савыкталтеш, мутлан, «Кугарня» газетеш. Тиде газет эн ондак самырык-влаклан пӧлеклалтын, садлан тушто возаш тӱҥалше автор-влакын сылнымутыштым ятыр ужаш лиеш. Тыгак «Кугарня» газетым калык еш дене лудшаш газет семын акла. Чыла тиде, мутат уке, тыште савыкталтше ойлымаш-влакын тематикышт да проблематике ойыртемышт нерген палдара.

Ойлымаш «геройын илышыж гыч ик але икмыняр событий дене палдарыше изирак кугытан прозо (лудыш) форман произведений» [2, с. 31].

2015-ше ийысе «Кугарняште» лекше ойлымаш-влакым содержанийым чоҥымо да сылнымут вид шот дене тыге тӱшкалаш лиеш: биографий сынан ойлымаш-влак; йӧратымаш нерген ойлымаш-влак; йоча-шамычлан возымо ойлымаш-влак; газетым лудшо-влакын ойлымаш формо дене возымо материалышт (мо ужмыштым да нунын дене мо лиймым ончыктышо повествований); писатель-влакын лӱмгечыштлан пӧлеклалтше лаштыкеш верандыме ондак савыкталтше але эше савыктыдыме ойлымаш. Нунын темыштым да проблематикыштым ончалына.

Кугу верым биографий сынан олымаш-влак налын шогат, шукышт очерк деке лишыл улыт: документ негызеш возалтыныт, публицистике стиль шижалтеш. Нунын негызышт да темышт – лӱмлӧ еҥ-влакын илыш корныштт; проблемышт-влак – илыш виянҥмаш, усталык паша, пашаште лекше надыр, паша пиал. Мутлан, «Мемнан кумирна» ойлымаш тӱшкаш пурышо произведенийыштыже Татьяна Айтова Даниил Страхов нерген воза, геройын биографийже дене кылдалтше тӱҥ факт-влакым пуа: 1993 ийыште кыдалаш школым пытарымеке, рвезе МХАТ-ысе школ-студийышке тунемаш пурен; студентше годымак, 1996 ийыште икымше гана киношто сниматлалтын да т. м. [1, № 11, с. 15]. Автор кугу тӱткышым айдемын илыш вийже да талантше дене кылдалтше проблеме-влаклан ойыра: *«Училище деч вара Страховым Гоголь лӱмеш театрыш налыт. Икымше рольжак спектаклыште князьым модаш»* [1, № 11, с. 15]. Ирина Кудряшова шке ойлымашыштыже Татьяна Кравченко нерген воза: *«Шукерте огыл «Россия 1» канал дене «Сваты» фильмын у серийже-влак ончыкталтыч. Кинофильмыште ик эн оҥай персонажлан Валентина Будьком шотлаш лиеш. Тудын рольжым Татьяна Кравченко модеш»*

[1, № 12, с. 15]. «Мемнан кумирна» тӱшкаш пурышо ойлымашлаште лӱмлӧ еҥ-влакын усталык корныш рашемдалтеш, талантыштлан кӧра кугу кӱкшытыш шумышт, чыла нелылык гоч эртен кертмышт нерген мут лектеш.

Кокымшо тӱшкашке йӧратымаш нерген ойлымаш-влак пурат, мутлан: «Вучаш товатлен, но…» (Антонина, Волжск ола); «Чонжым сусыртенна» (Наташа, Медведево район); «Кочо манеш-манеш» да «Йоҥылыш корно деч арален» (Миша, Шернур посёлко); «Пийын ава шӱмжӧ» да «Тудым пален ом нал ыле гын?..» (Ольга Сергеевна, Параньга район); «Шӱмбел дек тӱрлӧ семын» (Людмила, Звенигово) да молат. Пример шотеш Медведево район гыч Наталиян ойлымашыже гыч изи ужашым ончалына: *«Институтым тунем пытарымек, ик банкыш пашаш пурышым. <…> Икымше кече гычак пашалан кыртмен пижым. Кок кум тылзе жапыште чылаланат тунем шуым. Кажне йодмашым кӱлеш семын шуктенам, пашам шке жапыштыже да сайын ыштенам. Вуйлатышемлан тиде моткоч келшен. Тудо мыланем шукырак ӱшанен, моло пашаеҥ-влаклан пример шотеш шынден. Нуно тидым йӱштын вашлийыныт. Икана вуйлатышем дене коктын командировкыш кайышна. Документ пашам пытарымек, Аркадий Борисович кафеш ӱжын… Кас моткоч веселан эртен…»* [1, № 9, с. 14]. Тиде ойлымаш тӱшкан темыже – йӧратымаш. Тиде темылан келшышын тыгай проблеме-влак рашемдалтыт: йӧратымашын кугу вийже, йӧратымаш да еш илыш, пӱрымашын тӱрлӧ шӧрынжӧ, йӧратымаш да жап вашталтмаш, илыш вашталтмаш да еш илыш, йӧратымаш да ваш пагалымаш.

Йоча-шамычлан возымо ойлымаш-влак тӱрлӧ улыт: весела ойлымаш, йомак семын возымо ойлымаш, мыскара але быт сынан ойлымаш. Быт негызеш возымо произведений-влак коклаште Куженер район Шӱдымарий школын юнкор кружокыштыжо шочшо «Шарик» ойлымашым ончыкташ лиеш: «*Шыже. Вася мӧҥгыштӧ шинча. Окна воктеке лишеме – еҥ-влак поҥгым погаш каят. "Ала мыят поҥгым погаш миен толаш?" – шоналтыш. Рвезе кӱзым, ведрам нале, сайын гына чийыш да уремыш лекте. Шарик лӱман пийжым кычкырале. Тудо Вася почеш кеч-кушко каяш ямде»* [1, № 21, с. 11]. Тиде ойлымашыште быт сынан ситуаций семын поҥгым погаш каймым ончыктымо гын, Таня Кудрявцеван «Колюш» ойлымашыштыже тыгай ситуаций семын колым кучымаш ончыкталтеш: *«Колюш Карай коремышке кол кучаш кайыш. Крючокыш киндым керале. Кенета колварашке кугу кол керылте. Колюш кучымо колжым кочажлан кондыш. Коважат Колюшын кучымо колжылан куанен. Кумытынат кастене колым куанен кочкыч»* [1, № 22, с. 11]. Шукыж годым йоча ойлымаш пӱртӱс (янлык, кайык, кушкыл да т.м.) темылан пӧлеклалтын. Нуно йоча-влакын уш-акылыштым пойдарат, шинчымашыштым пеҥгыдемдат, характерыштым шуараш полшат. Нунын проблематикыштым тыгай йодыш-влак чоҥат: пӱртӱс да йоча илыш, тачысе технике (интернет, телефон) да айдеме, пӱртӱс моторлык.

«Кугарняште» профессионал але палыме марий серызе-влакын шагал огыл ойлымашыштым муаш лиеш, нунын темышт да проблемышт кумдарак, келгынракын рашемдалтыт. Зинаида Тимирбаева-Аршашын «Поланвондо» ойлымашыжым ончалына: «*Эслыкай эрдене эрак олма пакчаште шогылтеш. Урем велсе ломаш печышкыже энертен шогале. Пакчаже ямле, ик уда мутымат ойлаш огеш лий. Пураш – кӱкшӧ капка, воктеныжак – олмапу.*

Олмаже тыгыде гынат, путырак тамле, умшаште шула. Монча воктене шогышо пушеҥгын емыжше йошкарген кӱэш. Шеҥгелне, ломаш пече воктене, эн тамле олман олмапу. Йот рвезе-влак тутыш кӱрыштыт, пушеҥгыжымат тугат. Эслыкай ик жап вурседылеш, но вашке йӱкша, сусыргышо укшым эмла» [1, № 23, с. 7]. Тиде ужашыште ожнысо курымысо война жап ончыкталтеш. Ик могырым пӱртӱсын моторлыкшо сӱретлалтеш, вес могырым сусыргымаш проблеме нӧлталтеш (*«Йот рвезе-влак тутыш кӱрыштыт, пушеҥгыжымат тугат», «сусыргышо укшым эмла»)*. Пушеҥгым сусыртымаш гоч автор шучко сарыште сусыргымашым шарныкта.

Тугеже, «Кугарня» газетысе текст-влакым ончен лектын, тыгай иктешлымашым ыштен кертына: эн кугу верым йӧратымаш теме налын шога; йоча-влаклан возымо ойлымашлаште тӱҥ верыш пӱртӱс теме лектеш; нуно поян проблематике гоч рашемдалтыт.

Литератур

1. Кугарня. 2015. № 1–54.
2. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 80 с.

В.В. Галкина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

М. ИЛИБАЕВАН «КУГУ ТЫНЯ – ШЫГЫР ТЫНЯ» РОМАНЫШТЫЖЕ ТЫЖВАЛТЫСЫН ВЕРЖЕ

Статья посвящена анализу романа М.К. Илибаевой «Большой мир – тесный мир» в аспекте поэтики описания. В ней выявляются основные типы и функции портрета.

Ключевые слова: *марийская литература, М.К. Илибаева, роман, поэтика, описание, портрет.*

М. Илибаеван «Кугу тӱня – шыгыр тӱня» романыштыже описаний йӧн-влак кокла гыч тӱжвалтӱс кугу верым налын шога. Тӱжвалтӱс – тиде «тӱссӱретым чоҥымо ик йӧн: литератур геройын тӱжвалтӱсшым сӱретлен ончыктымаш, геройын койыш-шоктышыжым почын пуаш полша» [2, с. 59].

Персонаж-влакын тӱжвалтӱсышт гоч нунын ийготлан кӧра вашталтмыштым ужаш лиеш. Пример шотеш Микун образшым ончалына. Азаже годсо сын-кунжым автор тыге ончыктен: *«Изи азан каҥга йолжо кандырам пуналтымыла ӱмбала-ӱмбала возытат, чытырналтын, мӱшкыр ӱмбалан мундырала чумыргат. Тыгодым уло капше чымалтеш, йӱкшӧ пич кая. <…> Шужен ярныше аза шортын ярнат, нимом шиждыме гай лиеш, шинчажымат петыра. Тыгодым отат пале: ала мала, ала шкеже тыге кия»* [1, с. 6]. Мику ош тӱняшке илаш шочынат, илынеже – илаш права верч тудо шке йӧнжӧ дене кучедалеш. Кушмыжо семын Микун тӱжвалтӱсшӧ тӱвыт алмашталтеш: *«Тудо ынде кап-кыл денат, пӧръеҥ икшывылан келшышын, чык-чык пеҥгыдеме. Пӱйжӧ-влакат каштасе ош чыве-влакым шарныктен*

волгалтыт… Сӧрал эрге кушкеш! Уржа олым гай ошалге ӱпан, шинчаже чылт кандывуй пеледыш. Шыргыжал колта гын, чурийыштыже пуйто кечыйол модеш» [1, с. 124]; *«Ончылнышт мераҥиге манын мыскылаш йӧршӧ рвезе огыл, эсмаса латшым ияш жапысе капкылже денат таҥастараш лийдыме, эшеат кӱкшӧ могыран да лопкаҥше туп-вачан, илышын шере-кочыжым ужын шуаралтше чурийвылышан пӧръеҥ шоген: ныжылгын пелештыше, порын шыргыжше. Лачак шӱлыканрак канде шинчаже да ошалгырак ӱпшӧ Микум йоча жапше гыч пӧртылтен шарныкташ полшеныт»* [1, с. 251]. Икымше тӱжвалтӱс таҥастарымаш сынан. Кок портретшат сылнештарыме функциян улыт, тыгак нуно персонажын характер ойыртемжым палемдаш полшат, характерологический сомылым шуктат. М. Илибаева арамлан огыл Микун тӱжвалтӱсшым тыгай волгыдо, поро чия-влак дене сӱретла – тидыже тӱҥ геройын яндар, поро, волгыдо шӱм-чонан улмыжым ончыкта.

Автор шуко вере портретым иканаште кок тӱрлӧ сомыланым ышта, поснак шуко вере характерым чоҥымо да сӧрастарыме сомылым ваш уша. Мутлан, тиде Элян портретлаштыже шижалтеш. Ме тудын чон-яндарлыкшым ужына, тидын дене пырля автор ӱдырын моторлыкшым сӱретла: *«Ӱдыр ош висвисан, кандывуй пеледышан олыкыш лектын шогалешат, кава гай канде шинчаже, вач марте ловыкалтын кечалтше кечыйол гай волгыдо ӱпшӧ дене шкежат нунын дене пырля иктышке савырнымыла коеш»* [1, с. 314].

Веран пӧржмарийжым сӱретлыме годым тудын ойыртемалтше вургемжым палемдыме; тудын вургемже профессийжым веле огыл, а тыгак ойыртемалтше характержым ончыкта: *«Мику подъезд деч тора огыл такси воктен шогышо ош брюкан, йошкар пинчакан, шем кудыр ӱпан пӧръеҥым ончале. «Артист!» семынже гына шыдын шоналтыш»* [1, с. 401]. *«Вач марте кушшо ӱп, каҥгештше чуяка чурийвылыш, кужу пондаш, спортивный йолаш, а ӱмбалне – плащ гай кужу шем вургем. Но кушто эргын тӱсшӧ?»* [1, с. 423]. Юран кандаш ий авганыште йомын коштмыж деч вара пӧртылмекше, аваж ден Вачук ачажат иканаште пален кертын огытыл, лач кугу канде шинчаж гыч гына шке эргыштым пален налыныт.

Сӧрастарыме сомыл – тӱжвалтӱсын эн шуко гана вашлиялтше палыже. Мутлан, тыгай сомыл Настян – Веран ӱдыржын – портретыштыже шижалтеш: *«Настя тений латныл ийым темыш. Тугай мотор, чатка ӱдыр кушкын шогале гын… Тӱс дене аважым поктен: тугаяк шара шинча, ловыкалтше ошалге ӱп… Уке, Вера дечын ойыртемын моторрак. Мо дене гын? Койышыжо – кап-кылым модыктен, шкем кучымыжо, очыни – тӱс пелен ешартыш моторлыкым пышта…»* [1, с. 322]. Изобразительный сомылым шуко вере Андрийын портретше-влак шуктат: *«Кӱкшӧ спай капан. Кудыр шем ӱпшӧ салтак картузшын ик могыржо гыч лектын кержалтын. Изирак чока ӧрышым куштенат, кечывалвел кундемысе джигитла веле коеш. Уш поянлыкшын ӱлыкшӧ улмым от пале гын, тӱжвалтӱсшым ончен, эн-эн качымарийлан шотлаш тоштат»* [1, с. 185–186]; *«Картузшым ик ӧрдыжыш шынден упшалеш гын, вес ӧрдыж гыч шем кудыр ӱпшӧ ловыкалт шога. Шем ӧрыш, шинча йолт-йолт, чурий – шемалге-чевер»* [1, с. 277]. Санюн портретшат сӧрастарыме функциян: *«Саню тугаяк. Тугаяк кап-кыл, тугаяк чурийвылыш. Чурий манмаште, изиж годсо арваже йӧршынак ок палдырне. Эсогыл шышталгырак*

ўпшӧ шемеммыла коеш. Кап-кыл Санюн, чынак, спай» [1, с. 376].

Каласыман, М. Илибаеван романыштыже портрет шукыж годым геройын шонкалымашыжым, шижмашыжым ончыктымо дене пырля пуалтеш, тыге тудо психологический портретыш савырна.

Шуко вере герой-влакын портретышт авторын шке каласымыж гоч але Микун шонкалымашыже, шарнымашыже гоч пуалтыт, мутлан: *«Зухра шемалге мотор ыле, а тый ош чевер улат, ўпетат мыйын гаяк ошалге. Шинчат, векат, канде…»* [1, с. 236]. Тыге Мику, Верам тўслен ончалын, тудын тўжвалтўсшым сўретла, тудым Зухра дене танастара. Веран тўжвалтўсшым тыгак Розан шинчаже денат (несобственно-прямой ой формо гоч) ончыктымо: *«Роза ваштареш шогалташ гын, Верушат шке шотан сӧраллыкше дене ойыртемалтеш. Розан гаяк вияш да кўкшӧ кап-кыл… но Розан деч какширак докан. Ловыкталтын, вачышке вочшо ошалге ўпшӧ, шўдырла чолгыжшо канде шинчаже, но эн чотшо ўҥышырак, вожылшанрак койышыжо кеч-кӧнат кумылжым савыра – тидымат Роза шижде ыш код»* [1, с. 366]. Роза Верам шкеж дене танастарен шымла.

Микун шинчаж дене ужмаште Веран ачаже тыге коеш: *«Эре пўртўсыштӧ лийше еҥын веле чурий тыге кўын шемемеш. Ийготшо витлым эртен докан. Шотан еш оза улмыжо шижалтеш. Ончалтышыже да койышыжо шке икшывыже-влакым йӧратымыжым палдарат. Вургемымат ваштальтен чиен шуктен. Можыч, ваштальтыме огыл, ала кажне кечын тыге чияш йӧрата. Уке дыр, ош тувырым чиен, пасушко, пурак лоҥгашке, от ошкыл»* [1, с. 293]. Тыште тыгак тўжвалтўсын характерологический функцийжат раш палдырна.

Аркаш ден Юрикын портретыштым Элян шинчаж дене пуымо: *«Урем дене эртен кудалше машина йўкым колмек, адак тудын кудыррак вужга ўпшым, кўрен шинчажым пуйто ужын. Но раш колын, раш ужын шуктымеш ок лий, Аркашым шеҥгек шўкалын, Юрикшын канде шинчаже волгалтеш. Шкеже, ондаксылак пеле шыргыжалын, кидым шаралтен ӧндал колташ ямде шога»* [1, с. 355]. Кок персонажшат портрет рашемдыш полшымо дене сўретлалтыт.

Романыште чўчкыдын кок персонажын тўжвалтўсыштым тынастарыме, мутлан: *«Айдар – шем мотор йыгыт. Чолга онча лтышан шинчаж гыч порылык шыжа… Но ала-могай лукыштыжо чоялыкымат шылтыме шижалтеш. Шыргыжмыж годым ош пўй кашталаже шем мотор чурийжылан волгыдо тўсым пуртат»* [1, с. 491]. Тыге Айдарын характерже рашемдалтеш. *«А Семон вате гын шукертак пенсионер-влак радамыште. Туге гынат, пенсионер кува манын отат шоналте. Але пеш провор. Чурий начка. Кугече муно гай – чевер-яклака, кап-кыл – уржа мешак гай чыҥ-чыҥ пеҥгыде»* [1, с. 553]. Тиде портрет иканаште сӧрастарыме да характерологический сынан.

Иктешлен каласаш гын, тўжвалтўс М. Илибаеван «Кугу тўня – шыгыр тўня» романыштыже кугу верым налеш да тыгай сомыл-влакым шуктен шога: сӧрастарыме, характерым чоҥымо (характерологический). Тыгак южгунам персонажым ийгот, профессий могырым сўретлымаш палдырна. Тўжвалтўсым геройын шинчаж дене ончыктымаш психологический портрет улмо нерген ойлаш амалым луктеш.

Литературу

1. *Илибаева М.К.* Кугу тӱня – шыгыр тӱня: ныл книган роман. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2010. 672 с.

2. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 80 с.

Н.А. Григорьева, Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Г. АЛЕКСЕЕВЫН ЛИРИЧЕСКИЙ СЎРЕТЛАЖЕ: СЫЛНЫЛЫК ОЙЫРТЕМ

В статье раскрываются образы весны и лета в лирических этюдах Г. Алексеева, вошедших в его книгу «Краски родного края». Уделяется внимание художественным приемам и средствам создания этих образов. Подчеркиваются жанровые разновидности лирических рассказов, их гибридные формы.

Ключевые слова: *марийская литература, Г. Алексеев, лирические картины, образ, тропы, художественная деталь.*

Геннадий Алексеев марий сылнымутышто тале прозаик семын палемдалтын. Тудо «Шочмо вер – чевер» сборникышкыже идалык жаплан пӧлеклалтше ятыр лирический сӱретым пуртен. Статьяште шошо ден кенежын образешышт шогалына.

Шошо – пӱртӱс помыжалтме да пеледме жап. Шошын образшым автор тӱрлӧ могырым почеш: тудын сӧраллыкшым ончыкта, ялыште, посна озанлыкыште, чодыраште, пасушто мо вашталтмым сӱретла, кайык тӱня илышым тӱкалта, вольык нерген воза, йоча-влакын куаныштым почеш. Сылнымутчо чылажымат тӱткын эскера, ужеш, тидым ончыкташ тӱрлӧ чиям кучылтеш.

Писатель шке йырже мом ужеш, колеш – тӱткын шымла. Мутлан, книга тӱналтышысе «Шошо пайрем» лӱман изи да сылне пӱртӱс сӱретыштак Г. Алекссев онай танастарымашым ышта. Ойлымаш шошо пӱртӱс гыч тӱналеш, вара эркын-эркын корак ешын пыжаш оптымо сомылым эскерымашке кусна. Пытартышлан прозаик чылажымат айдемын илыш радамже дене танастарен сӱретла. Шошо пагытын ойыртемжым ончыкташ автор тӱрлӧ сылнештарыме йӧн-влакым кучылтеш: эпитет-влакым *(чевер шошо кече; ший энер*); метафор-шамычым (*кече шыргыж-воштыл эрта; кече малыше пӱртӱсым помыжалта, мландылан, калыклан, уло чонанлан илыш вийым, алым пуа, пӱтынь тӱням ылыжта; шӱргым шымата, аравам ӱда; шошо кече постом куа, сывыным чикта, пӱртӱсым тӱза*); танастарымашым (*пӧртыл толмемлан тумо пуйто йывыртен лывыртата; кече салма гай тӧр*) да т.м.

«Март» тылзе сӱретлымым ончалына гын, ужына: автор чӱчкыдынак «канде» шомакым кучылтеш: *«Канде шинчан ӱярня тылзе. Кава канде, канде лум. Шемемаш тӱналше лумышто – канде волгенче гай ӱмылка-влак. Канде йолгорно, канде корем»* [1, с. 255]. Возымыжо тӱс ойыртемлан поян. Тидыже

поснак кенеж пагытым сӱретлымаште палдырна. Автор кечым, кавам, чодырам, емыж-саскам, янлын-кайык-влакым тӱрлӧ тӱсым кучылтын палемда, чӱчкыдынак танастарен воза: *«Кандалге-сур каваште ош кече пуйто тарваныде кеча. Мланде конга гыч лукмо кинде сукыр гай шокшын пушлана. Чылажат ала-кушко иеш да тӱрлӧ тӱсын йолга, йолдыманда»* [1, с. 258]. Лудатат, шижат: тыге чучеш, пуйто чылажат тарванылеш, илыше йӱкым луктеш.

Авторын возымыжо описанийлан веле огыл, шонкалымашланат поян. Пӱртӱсым аралыме темылан поснак шуко («Корнывожышто», «Шочмо мландын шокшыжо»), ава нерген йӧратен сера («Ава – кече гае», «Кӧм тынар ужат?», «Аван энертышыже»), илыш нерген келгын шонкала («Шошо кече»), йоча тӱням шымла («Шырчыкын сугыньжо», «Мыят чонештем»). Теве осал енын пашаж нерген автор икмыняр шомакым гына каласа*: «Лачак йолгорно торлымо тураште лаштыра кож ложге шарлен шогалын. Вуйжым изиж годымак ала-могай осал чонан ең катен коден улмаш…»* [1, с. 122].

Г. Алексеев – тале мутсӱретче. Теве пушенге-влакым тыгерак ончыкта: *«Вокtенжак – шопке: кӱкшӧ-яшката капан, йымыжа-яклака тӱңан. Лышташыже-влак лым огыт лий – тутыш модыт, пӧрдын чытырат. Мардежшат уке, а нуно лый-лый, лыве-лыве веле койыт, шыве-шыве йӱкым луктыт, шке лышташ йылмышт дене ала-мом пешак лодымандат. Шопке деч изиш ӧрдыштырак сорта гай пӱнчӧ салтакла тура-рын шога. Укш-парчалаже-влак кумдан шарленыт, рӱдыжӧ шышталге-той, лӱсыжӧ ужарге-нугыдо тӱсан. Пеленжак – йытыра ош куэ, марлан кайышаш ӱдыр гай, вуеш шушо»* [1, с. 122–123].

Йыр улшо пӱртӱс мландын куатше дене виянеш: чодыраште эн тутло емыж-саска кушкеш. Геннадий Алексеев семынак «снеге», «энеж» шомакше пуйто шке тамышт дене муро семым йонгалтарат.

Прозаик, шочмо-кушмо вержын мотор пӱртӱсыжым, айдеме-влакым моктышыжла, ятыр топонимий, гидроним дене кылдалтше мутым кучылтеш: Энгерсола, Сукырэнер, Лапшэнер, Маршан курык, Кожлаер, Кугыер, Йӱштыгуп, Актазгуп да т.м. Коеш, возымыжо – шочмо вержылан мут пӧлек, таумут. Чылажат тудлан лишыл, тунар палыме да тунамак палыдыме. Кажне гана – у почмаш, у шоныш, у тат.

Жанр шотыштат тӱрлӧ сӱретым ончыкташ лиеш. Иктыже – йомак сынан («Шошо йомак», «Изи кож», «Март, апрель, май», «Энер помыжалтын»), легенде гай («Тыге легенде шочеш»), весышт – шарнымаш («Мӱндыр да лишыл», «Тошто школ», «Гармонь»), кумшышт – шонкалымаш («Пӧрт», «Шочат гын, илет?..»). Каласыман, шуко сӱретлаштыже тидыжат, тудыжат вашлиялтеш: описаний шонкалымашым шочыкта, легенде материал ойлымашышке пурен шинчеш, рассуждений шарнымашым виянда.

Литературт

1. *Алексеев Г.В.* Шочмо вер – чевер: Шӱмсем аршаш: лирический новелле-влак. Йошкар-Ола, 2000. 264 с.

Н.В. Гусева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ИССЛЕДОВАТЕЛИ О МАРИЙСКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу исследовательских работ о марийской малой прозе периода Великой Отечественной войны. В ней определяется вклад в изучение темы А.А. Васинкина, А.А. Асылбаева, И.С. Иванова, Р.А. Кудрявцевой.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, марийская литература, малая проза, марийское литературоведение.*

Проблема жанрового развития «военной» прозы волновала исследователей многих национальных литератур. В марийской литературной науке большой вклад в ее изучение внесли А.А. Васинкин, А.А. Асылбаев, К.К. Васин, С.Н. Николаев, И.С. Иванов. Наиболее подробный анализ «военной» прозы в ее исторической перспективе представлен в работах А.А. Васинкина. Несмотря на то, что его работы, в целом, выполнены в рамках традиционного, идеологизированного, подхода к исследованию содержательных компонентов произведений, им выявлены и скрупулезно описаны ее тематика и проблематика, выстроена историческая картина развития жанров. Особенно основательно проанализирован А.А. Васинкиным жанр военного романа в марийской литературе XX века [2].

Что касается конкретно марийской малой «военной» прозы и, в частности, малых форм в литературе периода Великой Отечественной войны, то данная проблематика в региональном литературоведении никогда еще не становилась предметом специального изучения.

Проза о Великой Отечественной войны в марийской литературе рождена самой военной действительностью, и в никакое другое время после войны она не имела такого размаха в писательских именах, жанровых формах, мотивном комплексе, как в первой половине 1940-х годов. В годы войны на первом плане оказались именно малые жанры, оперативно «осваивающие» новый жизненный материал: рассказы, очерки, фронтовые записки, зарисовки, дневники, репортажи с места событий, статьи. Рассказ как малая жанровая форма, активно взаимодействующий с другими малыми жанрами в рамках актуализированных свойств литературы в условиях войны (оперативность, агитационность, документальность, открытая публицистичность, синтез объективного и субъективного), становится эпицентром марийской литературы военного периода.

Между тем проблематика, пафосная сфера и поэтика (особенности сюжета, композиция, характерология, мотивная структура и т.д.) малых жанров в марийской прозе периода Великой Отечественной войне и о войне до настоящего времени остаются малоисследованной областью марийского литературоведения.

Однако отдельные аспекты данной научной темы время от времени актуализировались в исследовательских работах разных авторов в разные годы: в середине 1940-х годов – А.А. Асылбаевым [1] и С.Н. Николаевым [9], в 1960-е годы – И.С. Ивановым [5], в 1980-е годы – А.А. Васинкиным [4; 2], в начале

XXI века – А.А. Васинкиным [3] и Р.А. Кудрявцевой [6; 7; 8]. Вопрос о жанровой сущности малых жанров (рассказа, очерка) военных лет затрагивался в рамках создания (изучения) истории развития марийской литературы или отдельных ее видов и жанров. Так, краткий их обзор, в связи с выстраиванием общей истории развития марийской литературы, в целом, представлен в «Очерках истории марийской литературы» (часть первая, 1963) и «Истории марийской литературы» (1989). Проблемы жанра рассказа затрагиваются также в рамках исследования процесса становления и развития национальной прозы, ее повествовательных форм. Последняя тенденция весьма плодотворно апробирована в литературоведении других народов Поволжья, а также финно-угорских территорий Приуралья.

В статье А.А. Асылбаева «Отечественный война жапысе марий литература» [1] представлен анализ литературной деятельности марийских поэтов и прозаиков в годы Великой Отечественной войны. Характеризуя прозу военного периода, ученый указывает на отсутствие крупных (романа) и средних (повести) эпических жанров, более подробно останавливается рассказах и выделяет как достойные внимания рассказы К. Васина «Курган» («Курган», 1942), К. Скворцова «Сержантын ойлымашыже» («Рассказ сержанта», 1943), А. Очиева (Очий Ондре) «Костя, тол» («Костя, иди!», 1943), «Кок йолташ» («Два друга», 1944) и несколько рассказов Н. Лекайна.

В работе И.С. Иванова «Марийская литература периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [5] содержится уникальный фактический материал и подробнейший эмпирический анализ содержания произведений периода войны, в том числе малой прозы, который может стать хорошим подспорьем для изучения ее поэтики и для последующих теоретических обобщений.

Говоря о развитии и становлении военной марийской прозы, А.А. Васинкин в своей статье «Марийская проза о Великой Отечественной войне» отмечает, что марийская проза периода войны представлена публицистическими статьями, очерками и рассказами, путевыми дневниками. Он отмечает также синкретизм жанров малой прозы: «Жанровые признаки публицистики, очерка и рассказа объединяются в очерке-репортаже. Марийские писатели не думали о жанровых рамках своих произведений и писали очерки, похожие на рассказы, рассказы, близкие к очерку» [4, с. 111]. Он считает, что «для марийской прозы периода Великой Отечественной войны, в основном, характерен эпизодический показ действительности, что способствовало интенсивному развитию публицистики, очерка и небольшого рассказа» [4, с. 120]. А.А. Васинкин дает краткую характеристику военного рассказа и очерка. Говоря об очерках, он отмечает, что они «зачастую носили информационный характер, оперативно откликались на события. В них авторы знакомили читателей с подвигами земляков на фронте, рассказывали о труде тружеников тыла. Писатели описывали явления и события, имевшие место в жизни, чаще всего с точным указанием места и времени действия, с указанием имени героев» [3, с. 36]. Рассказы, по его мнению, отличались достоверностью информации, знакомили читателя с реальной военной действительностью и «стали своего рода летописью боевых событий» [3, с. 37].

Действительно, многие марийские очерки и рассказы одинаково носили репортажный, описательный характер. В жанровом, художественном отношении они еще не достигли совершенства, но их авторы активно знакомили читателей с жизнью, с героическими поступками людей. Так, по мнению С.Н. Николаева, «большинство рассказов, опубликованных в период войны на страницах периодической печати, носят информационный характер. Документальность и фотографичность были отличительной чертой марийских рассказов» [9].

Жанровое развитие военного рассказа рассматривает Р.А. Кудрявцева в своей докторской диссертации (2009) [6] и монографии «Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья» (2011) [7] как этап в развитии данного жанра в истории марийской литературы, выявляет некоторые особенности его жанрового содержания и жанровой поэтики. Она отмечает: «Изучение марийского рассказа усложняется многообразием теоретических дефиниций и классификаций, связанных с малыми повествовательными формами», от чего «напрямую зависит как разграничение рассказа с близкими, но отличными от него другими жанровыми структурами, так и установление самого времени формирования жанра и исторических стадий его развития» [7, с. 5].

Таким образом, в марийском литературоведении в том или ином ракурсе, контексте и объеме лишь затрагивались вопросы развития малых жанров прозы военных лет – либо в рамках изучения истории марийской военной прозы, либо в контексте всей марийской литературы 1941–1945 годов, либо в рамках исследования каких-то других проблем марийского литературоведения. Специальное и системное исследование жанрового развития и жанровой поэтики малой прозы периода Великой Отечественной войны на сегодняшний день пока не создано.

Литература

1. *Асылбаев А.А.* Отечественный война жапысе марий литература // Марий фольклор ден литература. Йошкар-Ола, 1945. С. 243–278.

2. *Васинкин А.*А. Героические годы: Жанр военного романа в литературах народов Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. 128 с.

3. *Васинкин А.А.* Марийская литература периода Великой Отечественной войны // Листая страницы войны: К 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Йошкар-Ола, 2005. С. 31–40.

4. *Васинкин А.А*. Очерки и рассказы марийских писателей периода Великой Отечественной войны // Проблемы жанра в марийской литературе. Труды МарНИИ. Вып. 47. Йошкар-Ола, 1981. С. 106–122.

5. *Иванов И*. Марийская литература периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Очерки истории марийской литературы. Ч. 1. Йошкар-Ола, 1963. С. 182–208.

6. *Кудрявцева Р.*А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: дис. … д-ра филол. наук. Чебоксары, 2009. 433 с.

7. *Кудрявцева Р.А.* Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 323 с.

8. *Кудрявцева Р.А*. Марийский рассказ XX века (история и поэтика жанра): монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2008. 208 с.

9. *Николаев С.Н*. Марий литература Отечественный война жапыште // Марий коммуна. 1945. 5 июль.

Г.А. Ермакова
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОЭМЕ П.П. ХУЗАНГАЯ «ПЕСНИ ТИЛЛИ»

В статье обосновывается мысль о том, что через ведущие мотивы поэмы П.П. Хузангая «Песни Тилли» представляется мифическое сознание. Анализируется мотивная и смысловая структура 56 песен, составивших поэму .

Ключевые слова: *чувашская литература, поэма, А.П. Хузангай, мифологическое сознание, мотив, пространство, время.*

Художественное пространство поэмы П.П. Хузангая, выполняющее особую роль в системе нравственных координат автора, определяет композицию поэмы, которое, как в сказках, основано на «пространственных перемещениях героя» [6, с. 97]. Герою, живущему среди тягот, бед, печалей, слез, следует выбрать свой путь. В его судьбе, как в мифологических историях, прочитываются как земные, так и небесные знаки: зарево, рассвет, Солнце указывают герою путь к свету; ручей, караван гусей, скрипка, пчелка, собака дарят ему возможность преодолеть трудности жизни. В поэме прослеживается мотив испытаний с «характерной для волшебной сказки» структурой [3, с. 212; 2, с. 41–47; 4, с. 407]. В поэме неоднократно использована лексема «огонь». Она служит для репрезентации мотива света – элемента мироздания, дарующего человеческому бытию жизненную основу. Огонь соединяет земной и небесный миры, в результате чего границы пространственного противопоставления исчезают, соединяются сакральное и профанное пространства. Свет, идущий с неба (сакрального пространства), входит через окна в дом, освещая его: «*Шурăмпуҫсем килеҫҫе шуралса»* (3) [8. Здесь и далее везде поэма цитируется по этому изданию, номера песен указываются после цитат в круглых скобках – *Г.Е.*].

Забрезжил свет предутренний в окне (перевод А. Казакова).
Забрезжил, белея, рассвет (перевод автора).
Рассвет приближается, белея (дословный перевод автора).

«Отсветы» домашнего огня падает на оконное стекло, которое начинает «играть», светиться:

Вут ҫутипе вылять пĕр чӳрече (3).
На стеклах окон отсветы огня (перевод автора).

Два огня – небесный и земной – встретились, образуя, таким образом, единое пространство. Представляет это автор с помощью глагола *килеҫҫе* (идут, приближаются). Следует обратить внимание также на форму множественного числа глагола *килеҫҫе*, а также существительного *шурăмпуҫсем* (рассвет, заря). Думается, что это сознательно использованный художественный прием. Во-

первых, П. Хузангай сообщает о том, что подобное явление происходит постоянно, т.е. вечно; во-вторых, форма множественного числа боле уместна, когда речь идет о том, что в дом проникает свет, идущий не от одного, а двух источников: утренней звезды Венеры и первых лучей солнца. Таким образом, поэт расширяет сакральное пространство. В нем свой ритм жизни: *ырă асанне* (бабушка по отцу) аккуратное повязывает голову *сурбаном* (женская головная повязка в форме узкого полотенца с вышитыми концами), «звук материнских шагов», «треск дров в печи», «запах подрумяненных блинов», «скрип калитки», утренняя дойка коровы, открывание клети невесткой, приготовление пива, звон ведер и т.д. Это пространство наполнено любовью, вниманием друг к другу: мать для всех печет блины, невестка накрывает передником лицо Тилли, таким образом, спасая его от укуса мух, все лелеют младшую сестренку – ее никто не будит, у нее все еще впереди, ей всего двенадцать лет. В этом пространстве все заботятся друг о друге, в нем присутствют цельность, общность, единство.

П. Хузангай показывает начало суточного ритма жизни – все совершается в свое время. Этот ритм осознается им как проявление вечности. В этом пространстве путь героя освещает свет звезды (элемент сакрального пространства):

Çунса выляня çăлтăр тӳпере (2).
В небе, играя, звезда горела (перевод автора).

В поэме видны следы древнего мировосприятия тюрков: «небо в виде купола прикрывает землю» [5, с. 538]. Так, в поэме читаем:

Çак пирĕн куç куран тӳпе,
Çак ӳпĕнтернĕ кăвак алтăр (34).
Небес прекрасных полотно,
Вот эта синева в зените (перевод автора).

Небо приближается к земле, «яркий луч сверкнул» – возникает космическая гармония, осуществляется Всеединство, поэтому лирический субъект произносит:

Мана тек ним те, ним те кирлĕ мар (3).
Мне больше ничего, ничего не надо (перевод автора).

Но зло не исчезает, оно материализуется в мифологеме «похищение»:

Лебедушкою милая была,
Невинную зачем земля взяла?
Наверно, стало ее тело
Теперь добычей земляных червей (17).

Мотив похищения имеет архетипическую основу.

Следующим сквозным мотивом является мотив воспоминаний. Он репрезентируется, в основном, через глаголы прошедшего времени»; такая форма глагола имеется почти в каждой песне. Данный мотив обозначается во второй песни глаголом *çуралнă*, он являет собой приход главного героя в этот мир:

Çуралнă эп матур (2).

Родился я пригожим (перевод автора).

Глагол повторяется четыре раза: «весною родился», «родился я под полною луной», «родился в сорочке». Таким способом поэт сообщает о важности появления человека на земле. Возможно, четырежды повторенный глагол сообщает о четырех циклах человеческой жизни: детство, юность, зрелость, старость. В третьей строфе, где глагол репрезентируется впервые, через лексические единицы *ачашлăх нĕрĕм пур* (балуют) художник слова, вероятно, сообщает о периоде детства – в нем родители еще балуют дитя. Второй раз глагол употребляется в пятой строфе:

Çуралнă эп çурхи чĕрлĕхпелен,
Кĕрленĕ эп кĕрхи кĕрлĕхпелен (2).
Родился я с весенним пробуждением,
Гремел я с осенней полнотой (перевод автора).

В этой строфе семантическая нагрузка иная: сообщается о расцвете сил – о молодости.

В третий раз указанный глагол используется в восьмой строфе:

Çуралнă эпĕ уйăх хăпарсан,
Ялпуç автан шăп çур çĕр авăтсан (2).
Родился я, когда луна уж поднялась,
Да петух деревни сообщил о полуночи
(перевод автора).

Через лексическую единицу *çур çĕр* (полночь), возможно, автор сообщает о половине пути, то есть о цикле зрелости.

В 11-й строфе с помощью данного глагола сообщается о цикле мудрости, о главном назначении этого цикла – сохранить ценности рода:

Ăру ăраскалне эп печченех
Тĕпекпеле çуралнă тĕнчене (2).
На счастье рода я один
В сорочке явился в мир (перевод автора).

Каждая строфа имеет свою звуковую наполненность: в третьей присутствует аллитерация со звуком ***у***, в пятой – ***ç***, восьмой – ***а***, одиннадцатой –***ă*** и ***е***.

Во второй песне с помощью глаголов прошедшего времени открываются следующие семантические поля: *кĕрленĕ* (гремел) – полнота жизни; *ураланнă* (пошел) – умение быть; *чĕлхе кăларнă* – умение вести речь; *çунса вылянă çăлтăр* – умение жить с искрой радости, с огнем в груди; *çӳнçе тĕпне пытарнă* – поиск счастья; *пытарнă вăл юрра* – поиск света, радости.

Через мотив воспоминаний представляется вечное время, в котором происходит «вечное возвращение» прошлого. В итоге прошлое, настоящее, будущее составляют одно целое, в этом целом живут герои поэмы, предания, обряды, верования, обычаи – весь миропорядок.

На долю Тилли выпало много испытаний, главное из них – испытание любовью. Он любит природу, родителей, родных, детей, односельчан,

возлюбленную, песню. П. Хузангай показывает любовь-диаду. Тилли – творец, созидатель. Но в то же время он охотник, а это означает, что в нем соседствуют, живут две полярности – творец и охотник, а охотник убивает зверя. И в этом проявились тонкость, глубина, философичность художественного мышления поэта. Он показал двойственную природу человека: человек есть существо земное и небесное одновременно. Он как дерево: корнями уходит в землю, но растет к небу. Онтологическое чувство – любовь – соединяет эти две составляющие мира и половинки человеческого «я»; она есть связующее звено между земной и небесной сутью человека. Сопоставление земного и небесного типично для мифопоэтической модели мира, оно представлено в поэме и в пространственном измерении (сакральное и профанное).

О земной любви Тилли говорится в 6-й песне:

Синеглазая ладошкой
Из окошка машет мне.
сама сняла передник…
В двух шагах была беда.
Но, хотя душа не ледник,
Я опомнился тогда (6).

О любви небесной читаем в 12-й песне:

Немятым беленьким платком
Любимая была…
Никем не ношенным кольцом
Любимая была… (12).

Тилли умеет любить чисто, глубоко, он испытал, как выразился С. Телегин, «пробуждение» [7, с. 136]. Эрос, как считает С. Телегин, связан с «пробуждением», «сексуальный же акт инстинктивен, он роднит человека <…> с животным миром <…> личность в нем механизирована» [7, с. 130]. Любовь Тилли космична, истинная любовь, как считает Н.А. Бердяев, должна быть «космической, сверхиндивидуальной» [1, с. 414]. Где любовь, там жизнь, а где жизнь, там и смерть, поэтому в поэме представляется оппозиция «жизнь-смерть», но в этой оппозиции побеждает жизнь. К жизни зовут «лесной ручей» (29), «яблонька» (1), «теплый дождик» (1), «синеглазая» (6), «возлюбленная» (12), «пчелка на пасеке» (36), «косяк гусей» (42), «скрипка» (47), «песня» (2, 22, 23, 29, 32, 40, 52, 53, 55).

Таким образом, мы можем сказать, что поэт и его герой являются носителями мифического сознания, обращенного к вечности и Всеединству.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества / вступ. ст., подгот. текста, примеч. *Л.В. Полякова* // Вопросы философии. М.: Правда, 1989. 608 с.

2. *Мелетинский Е.М.* Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии, 1991. № 10. С. 41–47.

3. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1994. 134 с.

4. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.

5. *Потапов Л.П.* Мифология саяно-алтайских тюркоязычных народов // Мифы народов мира: в 2 т. / гл. ред. *С.А. Токарев*. Т. 2. М.: Дрофа: БСЭ, 2008. 719 с.

7. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

8. *Телегин С.* Восстание мифа. М.: Век, 1997. 192 с.

9. *Хузангай П.* Песни Тилли // *Хузангай П.* Собрание соч.: в 4 т. Т. 1. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. С. 406–444.

Е.В. Ефремова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Г. ЕФРУШЫН ПРОЗЫШТЫЖО ТЎЖВАЛТЎС ПОЭТИКЕ

Статья посвящена выявлению видов и художественных функций портрета в очерках и рассказах марийского писателя Георгия Ефруша.

Ключевые слова: *марийская литература, Г. Ефруш, очерки и рассказы, поэтика, портрет.*

Статьян цельже – Г. Ефрушын прозыштыжо тўжвалтўсын тўшкаже-влакым да сылнымут сомылжым рашемдаш. Тидын шотышто писательын творчествыжым йöршын лончылымо огыл.

Тўжвалтўс – «тўссўретым чоҥымо ик йöн: литератур геройын тўжвалтўсшым сўретлен ончыктымаш, геройын койыш-шоктышыжым почын пуаш полша [2, с. 59].

Г. Ефруш кумдан да пайдалын кум тўрлö тўжвалтўсым кучылтеш: описаний сынаным, таҥастарымашаным да психологизм сомыланым. Сылнымутчын очерк ден ойлымашлаштыже эн шуко верым описаний сынан да таҥастарымашан тўжвалтўс налын шогат. Тыгай тўжвалтўсышто автор сылнештарыме йöным ятыр кучылтеш.

Описаний йöн дене сылнымутчо айдемын тўжвал сынжым раш умылтарен пуа. Мутлан, тыгай тўжвалтўс персонажын ийготшым ончыкта: *«Вот тыге ожсек мерчыше тиде ялыште Тупай ила. Тудо але рвезе, пеҥгыде, кўжгö капкылан, йытыра шўргывылышан качымарий. Сурт манмаште ик вич аршынан монча гай пöртшö, вольык гыч ик ушкал, еш шот гыч лачак аваже»* [1, с. 20]. Вес примерым ончалына (тудо тўҥ шотышто сылынымут рашемдыш-влак полшымо дене чоҥалтын): *«Ершов Терентей лапкарак капан, лопка туп-вачан кугыза. Кутырымашыж гыч да сынже гыч чынак шоҥгын коеш, но койышыж ден шинча ончӓлтышыже гыч ончӓмаште – рвезынак веле койын колта. Вет шоҥго-влакат тўрлö лийыт. Ик тўрлыжö – кугун кутырыдымо, вес тўрлыжö – шыде койышан, кумшыжо – йомакзе, весела»* [1, с. 35–36]. Тудо персонажын могай улмыжым ончыкта. Тўжвалтўсын тўҥалтышыже изобразительный сомылым шукта (*лапкарак капан, лопка туп-вачан кугыза)*, но умбакыже тудын сомылжо вашталтеш: ынде тудо персонажын характержым ончыкташ полша, характерологический функцийым шукта (*шоҥгын коеш, но койышыж ден шинча ончӓлтышыже гыч ончӓмаште – рвезынак веле койын колта)*. Г. Ефрушын персонажше тўжвал сынже да ийготшо дене шоҥго гынат, чонжо дене самырык шўлышан улеш.

Таҥастарымаш сынан тӱжвалтӱсым автор чӱчкыдын персонаж нерген произведенийыште икымше гана ойлымо годым кучылтеш. Шукыж годым нунын тӱҥ задачышт – айдемын могай улмыжым (чон моторлыкшым, характер ойыртемжым), персонажын состоянийжым рашемдаш. Мутлан, шоҥго кочайын илышыжым автор пушеҥге дене, пашаче калыкым ош комбо дене таҥастара (характерологический функций), тудын деке авторын отношенийжым ончыкта (идейно-оценочный функций). Персонажын тӱжвалтӱсшӧ чылт пӱртӱс явлений-влак дене косвенный таҥастарымашыште шочеш: *«Терентей кугызат шочын-кушкын, ожнысо шем тӱняште тӱрлӧ орлыкым ужын. ЫІнде у кече шочмо дене шоҥго пушеҥгыланат у илыш пӧртылын, тудын илыме тӱняжым эр ӱжара годымсо гай лай юж леведын. Тыгай годым тошто тумынат лышташыже нерештеш»* [1, с. 37]. Терентей кугызан капше да илышыже шоҥго пушеҥге гаяк. Кузе тошто пушеҥгылан у кече дене илыш пӧртылеш, кугызанат илышыже орлык деч вара тӱзлана. Шӱмышкыжӧ угыч лай юж пура. Тиде йӧратымаш кумыл. Тудо калыкмут дене иктешлалтеш: «*тошто тумынат лышташыже нерештеш».* Таҥастарымашан тӱжвалтӱс тыге эше психологический сомылым шукта.

«Пытартыш единоличник» ойлымашыште Епишын образшым чоҥымо годым автор икмыняр таҥастарымаш сынан тӱжвалтӱс рашемдыш-влакым кучылтеш: *«А таче Епиш мушкындыж дене ыш мод. Ӱстел коклаште шке шотшо дене ала-мом вӱдылын, ночко презе гай шинчылте, ала-кӧм вурсыш, мӱгырыш. Вара, шыдыжым чумырен, пӱйжым шытыр-р пурльо, ӱстембалым мушкынден шындыш»* [1, с. 32]. Ик рашемдыш авторын персонаж деке отношенийжым палемда (*ночко презе гай шинчылте)*, весе (*шыдыжым чумырен, пӱйжым шытыр-р пурльо)* тудын характер ойыртемжым (уда койышан, шыде, пӧръеҥ тӱсым йомдарыше айдеме) веле огыл, тыгак тудын кӧргӧ состоянийжым ончыкта.

Г. Ефрушын прозыштыжо поснак шуко психологизм сынан тӱжвалтӱс рашемдыш-влак палдырнат: *«Мыйын уло ик йолташ. Лӱмжӧ тудын Сидыр. <…> А вот кунам тудын лушкыдо верже гыч тӱкалтет, тудо тунамак пунжым шогалта. Шотдымын йошкарга, сыра*» [1, с. 28] (геройын нервозный состоянийжым, сырымыжым ончыктат); *«… молым Епиш ыш пелеште. Ӱдыржым ача семын ончале, вара ӱстембаке сусыргышо лев семын вуйжым пыштыш»* [1, с. 32] (рашемдыш-влак Епишын неле кӧргӧ состоянийжым умылтарат. Ик шот дене тудо шке намысшым умыла (тудым арака моткочак локтылеш), ӱдыржылан ача семын лийнеже («*Ӱдыржым ача семын ончале…»*), мутланымаште ласкан «ӱдырем» манын колта, но арака деч утлаш тудлан тӱжвал да кӧргӧ вийже ок сите, тудо ешыжлан оза огыл, сусыргышо, нимо ыштен кертдыме янлык гай ила (*«ӱстембаке сусыргышо лев семын вуйжым пыштыш»).* Психологий сынан рашемдыш шукыж годым «кӧргӧ жест» семын пуалтеш, мутлан: «*Ошкылеш. Коклан шоҥго алашаже семын йорталтенат налеш, адак кая-кая да кӱсенжым пералтен онча… адак ошкылеш. Парняжым шаралталын, ала-мом умша коклаштыже кутыралтен колта, шыргыжалеш»* [1, с. 34]. Епишын куаныше чонжым автор тыгай психологий сынан рашемдыш-влак гоч ончыкта: йорталтенат налеш; кӱсенжым пералтен онча; парняжым шаралталын, ала-мом умша коклаштыже кутыралтен колта, шыргыжалеш.

«Көргö жест» семын Г. Ефрушын прозыштыжо персонаж-влакын кузе ойлымышт, движенийышт, мимикышт палдырна.

Иктешлен каласена: описаний сынан тӱжвалтӱс шукыж годым персоажын ийготшым ончыкта, тыгак изобразительный да характерологический сомылым шукта; танастарымашан тӱжвалтӱс персонажын характержым да көргö состояниймым рашемда; психологизм сынан тӱжвалтӱс рашемдыш-влакын полшымышт дене чоналтеш, нуныжо шукыж годым «көргö жест» семын палдырнат.

Литератур

1. *Ефруш Г.* Шошо. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1975. 190 с.

2. Кудрявцева Р.А, Рябинина М.В. Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче термин мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай: Ассоциация финно-угорских университетов; NHCollegiumFenno-Ugricum, 2011. 80 с.

Т.И. Зайцева

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

ТРАДИЦИОННАЯ И АВТОРСКАЯ СИМВОЛИКА ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМАТУРГИИ Е. ЗАГРЕБИНА)[*]

На примере пьес Е.Е. Загребина в статье рассмотрены особенности символических образов в удмуртской драматургии 1960–1980-х гг. Изучена роль символики войны в художественных поисках, в раскрытии нравственно-философской проблематики произведений.

Ключевые слова: *удмуртская драматургия, образная поэтика, символика войны, нравственно-философская проблематика, художественность.*

Литературоведы справедливо отмечают, что ясность и четкость выражения общественно-политической позиции, характерная для удмуртской драматургии 1920–30-х годов, в пьесах «шестидесятых-восьмидесятых» заменяется вниманием к вопросам развития национального характера в новых исторических условиях [См.: 5]. Примечательной стороной многих пьес тех лет становится активное обращение авторов к художественной символике. Если драматургия военных лет широко использует приемы открытой публицистики, ораторские обороты, декламационные и песенные интонации, то сосредоточенность литературы послевоенных десятилетий на образах-символах обусловливает разработку сюжетов, нацеленных на обобщение динамики мыслей и чувств персонажей, способствующее философскому осмыслению жизни. Общеизвестно, что символисты многозначность и иносказательность символа связывали с постижением «философской мысли своей эпохи» [3, с. 314], со способностью литературы «показать во временном вечное» [1, с. 236]. К сожалению, работ, посвященных изучению образов-символов в творчестве

[*] *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-14-18005.*

удмуртских драматургов, впрочем, как и в национальной литературе, в целом, нет.

Поиски удмуртской драматургией рассматриваемого периода новых художественных средств, адекватных современности, ее стремление расширить смысловое наполнение традиционной символики весьма своеобразно проявляются в пьесах «Тулыс зор» («Весенний дождь», 1961) и «Тодьы юсь» («Белая лебедь», 1967) Е. Загребина (1937–2015). Следует заметить, что это был один из самых популярных драматургов в театральной жизни республики 1960–1980-х годов. Богатство и гибкость внутренних возможностей символа позволила Е. Загребину использовать его в широком диапазоне, от индивидуальной конкретики до абстрактно-философских категорий. В его пьесах есть сквозные символы, общие либо для целого периода творчества (например: «Кикы нош силе но силе...» – «А кукушка все кукует и кукует...», 1998), либо для отдельного произведения, являющиеся своеобразным центром художественного обобщения. Также в загребинских пьесах немало эпизодических деталей, мотивов, знаков, выполняющих частные функции, которые одновременно уточняют и расширяют смысл конкретных картин и событий, помогают рельефнее выразить художественный замысел. В данной статье сосредоточим внимание на некоторых, наиболее важных, образах-символах в названных выше пьесах Е. Загребина.

Первоначальный вариант пьесы «Тулыс зор» был написан выпускником-студентом удмуртской студии Ленинградского театрального института Е. Загребиным для своих сокурсников в качестве дипломной работы. Безусловно, к зрителю она пришла в доработанном виде после некоторых обсуждений и дебатов. Итак, в пьесе говорится о послевоенных тяготах колхозного крестьянства, впервые в удмуртской литературе автор проявляет особый интерес к обездоленным женским судьбам. Необходимо отметить, что спектакль получил хорошую оценку в зрительской среде республики, особенно со стороны творческой интеллигенции. К примеру, заслуживает внимания цитата из воспоминаний известного удмуртского писателя Ф. Пукрокова: «В жизни удмуртского театра эта пьеса стала "весенним дождем". Зрители почувствовали свободное дыхание драматурга» [6. Пер. с удм. здесь и далее везде наш. – *Т.З.*]. Действительно, название пьесы многозначно, через мотив «весеннего дождя» драматург соединяет «производственное» и «личное», происходит развитие образа от художественного воссоздания закона природы к закону жизни вообще.

В центре пьесы – судьба Антона Ломаева, ставшего вскоре после войны председателем колхоза. По ходу действия пьесы раскрывается подлинная суть героя и суть событий, происходящих в деревне. Оказывается, это совсем другой человек, Петров Иван Иванович, раскрыть которого удается Илье Богатыреву. Из-за его ошибки во время войны Богатырев попал в фашистский плен, затем – проверочно-фильтрационные лагеря. В подобной ситуации литература прошлых лет разоблачала и наказывала предателя. В пьесе Е. Загребина идет борьба за человека; позиция автора – человек может заблуждаться, совершать ошибки, но надо вовремя прийти ему на помощь, поддержать, помочь найти верный выход из ситуации. Примечательны слова фронтовика Богатырева, которые заставляют зрителя задуматься, взглянуть другими глазами на идеологию недавнего

сталинского периода: «*Вот ольха теряет свои листья, а с приходом весны появляются новые листья, она обрастает свежими ветками. Дерево обновляется, продолжает жить и называться ольхой же»* [4, с. 36]. Человек – часть природы, он тоже может возродиться, воскреснуть, обновиться.

В контексте рассуждений особо значима финальная сцена пьесы – тушение пожара на колхозной ферме. Достаточно традиционный прием «аварийной» ситуации, характерный для произведений производственной тематики тех лет, Е. Загребин использует для примирения героев, разъединенных историческими событиями. Беда, как и в военные годы, вновь сближает людей разных судеб и социальных положений. На стороне истины и справедливости сама природа, весенний дождь не только помогает людям потушить пожар, но и очищает каждого из них от тех или иных провинностей. «Омытые» огнем и водой, Илья и Антон снова обретают друг друга, раскрываются лучшими чертами своих характеров. Антон, рискуя жизнью, выносит на руках обгоревшего Илью с пожара. Огонь и вода в пьесе «Весенний дождь» становятся символами, очищающими человека.

Современному зрителю может показаться странным, что непритязательные житейские и производственные ситуации, воспроизведенные в этой пьесе, могли иметь большой успех. Но если вспомнить персонажей удмуртской литературы эпохи «теории бесконфликтности», то активная реакция зрителей на пьесу Е. Загребина «Весенний дождь» понятна и обоснована. Хорошо «обкатанная» в нашей литературе оппозиция «старое – новое», предполагающая конфликт между старой и новой жизнью, в процессе драматургического действия получает нравственную и философскую содержательность. Образ-символ «весеннего дождя», соотносимый с понятием «новое», также придает пьесе лирическое настроение и личностное начало. Лиризм пьесы, в свою очередь, обусловливает то, что зритель верит в искренность и естественность чувств героев, и, прежде всего, Антона Петрова, в его эмоциональное состояние, внутреннее изменение.

В сюжете драмы «Белый лебедь», наряду с известными общественными и социальными проблемами того времени, значительное место занимает частная жизнь современника; в нем заметно тяготение удмуртской драматургии к эстетическим принципам обобщенного и условного воспроизведения окружающего мира и человека. Как и в первой пьесе, в «Белом лебеде» символично само заглавие произведения, служащее раскрытию ведущей концепции текста. Поиски автором новых приемов построения драматического произведения, его идея защиты эмансипации деревенской женщины не были полностью поняты и приняты его современниками: «Действие пьесы проходит за один вечер. Поэтому за такое короткое время трудно раскрыть характеры и мысли человека», – писал один из зрителей тех лет [7].

В пьесе «Белый лебедь» «за один вечер» раскрывается не простая судьба сельской девушки Онись, мечтающей о семейном счастье, хорошей профессии, уважении односельчан. Все мечты рушатся в одночасье, девушка остается совсем одна: умирает мать, от обманутой женихом Онись отворачиваются родные, друзья, знакомые. Драматург «выставляет» на суд зрителя не столько традиционную проблему несостоявшейся деревенской свадьбы (прием

«неожиданного происшествия»), сколько приглашает его поразмышлять над вечными вопросами стойкости человеческого духа. Эта пьеса, скорее всего, о бесценном умении человека отдавать себя другому. Выдержать испытания судьбы помогает героине пьесы демобилизованный моряк Юрий Олин.

Заглавие пьесы имеет иносказательный смысл. С одной стороны, понятие «белый лебедь» относится к героине, с другой – его смысловое значение шире, объемнее, оно перерастает в символическое обозначение. Это символ человеческой чистоты, порядочности. Словосочетание «белый лебедь» звучит в пьесе как лейтмотив, обозначающий вечное стремление человека к одухотворенной жизни. В своих высших ассоциациях образ взывает к обретению более многогранного взгляда на человеческие взаимоотношения. Незримо связан с понятием «белый лебедь» и Олин, поскольку он – защитник Отечества, граждан своей страны, нравственных традиций народа (лебедь – особо почитаемая у удмуртов птица).

Е. Загребин сумел создать на материале современной действительности пьесы, отражающие конкретные жизненные противоречия и одновременно расширяющие «поле» драматургического действия, переключающие внимание читателя на «глубинные основы характера современного человека и его философские искания» [2, с. 13]. В этом смысле он плодотворно развивал новаторские поиски удмуртской драматургии 1960–1980-х годов.

Литература

1. *Белый А.* Арабески: кн. ст. М.: Мусагет, 1911. 501 с.

2. *Беляева Т.Н., Кудрявцева Р.А.* Поэтика марийской драматургии начала XXI в. // Финно–угорский мир. 2014. № 1. С. 12–16.

3. *Волынский А.Л.* Борьба за идеализм: крит. статьи. СПб., 1900. 542 с.

4. *Загребин Е.Е.* Тулыс зор: пьесаос, веросъёс. Ижевск: Удмуртия, 1997. 415 с.

5. *Зайцева Т.И., Ившина М.В.* Фольклорная основа комедий удмуртского драматурга В. Садовникова // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011. С. 137–140.

6. *Пукроков Ф.П.* Театрлэн матысь эшез. Е. Загребинлы – 50 арес // Сов. Удмуртия. 1987. 4 июль.

7. *Тронин П.* Кылем арын куд-ог потэм пьесаос сярысь // Сов. Удмуртия. 1965. 29 янв.

А.М. Закирзянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

ЭХО ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Современная татарская драматургия активно обращается к теме войны. Для раскрытия своеобразного литературного мира этих произведений авторы обращаются к символам и художественным деталям, к мотивам военных песен, мелодий и памяти своих героев.

Ключевые слова: *татарская драматургия, война, память, поэтика, конфликт, мотив, символ, жанр.*

Тема Великой Отечественной войны, ставшей незаживающей раной народа, нашла заметное отражение в татарской драматургии, обретя воплощение в виде поучительных событий и явлений, раскрывая сквозь призму жизни неординарных героев страшную трагедию войны, все мыслимые горести и беды тех лет, героизм фронта и тыла. Поэтому сегодня мы с глубоким уважением вспоминаем имена литераторов, которые в сценических произведениях военных лет и в послевоенный период обращались к этой теме – это Н. Исанбет, М. Амир, Р. Ишмурат, Т. Гиззат, А. Файзи. Х. Вахит, И. Юзеев, Т. Миннуллин и др. С течением времени всё меньше остается тех, кто участвовал в Великой Отечественной войне и на своих плечах вынес все её тяготы. Поколение, не увидевшее и лично не пережившее трагические события, обстоятельства и все перипетии той войны, не в силах убедительно отобразить её. Поэтому тема войны в татарской литературе, в том числе и в драматургии, находит преломление как своеобразное эхо, отозвавшееся в судьбах людей [1, с. 386–387].

Мелодрама Радифа Сагди «Сломанный браслет» (1993) – одно из ярких произведений этой тематики, снискавшее большой успех на сцене театра им. К. Тинчурина. В пьесе раскрываются психологические переживания солдата, которому не довелось вернуться с войны в родные края. Обращение автора к новой для татарской сценической литературы теме, мелодраматический дух, оригинальное содержание, переплетение в канве сюжета основных эпизодов с музыкой и песнями, раскрытие поучительной судьбы татарского человека сквозь призму национальных свойств и характерных признаков придает особое звучание произведению, оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя и зрителя. Песня же, обретя символическое значение, воплощает собой притяжение родной земли. В песне Фагили, всю жизнь пребывавшей в ожидании мужа Мифтахутдина, выражаются и тоска с печалью, и надежда с верой, и тревога вкупе со страданием, и душевная боль, скрываемая бесконечным терпением. Все события в пьесе между собой скреплены и соединены символикой сломанного браслета. Браслет – символ любви Фагили и Мифтахутдина. То, что он оказался сломанным, служит своеобразным намеком на разлуку, на мысль о том, что любовь принесет им одни лишь страдания и горе. Успешное использование разных приемов психологизма, раскрытие душевного состояния и переживаний героев посредством топосов дома и дороги, а также создание очень близких читателю образов Хафиза, Зиннура и Мифтахутдина обусловили долгую сценическую жизнь этого произведения.

Своеобразное отображение человеческих страданий и душевных ран, нанесенных войной, мы встречаем в мелодраме Р. Сагди «Бахчисарайские цветы» (2006). Обратившись к трагедии крымских татар, 17 мая 1944 года изгнанных из родной земли, и взявшись за тему, доселе остававшуюся вне поля зрения собратьев по перу и долгие годы находившуюся под запретом, автор сумел раскрыть, что пережитые нашими близкими сородичами несчастья имеют долгий болезненный след и по сей день являются кровоточащей раной. Пьеса Р. Сагди, привлекшая внимание к судьбе крымских татар, тем самым обретает общественное звучание. Пьеса, где доминирует публицистическое содержание,

звучит как бы эхом трагедии крымских татар, призывая осознавать, какую опасность представляют собой сталинизм и его продолжатели, и оставаться верными идеалам свободы, справедливости и истины.

Драмы Д. Салихова «Остановка в пути» и «Наши судьбы», отображающие глубокий отпечаток, оставленный войной в человеческих судьбах, считаются определяющими творческое лицо литератора. Грустная драма «Остановка в пути» привлекает внимание тем, что раскрывает горькие истины сегодняшней действительности. Событие, лежащее в основе сюжета пьесы, заключается в следующем: старик Шайхулла, направлявшийся навестить своего друга-фронтовика, на железнодорожном вокзале набредает на компанию воров. Поверив их ложным обещаниям, он идет за ними. А наутро, проснувшись, он замечает, что лишился и денег, и документов. Испытывая только равнодушие и унизительное отношение к себе со стороны сотрудников милиции, а также прохожих на улице, он оказывается в безвыходном положении. Он начинает искать ответ на вопросы: почему мы такие? отчего мы утрачиваем лучшие человеческие качества? Старик Шайхулла, трижды раненный в ходе Великой Отечественной войны, удостоившийся многочисленных орденов и медалей, а потом всю жизнь выращивавший хлеб на родной земле, привлекает внимание как персонаж с ярким национальным характером. Он отличается наивностью, простотой и обыденностью, верой в людей и отсутствием сомнений в своей правоте, просто рассуждает о «больших» понятиях с точки зрения здравого смысла и опыта прожитой жизни. То, что такой чистый в помыслах, отзывчивый старик был ограблен и унижен ворами-татарами, обретая некое символическое значение, ещё больше усиливает душевную боль персонажа и автора. Таким образом, показывая нередкие проявления таких качеств, как душевная черствость, жестокость, безнравственность, отвращение к труду, равнодушие, «драматург предупреждает нас об опасности, грозящей обществу» [3, с. 100].

В своей драме «Наши судьбы», насыщенной глубокими эмоциональными переживаниями, свойственными мелодраматическим произведениям, где действия сопровождаются песней и музыкой, Д. Салихов убедительно раскрывает, как полученные во время войны телесные, а более всего душевные раны, и в наши дни не дают покоя, приводят к серьезным испытаниям и даже к противоречиям. Отношения Салимгарая, Маръяма и Саубана – это не просто обыкновенный любовный «треугольник» , а суровое жизненное испытание, стихия судьбы, звон от прикосновения к самым тонким струнам человеческих взаимоотношений, столкновение и замирание их, обернувшись обидой, глухой тоской и печалью. Автор не скрывает своего уважения к этим героям, сумевшим преодолеть жизненные невзгоды и противоречия, сохранив при этом спокойствие, сдержанность и другие прекрасные человеческие качества. Протекание событий в пьесе в двух пластах позволяет во всей глубине осознать тесную связь прошлого и настоящего.

З. Хаким жанр своей пьесы «Немая Кукушка» определяет как «театральный роман». Для татарской сценической литературы это совершенно новый жанр. Перед нашим взором разворачивается чрезвычайно противоречивая, полная интриг, поучительная судьба Зарифа, прозванного Немой Кукушкой. Хотя заложенный в пьесе конфликт, его развитие и динамика

связаны с войной между СССР и Финляндией, тем не менее его невозможно рассматривать в отрыве от Великой Отечественной войны. Вкратце фабула сюжета такова. Воюющий на стороне Финляндии снайпер Зиятдин, несмотря на то, что имел полную возможность, не стреляет в советского солдата Зарифа, который сидел и напевал старинную татарскую песню. Позднее выясняется, что он родом из Татарстана, вырос на берегу Камы. Более того, эти двое «врагов» знакомятся между собой и вместе затягивают любимую обоими татарскую народную песню. За этим занятием их застают советские солдаты и обоих берут под стражу. С того времени в судьбе героев происходят резкие перемены, причиняющие им неисчислимые страдания и горести, возбуждающие в душе читателя и зрителя острые вопросы. Почему вражеский солдат не выстрелил в Зарифа, напевавшего татарскую песню? Почему двое татарских парней, воевавших по разные стороны линии фронта, ищут пути облегчения судьбы друг другу? Ответы на эти вопросы автор ищет в действиях, поступках, чертах характера героев, в их отношении друг к другу, к окружающим, образу жизни и всецело к судьбе народа. «В понимании и раскрытии концепции автора весьма важное место занимает образ Зиятдина. Молодой человек, гордившийся тем, что является гражданином Финляндии, в то же время считает себя полноправным представителем татарского народа. Знание языка предков, изучение татарского музыкального и песенного богатства для него является настоятельной потребностью души» [2, с.17]. Вот почему татарская песня для Зиятдина – это очень святое, сакральное понятие, не признающее ни географических, ни политических, ни иных формальных границ. Если есть желание познать исконную суть и дух татарской песни, то нет такой силы, которая смогла бы воспрепятствовать этому, считает он. Парни выросли в разных странах, однако Зариф и Зиятдин едины в этом мнении. Подобное понимание помогает им сблизиться и даже духовно породниться, а в дальнейшем считать делом чести оказание поддержки и помощи друг другу. Таким образом, новизной и явной находкой этого произведения, выдвинувшего на эпицентр сцены, сфокусировав воедино, философские, национальные, нравственные, политические и иные значимые проблемы современности, можно считать: создание неповторимых национальных характеров; целенаправленное и осознанное притяжение в единый центр сложных и разнообразных событий; раскрытие национальной проблематики посредством понятия музыкально-песенного достояния, определяющего исконное духовное состояние татар.

В театральном романе «Легионер» этого же драматурга акцентируется внимание на острых нравственных, философских, национальных, общественных проблемах бытия в связи с трагическими судьбами, порожденными Великой Отечественной войной. В татарской сценической литературе образ легионера прежде никогда так полнокровно и в качестве персонажа с сильным характером не изображался. Произведения З. Хакима интересны тем, что неизменно побуждают читателя и зрителя к размышлениям и поискам, к диалогу с автором. Герои, появившиеся из-под его пера, отличаются именно тем, что всегда противоречивы, неожиданны в своих действиях и поступках. В этой пьесе не только Яббар, всю жизнь обреченно подвергавшийся ударам судьбы, но также Ансар, Саит, Нагим, Халиулла и другие образы раскрываются как особенные

типы своей эпохи. В ходе событий единственным человеком, защищающим, разделяющим душевные муки Яббара, остается его мать. Автор рождает архетип Матери, готовой отдать душу за своего ребенка, терпеть унижения и оскорбления, даже принести себя в жертву. Пронизывающая все произведение философия экзистенциализма, в первую очередь, объясняется одиночеством и слабостью, безысходностью положения Яббара. Долгое время в одиночку боровшийся с несправедливостью, в конце концов он добивается перемен во взглядах окружающих и признания истины.

По небольшому обзору пьес, сделанному нами, можно прийти к таким выводам: 1) эхо войны, прозвучавшее в отдельных пьесах, служит раскрытию трагедии войны, преломления её в жизни не только отдельного человека, но и целого народа. В этих произведениях, по сравнению с сугубо военными фактами, на первый план выходят порожденные войной неисчислимые страдания и горести, разрушенные человеческие судьбы. В связи с перипетиями войны выпукло ставятся проблемы будущего нации, духовной свободы человека; 2) в пьесах, пронизанных философией экзистенциализма, раскрываются душевные муки и метания человека, вызванные войной, ищутся пути предотвращения подобных трагедий; 3) в художественном решении военной темы угадывается опора авторов на национально-культурные традиции, наблюдаются оригинальные находки в ходе творческих поисков. В решении поставленных серьезных задач, в стремлении дойти до каждого читателя вырисовывается определенная система символов: сломанный браслет, вода-море, кукушка, цветы и др. Необходимо отметить также свободное обращение авторов к музыкальному богатству народа. Песни как нельзя лучше способствуют раскрытию содержания произведения, всей глубины душевных мук, переживаний и чувств героев.

Литература

1. *Ахмадуллин А.Г.* Татарская драматургия: истоки и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 511 с.

2. *Закирзянов А.М.* Актуальные проблемы современной татарской драматургии. Казань: Казан. ун-т, 2010. 77 с.

3. *Шамсутова А.А.* Особенности конфликта в драмтургии Д. Салихова // Новые тенденции в развитии современной татарской литературы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. С. 100–103.

И.С. Иванов
(г. Йошкар-Ола)

ШОЧМО ЛИТЕРАТУРЫМ ШЫМЛЫМЕ ПАША НЕРГЕН

Статья посвящена анализу исследований о родной литературе марийских ученых, в том числе ученых кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного университета, их вклада в марийское и финно-угорское литературоведение.

Ключевые слова: *марийское литературоведение, родная литература, кафедра марийского языка и литературы Марийского государственного университета, история и проблематика научных исследований.*

1931 ийыште Марий кугыжаныш педагогический институтышто шочмо йылме да литератур кафедр пашам ышташ тӱҥалмеке, сылнымутым шымлаш утларак йӧн лектын.

Уста педагог, сылнымутын мастарже Шабдар Осып шымлызе семын чот тыршен. Кӱчык жапыште шымлыме шотан икмыняр статьям савыктен, кӱлешан йодыш-влакым келгын рашемден. Кӱшыл школын туныктышыжо самырык шымлызе-влакым кушташ тӱҥалын. Шабдар Осып нунылан эреак поро каҥашым пуэн шоген, лончылымо чын корным ончыктен.

Тыге Ф. Казанцев «С.Г. Чавайнын творчестве корныжо: пӱтынь творчествым лончылымо опыт» шымлыме пашам (1936) савыктен луктын. Тиде кугу марий писательын сылнымут погыжым лончылымаште тӱҥалтыш ӱшанле ошкыл лийын. А. Асылбаев М. Шкетанын сылнымут пашаж нерген тӱҥалтыш шымлымашыжым возен. Шабдар Осып студентшын марий литературоведенийыште виян критик лийшашыжлан ӱшанен. С. Байбулатов Шабдар Осыпын прозыжым шымлен лектын, ойыртемалтше тӱсшым почын пуэн.

Т.Г. Апатеева кӱшыл школышто шуко жап туныктымо дене пырля шымлыме пашамат шуктен шоген. Тудо Н. Игнатьевын илыш корныжым, сылнымут погыжым кумдан лончылен лектын. Писательын поэзийжын, прозыжын ойыртемалтше тӱсыштым ончыктен. Драматург семынат тыршымыж нерген мутым луктын. Тыге Н. Игнатьев финно-угор сылнымут тӱняштат палыме лийын.

С.Я. Черныхат тӱҥалтыш шымлыме корныжым Марий пединститутышто тӱҥалын. Самырык шанчызын «Раннее творчество М. Шкетана» пашаже 1957 ийыште савыкталтын.

Марий пединститутым Марий университетыш ушымеке, вий ешаралтын, ятыр у паша возалтын.

Вашке А.Е. Ивановын «Марий литератур» книгаже (1993) туныктышо-влаклан полыш семын савыкталтын.

И.С. Иванов марий калык ойпого ден сылнымутым кодшо курымыштак нергелаш пижын. 2015 ийыште тудын «Писательын йылмыже» туныктымо пособийже савыкталтын. Тыште шанчызе ХХ курымысо писатель-влакын (С. Чавайнын, Шабдар Осыпын, М. Шкетанын, Н. Игнатьевын, Олык Ипайын, В. Колумбын да молынат) произведенийыштын сылнылыкыштым шымлен.

Р.А. Кудрявцева кугу шымлыме пашам ыштен шога. Марий ойлымашын вияҥ толмыжым, поэтикыжым келгын лончыла, Юл воктене илыше калык писатель-влакын возымышт дене таҥастара. Литературоведын кумдан иктешлен серыме шымлымашыжым кӱкшын аклыме. Тыге Р.А. Кудрявцева марий литературовед кокла гыч икымше филологий шанче доктор лӱмым налын. Тудо виян шымлымашлажым кок книга дене савыктен луктын. Икымшыже «Марийский рассказ ХХ века: история и поэтика» маналтеш (2008). Кокымшо кугу шымлымашыже «Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья» лӱм дене савыкталтын (2011).

Драматургийын тӱрлӧ йодышлажым Г.Н. Бояринова, Т.Н. Беляева, Г.А. Яковлева шымлен шогат. М. Рябинина кызытсе марий прозым лончылышо семын палыме. Шымлызе «Марийская повесть второй половины XX века: поэтика психологизма» шымлыме пашам возен (2016).

Мыскара поэзийын ойыртемалтше тӱсшӧ нерген шке лончылымо ойжым В.Л. Егоров каласен. Тудо «Марий эпиграмме да пародий», «Развитие жанра марийской эпиграммы» да моло лончылымо тӱсан статьям серен.

Калык ойпого дене кылдалтше йодыш-влакат ӧрдыжеш кодын огытыл. С.С. Сабитов марий илыш-йӱла, йомак-влакын ойыртемалтше тӱсыштым моло финно-угор калыкын йомакышт дене танастарен лончылен, иктешлыше мутшым ӱшандарен каласен. В.Т. Михайловын ямдылыме «Марий калык ойпого» туныктымо пособийжат (2012) шочмо калыкнан шӱм-чон кумыл поянлыкше дене кумдан палдара.

Марий шымлызе-влак пеш кӱлешан суапле пашам ыштен шогат. Шочмо калыкнан шкешотан сылнымут поянлыкыштым курым-курым дене виян толшо ойпогыжым кумданрак пален налаш полшат.

И.Ю. Кириллова
Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ В ЧУВАШСКОЙ ДРАМАТУРГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В данной статье рассматривается развитие жанра исторической трагедии в чувашской литературе второй половины XX в. На основе анализа трагедий И. Петровой и П. Афанасьева рассмотрены отдельные аспекты поэтики этого жанра.

Ключевые слова: *чувашская драматургия второй половины XX века, жанровая поэтика, историческая трагедия.*

Жанр исторической трагедии, несмотря на структурно-композиционную сложность, сравнительно хорошо развит в чувашской литературе. И, как показывает анализ, главной ее особенностью является поэтическая структура. Еще на этапе зарождения жанр трагедии синтезировал в себе элементы драматического и лирического начал («Раб дьявола» К. Иванова, 1908), т.к. создаваемая чувашскими писателями начала XX в. художественная картина мира сама по себе была синтетичной, в ней активно взаимодействовали различные приемы и принципы художественного изображения действительности [См. об этом подробнее: 2].

В 1917–1920-е гг. появляются первые исторические трагедии в стихах Г. Тал-Мырзы «Атилла» (1917), «Архай-хан» (1917), «Мурзабай» (1917), «Сильби – дочь булгарского царя» (1927), из которых, к сожалению, сохранилась только последняя. Основываясь на средневековых легендах и преданиях, исследованиях ученых, автор отражает в них историю чувашского народа V–XIV вв. Их главная идея заключена в раскрытии истоков создания и разрушения Булгарского государства.

Чувашские исторические трагедии второй половины XX в. охватывают как далекое прошлое народа, так и недавние события Гражданской войны 1917–1922 гг. В трагедии «На распутье» (1973), сценическое название «Телей и Илем», драматург И. Петрова также обращается к теме истории Волжской Булгарии. Если ранее Г. Тал-Мырза акцентировал свое внимание на распаде Булгарского государства, то И. Петрова освещает социально-общественный строй Булгарии начала X в. (910–940-е гг.). События в трагедии связаны с исламизацией ее населения и визитом арабского путешественника Ахмеда ибн Фадлана с посольством Багдадского халифа в 921–922 гг. По закону трагедийного жанра, автор вводит в произведение любовную сюжетную линию. Дочь чувашского эмбю Илем и предводитель рода Вырох Телей любят друг друга. Но булгарский правитель Алмуш и его зять Чахал похищают красавицу Илем и отправляют в подарок багдадскому Халифу. Так, через мотив несчастной трагической любви, через образы Телей и Илем автор умело раскрывает трагедию самого народа.

Форма построения исторической трагедии как любовно-романтической истории углубляет трагичное мироощущение, которое присутствует на протяжении всей пьесы: автор достоверно передает печаль и боль простых людей, переживающих за свое государство; выразительны и трогательны сцены, где Илем свою тоску по родине, отцу, любимому выражает в колыбельной песне; захватывает дух момент ожидания казни Телея и т.д.

Любовная история положена и в основу сюжетной линии трагедии в стихах «Именем твоим» (1983) П. Афанасьева, события которой разворачиваются в послереволюционный (1918-ый) год. Гражданская война не только разделила чувашскую деревню на два противоборствующих лагеря, но и встала между двумя влюбленными: Ахахпи, дочкой богача, и Ягуром. Наряду с внешней борьбой, динамическую стройность трагедии придают внутренние коллизии, заключенные в образе Ахахпи. Она проходит путь от легкомысленной, бездушной бунтарки до сознательного борца за новую жизнь. В этой борьбе она находит смысл своего существования, обретает любовь, принимает новые жизненные приоритеты и готова жить во имя любви. Якур погибает от рук врага, но в чреве его любимой женщины начинает новую жизнь его сын.

В трагедии существует и вторая, условная, система образов, это – Земля, Время и Любовь, наполненные социально-психологическим содержанием. Они приходят в трудные моменты жизни героев, помогают им в их душевных поисках, направляют на путь чести и совести, и в то же время они дополняют и углубляют характеры, повышая художественную ценность драмы.

Особо радует тот факт, что жанр исторической трагедии в стихах успешно осваивается и современными чувашскими драматургами: «Урасмет» (1993) Б. Чиндыкова и «Серебряное войско» М. Карягиной (2011).

Лиро-эпическая направленность исторических трагедий заставляет авторов рассмотренных произведений совмещать индивидуально-личностный (эмоциональный) и эпический (широкий) мир, что, в свою очередь, позволяет сделать «поворот от событий к характерам» [1, с. 16]. Язык пьес богат яркими изобразительно-выразительными средствами, различными поэтическими фигурами, метафорами, архаизмами и т.п., соответствующими описываемой

исторической эпохе. Через них писатели передают характерные черты национального художественного мышления. Высокий поэтический уровень объясняется силой воздействия на них народной поэзии. «Отличительной чертой практически всех литератур народов Поволжья и Приуралья является сохраняющаяся в них сильная поэтическая традиция, идущая от устно-поэтического творчества родного народа» [3, с. 128]. Авторы, используя потенциал народно-поэтического искусства, обогащают художественно-образную канву своих произведений.

Все эти трагедии объединяют сильная поэтическая традиция, национальный колорит, актуальная национальная проблематика, волновавшая чувашский народ на всем протяжении его исторического пути и сливающаяся с мировыми, общечеловеческими идеями.

Литература

1. *Беляева Т.Н., Кудрявцева Р.А.* Поэтика марийской драматургии начала XXI в. // Финно–угорский мир. 2014. № 1. С. 12–16.

2. *Кириллова И.Ю.* Внутрижанровый синтез в чувашской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. Ч. 3. С. 109–111.

3. *Налдеева О.И. Зайцева Т.И.* Роман в стихах в литературах народов Поволжья и Приуралья // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 4 (24). С. 127–129.

А.В. Кошаев
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

«САСКАНАЙ» И. СМИРНОВА КАК ЗАМЫСЕЛ МАРИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЭПОСА

Статья посвящена изучению произведения И. Смирнова «Сасканай», которое рассматривается как замысел марийского национального эпоса.

Ключевые слова: *национальный эпос, марийская литература, И. Смирнов, «Сасканай».*

«Сасканай» марийского драматурга, переводчика И.М. Смирнова (1912–1983) является незавершенным произведением, представленным лишь в виде набросков начального текста. Автор писал его с ориентацией на национальный эпос (на первой странице тетради, где были размещены наброски, он записал «Марий исторический эпос») с 1946 года, до самой смерти дорабатывал его, но так и не дописал. Импульсом для написания произведения послужило то, что в марийской литературе не было конкретно сформировавшегося эпоса. Были лишь эпические поэмы О. Ипая («Актуган»), совместный труд С. Чавайна и Ш. Осыпа («Чоткар патыр мур»). Написанный И. Смирновым фрагмент эпоса был напечатан в 1997 году в журнале «Ончыко».

Главным его героем является народ. Основная задача автора была связана с изображением марийского национального характера, истоки которого В. Яналов, размышляя о «Сасканай» И. Смирнова, видит в следующем: «Религий, чимарий йӱла, юзылан, локтызылан ӱшанымаш, тӱрлӧ таргылтыш, вӱд

он, вӱдава, мландава, вувер, азырен <…> да молат» [3, с. 3]. Менталитет марийского народа, образ его жизни и мыслей, семейный быт во многом определяются его природно-языческим мировоззрением. Такая специфика психологии и философии народа мари находит отражение в сюжете и персонажной системе эпоса И. Смирнова.

Действие разворачивается вокруг двух персонажей, которыми являются Сасканай и Аксымат. Связанные с ними сюжетные линии развиваются индивидуально и пересекаются лишь в конце опубликованного фрагмента.

Сасканай жила вместе со своими родителями. Но однажды случается беда: мать, защищая свою дочь, сильно промокла под холодным дождем и заболела, болезнь не уходила, а наоборот, все усиливалась. И тогда люди, не веря в положительное воздействие лекарств и строго следуя устоявшимся традициям, решились на жертвоприношение:

Айда нал, кӱзетым шумо:
Ит чамане вӱташтет,
Кереметлан шӱшкыл пуымо
Садак полша тыланет… [2, № 7, с. 96].

Сасканай, лишившись матери, становится сиротой. Удрученный отсутствием в хозяйстве женских рук, ее отец (Меме) женится на Ӱпалче. Мачеха не любила дочь своего мужа и всеми способами пыталась от нее избавиться; она убедила Меме убить свою дочь.

На протяжении всего произведения Сасканай помогает то природа, а именно, животные, то находится какой-нибудь добрый человек. Например, кот, которого она приютила, спасает ее от смерти, на которую решился ее отец. Кот, как это бывает в фольклорных марийских текстах, может разговаривать на человеческом языке. Автором затрагивается проблема взаимоотношений между людьми. Он доказывает, что иногда животное в общении оказывается более человечным, чем человек. Кот спасает своего человеческого друга – Сасканай.

Такая авторская мысль подтверждается и историей черного ворона, сообщающей старухе Шымавий о том, что в поле замерзает ребенок. Природные силы небезразличны к хорошим и обиженным людям, живущим вместе с ними в мире. Природа вознаграждает сиротку Сасканай за все тяготы, которые она вытерпела: она делает ее еще красивее:

Кузе тудо тыманмеш
Ваштал кайыш: кӱкшырак
Лийын тудо тӧр, ару [2, № 9, с. 149].

Шымавий приютила Сасканай, она вырастила ее работящей, послушной, умной девушкой-красавицей.

Аксымат – это второй персонаж, который втянут в действие. От рождения он был крепким парнем. Свою природную физическую мощь он укреплял, когда пил воду из родничка, охраняемого змеями.

В авторском тексте он слишком молод, ему часто не хватает жизненного опыта. Это находит отражение и в конфликте, который держится на

столкновении между людьми хана и крестьянами, обращающимися к Аксымату за помощью.

Сородичи выбирают его своим предводителем, за которым готовы идти в огонь и воду. Народ не хочет жить под гнетом Казанского ханства, он хочет жить по своим законам, выступает в защиту своих прав. Автор обращает внимание на храбрые действия Аксымата во время сражения с врагом, он – защитник своих сородичей, выразитель чаяний своего народа. Такая семантика образа является характерной приметой национального эпоса всех финно-угорских народов. Кроме военного дела, Аксымат успешно справляется и с бытовыми делами: охотой, плотническим делом, рыболовством.

Автор постоянно подчеркивает интеллектуальную мощь своего героя, его смекалку. Так, Аксымат со своими братьями по оружию готовится к схватке с войском хана, тщательно готовит место, с которого должна быть атака и где можно будет сохранить свою жизнь и жизнь воевавших вместе с ним соплеменников.

Еще один пример такой авторской коннотации: герой отправляется в дом Шымавий, чтобы увидеть девушку неестественной красоты – Сасканай. Ведя диалог с женщинами (Шымавий, Сасканай), он вдумчив, продумывает и взвешивает каждое свое слово.

Вопрос о жанровой форме произведения И. Смирнова «Сасканай» остается дискуссионным. Сам автор свое произведение назвал эпосом. Также В. Яналов отмечает, что Иван Михайлович написал эпос народа мари. Вопросом о жанре этого произведения (эпос или просто поэма) задается и А. Васинкин. При ответе на поставленный вопрос он основывается на том, что произведение незаконченное, а дальше в рукописях следует продолжение в количестве 20 страниц в виде прозы. Как отмечает А. Васинкин, в работе И. Смирнова нет конкретных принципов, с помощью которых происходит деление текста на главы и разделы [1]. Ученый заключает: «Сасканай» ближе всего к поэме-сказке.

Проанализировав имеющиеся мнения и текст самого произведения, мы пришли к выводу о том, что работа И. Смирнова по содержательной своей природе и некоторым свойствам поэтики все же похожа на эпос. Уже из опубликованного начального фрагмента видно, что в произведении имеется событийность, содержание объемно, связано с национальной проблематикой (речь идет о судьбе народа), в нем присутствует характерная для эпоса героика, воплощенная в образе героя-освободителя. Но особенности эпоса назревали в недрах эпической поэмы.

Литература

1. *Васинкин А.А.* «Сасканай»: эпос але поэме? // Ончыко. 1997. № 7. С. 69–79.
2. *Смирнов И.* Сасканай // Ончыко. 1997. № 7–12.
3. *Яналов В.* Кугезе муро // Марий коммуна. 1990. 16 июнь. С. 3.

Р.А. Кудрявцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ОБРАЗ-СИМВОЛ ВЕЛИКОГО БЕЛОГО БОГА В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ З. ДУДИНОЙ «Я В ТИХУЮ РОЩУ ПРИДУ»*

В статье анализируется лирический цикл З. Дудиной «Я в тихую рощу приду» в аспекте художественной экспликации в нем языческого мира через образ-символ великого белого бога. В ней определены символические смыслы, художественные функции, этническая и гендерная специфика данного образа.

Ключевые слова: *марийская поэзия, З. Дудина, лирический цикл, языческий мир, образ-символ, Большой Белый Бог.*

В цикле З. Дудиной «Я в тихую рощу приду» («Мый тымык отышко толам»), как и в любом лирическом цикле, стихотворения сопряжены друг с другом общей темой (марийский языческий мир), конкретизируемой в сходной для всех текстов проблематике, а также жанрово-стилевым единством (молитвенная форма, в большинстве случаев прямо выраженная, «молитвенное слово» – признание постоянного присутствия божественной силы и обращение к ней с благодарностью и просьбой, иногда – с покаянием в грехах; элегическое начало – грустное размышление о жизни). Кроме того, основой для объединения стихотворений в единое целое становятся языческие лейтмотивы и «лейтобразы» («ключевые слова») [6, с. 7], имеющие этноценностное значение и символическую природу.

Целью данной статьи является характеристика центрального образа-символа, репрезентирующего древний языческий мир народа мари в женском поэтическом сознании, – «лейтобраза» Великого (Большого) Белого Бога (Кугу Ош Юмо), который представлен как в заголовочном, так и основном тексте стихотворений цикла. В таком аспекте поэтическое творчество З. Дудиной рассматривается впервые. В целом, языческая составляющая этнического и этногендерного символико-ценностного мира марийской литературы затрагивалась лишь применительно к марийскому рассказу [5; 4] и марийской драматургии [1], поэтические тексты в данном аспекте остаются не изученными.

Образ-символ Великого Белого Бога появляется уже в первом стихотворении цикла – как «центр народной вселенной», смысл бытия, условие существования и сохранения этноса, как самая сущность традиции, народного мировосприятия:

Ила чевер пӱртӱс лоҥгасе калык,
Коча-кованан сугыньжым шукталын,
Поян йӱла гычын поген вий-алым,
Куатле шочмо мландым йӧраталын,
Кугу Ош Юмылан чолган кумалын [2, с. 136]
(Живет народ, рожденный природы красотой,
Исполняя заветы предков,
Черпая силы из богатых традиций,
Любя мощь родной земли,

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.*

Смело молясь Великому Белому Богу
[Подстрочный перевод здесь и далее везде наш. – *Р.К.*]).

«Ведь символом следовало бы считать возможность какого-то еще более широкого, более высокого смысла за пределами нашей сиюминутной способности восприятия и намек на такой смысл» [7, с. 254], – писал К. Г. Юнг. Так, и у З. Дудиной Великий Белый Бог представляется как символ спасения земли предков, главная и вечная опора в преодолении невзгод, в сопротивлении мощному водовороту жизни («саманын тале вӱдпӧрдемым») и в сохранении чистоты народной души («чон волгыдемын»). Лексическая экспрессия, связанная с этим образом, подчеркивает глубинную связь лирической героини с языческой культурой народа и духовное ее родство со своим этносом.

Образ-символ Великого Белого Бога восходит к «праобразу коллективного бессознательного» (К. Юнг), этнозначимому архетипу «Бог / Боги» («свой», «спаситель» человека, рода, народа, земли предков). «Говорящий праобразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь» [7, с. 261]. Следует отметить, что марийская женская лирика в этом смысле подчеркнута специфична. Подтверждение тому и творческий опыт З. Дудиной. Ее – женский – голос звучит эмоционально, предельно выразительно, оформлен словами с заглавными буквами, с помощью которых подчеркивается особая значимость объекта художественного осмысления, и с притяжательными суффиксами, указывающими на глубокую причастность автора к этническим истокам и ценностям:

Сандалыкын нимучашдыме ањаште,
Ош кече йыр со пӧрдшӧ Мландынаште… [2, с. 136]
(В бесконечном поле Вселенной,
На нашей неостановимо вращающейся вокруг белого солнца Земле…).

Высокая степень поэтической условности создается в стихотворении и за счет образной гиперболизации и изменения цветовых реалий в пользу традиционных «языческих цветов» (белое солнце – белое, как и Белый Бог, белая одежда марийских жрецов, белый их головной убор «теркупш»), что усиливает не только индивидуальную экспрессию авторского голоса, но и этнически бессознательную его составляющую.

З. Дудина углубляет в цикле этническую символику белого цвета, перенеся его на всех богов марийского языческого пантеона, к которым она обращается («Волгенче ош Юмо» – «Белый Бог Молнии», «Ош Кугече» и «Кугече ош Юмо» – «Белый Бог Пасхи», «Ош Суксо» – «Белый Бог-ангел», «Ош кече-Авала» – «Как Белая Богиня-Мать-Солнце», «Ош тылзе Авала» – «Как белая Богиня-мать-Луна» и др.) и их пространственную сферу «обитания» («ош кече» – белое солнце, «ош тылзе» – белая луна, «ош сандалык» – белая вселенная, «ош лум» – белый снег, «ош порсын лӱҥгалтыш» – белые шелковые

качели, «ош пиал терке» – белая чаша счастья и т.д.). Белый – значит, чистый, естественный, высокий, духовный, человечный, добрый.

Сродни белому божественному пространству и сам народ («Ош марий улына» – «Мы белые марийцы»), и его душа («Ош марийын ош чонжым лодал» – «Спасая белую душу белого марийца»). Выражение «Мы белые марийцы» – это также указание на специфику религиозности народа (связь с Белым Богом, природным языческим миром) и утверждение связи лирического героя со своим народом и его духовной культурой. Отсюда просьбы лирической героини, обращенные к богам, – это не столько бытовая озабоченность, сколько желание разрешить проблемы сохранения языческой «белизны» жизни – индивидуальной и коллективной. Такие просьбы почти всегда оформлены в стиле инфинитивного письма, как «инфинитивные серии», описывающие «образцовое поведение» [3] и философию жизни: «чыным вигак ***каласаш***» («правду сразу ***говорить***»), «куатлын ***илаш***» («мощно ***жить***» – в значении «смело», «гордо», «сильно», «толково»), «Мо пӱрымым шот ден ***вашлияш***» («С толком ***встречать*** то, что дано судьбой»), «Йӧрдымӧ койыш деч полшо ***утлаш***» («Помоги ***избавиться*** от непристойных дел»). В целом ряде текстов такая философия жизни рождается из сопряжения инфинитивной части с наречиями, заключающими основной смысл. Так, в кантате «Священная роща» (Кӱсото») читаем:

Лай ӱмыремым
Куатлын илалын,
Ласкан *вес тӱняш* ***чонешташ*** [2, с. 170]
(Данный судьбой свой нежный век
Достойно прожив,
Спокойно в другой мир ***улететь***).

С одной стороны, мы видим характерное для инфинитивного письма «устремление от реального своего к виртуальному чужому» [3] – устремленность лирической героини к божественному – идеальному – миру и продиктованным Богом нравственно-этическим правилам жизни. С другой стороны, божественный мир для З. Дудиной не является виртуальным пространством. Для нее и для ее сородичей – это почти реальность, неотделимая от всего остального. Соответственно «молитвы», вошедшие в цикл, искусно и естественно соединяют в себе два параллельных и все время пересекающихся, взаимопроникающих мира – языческий и реальный (бытовой, социальный, внутреннюю жизнь лирической героини).

В ряде стихотворений человек приближен к Богу, а Бог по своим манерам становится похожим на человека. Сакральная ситуация обращения к Богу, не теряя, в целом, стилистики молитвы, обогащается поэтической ситуацией беседы, в которой присутствует целая гамма человеческих состояний: шутливый упрек, саморефлексия, оправдание, благодарение, элементы спора и т.д.

Ош Кугу Юмо, шинчатым ит кумо,
Вуйым рӱзен, ит шылтале чонем.
Мый икшывет лач… Пеледын шым умо,
Но шке киндемым тыршенак онем.
Тыйын пелен вел улам мый айдеме;

Тыйын воктен вел – пӱртӱсын йоча.
Молан вара шӱлыкаҥше эрдене
Шем Керемет мыйын чоным яча?.. [2, с. 166]
(Белый Великий Бог, не закрывай свои глаза,
Не упрекай мою душу, махнув головой.
Я ведь всего лишь твое дитя… Цвела безуспешно,
Но хлеб свой стараюсь с усердьем месить.
Только с тобой я чувствую себя человеком;
Только рядом с тобой – дитя природы.
Почему же тогда тоскливым утром
Черный Керемет клянчит мое сердце?..»).

Неотъемлемой частью символики «белого» является понятие добра. Неслучайно главный бог языческого пантеона марийцев (Единый Верховный Творец Вселенной) Кугу Ош Юмо (Тӱҥ Ош Кугу Юмо) часто предстает в мифологических текстах как Ош **Поро** Кугу Юмо (Белый **Добрый** Великий Бог). Именование его со словом «Добрый» встречается и в целом ряде других стихотворений З. Дудиной: «О Поро Юмо! Чоныш пуро…» (О Добрый Бог! В мое сердце войди…»), «Поро Юмем, тый дечет мый йоднем…» («Мой Добрый Бог, хочу я у тебя попросить…»), «Поро Ош Кугу Юмо, онапу ончылан…» (Добрый Белый великий Бог, перед молельным деревом…»), «О Поро Юмо да Шочынава…» (О Добрый Бог и Мать Рождения…».

Добро, воплощенное в Боге и даруемое им человеку, становится в стихотворении «Сорок одно добро» («Нылле ик поро») доминантным символическим смыслом божественного образа:

Нылле ик порым чонышко налын,
Нылле ик тушманемым тошкал,
Кугу Юмо пелен йывырталын,
Мый илем тауштен да кумал [2, с. 154]
(Вобрав в сердце сорок одно добро,
Избавившись от сорока одного врага,
Радуясь вместе с Великим Богом,
Я живу, благодаря и молясь).

З. Дудина утверждает мысль о том, что божественное добро, принимаемое ею с благодарностью и «отрабатываемое» молитвами, – это мощное средство в борьбе со злом, источник жизненной силы и радости:

Мыланем ӱмырешлан аралтыш –
Кугу Юмын ош порсын лӱҥгалтыш [2, с. 154]
(Защита на всю мою жизнь –
Белые шелковые качели Великого Бога).

Импульсы к воссозданию языческих образов-символов в современной марийской женской поэзии во многом вызваны неудовлетворенностью современностью, в которой утрачиваются традиционные ценности, личностной и творческой тоской авторов, бессознательно чувствующих «голос» своего этноса. Творческая тоска, как писал К. Г. Юнг, «уводит художника вглубь, пока он не нащупает в своем бессознательном того праобраза, который способен

наиболее действенно компенсировать ущербность и однобокость современного духа. Он прилепляется к этому образу и, по мере своего извлечения из глубин бессознательного и приближения к сознанию, образ изменяет и свой облик, пока не раскроется для восприятия человека современности» [7, с. 261]. В этом смысле одной из форм художественного сознания можно считать усиление архетипического образа с помощью символизации. Особенно ярко это проявляется в марийской женской поэзии, активно и с высокой долей экспрессии актуализирующей духовно-нравственные ценности народа мари и демонстрирующей этническую природу художнической личности.

В рассмотренном нами лирическом цикле З. Дудиной «Я в тихую рощу приду» ключевым образом заголовочного комплекса и «лейтобразом» основного текста, выступающим как в функции циклообразующих связей, так и в качестве средств этногендерной идентификации, является образ Великого Белого Бога. С одной стороны, он предстает в традиционно-мифологическом символическом смысле **(**«свой», «спаситель» человека, рода, народа, земли предков; высокое и духовное; доброта), в котором заключена этническая составляющая поэтического мира З. Дудиной. С другой стороны, женская поэзия вносит в него индивидуально-художественную специфику, проявляющуюся в очеловечивании Бога, усилении и дополнении его символических смыслов, «проектировании» и внесении в молитвенный стих поэтических ситуаций беседы и человеческого сопереживания.

Литература

1. *Беляева Т.Н.* Поэтика символических образов в марийской драматургии второй половины XX – начала XXI века: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. 152 с.

2. *Дудина З.* Кум томан ойпого. Т. 1: Куанышым, куэм ӧндал. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газета ООО, 2012. 464 с.

3. *Жолковский А.* Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты // URL: http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/tropl.htm (дата обращения: 29.04.2016).

4. *Кудрявцева Р.А.* Женская личность в художественном пространстве марийского рассказа конца XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). Ч. I. С. 91–94.

5. *Кудрявцева Р.А.* Этноценностная парадигма художественной структуры марийского рассказа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7. Ч. 2. С. 111–114.

6. *Фоменко И.В.* Лирический цикл: становление жанра, поэтика / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1992. 124 с.

7. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Изд-во «Ренессанс» СП «ИВО-СиД», 1991. 262 с. // URL: http://pedlib.ru/Books/6/0047/index.shtml (дата обращения: 12.06.2016).

Г.В. Кузьмин
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Я. ЭЛЕКСЕЙНЫН ТВОРЧЕСТВЫШТЫЖЕ МОРКО КУНДЕМ ДЕНЕ КЫЛДАЛТШЕ ПРОБЛЕМАТИКЕ

Статья посвящена выявлению проблематики «моркинского текста» в творчестве Якова Элексейна.

Ключевые слова: *марийская литература, Я. Элексейн, проблематика, «моркинский текст».*

Яков Элексейнын творчествыже (серызе ойлымашым, повестьым, тоштышоя да тоштой сынан произведений-влакым возен) «мари текст» да «Морко текст» могырым лончылашлан шуко амалым луктеш; Морко кундем дене кылдалтше пале-влак теме, проблематике, персонаж да событий системе, йылме сферылаште палдырнат. Статьян цельже – Я. Элексейнын творчествыжым марий калык да Морко кундем дене кылдалтше проблематике (*«сылнымут произведенийыште тарватыме да вашмутым кычалше йодыш»* [1, с. 38]) могырым лончылаш.

Я. Элексейн творчествыштыже марий калыкын тошто годсо да 1920-шо ийласе илышыжым тангастарен ончыктен; тидын шотышто авторын ойпогыжо лудшылан кугу материалым пуа. Тыгодым шке ойлымашлаштыже да повестьлаштыже серызе чумыр марий калык нерген веле огыл, тыгак шке шочмо – Морко – калыкше нерген кумдан каласкала, «Морко текстым» чоҥа, тудым тӱрлӧ проблеме-влак дене пойдара. Я. Элексейнын прозыштыжо Морко проблематике, ик могырым, чумыр марий кундемын, чумыр марий калыкын проблемыже-влак дене икгайла чучеш, вес могырым, ойыртемалтше йыжыҥ-влак шижалтыт.

Тӱҥ верым тыгай проблеме-влак налын шогат: у илышым чоҥымаш, коча-кова, ача-ава да кызытсе тукым, у тукымым шуарымаш, волгыдыш лукмаш. Коча-кован илыш опытым, сай тошто илыш радамым да марий тӱвырам арален кодаш кӱлмӧ Я. Элексейнын «Кочайын мутшо» ойлымашыштыже (1925 ийыште «У илышеш» савыкталтын) келгын рашемдалтын. Тыгодымак серызе тошто койышын осаллыкшым сӱретла, тошто койыш ваштареш лудшын шыдыжым тарвата. Мутлан, «Шедыра» ойлымаште (1925) автор Выльыпын Миклай эргыжын шедыра дене черланымыж нерген воза, лач тошто койышыжлан кӧра тудым огыт паремде.

Я. Элексейн ойлымашлаштыже марий ялын илышыжым тӱрлӧ могырым ончыкта, тошто косам у илышын сеҥымыже нерген воза. Тошто илыш дене илыше Морко марий шемерат у корныш вончаш тӱҥалеш.

«Ӧрмӧк» повесть историй сынан проблематике дене виян улеш. Тудо 1932 ийыште возалтын, марий калыкын XVIII курымысо илышыже нерген каласкала. Тиде жапыште марий-влак чодыра кӧргыштӧ илем дене иленыт. Повестьыште тыгак поян ден йорло коклясе отношений проблемым шындыме, тудым актуализироватлыме (идей шотышто XX курымлан келыштарыме). Автор тиде кок вийын ваш шогымыштым ончыкта: ик могырым – поян Чепиш ден тудын Лотай эргыже, вес могырым – йорло марий Ӧрмыза, тудын Ӧрмӧк эргыже, шылше салтак Эшполдо да молат. Марий калык ожнысек иктӧр илен огыл,

каласынеже автор; поянжат, йорлыжат, оза ден тарзыжат лийыныт, иктышт ең вий дене иленыт, весышт, ең пашаште орланен, ӱмырыштым эртареныт.

Тыге Я. Элексейн лудшылан тыгай проблеме-влакым палемда: кызытсе илыш ожнысо илыш деч ойыртемалтеш; тунам марий поян ден кугыжан власть шемер калыкым икверeш пызырен иленыт (тидыжым автор поян Чепишын образше гоч сайын ончыктен). Чепишын тӱжвал вургемжат, илемжат молын деч ойыртемалтеш: *«Тудо кугу капан. Йыргешке пондашышкыже але чал пурымо огеш кой. Умбалныже вачегочан тувыр. Ончыл урвалтыштыже ик лашка гай тӱр. Кыдалыштыже – кӱзанӱшто, вуйыштыжо – теркупш, кидыштыже – шерева тоя»* [2, с. 31]. Тудо шке эргыже олмеш салтакыш Ӧрмӧкым ужатен колта. Тиддеч вара Чепиш кид гыч Ӧрмыза огеш утло, *«сайрак веле Чепиш кидыш пурен шинчеш»* [2, с. 47].

Революций деч ончычсо илыш дене кылдалтше проблематике Я. Элексейнын «Кавырля» повестьыштыжат шижалтеш. Произведений икымше гана «Кавырлян илышыже гыч» лӱм дене «У вий» журналеш печатлалт лектын (1934–1936). Повестьын геройжо – Кавырля; тудо пӱтынь эл мучко коштеш, ужеш: чыла вереат шемер калыкым кугыжан Российыште орландарен ашнат, пашам моткоч шуко ыштыктат, шагал тӱлат. Кавырляжымат чыла вере ондалаш тыршат.

Ончыктымо проблеме кышкар Морко кундемысе калыклан путырак лишыл лийын. Тудо, ик могырым, чумыр марий калык дене пырля, шке эрыкше верч кучедалын, вес могырым, кугыжаныш ваштареш поснак лӱддымын шоген, шке чолгалыкше дене путырак ойыртемалтын.

Тугеже, Я. Элексейнын «Морко текстыштыже» социал илыш, историй, тӱвыра дене кылдалтше проблематике ончыл верыш лектеш. Автор марий калыкын ожнысо да тачысе илышыжым танастара, у илышыште кугезе марийын тӱвыражым аралаш кӱлмӧ нерген воза.

Литературт

1. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче термин мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай: Ассоциация финно-угорских университетов; NHCollegiumFenno-Ugricum, 2011. 80 с.

2. *Элексейн Я.А.* Ӧрмӧк: повесть, ойлымаш, легенда. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 128 с.

О.М. Максимова
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРОЗЫ ВОЕННОГО ПУБЛИЦИСТА В.В. ГОЛУБЕВА

В статье рассматривается своеобразие прозы о войне удмуртского публициста В.В. Голубева на примере его послевоенных очерков.

Ключевые слова: *удмуртская проза, документально-художественная проза, военная публицистика, жанровая поэтика, очерк, документальность.*

Тема войны – одна из актуальных проблем в удмуртской литературе послевоенных десятилетий. Наиболее ярко в национальной прозе тех лет она представлена в документалистике В.В. Голубева (род. 1923), кадрового военного, писателя, журналиста.

Жанровую природу прозы В. Голубева определить сложно, для его творчества характерны документальность, открытость, прямота высказываемых автором и героями оценок, мнений, суждений. Примечательно то, что во многих произведениях публициста в реальном единичном персонаже и его действиях запечатлены черты и свойства, свойственные целому типу людей и событий. Пожалуй, большую часть голубевской документалистики, написанной в первый период творчества, можно отнести к жанру портретного очерка.

Своеобразие очерков В. Голубева, прежде всего, связано с тем, что их автор – свидетель и участник Великой Отечественной войны, воевал сапером в действующей армии. Его боевые подвиги отмечены кавалерскими орденами: «Александр Невский», «Красная Звезда», «Отечественная война» 1-ой и 2-ой степени, – а также почетными медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и др. Записные книжки, которые вел В. Голубев на фронте, легли в основу многих его книг, посвященных подвигам уроженцев Удмуртии. Сегодня полковник в отставке В. Голубев является автором более 10 документально-художественных книг, однако, его творчество остается не изученным. В данной статье, которая является лишь подступом к осмыслению богатого литературного наследия В. Голубева, нами сделана попытка анализа одной из первых его очерковых книг «Солдатлэн данэз» («Слава солдата», 1964).

Следует сразу отметить, что появление этой книги, посвященной Героям Великой Отечественной войны, награжденным орденами Славы I, II и III степени, стало настоящим прорывом в удмуртской публицистике тех лет. Слова известного исследователя отечественного очерка М.И. Стюфляевой вполне можно отнести и к творчеству В. Голубева: «Открытием стал новый ракурс в изображении войны: изнутри, с позиции обыкновенного человека, через призму его психологии» [3, с. 64]. Сборник «Солдатлэн данэз» состоит из 14 портретов-очерков. В предисловии к своей книге автор пишет: «*Солдатским орденом называют ордена Славы. Его получают за личный подвиг в сражении с врагом. В этой книге очерков рассказывается о наших земляках, награжденных орденами Славы»* [2, с. 2. Пер. с удм. здесь и далее везде наш. – *О.М.*].

Во всех очерках на первом плане документальность как принцип изображения действительности и основная примета очеркового жанра. Многие герои книги – разведчики: разведчик-пулеметчик Александр Виноградов («Родина тодэ» – «Родина помнит»), разведчик-сапер Яков Пантелеев («Рядовой Пантелеев»), командир разведгруппы сержант Пряженников («Ож сюресъес» – «Боевые дороги») и др. Биографии героев очерков складываются из включенных в текст записей боевых документов, воспоминаний, отдельных авторских зарисовок, комментариев, к примеру: «*В журнале дивизии короткая запись: «31 декабря разведгруппа отдельной разведывательной роты доставила двух пленных немцев из-под деревни Коржиково»* [2, с. 31].

Нередко образы персонажей «слагаются» из описания их внешности, особенностей речи, манер, жестов, через цепь поступков: *«– Так сражается*

наш расчёт! – положил свои крепкие руки Астраханцев на плечи юного солдата. – Смотри внимательно. Учись, пока я жив. Потом «спасибо» скажешь. – То ли шутит, то ли всерьез говорит – сразу не поймешь…» [2, с. 20]. Посредством будничных эпизодов публицист сумел запечатлеть характер солдата, воочию представить читателю обстоятельства героических, нередко, трагических событий.

Важные приметы очерков, вошедших в книгу «Солдатлэн данэз», – краткость изложения, доступный язык, использование устной разговорной речи – это обусловливает их легкое чтение и восприятие. Это с одной стороны. С другой стороны, мы видим «внедрение» в литературный текст большого количества слов специальных тематических групп «война», «воинское ремесло», «воинские звания и должности», «военный быт»: блиндаж, дзот, оборона, противотанковая граната, генерал, связной, взвод, дивизия, рота, полк, санинструктор, медсанбат, разведотдел, разведгруппа, артналёт, маскхалат и др. Этот лексический пласт так или иначе затрудняет понимание содержания текста современным читателем. Тем не менее, воспроизведение специальной военной терминологии и использование профессиональной лексики (например, взять «языка») придают повествованию историчность и естественную живость.

Воспроизведение войны, в особенности ее будней, достигается путем представления точных дат, документирования пространственно-временной реальности: *«Емельянов впервые встретился с врагом в феврале 1942 года под городом Ростов… Под Доном враг был остановлен. А зимой в 1943 году гвардейский стрелковый полк пошел в наступление… На Польскую землю пришли наши воины-освободители. Это было лето 1944 года…»* [2, с. 38–39]. Наиболее зримо привязано время действия к конкретным датам в очерке «Кышкасьтэм разведчик» («Бесстрашный разведчик»). Изображение отдельных картин действительности, отражающих бесстрашие разведчика Тараса Емельянова, начинается с указания времени действий героя. Раскрывая те или иные эпизоды его жизни, автор соблюдает реальную последовательность событий. Использование же в очерке географических данных, умелые авторские ссылки на них указывают на «присутствие» в очерке исследовательского начала.

«Всякое перемещение во времени, выдумывание несуществующих коллизий, "досочинение" качеств героев и обстоятельств, в которых они действуют, невозможно в строго документальном очерке, где точно обозначены время и место действия, названы имена и фамилии героев. Право автора здесь – только отобрать из жизненного материала нужные ему ситуации, конфликты, факты», – отмечает исследователь публицистических жанров Т.А. Беневоленская [1, с 17]. В контексте приведенной цитаты вне всяких сомнений можно говорить, что очерки В. Голубева о современниках Великой Отечественной войны – это правдивость поразительных подробностей, достоверность даже самых невероятных жизненных перипетий и поворотов, но при этом основной интерес автора обращен к человеку, главному герою повествования.

Следует обратить внимание и на то, что сами названия голубевских очерков свидетельствуют об их жизненной достоверности: «Гвардиысь сержант»

(«Сержант гвардии»), «Орудилэн командирез» («Командир орудия»), «Волга дурысен Берлинозь» («От Волги до Берлина»), «Кавалериысь миномётчик» («Минометчик кавалерии»). Одновременно с реальной конкретикой в названных очерках немало философских рассуждений, вложенных в раздумья героев. Это мудрые, глубокие мысли о жизни и смерти, бесстрашии и трусости, подвиге советского человека. В тематически связанных между собой очерках, вошедших в книгу «Солдатлэн данэз», определяющим для автора является то, что он «описывает не вымышленного, а реального героя и несет ответственность за документальную точность его образа» [3, с. 4].

В заключение отметим, что В. Голубев с помощью приемов документальной литературы сумел оживить прошлое и рассказать о военных подвигах наших земляков, их необыкновенной силе духа, мужестве и стойкости характера.

Литература

1. *Беневоленская Т.А.* Портрет современника. Очерк в газете. М.: Мысль, 1983. 134 с.
2. *Голубев В.* Солдатлэн данэз. Ижевск: Удмуртия, 1964. 62 с.
3. *Стюфляева М.И.* Человек в публицистике. Воронеж, 1989. 145 с.

Т.А. Медведева
Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

М. КУДРЯШОВЫН «ШЕМ ШЫҥАЛЫК ЙЫМАЛНЕ» ПОВЕСТЬШЫН СҮРЕТЛЫМЕ ТҮНЯЖЕ

В статье рассматривается изображенный мир в повести Михаила Кудряшова «Под черным пологом». Анализируются тематика, проблематика, система персонажей, определяется идея произведения.

Ключевые слова: *марийская литература, повесть, М. Кудряшов, тематика, проблематика, система персонажей, художественная идея.*

М. Кудряшовын «Шем шыҥалык йымалне» повестьше марий ял гыч лекше латшым ияш Настя нерген. Школ деч вара, умбаке тунемаш шонен, ӱдыр икымше гана шкевуя кугу олашке кая. Ава деч посна кушшо самырык еҥ йӧратыме да лишыл коважым орландарыше чер деч эмлаш шона. Ӱдыръеҥын йӧсӧ, тӧрсыр илышыжым каласкалышыжла, прозаик тачысе саманын «чурийжым» нергела, тӱрлӧ социальный да философий проблемылам нӧлталеш: еҥ-влак коклосе иктӧр огыл вашкыл; аракам йӱмаш; кызытсе саманысе еҥ-влакын нравственный тӱсышт да т.м. Поро ден осал нергенат шонкалаш ӱжеш.

Настян илышыштыже сурт-печыдыме перныл коштшо-влак, шолышт-толен илыше поян-шамыч, намысым йомдарен, ондален оксам ыштыше-влак радам дене эртат. Уда койышан милиционер, проста да поро чонан пошкудо, илышлан оза улмыштым шижше, кечывалвел гыч толшо кӱжгӧ кӱсенан торгаш, «у бизнесым» кучышо, кажныжым толен кертше еҥ-влакат тачысе саманын, обществын тӱсшым, чурийжым тӱрыс да келгын почын пуаш полшат. Тӱрлӧ

социальный класс тӱшкан илыш пӧрдемжым сӱретлен, писатель экономике, тӱвыра, мер проблеме-влакым нергелаш тарата.

Кугу олан чын тӱсшым палыдыме ӱдыр икымше кечынак кӱртньӧ решотка коклашке «йӱд лыве» гай логалеш. Но илышын «вынемыштыже» гаяк илыше-влак тудым чаманат, вет шукышт шке кумыл дене огыл тыгай илышым ойырен налыныт. Нунын чоныштышт «паремашлан» ситыше вий-куат, порылык ятыр уло – иктешла писатель строка коклаштыже. Эсогыл Настян орлыкшо кӱэмалтше лейтенантын чонжымат поремда. Рвезе ӱдырым туткар гыч чулымын утарен луктеш.

Мӧнгӧ пӧртылашлан оксам ышташ шонен, Настя кафеш пашам ышташ пура. Кафе оза – господин Нияз, кечывалвел аул гыч толшо еҥ: *«Господин порыла ок кой… Йӱкшӧ ала-молан воштылшыла чучо. Чылт вес семын кутыра. Пушкыдыракын. Тевыс эше шыриялынат, ош пӱй-влакше лектын шинчыныт…»* [1, с. 52]. Оза чӱчкыдын Настя деке ӱедылеш, ватыже лияш йодеш, кеч шкеже пелашан, кугу ешан. Тудо чылашт дене икгай порын огеш кутыро, пашазыже-влак ден торжан пелешта, нуным кулеш гына ужеш. Тыштат Настя шкеж деч кугурак иготан Валя лӱман ӱдырамашым вашлиеш. Валя, самырык ӱдырым йомартле койышыжлан йӧратен шында (шкенжым самырыкше годым ушештарен), неле пӱрымашыжлан чаманен, эреак поро ой-каҥашым пуаш тӱҥалеш: *«Кай, лучо. Эше уда лийын кертеш. Каласышым вет: шкендым позоритлаш ит пу, пеҥгыде характеран лий. Ужыт самырык ӱдырым. Палена ме нуным...» [1, с. 68]*.

*Повестьысе чыла герой-влакым, авторын антитезе й*ӧным кучылтмыжым шотыш налын, *кок тӱшкалан шелаш лиеш: 1) п*оро чонан-влак: Валя, Тимур, лейтенант, пазар воктен шинчыше кова-влак; 2) осал шӱман-влак: господин Нияз, милиционер-влак, кечывалвел гыч толшо торгаш-влак.

Настя – ялысе проста ӱдыр, илышын кочо тамжым изинекак шижын шуктен огыл, осал еҥ-влак денат ончыч тӱкнен огыл, сандене шуко проблемылам умылыдеак кодеш: «*Настя чылажат, векат, ыш умыло. Раб гай айдеме лият, йӱдшӧ-кечыже пашам ышташ тӱҥалат, эрыкан от лий... Могай раб? Кызыт тыгай айдемыже уло мо? Тидыже пеш ожно гына лийыныс» [1, с. 99]*. Нине йодыш-влак пелан предложенийла кысытсе саманысе тӧрсыр-влак нерген «кычкырат».

Повестьысе сюжет динамике сынан. Но писательын лирик улмыжо, айдеме психологийым сайын палымыже эреак шижалтеш: *«Ой, могай илышет! Мыняр тудо йыжыҥан. Кушко пурен кает, Настя? Лач кишподышкак верештынат. Ала эше ударак верыш? Ола тыгай мо? Молан тудо тынар орлыкым ӱдырлан пуэн? Мыняр эше лийдыме йӧсым чыташ верештеш? Лекташ пу-ян эрыкым шем шыҥалык йымачет. Лук-ян ӱдырым волгыдо корныш. Ош шыҥалык дене ваштальте-ян шке тӱсетым…» [1, с. 99]*. Но верын-верын прозаик сентиментализмышкат лупшалтеш: *«А Настян шӱмжӧ вургыжеш, йӧсӧ шӧргыш тудым темда. Ондак изин, вара чот пызырал шындыш. Молан машина уке? Молан тачыже ыш тол? Чонжо вет шижтарен ыле. Ондален мо тудо? Кузе тый, чон, шкендым ондален кертынат? Молан ӱдырын шинчавӱдым йоктаренат? Ӱдыр шортеш, шижынат?»*[*1, с. 104*].

Икманаш, М. Кудряшовын «Шем шыҥалык йымалне» повестьше темыже да идейже могырым келге шонымашан произведений. Тудо, кызытсе илышын ятыр проблемыже-влакым нӧлталын, шонаш тарата. Писатель айдемын психологийжымат келгын нергелен мошта.

Литературо

1. *Кудряшов М.* Шем шыҥалык йымалне: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 2012. 106 с.

Л.В. Милютина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

З. ДУДИНАН СЫЛНЫМУТЫШТЫЖО АРТИСТ-ВЛАКЛАН ПӦЛЕКЛЫШАН РАМЕ УЖАШ (АДРЕСАТЫН ДА ЛИРИКЕ ГЕРОЙЫН ОБРАЗЫШТ)

Статья посвящена рассмотрению посвящения как компонента рамочного текста в поэзии З. Дудиной. В ней характеризуются посвящения артистам, особенности образа адресата и лирического героя.

Ключевые слова: *марийская поэзия, З. Дудина, поэтика, рамочный текст, посвящение, адресат, лирический герой.*

З. Дудинан сылнымутшын раме текстыштыже кугу верым пӧлеклыш налын шога, тудо «произведенийын кӧн лӱмеш возымым ончыкта» [2, с. 38]. Адресатын типше шотышто тудым тыге тӱшкалаш лиеш: 1) артист-влаклан пӧлеклыш, 2) туныктышо-влаклан пӧлеклыш, 3) мер пашаеҥ-влаклан пӧлеклыш, 3) шанчыеҥ-влаклан пӧлеклыш. Кугу вер артист-влаклан пӧлеклышлан ойыралтеш. Тыгай раме ужашлаште адресатын образше келгын почылтеш, тыгак тудын деке авторын отношенийже рашемдалтеш (тидыже лирике геройын образше, тудын шонкалымашыже да шижмашыже гоч коеш).

Артист-влаклан пӧлеклышан почеламут-влак кокла гыч иктыже – «Шочынам гын мураш…». Тудо марий актрисе, мурызо да телеончерын вӱдышыжӧ, Шернур кундемысе Купсола ялын шочшыжо Любовь Купсольцевалан пӧлеклалтын. З. Дудина мураш йӧратыше марий ӱдырым кӧргӧ чонжым почын пуа:

Шочынам гын мураш шошо кечын,
Муралтем шочшемлан куанен,
Шочмо мландыш шарен сото кечым,
Ачамлан-авамлан тауштен [1, с. 64].

Л. Купсольцева шке калыкшылан тауштен да тудлан порылыкым тыланен мура:

Кажнылан сугыньлен поро кечым,
Калыкемлан алал тауштен [1, с. 64].

«Майатулын» чолгыжшо сескемже» почеламутшым З. Дудина Марий Элын калык, Российын сулло артисткыже Маргарита Медиковалан пӧлеклен.

Поэтессе тудын чапле образ-влакым устан чоҥымыжым, кажне геройын илышыже дене илен моштымыжым, шочмо калыкын шӱмжым тарватен кертмыжым, айдеме шӱм-чоныш куанымат, ойгымат устан намиен шуктымыжым палемда, калыкым шуарымаште эше шуко сеҥымашым тудлан тылана:

Мод, артист, шке калыкетын
Кумылжым нӧлтен, вӱчкен.
Кӱшнӧ кучо порысетым,
Волгыдо эрлаш чӱчкен… [1, с. 66].
Тыланет нимат
Сценыште илаш, колаш…
Чон йӱлаш, йӱлаш пуалтын,
Калыкет ден кутыраш … [1, с. 67].

«Йӱлен колаш неле» почеламут Марий Элын сулло артистше, Шернур кундемысе Овдасола ялын шочшыжо Василий Павловлан пӧлеклалтын. Тудо савырык формо дене сералтын:

Колаш неле огыл,
Илен мошташ неле –
Поснак шочынат гын
Российын мландеш;
Поснак кушкынат гын
Марий кундемеш;
Тӱяш толынат гын,
Талант шулдыреш;
Мураш тоштынат гын
Чон рӱдӧ тугмеш…[1, с. 76].

З. Дудина почеламут гоч Василий Николаевичын илышыжым, характержым, надыржым ончыкта. *«Колаш неле огыл – илен мошташ неле», –* манеш автор. Тидын дене автор каласынеже: Василий Павлов эрыкым йӧратыше, тале, чолга айдеме лийын, тыгай айдемылан илаш, шкем арален кодаш, илышым илен мошташ неле, но кумдан палыме артист пашажым шке шонымыж семын, калыклан порым шонен ыштен. Мурылаже калыкын шӱмышкыжӧ шыҥеныт, кугу палым коденыт, сандене марий поэтессе, шке калыкше семынак, тудым порын шарнен ила.

З. Дудинан творчествыштыже артист-влаклан пӧлеклышан раме ужашлам лончылен лекмеке, тыгай итешлымашым ыштен кертына: поэтессе шке почеламутлажым кумдан палыме марий еҥ-влаклан пӧлекла; шукышт Шернур кундем гыч улыт; почеламут-влакын тӱҥ ойыртемышт да кумылышт – пагалыме еҥ да нунын пашашт дене кугешнымаш, нунын дене чон почын «кутырымаш», илыш нерген келгын шонкалымаш.

Литератур

1. Дудина З.М. Кум томан ойпого: поэзий, очерк-влак, кусарыме сылнымут. Икымше том: Куанышым, куэм ӧндал... Поэзий. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газета» ООО, 2012. 464 с.

2. Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В. Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ = Школлан марла сылнымутшанче термин мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай: Ассоциация финно-угорских университетов; NH Collegium Fenno-Ugricum**,** 2011. 80 с.

А.Ф. Мышкина
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РУСЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена проблеме переосмысления литературно-творческого наследия советского периода. На примере поэзии Я. Ухсая в работе намечены пути объективного анализа произведений классиков чувашской литературы.

Ключевые слова: *чувашская литература советской эпохи, соцреализм, чувашская поэзия, анализ и интерпретация, новые подходы.*

Процесс переосмысления наследия предыдущих поколений является естественным и необходимым явлением в науке. Не становится исключением и литературно-художественное творчество, несмотря на свою специфику и многозначность. Поколение XXI в. весьма пренебрежительно, в какой-то мере даже отрицательно относится к художественным идеалам и ценностям писателей советского периода. Однако, несмотря на идеологическую направленность всей советской литературы, в художественных произведениях 1917–1991 гг. достаточно ярко выразились не только социально-политические призывы и постулаты, но и индивидуальные художественные поиски писателей и национальные эстетические идеалы. Обратимся к примерам.

Яков Гаврилович Ухсай (настоящая фамилия – Никифоров, 1911–1986) уже при жизни стал классиком чувашской советской поэзии. Его творчество является неоднозначным и, как ни у кого другого, требует тщательного анализа в целях выявления причинно-следственных основ его произведений. Я. Ухсай, с одной стороны, был «рупором» советской идеологии (трагедия «Черная судьбина», роман в стихах «Лебяжье», поэмы «Симбирск», «Золотая книга народа» и др.), но, с другой стороны, он певец красоты чувашского языка, мудрости чувашского народа, более того, его по праву называют певцом «земли черной» («хура çĕр поэчĕ») (трагедия «Тудимер», цикл стихотворных новелл «Дед Кельбук», поэма «На вершине Гусли-горы» и др.). Причины таких особенностей его творчества – в его биографии.

Становление Я. Ухсая как поэта началось еще в раннем детстве. Первыми его учителями в этой области, по его собственному же признанию, были его родители. Вот как вспоминал поэт своего отца Гаврила Никифоровича: «Я помню себя с малолетства: лежали в теплом доме, на нарах под потолком. В осенние и зимние вечера отец мне часто рассказывал о событиях, происшедших давно в древности. Он был безграмотным, поэтому считал себя невежественным и несчастливым человеком, не понимал по-русски, однако чувашский язык лучше него в округе никто не знал, он душой чувствовал каждое слова нашего

языка» [3, с. 5], а «курная изба отца была тоже своеобразным творческим семинаром» [1, с. 13]. На будущего поэта благотворно влияла и мать, женщина в привычном смысле тоже неграмотная, но она знала множество народных сказок, которые любила рассказывать своим детям. «Прядущая мама под песню веретена рассказывала нам сказки, нередко они были такие длинные, что одной хватало на три-четыре вечера. Рассказывая тихим, спокойным голосом, мать сопровождала содержание песнями героини или героя то печально-задушевными, то озорными, веселыми, вызывающими бурный восторг детей, и пела не только на чувашском, но и башкирском и татарском языках, которыми свободно владела» [3, с. 6]. Все это свидетельствует о том, что с прибаутками отца и сказками, песнями матери будущий поэт глубоко впитал богатство чувашского фольклора и языка, что, бесспорно, нашло отражение в его поэтическом творчестве. Наряду с этим сильное влияние на Я. Ухсая оказал также Константин Иванов, который приходился ему не только знаменитым односельчанином, но еще и родственником.

Вторым этапом творческого становления Я. Ухсая стали годы обучения в начальной советской трудовой школе первой ступени, в своем же селе. В школьные годы поэт серьезно увлекся самодеятельным театром. Он был неизменным участником всех постановок национальных пьес-агиток [1, с. 24] и переведенных на чувашский язык произведений Н. Островского. Участие в спектаклях пробудило у школьника большой интерес к художественному творчеству. Как он вспоминал позже, «увлекшись самодеятельным театром, я решил сочинить пьесу» [1, с. 25]. И он, действительно, его сочинил, но это еще не было полноценным произведением, а лишь первой пробой пера.

Обучаясь в Школе крестьянской молодежи (г. Бижбуляк), куда поступил в 1925 г., Я. Ухсай также настойчиво оттачивал свое поэтическое перо. Вспоминая этот период своей жизни, поэт писал: «… подумал, что мне, секретарю пионерского отряда, носящего имя легендарного героя гражданской войны, не к лицу увлекаться трелями жаворонков над знойным полем. Надо написать стихотворение, которое бы было, прежде всего, по своему духу революционно. И вот, лежа в теплом материнском мешке, заменяющем матрац, подушку и одеяло, когда в комнате все уже спали, я лихорадочно шептал строчку за строчкой… Так родилось мое первое стихотворение, которое назвал грозно – «В тюрьме» [1, с. 27]. Это стихотворение было напечатано в школьной стенной газете. Годы обучения в Бижбулякской школе способствовали раскрытию художественно-поэтического дара Я. Ухсая: здесь работал литературный кружок, выпускался рукописный журнал «Пламя», был организован драматический кружок, т.е. каждый школьник не просто жил, а дышал «творческим воздухом».

Началом осознанного творчества Я. Ухсая стало стихотворение на чувашском языке «Я полюбил мальчишкой вас» (1928), в котором ярко выражены чувства и переживания начинающего поэта и глубоко запечатлены годы его «детства золотого» [1, с. 16]. Заметим, до этого произведения у него уже было опубликовано стихотворение «Шагаем» (1928) на татарском языке в комсомольской газете «Яш юксул».

В 30-х годах XX века происходит идеологизация творчества Я. Ухсая. Основными мотивами его творчества становятся: мотив приобщения чувашского народа к социалистической жизни, мотив счастья от свободного и творческого труда – постепенно они выросли в тему жизни и труда чувашской колхозной деревни. «Творческие искания поэта находились в общем русле развития литературы социалистического реализма, выдвинувшей на первое место художественное изображение человека труда. Именно в годы, когда развернулось наступление социализма по всему фронту, Горький сказал, что труд должен стать основным героем книг советских писателей. И в творчестве Ухсая этот призыв получил свою реализацию» [2, с. 32]. Я. Ухсай в своей поэзии всегда отзывался на все социальные, политические и трудовые изменения в жизни страны и родного края: колхозное строительство, принятие Конституции страны в 1930-х гг., Великая Отечественная война, послевоенный мирный труд и т.д. «Ухсай вошел в прославленный «храм науки» (речь идет о факультете литературы и искусства МГУ им. М.В. Ломоносова. – *А.М.*), а вместе с тем и в большую литературу, когда идея социалистической индустриализации, ставшая еще во второй половине 20-х годов в СССР высшим выражением хозяйственного расчета и человеколюбия, успешно уже реализовалась в первые годы социалистической пятилетки, призванной создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать промышленность, транспорт и сельское хозяйство» [1, с. 62]. И данный факт весьма ощутимо проявился во всем творчестве Я. Ухсая.

В эпоху первых пятилеток, индустриализации и всеобщей коллективизации страны лирическая поэзия уступила свое место гражданской, патриотической лирике. Это наблюдалось и в творчестве Я. Ухсая, который в 30-егг. XX в. почти не создавал стихов на интимно-любовные темы, но «именно в эту пору у Ухсая и складываются в своих главных чертах основные принципы его эстетической программы, получившей название «философии чернозема», <…> которая исходила из необходимости самых тесных связей между землей и поэзией, из убеждения, что поэт должен воспевать отчий край и свой народ, <…> т.е. следовать тем нравственно-этическим нормам и эстетическим критериям народа, из каковой среды вышел и сам поэт» [2, с. 32–33].

Таким образом, творчество Я. Ухсая вполне объяснима и понятна, если учитывать то, что на его поэтическое становление и рост активно влияли два основных фактора: национальная (через родителей, односельчан) и социально-политическая среда. При этом результат влияния второго фактора нельзя сбрасывать со счетов, ибо чувашский классик, как и миллионы людей, искренне верил в общественные идеалы своего времени и объективно выразил их в своем творчестве.

Литература

1. Басаргин Б. Яков Ухсай // НА ЧГИГН. Отд.V. Ед. хр. 189. Инв. № 1120.

2. Иванов И.И. Творчество Якова Ухсая и развитие эпических жанров в чувашской советской поэзии // НА ЧГИГН. Отд.V. Ед. хр. 1109. Инв. № 6311.

3. Ухсай Я. Çырнисен пуххи. 2 том: Поэмăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 310 с.

И.Ф. Павлова, А.Ф. Семенов
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

ОБРАЗ РЕБЕНКА-СИРОТЫ В УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ВОЙНЕ

В статье анализируются смысловая природа и художественная роль образа ребенка-сироты в удмуртской литературе о войне.

Ключевые слова: *удмуртская литература, тема войны, образ ребенка-сироты, поэтика персонажа.*

Тяжелая жизнь сироты – проблема, достаточно активно разрабатываемая литературой и фольклором. В народных сказках, песнях, балладах имеется большое количество сюжетов, героем которых является сирота. Следует отметить, что литературные и фольклорные тексты порой просто служат примером различного употребления слова «сирота», но чаще всего они скрывают в себе архаичные представления о сиротстве. Общеизвестно, что сиротство как литературный образ – это состояние обездоленности, одиночества, беззащитности. В литературном произведении определение «сирота» появляется в тех случаях, когда требуется вызвать жалость к герою, оттенить идею принадлежности героя к категории «оставленных», обиженных. Образы детей-сирот нашли выразительное воплощение в творчестве многих русских писателей, к примеру, «Мцыри» М.Ю. Лермонтова, «Крестьянские дети» Н.А. Некрасова, «Дети подземелья» В.Г. Короленко, «Ванька» А.П. Чехова, «Судьба человека» М.А. Шолохова и др.

Образ сироты актуален и в удмуртской культуре. Так, И.В. Пчеловодовой [7] и Г.Н. Шушаковой [8] исследован мотив сиротства в удмуртской народной песне. В данной статье нами сделана попытка рассмотреть образ ребенка-сироты в удмуртской литературе. Наиболее динамично тема сиротства в удмуртской литературе освещалась в 1930-е годы, 1940–1970-е годы. Ее исторические корни уходят в Первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную войны.

Для современного читателя практически неизвестным остается имя Ивана Еремеевича Еремеева (1909–1930), который одним из первых в национальной литературе обратился к изображению горькой сиротской доли. В этом смысле представляют интерес его стихотворения «Уйвот» («Сон»), «Сироталэн вотамез» («Сон сироты»), «Сирота нылпиос» («Дети-сироты») и др. В основе этих произведений – воспоминания автора о его тяжелом детстве. Поэт рано осиротел, беспризорничал, затем попал в детский дом. С особой силой боль потери родителей звучит в стихотворении И. Еремеева «Дети-сироты», ставшем впоследствии народной песней. Начинается стихотворение протяжно, как народная песня:

Горе шло за войной,
Жизнь была нелегка.
Кровь катилась волной,
Как большая река [1].

На войне, «даже вести с дороги» жене не послав, погибает отец. Мать, не зная, как дальше жить, берется «покорно» за непосильную мужскую работу, погибает во время рубки леса:

Вдох последний, короткий…
Неподвижна она.
И напрасно сиротки
Ждали мать допоздна [1].

Безнадежен и печален плач детей, нашедших свою мать мертвой. Явственно воспроизведена картина детства, которая часто мучила поэта. Желание вернуться к прошлому проявляется в стихотворении «Сон». Во сне герой видит свою добрую, ласковую мать, слышит ее родной, любимый голос:

Останься дома, мой сынок,
Ведь ты у матери один.
Кажи, как ты решиться мог
Меня покинуть, милый сын? [1].

Вскоре детское «виденье» стает, герой пробуждается ото сна, и «прошлого простыл и след».

Тяжелая судьба сиротства постигла известного удмуртского прозаика и поэта, общественного деятеля Михаила Петровича Петрова (1905–1955). Напомним, что широкую популярность М. Петрову принесли военные рассказы и стихи, а также роман «Вуж Мултан» («Старый Мултан»). Многогранное творчество М. Петрова, к сожалению, остается далеко не во всем изученным и понятным. Так, до сих пор не рассмотрены его произведения, посвященные проблеме сиротства. Жизнь не сделала М. Петрова замкнутым и озлобленным человеком, произведения его полны глубокой любви к людям и веры в светлое будущее. Большую обобщающую силу имеет рассказ «Гришален шудэз» («Счастье Гриши»), где соединены биографическая основа и умелая типизация. В данном рассказе открытым авторским чувством изображена судьба маленького мальчика-сироты, пробивающегося через все обстоятельства и преграды к знаниям. Рассказ М. Петрова вызывает своеобразные ассоциации с рассказами «Ванька» А. П. Чехова, «Дети подземелья» В. Короленко и др. Такое же сострадание к беззащитному ребенку, такая же внутренняя сила маленького героя. Мотив сиротства присутствует и в поэтических произведениях М. Петрова, к примеру, в стихотворении «Письмо сестры» и поэме «Былое». Автор описывает тяжелые годы сиротства, батрачество:

Детство! Чем тебя мне вспоминать?
Третий год мне шел – отца лишился,
Вслед за ним со мной простилась мать.
Песню, переполненную грустью,
Я ли пел, иль жаворонок пел?
<…>
О, родная!
С молоком твоим я
Горе неизбывное впитал.
Как в дому чужом, бродил по миру,
Шел и падал, падал и вставал… («Былое») [6].

В этих строчках проявляется сила духа лирического героя, который, несмотря на жестокость жизни, остается добрым, верящим в то, что все в жизни будет хорошо.

В золотой фонд удмуртской литературы вошел роман «Жить хочется» Петра Александровича Блинова (1913–1942) – это первый большой содержательной важности роман в удмуртской литературе, посвященный художественному исследованию проблемы сиротства эпохи гражданской войны. В нем психологически достоверно изображена судьба сироты Деми. В самом начале романа перед читателем предстает живой, убедительный образ несчастного ребенка («небольшого существа»), сочувственно нарисованного автором: «*Худенький, промоченный насквозь, парнишка трепетал, как осиновый лист на ветру. Зубы стучали. Казалось, дрожь приросла к нему… Истощенное тело нечем согреть ни изнутри, ни сверху. А сейчас на рубашке из грубого холста и подштанниках и нитки сухой не найти»* [2, с. 8. Пер. с удм. Н.Г. Ермолаевой]. Путь социального, гражданского, личностного становления Деми (городская банда беспризорников, учеба, заводской коллектив, трудовая жизнь в новом колхозе) психологически мотивирован. Главный герой – «молодой человек, поднятый советской властью с самого дна общества. Блинов проводит своего героя через разные круги жизни, сталкивая с разными людьми, заставляет его сквозь жизненные невзгоды, неудачно складывающиеся обстоятельства пробиваться к человеческому существованию», – писала Н. Ермолаева [2, с. 156].

В 1970-е годы к проблеме сиротства обращается Трофим Архипович Архипов (1908–1993) в своей повести «Ортчеменыз пумиськон» («Встреча с прошлым»). Главный его герой Антонов Прокопий принадлежит к одному с автором поколению, и многие факты его биографии совпадают с биографией писателя. Примечателен эпизод, описывающий рождение героя в поле во время уборки урожая, эта сцена во многом показательная для того времени. С первых минут жизни ребенок был предоставлен самому себе. Революция, гражданская война, потеря отца, классовая борьба, служба разведчиком в дивизии легендарного Азина, рабфак, работа на заводе – со всеми этими событиями оказалась связанной судьба мальчика-сироты. Активное использование в повести этнографического, фольклорного материала помогает писателю воссоздать картину национального быта, живописать повседневные заботы крестьян. Исследователи также отмечают, что достоинством произведений Т. Архипова является «образность слова», «ориентация на звучащую народную речь» [5, с. 21].

Горькая судьба детей-сирот не оставила равнодушным Романа Галяскаровича Валишина (1937–1979). Этой теме он посвятил рассказ «Осколок свинца». Главная героиня прожила тяжелую жизнь. Во время войны Катерина потеряла родителей, осталась у чужой женщины Орины, приютившей нищенок на ночь. Сильное впечатление производит сцена смерти матери девочки, которая металась в ознобе в постели и которая затем *«как-то странно вытянулась и умолкла»* [3, с. 110]. С особой теплотой к девочке-сироте отнесся дед Андриан, который приютил сироту в своем доме. Драматизм повествования оттеняет судьба Катерины после замужества. Корыстолюбивую свекровь не устраивает

приданое сиротки-бесприданницы. Трудности жизни не сделали героиню озлобленной и равнодушной. Свою доброту, отзывчивость Катерина объясняет тем, что она относится к людям, которые *«с самой войны носят в себе осколки… Вот этот осколок и не дает мне покоя. Увижу плачущего человека, сама не могу от слез удержаться, почувствую – больно кому-то, самой больно становится»* [3, с. 117].

Беглый обзор произведений удмуртской литературы, воссоздающих образ ребенка-сироты, позволяет говорить о том, что в основе многих произведений лежит авторская биография. Отсюда глубоко личное, эмоционально-чувственное изображение судьбы ребенка и окружающего его мира.

Литература

1. *Ар-Серги В.В.* Иван Еремеев. Ижевск: Известия УР, 2009. 16 с.

2. *Блинов П.* Жить хочется: роман / пер. с удм. и послесл. *Н. Ермолаевой.* Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1967. 155 с.

3. *Валишин Р.Г.* Незамерзшие цветы: рассказы / сост. *Г.В. Романова.* Ижевск Удмуртия, 2004. 208 с.

4. Домокош П. История удмуртской литературы. Ижевск: Удмуртия, 1993. 446 с.

5. *Зайцева Т.И.* Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек: монография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2009. 376 с.

6. *Петров М.П.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Стихотворения. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 23 с.

7. *Пчеловодова И.В.* Мотив сиротства в удмуртских народных песнях // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика // URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/pchelovodova2.htm (дата обращения: 15.04.2016).

8. *Шушакова Г.Н.* Поэтика удмуртской сиротской песни // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 297–299.

Ю.Н. Разина
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Г. А. ХОДЫРЕВА

В статье рассматривается жанрово-тематическое многообразие творчества удмуртского детского писателя Г.А. Ходырева, особое внимание уделяется его самобытно-поэтическому восприятию мира, проблеме художественности и литературного контекста.

Ключевые слова: *удмуртская детская литература, жанр, творческая индивидуальность, традиция, контекст, художественность.*

Художественные и жанрово-стилевые поиски присущи каждому пишущему автору. В стремлении выразить себя или создать новые мыслеформы писатель не может и не должен отказываться от тех жанров и стилей, которые способствуют, с одной стороны, его возможностям, с другой, – нравственно-

эстетическим или воспитательно-образовательным задачам. Творческий диапазон удмуртского писателя Германа Алексеевича Ходырева (1932–1995) довольно обширен как в содержательном, так и формальном измерениях. Учитель по профессии, Г.А. Ходырев, кроме преподавания в школе, трудился в районном отделе народного образования, в редакциях районных и республиканских газет и журналов. Он обладал незаурядными организаторскими способностями, легко завладевал любой аудиторией не только добрым словом и искрометным юмором; он также слыл душой компании, по свидетельству очевидцев, виртуозно играл на балалайке.

Г. Ходырев работал в жанрах детского стиха, поэмы, сказки, был переводчиком, лирическим и детским поэтом-песенником, прозаиком-очеркистом, литературным критиком, а потому его творчество интересно самым разным возрастным категориям читателей.

Оттачивание «тонкостей» удмуртского языка стало неотъемлемой частью творчества писателя, возвращающего юному (и не только юному) читателю сочный и живой родной язык, к сожалению, в современных условиях подвергающийся ассимиляции. Следует отметить уникальную способность Г.А. Ходырева использования и творческой переработки народных потешек, сочинение скороговорок и прибауток. Многие его произведения вошли в учебники и хрестоматии для чтения по родному языку.

Писатель свободно говорит с читателями на любую заданную тему, поднимая вопросы бытового, социального и экологического характера, будь то в сказочных [8] или героических поэмах, в познавательных и поучительных стихотворных миниатюрах или документально-художественных рассказах и воспоминаниях о современниках. Не мог обойти писатель и героическую тему, написав прозаическую повесть в соавторстве с В.В. Голубевым [2]. Служение высоким идеалам человечества и искусства всегда выделяло писателя-гражданина среди его соплеменников. Таковым предстает Г. А. Ходырев, например, в своих поэмах для среднего школьного возраста и юношества [10]. Как писатель-очеркист Г. Ходырев изучает жизнь знаменитых людей Удмуртии П. Чайковского, Кедра Митрея, К. Герда, Ашальчи Оки и др. и на основе своих наблюдений создает небольшие портретные зарисовки [6].

Заслуживает внимания и песенное творчество Г. Ходырева. На его стихи композитор Ю.Л. Толкач создал кантату, две сюиты и целую серию детских песен [5]. Композитором С.Г. Красиным также выпущен внушительный альбом песен на стихи народного поэта [3, с. 3–60]. Трудно перечислить имена всех композиторов, переложивших его стихи на музыку – это Г. Матвеев «Шуд ай, арганчи!» («Сыграй-ка, гармонист!»), «Изь, нылы!» («Спи, моя доченька»), Н. Шкляев «Куке но чук зардытозь» («Когда-нибудь до утренней зари»), М. Коробов «Лирической частушкаос», Г. Павлов «Лыктэлэ ми доры!» («Приезжайте к нам!»), Н. Новожилов «Алнаш вальсмы» («Алнашский вальс») [1] и др.

По-настоящему популярными стали лирические песни на его стихи «Юг тодьы жоккышет» («Ослепительно белая скатерть», композитор П. Кузнецов) [12, с. 11], «Мар-о меда кароно» («А что же делать», композитор Н. Шкляев), ставшие застольными песнями:

Бергась куарлэн усемез кадь
Аръёсы но ортчо кадь
Келясал, пумитасал но
Мар-о меда кароно?
Сюлмы висе, сюлмы возьма
Зырдаса кадь со гома
Шудэ вань. дыр, кытын ке но
Мар-о меда кароно?
Поезд кошке, поезд лыктэ
Поезд васькытэ, пуктэ.
Мынам сюлмы тэльмыре но
Мар-о меда кароно?
Со но ас шудзэ утча, дыр
Огназ шулдыр овол, дыр
Келяськи но, пумитай но
Аслым мар-о кароно?

(Словно падение кружащихся листьев,
Кажется, и мои годы проходят.
Я бы провожал(а), я бы встречал(а),
Но вот что же делать?
Сердце ноет, сердце ждет,
Оно горит и пылает.
Счастье мое есть, наверное, где-то,
Но вот что же делать?
Поезд отходит, поезд подходит,
Поезд оставляет, поезд забирает.
Мое сердце изнывает,
Но вот что же делать?
Оно, наверняка, тоже ищет своего счастья,
Одному, наверное, невесело.
И провожал(а), и встречал(а),
А вот самому(й)-то что делать?)

[Подстрочный перевод с удмуртского наш – *Ю.Р.*].

В качестве переводчика русской детской литературы Г.А. Ходырев предстал в нескольких книгах [11, с. 127–138, 10, с. 52–56 и др.]. Он перевел на удмуртский язык произведения П. Воронько, И. Курлата, Ю. Кушака, Г. Ладонщикова, И. Мазнина, Ю. Шесталова, О. Поскребышева. Как ответный шаг – перевод его собственных стихов на русский, башкирский, коми, марийский, татарский, украинский и другие языки [4; 7; 9 и др.].

Таким образом, вполне закономерно творчество Г. А. Ходырева выделялось в пространстве удмуртской литературы. Критики и литературоведы не обделяли писателя своим вниманием. Писали и до сих пор пишут о жизни и творчестве Г.А. Ходырева журналисты, писатели-биографы, друзья по писательскому «цеху», студенты и просто те, кто знал его лично. Автором данной статьи подготовлено собрание литературно-критических статей, посвященных анализу его творчества и отдельных произведений.

Литература

1. Вай кырзалом, эшъёс! Ижевск: Удмуртия, 1993. 288 с.
2. *Голубев В.В., Ходырев Г.А.* Örзи: Петр Бабкин сярысь повесть. Ижевск: Удмуртия, 1969. 73 с.
3. *Красин С.Г.* Наша Кама: песни на стихи народного поэта Удмуртии Германа Ходырева: песни для хора. Ижевск: Ижев. респ. типогр.2002. 63 с.
4. *Кушак Ю.* Дом друзей. М., 1985. 116 с.
5. *Толкач Ю.* URL: http://urmusic.ru/album/tolkach-yurij-lvovich/ (дата обращения: 21.08.2016).
6. *Ходырев Г.* Кызьы меда лыктиды: Ижевск: Удмуртия, 1998. 132 с.
7. *Ходырев Г.А.* Луговой цветок. М.: Малыш, 1986. 26 с.
8. *Ходырев Г.А.* Ми но Толэзе! Ижевск: Удмуртия, 1964. 14 с.
9. *Ходырев Г.А.* Счастливая ива. М.: Советская Россия, 1974. 40 с.
10. *Ходырев Г.А.* Чале ми возы. Ижевск: Удмуртия, 1982. 60 с.
11. *Ходырев Г.А.* Чебеляй. Ижевск: Удмуртия, 1994. 142 с.
12. *Ходырев Г.* Тодьы жоккышет // Кизили. 1994. № 4. с. 11.

А.Р. Родыгина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ Г.М. ПИРОГОВА «ГОРЬКИЙ МЕД»

Статья посвящена анализу автобиографизма в повести марийского прозаика Г.М. Пирогова. Выявляется система персонажей, их прототипы, особенности построения характеров.

Ключевые слова: *марийская проза, Г.М. Пирогов, автобиографическая повесть, автобиографизм, прототип, система персонажей.*

Одним из значительных произведений марийского прозаика Геннадия Михайловича Пирогова является автобиографическая повесть «Кочо мӱй» («Горький мед», 1980–1982 гг.).

Прототипом главного героя, Королева Эрика Федоровича, стал сам автор. В основе сюжета повести – собственные воспоминания писателя, дополненные размышлениями, оценками его родственников и художественным вымыслом.

Все сюжетные линии и связаны с ними персонажи и события прямо или косвенно сопряжены с жизнью и деятельностью автобиографического героя. Автор показывает беззаботное и счастливое детство деревенского мальчика, которое заканчивается с началом Великой Отечественной войны, навсегда лишившей Эрика дорогого, близкого и любимого им человека – отца. Рано повзрослев, он становится главным помощником и опорой матери: *«Как сегодня помню: в пятом классе осенью под покровом темной ночи отправили меня с пожилым Мигытан Семоном охранять трактор… и колхозу польза, и мне. За ночную смену ставят один день. Так и маме помогается»* [1, с. 22]. Суровые военные годы принесли боль, страдания, потери родных и близких в каждую, не только марийскую, семью, вспоминает писатель. Намеченный с самого начала пафос трагизма находит продолжение в целой череде последующих потерь,

например, герой теряет любимых женщин (это было характерно и для юношеской, и для поздней, зрелой, любви Эрика). Мотив жизненных трудностей присутствует и пединститутском периоде жизни Эрика. Одновременно автор вводит мотивы профессионального роста, раскрытия природных способностей, духовных возможностей человека. Основной точкой опоры в жизни героя станет работа.

Свою нелегкую личную судьбу писатель сравнивает с «горьким медом»: *«Лишь об одном сожалею – беспечная молодость и сегодняшняя семейная жизнь напоминают горький мед»* [1, с. 102]. Самая большая проблема его жизни – выпивающая жена: *«Однажды вернулся с командировки: ни деревянную кровать Эрика, ни свою кровать Лилия не заправила. В одном месте одеяло, в другом помятые подушки валяются. Простыня супруги запачканная, возможно, вырвало ее, что ли… Рядом с тапочкой валяется окурок, под кроватью – недопитая бутылка»* [1, с. 95]. Жизнь героя становится невыносимой. Эту мысль автор передает деталями интерьера, которые приобретают также психологическую окраску, передают состояние потерянности, уныния, безысходности. Герой все чаще начинает задумываться: *«Почему мы в мирное время не можем быть с любимым человеком? Что нам мешает? Чужие разговоры, сплетни, незаслуженные обвинения? Эх, надо было жениться, когда Лилия жила еще в деревне… Локоть-то ведь рядом же, но не укусишь…»* [1, с. 46]. Герою жалко себя, но он уже не в силах что-то изменить, хотя понимает истинные причины вульгарного поведения своей супруги: *«Вот как ока-а-зывается, – подумав про себя, с жалость посмотрел на Веселову. – Как говорит Лилия, дурак я. Не научился ценить ее доброту, полезные советы… В церковь Веселова ходила не по своей воле, да и в ряды комсомола, вероятно, обе руки подняв, не вступит. Одно понятно: обуздать дикого коня очень трудно…»* [1, с. 31]. Эрик признает свою вину и просит прощения у жены. Так в центре произведения оказывается идейно-нравственная проблематика, а именно, поиск личного счастья, невозможность его обретения, саморефлексия героя. Эрик Королев остается в семье, смиряется с положением ради возможности воспитывать любимую дочь. Он понимает также невозможность счастья с Эльвирой Мудровой (второй любовью героя), у которой семья и сын. Компенсацию отсутствию личного счастья находит в творчестве, приносящем ему душевное спокойствие и умиротворение. Герой всматривается в жизнь, окружающих людей, пытается понять истоки зла и враждебности, тянется к светлому, отстаивает свои убеждения и нравственные принципы. Несмотря на все жизненные трудности и невзгоды, Эрик упорно двигается к своей цели (это жизненное кредо главного героя предстает как идея произведения).

Итак, автору удалось правдиво изобразить трудный жизненный путь творческого человека, перипетии его личной жизни, процесс их внутреннего переживания, а также профессиональное становление героя как журналиста и писателя. Повествование от первого лица, используемое в произведении, создает не только максимальную правдоподобность, но и позволяет уловить и прочувствовать малейшие душевные переживания главного героя.

Литература

1. *Пирогов Г.М.* Кочо мӱй: повесть ден койдарчык. Йошкар-Ола: Изд-во «МПИК», 2006. 148 с.

М.В. Рябинина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГОРДЕЕВА*

В статье рассматриваются основные приемы психологического изображения в повестях марийского писателя Г. Гордеева, выявляются их функции в раскрытии внутреннего мира персонажей.

Ключевые слова: *марийская повесть, психологизм, внутренний монолог, психологическая деталь.*

Психологизм как способ проникновения во внутренний мир человека в той или иной мере присущ творчеству каждого писателя. В марийской прозе можно выделить целый ряд авторов, творчество которых отличается активным использованием психологических форм и приемов. Одним из них является Геннадий Филимонович Гордеев.

В его творчестве одним из главных приемов передачи сложных мыслительных процессов у повествователя и героя, средством раскрытия конфликтов, разворачивающихся во внутреннем мире персонажа, является внутренний монолог – «непосредственная фиксация и воспроизведение мыслей героя, в большей или меньшей степени имитирующее реальные психологические закономерности внутренней речи» [2, с. 245]. Используя данный прием, автор как бы «подслушивает» мысли героя «во всей их естественности, непреднамеренности и необработанности, воспроизводит и речевую манеру данного персонажа, а следовательно, и его манеру мышления» [2, с. 245].

В повести Г. Гордеева «Волгыжмо вашеш» («Перед рассветом») это, главным образом, обращенные монологи исповедального характера молодого музыканта и певца Игоря. Воображаемый их адресат – любимая девушка Таня, которая выходит замуж за другого человека. Все внутренние монологи героя, объединенные в одну цепочку, раскрывают динамизм и драматизм его переживаний. Внутренняя тревога, борьба в душе Игоря вызвана двумя причинами. Первая – творческий кризис; душа просит нового, интересных идей, но герой не может реализовать свои возможности, душа его неспокойна. Вторая причина – уход любимой к другому человеку. Обращенные монологи Игоря перемежаются, сопрягаются с прямыми (наяву) обращениями к девушке, усиливая драматизм внутреннего состояния героя: «*Таня, пелеште иктаж шомакым, – кидше дене ӱдыр вачышке шыман тӱкна. – Ужат вет, мылам шучко, мый нимом ом умыло: мо ыштaлтеш? Эсогыл шке илышемым ом умыло.*

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.*

Кӧ улам, молан илем? Чыла вере возат, ойлат, ӱчашат, а мылам утларак веле шучко, утларак ӱлыкӧ волымемла чучеш. Нимом колаш огыл манын, ала-кушко шылын кайыме шуэш» [2, с. 115] («Таня, произнеси хоть несколько слов, – руками нежно прикасается девичьего плеча. – Ты же видишь, мне страшно, я ничего не понимаю: что происходит? Даже своей жизни не понимаю. Кто я, зачем живу? Везде пишут, обсуждают, спорят, а мне от этого становится еще хуже, словно я опускаюсь все ниже и ниже. Хочется иногда спрятаться где-нибудь, чтобы ничего не слышать и не видеть»). Данный монолог-исповедь Игоря, дополняющий внутренние другие монологи исповедальной направленности, не только обнажает психологическое состояние героя, но и выполняет характерологическую функцию: высвечивает такие черты характера героя, как наивность, беспомощность, легкомыслие, неспособность самостоятельно принимать решения.

Таня – воплощение другого типа характера; это находит отражение и в смысловой структуре внутренних монологов героини. Ее монологи поучительные, в них чувствуется твердость характера, уверенность и зрелость мышления. Приведем пример обращенного монолога героини: *«Тый алят самырык годсо эрыкым йӧратет. Айдемылан вара семын еш илыш шулдырым шочыкта. А еш илыш уке гын, ты шулдыр ок куш, ок вияҥ. Еш илыш кӧргышкӧ шылше чыла семымат тӱжваке луктеш. Кажне пагытын – шке йодмо эрыкше»* [2, с. 115] («Ты до сих пор любишь свободу молодости. Человеку семья становится своеобразной опорой, за спиной вырастают крылья. Без семейной жизни эти крылья не растут, не развиваются. Семейная жизнь все скрытые в твоей душе мелодии выводит в наружу. У каждого жизненного этапа своя свобода»); *«Шонет, но тугакак эрыкан кодаш тыршет. Илыш дене илаш тӱҥалман, тунам муретат кумдарак да келгырак лиеш. Кеч-кӧат илыш дене тӧр ошкылшаш. А тый ала-кушто кӱшнӧ, каваште, чоҥештылат, торасе яндарлыкым да поро кумылым моктет, тудым кучаш тыршет»* [2, с. 115] («Ты думаешь, но в это же время мечтаешь о свободе. Надо уметь жить, тогда и твои песни станут намного мудрее, смыслом глубже. Каждый человек должен идти в ногу со временем. А ты летаешь где-то высоко, в небе, восхищаешься придуманной чистотой и добротой, пытаешься поймать их»); *«Яндарлыкым да порылыкым ужын мошташ кӱлеш. А тый… але вара кызыт чыла тидым ужмым чарненат, самырык годсо моторлыкым веле шарнет? Санденак мурет чоныш логалеш гынат, самырык пагытым шарналтыме семын веле келша, самырык-влаклан конешне, тудо лишылын чучеш. Но илыш нерген келгынрак шоналташ кӱлеш»* [2, с. 115] («Чистоту и доброту надо уметь различать. А ты… неужели перестал все это замечать, помнишь только красоту молодости? Поэтому, если даже твоя песня берет за душу, она нравится как воспоминание молодости, молодому поколению, конечно, она близка. Но о жизни надо думать посерьезнее»).

Таким образом, благодаря использованию различных форм внутреннего монолога, обогащению их композиционной структуры, их смысловому насыщению, глубоко и всесторонне раскрывается сложная и богатая интеллектуально-эмоциональная жизнь персонажей.

В отличие от повести «Перед рассветом», в другой повести – «Омса вес велне» («По ту сторону двери») – средствами психологизма раскрывается внутренний мир не человеческой личности, а животного (в произведении очеловеченный образ собаки). Очевидное достижение повести – психологические детали в составе психологического портрета, в котором почти всегда портретные детали сочетаются с деталями суммарно-обозначающей формы психологизма, придающими психологическому портрету динамизм и выразительность.

В ходе повествования автор, стремясь проникнуть в особый мир переживаний и чувств животного, последовательно, детально воспроизводит внутреннее напряжение, боль, страдание собаки, прошедшей неимоверные трудности: голод, холод, унижение, потерю хозяев, предательство со стороны человека. Нюансы такого душевного состояния (высокая степень взволнованности, беспокойство, тяжесть, отчаяние и др.) передаются с помощью различных деталей косвенной и суммарно-обозначающей форм психологизма: *«Тылеч вара леве игечым вучыман огыл докан. Тидым Шарик пеш умыла,* ***шеҥгел пурла йолжым шӱдырен, пычкемыш урем дене ошкеда, тыш-туш ончыштеш,*** *ӱшык верым кычалеш. Кочмыжат моткоч шуэш да, кеч жаплан каналташ, вийым пӧртылташ манын, кукшырак да мардеж логалдыме верым муаш шона.*

Тудо кевыт ончыко толын шогале. Волгыдышко лекмыж дене, ала, кернак, лампочкын шокшыжо капшым ырыктен колтыш, ***могыржыланат куштылгынрак, шокшынрак чучо****. Кевыт ончылно йӱрат ок логал, мардежат ок витаре.*

Шарик капшым рӱзалтыш, лузга пунжо гыч йӱр вӱд йырым-йыр шыжалте. Пий уло капшыге лавырген пытен, могай тӱсан улмыжымат палаш ок лий, почшым гына пуйто шӧрышкак чыкен лукмо. Кок пылышыжат шыже лышташ гай вийдымын кеча. Капше гаяк ночко шинчаже урем вес могырышко онча*, но волгыдо гыч пычкемышке нимо ок кой. Тунам тудо йӱкым шекланаш тӱҥале. Но ял мучаште ик пийын ӧрканен опталтымыж деч моло нимо ыш шокто. Лач мардеж веле тугак йӱклана.*

Теве кевыт шеҥгелне тудо поснак талын урмыжалтыш, да тунамак пич пычкемыште гылде-голдо шоктен кодо. <…> Шарик ***уло капше дене чытырналте, эсогыл вуйжымат лап ыштыш****, пуйто шем вий тудын ӱмбачынжак эртыш.* ***Пий, осал вий деч лӱдын,*** *шаҥгысылак* ***окшаклен,*** *кевыт ончыч писын тарваныш,* ***пич пычкемышыш каен йомо.*** *Туштыжо нигӧ ок уж, тунарак лӱдыкшӧ огыл. <…>* ***Каяш вий уке*** *гынат, тыге шогаш ок йӧрӧ. А корно икте гына – ончыко»* [2, с. 7] («После этого, видимо, напрасно ждать теплой погоды. Это Шарик хорошо понимает, ***волоча заднюю правую ногу, волочится по темной улице, смотрит по сторонам,*** ищет тихое местечко. И есть хочется, чтобы хоть немного отдохнуть, вернуть силы, пытается найти сухое и безветренное место.

Он дошел до магазина. То ли от того, что вышел на свет, то ли благодаря теплу, идущей от лампочки, ***его телу стало легче и теплее***. У магазина и дождя нет, и ветер не мучает.

Шарик встряхнул свое тело, от примятой шерсти полетели во все стороны брызги дождевой воды. Собака вся в грязи, невозможно даже понять, какой она шерсти, только хвост чист, как будто ливнем помыли. Оба уха зависли, обессиленные, как осенние листья. Глаза, такие же мокрые, ка и все тело, смотрят в сторону улицы, но после света ничего не видно в темноте. Тогда он начал следить за звуками. Но в конце деревни, кроме ленивого лая одной собаки, ничего не слышно. Только ветер по-прежнему воет.

За магазином он особенно сильно зашумел, и в темноте вдруг послышался стук. <…> Шарик ***содрогнулся всем телом, даже голову к земле пригнул,*** будто черная сила над ним пролетела. ***Собака, испугавшись темной силы, прихрамывая,*** как и прежде, тронулся с места около магазина, ***растворился в темноте.*** Там-то его никто не увидит, и не так страшно. <…> ***Нет сил идти,*** но нельзя стоять. Дорога одна – вперед»).

Анималистический образ собаки, его психология, его экзистенциальное существование, предстающие в произведении через детали психологического портрета, внутренние жесты и прямое называние его состояния (физического и эмоционального страдания), становятся средством раскрытия идейного замысла автора, связанного с утверждением моральных ценностей и важности духовного благополучия человека, которые должны проявляться и по отношению к животным. Возможно, что через психологизацию образа собаки Г. Гордеев передает и внутреннее состояние современного человека, в этом случае, можно думать, размышления животного есть результат «глубоких социальных разочарований, как выражение отчаяния и безысходности в условиях современного бытия человечества» [3, с. 133].

Итак, в творчестве Г. Гордеева посредством внутренних монологов, художественных деталей в составе косвенного и суммарно-обозначающего форм психологизма раскрывается разнообразие душевных переживаний, настроений, мыслей и чувств, передаваемых во всем их многообразии и нюансах, ассоциативных связях, сложности и драматизме.

Литература

1. *Гордеев Г.Ф.* Омса вес велне: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 264 с.

2. *Есин А.Б.* Психологизм // Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. *Л.В.Чернец.* 2-е изд. перераб. и доп. М.: Высш.шк., 2006. 680 с.

3. *Кудрявцева Р.А.* Композиция рассказов «Дети мои» В. Бердинского, «Двое в старости» Арс. Тарасова и «Сверчок» Р. Рахман (опыт сравнительного анализа) // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 1 (13). С. 131–134.

М.П. Савирова
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АВАНТЮРНОГО СЮЖЕТА В ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ ЖАНРАХ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье приводятся точки зрения чувашских исследователей на характер приключенческой литературы, а также определяются истоки, композиционные особенности и образная специфика авантюрного сюжета в чувашской литературе.

Ключевые слова*: чувашское литературоведение, чувашская литература, приключенческие жанры, авантюрный сюжет, композиция, образная специфика.*

«Авантюрный сюжет опирается не на наличие героя и его места в жизни, а скорее на то, что он есть и с точки зрения всякой уже наличной действительности не предрешено, а неожиданно», – писал М.М. Бахтин [1, с. 120]. Имеются интересные замечания о чувашской приключенческой литературе и особенностях авантюрного сюжета, его композиции и образного оформления у чувашских исследователей, размышления которых перекликаются с идеями М.М. Бахтина.

Так, Г.Я. Хлебников, анализирующий роман Хв. Уяра «Тенета» и пытающийся определить истоки чувашской приключенческой прозы, в характерах главных персонажей Шахруна и Ярилы наблюдает сюжет их жизни. В нем он видит элементы сказочности, народной молвы, бывальщины. Включенные в текст романа рассказы о предках Шахруна, даны как предания; эпизод, в котором медведь благодарил Ярилу за спасение от волков, напоминает сказочно-новеллистическое повествование. Шахрун – «полуромантический злодей», но картина, в которых герой появляется, «соседствует с изрядной долей анекдотизма, полусказочной гиперболы, «народной молвы» [6, с.158, 159].

Из размышлений исследователя можно понять, что истоки приключенческих жанров были в анекдотах, сказках, устных рассказах о ворах, в побывальщине и т.д. Г.Я. Хлебников видит в поведении Шахруна выносливость, авантюрность, фантастическую силу. Его поступки напоминают времена, когда люди не понимали саму природу человека [6, с. 158]. Это указывает на то, что коштанские поступки Шахруна покрыты какой-то тайной. Интрига в повествовании о герое – в нем самом. Создатель деревенских интриг – Илле Щеголь, еще больше проявляющий свои коштанские привычки. Илле уже до знакомства с Шахруном был устоявшимся преступником. Оба героя злы и алчны [6, с. 159], их характеры схожи, поэтому их пути пересекаются.

Интрига есть и в поведении некоторых героев в повестях Н. Мартынова, романе М. Ильбека «Черный хлеб». Это подтверждает то, что авантюрность влияет на сюжет произведения и характер персонажей. В приключенческой литературе автор проявляет себя как мастер в изображении испытания героя в различных жизненных ситуациях, как мастер сюжета, как мастер авантюры. Исследователями отмечается, что распространению авантюрного сюжета способствовали очерковость и публицистичность чувашской прозы,

провоцирующие создание в произведении «легких конфликтов» и быстрое их решение.

Элементы авантюрного сюжета отмечаются исследователями и в повести «Бычий Лог» И. Тукташа. Они связаны, с одной стороны, с поведением отрицательных героев, их коварством, а с другой – с поведением нерешительных руководителей, которые не видят во враге их настоящий характер, их тайные устремления.

Исследования последних лет, в частности, работы В.Г. Родионова и Г.И. Федорова, показали, что и прозу Игн. Иванова можно отнести к категории авантюрно-детективных произведений. Прозаик описывает обычные события повседневной жизни, извлекая из них нравоучительный смысл. Сами названия его произведений, по мнению В.Г. Родионова, имеют назидательный характер [2]. Дидактика зачастую сводится к басенной аллегории, поучительной притче, а это уже приближение к приключенческому сюжету-притче, сюжету-басне. Игн. Иванов показывает небольшие приключения, которые случаются с жителями села и которые объясняются автором бытовой отсталостью людей, неумением прислушиваться к заветам предкам, которые соблюдали правила, установленные в селе.

В приключенческой прозе герой показан в различных жизненных ситуациях, где проверяется его характер, где развивается его психологическое состояние и мировоззрение. Герой авантюрного произведения важен, значим только в сюжете, «вне самого сюжета пуст» [1, с. 120].

Литература

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М: Сов. Россия, 1979. 320 с.

2. *Родионов В.Г.* Игнатий Иванов: пултарулăх портр. çырнисем. Ш: Чăв. ун-чĕн изд-ви, 2001. 80 с.

3. *Родионов В.Г.* О типах чувашского национального мышления // Известия нац. акад. наук и искусства ЧР. 2000. № 31. С. 18–25.

4. *Савирова М.П.* Художественное своеобразие чувашской приключенческой прозы: автореф. дис. … канд. фил. наук. Чебоксары, 2005. 20 с.

5. *Федоров Г.И.* Художественный мир чувашской прозы (1950–1985 гг.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуман. наук, 1996. 306 с.

6. *Хлебников Г.Я.* Меслетпе ăсталăх: ст. пуххи. Ш: Чăв. кĕн. изд-ви: 1984. 254 с.

Э.С. Семенова

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ПЕТ ПЕРШУТЫН РАМЕ ТЕКСТЫШТЫЖЕ ПÖЛЕКЛЫШЫН ДА ЭПИГРАФЫН ВЕРЫШТ

Статья посвящена исследованию двух компонентов рамочного текста (посвящения и эпиграфа) в поэзии П. Першута, их роли в художественном произведении.

Ключевые слова: *марийская литература, Пет Першут, поэтика, рамочный текст, посвящение, эпиграф.*

Пет Першутын произведенийлаштыже раме компонент семын икмыняр пӧлеклыш («произведенийым кӧн лӱмеш возымым ончыкта» [1, с. 38] да эпиграф («авторын тӱҥ шонымашыжым, сылнымут текстын идейжым почын пуаш полша» [1, с. 69] вашлиялтыт.

Пӧлеклыш тӱрлӧ форман улеш: 1) адресат «лӹмеш» мут дене пуалтеш: «*Н.В. Игнатьев лӹмеш» («*Сирызылан» почеламут); 2) адресат дательный падеж формо дене пуалтеш: *«Ш. Булатлан»* («У жеп мырызывлӓ» почеламут). Кок почеламутшымат автор 1934 ийыште возен да лишыл ешже-влаклан пӧлеклен.

«Сирызылан» почеламут курыкмарий поэт Н.В. Игнатьевлан пӧлеклалтын. Першут тудын дене кугешнымыже нерген воза. Почеламутын тӱҥалтыш корнылаштыжак автор Игнатьевын буржуй-влак ваштареш шогалмыже нерген каласкала:

Тӹнь пичалым кыченат,
Шык буржуйвлӓм лыпшенат… [2, с. 32].

Умбакыже, эрыкыш лекмеке, у пычалым («пером») кидыш налынат, революций, у шонымаш верч перо дене «кредалынат» манеш. Автор тыгак Н. Игнатьевын произведенийласе герой-влакшым шарналта – *Анфисам* («Комсомол ӱдыр» гыч) да *Савикым* («Савик» роман гыч). Никон Игнатьевым шкенжымат тудын геройжо, Савик дене таҥастара, поэтын тудын гаяк пеш писе йылман улмыжым, тушман-влакым шке йылмыже дене пӱшкылмыжым ушештара:

Йӹлмет пӹсы,
Савик ганьы ваштылат.
Шайыштмаш – кӹзы:
Йых тышманым пышкылат… [2, с. 33].

Пытартыш корнылаште Першут Игнатьевлан тыланымашым пуа: у произведенийлам сераш да у илыш верч, тушман ваштареш кредал шогаш.

«Сирызылан» почеламут граждан лирике радамыш пура. Произведенийын граждан идейжым пӱсемдаш да поэт-адресат дене кугешнымашыжым виянгдаш манын, автор тӱрлӧ сылнештарыме йӧн-влакым кучылтеш: эпитетым (*«йӹлмет пӹсы»),* таҥастарымашым (*«Савик ганьы ваштылат»),* олицетворенийым (*«Йых тышманым пышкылат», «Вурсы мардеж тоштым важ гыц царген, тодын»),* обращенийым («*Сирӹ, тангна, ӹвырте!»).*

Кокымшо пӧлеклышан почеламут *«У жеп мырызывлӓ»* маналтеш. Тудо поэт йолташыжлан *Шадт Булатлан* пӧлеклалтын. Почеламутышто Першут шкенжым да Шадт Булатым у саманын ямжым моктышо мурызыжо семын акла, йолташыже дене пырля умбакыжат шке пашажым шуяш да тоштым сеҥаш ямде улмыжо нерген воза.

Тиде почеламутат граждан лирике радамыш пура. Тыште жанр да теме шотышто рубрикылан келшыше сылнештарыме йӧн-влак кумдан кучылталтыныт: эпитет (*«пӹсы лыдышна»);* таҥастарымаш (*«лыдыш – пикш», «семжы – кӓрш»);* олицетворений (*«тоштым вуй гӹц лыпшена»).*

Першутын «Йӹмӹдӹмӹн мӹрӹжӹ» поэмыште эпиграф вашлиялтеш. Поэме пролог (тӱҥалтыш ой), эпилог да 20 кыдеж гыч шога. Произведенийыште

ончыл шонымашан ең-влакын религий ваштареш шогымашыштым ончыктымо. Эпиграф шотеш тыгай текст-влакым кучылтмо:

1) К. Марксын марлаш кусарыме мутшо:

Йымылан ӹиньӓнӹмӓшӹм,
Халыклан омыныштыш
Пурыла шанымашым пӹтӓрӹмӓш. – цилӓ сэмӹньок,
Лачокок, кӹрӓт пурок ылэш [3, с. 24].

2) В.И. Ленинын мутшо (Першут ***Лэньин*** манын воза):

Йымылан ӹиньӓнӹмӓш –
Халыкын ышым ородыш
Йад ылэш [3, с. 24].

3) ***СВБ*** манме источник гыч налме мут-влак:

Рэльиги ваштарэш кӹрэдӓлмӓш –
Социальизӹм вэрӌ кӹрэдӓлмӓш [3, с. 24].

Чыла эпиграф-влак ик идей дене кылдалтыныт: религий – тиде калыкын вуйжым аҥыргыктыше, у социализм илышлан келшыдыме шучко вий, садлан туддеч калыкым корандыман да социализм верч кредалман. Тыгай идей Першутын произведенийжын содержанийжылан келшен толеш.

Иктешлен каласена: пӧлеклыш-влак Пет Першутын тӱрлӧ граждан почеламутлаште вашлиялтыт, тӱрлӧ шонымашым шыҥдараш полшат; пӧлеклышан почеламут-влакын адресатышт – марий серызе, авторын сылнымут аланысе йолташыже-влак (Никон Игнатьев, Шадт Булат); эпиграф-влак поэмын идейжым ончылгоч рашемдат да авторын шонымашыжым, шижмашыжым почын пуаш полшат.

Литературт

1. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 80 с.

2. *Першут П.* У ӹылымаш: лыдышвла, поэмывлӓ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 136 с.

3. *Першут П.* Йымыдымын мырыжы. Илымылын ӹиньӓнӹмӓш ваштареш: поэма // У сем. 1933. № 3. С. 24–34.

И.Н. Смелова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Л. ЯНДАКОВЫН ПЬЕСЫЛАЖЫН ЖАНР СОДЕРЖАНИЙ ОЙЫРТЕМЫШТ

Статья посвящена изучению драматургии марийского писателя Л. Яндакова. В ней проанализированы разножанровые пьесы драматурга в аспекте их содержательной структуры.

Ключевые слова: *марийская драматургия, Л. Яндаков, драма, комедия, историческая пьеса, проблематика, пафос, сюжет.*

Леонид Логинович Яндаков 20 курым мучаш – 21 курым тӱҥалтышысе марий драматургийыште посна виян йӱкан мутмастар, ик эн тале серызе семын шкенжым палдарен. Тудо шочмо сылнымутнам ятыр драме («Тулык ава», «Ентавате»), трагикомедий («Опкын»), комедий («Пеледыш пайрем», «Йӧратымаш? Йӧратымаш! Йӧратымаш…»), музыкальный комедий («Пусаксолаште томаша»), йомак-пьесе («Пелчан кугыжа») да т.м. дене пойдарен. Писательын сылнымут саскаже кажныжын чоныштыжо поро кумылым саскандa, у волгыдо шижмашым тарвата, поро пашам ышташ ӱжеш, чын илаш тунықта. Тудо айдеме психологийым келгын нергелен моштышо, философий сынан серызе. Арамланак огыл марий театрыштат тудын кажне гаяк пьесыже почеш спектакльым шындат, а калык куанен онча. Леонид Логиновичын «Тулык аважым», мутлан, Чуваш Кугыжаныш Академический театрыштат ончыктеныт.

«Тулык ава» драмым Л. Яндаков 1989 возен. Писатель ава ден икшыве кокласе вашкылым, тулык ӱдыр ден рвезе-влак кокласе йӧратымашым нергела. Кызытсе саманыштат кажныже тулык кодын кертеш, но кажне тулык икшывын чоныштыжо яндар йӧратымаш тул йӱла – воза строка коклаштыже писатель. Но кертеш мо чын, яндар, ару шӱм-чон гыч лекше йӧратымашым уждымо икшыве йӧратен моштен да весымат пиаланым ыштен? Тиде йодышлан вашмутым драматург лудшылан кычалаш кода. Тыгодым автор «тулык» чон состоянийым моткоч келгын радамла. Писательым тачысе саманын шуко социальный проблеме-влакше тургыжландарат. Молан кӧра южо ава шочмо икшывыжым йочапӧртыштӧ кода, умбакыже тудо тиде йолтошкалтыш нергенже шоналта мо, ӧкына мо? Лиеш мо мондаш икымше йӧратымашым? Лиеш мо йӧратыде пиалан ешым чоҥаш да йӧратен моштышо икшывым ончен кушташ? – нине да моло йодыш-влак драматургым тургыжландарат.

Л. Яндаковын вес кугу произведенийже – «Ший калык» драме. Тиде исторический пьесе марий калыкын XIII курымысо (1237 ийысе) илыш пӧрдемжым сӱретла, тудын хан ваштареш шке эрыкше верч кучедалмыже нергелалтеш. Сандене драме героике шӱлышан (пафосан). Тудо посна финно-угор родо-тукым калыкынат (мордва, удмурт) ожнысо илышышт нерген. Марий калыкын патырышт – Онар, Чоткар, Мамич Бердей –чынжымак калык нерген тургыжланат, шочмо мландыштым, пошкудыштым илышышт деч утларак йӧратат. Каласен кодыман, пьесысе ятыр герой-влакым, сюжетым чоҥаш драматурглан кугыжаныш архивысе материал-шамыч полшеныт. Драмын финалже виш, сандене шонаш таратыше. Произведенийыште национальный проблематике нӧлталалтеш: марийын калык семын виян толмо корныжо, тӱвыра ойыртемже, онар, талешке енже-влакын героизмышт.

Ожнысек шкевуя, эрыкыште илыше марий калыкым монгол тарзыш кепшылтарынеже, санденак марий князьын эргыже ден шешкыжым Бату-хан пленыш налеш. Калыкшым, эрыкым арален кодаш, сар деч посна конфликт гыч лекташ манын, марий князь монгол-шамыч деке мутланаш кая, олмешыже Маршаным кода. Маршанын шке «кугу планже» лийын улмаш: монгол ханлан

ужалалташ (шийым, тарзеш поръеҥ ден ӱдырамашым пуаш), кайымекышт – шке князь лияш.

Марий калыкын чылашт дене поро вашкыл гынат, тудлан шке мландыжым аралымаш – эн кӱлешан сомыл. Бату-ханын вийже пеш кугу, тудо ик калыкым веле огыл пытарен, сандене Вашпатырын ойжо почеш калык талын сарлан ямдылалташ тӱҥалеш. Мучашлан марий сеҥалтеш: шуко патыр-влакын илышышт кошарга, ятырышт пленыш логалыт, но лудшо умыла: калык тыгаяк тале, виян, поро чонан да илыш шижмашан кодеш. Марий калыкын пеҥгыде чонжым, эрык шӱлышыжым нигузе кошарташ огеш лий – иктешла драматург.

Икманаш, Л. Яндаков шочмо калыкшын эртыме корныжым нергелен, патырлыкше да героизмже нерген эше ик гана ушештарен, калыкшын историйже да тӱвыраже дене кугешнымыжым ончыкта. Тудым тачысе саманын «нравственный чурийжат» тургыжландара. Тидыже кажне произведенийыштыже раш палдырна.

И.В. Софронова
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В «ЮГОРНО» А.Я. СПИРИДОНОВА

Статья посвящена изучению и классификации образной системы произведения А. Спиридонова «Югорно», определению художественного замысла автора в использовании фольклорных и мифологических героев, их трансформации в художественном произведении. Представленные в произведении герои разделены в статье на образы людей, мифологических персонажей, животных, а также добрых и злых персонажей.

Ключевые слова: *марийская литература, эпос, проблематика, поэтика, фольклор, мифология, система образов, классификация персонажей.*

В 2002 году вышла в свет книга русскоязычного писателя, фольклориста Марий Эл А.Я. Спиридонова «Югорно». Создание авторского варианта народного эпоса было популярно в литературах народов России еще в 20–30-х гг. XX века. Литераторы, чтобы сохранить язык, культуру народа пытаются напомнить о его славном историческом прошлом, воссоздают богатство фольклорных традиций.

В произведении А. Спиридонова «Югорно» сконцентрированы история, фольклор, мировидение марийского народа. Действия разворачиваются вокруг Пампалче и Салия. Через описание их судьбы автор показывает жизнь марийского народа, его представления о добре и зле, обычаи и обряды. По цели повествования «Югорно» можно отнести к мифологическому, семейно-бытовому эпосу. Герои произведения борются с мифологическим злом, которое покоряет души людей. В эпосе зло сконцентрировано в образах Таргылтыша и Тюкан Шура.

В системе образов произведения представлены добрые (Пампалче, Салий, Нёнчык-патыр и др.) и злые (Пектемыр, Таргылтыш, Киямат, кармакаи и др.) персонажи, а также образы людей, животных, мифических персонажей. В

некоторых случаях образы животных и мифических персонажей переплетаются. Образы мифических персонажей, в свою очередь, тоже можно разделить на добрых и злых.

Главным героем произведения является марийский народ. Автор показывает его духовный путь. Вначале мы видим, как народ хочет получить большой выкуп за Пампалче, при этом не учитывает желания молодых, их мнение. Народ распоряжается судьбой Пампалче, полагая, что в ней воплотилась внешняя и внутренняя красота народа. Народ желает обладать золотым яйцом, которое принес Салий. Его не удовлетворяют доставленные юношей ранее предметы культуры: огонь, серп, умение выращивать и печь хлеб. Народ поклоняется золоту, каждый хочет собрать больше скорлупы от золотого яйца. Все несчастья случаются от того, что человек впускает в свою душу золото. Затем он сотню лет проводит под гнетом Тюкан Шура. Вначале народ пытается бороться против зла, отправляет против него самых лучших сыновей: Салия, Нёнчык-патыра, Чучку, Чорая. Однако зло невозможно победить мечом. Странник сообщает, что Тюкан Шуру может одолеть только материнская любовь. Он отправляет Акмазика к Тюкан Шуре с лепешками, которые замесили на материнском молоке. То, что народ поклонился злу, впустил в свою душу золото, страдал из-за этого более ста лет, пожертвовал на борьбу со злом своих лучших сыновей, а потом догадался освободиться от зла при помощи любви – это и есть духовный путь марийского народа.

Одним из национальных черт марийского народа является закон согласования, гармонии. Народ не противостоит обману Пектемыра, он как ребенок, чист душой. Поэтому и наивен. Принимает обман за добрый поступок. Народ не противится злу, отвечает на обиду любовью. В то же время он отважен, горой стоит за своих богатырей. Так, за Нёнчык-патыром, Акмазиком поднимается целая рать.

Автор рисует марийский народ богатым. Это демонстрируется в описании женихов, собравшихся на сватовство Пампалче, при перечислении князей, пришедших на большой молебен. Из бедняков упомянуты отец Пампалче Орчама, матери Салия и Акмазика. Марийцы являются потомками великих богатырей, они чтут своих славных предков.

К людским образам относятся Пампалче, Салий, Орчама, Нёнчык-патыр, Чучка, Кюльмезь, его дочь Сави, Акмазик, Унавий, Чумбылат и др. Некоторые образы повествовать только упоминает, дает им краткую характеристику. Перечисленные богатыри принимают участие в борьбе против зла. Причем, наблюдается цепочка, когда «положительные персонажи в своих праведных делах сменяют друг друга . <…> борьбу против Пектемыра вначале ведет Нёнчык-патыр, затем Чучка, за ним следует Чорай, а завершает борьбу Акмазик. Такая же смена происходит и в позиции женских персонажей. Если в начале повествования ключевым женским персонажем является Пампалче, то в конце произведения в этой роли выступает уже Унавий» [1].

Пампалче – один из основных персонажей произведения. Через ее образ передается представление народа о красоте, трудолюбии, счастье. В марийском фольклоре образ сереброзубой Пампалче соответствует идеалу женщины, красоты. Поэтому она и стала одной из главных героинь. В народной сказке

Пампалче убегает от ненавистного жениха Князя водяного. Ее узнает старуха-вувер, пытается поймать. Пампалче прячется от нее на дереве (сосне, у А. Спиридонова – березе). Вувера отвлекают лесные животные: заяц, лиса, медведь. Пампалче спасается, взобравшись на небо по шелковой лестнице. Если в фольклорных текстах девушка отличается своей смекалкой, дружбой с животными, то в авторском варианте эпоса она верна своему возлюбленному, может постоять за свою любовь. Она также побеждает зло, избежав встречи, взаимодействия с ним.

Салий – собирательный образ. Во-первых, он охотник, происходит из знаменитого охотничьего рода, живет с матерью. Во-вторых, образ Салия соответствует демиургу. Он приносит огонь марийцам, учить класть печь, использовать серп, выращивать и выпекать хлеб. В-третьих, Салий – жених, преданный своей возлюбленной. Он готов пойти на край света, чтобы найти олно для ее выкупа. Он человек, верный своему слову. Возвращается из странствия по зову Пампалче, спасает ее от замужества с нелюбимым человеком. Он сторонник справедливости: приводит предков Пектемыра на общий сбор, старается показать людям, кем он на самом деле является. Салий приносит марийцам золотое яйцо, снесенное золотой уткой. Находит способ победить Таргылтыша. В конце произведения он становится слепым старцем. Так автор переиграл фольклорный мотив о том, что богатырь Салий ослеп от того, что с трона Юмо увидел бескрайность людского страдания.

Богатыри Нёнчык-паттыр, Чучка, Чорай борются с Таргылтышем. Но злое начало побеждает их своим могуществом, количеством. Кюльмезь – удмуртский богатырь, который дружен с марийцами. Несмотря на свою мудрость, он оказывается обманутым Пектемыром, который завладел его землями, затем смог перехитрить и друзей богатыря. За обман Кюльмезя Савий мстит людям Пектемыра. Ее образ соответствует образу женщины-воина.

Акмазик – продолжатель дела народных богатырей, он поднимает народ на борьбу против Тюкан Шура. Акмазик – сын бедной вдовы. Его образ имеет сходство с мотивом об убиении младенцев, распространенным в мировой литературе. С его приходом к Тюкан Шуру с лепешками, замешанными на молоке матери, убиение младенцев заканчивается, так как Тюкан Шур, став молочным братом, уже не может его убить. Богатырь сослан на 14 лет в лесную чащу. Он сообщает Унавий о злодействах ее отца и своем предназначении. Однако причиной смерти злого Тюкан Шура становится Унавий: чтобы спасти возлюбленного, она соглашается на убийство отца.

Старец Алмакай всегда принимает справедливые решения. Он не боится идти против мнения большинства, старается по справедливости разрешить любой вопрос. Уважает решение Пампалче, которая успела подарить солык Салию, предлагает дождаться возвращения богатыря из странствия.

Пектемыр – образ, который воплощает в себе отрицательные качества народа. Из-за своей алчности, стремления завладеть большим количеством земли, он обманывает народ, бога Юмо, богатыря Кюльмезя. Он разбивает золотое яйцо, продает душу злому Таргылтышу. Из-за жажды наживы, власти его сердце огрубело. Он держит народ в страхе и покорности. Повествовать

проявление злого начала в Пектемыре объясняет тем, что он является потомком кармакаев.

В произведении немало мифологических персонажей. Повествователь знакомит с ними по мере развертывания сюжета. Имена некоторых из них просто упоминаются, при упоминании же других приводится связанная с ними легенда или же дается краткая характеристика. Мифологические персонажи, как правило, делятся на добрых и злых. Это связано с представлением марийского народа о добром и злом начале. Они зародились с момента образования мира. Добрый бог Юмо и злой Йын являются родными братьями, которые появились из яйца золотой утки. В эпосе приводится легенда о сотворении мира. К добрым мифологическим персонажам относятся Кече (солнце), Пюрышо (предопределитель судеб), Пиамбар (посланец бога), Мландава (мать-земля), Белый Горный великан (посредник между богом и людьми), Юмын Шочын – мать Бога, Тюня Пюрышо (бог всего сущего), Серлагыш (бог-хранитель), Витньызе (бог-докладчик), Шочынава (порождающая мать). К злым духам относятся Йын-Керемет – хозяин подземного мира, Азырен – дух смерти, Овда – лесная женщина, кармакаи – низшие земные духи, Таргылтыш – демонологический персонаж, Опкын – злой, тупой великан, Ия – мелкий злой дух, Вувер-кува – старуха-колдунья. Так же есть Чобыра-кува – хранительница леса, Мардеж – бог ветра, Вюдоза – бог воды. Между людьми и духами складывались разные взаимоотношения. Так, дочь Юмо Пиамбар полюбила земного человека и вышла за него замуж. Кармакаями стали дети марийца, который постеснялся показать Юмо свое бедное потомство.

Повествователь упоминает и о животных-тотемах: серая, золотая утка, из яйца которой образуется вселенная; ежик, по велению которого все дороги становятся кривыми. В чувашском варианте обиженный еж рассказывает о порядке выращивания и выпекания хлеба.

Сквозным персонажем «Югорно» является гусляр, который в своих песнях рассказывает о славном прошлом марийского народа. Каждая песня начинается со вступления, содержащего любование окраинами марийской земли, отрывки народных песен, рассуждение о жизненных проблемах. Он с сочувствием относится к положительным героям, осуждает обман и ложь злых персонажей. Если в начале хладнокровно описывает обман Пектемыра во время молебна, в последующей части выводит его поступки на чистую воду, показывает его ухищрения. В речи повествователя демонстрируется мировидение марийского народа, его представление о счастье, добре, любви.

В произведении А. Спиридонова «Югорно» представлены сказочные, мифологические персонажи. Их выявление, классификация способствует определению художественного замысла автора, отличия эпоса от фольклорного варианта. Согласно замыслу художника, в литературном произведении фольклорные образы обогащены, дополнены смыслом. Автор демонстрирует богатство духовного мира марийского народа.

Литература

1. *Кошаев А.В*. Марийский героический эпос «Югорно»: история создания, тематика, проблематика, поэтика // URL: http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2015/10/koshaev-a.v.pdf (дата обращения: 30.09.2016)

2. *Спиридонов А.Я.* Югорно. Песнь о вещем пути: Эпос мари / пер. на мар. яз. А. Мокеева. 2-е изд. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2014. 248 с.

Л.В. Софронова, Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Л. СЕМЕНОВАН ОЙЛЫМАШЛАШТЫЖЕ АВА ДА ИКШЫВЕ ЙОДЫШ

В статье анализируются рассказы «Сын зовет» и «Валюш-Ванюш» Л. Семеновой с точки зрения их проблематики. Проблема матери и ребенка в этих произведениях дана в контрастной плоскости. В статье рассмотрены образы главных героев, их характеры через призму отношения к ребенку, а также выявляются особенности построения сюжета, идейного мира, пафоса этих произведений.

Ключевые слова: *марийская литература, Л. Семенова, проблема, герой, образ, сюжет, идея, пафос, тема, характер.*

«Эргым ӱжеш» да «Валюш-Ванюш» ойлымашлаште автор эн кугу тӱткышым ава ден икшыве йодышлан ойыра, герой-влакын илышыште шке верыштым кычалме куштылгак огыл корныштым, пӱрымашыштым, характерышт, мировоззренийышт вашталтмым мастарын ончыктен.

«Валюш-Ванюш» ойлымашыште кок изи тунемше, Валюш ден Ванюш, нунын коклаште келшымаш, ваш умылымаш да полшен шогымаш нерген ойлалтеш. Кугу верым Валюшын аважын, Лизукын, образше налеш. Валюш – изи ӱдыр, тунемше, аваж ден коктын гына илат, ачажым огешат пале. Валюш але изи гынат, но пеш пашаче, поро кумылан ӱдыр. Изи ӱдырын пырля тунемме йолташыже уло – Ванюш. Нуно эре пырля модыт, ваш-ваш унала коштыт. Шукыж годым Валюш Ванюш деке унала коштеш, молан манаш гын, Валюшын аваже кужу жапым (арня дене) мӧҥгыштӧ, икшыве пелен, огыл, а калык коклаште, ял ӱмбалне, эртара. Тудо арака йӱмӧ чер дене черланен, чарнен ок керт. А йочалан ава гына кӱлеш, ава тудын йӧратымашыже, полышыжо. Валюш, туныктышыжын ший вӱд дене шӱргым мушкат але йӱштылаш пурет гын, чыла шонымашет шукталтеш, манын ойлымыжым колмеке, черке воктенысе вӱдыш йӱштылаш пура. Тышеч раш коеш: ӱдыр аважым моткоч йӧрата, чамана, тудым эмлаш манын, чыла ышташ ямде.

Ванюшат поро чонан, сай тунемше икшыве. Тудо Валюшым пеш чамана да умыла, йӧсӧ годым полшаш тырша. Автор кок авам таҥастарен ончыкта. Ванюшын аваже – кок икшыван, поро кумылан, ӱдырамаш; йӧсӧ годым полшаш ямде, сай пелаш. Валюшымат чамана да шке ӱдыржӧ семынак онча. Тудо шижеш, кузе Валюшлан аван йӧратымашыже ок сите.

Ванюшын аваже, эргыже йоммеке, чот ойгыра. Тидыже тыгай сӱрет гыч палдырна: «Ӱдырамаш омсадӱрысӧ диваныш волен шинче. Кидше-йолжо велалте, кап-кыл ӱнарже шулыш. Неужели иктаж-мо лие? Когыньыштым иктаж-

куш шынден нангаеныт гын? Ала иктаж йоҥылыш пашам ыштеныт да шылын шинчыныт? А трук… пуштын кудалтеныт? – ава шӱм колт-колт-колт кыра» [1, с. 181–182]. Вара тудо икшыве-влакым кычал кая.

Тыгак тудо Валюшымат ӧрдыжеш шӱкал ок кодо, а эргыж ден пырля суртышкыжо пурта, йӱктен-пукша да малаш пышта. Изи ӱдырым моткочак чамана, тудын верч тургыжлана. Валюшын черланымекыже, эре воктеныже лийын, эмым йӱктен, фельдшер дек йынгыртен, а вара больницыш нангаен. Тыге автор йӧратыше аван икшыве дек отношенийжым раш ончыктен моштен. Лизук гын, йочаж нерген йӧршынак монден. Валюшын аважлан илышыште эн тӱҥ – арака. Автор тудым чын корныш шогалта: икшывыже больницыште кия манмым колешат, ава шке шочшыж верч ойгыраш тӱҥалеш, тунам «ава инстинкт» манмет почылтеш. Вет йочалан тӱняште ава деч лишыл нигӧ да нимо уке.

«Эргым ӱжеш» ойлымашыштат Лидия Семенова курымашлык темым ончыктен. Действий кок жапым авалта: перестройко пагыт да кызытсе илыш. Ойлымашын сюжетше динамический, героинян ончычсо илышыж дене палдараш манын, ретроспекций йӧным кучылтмо. Повествований 1-ше да 3-шо лица дене кая.

Ойлымашыште Полинан еш илышыж нерген каласкалалтеш. 25 ияш героиня кок икшыван, кумшо йоча шочшаш. Ышташ але ышташ огыл манын, Полина шуко шонкален коштеш, молан манаш гын, илаш неле лийын: перестройко жап, 1990-шо ийла. Шуко вере сокращений кая, пашадарым жапыште огыт пу, да тудыжат изи. Полинан марийжат паша деч посна кодеш, илышышт чот нелемеш. Полина изим ончен-куштен огына сеҥе манын шона. Ушыж дене тудо умыла: пеш кугу сулыкым ышта, мыняр шортеш, ойгыра. Илышыште чыла сай лиеш ыле гын, тудо тыгай сулыкыш нигунам ок пуро ыле.

Ойлымашын идейжым палемдаш неле огыл: илышыште, кеч-могай тудо йӧсӧ лиеш гынат, эреак чын корным муаш тыршыман, нелым сеҥыман. Социальный илыш тӧрсыр Полинам языкыш шӱкалын. Вараже, жап эртыме семын, илыш куштылемын. 15 ий жапыште Полина умылен шукта: Микале эргыжын ӱмыржым лугыч ышташ ок кӱл улмаш.

Кок ойлымашыштат автор бытовой проблемым нӧлталын. Мутат уке, ава шке икшывыжым йӧрата, тудо пиалан лийже манын, чыла ышташ ямде. Но илышыште чылажым ужын да шижын шукташ ок лий. Ала-кунамже йоҥылыш ошкылымат ыштен колташ логалеш. Лач тыгай йоҥылышым Полина шке жапыштыже ыштен: шочын шуктыдымо икшывыжын ӱмыржым лугыч кӱрлын. Ава тыгай языкым ыштымыжлан тачат шкенжым вурса. Лизат чын корныш шогалаш вийым муэш. Тидланже туткар полша. Изи ӱдырын черланымекыже, тудо шке черже деч эмлалташ пижеш.

Литературт

1. *Семенова Л.В.* Йӧрате мыйым! Йӧрате... Йошкар-Ола, 2012. 221 с.

Л.П. Федорова
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

ИНВАРИАНТЫ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКИХ ПОЭТОВ-ФРОНТОВИКОВ*

Статья посвящена изучению творчества удмуртских поэтов-фронтовиков. В ней рассматривается художественное своеобразие их любовной лирики военного и послевоенного времени, выявляются инвариантные темы как в творчестве отдельных поэтов, так и, в целом, в лирической поэзии писателей военного поколения.

Ключевые слова: *удмуртская поэзия, писатели-фронтовики, любовная лирика, инвариантные темы, образы.*

Годы Великой Отечественной войны были своеобразным и ярким периодом в развитии всей многонациональной советской литературы. В тяжелых условиях кровопролитной и бесчеловечной войны было написано немало произведений на русском языке и на языке народов Советского Союза, навсегда оставшихся в народной памяти. Это время было ознаменовано мужеством тысяч писателей-фронтовиков. С первых дней войны многие писатели отправились на фронт. На поле боя с оружием в руках и одновременно с художническим пером защищали Родину удмуртские литераторы: Михаил Петров, Игнатий Гаврилов, Филипп Кедров, Степан Широбоков, Тимофей Шмаков, Петр Блинов, Николай Байтеряков, Семен Шихарев, Евгений Самсонов, Илья Зорин, Василий Михайлов и др. Поэтические произведения удмуртских писателей-фронтовиков, посвященные теме Великой Отечественной войны, звучали по радио, они изданы в антологиях и отдельных авторских сборниках. Изучению роли поэтического слова в годы войны, выявлению художественного своеобразия удмуртской военной поэзии посвящены труды Ф. Ермакова, А. Уварова, З. Богомоловой и Л. Айтугановой [3], но с точки зрения инвариантности лирика этих авторов не исследована. В этом плане особый интерес вызывает любовная лирика фронтовиков.

Исследователи поэзии военных лет единодушны в мнении, что в первые месяцы войны господствовала агитационно-плакатная поэзия, военная действительность требовала от литературы ударных, открытых, публицистических слов, что впоследствии было даже названо «стилем 1941 года». Призыв «убей врага», рожденный ненавистью, долгое время был слышнее музыки любви; именно, он определял набатный язык агитационно-страстной плакатной поэзии. Должно было пройти хотя бы небольшое время, чтобы писатель смог, уже на расстоянии, услышать и передать в слове многоголосие войны, раскрыть разнообразие чувств и мыслей героев фронта и тыла, силу и слабость человеческой души.

Лирика военного времени рождалась не без трудностей. Дело не только в сложности военной действительности, но и в чисто человеческом ощущении, свойственном начальному периоду войны: лирическая поэзия (в особенности пейзажная, любовная) не совсем уместна в условиях кровопролитных сражений

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-14-18005.*

и больших потерь, на виду у страдающего народа. Но следует обратить внимание на интересные наблюдения В. Кожинова о сути фронтовой лирической поэзии: «Слова этих песен, конечно же, всецело порождены войной, но на первом плане в них — не война, а тот мир, который она призвана спасти <…>. С "тематической" точки зрения – это стихотворения о родном доме, о братстве людей, о любви, о родной природе во всем ее многообразии и т.п.» [5]. Наличие такой содержательной линии отмечено и в удмуртской лирической поэзии, что подтверждается текстами в изданной в 1987 году антологии «Вормон кизили» («Звезда победы») и сборников поэтов военного и послевоенного десятилетия. Ведущий лейтмотив в них – боль за поруганную землю, обещание отомстить врагу, бесконечная любовь к Родине и вера во всепобеждающую силу любви. Важное место занимает в текстах ощущение единства мыслей, эмоций, излюбленных интонаций, которые продиктованы временем и единым настроением поэтов-фронтовиков. Отсюда возникает необходимость рассмотрения лирических текстов удмуртских писателей о войне как мегатекст («совокупность текстов, которые воспринимаются или исследуются как единое дискурсивное целое, пронизанное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами и стилевыми приемами» [6]), исследования общих смысловых инвариантов (постоянных тем или группы тем) во всех текстов удмуртских поэтов-фронтовиков, посвященных любви.

Наиболее распространенными, постоянными темами любовной лирики является: разлука и ожидание, верность, вера в силу любви. Ожидание встречи с любимой выражено в стихотворениях: «Письмо» и «Черные глаза» С. Широбокова, «Сегодня утром снова» и «Тоска» М. Петрова, «Жду тебя» и «Всегда с тобой» Т. Шмакова, «Милая» и «Благодаря тебе» И. Зорина, «Письмо» М. Горина. Во фронтовой поэзии удмуртских писателей, как и во всей многонациональной лирике периода Великой Отечественной войны, звучат лейтмотивом: ожидание весточки от любимой, чтение письма на поле боя или лирическое послание от бойца. Спасительная, магическая сила любви помогает солдату выжить в тяжелейших условиях войны, совершать ратные подвиги, верить и приближать победу над врагом. Знаковым можно назвать стихотворение М. Петрова «Чагыр конверт» («Голубой конверт», 1943), читательский успех которого связан, в первую очередь, с воссозданием контрастности в жизни военного времени: нежные чувства солдата, читающего между боями письма от любимой, противопоставлены смерти, кровавым боям. Любовь наполняет лирического героя и окружающий мир светом, цветами, солнцем – и любовь оказывается сильнее смерти. Эта мысль звучит в стихах почти всех фронтовиков, тема интернациональна, но образное ее воплощение индивидуально. Приведем несколько примеров:

Та ӟырдыт жугиськон луд вылын
Вань музъем куалекъя пыд улын
Нош омыр сураське котырын
Сьӧд сюен но ӵынэн, лек тылын…
Со шудйсь синъёсыд тыл пыртӥ
Мон сьӧрам кадь мыно жугиськын,
Шур вамен, луд вылтӥ, сикетӥ,

Кышкатэк тушмонэн пумиськын

(С. Широбоков. «Черные глаза») [1, с. 57. Подстрочный пер. на русский язык здесь и далее наш – *Л.Ф.*]

(Жестокие бои на поле битвы
Вся земля содрогается под ногами,
А воздух смешался с черной землей, дымом, огнем.
Только твои игривые глаза сквозь огонь
Вместе со мной идут на бой,
Через речку, луга и леса
На бесстрашную битву с врагом).

Шӧдтэк шорысь музъем вырӟиз!
Кысӥз быдэс дунне…
Сайкай но ӵын пыртӥ адӟи
Йыразьысьтым тонэ.
Киос вылад выльысь улӟи

(И. Зорин. «Милая») [3, с. 43]

(Земля содрогнулась!
Солнце погасло…
Очнулся и сквозь дым увидел
Твоё лицо у изголовья.
На твоих руках вновь я ожил).

Как видим из приведенных поэтических строк, тексты, принадлежащие разным авторам в рамках одного и того же исторического времени и событий, обнаруживают инвариантность не только на уровне темы, но и на ступенях ее реализации. В вышеприведенных примерах одинаковыми были тема, мотивы, обозначились сквозные образы – глаза, письмо, цветы. Излюбленными жанрами во всех национальных литературах, в том числе и в удмуртской, в годы войны стали лирическое письмо и стихотворное послание; они берут свое начало во фронтовых обращениях к женам, матерям, любимым, братьям, сестрам.

Прочитав корпус удмуртской военной поэзии о любви, мы можем обобщить свои наблюдения словами А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова о том, что «в достаточно большом количестве случаев в разных произведениях одного автора (в нашем случае одного поколения поэтов) говорится (в каком-то смысле) одно и то же. Почти у каждого автора имеется ряд текстов, которые можно уподобить ряду синонимических предложений, различающихся структурой, порядком слов, лексикой, но имеющих один и тот же смысл» [2]. Смысловой инвариант любовной поэзии писателей-фронтовиков – «любовь сильнее смерти», различны лишь способы их художественной реализации.

Литература

1. Вормон кизили: кылбуръёс, балладаос, поэмаос / люказ *А.Н. Уваров*. Устинов: Удмуртия, 1987. 176 с.

2. *Жолковский А.К., Щеглов Ю.К.* К понятиям «тема» и «поэтический мир» // URL: http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/bib14.htm (дата обращения 02.09.2016).

3. *Зорин И.* Тодэмед ке потэ сюлэмме: кылбуръёс но поэма. Ижевск: Удмуртия, 1972. 65 с.

4. *Ермаков Ф.* Военная поэзия М. Петрова // Удмуртская правда. 1975. 27 апреля; Поздеев П. Пыӵалэн но пероен // Молот. 1975. № 5. 4–8 с.; Уваров А. Ож тылӝуын кылдэм чуръёс // Молот. 1985. № 5. 22–26 с; История удмурской литературы: в 2 т. / ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. Устинов: Удмуртия, 1987; *Айтуганова Л.Д.* Сюлэмысен кутске кырӟан. Николай Байтеряковлэн кылбуръёсыз. Ижевск, 1998. 191 с.; Тыл пыртӥ: Удмурт писательёс Быдӟым Отечественной война сярысь / люказ *Л. Перевозчикова*; азькылэз *А. Ермолаевлэн*. Устинов: Удмуртия, 1985. 212 с.; Вормон кизили: кылбуръёс, балладаос, поэмаос / люказ *А.Н. Уваров*. Устинов: Удмуртия, 1987. 176 с.

5. *Кожинов В.* Великая война России. Почему непобедим русский народ? М.: Эксмо, 2010. 544 с.

6. *Эпштейн М.* Онтологические прогулки: проективный словарь философии. Новые понятия и термины // Топос. 2004. URL: http://www.topos.ru/article/3031 (дата обращения 29.09.2016).

Н.А. Федосеева
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ТЕМА СИРОТСТВА В МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1930-Х ГОДОВ

Статья посвящена мало изученной в региональном литературоведении теме сиротства. В ней рассмотрены особенности ее раскрытия в произведениях марийских писателей.

Ключевые слова: *марийская литература, 1920–1930-е годы, тема сиротства, сюжет, образная специфика.*

Тема сиротства в мировой литературе известна с давних времен. «История сироты зачастую служила поводом для сентиментальных рассуждений о превратностях человеческой жизни. Писатели XIX века обличали социальную несправедливость, жертвой которой становились осиротевшие дети (Оливер Твист Ч. Диккенса, Козетта, Гаврош В. Гюго и др.)» [2, с. 17]. Мотив сиротства в достаточной степени изучен и применительно к русской литературе. С. Лукьянова в своей работе «Сироты в детской литературе: от Диккенса до наших дней» отмечает, что сюжет о бедном сироте в чужой семье стар, как мир [1]. Империалистическая и гражданская войны, голод 1921 года принесли стране много сирот и беспризорников. Соответственно в литературе советского периода тема сиротства занимала одно из ведущих мест. Она была поднята в «Педагогической поэме» А. Макаренко, в «Республике ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева (последний экранизирован), в фильме «Путевка в жизнь» и др.

Характеризуя марийский литературный процесс 1930-х годов, В. Михайлов отмечает, что в произведениях тех лет освещаются следующие темы: переход марийской деревни к новой жизни, изображение рабочего класса, описание истории народа мари [3, с. 9]. Указанный перечень тем необходимо дополнить проблемами женской социализации и темой сиротства, которые, как нам кажется, также были весьма важными для марийской литературы 1920–1930-х годов. В марийской словесности тема сиротства была широко отмечена в пьесах А. Конакова и С. Чавайна, рассказе М. Шкетана, повести О. Шабдара, поэтических произведениях М. Иванова-Батрака, Н. Мухина и др.

В отличие от мировой литературы, в художественной культуре народа мари не представлены криминальные сироты. Марийские авторы писали, главным образом, о страданиях сироты в чужой семье, чужом и «неуютном» социуме. Ключевым становится мотив бегства из чужого дома. В рассказе М. Шкетана «Мичун уке ачажат» («У Мичу нет отца», 1927–1928) и повести О. Шабдара «Кориш» («Гриша», 1931) представлена типичная для таких произведений ситуация: мальчик-сирота попадает в семью жадных родственников (как правило, это семья дяди по отцовской линии), где с ним плохо обращаются и стараются нажиться за его счет. В обоих произведениях герой уходит из такой семьи, терпит лишения и затем устраивает свою жизнь: в первом случае попадает в детский дом, а во втором – в семью своего друга. Причина сиротства в обоих произведения – война. Отцы главных персонажей-сирот уходят на войну и не возвращаются, а матери умирают (от голода или болезни). В обоих прозаических текстах звучит мысль о трагической несовместимости войны и детства.

В пьесах А. Конакова «Тулык ӱдыр» («Сиротка», 1919) и С. Чавайна «Мӱкш отар» («Пасека», 1928) главными персонажами являются девушки 17–18 лет. По признанию С. Чавайна, его музыкальная драма была написана под влиянием исторического романа А. Алтаева «Стенькина вольница» [4, с. 30]. Главная героиня драмы убегает из пасеки, получает образование и, вернувшись, возвращает себе родительскую пасеку. Сиротская доля главной героини пьесы А. Конакова также нелегка. Овдаки немного умеет читать, поэтому окружающие ее считают гордой и смеются над ней. Таким образом, марийские драматурги затрагивают гендерную специфику темы сиротства. Поднимая проблему женского сиротства, они воссоздают сложности в процессе социализации женщины в первые послеоктябрьские десятилетия.

Практически во всех произведениях марийских писателей образ сироты наделен положительными качествами, он непременно связан с трудом, например, пастушит, мужественно выносит издевательства, переносит трудности, страдания. Авторы изображают его как типичного представителя своего времени и своего народа, как типическое проявление жизненных обстоятельств сложной эпохи. Благодаря поддержке и участию хороших людей, сироты решают свои проблемы и находят свой путь в жизни.

Литература

1. *Лукьянова С.* Сироты в детской литературе: от Диккенса до наших дней // UTL: http://www.no-kidding.ru/orphans-in-childrens-literature-1/#.V-wqDfCLTcs (дата обращения: 29.09.2016).

2. *Ляпина С.М.* Концепция сиротства в романе Всеволода Соловьева «Царь-девица» как культурный феномен // Studia Humanitatis. 2014. № 3. С. 16–22.

3. *Михайлов В.* 1930-шо ийласе марий сылнымут йогын // Ончыко. 2016. № 8. С. 4–10.

4. Очерки истории марийской литературы. Ч. II. Йошкар-Ола, 1960. 412 с.

Р.З. Хайруллин
Российский новый университет (г. Москва)

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТИХОТВОРЕНИИ КУЗЕБАЯ ГЕРДА «БУРАН В ДЕРЕВНЕ»

Статья посвящена традициям русской литературы в стихотворении К. Герда «Буран в деревне». Показано влияние В. Маяковского и А. Блока как на уровне формы, так и на уровне содержания. Отмечается тревога поэта по поводу того, сохранит ли удмуртский народ свою самобытность в эпоху грандиозных революционных преобразований.

Ключевые слова: *удмуртская литература, Кузебай Герд, «Буран в деревне», традиции русской литературы, изображение Октябрьской революции, влияние А. Блока и В. Маяковского.*

Кузебай Герд (настоящее имя – Кузьма Павлович Чайников) родился в 1897 году. Его по праву можно назвать одним из основоположников удмуртской литературы. Он был человеком необычайно разносторонним – поэтом и драматургом, фольклористом и этнографом, лингвистом и критиком. Его жизнь пришлась на самые драматичные периоды российской истории XX века – Первую мировую войну, Октябрьскую революцию 1917 года, гражданскую войну. Самим выбором псевдонима *Герд*, что по-удмуртски обозначает узел, единство, завязь, поэт «как бы подчеркнул свое предназначение быть собирателем культурных сил своего народа, организатором литературного дела и первым национальным поэтом» [6, с. 6].

Произведение «Буран в деревне» было написано в 1930 году. Его жанр удмуртскими литературоведами определяется по-разному. Ф.К. Ермаков и А.Г. Шкляев определяют его как стихотворение, тогда как во вступительной статье к выходящему в Удмуртии литературному журналу «Луч» (№№ 9–10 за 1997 год), изданному в преддверии 100-летия со дня рождения поэта и полностью посвященного его творчеству, это произведение называется поэмой.

«Буран в деревне» посвящен тем социально-политическим событиям, которые происходили в удмуртской деревне после Октябрьской революции 1917 года. Революционный процесс видится поэту как стихия, безжалостно сметающая на своем пути все старое и отжившее.

Метет
буран.
В снегу –
стога.
По деревням
Летит
пурга...

Задор ветра передается и поэту, торжествующе обращающемуся к враждебным силам:

Трясись,
гнилье!
Дрожи,
старье!

Прочь,
злобный враг,
Прочь
время тьмы!

Вместе с ветром в стихотворении взаимодействует и другая стихия – пожар:

– Село горит…
– Гори,
старье!

Но, любуясь грозными стихиями, поэт видит, что ослепленные стихией творцы нового мира могут смести каждого, появившегося на их пути – не разбираясь, виновен или невиновен.

Свинец –
и снег.
Винтовок блеск.
– Эй, человек,
Куда полез?
... Затвора
лязг.
Свинец
летит...
– А ну,
вылазь!
– Видать, убит...
Свинец –
в мозгу
Свинец –
в крови.
– Пошел в пургу –
Свинец
лови...

Все критики единодушно отмечают перекличку стихотворения Герда с поэмой Блока «Двенадцать». Действительно, их объединяет образ вселенского ветра, «мирового пожара», отчаянное сопротивление уходящей в прошлое жизни, изображение революции как стихии. И даже смерть Катьки отзывается в стихотворении Герда. Это смерть случайного прохожего, вышедшего в пургу на улицу:

– Пошел в пургу –
Свинец
лови…

Чувствуется влияние и В. Маяковского, оно проявлялось в сближении национальной поэзии с жизнью, в усилении ее гражданского звучания, в передаче динамики стремительных событий первой четверти XX века, в расширении художественных возможностей и в обогащении арсенала ритмико-интонационных средств стиха [4, с. 138].

Как и А. Блок, включивший в свою поэму песенную цитату из Д. Бедного («Мы на горе всем буржуям…»), К. Герд «монтирует» в свое произведение строки из известного «Марша Буденного» («Мы красные кавалеристы…»). Скорее всего, эта цитата понадобилась ему для выражения массового, песенно-лубочного сознания созидателей новой действительности, отражавшегося в то время в песнях-лозунгах, несущих в себе чувство единения, причастности к революционному «Мы». Творцам новой жизни противостоит враждебная сила: у А. Блока «неугомонный <…> враг», у К. Герда – «злобный враг», который должен быть сметен революцией. Данные совпадения можно объяснить двумя причинами: во-первых, К. Герд в период обучения в Московском высшем литературно-художественном институте близко познакомился с творчеством В. Маяковского и А. Блока, которые бывали здесь, и в какой-то степени сознательно ориентировался на них. Во-вторых, можно говорить и о типологических литературных связях, когда события, изображенные удмуртским поэтом и упомянутыми выше русскими поэтами, в различных территориях России во многом имели схожие черты.

Однако при всех совпадениях, «Буран в деревне» К. Герда – это самобытное и оригинальное произведение, созданное средствами национальной поэтики и на основе реалий удмуртской деревни.

Анализируя стихотворение, А. Шкляев обратил внимание на картину, которая неоднократно подвергалась критике: навстречу «бесстрашным и поющим, в грядущее идущим» движется нечто смутное, неразличимое из-за пурги:

Что там?
Попробуй
разберись -
Куст ежевики
Или
рысь?
Поземка
или человек?
Шальная пуля
или снег?

И только потом поэт, словно приоткрывая завесу над загадочной картиной, говорит, что в деревню идет новь. Отмечая неслучайность тревожных ноток, появившихся в голосе поэта, А. Шкляев справедливо пишет: «Наверное, здесь выразилась некоторая настороженность, тревожное предчувствие поэтом будущего. Отстаивая и воспевая новое, Герд всегда находился в тревоге, а не сметет ли это заодно со старым и возможность для малого народа оставаться самим собой, не слишком ли будет жестоко это новое к деревне, а стало быть, и к целому народу» [5, с. 32]. Однако в 1930-е годы опасения Герда были истолкованы грубо и искаженно. Он был обвинен в аполитичности, национализме и отсутствии классового чутья. В тяжелое для поэта время рапповские критики, по аналогии с «есенищиной», ввели в литературный обиход еще один ярлык – «гердовщина». Этот термин просуществовал в удмуртском

литературоведении вплоть до середины 1950-х годов и на долгие годы затормозил развитие удмуртской литературы.

В контексте политических процессов 1930-х годов были подвергнуты критике даже те произведения К. Герда (поэмы «Голубой дым» и «Завод»), которые в свое время было тепло встречены литературной общественностью. В поэме «Голубой дым» официальная критика усмотрела апологетику кулачества, а в «Заводе» – противопоставление себя городу и рабочим [3, с. 66–68]. Как ни тяжело было поэту работать в этих условиях, он продолжает писать. Он работает над поэмой «Чертово болото», поэтическим произведением по мотивам легенд о богатырях «Большой человек», стихотворной сказкой «Зять солнца». К сожалению, поэту не удалось осуществить все свои планы: в 1932 году он был репрессирован, сослан на Соловки и там расстрелян.

Имя К. Герда на долгие годы было вычеркнуто из литературной жизни Удмуртии; и лишь в середине 70-х годов XX века, после того, как венгерский ученый П. Домокош посвятил большой раздел своей, ставшей классической, работы «История удмуртской литературы» [2] репрессированному удмуртскому поэту, творчество К. Герда было «возвращено» широкому читателю.

Оценивая вклад поэта в развитие родной литературы, критик З. Богомолова, много лет занимавшаяся проблемами национальных литератур, пишет: «И все-таки, что же такое Герд для удмуртской литературы? Это первый профессиональный поэт, получивший профессиональную подготовку, образованный и талантливый, мыслящий масштабными категориями. Есть основание говорить о феномене Герда, его уникальности, его подвиге, совершенном во имя духовной культуры своего народа. Творческая энергия, много веков таившаяся в удмуртском народе, благодаря таланту Герда вырвалась, выплеснулась на волю и вспыхнула ярким пламенем, отблески которого падают и на всю современную удмуртскую литературу» [1, с. 5].

Литература

1. *Богомолова З.* Поэт. Судьба. Творчество // Герд К. В полете к солнцу: стихи и поэмы. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 5–28.

2. *Домокош П.* История удмуртской литературы. Ижевск: Удмуртия, 1993. 447 с.

3. *Ермаков Ф.* Удмуртская поэма: ист.-лит. очерк. Устинов, 1987. 200 с.

4. Литература народов России: учеб. пособие / под ред. *Р.З. Хайруллина* и *Т.И. Зайцевой*. М.: НИЦ Инфра-М, 2016. 397 с.

5. *Шкляев А.* Герд и гердоведение (30–50 годы) // Кузебай Герд и удмуртская культура. Ижевск, 1990. С. 28–39.

6. *Шкляев А.Г.* Кузебай Герд и литературное движение 20-х годов // К изучению жизни и творчества Кузебая Герда (1989–1941): сб. ст. Ижевск, 1988. С. 6–31.

С.В. Шеянова
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

СОН КАК ФОРМА ВТОРИЧНОЙ УСЛОВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТИНУУМЕ РОМАНА Е. ЧЕТВЕРГОВА «ВАНЕЧКА»

В статье анализируются формы, нарративная структура, функциональность сна как проявления вторичной условности в романе мордовского писателя Е. Четвергова «Ванечка». Сновидение раскрывает особенности психологии, мировоззрения персонажей, обогащает сюжетно-композиционный пласт произведения, отражает авторскую концепцию бытия.

Ключевые слова: *мордовская литература, Е. Четвергов, роман «Ванечка», художественный континуум, условность, сон, психологизм, образ.*

В настоящее время проявляется глубокий научный интерес к проблеме функционирования в литературе условных форм – как прерогативы не только романтизма, модернизма и авангарда, но и реалистического искусства. Первичная условность определяется как «образная природа искусства, всегда требующего авторского субъективно-эмоционального переосмысления реальности» [1, с. 26]. Она лежит в основе художественного типа мышления, это образная форма познания мира, обладающая «устойчивой специфичностью изобразительных средств, принципов и способов отражения реальности» [1, с. 27]. Вторичная условность интерпретируется как «намеренное отступление от правдоподобия, <…> особый способ воссоздания бытия, предполагающий смещение пропорций, изменение логики, необычайные комбинации привычных реалий» [1, с. 28, 35]. Она является продуктом особой авторской концепции, художественно реставрирующей мир в фантастических, не имеющих эквивалентов в реальности формах.

Современные мордовские романисты, наряду с сугубо реалистическими приемами отображения действительности, используют и условные формы изобразительности. Обращение к условности как к «целенаправленному, эстетически значимому способу деформации реальности» [2, с. 458] порождает особые стилевые приемы. Художественные искания писателей в данном ключе позволяют судить об индивидуально-авторской концепции мира и человека, специфике национального художественного сознания в целом.

В романе «Ванечка» [5], своеобразном симбиозе социально-бытового, философского, психологического, нравоописательного романов и романа воспитания, Е. Четвергов апеллирует к ряду форм вторичной условности, среди которых следует выделить сон, дремоту, видение, грезы, «поток сознания», образы-символы. Издавна считалось, что сновидение несет некое зашифрованное сообщение. В древних и традиционных культурах бытовала вера в то, что это послание имеет отношение, прежде всего, к будущему человека или его окружения. В сюжетное повествование анализируемого романа гармонично вплетаются эстетические формы литературного сна, характеризующиеся полифункциональностью: выступают в качестве внесюжетных элементов, расширяющих пространственно-временной континуум нарратива, определяют

сюжетные ходы и коллизии, ведут к психологизации характеров, реанимируют мифологическое мышление.

Е. Четвергов обращается к различным формам сна, которые можно определить, на наш взгляд, как сон-предсказание и сон-предчувствие. Первый представлен в интерпретации Миколя, он снится герою накануне свадьбы с Кулей. «*Широкое-широкое поле… Через него протянулась дорога. По обе стороны дороги – спеющая пшеница. Идем мы по дороге вдвоем, ты и я. Знойный полдень, жара, лица ласкает свежий ветерок. Неожиданно солнце скрылось за черными тучами, сверкнула молния, загремел гром. Ты испугалась и прижалась ко мне. Пошел холодный дождь, ветер все усиливался. Мы промокли и замерзли, так и не дождались конца дождя…*» [5, с. 17]. Тревожное сновидение предсказывает трагедию, беду молодой семье, возможно, гибель одного из супругов. Данный сон уточняет дальнейшее развитие действия и сюжетную расстановку персонажей.

Накануне смерти Куле снится сон-предчувствие, который «эмоционально подготавливает события, происходящие в жизни героев и имеющие для них решающие последствия» [3, с. 80]. Такие сны предварительно оповещают героев об ожидающих их опасностях. Героиня Е. Четвергова предчувствует близкую смерть, автор подготавливает к этому читателя. Таким образом, сновидения Кули помогают адаптироваться ей и читателю к предстоящему эмоциональному стрессу. Сновидение героини ретроспективно, в нем воссоздаются ее молодость, реальные эмоции и ощущения. Сон Кули отчасти стилизован под ее манеру речи и поведения.

Сон – традиционный для мировой и отечественной литературы художественный прием – довольно редко используется мордовскими романистами. Обращение Е. Четвергова к нему, несомненно, обогатило художественный мир романа за счет усложнения сюжетной линии, многослойной поэтической структуры текста. Сны расширяют художественное пространство романа, способствуют, используя выражение В.Н. Топорова, «некоторому дополнительному структурированию текста, расширению его как в сторону «искусственного», «метапоэтического», так и в сторону «природного», «космического» [4]. В романе «Ванечка» «сон не только имеет сюжетно-композиционное значение, но и выступает средством психологического анализа, познания человеческой природы, его сознания и бессознательного» [6, с. 26].

Гармоничный синтез реалистичных и условных форм позволил Е. Четвергову создать многонаправленное, многопластовое повествовательное русло. Выразительная условность обогатила традиционные социально-бытовые реалии, подвела к философской трактовке реалистических образов и событий, углубила стержневую идею произведения.

Сон как форма вторичной условности в пространстве романа Е. Четвергова «Ванечка» создает многоуровневую повествовательную фактуру, семантическое многоголосие, концентрированную образную ассоциативность, вызывает множественную вариативность интерпретаций, что ломает стереотипность читательского восприятия, свидетельствует об универсальности авторской концепции бытия.

Литература

1. *Ковтун Е.Н.* Художественный вымысел в литературе XX века. М.: Высш. шк., 2008. 406 с.

2. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. *В.М. Кожевникова, П.И. Николаева*. М.: Сов. энцикл., 1987. 730 с.

3. *Подчиненов А.В.* Жанровая форма сна в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-х годов // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX – начала XX веков. Свердловск, 1989. С. 79–88.

4. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс, 1995. 624 с.

5. *Четвергов Е.* Ванине: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 204 с.

6. *Шеянова С.В.* Условность как стилевая специфика современного мордовского романа // Финно-угорский мир, 2013. № 3. С. 21–25.

И.А. Ягодарова, Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВАН ПОЭЗИЙЫШТЫЖЕ ИДАЛЫК ЖАП

В статье рассмотрены образы времен года в лирике марийской поэтессы С. Григорьевой. Выявляются основные образы, характерные для определенного времени года, художественные средства их раскрытия. Особое внимание уделяется пейзажной лирике художника слова. Цитируются отрывки из произведений, несущие смысловую нагрузку текста.

Ключевые слова: *лирика, С. Григорьева, образ, лирический герой, эпитет, метафора, тема.*

Светлана Григорьева марий лирикыште у возышо огыл, ятыр книган авторжо. Поэтессе тӱрлӧ темым тарвата, илыш йыжыҥын ятыр шӧрынжым почеш. Лийже тиде философий йодыш але пӱртӱссӱрет, граждан позицийжым политик лирикыштыже почын пуа. Поэзийыштыже идалыкын кажне пагытшым сылнын сӱретла.

Поэтессе шошым сӱретлыме годым тӱрлӧ ойсавыртышлам, сылнештарыме йӧным келшышын кучылтеш. Теве «Сылне шошо» лӱман почеламутшым сылнештараш манын, эпитет-влакым налеш (ужаргалше куэ, ош пеледыш), метафор йӧнымат келыштара (канде кайык, ший шырча, ош мӧр), оҥай таҥастарымаш дене пайдалана (теҥыз гае кава), оҥартыш мутымат пурта (йылдыр-йылдыр). Тыгак Светлана Григорьева южо мурсаскажым мужыр рифме дене чоҥа:

Йоҥ шошо мардеж йӱр ӱпшан,
То леве, то йӱштӧ каплан.
Кастен йогын вӱдшӧ йӱкша,
Эрден йылгыжалын шула [2, с. 77].

Мотор кеҥеж пагытым сӱретлаш С. Григорьева кӱлеш сымыстарыше поэзий образым, мут чиям муын моштен. Кеҥеж пагытым йӧратымыжым поэт

«Ах, кеҥеж» почеламутыштыжо почын пуа. Тидланже кычкыралтыш палан предложенийым кучылын, йомартле кумылжым ончыкта:

Ах, кеҥеж – ал кеҥеж,
Кузе мый йӧратем!
Кушто лыҥ снеге еш,
Вашлиеш шӱм таҥем [2, с. 79].

Авторлан кеҥеж тылзе кокла гыч август поснак лишыл. «Август тылзе», «Август мучаш», «Август кас» почеламут вуймут-влак тидын нерген ойлат. Могайракым вара ужеш автор тудым? Август тылзе *«олык велне шотла каванлам», «шудо луклан савалтыш ташлам», «ешараш вийым тич лупс алгаш», «тӱтыраште сӱан вате лач»*, шокшыжо *«пелчан вуй тӱсыш шылын мура»*. «Август мучаш» почеламутышто тыге ончыктен: *«коштеш топката вате семын – тӱтыра вошт папкам кычалеш», «кӱын шушо саскан йӱэш вӱдшым»*, чевер шыма тӱсым *«ӱжаран порсын мелыш кылда»*. Август кас сур ӱпшым колта вече гоч, *«кава кӧргыш покта тӱтырам»*, каваште *«пыл чома-влак йортат», «тӱтыра тӱкыж ден ӧргеда»* [1, с. 124].

Поэтын ик эн йӧратыме образше – лыве. «Шонен пытарыдыме ой-влак…» почеламутышто поэт ныл гана «лыве» шомакым кучылтын. Автор вуйышто пӧрдшӧ тӱрлӧ шонымаш-влакым лыве дене таҥастара. Нуно *«лойгат», «пӧрдыт», «таҥасат»,* южышт *«виян»,* весышт *«начаррак»* лийын кертыт, иктышт *«ошо»*, весышт – *«шеме»* [1, с. 122].

Светлана Григорьеван лирикыштыже пушенге-влак кокла гыч пызлын образше поснак чӱчкыдын йонга. Очыни, пызле – тудын ик эн йӧратыме пушеҥгыже. «Шыже кечын» почеламутышто ужына:

Шӧртньӧ кумылан лышташ пелен
Ал полан кеҥеж гоч тӱвырген –
Пызле тич йошкар саскам поген,
Шыже кечын суртышто поен [3, с. 55].

С. Григорьеван лирикыже тӱрлӧ таҥастарымашлан поян. «Келша тыйын шӱлык» почеламутышто автор шыжым сӱан дене да *«лышташ кышылым кӱэштше шӱлык оръеҥ»* дене таҥастара.

Теле пагытлан келшыше почеламут-влакым шагал огыл возен. Почеламут-влак сылнымут образ-влаклан поян улыт, возалтме шот денат оҥай чоҥалтыныт. Тудо *«лум сӱанан»*, саска поянлыкше – лум ора, *«шып яндарлык»*, ирыштыжат – шымалык [1, с. 125].

Поэтессе «Поран» лӱман почеламутышто метафор манме йӧным кучылтеш. Пораным автор чонан семын сӱретла. Лум ора-влакшым *«ош калпак»* дене таҥастара да *«савуш гае»* кушта манеш. Тыгак тиде почеламутыштак автор шуко глаголым кучылтеш: лум чӱчка, лум пӱргалтеш, лум ажгынен пӧрдеш, тава.

Иктешлен каласаш гын, кажне поэт пӱртӱсын сӧраллыкшым шке семынже ужеш да кажне пагытым шке шинчаончалтышыже дене сылнын, тӱрлӧ сылнымут чиям кучылтын сӱретла, келшыше сылныштарыме йӧн-влакым кучылтеш. Тышеч тудын лывырге йылмыже, сынже шижалтеш. С. Григорьева

поэзий аланыштыже кажне идалык жапын образшым сӱретла. Лирический геройжо шошылан куана, пӱртӱс ылыжме пагытлан вуйым сава. Кенгежым тудлан моткоч куштылго, саска кӱмылан, мотор пеледыш-кушкыллан йывырта, нуным мокта. Шыже ден телат шке ойыртеман улыт. Нунат чонышто тӱрлӧ кумылым луктыт.

Литературт

1. *Бояринова Г.* «Кунам одарга пызле пагыт…» // Ончыко. 2015. № 9. С. 118–127.

2. *Григорьева С. (Архипова С.Д.)* Лишыл ыле тымыкын ласкаже… Почеламут-влак. Йошкар-Ола, 2004. 160 с.

3. *Григорьева С. (Архипова С.Д.)* Кунам одарга пызле пагыт: почеламут-влак. Йошкар-Ола: Мар. писатель ушем, 2014. 256 с.

Е.Р. Якимова
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова (г. Чебоксары)

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЬЕСЫ В ЧУВАШСКОЙ И МАРИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Статья посвящена сравнительному исследованию жанровой поэтики чувашской и марийской драматургии. В ней исследуется художественная структура исторической пьесы (трагедии и драмы).

Ключевые слова: *чувашская литература, марийская литература, драматургия, жанровая поэтика, историческая трагедия, историческая драма.*

Марийцы и чуваши – два народа, разделившие одну историческую судьбу на протяжении нескольких веков. События, имевшие место в истории этих народов, не раз определяли главную тему в их национальных литературах, в которых обнаруживаются схожие мотивы, сюжетные линии, похожие народные герои и антигерои. Наиболее наглядным жанром, художественно осмысливающим исторические события, в чувашской драматургии является жанр трагедии, в марийской, кроме трагедии, еще и драма. Эти жанры отличаются особым – острым и напряженным – конфликтом. Их характерным признаком является то, что сюжетную основу произведения составляют переломные события в истории нации. Таковым в истории чувашского и других народов, населяющих Поволжье, явился распад государства Волжская Булгария в результате нашествия войск хана Батыя в XIII веке [3; 4].

В марийской литературе события времен Волжской Булгарии не столь часто становились объектом внимания, но нам хотелось бы обратить внимание на две похожие по названию произведения: трагедию чувашского автора М. Карягиной «Серебряное войско» и историческую драму марийского автора Л. Яндака «Серебряный народ». Совпадает и время написания этих двух произведений – 2010 год.

«Серебряный народ» Л. Яндака – это первая драма в марийской драматургии, освещающая указанный историко-тематический пласт в истории марийского народа [1, с. 191]. Основу конфликта в ней составляет борьба за

высшую власть внутри Марийского государства на фоне кровопролитных войн с войсками Бату-хана в XIII веке на примере двух противоборствующих сил – отважных сынов марийского народа, с одной стороны, и предателя Маршана с его сыном, с другой. По сюжету, сын правителя с невестой попали в плен к Бату-хану. Для его спасения и установления мирных связей с ханом марийский князь отправляется на переговоры к монголам. Но за время отсутствия правителя предатель Маршан успевает все прибрать к рукам. По словам Г.Н. Бояриновой, «антитеза пронизывает всю структуру произведения. Противопоставляются марийский князь и Бату-хан, князь и Маршан, Олыкпай и Вашпатыр, Езукай и Яшпатыр» [2, с. 74].

Такой же метод контраста и аналогичный образ предателя мы обнаруживаем в трагедии М. Карягиной «Серебряное войско». На первый взгляд может показаться, что сюжет этого произведения взят из древних преданий, так как серебряным войском автор называет амазонок. Но это – всего лишь аллегория. В основу сюжета легла легенда о женщинах, на долю которых выпало нелегкое испытание – сохранить свое немногочисленное племя, потерявшее на поле боя всех мужчин. Женщинам пришлось взять поводья жизни в свои руки, вооружиться, но лишь для самозащиты. Это не война с воинами мужского пола, а лишь способ продолжить род и донести до потомков свою культуру, родной язык. М. Карягина открыто бичует предателей родного языка и народа. Под предводительством отважной Эльпану амазонки отстаивают традиции и обычаи народа. Но среди них оказывается Хӗркке, ради плотских утех, красивой и обеспеченной жизни предающая своих соплеменников. Она символизирует собой тех, кто «забывает» родной язык, родную историю и культуру. Через обращение к мифическим событиям автор поднимет актуальнейшие проблемы современной эпохи: исчезнет с лица земли последний чуваш или восстанет и уничтожит врага?

Обращает на себя внимание сходство названий чувашской и марийской пьес – «Серебряное войско» и «Серебряный народ». Г.Н. Бояринова так объясняет название марийской драмы: «Серебро – любимый металл мари. Из него изготавливали украшения, магическая сила его была известная нашим предкам, серебро выполняло и защитную функцию. <…> Для автора важно другое значение – метафорическое. Чистая река – серебряная, самое ценное для мари – серебро. <…> Это символ чистых помыслов, благородства, гармонии с миром природы и человека. Именно эта семантика слова подчеркивается в драме всем ходом действия» [1, с. 190–191].

Предков чувашей в исторических источниках называли серебряными булгарами, а государство, в котором они жили, – Серебряной Булгарией. Традиционная одежда чувашей шилась из белого домотканого полотна, что также символизировало чистоту. Кроме основного смысла – серебряного одеяния (серебряные монисты на груди, на головных уборах женщин) – у чувашей есть и другой смысл серебра. Серебро у них неразрывно связывалось с женским началом. При рождении девочки чуваши говорили: «Кӗмӗл тупрӑмӑр» («Серебро нашли»). Поэтому не удивительно, что армию амазонок автор называет серебряным войском.

Литература

1. *Бояринова Г.Н.* Поэтика драмы Л. Яндака «Ший калык» («Серебряный народ») // Марийская драматургия второй половины XX – начала XXI века: сб. статей / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. 192 с. С. 186–191.

2. *Бояринова Г.Н.* Современная марийская драматургия // Национальные литературы республик Поволжья (1980-2010 гг.): коллект. монография. Барнаул: ИГ «Си-пресс», 2012. С. 65–79.

3. *Якимова (Афанасьева) Е.Р.* Зарождение жанра исторической трагедии в чувашской драматургии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2014. № 1 (81). С. 85–88.

4. *Якимова Е.Р.* Образ булгарской красавицы в жанре чувашской исторической трагедии // Теоретические и прикладные вопросы образования и науки: сб. науч. тр. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. С. 179–180.

А. Г. Ямбаршева, Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Е. ЮНУСОВАН ЙОМАКЛАШТЫЖЕ КУМДЫК ТЎНЯ

В статье рассматриваются пространственные параметры в сказочном творчестве марийского писателя Елены Юнусовой. Подчеркнуты два направления пространственного мира. Это абстрактное пространство, характерное для народных сказок, и конкретное пространство. Для большинства литературных сказок прозаика характерна конкретика в выборе пространственного мира. Действие во многих сказках происходит на лоне природы. В таких произведениях перемежаются абстрактное и конкретное пространства.

Ключевые слова: *литературная сказка, Е. Юнусова, действие, пространство, природа, герой, образ, событие, сюжет.*

Кызытсе марий йоча литературышто Елена Юнусован творчествыже поснак онгай. Тудо йоча-влаклан ятыр йомакым пӧлеклен. Нуным кумдык параметр могырым ончалына.

Кеч-могай сылнымут шке тўняж дене ойыртемалтеш. Тудо илышым образ гоч почын пуа. Сандене кумдык ден жап формо сылнымутышто условныйлан шотлалтыт. Нуно конкретный ден абстрактный форман лийын кертыт. Е. Юнусован йомаклаштыже шукыж годым кумдык конкретный тўсан. Лач икмыняр текстыште гына абстрактный кумдыкым вашлийына. Тыгайлан «Волгенче ден кўдырчӧ» йомак шотлалтеш. Южо йомакыште кумдык абстрактный да конкретный. Налаш теве «Поран сўан» сылнымутым. Тушто Поран Ава да тудын эргыже-влак нерген ойлалтеш. Нуно мўндыр марий кундемыш Пургыж тылзын йодмыж почеш мият, шке сўаныштым тўнгалыт. «Корем кокла кугыжаныште» йомакыштат абстрактно-конкретный кумдыкым ужына: «*Чыла вереат, кушко миен ит тўкнӧ: чодыраште, корем пундаште, вўд воктене, олыкышто, эшежым кавайтат – тидымак веле ойлат…*» [1, с. 107]. Тидын нергенак Пўртўс Аван образшат ойла. Тыгай образым автор чўчкыдын кучылтеш.

Автор шукыж годым действийым пўртўс лонгаш луктеш. Тидым «Ужаваиге», «Ужаваиге ден Коракиге», «Турнявӧчыж, Регенче да молат»

йомаклаште ужына. Икымше ден кокымшо йомаклаште кумдык пӱя дене кылдалтын. Тиде герой-влакын илыме верышт. Тидын нерген *вӱдлопшудо, пӱяште, вӱд ӱмбалне, вӱд йымалне* шомак-влак ойлат.

«Ужаваиге ден Коракиге» йомакыште тӱрлӧ кумдыкым ужаш лиеш. Автор йомакыштыже пӱя кумдыкым гына огыл, тыгак тудын йырже улшо кумдык-влакымат ончыктен. Тыгайже: шонго нӧлпӧ, ломбо, куэ вуй, мланде, да т.м. Кумшо йомакысе действий купышто эрта, тудо чодыра лонгаште верланен.

Лач чодыраштак кушкеш, азаплана «Йошкар куэ» йомак гыч моло деч ойыртемалтше пушенге. Пушенге-ава укшышто кеченыт, ваш келшеныт кок шопке лышташ («Кок йолташ»), чодыра покшелсе ер воктен кайык-влак погынат да шокшо вел гыч кондымо мотор сатушт дене моктанат («Кузе кайык-влак ойыртемалташ тӱҥалыныт»). «Моторлык конкурс» йомакыште тӱрлӧ лыве шке сӧраллыкшым ончыкташ ямдылалтеш. Тиде шумлык интриге шочеш. Кажне ӱчашыше кум турым эртышаш, сеҥышыже тӱнямбал моторлык конкурсышто шке вийжым тергышаш.

Ялысе сурт-пече – икмыняр йомакысе действийын кайыме вер. «Ӱскырт Кочук» йомакысе пырысиге йыр улшо тӱням шымла, ондак пӧрт кӧргысӧ кумдык тудлан онай, вара семын кудывечыш логалеш, вӱтам шымлен лектеш. Тиде йомакыште тыгай кумдыкым эскераш лиеш: корзинка, ӱстел, кудывече, урем, вӱта. Кудывечыште да вӱташте ила «Кум йолташ да эше икте» йомакысе кайыквусо еш. «Автопарк» йомакысе машина-влак дене изи Юрик модеш, кажныже рвезын йӧратыме модышыжо лийнеже, тидлан верчынак ӱчашымаш шочеш, конфликт лектеш.

«Йолчием пазар» йомакыште действий оласе пачерыште кая. Конга – тыгаяк лӱман сылнымутын геройжо, тудо ялысе пӧртыштӧ тӱҥ верым айлен шога, тиде текстыште пӧрт кӧргысӧ арвер-влак нерген ойлалтеш. «Пеледыш» йомакысе герой-влак ӱчашымашыш шуыт, пӧлемысӧ да палисадникысе кушкыл-влак икте-весыштлан кӧранат, нуным такшым янда гына ойыра, а илыш условийышт тӱрлӧ.

«Пырляште – вий», «Копшанге сар», «Антоновка», «Школ пакчаште – томаша» йомаклаште действий пакча кӧргыштӧ эрта. Иктыштышт герой семын олмапу, пакча-саска улыт гын, весыштышт – тӱрлӧ копшанге.

Ялысе тошкемыштат герой-влак дене онай ситуаций лиеда. Теве «Йӱр чӱчалтыш ден Лупс Шырча» йомакысе герой-влак пече кашта ӱмбалне верланат, шке коклаштышт ӱчашат, вара йолташ лияш кутырен келшат, вет нуно ик вож гыч лектыныт: вӱд тукым гыч. Тидын нерген нунылан Йыл умылтара.

Е. Юнусова янлык капысе кумдыкымат ончыкта. Мутлан, «Шуршо еш» йомакым налаш. Шуршо еш шонго пий ӱмбалне илен-илен йыгыжген. Пий шонгемын, коваштыжат кӱжгем-пенгыдемын: пурлаш тӧчен, шуршо унека-влак мыняр пӱйыштым ирен-пудыртен пытареныт. Чыла тидым шонкален-вискален налмеке, шуршо ача у пӧртым, самырык пийым, налаш шонен пышта. Тыге шуршо еш пазарыш кая. Да пазарыште ик ужалыше шуршо ачалан виешак каракуль манме коваштым ужален колта. Шуршо еш куанен, вет тыгай коваштыште але нимогай шуршо ешат илен огыл. Туге гынат, пиал ден ойго пырля коштыт, манып. Тиде чапле коваштет нимоланат йӧрдымӧ улмаш.

Йомакласе действий кумдык икмыняр параметран: тиде йонгыдо нимучашдыме пӱртӱс, тудын посна локальный ужашыже, ял, тусо сурт-пече, оласе пачер, посна предмет.

Литературт

1. *Юнусова Е.* Ужаваиге ден Коракиге: йомак-влак. Йошкар-Ола, 2015. 120 с.

Н.А. Яшметова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В. РЕГЕЖ-ГОРОХОВЫН ПОВЕСТЬЛАСЕ ПРОБЛЕМАТИКЕ (ТИПОЛОГИЙ ОЙЫРТЕМ)

В статье дана типологическая характеристика проблематики в повестях В. Регеж-Горохова. В ней выявлена содержательная структура социокультурной, национальной, философской и идейно-нравственной типов проблематики.

Ключевые слова: *марийская литература, повесть, В. Регеж-Горохов, типы проблематики.*

В. Регеж-Горохов – «Тиде тыгак лийын», «Лум ӱмбал пеледыш», «Чыныш лекше омо», «Филип-II» повесть-влакын авторжо. Писательын илыш реальностым кузе умылымыжым нине произведенийлаште нунын проблематикышт сайын ончыктат. Проблеме – тиде «сылнымут произведенийыште тарватыме да вашмутым кычалше йодыш» [1, с. 38]. В. Регеж-Гороховын повестьлаштыже ныл тӱрлӧ проблематикым ончыктыман: социокультурный, национальный, философий да романный (идейно-нравственный). Серызе тӱрлӧ анҥысыран, тӱрлӧ жаплан келшыше йодыш-влакым нӧлталеш да лудшым шонкалаш, тургыжланаш тарата.

Социокультурный проблематике дене повестьлаште шкешотан характер огыл, а чумыр калыкын илышыже кылдалтын. Автор социал илыш дене кылдалтше тыгай йодыш-влаклан вашмутым кычалеш: поян ден йорло-влак коклаште могай кучедалмаш кая? кузе ял калык ила? кузе калык яллаште школ чот шагалеммым да ялысе йоча-влаклан у школым почмым каҥаша, ойгыра? Автор неле, нужна ялысе илыш нерген тыге воза: *«Тудо жапым шарналтемат, мылам туге чучеш, тунам пел марий калыкше кӱчен коштын. Кушто гына лийын онал, чыла вере кӱчызым вашлийынна. Кӱченыт шоҥгат, кӱченыт рвезат, кӱченыт чылт изи йочат»* [2, с. 33].

Тыгак автор тулыкеш кодшо, йорло йоча-влакым тарзе семын ончен ашнымаш, ача-ава ден йоча коклаасе кыл, олаште марий йылмын верже нерген воза. Оласе калык, ялысе-влак дене танҥастарымаште, марий йылме дене шагал мутлана, манеш В. Регеж-Горохов, шуко руш мут-влакым пуртылеш, але йӧршеш рушла мутлана. Автор ялысе да оласе илыш коклаасе ойыртем йодышым пӱсын шында.

Социокультурный проблематике дене преступник чот кугемме нерген мутым лукмашымат кылдаш лиеш. Илыш эре вашталт толеш гынат, каласынеже автор, айдеме ожно семынак осал пашам шуктен шоген да кызытат шке йоҥылышыжым умылен огеш керт. Шке шонымашыж деке шуаш манын, айдеме

нимо деч огеш лӱд, кеч-момат ышташ ямде улеш. В. Регеж-Горохов осал койышвлак нерген ойлымыж годым шагал огыл кочывӱдым подылмаш (поснак самырык тукым коклаште шарлыше) нерген шонкала. «Чыныш лекше омо» повестьыште тиде уда койышлан кӧра айдемын тазалыкше начарештмым, илыш шот радамын пужлымыжым, айдемын уш-акылжын пытен толмым ончыкта. Ялысе самырык-влакым ончен, Элеса нунын ончыкылык илышышт нерген моткоч тургыжлана: жап эртыме семын, кушкын толшо тукымын шакше койышыжо кушкын толеш.

Вес кугу проблематике тӱшка – **национальный.** В. Регеж-Горохов марий калыкын да пӱтынь элын историйже нерген каласкала. Ончычсо илышым палыде, кызытсе илышлан акым пуаш неле, манеш. Марий калыкын тӱвыражын пӱрымашыже нерген тургыжлана. Тидын дене тыгай проблеме-влакым кылда: яллаште черкым, библиотекылам петырымаш; кызытсе жапын пайрем эртарыме радамын ожнысо деч чот ойыртемалтмыже; марий калыкын суапле (геройлык) койышыжо (тудо, мутлан, фашист ваштареш лӱддымын кредалмаштыже палдырнен); марий калыкын ожнысо илыш радамже да коллективизаций; нужнавлакым шыгыремдымаште марий еҥын верже; ялысе марий калыкын мланде шотышто праважым шыгыремдымаш да т.м.

В. Регеж-Горохов, ала-могай келге, пӱсӧ йодышан шонкалымашым тарватен, лудшым шке могырышкыжо савыраш тӧча. Ты шотышто тудын повестьлаштыже **философий** проблематике ончыко лектеш. Прозаик тыгай йодышла гоч илыш чыным кычалеш:

– шочмо йылме да еҥын илышыже, пӱрымашыже: *«– А кунамсек мый тиде мутым тендан ойлымо семын колын омыл ыле! Моско! Москошко! Да-а-а, – кугун шӱлалтыш тудо. – Молан ме, марий-влак, кугезына семын марла ойлаш она йӧрате? Кажне шомакым вес йылмылан келыштараш тӧчена»* [2, с. 9];

– кинде паша лектыш семын, мутлан, «Чыныш лекше омо» повестьын геройжо Элеса, киндын акшым сайын умыла: кинде ӱстембак толын вочмыж деч ончыч моткоч кужу корным эрта, тидлан айдеме шуко вийым пышта;

– тӱняште ӱдырамашын верже;

– шинчымашын кӱлешлыкше, тудын кугу вийже. Келге шинчымаш ден пӱсӧ уш-акыл дене гына илышыште сай кӱкшытыш шуаш лиеш – тыгай шонымашышке «Чыныш лекше омо» повестьын тӱҥ геройжо шуэш;

– аракан осал вийже (ты кочо аярлан кӧра «йӱшӧ еҥын кӧргышкыжӧ ия пурен», манеш автор);

– ончыкылык илышым, пашам ойырымаш: *«Мый тылат канҥашым пуэн кертам, но «тушко кай» манын темлен ом керт. Тыге ыштен, тыйын илышетым, пӱрымашетым локтылам гын? Сандене шке ончыкылыкетым шкеак рашемде. Иктым гына каласем: тугай пашам ойыро, ӱмырет мучко тылат куаным кондыжо. Чонетлан тудо эн вучымо, мотор пайрем гай лийже! Эше весымат ит мондо: тыйын пашат калыклан кӱлжӧ, тудланат куаным пӧлеклыже»* [2, с. 258].

В. Регеж-Гороховын повестьлаштыже изи огыл верым идейно-нравственный проблематике налын шога. Икмыняр проблеме-влакшым ончыктен кодена:

1) туныктышын мораль шотышто экшыкше (тунемше-влакым ойыркалымаш);

2) оласе условийыште ӱдыр-влакын куштылго койышышт палдырнымаш: *«Ола, конешне, ял гай огыл, кажне ошкылышто шӱртняш лиеш, но айдеме кызыт утыждене воляш каен. Тый газетым лудат, очыни, сандене палет. Ну, вет южгунамже ӱпет шогалеш! Кӧ шонен, ме тыгай илышыш илен шуына манын? Лу-латкок ияш ӱдыр-влак шке капыштым ужалаш тӱҥалыныт! Тиде вет страм, тиде вет… – Прокой кӱлеш мутым мудеак лие»* [2, с. 142].

3) творчество, талант да чынле койыш. Тидын шотышто авторын артист нерген, тудын неле пашаже, усталыкше нерген шонкалымашыжым ончыкташ лиеш: *«Сценыште мо гына ок ышталт – чылажат артистын шӱмжӧ гоч кайышаш, тудым я сусыртышаш, я вӱчкышаш»* [2, с. 103];

4) айдеме да пӱртӱс, вольык, мутлан, автор пий ден пырыс-влакым айдемын ӱшанле йолташыже семын акла, нуным, ашнаш налмеке, аралаш да чаманаш кӱлеш, манеш, нуным уремыш луктын кудалтыман огыл, айдеме деч посна нунылан илен лекташышт йӧсӧ. Тиде йодышым серызе моткоч келгын да оҥайын «Филип-II» повестьыште почын пуэн да лудшын шӱм-чонышкыжо намиен шукташак тыршен.

В. Регеж-Гороховын повестьлажым проблематике шотышто лончылен лекмеке, тыге иктешлен палемдыман: серызе тӱрлӧ проблематикылан (социокультурный, национальный, философий, идейно-нравственный) келшыше пӱсӧ, келге шонымашан да тачысе илышланат келшен толшо йодыш-влакым тарвата.

Литератур

1. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымут шанче мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 80 с.

2. *Регеж-Горохов В.М.* Лум ӱмбал пеледыш: повесть ден пьесе-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1996. 328 с.

РАЗДЕЛ 3. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Г.Р. Ахметшина, М.С. Мамонтова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ПРАКТИКА ОЦИФРОВКИ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ В РАМКАХ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Статья посвящена проблеме сохранения культурного наследия региона через оцифровку фондов музеев.

Ключевые слова: *Республика Марий Эл, культурное наследие, музеи, оцифровка музейных фондов.*

В настоящее время, в связи с активным внедрением в музейное пространство информационных технологий, меняется сама специфика музейной работы. Эти технологии способствуют сохранению и популяризации музейных коллекций. Создание цифровой базы стало необходимым условием существования современного музея как хранителя, не только вещественных коллекций, но и виртуальной информации. Актуальность создания цифрового аналога музейных фондов широко обсуждается научным сообществом, его необходимость подтверждена на общегосударственном и региональном уровнях [1; 2], в частности, в Республике Марий Эл.

Сегодня в республике функционируют 30 музеев, из них 3 республиканского и 25 муниципального значения. В Йошкар-Оле – 9 музеев, в том числе 2 филиала. Для исследования практики оцифровки были выбраны нами три музея города Йошкар-Олы, в которых оцифровка фондов идет активно и упорядоченно: Музей истории города Йошкар-Олы, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева и Республиканский музей изобразительных искусств.

Национальный музей Республики Марий Эл имени Т. Евсеева с 2014 года базируется на автоматизированной системе «Музей – 3»; за это время сотрудники музея успели создать карточки и справочники на 2000 экспонатов из общего 200000 количества объектов [4].

Республиканский музей изобразительных искусств с 2014 года базируется на комплексной автоматизированной музейной информационной системе (КАМИС), с помощью программы в музее создаются интегрированные базы данных музейных коллекций, включающие различные тексты, изображения и скульптуры. В целом, из 8000 единиц предметов всего фонда музея сегодня оцифровано около 1000. Сотрудники музея проходят ежегодные семинары по повышению квалификации и обучению работе с КАМИС [5].

Музей истории города Йошкар-Олы имеет более 22 тыс. экспонатов, отражающих историю города с его основания до сегодняшнего дня. Активная работа по переводу музейных предметов в электронный вид началась с 2013 г.

[3], в результате этой работы подготовлена оцифрованная информация по 1500 объектам (всего же музей насчитывает 20000 тысяч единиц хранения). Сотрудники музея систематически проходят курсы повышения квалификации по работе с АИС (НИЦ «Роскультура»).

Проекты по оцифровке документов, фотографий и картин позволили музею сберечь оригиналы документов, подверженных быстрому износу. За счёт использования электронных копий музей активно реализует различные проекты, сотрудничая со СМИ. В 2013 г. проведена работа по подбору и предоставлению электронных копий музейных предметов для газет «PRO-город», «ВаБанкЬ», журнала «Отчина».

Актуальными проблемами в практике оцифровки музейных объектов остаются нехватка профессиональных программистов, обладающих необходимой квалификацией в музейной сфере. Музеи остро нуждаются в специализированной технической аппаратуре по оцифровке музейных фондов. На сегодняшний день проводится оцифровка документации исключительно на планшетных сканерах.

Оцифровка музейных фондов является неотъемлемой частью работы современного музея, в последние годы получившей стабильную государственную поддержку. Создание электронных коллекций способствует открытию ценных фондов музеев, формируя тем самым Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [1], который создает условия для поиска и работы с информацией о музейных экспонатах и коллекциях России, а также о музеях, хранящих их.

Литература

1. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации // URL: http://www.goskatalog.ru (дата обращения: 27.03.2016).

2. *Загоскин Д.В., Ширко К.Н.* Оцифровка и электронная каталогизация региональных музейных фондов: содержание и организационные аспекты // Справочник руководителя учреждения культуры. 2012. № 6. С. 69–76.

3. Музей истории города Йошкар-Олы // URL: http://i-ola-museum.ru (дата обращения: 05.10.2016).

4. Национальный музей РМЭ им. Т. Евсеева // URL: http://www.fumus.ru (дата обращения: 05.10.2016).

5. Республиканский музей изобразительных искусств // URL: http://rmii.ru (дата обращения: 05.10.2016).

М.А. Вишнева, М.С. Мамонтова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. С.Г. ЧАВАЙНА И НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМ. Т.Е. ЕВСЕЕВА

Статья посвящена теме взаимодействия музея и библиотеки как ведущих культурных институтов, призванных хранить культурное наследие народа мари.

Ключевые слова: *национальная библиотека, национальный музей, культурная среда, культура народа мари*

Библиотеки и музеи предоставляют возможность для диалога людей разных воззрений и национальностей, расширяют горизонты восприятия культурного наследия. В проблематике информационного взаимодействия библиотеки и музея важное место занимает вопрос о способах и перспективах их сотрудничества, однако он мало изучен, актуализирован лишь недавно.

В 1920 году было принято решение об открытии Марийского центрального музея в г. Краснококшайске. В 1926 году под руководством Т.Е. Евсеева начинает свою работу Марийское краеведческое общество, которое занималось сбором информации и изучением истории, этнографии, фольклора, искусства, природы края [5]. Статус музея неоднократно менялся, но в 1992 г. Постановлением Правительства РМЭ музею был присвоены статус «Национальный музей Республики Марий Эл» и имя основателя музея Тимофея Евсеева.

Национальная библиотека им. С. Г. Чавайна основана в 1877 году, в 1922 году, с созданием Марийской автономной области, она получила статус областной с функциями методического центра, а в 1936 году – статус республиканской. С 1950-х годов библиотека выполняет функцию республиканской книжной палаты, а с 1960 года издает «Летопись печати РМЭ». Имя основоположника марийской литературы С.Г. Чавайна было присвоено в 1982 г., а в 1990 г. библиотека получила статус национальной, были определены новые цели и задачи по возрождению культуры народа мари [1]. Свое место среди них заняло и сотрудничество с музеями.

Взаимодействие этих двух учреждений культуры многогранно. В ходе исследования нами выделены основные направления их сотрудничества:

1) сотрудничество на базе клуба «Марийский краевед» (Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна), цель которого – развитие творческой инициативы в деле широкого распространения среди населения республики краеведческих знаний. Членом клуба может стать каждый, кто интересуется родным краем, занимается его изучением, знакомится с природой, культурой и искусством республики, с его прошлым и настоящим, с судьбами выдающихся людей, внесших огромный вклад в развитие всех отраслей республики [2, с. 4]. Открытие клуба в 1988 году совпало с празднованием 100-летия со дня рождения основоположника марийской литературы С.Г. Чавайна. Председателем клуба был избран профессор К.Н. Сануков. Клуб активно сотрудничает с Марийским научно-исследовательским институтом им. В.М. Васильева, Марийским государственным университетом, Марийским республиканским колледжем культуры и искусств им. И. С. Палантая, архивами и музеями, творческими союзами, средствами массовой информации. В рамках заседаний клуба проводятся презентации новых книг, авторы и составители краеведческих изданий стремятся получить компетентные отзывы ученых и краеведов;

2) участие во всероссийской программе «Русский музей: виртуальный филиал» [6, с. 34]. В последнее время музеи, библиотеки создают свои страницы и блоги в Интернете, используя в повседневной работе виртуальные технологии,

мультимедийные программы и проекты. «Русский музей: виртуальный филиал» – один из таких проектов. Он реализуется на базе Республиканского музея изобразительных искусств РМЭ, является инновационным межрегиональным и международным проектом Русского музея, воплощающим идею доступности крупнейшего собрания национального русского искусства. Целью проекта является приобщение широкого круга зрительской аудитории к ценностям русской культуры, расширение и углубление знаний об истории русского искусства, коллекциях и деятельности Русского музея на основе свободного доступа к электронно-цифровым материалам. Информационно-образовательный центр (ИОЦ) «Русский музей: виртуальный филиал» состоит из мультимедийного кинотеатра и информационно-образовательного класса. Содержательным наполнением центра является медиатека, которая состоит из интерактивных мультимедийных программ и фильмов, созданных Русским музеем. В настоящее время между музеем и библиотекой принято соглашение о создании в Национальной библиотеке им. С.Г. Чавайна, на базе отдела литературы по искусству, мультимедийного блока «Русский музей: виртуальный филиал»;

3) участие сотрудников музея и библиотеки в совместных региональных конференциях. С 1997 года на базе Национальной библиотеки им. С. Г. Чавайна проходят ежегодные Орловские чтения. XVIII Орловские чтения (2013) были посвящены теме взаимодействия библиотек и музеев. В Национальном музее им. Т.Е. Евсеева с 2007 года проходят ежегодные Евсеевские чтения [6, с. 31]. На них обсуждаются актуальные вопросы, касающиеся обслуживания потребителей.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что сотрудничество между Национальной библиотекой им. С.Г. Чавайна и Национального музея им. Т.Е. Евсеева длительное, но все же оно недостаточно распространено [7, с. 63]. Необходимы следующие мероприятия: кооперация для обеспечения доступа к уже существующим информационным ресурсам по культурному наследию; интеграция ресурсов для организации общих баз знаний; проектные исследования по формированию информационно-культурного компонента виртуальной среды; поиск новых содержательных и организационных форм взаимодействия традиционных учреждений культуры (культурных центров, документно-вещественных мемориалов). Информационное сотрудничество музея и библиотеки на региональном уровне должно послужить стимулом к созданию особой культурной среды, альтернативной с технологическим насыщением в индивидуальных условиях.

Литература

1. Библиотеки в контексте истории: материалы 8-й Межд. науч. конф. М., 2009. 364 с.

2. *Васютина Л.В.* Клуб «Марийский краевед» // Отчина. 2010. № 1. С. 4–5.

3. *Мамонтова М.С., Севрюгина О.А.* Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна Республики Марий Эл в финно-угорском информационном пространстве // Финно-угорский мир. 2015. № 3 (24). С. 81–86.

4. Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна в 2009–2015 гг.: итоги и перспективы: материалы ежегод. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2009–2015.

5. Национальный музей Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева // URL: http://www.fumus.ru (дата обращения: 10.09.2016).

6. *Сушенцова А.Л.* Виртуальный филиал Русского музея в Национальной художественной галерее // Библиотеки и музеи в виртуальном пространстве: сб. материалов XVIII Орловских чтений. Йошкар-Ола, 2014. С. 31–36.

7. *Шурыгин А.В.* Музеи и библиотеки: перспективы информационного сотрудничества // Вестник БАЕ. 2011. № 4. С. 62–64.

Н.Н. Глухова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЧИСЛЕННЫЙ МЕТОД АНАЛИЗА ФОЛЬКЛОРНОГО СТИЛЯ

В статье предлагаются описание нового метода изучения фольклорных текстов на примере текстов заговоров и описание результатов, полученных в ходе использования предложенной методики. Выводы подкрепляются графическим метаязыком исследования в виде таблицы и круговой секторной диаграммы.

Ключевые слова: системно-функциональный подход, заговорно-заклинательный текст, фольклорный стиль, численный метод.

Обзор имеющихся работ марийских филологов показывает, что в их исследованиях преобладает комплексная методика, осуществляемая в рамках системно-функционального подхода к языку. К методам, широко применяемым лингвистами и литературоведами, относятся сравнительно-исторический и сопоставительный методы. В их рамках получили распространение такие частные приемы, как гипотетико-дедуктивный, метод оппозиций, дистрибутивный, дескриптивный, трансформационный, валентностный, компонентный, контекстологический, экспериментальные методы с помощью инструментов и аппаратов [1, с. 8–10].

Марийский фольклористы исследовали жанры устного народного творчества в рамках историко-этнографической школы. В дополнение к этому они применяли сравнительный метод и семантический подход к раскрытию содержания разных жанров, а также в определении художественно-изобразительных средств. В последние годы в рамках лингвофольклористики возникла потребность в анализе языкового аспекта жанров, в частности, марийских паремий. К марийским фольклорным текстам различных жанров широко применялись лингвистические методы описательного характера. Результатами таких исследований стали классификации языковых средств различных уровней.

Возникает настоятельная необходимость дополнения существующих классификаций количественными характеристиками и соотношением стилистических приемов в текстах разных жанров. С этой целью можно предложить использование лингвостилистического подхода и приемов статистической стилистики. Нужно указать, что методами статистической стилистики до настоящего времени исследовались авторские произведения. Но, как показывает опыт исследования фольклора, они могут быть применены и к жанрам устного народного творчества.

Тексты жанров марийского фольклора представляют собой своеобразную систему, рассматриваемую как отдельный фольклорный стиль марийского языка. Гипотеза находится в гармонии с определением стиля, который предлагается рядом ученых, которые считают, что стиль –это не что иное, как разновидность общенародного языка, языковая подсистема со своеобразной лексикой, фонетикой, грамматикой, фразеологическими оборотами, отличающаяся от других подсистем экспрессивно-оценочными свойствами составляющих ее элементов, закрепленная в данном обществе за одной из наиболее общих сфер социальной жизни [1, с. 147; 4, с. 494].

Приемы и методы статистической стилистики применялись при изучении фонологического, лексического, синтаксического уровней, а также при исследовании образных средств. Так, подробно анализировались метафоры с целью определения среднего арифметического интенсивности метафоризации произведения.

В данной статье предлагаются некоторые результаты применения нового приема к марийским заговорам и молитвам в рамках статистической стилистики. К нему относится численный метод комплексного анализа фольклорного стиля, приводящий к описанию его количественных характеристик. Целью использования приема является подтверждение гипотезы, что способы организации устного текста опираются на композиционные и фонологические свойства текстов. К конечным результатам относится вывод о принадлежности заговоров и молитв к поэтическим (в противовес прозаическим) произведениям марийского устного народного творчества. Предлагается проиллюстрировать новый метод на примере текста заговора «Моктымым шӧрымӧ» [3, с. 193–199] («От порчи похвалой»). Заговор выбран неслучайно: этот текст – один из самых богатых стилистическими приемами. Он состоит из 11000 знаков, содержит 34 сверхфразовых единства. Композиционная сложность, богатство стилистическими приемами определили выбор данного текста для апробации метода.

Суть метода заключается в следующем: при анализе заговора отбираются и пересчитываются все известные выразительные и образные средства (Ni). Затем они заносятся в таблицу и получают номер. В нашем материале это 14 показателей. Подсчитывается количество раз употребления каждого средства N. Абсолютное значение N не позволяет сравнивать стилистические маркеры в текстах разной длины и разных жанров. Избежать этого недостатка можно при использовании приведенного показателя E , который равен: E = Ni : Ns , где Ns количество знаков в тексте. Значения приведённого показателя E могут быть весьма малы – сотые и тысячные доли, поэтому в таблице для удобства восприятия эти значения представлены в заголовке с множителем 10^4, благодаря чему в самой таблице эти данные представлены в виде целых чисел.

Для пояснения сказанного предлагается пример анализа отрывка из текста, маркеры стиля всего заговора которого представлены в таблице:

Чинче урлыккомдо дене ӱден, чинче тырма дене тырмален, чинче сорла дене тӱредын, чинче кылта орам ыштан, чинче копнам ыштен,

Когда колдун за один час, одну минуту сможет посеять из блестящего лукошка, проборонить блестящей бороной, сжать

чинче орваш оптен, чинче пошлык дене пызыруктен, чинче вӱраӊ дене пидын, пызыруктен, наӊгаен, чинче каван-йолым шогалтен, чинче шагым шарен, чинче кавaным ик минутышто ик шагатыште кунам оптен кошартен кертеш, тунам иже тудым локтен кертше. Тьфу, тьфу, тьфу! [3, с. 194].

блестящим серпом, поставить груд снопов, сделать блестящую копну, погрузить её на блестящую телегу, придавить её бастрыком, увезти, обвязав её крепкой блестящей веревкой, установить основание стога, разложить блестящие подставки под стог, обвершить блестящий стог, только тогда пусть колдун сможет его заколдовать. Тьфу, тьфу, тьфу!'

В предложенном отрывке встречаются следующие маркеры стиля: 1) сквозной фольклорный эпитет; 2) развёрнутая гипербола; 3) баланс; 4) частичная параллельная конструкция; 5) повтор корня; 6) перечисление; 7) градация; 8) асиндетон; 9) анафорический повтор лексемы; 10) многократная смежная аллитерация; 11) композиционный ритм – 26%. Весь текст заговора проанализирован по аналогии с отрывком. Количественные показатели текста занесены в Таблицу 1.

Таблица 1.

Количественные параметры стиля заговора «Моктымым шӧрымӧ»
[3, с. 193–199]

№	Наименование маркера стиля	Количество раз использования, N	Размер радиуса, R	Приведенный показатель E
1	Эпитет	316	6,64	285
2	Метафора	16	0,29	15
3	Гипербола	42	0,88	38
4	Сравнение	14	0,29	15
5	Параллелизм	230	4,83	208
6	Повтор лексический	111	2,23	100
7	Перечисление	348	7,31	315
8	Антитеза	9	0,19	8
9	Асиндетон	386	80,0	349
10	Полисиндетон	60	1,26	54
11	Повтор лексико-синтаксический	1560	32,76	1412
12	Аллитерация	1252	26, 29	1133
13	Рифма ассонансная	312	6,55	282
14	Ритм композиционный	22	0,46	20

Представление данных в таблице не обладает необходимым уровнем наглядности. Для повышения наглядности таблица используется для построения круговой секторной диаграммы, в которой каждому выразительному средству и образному приему соответствует сектор со своим номером, а длина радиуса

сектора R пропорциональна частоте встречаемости средства в тексте Ri = C x Ni, где Ri – величина радиуса каждого средства, C – масштабный коэффициент. Размеры стандартной страницы не позволяют сделать радиус больше 8 см, поэтому значение коэффициента C рекомендуется определять из выражения: C = Ri : Ni, принимая за радиус второе-третье по частотности средство. В нашем случае C = 0,022. Секторы, имеющие чрезмерную длину, удобно изображать условно, с разрывом.

Круговая секторная диаграмма на Рис.1 наглядно представляет соотношение маркеров стиля в тексте заговора.

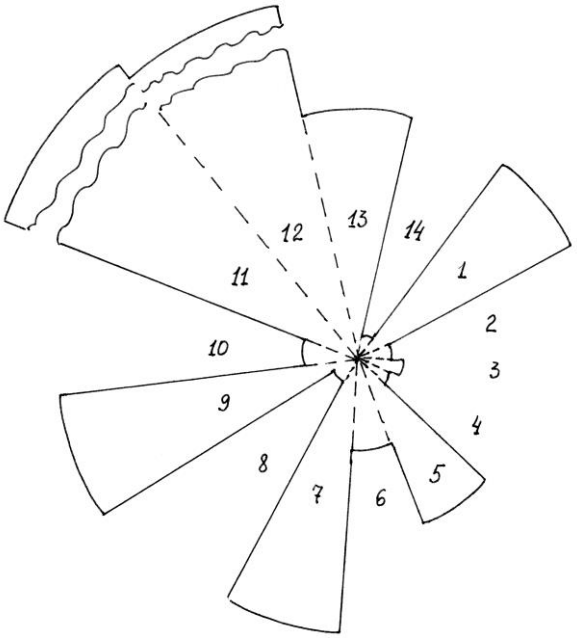

Рис. 1. Круговая секторная диаграмма маркеров стиля заговора «Моктымым шӧрымӧ» [3, с. 193–199].

Стиль заговора, предложенного для рассмотрения, отличается чрезвычайным разнообразием маркеров стиля, богатством их использования. Стиль образуется сочетанием очень распространённых средств с приемами средней встречаемости и дополняется набором малораспространенных маркеров стиля. В проанализированном тексте есть отдельные случаи использования метафор, сравнений, гипербол, антитезы. Данные стилистические приемы не составляют ядра средств, использованных в заговоре, не могут считаться ведущими маркерами стиля.

Выразительные средства играют большую роль в создании композиционной целостности, завершенности. Кроме того, они способствуют созданию экспрессивности заговорных текстов. Изобразительные средства служат описанию действий, событий, а также придают образность высказыванию.

Благодаря предлагаемому методу ясно, что стиль предполагает преднамеренное сужение разнообразия, так как невозможно ни отдельному человеку, ни коллективному автору использовать все существующие средства образности и экспрессивности. Любой стиль отличает весьма частое

употребление одних средств и практически полное неупотребление других. В проанализированном заговоре самым распространенным средством является лексико-синтаксический тип повтора. Следующими по частотности средствами являются аллитерация, асиндетон, перечисление, эпитет, ассонансная рифма, параллельные конструкции, лексический повтор. Анализ текста, численные показатели которого представлены в таблице и круговой секторной диаграмме, указывают на то, что для стиля заговора более важными маркерами стиля являются выразительные, а не образные средства. Выразительные средства синтаксического уровня служат созданию композиционной целостности и завершенности текста. Фонологические же средства способствуют лучшему запоминанию текстов на слух, что было особенно необходимо в дописьменный период развития языка.

Литература

1. *Будагов Р.А.* Литературные языки и языковые стили. М.: Высш. шк., 1967. 375 с.

2. *Глухова Н.Н.* Методы лингвистических исследований в изучении марийских фольклорных текстов: метод. указания для студентов / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1999. 31 с.

3. *Евсеев Т.Е.* Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шӱведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1994. 208 с.

4. *Степанов Ю.С.* Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энциклопедия, 1990. С. 494–495.

М.А. Горячева
Институт языкознания РАН (г. Москва)

ТАЙНЫЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена проблеме тайного языка, рассмотренной в ракурсе социолингвистической науки. В ней выявлены типы употребления термина «тайный язык», основные дифференциальные признаки, на основе которых выстроена типология тайных языков.

Ключевые слова: *социолингвистическая проблематика, тайный язык, типология тайных языков.*

Тайные языки всегда привлекали внимание языковедов, культурологов, социальных психологов, этнологов, а также криминалистов. Каждый из этих исследователей рассматривал их с позиций своей науки. В этой статье мы взглянем на тайные языки сквозь призму базовой социолингвистической проблематики.

Данный термин имеет определенную специфику.

Тайными (условными) языками называют обычно «языки, которыми пользовались различные социальные замкнутые группы» [7, с 225]. Может рассматриваться как разновидность профессионального жаргона, арго и т.п. Нередко эти термины в работах исследователей взаимозаменяемы.

Второй тип употребления этого термина – конспиративная функция как одна из функций языка. В ней может быть представлен как искусственный язык, сконструированный на основе естественного (может рассматриваться как его функционально-стилистическая разновидность), так и естественный язык в иноязычном окружении. Следует отметить, что к собственно конспиративной функции прибавляются и дополнительные, вторичные – магическая, языковой игры, «корпоративное» единение (в том числе контактоустанавливающая функция) и некоторые подобные.

Рассмотрим подробнее основные дифференциальные признаки, учитываемые при типологизации тайных языков.

Прежде всего, это дихотомия естественный / искусственный язык.

Безусловно, искусственный язык базируется на естественном, являющемся для коммуникантов языком общения, но претерпевает при этом ряд изменений. Прежде всего, изменения касаются лексического уровня языка. При этом замечено, что обычно вводится не более 300–400 новых слов [2, с. 502]. Слова или берутся из другого языка (например, тюркизмы или немецко-еврейский жаргон в воровских арго), или имитируют их (например, «цыганская» лексика). На уровне словообразования активно применяются такие приемы, как добавление не типичных для языка суффиксов и т.п. (разговоры «по херам», «по шицу», «тарабарская речь»), перестановка слогов и многое другое. Слово как бы искусственно создается, но по определенным законам. На уровне фонетики встречается «картавость» и т.п., помогающая сделать речь неясной для не привычного к ней уха. На уровне семантики обычным словам придаются нетипичные для них значения, известные лишь «посвященным». Часто в принципах семантического переноса заметна и магическая функция тайного языка. Например, в секте скопцов в XIX веке «Иерусалим» – место радений, «Бог», «Святой дух» – пророк скопцов, «черные враны» – правительство, «фарисеи», «лютые звери» – православные [5, 109].

Общие лексико-семантические структурные типы тайных языков выделены и проанализированы в статье М.Н. Приёмышевой «Опыт структурной классификации тайных языков (на материале тайных языков России XIX века)» [5]. На основе анализа более 40 различных тайных языков она выделяет два их основных типа: номатический (от лат. nomen –‘имя, название’) и семантический. «К первому могут быть отнесены такие типы языковых единиц, в которых «условной» оказывается форма слова (преимущественная часть офенского языка, языков торговцев, ремесленников, языков нищих, часть воровского словаря); ко второму – такие, в которых условными оказываются значения общеизвестных слов (часть воровского словаря, «иносказательный» язык раскольников, «терминология» и символический язык сектантов, масонов) [5, с. 107].

Поисками внутренней логики, закономерностей построения и развития тайных языков интересуются, прежде всего, лингвисты, в частности, психолингвисты.

Следует отметить существование особой разновидности искусственного языка – язык, существующий в графической форме (например, хобо – тайный язык американских рабочих-бродяг XX века).

Что же касается естественного языка, то его применение в функции тайного подразумевает ситуацию невладения им остальными слушателями, кроме участников коммуникации. Часто это бывает язык, вышедший из употребления (например, язык бывшей метрополии) или язык малочисленного народа. В принципе, любой язык в определенной ситуации может выполнять данную функцию, достаточно, чтобы окружающие им не владели (например, в ситуации «соотечественники за границей»).

Второй признак, на основе которого выстраивается классификация тайных языков, – сами участники коммуникации. Можно выделить следующие параметры дифференцирования тайных языков.

1.1. Детский язык. Приблизительно он сохраняется до 8 лет, реже дольше, в отдельных случаях переходит и во взрослую жизнь, при этом чисто конспиративная функция нередко отходит на второй план, уступая место языковой игре, использованию уникального языкового кода для поддержания традиции в общении и т.д. Встречается чаще среди близнецов и погодков, а также в виде неустойчивых элементов среди близких друзей. Это по своей структуре язык искусственный на базе родного для детей языка. Придумывая и пробуя различные способы зашифровки своего общения, дети проходят очередной этап своего интеллектуального, социального и лингвистического развития. Поэтому детские тайные языки – прекрасный материал для психолингвистов.

1.2. «Взрослый» язык. Используется ближайшим окружением ребенка, чтобы скрыть от него информацию. Это достигается двумя способами: во-первых, использование специальных приемов, например, произнесение ключевых слов по буквам, и, во-вторых, привлечение лексики не известного ребенку языка или полный перевод коммуникации на этот язык (например, иностранный). Для социолингвистики представляет интерес ситуация, когда в функции тайного языка используется какой-нибудь малоупотребительный язык, например, вышедшей из употребления язык бывшей метрополии или язык малочисленного народа. Так, представители старшего поколения одного из народов России могут использовать свой родной язык как тайный в общении с внуками, которые этого языка не знают, потому что растут с родителями, говорящими с ними по-русски или на республиканском государственном языке.

1.3. Подростковые и молодежные тайные языки. Эту функцию успешно выполняют такие образования, которые обычно называют «молодежный жаргон, арго». Считается, что возраст его активного использования – приблизительно 13–23 года. Конспиративная функция – лишь одна из множества других функций этих языковых образований, причем, не самая важная, хотя временами выходящая на первый план. С одной стороны, значительную роль играет функция идентичности [1, с. 11], с другой стороны, одной из важных целей использования молодежных жаргонов является противопоставление себя обществу. Таким образом, в отличие от детских языков, «оппозиционный» участник коммуникации – не столько взрослые (родители, учителя), сколько общество, в целом. Поэтому изучение языковых средств, при помощи которых достигается этот эффект – сфера интересов не только структурной лингвистики и психолингвистики, но и социолингвистики. Особенно интересным является

изучение динамики языковых предпочтений в выборе иностранных заимствований представителями разных поколений молодежи и наиболее привлекательных лексико-семантических групп, что позволяет определить базовые сферы интересов этой возрастной категории, а также многое другое.

1.4. Социально-профессиональные жаргоны. По мере взросления человек, хотя постепенно и не полностью, но, в целом, избавляется от элементов молодежного жаргона. Закончив учебный период жизни, он оказывается под влиянием своей новой социально-профессиональной группы. В жаргоне большинства легальных профессий конспиративная функция не так важна, как в «профессиях» нелегальных, осуждаемых обществом, таких, как воры и мошенники, бродяги и нищие. Но часто передача информации втайне от клиента играет важную роль, поэтому во все времена существовали способы ее шифрования, например, в XIX веке существовали языки прасолов, портных, шерстобитов и многих других профессиональных групп.

1.4.1 Военный жаргон. Отдельно следует отметить военные жаргоны, поскольку конспиративная функция стоит в них на важном месте, а зачастую является единственной. Коммуникативная военная сфера как объект изучения социолингвистики рассмотрена в нашей работе «Коммуникативная сфера армии (военная сфера) как объект изучения социолингвистики» [3]. Наряду с искусственными языками (вплоть до привлечения ненормативной лексики в этих целях), использовались и малоупотребляемые языки. Например, в Восточном Тиморе повстанцы использовали португальский язык, почти не известный индонезийцам. Армия США использовала язык индейцев навахо в двух мировых войнах. Во время Второй мировой войны существовал даже особый отдел шифровальщиков навахо; были созданы около 450 оригинальных обозначений, отсутствовавших в языке навахо, например, «беш-ло» (Железная Рыба) – подводная лодка. Японцы так и не смогли разгадать этот шифр. История индейцев-радистов даже отражена в фильме Джона Ву «Говорящие с ветром» («Windtalkers»). В Великой Отечественной войне связисты – представители народов СССР – часто использовали в этой функции родные языки. Примеров подобного использования не известного противнику языка множество.

1.5. Жаргоны уголовных элементов. Эта группа тайных языков представлена, в основном, искусственными образованиями (в том числе и в графической форме существования). Она изучена достаточно хорошо криминалистами и лингвистами, в том числе и социолингвистами, регулярно издаются соответствующие словари. Постоянное внимание исследователей к этой группе обусловливается, прежде всего, практической важностью ее изучения.

1.6. Жаргон различных меньшинств (религиозных, политических, сексуальных и т.д.). Могут использоваться как искусственные, так и малоупотребительные языки. Искусственные языки привлекают особенное внимание лингвистов и в определенной мере уже исследованы, хотя, безусловно, и здесь широчайшее поле для изучения – как в диахронии, так и в синхронии. Так, М.Н. Приемышева в своей интереснейшей монографии дала обзор языкам религиозных сект России XIX века [6].

Полари – тайный язык британских гомосексуалистов, век от века пополнявшийся интереснейшими напластованиями различных социальных и этнических жаргонов, является интересным объектом для английских лингвистов, например, Пола Бейкера. Арго русской гомосексуальной субкультуры начала XX века и советского времени изучал В. Козловский [4].

Естественные языки в этой функции также употребляются. Например, трансвеститы в Джакарте используют язык бывшей метрополии – нидерландский.

Использование естественных языков в тайной функции изучено недостаточно. Особенно это актуально для изучения языковой ситуации в современной России. В настоящее время, когда репертуар социальных функций и объем использования многих языков народов России сужается, функция тайного языка приобретает несвойственную ей важность, оказавшись подчас одной из немногих оставшихся социальных функций языка в сфере нерегламентированного, бытового общения. Думается, что в настоящее время социолингвистам следует обратить на это направление исследований особое внимание.

Литература

1. *Алпатов В.М.* Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С 11–22.

2. *Арапов М.В.* Тайные языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 502.

3. *Горячева М.А*. Коммуникативная сфера армии (военная сфера) как объект изучения социолингвистики // Функциональная лингвистика. VII международный крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 2015. С. 87–89.

4. *Козловский В.* Арго русской гомосексуальной культуры. Benson, Vermont, 1986.

5. *Приёмышева М.Н*. Опыт структурной классификации тайных языков (на материале тайных языков России XIX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки (философия, история, культурология, языкознание, литературоведение, право)». 2008. № 11(72). С. 105–112.

6. *Приёмышева М.Н.* Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. 1. СПб.: Нестор – История, 2009. 455 с.

7. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. *В.Ю. Михальченко*. М., 2006. 312 с.

С.В. Григорьева, Н.Н. Глухова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЧЕРЛАНДАРЫШЕ МУЖО-ВЛАК ДЕЧ ШЎВЕДЫМЕ МУТ-ВЛАК

В статье рассматривается содержание текстов лечебных заговорно-заклинательных текстов марийской эзотерической культуры. Предлагается классификация текстов заговоров в зависимости от болезней, на лечение которых они

направлены. Показаны черты марийских заговоров, свидетельствующие о сходстве некоторых элементов с текстами других народов.

Ключевые слова: *заговорно-заклинательные тексты, энергия «ю», болезнь, врачеватели, эзотерический компонент культуры.*

Марий калык эмлызе-влак, Ю нерген ойлышыла, тудым сандалыкысе эн кугу вий, тиде илыш вий манын умылтарат. Марий-влакын Ю нерген шонымашышт тӱнямбалсе икмыняр калыкын илыш вий нерген умылымашыштым шарныкта. Индийыште тыгай вийым «прана», «брахман»; Китайыште «чи», «дао»; Полинезийыште «мана» манынат. Хант, чукча, чероки индеец-влакынат тыгайракак умылымашышт лийын. Кызытсе естествознаний шанчыште биополе шотышто тӱрлӧ шонымаш уло [1, с. 178–213].

Шымлызе В.Н. Петровын ойжо почеш, марий калык эмлызе-влак тыге шотлат: айдеме тудын кӧргышкыжӧ осал Ю пурымо дене черлана, а тыгай осал вийым айдемат, Юмат колтен кертыт. Черым, осал Юм пален налме юлымо йӧн тӱрлӧ уло. Чӱчкыдын кучылтмо йӧн-влак – тиде *мужедмаш* ден *шинчанужмаш*.

Мужедыт тӱрлӧ семын: *кидшерым кучен, ӱштӧ дене*, *ногыт дене* – 41 шаргӱм (пурсат, немычпурсат, тулеч молат лийын кертеш) кышкылтын, *картым кышкылтын, шӱртеш сакыме име дене* да тулеч молат.

Южо шинчанужшо еҥын санҥаштыже чыла кӱлешыжым ужеш. Арам огыл дыр калыкмут уло: *«Пӱрымаш санҥаште, шонымаш каваште (шонданыште)»*. Шинчанужаш вӱдыштат, оксаштат, шинчалыштат, воштончышыштат лиеш [3, с. 17].

Илыше айдеме деч ылыжше чер кок тӱшкалан шелалтеш. Иктыже *шке чер* маналтеш, весыже – *еҥ ыштыме*. Шке чер – тиде айдемын шке титакше дене лийше чер, мутлан, шотдымын кочмо-йӱмӧ, чот кылмыме дене да тулеч моло. Утларакше еҥ ыштыме чер вашлиялтеш. Тыге шотлат: айдеме, пытараш шонен, вес еҥ ӱмбаке вич тӱрлӧ энергийым – осал Юм – ыштен колтен кертеш. Тиде – *локтыш, пошартыш*, *шинчавочмо, йылмыпурылтмо, овылымо*. Локтыш мучашдымын тӱрлӧ уло. Пошартыш 12 тӱрлӧ лиеда. Шинчавочмо ден йылмыпурылтмо, мыняр тӱрлӧ тӱсан шинча уло, тунаре.

Мемнан фольклорист-влакын шымлымышт почеш черландарыше тӱҥ мужо-влак тыгай улыт: *разым* – лу йыжыҥым, тупрӱдым, моло лулегым тодеш, мугыльта, кап-кылыште тидым але весым пуалтара; *вуркемет* – вачын, пулышын черже; *вувер* – чоҥештылше тулгишке але тоя сынан. Авагудышто нӧшмым пытара, самырыкынат, илалшынат шинчам, пылышым, коваштым локтылеш. (Вувер – айдемым локтылшо еҥын чонжылан шотлалтеш. Тыгай еҥым илымыж годымак вувер чонан маныт. Вувер чонан еҥын чонжо эше илымыж годымак малымыж годым кап гыч лектын кая да еҥ але вольык ӱмбак кержалтын чоҥештылеш. Еҥ колымеке, вуверже шӱгарыште ила, шӱгар рож гыч лектын коштеш); *кереметым* кок семын аклат: южо вере пеш шучкылан шотлен, южо вере тукымым арален шогышо вий семын; *шаргишке але вӱдшар* пуйто вудыштӧ ила. Тудо, капыш пурен, кӧргӧ орган-влакымат, коваштымат шӱткала, йорам, лӱмым, кокша гайым шара.

Эше тыгай мужо-влакым ончыкташ лиеш: *пӱйшукш* – пӱйым пытара; *нерге кува-кугыза* – грипп; *ырлыган (кызамык)* – корь; *шедыра кува-кугыза* – оспа; *телеза (ужакаяр)* – скарлатина; *асыра* – дизентерий; *юҥго* – панариций;

кылмымужо – лихорадке; *ужармужо (сармужо)* – желтуха; *оҥшырт* – астме, бронхит; *сӱреммужо* – ушым йомдарыше мужо; *недык* – пӱйым да пылышым кочшо мужо (курык марий-влакын инанымашыште); *узак-авак родимец ия* – эпилепсий, родимец [2, с. 179–181; 3, с. 20–22]. Тиде чер ваштареш тыгай шӱведыме-мут-влак улыт: разымым шӧрымӧ, вувер логалмылан, вувер кочмым шӧрымӧ, вувер деч, вувер ваштареш, ужармужым шӧрымӧ, нерге кува-кугызам шӧрымӧ, пӱй шукш кочмым шӧрымӧ, юнго вочмо деч, шаргишке кела ваштареш, ужакаяр деч.

Шӱведыме мут-влакын текстышт куд типлан шелалтыт [4, p. 16]: 1) айдемым да вольыкым эмлыше шӱведыме мут-влак; 2) айдемым, вольыкым, кушкылым, тӱрлӧ арверым аралыше шӱведыме мут-влак; 3) айдеме кокласе кылым вашталтыше шӱведыме мут-влак (йӱкшыктарыме, сымыстарыме); 4) айдемым, вольыкым, кушкылым, арверым локтыш деч эрыктыше шӱведыме мут-влак; 5) айдемылан, вольыклан, кушкыллан да арверлан порым кондышо шӱведыме мут-влак; 6) айдемылан, вольыклан, кушкыллан да арверлан осалым кондышо шӱведыме мут-влак.

Литератур

1. *Дубров А.П., Пушкин В.Н*. Парапсихология и современное естествознание. М., 1989. 280 с.

2. *Евсеев Т.Е.* Калык ойпого: Тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шӱведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1994. 208 с.

3. *Петров В.* Марий Ю: Тӱрлӧ локтымо чер, мужо ваштареш шӱведымаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1993. 160 с.

4. *Glukhova N.* Structure and Style in Mari Charms. Savariae, 1997. 115 p. (Bibliotheca Ceremissica. T. III.).

С.Х. Гундогдиева
Национальный институт рукописей
АН Туркменистана (г. Ашхабад)

РАННИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ «ГУЛИСТАНА» САДИ

В статье отмечается, что в средние века большое внимание обращалось на переводы с персидского на тюркские языки известного произведения Саади «Гулистан». Его переводили в разные времена такие известные поэты-переводчики, как Сейфи Сарайи, Сибиджаби, Казы Маньясоглы, Мустафа Шемгы Берзини, рукописи которых дошли до наших дней.

Ключевые слова: *Саади, «Гулистан", перевод, Сейфи Сарайи, Сибиджаби, Маньясоглы, Берзини, рукопись.*

Выдающийся поэт Востока Саади Ширази своими нетленными произведениями, человеколюбием, нравственными и другими многочисленными прекрасными идеями внес неоценимый вклад в мировую культуру. Такие известные его произведения, как «Гулистан», «Бостан», являющиеся апогеем его творчества, уже начиная с эпохи, в которую они были созданы, превратились в любимые книги представителей многих народов.

«Гулистан», вошедший в мировую литературную сокровищницу, был переведен на многие языки. Уже в средние века возникла необходимость перевода на тюркский язык этого драгоценного произведения, передававшегося из уст в уста на персидском языке. «Гулистан» неоднократно переводился с персидского на тюркский; в большинстве случаев применялся творческий метод перевода, отличавшийся от современного дословного метода. Турецкий ученый Нургуль Сучу выделяет следующие виды перевода, широко применявшиеся в средневековой литературе: 1) дословные переводы; 2) не дословные, но похожие на оригинал, переводы; 3) переводы по основной теме произведения; 4) расширенные переводы [5, с. 127].

К настоящему времени мы имеем следующие переводы произведения «Гулистан».

1) Первый перевод «Гулистана» назывался «Гулистани бит-турки». Он был осуществлен, спустя 133 года после написания его Саади, а именно, в 1391 году, в Египте поэтом Сейфи Сарайи. Как отмечает Сейфи Сарайи в начале книги «Гулистани бит-турки», в один из весенних дней, когда он сидел с учеными в саду, один из известных ученых задал ему сложный вопрос по стихотворению, написанному размером аруз. Получивший от Сарайи правильный ответ, ученый порекомендовал ему перевести «Гулистан» Саади на тюркский язык и подарить одному из мемлукских беков. По рекомендации этого ученого Сейфи Сарайи переводит «Гулистан» с персидского на тюркский язык и преподносит в качестве подарка жившему в то время Батхас беку. В некоторых местах произведения, переведенного расширенным творческим методом, встречаются стихотворения и немногочисленная проза, написанная самим Сейфи Сарайи. Единственная рукопись произведения хранится в библиотеке Лейденской академии в Голландии. Ученые, ознакомившиеся с языком перевода, изучившие его [1; 2; 3; 4] считают это произведение драгоценным источником для изучения тюркского языка в средневековом Египте.

2) Второй перевод «Гулистана» на тюркский язык – это перевод, сделанный поэтом по имени Сибиджаби в 1398 году. Сибиджаби отмечает, что посвятил свой перевод сыну Миранского шаха Мухаммеду. Единственная рукопись этого перевода «Гулистана» из 110 страниц хранится в «Britishmuseum» в Англии. Сибиджаби так же, как и Сейфи Сарайи, перевел произведение, воспользовавшись творческим методом перевода. В отличие от персидских вариантов «Гулистана», он иногда сокращает рассказы Саади, иногда вставляет свои рассказы. Если судить по дате написания этого перевода «Гулистана», то можно утверждать, что он является самым ранним образцом чагатая. Из-за чередования прозы и стихотворений это произведение имеет большое значение в изучении языковых особенностей тюркского чагатая. Й. Экманн, сравнивая особенности чагатайского языка и «Гулистана» на чагатайском, выявляет их различие и общие моменты, считает этот язык перевода «Гулистана» драгоценным источником изучения чагатайскогоязыка Хорезмско-алтын ордынского периода [2, с. 275].

3) Третьим переводом произведения Саади «Гулистан» на тюркский язык является «Гулистан» Казы Маньясоглы. Он сделан одним из именитых ученых периода правления султана Мурата II (1421–1451) великой Османской империи

Махмут бин Казы Маньясом, получившем известность под псевдонимом «Маньясоглы». Перевод Маньясоглы является двойным, одна часть из которого является дословным переводом «Гулистана» Саади, а вторая часть является расширенным вариантом, содержащим и его собственные стихотворения, то есть сделанный творческим методом. Две рукописи этого перевода дошли до наших дней. Одна рукопись хранится в Испании, другая – в Турции. Копия рукописи, хранящейся в Арабском научно-исследовательском институте города Гранада и состоящая из 70 страниц, привезена в Национальный институт рукописей АН Туркменистана.

4) Более поздним переводом «Гулистана» является перевод Мустафы Шемгы Берзини «Шерх-и Гулистан». Рукопись перевода, состоящая из 229 страниц, хранится в библиотеке Генеш Национального Меджлиса Ирана. Произведение, написанное письмом насх, было переведено на туркменский язык Мустафой Шемгы Берзини в 1637 году (1048 год хиджри камари). Отличительной стороной этого перевода является использование вида перевода «шерх». А именно, в произведении «Шерх-и Гулистан» приводится одна строчка из «Гулистана» Саади на фарси, затем следует ее объяснение на тюркском языке. В рукописи нет сведений относительно того, где она была написана. Копия этой рукописи, привезенная из Ирана, хранится в Национальном институте рукописей АН Туркменистана.

Итак, вошедшее в сокровищницу мировой литературы знаменитое произведение «Гулистан» несколько раз переводилось на тюркский язык. Каждый из этих переводов, отличающийся от оригинального текста Саади, является драгоценным источником при изучении особенностей тюркского языка той территории и эпохи, когда был сделан перевод.

Литература

1. *Geldiýew R.* Müsürde türkmeniň dil şalygy // «Türkmen dili» gazeti. 2005-nji ýylyň 30-njy noýabry.

2. *Eckmann J.* Memluk – kıpçak edebiyati // Harezm, kıpçak ve çagatay türkçesi üzerine araştırmalar. Ankara, 2003.

3. *Ramazan Şeşen*. Eýýubiler // Türkler. 5-nji tom. Ankara, 2002.

4. *Söýegow M.* Ýer ýüzüne ýaýran dilim: Müsürde şa bolan türkmen // «Türkmen dili» gazeti. 2000-nji ýylyň 5-nji apreli.

5. Sucu Nurgül, Eski Türk Edebiyatında Tercüme Geleneği // Türkîyat Araştırmaları Dergisi, S.19, (Bahar) Konya, 2006.

Г.Г. Ильина
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

УЛЫПЫ В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНО-ОБРАЗНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Статья посвящена изучению образной системы чувашских сказаний о великанах и богатырях. Более подробно в ней рассматривается образ Улыпа, включенный в фольклорный контекст Поволжья.

Ключевые слова: *фольклор Урало-Поволжья, чувашский фольклор, поэтика, образ, великаны, богатыри, улыпы, сравнительный метод.*

Исторические и этнокультурные связи разноязычных народов Поволжья и Приуралья в той или иной мере наложили отпечаток на все виды и жанры их традиционного и современного фольклора. «При сравнительном изучении нетрудно заметить не только близость сюжетов, образов, мотивов, художественных форм фольклора. Причины типологических идейно-тематических общностей и сходств у народов указанного региона, очевидно, следует искать, прежде всего, в структуре народной жизни, а бытовая практика народов Поволжья и Приуралья исторически во многом оказалась схожей. Несмотря на различную языковую принадлежность, эти народы имеют ряд общих черт в занятиях, материальной и духовной культуре, что позволяет включить их в один общий хозяйственно-культурный тип. Сходные природно-географические условия, одинаковые способы ведения хозяйства, однотипные орудия труда, близкие домашние ремесла и кустарные промыслы – все это, безусловно, привело к тому, что в их устно-поэтическом творчестве возникли общности и сходства [4, с. 49].

В фольклорно-образной системе этих народов важное место занимают великаны и богатыри. В чувашской литературе – это Улып, Конар, Алангасар, Темен и др, в марийской – Онар, Чоткар и др.

По данным исследователя чувашского фольклора Г.Ф. Юмарта, первое упоминание о существовании улыпов встречаются еще в VI веке, в трудах армянских историков. Ими же подтверждается, что данное слово раньше употреблялось в значении «воин» [2, с. 226]. Причины возникновения чувашских сказаний об улыпах ученые связывают с эпохой матриархата, т.е. в них прослеживаются архаические черты материнского рода [3, с. 89; 5, с. 93]. Возникновение их именно в это время подтверждается самим содержанием сказаний. Так, мать улыпа изображается родоначальницей рода улыпов: улыпы во всем слушаются матери, они ведут полуоседлый, полукочевой образ жизни, пасут скот, занимаются охотой и т.д. Содержание чувашских сказаний об улыпах И.С. Тукташ связывал с доисторическим этапом жизни предков современных чувашей и отмечал, что в образе Улыпа получил отражение «доземледельческий, скотоводческий период жизни (предков) чувашского народа» [11, с. 19].

Исследователь мордовского фольклора Л.В. Седова утверждает, что богатыри в фольклоре всех народов не только необыкновенно велики, но и необыкновенно сильны: они вырывали деревья с корнями, сносили горы, от их следов образовывались озера. Для них характерно перебрасывание тяжестей, подчеркивающее неимоверную силу. Этот обычай – устойчивый мотив преданий о великанах – предшественниках современных людей [8, с. 32]. Мотив перебрасывания в чувашском фольклоре представлен следующим образом: улыпы перебрасываются между собой ребёнком или же жеребёнком [12, с. 69], онары – топором [10, с. 183].

В чувашских преданиях великаны-улыпы предстают как первые люди [9, с. 38]. Они огромного роста, причем, их рост подчеркивается в сравнении с природными объектами, а также в сравнении с обыкновенным человеком.

Характерной особенностью улыпов является их необыкновенная сила. По данным чувашского фольклора, исполин имеет божественное происхождение: «*Жил, говорят, на земле, на берегу Великой Волги, сын Аслати* (бог грома – *Г.И.*) *Улып»* [9,с. 73]. По марийским сказаниям, он является творением Кугу Юмо. Также следует отметить то, что в отдельных текстах имеются указания на тот факт, что и улыпы, и современные люди жили одновременно. Улыпы в чувашских сказаниях нередко выступают как демиурги, о чем свидетельствует, например, такая фраза: *«Улып поднимает облака».* Он выполняет и функцию «культурного героя». Итак, образ улыпа в чувашской фольклорной традиции очень противоречив.

В преданиях большинства народов распространен мотив встречи великана с человеком. Связь великанов, в том числе чувашских улыпов, и обычных людей в значительной степени утрачивает древнейшие мифологические очертания, она сводится к смене поколений. Так, чувашский улып землепашество принимает как злостное нарушение естественного покрова земли, разрушение пастбищных луговых угодий, а самих пахарей с лошадьми и сохами принимает за жуков-землероек, букашек и даже за дятлов: *«Посмотри-ка, мама, какого жучка-травоеда я поймал! Сам махонький, еле видать его, а сколько лугов испортил», – говорит Улып матери, показывая на прихваченного с собой пахаря с сохой»* [12, с. 226]. Тот факт, что Улып показывает свою находку именно матери, может свидетельствовать о более древнем происхождении данного сюжета, об отражении в нем понятия материнского рода. О существовании данного сюжета пишут А.Е. Китиков (у мари), Т.Г. Владыкина (у удмуртов), Л.В. Седова (у мордвы) и т.д.

В текстах о великанах и богатырях обязательно присутствует диалог сына с матерью. Ответ матери сыну построен в форме предсказания, что является характерной особенностью таких текстов: « *– Нет, сынок, это не жучок, а – человек…. Когда вымрут такие большие люди, как мы, на земле будут жить такие мелкие люди».* В других вариантах мать предсказывает то, что и эти мелкие люди вымрут, а вместо них придут совсем мелкие люди – карлики, которые из земли выйдут большими группами, только двенадцать из них могут поднять одну соломку» [9, с. 36].

Явные чувашско-марийские эпические параллели прослеживаются в сюжетах о том, как Улып стреляет из лука, плавает подо льдом и разбивает горы во время испытания его силы детьми обыкновенных людей [13,с. 74].

В чувашском фольклоре видны «следы» сказаний о марийском богатыре Онаре, что, очевидно, связано с историко-географическим взаимодействием чувашей и марийцев, особенно горных марийцев. В поселке Конар Цивильского района рассказывают предание о богатыре Конаре, который защищал своих земляков от врагов, часто нападавших на них с разных сторон. Умер он тогда, когда победил всех врагов. В его честь и названо поселение. Предание с сюжетом о Конаре записано и в селе Малое Карачкино Ядринского района (А.Е. Цветковым): «*Конар был могучего телосложения, ростом выше самых высоких дубов, голова у него – с большой чан для воды. Однажды промышлявшая разбоем монголо-татарская орда свершила набег во владения чувашей, чтобы поживиться их добром. Богатырь Конар вступил с ними в бой.*

Схватил он одного великана за ноги своими цепкими руками и стал бить им, как молотом, во все стороны. Враги в панике бросились врассыпную кто куда. Много их побил Конар» [4, с. 48]. Объяснение причин появления таких типологических явлений (сюжетов и образов) мы находим в работе В.Г. Родионова «К вопросу о ранних тюркско-финно-угорских фольклорных связях»: «В период взаимных связей болгар с пермскими и древнемарийскими племенами герой-охотник хунского предания превратился в исполина, удивляющего своим телосложением и силой. Местами он назывался Хăмăр / Кăнар, а в кыпчакской и близкой ей среде превратился в Алп, Улăп и Алангасар. В некоторых чувашских преданиях данный герой впоследствии выступил даже как защитник своего народа» [7, с. 70].

В чувашском фольклоре имеется ряд текстов, посвященных жизни богатырей, таких как: *Чемен паттăр, Марка улапĕ, Алмас паттăр, Ахплат паттăр, Таттаймăс, Хăлиман* и т.д. Богатыри в чувашских сказаниях, как и улыпы, выделяются, прежде всего, необычайно большим ростом. Физическая мощь паттăра определяется чрезмерным аппетитом (съел 40 возов еды). Все богатыри функционально тождественны улыпу.

Аналогичным является образ богатыря Темена. С его образом связан важный мотив – мотив ухода богатыря. Уходя, Темен наказал: *«Друзья, братья и сёстры! Благодарите бога, довольно пожил я с вами, старался всячески о вашем благополучии, не жалея сил, ни здоровья. Пришло теперь время мне оставить вас и отойти в иной мир; живите вы дружно и мирно, в место же меня изберите храбреца, готового за вас на все опасности… Совсем я не покидаю вас; наступят для вас дни страдания и нужды, тогда вы обратитесь ко мне, и я избавлю вас».* Подобные повествования имеются и в марийском фольклоре, в преданиях о богатыре Чоткаре. Чоткара обманом разбудил «недалёкий» молодой человек. Проснувшись, обманутый богатырь обратно уходит в могилу и больше уже не помогает марийскому народу [6, с. 61]. Данный персонаж преемственно может быть связан с предком чувашей: *«Когда уничтожил всех врагов чувашей, ушёл под землю. Перед смертью завещал увековечить его имя»* [12, с. 84]. Места захоронения улыпов впоследствии становились сакральными.

В заключение следует отметить, что образ улыпа в чувашском фольклоре полистадиален и полисемантичен: первочеловек, демиург, «культурный герой», в более поздних текстах он выступает как защитник чувашей от внешних врагов.

Литература

1. *Булатов А.А., Димитриев В.Д.* Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. XXI. Чебоксары, 1961. С. 226–244.

2. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: в 3 ч. Ч. I: О жизни и борьбе народа с древних времен до середины XVI века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 112 с.

3. *Канюков В.Я.* От фольклора к письменности. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1971. 125 с.

4. *Надиров И.Н.* Взаимосвязи песенного фольклора народов Среднего Поволжья и Приуралья // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань, 1983. С. 49–56.

5. *Одюков И.И.* Чувашские сказания об улыпах // Вопросы русской и чувашской филологии. Вып. 3. Чебоксары, 1973.С. 83–110.

6. *Одюков И.И.* Чувашские исторические предания о древних и волжских болгарах (I–XV вв.): учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1984. 79 с.

7. *Родионов В.Г.* К вопросу о ранних тюркско-финно-угорских фольклорных связях // Слово: исследования и тексты. Чебоксары, 1994. С. 70–75.

8. *Седов Л.В.* Мордовско-марийские связи в исторических преданиях // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1977. С. 32–43.

9. Сказания об улыпах / сост. *Г.Ф. Юмарт*. Чебоксары: Чуваш кн. изд-во, 1993. 288 с.

10. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология: этногр. справочник. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.

11. *Тукташ И.С.* Чăваш фольклорĕ. Шупашкар, 1941.

12. Чăваш халăх пултарулăхĕ: халăх эпосĕ. Шупашкар, 2004. 382 с.

13. *Юмарт Г.Ф.* Сюжетно-образные параллели эпических сказаний чувашей и соседних народов // Диалог культур: проблемы художественного сознания. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 71–76.

Е. С. Коваленко, В. Е. Кутасова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙСКИЕ ФИЛОЛОГИ – УРОЖЕНЦЫ СОВЕТСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Статья представляет крупнейших марийских филологов, уроженцев Советского района Республики Марий Эл.

Ключевые слова: *марийские филологи, Советский район Республики Марий Эл, И.С. Галкин, А.Е. Китиков, А.Н. Куклин, И.С. Иванов.*

Неоценимый вклад в развитие науки и культуры Республики Марий Эл внесли уроженцы Советского района – профессора Иван Степанович Галкин, Александр Ефимович Китиков, Анатолий Николаевич Куклин, Иван Семенович Иванов.

И.С. Галкин (1930–2010), доктор филологических наук, родился в деревне Рошня. Закончив Ронгинскую среднюю школу, поступил учиться на финно-угорское отделение историко-филологического факультета Карело-Финского (ныне Петрозаводского) университета, который окончил в 1953 г. [2, с. 3], обучался в аспирантуре Тартуского университета (Эстония), в 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1960 – 1981 гг. возглавлял Марийский научно-исследовательский институт. Он изучал вопросы истории и контактирования финно-угорских языков, фонетики, морфологии и лексики, синтаксиса и диалектологии, ономастики марийского языка. Писал он и про свой Советский район: «Советский поселок городского типа – районный центр Советского района. Поселок образован в 1965 г. Название общественно-политического характера» [1, с. 58]. В книге «Кто и почему так назвал» автор раскрыл названия сел, деревень, рек родных мест [3, с. 48]. В 1980 г. Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки и культуры Российской Федерации».

А.Е. Китиков (1929–2013) – ученый-фольклорист, родился в деревне Якай-Сола Ронгинского сельского совета, работал с 1969 г. в МарНИИ [9, с. 4]. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию в Тартуском университете. В Советском районе он собрал множество примет, пословиц: долгая осень – к длинной зиме (д. Якайсола), весной много щавеля – к мягкой зиме (д. Кораксола), заквакала лягушка – пора пересадить капусту на грядку (д. Кюрсола), осиновый лист с копеечную монету – можно садить лук (д. Кугенер) [5, с. 132]. Защитил докторскую диссертацию на основе пословиц и поговорок финно–угорских народов, проживающих между Волгой и Уралом.

А.Н. Куклин (1948–2016), родился в деревне Шургумал Ронгинского района. Доктор филологических наук, отличник народного просвещения, заслуженный деятель науки Республики Марий Эл, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Его научные интересы: топонимика и историческая фонетика, общая лексикология и диалектология, этимология и языковые контакты, орфоэпия и орфография, история науки о языке и ареальная лингвистика [7, с. 180–181]. Занимаясь изучением топонимики, исследовал названия сел и деревень и в родном районе [6, с. 18, 19, 41, 42, 88, 91, 101, 109, 130, 132, 165]. В своей книге «История Марий Эл в географических названиях», расшифровал и названия природных объектов Советского района.

И.С. Иванов, кандидат филологических наук, профессор [4], работал заведующим кафедрой марийского языка и литературы, заместителем декана историко-филологического факультета Марийского пединститута им. Н.К. Крупской. Написал более 300 научных работ, которые известны не только в нашей республике, но и в финно-угорских регионах России и за рубежом. За заслуги в подготовке высококвалифицированных специалистов и научную деятельность награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР, удостоен званий «Заслуженный деятель науки МАССР», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» и «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» [8].

Ученых И.С. Галкина, А.Е. Китикова, А.Н. Куклина, И.С. Иванова объединили родная земля и филологические исследования. Много времени они посвятили изучению Советского района Республики Марий Эл, раскрыли тайны интересных названий, собирали пословицы и поговорки. В Советском районном краеведческом музее им. Э.М. Иванова оформлены стенды, посвященные ученым-землякам, в них размещена информация об их научной деятельности, представлены фото обложек некоторых их трудов, хранятся книги.

Литература

1 *Воронцова О.П., Галкин И.С.* Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002. 424 с.

2 Галкин Иван Степанович: библиогр. указ. / Мар. гос. ун-т; сост. *Г.Т. Корнилова, С.Г. Багаева.* Йошкар-Ола, 2010. 76 с.

3 *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал. Рассказы о географ. памятниках марийского края. Йошкар-Ола, 1991. 160 с.

4. Иванов Иван Семенович: биобиблиогр. указатель / Мар. гос. ун-т; сост. *Г.Т. Корнилова, М.В. Соловьева*. Йошкар-Ола, 2009. 60 с.

5. *Китиков А.Е.* Пословицы и поговорки финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004. 336 с.

6. *Куклин А.Н.* История Марий Эл в географических названиях. Йошкар-Ола, 2010. 184 с.

7. Марийские лингвисты: биобиблиогр. сб. / Мар. гос. ун-т; сост. *И.Г. Иванов, В.Н. Васильев.* Йошкар-Ола, 2005. 283 с.

8. Сайт Марийского государственного университета // URL: https://www.marsu.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=39446 (дата обращения: 28.09.2016).

9. Хранитель народной мудрости (К 75-летию со дня рождения А.Е. Китикова) / МарНИИ. Йошкар-Ола, 2004. 32 с.

Е.А. Кондрашкина
Институт языкознания РАН (г. Москва)

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИАСПОРЫ С ИНОЯЗЫЧНЫМ ОКРУЖЕНИЕМ*

Статья посвящена проблемам межкультурного взаимодействия диаспоры с иноязычным окружением на новой родине на примере марийской диаспоры в Татарстане. Анализируются роль языка диаспоры в сохранении ее этноидентичности и необходимость овладения языком большинства в целях адаптации к иной культуре и иному жизненному укладу на новом месте проживания.

Ключевые слова: *марийская диаспора, адаптация, иноязычное окружение, язык диаспоры, школы, национально-культурная автономия.*

Каждая диаспора, находясь в окружении представителей других этносов, вдали от своей исторической родины, решает для себя проблему сохранения родного языка, национальной культуры и этнической идентичности, а также проблему адаптации к новым условиям существования. Как правило, первые поколения переселенцев еще сохраняют традиционные черты поведения и мировоззрения, которых они придерживались до переезда, но последующие поколения постепенно все более приспосабливаются к новой обстановке, утрачивая какие-то этнокультурные черты своего народа и приобретая иные от этнических соседей. Но эта адаптация не носит насильственного характера, просто сказываются результат жизни в новых условиях и желание не испытывать дискомфорта в общении с представителями окружающей культуры.

Важная роль в межкультурном взаимодействии принадлежит языку. Обычно первое, с чего начинается адаптация, – это овладение языком титульной нации или другим, наиболее распространенным в данном регионе. В результате те, кому это удается, зачастую становятся двуязычными (родной язык + новый язык) или трехъязычными (родной язык + новый язык + наиболее распространенный, в РФ это – русский язык).

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.*

В качестве примера рассмотрим марийскую диаспору в Республике Татарстан. Марийцы, живущие в Татарстане, относятся к восточным марийцам, в отличие от горных и луговых, населяющих, главным образом, Республику Марий Эл. Основная масса марийцев появилась на территории нынешнего Татарстана после начала насильственной христианизации всех «инородцев», которую проводило царское правительство в XVIII веке. Стремясь сохранить свои традиционные языческие верования, марийцы начали переселяться на соседние татарские и башкирские земли.

В Татарстане, по данным переписи 2010 г., проживало 18848 чел. марийцев. Они занимают шестое место по численности после татар, русских, чувашей, удмуртов и мордвы, но составляют всего 0,5% от более чем трехмиллионного населения республики [1, с. 88–90].

На территории Татарстана марийское население компактно проживает в Агрызском, Актанышском, Арском, Елабужском, Мамадышском, Менделеевском, Мензелинском, Муслюмовском районах и в городах Казань и Набережные Челны [2, с. 49]. Его сельскую часть представляют более 30 сел и деревень, рассредоточенных в бассейнах Вятки и Камы, в северных районах республики.

В Татарстане владели татарским языком 30% марийцев [1, с. 194–195]. Цифры свидетельствуют о том, что только одна треть переселенцев овладела языком титульной нации вопреки утверждению, что именно с этого начитается их адаптация. Чаще это касается тех, кто проживает в непосредственном соседстве с другими этническими группами (т.н. контактный билингвизм), или тех, кому овладение новым языком требуется по профессиональным соображениям (функциональный билингвизм). Непосредственные этнические контакты для сельских марийцев Татарстана происходят, как правило, с титульной нацией республики. Пример – икско-сюньские марийцы, которые оказались практически в полном окружении татар; поэтому представители этой группы марийцев в качестве второго языка используют, в основном, татарский, а русский язык стоит у них только на третьем месте.

Результатом таких контактов стало большое количество тюркских элементов, первые из которых стали проникать в марийский язык еще в период господства в регионе волжских булгар и Казанского ханства. Ф.И. Страленберг (1676–1747), один из основателей урало-алтайского языкознания, отмечал, что марийский язык «весьма близок к финскому языку, но в то же время очень смешан и, пожалуй, больше с татарским языком, нежели русским» [3]. Ученые насчитывают в марийской лексике около четырех тысяч слов татарского происхождения.

В результате этнической ассимиляции часть марийцев перешла в ислам, население некоторых марийских деревень начало входить в состав казанских татар. Происходило смешение татарского и марийского населения, заключались браки между татарскими и марийскими парнями и девушками, марийцы перенимали татарские имена.

В настоящее время в Татарстане сложилась языковая ситуация, характеризующаяся тем, что 97,3% всего населения республики владеет русским языком [1, с. 88–90]. Русский язык является языком межнационального общения

для представителей более 170 национальностей, проживающих в Татарстане. В связи с этим марийцам, как и представителям других народов, живущим в Татарстане, нет особой необходимости овладевать татарским языком, достаточно знать русский язык.

Несмотря на удаленность от исторической родины, марийцы Татарстана сохраняют свой язык и пользуются им при общении. Марийским языком владеют 18803 чел., что составляет 99,8 % от всех проживающих на татарских землях марийцев [1, с. 272–273]. Этому способствует и языковая политика Татарстана. В законе «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» от 1992 г. почти в каждой главе упоминаются, помимо государственных языков (татарского и русского), другие языки, которые находятся под защитой государства. Действует государственная программа по сохранению, изучению и развитию государственных и других языков на 2014 – 2020 гг., принятая в 2013 г. В 2003 г. был принят «Закон о национально-культурных автономиях в Республике Татарстан».

Марийский язык в Татарстане используется:

а) в сфере образования. Согласно данным Департамента образования РФ, в 2014/2015 учебном году в Татарстане в сельской местности как *средство обучения* марийский язык использовался в 10 школах с числом учащихся 159 чел., как *предмет* марийский язык изучало 450 учащихся в 14 школах с 1 по 11 классы. Одновременно в городах Казань, Набережные Челны и Менделеевск работали воскресные школы, в которых изучался марийский язык. В некоторых высших учебных заведениях Татарстана марийский язык является предметом изучения на филологических факультетах;

б) сфере культурно-общественной деятельности. Возрождению этнических ценностей марийского народа положил начало культурный центр, созданный много лет тому назад. В 1998 году произошла его реорганизация и появилась Национально-культурная автономия марийцев, работающая в Казани. Целью этой организации является обеспечение права марийской диаспоры на сохранение, развитие и использование национального языка, культуры, обычаев и традиций.

В Татарстане постоянно действуют марийские творческие коллективы. Большинству из них приказом Министерства культуры Республики Татарстан присвоено звание «народный коллектив». Они гастролируют как в Татарстане, так и за его пределами, участвуют в проведении национальных праздников. Марийцы Татарстана поддерживают тесные связи с марийцами Марий Эл: проводят совместные культурные и прочие мероприятия, обмениваются творческими коллективами, проводят дни Марий Эл в Татарстане и дни Татарстана в Марий Эл.

Средств массовой печатной информации на марийском языке в Татарстане нет. Однако это не мешает марийцам республики сохранять свой язык, культуру и этническую идентичность, хотя функционирование марийского языка не выходит за рамки узкого круга диаспоры.

Литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 4. Кн. 1. М., 2012. 2101 с.

2. Марийский мир: справочник. Йошкар-Ола, 2008. 188 с.
3. *Галимзянов А.* Татаро-марийское родство – и в языке, и в генах // Татарские края. 2002. 11 окт. № 38 (503).

М.Н. Кузнецова
(г. Йошкар-Ола)

СОХРАНИТСЯ ЛИ МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ?

Статья посвящена анализу функционирования марийского языка в современном социуме, ставится вопрос о его витальности в XXI веке.

Ключевые слова: *социолингвистика, марийский язык, языковая ситуация, витальность языка, государственные языки, лугововосточный и горномарийский литературные варианты, русификация.*

Носителем марийского языка является марийский народ. Он, как и многие народы мира, втянут в процесс глобализации и урбанизации. Все мы знаем, что численность марийцев, проживающих в сельской местности, постепенно уменьшается на фоне сокращения общей численности марийцев, а те марийцы, которые переехали в города, переходят на язык общения доминирующей группы городского населения, т.е. на русский язык. Языковая ситуация на сегодняшний день такова, что всего 14 % детей марийской национальности изучает марийский язык как родной, а 86 % – как государственный язык.

Да, согласно законодательству, на территории Республики Марий Эл марийский язык *de jure* является государственным языком. *De facto* он относится к языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Одним из отрицательных факторов, влияющих на функционирование марийского языка как государственного, является отсутствие престижа родного языка, что связано с нефункционированием его в сфере государственного управления, общественно-политической деятельности, ограниченным использованием в сферах образования и массовой коммуникации. В республике нет, например, ни одной экспериментальной марийской школы с обучением хотя бы ряда предметов на марийском языке. В последние годы изданы двуязычные терминологические словари по многим учебным предметам (они, к сожалению, не используются в должной мере), но нет учебников на марийском языке, нет учителей по всем предметам со знанием марийского языка, отсутствует терминология для преподавания своего предмета на марийском языке. Наблюдается какая-то апатия со стороны народа, со стороны интеллигенции к своему родному языку. Не слышно «голоса» кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного университета, не видно деятельности общереспубликанского масштаба сектора языка МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Если сектор языка должен разрабатывать теоретические проблемы марийского языка, своевременно окликаться на все антинаучные взгляды относительно языка, публикуемые в последнее время на страницах газет, журналов и в интернет-сети, стать центром марийской языковедческой интеллигенции, то кафедра марийского языка и литературы должна взять на себя функции по претворению марийского языка как государственного в практику. Она должна разрабатывать

учебники или взять руководство над их разработкой, проводить экспериментальные уроки, заниматься подготовкой учителей-предметников для общеобразовательных школ. Сотрудникам кафедры необходимо выезжать в школы для проведения активной воспитательной работы среди родителей марийской национальности. На современном этапе нам постоянно следует убеждать родителей в том, что только благодаря знанию своего родного языка человек может стать настоящим гражданином своего общества, патриотом своей малой и большой родины, стать человеком образованным, культурным, умеющим мыслить, трезво оценивать ситуацию, занимать активную гражданскую позицию. Общение родителей со своими детьми на смешанном русском и марийском языках со стороны обоих родителей ведет к тому, что ребенок в итоге не будет владеть на должном уровне ни марийским, ни русским языками. У ребенка эти два языка как отдельные системы будут отсутствовать в голове, он не сможет переключаться с одного языка на другой, он не научится логически думать, ему будет трудно высказывать свое мнение по любому вопросу. Есть много конкретных примеров, когда ребенок в детском возрасте овладевает уже несколькими иностранными языками. Не забываем, что русский язык является для детей марийской национальности первым иностранным языком. Естественно, изучение других школьных предметов данному ребенку будет даваться легко, особенно изучение математики, т.к. эти два предмета тесно взаимосвязаны. Если родители марийской национальности действительно заинтересованы в будущей судьбе своих детей, то им необходимо общаться со своими детьми на начальном этапе (до 4–5 лет) только на родном языке. Они могут, естественно, общаться и на русском, и на марийском языках одновременно, но с разделением функций между родителями, например, мать говорит только на родном марийском, отец исключительно на русском языке. Прекрасное овладение и знание двух языков, марийского и русского (они разнотипные: один агглютинативный, другой флективный), будет хорошим подспорьем при обучении любому иностранному языку. Вся эта работа, естественно, должна проводиться с опорой на Закон о языках в Республике Марий Эл. Если мы на современном этапе (этапе стагнации марийского языка) будем безразлично относиться к своему родному языку, не будем стремиться к изменению языковой ситуации и языковой политики в республике, то через 50–70 лет мы станем свидетелями того, что на марийской земле не останется ни одного носителя марийского языка.

В статье 15 Конституции Республики Марий Эл (принята 24 июня 1995 г.), а также в статье 1 главы I Закона о языках в Республике Марий Эл (принят 26 октября 1995 г., № 290-III) написано: «*Государственными языками Республики Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки*». Мы считаем, что марийская интеллигенция, марийский народ, руководство республики при принятии закона допустили огромную ошибку, разделив в скобке марийский язык на горный и луговой. Если до этого времени мы говорили о едином марийском языке с двумя литературными вариантами, что вполне закономерно, то с принятием данного закона мы сами искусственно разделили марийский язык на лугомарийский и горномарийский языки, хотя в самом законе такие термины не фигурируют. С удивительной беспечностью мы

стали высказываться о ***трех*** государственных языках, в том числе и руководящие лица. Пока марийская интеллигенция будет решать вопрос, сколько же в итоге языков у народа мари (это делается уже в течение 15 лет), современное руководство республики проводит свою языковую политику, которой способствует текст Закона о языках. При внимательном ознакомлении с текстом можно установить такую закономерность: словосочетание *марийский (горный и луговой) язык* встречается в трех статьях (3, 8, 20), в статье 20 два раза; сочетание *марийский язык* авторами Закона используется пять раз (статьи 5, 11, 15, 30, 59). В статье 45 встречается словосочетание *марийские языки*. Данное выражение использовалось и в статье 21, но данная статья утратила силу. Нам кажется, данный закон имеет юридическую силу только в том случае, если в нем фигурирует один общепринятый термин (простой или сложный) относительно марийского языка. Если мы хотим дальнейшего раскола марийского народа, его дальнейшей ассимиляции, тогда в законе следует писать *лугововосточный* и *горномарийский* языки. По крайней мере, термин *лугововосточный* объединил бы два крупных диалекта, не оставил бы носителей восточного наречия без языка. Если же мы заинтересованы в сохранении марийского языка и народа, то следует оставить только термин *марийский*, и в одну из статей внести поправку, что марийский государственный язык имеет два литературных варианта: *лугововосточный* и *горный* (горный, а не горномарийский, основываясь на названии наречия, аналогично лугововосточному) *литературные варианты*. Необходимо провести широкую разъяснительную работу среди марийского населения о том, что у народа мари один язык – марийский, – но со сложившимися исторически двумя литературными вариантами.

Тот исторический факт, что марийский этнос развивался на базе разных археологических культур (хотя об этногенезе марийцев имеются разные мнения как среди археологов, так и среди историков – *М.К.*), не является еще основой и причиной для того, чтобы разделить язык. Язык один, он един, об этом ярко свидетельствуют основной лексический фонд и основные морфологические показатели. А искусственное разделение языка отрицательно сказывается на восприятии родного языка марийским населением, вызывает беззаботное, даже пренебрежительное отношение носителей к родному языку. Быстрыми темпами идет процесс русификации не только в городе, но и в сельской местности. Ситуация с марийским языком угрожающая. Приведем отдельные цифры.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., картина в республике выглядит следующим образом:

	Численность населения РМЭ (чел.)			Удельный вес в общей численности населения (%)		
	1989	**2002**	**2010**	**1989**	**2002**	**2010**
Все население	749332	727979	696459	100	100	100
Русские	355973	345513	313947	47,5	47,5	45,1
Марийцы	***324349***	***312178***	***290863***	***43,3***	***42,9***	***41,8***

Постепенно сокращается число марийцев, считающих марийский язык родным языком:

По переписи населения СССР		По материалам социологических исследований		
1970	**1989**	**1994**	**2007**	**2011**
95,8 %	88,4 %	82,6 %	81,7 %	76,4 %

Как бы незаметно, но сокращается количество марийцев, владеющих марийским языком. По социологическим данным 2007 г., свободно владели своим языком 79,9 % марийцев [1]. По данным 2011 г., на марийском языке пишут, читают и говорят 79,7 % марийцев. С другой стороны, процент родителей, желающих, чтобы их дети владели марийским языком, по сравнению с данными 2007 г., возрос на 7,4 % (ср.: 2007 г. – 79,4 %, 2011 г. – 86,8 %) [1; 2; 4]. Использование родного языка в марийских семьях выглядит следующим образом:

Использовали языки в общении	**2001**	**2011**
а) со своими родителями		
марийский	70,4 %	59,5 %
русский	13,0 %	15,7 %
русский + марийский	10,1 %	6,5 %
б) со своим супругом / супругой		
марийский	64,2 %	41,4 %
русский	19,4 %	21,5 %
русский + марийский	15,2 %	6,1 %
в) с детьми дошкольного возраста		
марийский	34,0 %	17,3 %
русский	18,8 %	22,9 %
русский + марийский	6,9 %	7,5 %
г) с детьми школьного возраста		
марийский	34,6 %	15,7 %
русский	21,8 %	20,7 %
русский + марийский	13,1 %	11,5 %

Настораживает высокий процент респондентов марийской национальности, не пожелавших ответить на вопросы о языке общения со своими детьми (их более 50 %) . Данный процент явно свидетельствует о том, что родители в общении со своими детьми выбирают русский язык.

Проводимая в последние десятилетия языковая политика в республике, изменения, вносимые в Законе о языках и суживающие действие закона, неблагоприятная ситуация с марийским языком – как родным, так и государственным – вызывают глубокую тревогу и беспокойство за будущность марийского языка и народа. Малоэффективной, на наш взгляд, является деятельность Комиссии по государственным языкам при Правительстве Республики Марий Эл. Если мы сейчас не направим силы интеллигенции, силы народа на сохранение этнического языка, то к концу XXI века марийский язык исчезнет. Вместе с языком исчезнет и народ.

Литература

1. Фаузер В.В. Финно-угорские народы в современном мире: демографическое измерение // Идентичность и изменяющийся мир: материалы к дискуссии на 5 Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Ханты-Мансийск-Сыктывкар, 2008. С. 150–165.

2. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. 177 с.

3. Шабыков В.И. Языковая ситуация // Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 года): науч.-стат. бюллетень / сост. *В.И. Шабыков*. Йошкар-Ола, 2002. С. 78–105.

4. Шабыков В.И., Орлова О.В., Зеленеева Г.С., Чемышев М.В. Научно-статистический бюллетень «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл» (материалы социологического исследования 2011 г.). Раздел 3: Языковая ситуация // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений. Йошкар-Ола 2013. С. 300–322.

М.В. Кумаева
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ МАНСИЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

В статье рассматриваются тексты мансийских народных сказок, анализируются основные сюжеты и распространенные мотивы.

Ключевые слова: *мансийский фольклор, сказка, сюжет, мотив.*

В мансийских народных сказках в основе сюжета лежит повествование о преодолении главным героем каких-либо жизненных испытаний. В преодолении трудностей, опасностей у героя обязательно есть волшебные помощники (*уйхулыт* звери, *элмхоласыт* люди, *ворутыт* лесные существа) и чудесные средства (*сэтап поталы* клубок ниток, *товтыиг* быстроходные лыжи, *товлынг хап* крылатая лодка, *ёхытлаттал сунтук* неприкосновенный сундук) и т.п.

Сюжет сказки, как правило, состоит из следующих элементов: завязка, развитие действия сказки, кульминация, развязка. Так, например, сказка «Эква-пыгрись нял пахвты» («Эква-пыгрись пускает стрелу») членится на несколько эпизодов. Начальный эпизод сказки – завязка действия (Эква-пыгрись пускает стрелу в еловый лес, куда ему запретила ходить бабушка). Еловый лес, на наш взгляд, означает переход из одного пространства в другое, о чем свидетельствует последующий эпизод: Эква-пыгрись начинает борьбу со злой силой лесной женщины, он убивает детей женщины, чтобы на земле не было зла, он лишает зло его «корней». Следующий эпизод повествования – борьба героя сказки уже с самой злой женщиной, при этом мальчику помогают лесные звери. И последний эпизод, представляющий важнейшее событие сказочного сюжета: Эква-пыгрись победил злую женщину («*Лом навсегда пригвоздил людоедку к земле…*»). В победе над злом семья находит счастье *(«Вернувшись домой, бабушка и Эква-пыгрись зажили счастливо»*). Герой сказки, возвращаясь в свой дом, снова пересекает пространственную границу, переходит из мира женщины-людоедки

(мира духов, мертвых) в мир людей. Примеры пространственного пересечения мы находим и в сказке «Эква-пыгрись урыл мойт» («Сказка об Эква-пыгрисе»). В ней герою-юноше необходимо перейти из мира людей в мир потусторонний: «*Сяне лави: «Ань тай урм холас, пищум холас. Ань тай холытан ягагим палт тах ты сэтап поталын ёт минэгын. Вапсагум-ягагиягум матыр осьмар оньсег, матыр пищ оньсег, тэн та нётэг. Тув кетсым элмхоласыт нэмхотъют юв ат ёхталас. Нанг танай, манос олы, ягагиягм-вапсагм хосытыл та ёхтэгын»..»* [4, с. 72–73] («Мама говорит (сыну – *М.К.*): «Теперь моя сила иссякла, моя крепость иссякла. А ты завтра к моей сестре с этим клубком ниток пойдёшь. У зятя моего, у моей сестры есть какая-нибудь мудрость, какая-нибудь сила есть, они тебе и помогут. Никто из отправленных туда людей не возвращался. А ты, я надеюсь, с помощью моей сестры и моего зятя вернёшься»).

Значимой частью сюжета мансийских народных сказок являются мотивы. Наиболее распространенными являются следующие мотивы: выполнение (решение) трудных задач (например, в «Сказке об Эква-пыгрисе» Эква-пыгрись должен решить три задачи, которые задал ему купец [4, с. 60]); поиск супруга / супруги и восстановление брака (в «Сказке о духе-хранителе верховья реки Обь» – «Ас-талях-отыр мойт» – жена юноши, хранителя верховья реки Обь, отправляется в путь в поисках своего мужа, улетевшего в образе гуся [3, с. 32]); воздаяние, награда / наказание (в «Сказке о духе-хранителе верховья реки Обь» жена возвращается домой с мужем, а муж наказывает родителей жены и ее сестер за причиненные ему несчастья [3, с. 32]); спасение от злых существ / духов (в сказке («Эква-пыгрись пускает стрелу» Эква-пыгрись победил злую женщину [1, с. 15]; в «Сказке о Танварп экве» – «Танварп эква мойт» – женщина сбегала в селение Танварп эквы, подожгла её дом и погубила эту злую лесную женщину [4, с. 54–59]; в «Сказке о сыне попадьи и попа» – «Поп экваг-ойкаг пыг мойт» – сын попадьи и попа уничтожил лесное существо по имени Хумпорхсуп (вредителя, людоеда) [3, с. 54–79]).

В сюжетах текстов сказок встречаются повторяющиеся эпизоды, например, троекратное похищение Тан-варп-эквой Эква-пыгрися («Эква-пыгрись пускает стрелу»), троекратная отлучка из дома для исполнения Эква-пыгрисем заданий, полученных от купца («Сказка об Эква-пыгрисе»). В тексте сказки «Мышонок-путешественник» трижды повторяется эпизод встречи путешествующего мышонка с детьми на берегу реки у разных селений. Дети, увидев его, приглашают поесть сваренную им рыбу. В первом селении дети предложили мышонку поесть ершей (*тарка хул*), во втором – окуней (*сымри хул*), в третьем – «суп из икры» [2, с. 3]. Приведем пример троекратности в сказке «Каткас – тив-тив мойт» («Птичка-трясогузка»): *«Кон-квалсыг, та минэг. Миныматэн каткас тив-тив та ронгхи: «Каткас тив-тив-тив, экваг ойкаг янгаги, тотнэ та кос тотавен, сахисуптен тах осма ёлы-палт, луговылтен тах пал ёлы-палт!..»* [1, с. 23] («Женщина с девочкой вышли на улицу. Идут и слышат: кричит птичка-трясогузка: «Старшая дочка отца с матерью, идти-то ты идёшь, но знай: шубка твоя будет лежать под подушкой, а косточки – под нарами!..» <…> Женщина со средней дочкой соседей вышли на улицу, идут. Дошли до места, где тогда кричала птичка, а она снова кричит: «Средняя дочка отца с матерью, идти-то ты идёшь, но знай: шубка твоя будет лежать под

подушкой, а косточки – под нарами!..» <…> Вот отправились они в дом той женщины. Птичка предупреждает: «Младшая дочка отца с матерью, идти-то ты идёшь, но знай: шубка твоя будет лежать под подушкой, а косточки – под нарами!..»). В «Птичке-трясогузке» происходит троекратное похищение у родителей трёх их дочерей злой лесной женщиной.

Многие мансийские сказки имеют счастливый конец. Приведем примеры: «*Нох-сайкалы: кол мувылтахи салы кон хайты. Атим мат аньмунт хассытым колрисен, а ёрнкол тав! Тот тэнут тав, и тот айнут тав, и тот маснут, тот и салы, пуссын олы. Тав тувыл ань та сюни, ань та хулы, ань та олы ёмасяквег»* [5, с. 38–45] («Просыпается: вокруг дома олени бегают. Того, покрытого плесенью домика, нет, а стоит чум! И еда-то, и питьё-то, и одежда-то, и олени-то – всего полно. Он и теперь блаженствует, до сих пор ночует, до сих пор живет хорошо»). В сказке «Сортхури пупыг мойт» («Сказка о покровителе Сорт-хури-пупыг») читаем: *«Щангкагт-ват экваг-ойкаг олэг. Тэнки такем сёлынгыг… Салыянэн сяр акваг вот хольт яласэгыт, салы тувмос сав та оньсег. Кутюв оньсег, салыянэн кутювен юв посыглавет. <…> Алпыл хунтлы ягаги: салыянэ та ёхтуманыл суйты. Салыянэ ёхтуманыл суйты, кон-квалыс (сунсы): эй, тав тай сяр нас мирги (салы), сяхыл хольт! <…> Аквматэрт пуссын акваг ёрнколаныл астысыт (варунгкв), сорынг тэп магынг тэп пасан варсыт. Айсыт, тэсыт, ань та олэгыт, ань та сюнегыт»* [4, с. 34-37] («Пожилые муж и жена Щангкагт-ват жили на мысу морского берега. Жили они в богатстве, имели стадо оленей… <…> Вдруг утром слышит сестра: их олени вернулись. Слышит, их олени вернулись, вышла на улицу, смотрит: э-эй, как много (оленей), целое стадо, словно гром гремит! <…> И вот все чумы установили, всё уладили, затем с сытной едой, медовой едой стол приготовили. Ели, пили, до сих пор живут, до сих пор благоденствуют»).

На основе анализа сюжетов и мотивов мансийских сказок выделены нами следующие составные элементы их сюжета: а) зачин (*необычное, чудесное появление (рождение) главного героя*); б) развитие действия (*герой нарушает запрет*); в) отлучка (*герой сказки должен выполнить какие-либо задачи, либо вернуть утерянное и т.п.*); г) кульминация (*похищение главного героя или кого-либо из других героев сказки лесными существами и т.п.*); д) возвращение (*герой сказки возвращается домой*); е) концовка (*герой сказки становится богатым, совершается пир, свадьба и т.п.*).

Литература

1. Мансийские сказки / сост. *Е И. Ромбандеева*. СПб.: Алфавит, 1996. 47 с.

2. Мансийские сказки = Маньси мойтыт: для детей дошк. возраста / сост., пер. *Е.И. Ромбандеевой*. СПб: Просвещение, 1992. 24 с.

3. Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / авт.-сост. *М.В. Кумаева*. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. 176 с.

4. Сказки, песни, загадки народа манси: фолькл. сб. / сост. *М.В. Кумаева*; пер. с манс., прим. *М.В. Кумаевой*; под ред. *Т.Д. Слинкиной, В.Н. Соловар***.** Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 164 с.

5. Тагт ос Сакв махум потраныл-мойтаныл = Рассказы народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 1: Салы урнэ ойка мойтыт = Сказки оленевода / перевод с манс., сост., предисл., прим. *С.А. Поповой*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.

В.Е. Кутасова, Х.С. Окишева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ МОРКИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Статья посвящена литературным музеям Моркинского района Республики Марий Эл, которые организованы в честь писателей – уроженцев Моркинского района С.Г. Чавайна, Н.С. Мухина, Н.И. Казакова.

Ключевые слова: *Моркинский район Республики Марий Эл, литературные музеи, С.Г. Чавайн, Н.С. Мухин, Н.И. Казаков.*

Моркинская земля славится людьми, которые многое сделали на ниве марийской филологии. Это Сергей Григорьевич Чавайн (1880–1937) [8] (фото 1), Николай Семенович Мухин (1890–1937) [3] (фото 2), Николай Иванович Казаков (1918–1989) [1] (фото 3). Чтобы сохранить память о знаменитых земляках в деревнях, где они родились и выросли, организованы литературные музеи: Музейный комплекс им. С.Г. Чавайна (фото 4), Дом-музей им. Н.С. Мухина (фото 5), Литературно-краеведческий музей им. Н.И. Казакова (фото 6).

Музеи проводят большую работу, которая интересна, о них пишут, например, есть статьи А. Медведевой [2], Т. Пчёлкиной [5], А. Титова [9], Х. Окишевой [4] и др. Музеи посещаются учениками местных школ, краеведами, учеными. Ежегодно в район приезжают туристы из разных стран: США, Германии, Венгрии, Швеции, Финляндии, Эстонии и др. В музеях были и участники X-го финно-угорского конгресса, проходившего в РМЭ в 2005-м году [6, 7, 8].

Мемориальный комплекс С.Г. Чавайна расположен в деревне Чавайнур. Дом писателя был частично реконструирован в 1958 г., в 1961 г. открыт дом-музей, который сохраняет и пропагандирует материалы о жизни и деятельности литератора, а в 1988 г., в год его 100-летнего юбилея, открыт музейный комплекс. Экспозиция музея состоит из трех отделов: 1) мемориальный дом писателя, представляющий собой пятистенный дом с балконом и воротами во двор. Здесь написаны С.Г. Чавайном такие произведения, как «Новая земля» («У мланде»), «Ямблатов мост» («Ямблат кӱвар»), «Живая вода» («Илыме вӱд»), «Пасека» («Мӱкш отар»). В экспозиции дома-музея хранятся рукописи произведений, прижизненные издания книг, журналы из личной библиотеки, семейные фотографии. Особую ценность представляют личные вещи: подсвечники, переданные музею внуком писателя, старинная холщовая рубашка и «шарпан», вышитый руками Татьяны Анисимовны Чавайн, жены писателя; 2) актовый, выставочный, читальный и этнографический залы, библиотека и комната отдыха (комплекс построен по оригинальному проекту в традициях деревянного зодчества); 3) сад с аллеей дружбы из фруктовых деревьев, летняя беседка, калина, посаженная Татьяной Анисимовной и сыном Юрием, два больших дуба, которые оставил еще при жизни С.Г. Чавайн [6]. В музее отмечают знаменательные и памятные даты, связанные с жизнью и деятельностью марийских писателей и поэтов, читаются лекции и проводятся праздники: «Чавайн кундем», «Марий тиште кече», «Шорыкйол», «Сеҥымаш

корно дене», «Мыйынат илышем Чавайнур ден кылдалтын» (праздник деревни Чавайнур) [6].

Н.С. Мухин – один из классиков марийской литературы, поэт, педагог. В деревне Олыкъял, которую в 1746 г. основал его дед Албахта, на месте, где когда-то был его дом, построен Дом-музей им. Н.С. Мухина; он был открыт в честь 100-летия со дня рождения писателя. При его создании сохранены все архитектурные формы и размеры здания [7]. В музее хранятся личные вещи поэта: семейные фотографии, рубашка, самовар, шкаф, фотографии, скрипка, на которой он играл [7].

<table>
<tr>
<td>
Фото № 1. С.Г. Чавайн</td>
<td>
Фото № 2. Н.С. Мухин</td>
<td>
Фото № 3. Н.И. Казаков</td>
</tr>
<tr>
<td>
Фото № 4. Экспонаты музея С.Г. Чавайна</td>
<td>
Фото № 5. Музей Н.С. Мухина</td>
<td>
Фото № 6. Экспонаты музея Н.И. Казакова</td>
</tr>
</table>

Н.И. Казаков (Миклай Казаков) – народный поэт, лауреат Государственной премии, родился в селе Кутюк-Кинер (Кӱчыкэнгер). В Литературно-краеведческом музее им. Н.И. Казакова представлены рукописи, книги, переписка с Мироном Николаевичем Большаковым, Василием Федоровичем Чегаевым (Василием Чалаем) и др. Ежегодно, 15 января, в день рождения поэта, в музее проводятся Казаковские чтения. В зале «Военной славы» экспонируются материалы о Герое Советского Союза Зосиме Алексеевиче Краснове и подполковнике в отставке Павле Курсове [8].

Литература

1. Миклай Казаков // Писатели Марий Эл: биобиблиогр. справочник / сост. А.А. Васинкин, В.А. Абукаев-Эмгак, Л.А. Абукаева и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. С. 303–307.

2. *Медведева А.* Самый ценный экспонат музея – его здание // Марийская правда. 2013. 19 дек.

3. Николай Мухин // Писатели Марий Эл: биобиблиогр. справочник / сост. *А.А. Васинкин, В.А. Абукаев-Эмгак* и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. С. 426–428.

4. *Окишева Х.С.* Литературно-этнографический музей им. М.Н. Янтемира поселка Морки Республики Марий Эл // Богатство финно-угорских народов: материалы III межд. финно-угор. студ. форума / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2016. С. 310–313.

5. *Пчёлкина Т.* Тоштерыш корно эре почмо // Кугарня. 2009. 17 апр.

6. Рукописный фонд Музейного комплекса им. С.Г. Чавайна.

7. Рукописный фонд Дома-музея им. Н.С. Мухина.

8. Рукописный фонд литературно-краеведческого музея им. Н.И. Казакова.

9. *Титов А.* Калык шке талешкыжым эре шарна // Марий Эл. 2013. 30 апр.

10. Сергей Чавайн // Писатели Марий Эл: биобиблиогр. справочник / сост. *А.А. Васинкин, В.А. Абукаев-Эмгак, Л.А. Абукаева* и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. С. 640–646.

Т.О. Макарова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ПРОБЛЕМА ИММИГРАЦИИ АФРИКАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИЮ

Статья посвящена проблеме присутствия выходцев из бывших африканских колоний на французской земле, обострению внутренних противоречий внутри французского государства.

Ключевые слова: *иммиграция, ислам, Африка, мусульмане, мигранты.*

Международная миграция стала сегодня вызовом для идентичности многих национальных государств. Она превратилась в важный фактор современного мирового процесса, который оказывает огромное влияние на состояние не только международных отношений, но и на внутренний социально-экономический климат самих государств.

Иммиграция африканского населения во Францию обозначилась в начале XX века, но массовый характер трудовая миграция приобрела после Первой мировой войны. К 1924 г. во Франции проживало уже 120 тыс. представителей стран Африки, из которых 100 тыс. составляли алжирцы [4].

Во второй половине XX века на Францию обрушилась новая волна африканской иммиграции, ставшая результатом постколониального развития стран региона и запустившая механизм укоренения мусульман на традиционно немусульманской территории и приобретения ими гражданства [4].

Трудовая иммиграция во Францию дополнилась в 1960-е гг. также миграцией политической и идеологической. С завоеванием Алжиром независимости в 1962 г. мусульманское население Франции пополнили более 42 тыс. алжирцев (арабов и берберов) [4].

Экономический кризис, поразивший Францию в 1973 г., привел к резкому спаду производства, что вынудило правительство в 1974 г. принять решение временно приостановить въезд в страну с целью трудоустройства [3].

Несмотря на желание властей сократить приток иммигрантов, доля мигрантов от общей численности населения Франции составляет 8,7% [1].

Выходцы из бывших колоний составляют большую часть иностранцев и иммигрантов во Францию. Так, из 3,6 млн. иностранцев (не граждан Евросоюза), легально проживающих на территории Франции, 500 тыс. составляют выходцы из Алжира, 450 тыс. – из Марокко, 390 тыс. – из Сенегала и 360 тыс. – из Мали. Приток иммигрантов из этих стран продолжается активнее, чем из других бывших колоний [1].

Наличие столь значительного количества иммигрантов оказало также серьезное влияние на французское общество. Антииммигрантские настроения во французском обществе заметно усилились в 1990–2000-е гг. С ростом количества мигрантов страна столкнулась с обострением таких внутренних проблем, как рост безработицы, повышение уровня преступности, столкновения на почве конфессиональных споров, утечка государственных средств на помощь мигрантам, что не может не сказываться на экономике страны. Большое беспокойство вызывает у французов рост преступности среди мигрантов из стран Африки. Наиболее массовые имущественные и насильственные преступления, такие, как рэкет, грабежи и другие криминальные действия, переросшие в массовые уличные беспорядки и поджоги в 2005–2007 гг., определяют этнический состав тюремных заключенных, среди которых 70% составляют арабы [2, с. 13].

Среди жителей Франции с каждым годом растет этническое недовольство распространением ислама, который вышел на позиции второй религии по числу приверженцев. Сегодня во Франции проживает 65 млн. человек, 6 млн. из которых — мусульмане, что составляет 9,2 % населения страны [5]. Причем, в отличие от христианского (в действительности – скорее атеистического) большинства, мусульмане-мигранты африканского происхождения активно практикуют религиозные обряды в повседневности; религиозная жизнь мусульманской общины Франции отличается высокой интенсивностью, наличием большого количества активных проповедников, в том числе приверженцев радикального ислама и проводников идеологии «Исламского государства» и иных фундаменталистских террористических группировок.

В результате процессов иммиграции из африканских стран во Францию в стране складывается многочисленная, крайне неоднородная мусульманская община, представленная выходцами из разных государств, принадлежащих к разным народностям и племенам, характеризующаяся легитимным статусом или гражданством и имеющая конституционное право на религиозно-культурные отличия. Этим правом выходцы из бывших французских колоний, по мнению многих коренных французов, в особенности сторонников правых партий (наподобие «Национального фронта»), явно злоупотребляют, подрывая демократические устои и светский характер Пятой республики и формируя комплекс угроз национальной безопасности.

Литература

1. *Боргулев М.* Иммиграционная политика Франции: выводы и уроки для России (II) // URL: http://www.antropotok. archipelag.ru/text/a172.htm (дата обращения: 18.09.2016).

2. *Зотов Г.* Увидеть Париж и сгореть // Аргументы и факты. 2006. № 44. С. 12–17.

3. *Иванченко Е.А.* Иммиграция мусульманского населения Африки во Францию: причины и последствия // URL: http://www.rusnauka.com/20_AND_2009/Istoria/49066.doc.htm (дата обращения: 16.09.2016).

4. *Кудрявцев А.* «Вторая религия» Франции. Мусульманский вопрос на галльской земле // URL: http://www.centrasia.ru/newsa.php?st=1032 405420 (дата обращения: 24.09.2016).

5. *Морозов Д.Ю.* Североафриканская иммиграция во Франции // URL: http://www.etnograf.ru/node/168 (дата обращения: 20.09.2016).

В.Т. Михайлов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается недостаточно изученные в историко-педагогической науке вопросы: сущность марийского просветительства второй половины XIX века, своеобразие его проявления в контексте исторической эпохи, его роль в формировании и развитии духовной культуры марийского народа. В этой связи анализируется деятельность марийских просветителей С. Нурминского, Г. Яковлева, И. Молярова, П. Ерусланова Т. Семенова, М, Давыдова, В. Лукоянова и др. На примере их деятельности сделана попытка раскрытия феномена марийского просветительства, осознания его роли в духовном развитии марийского народа.

Ключевые слова: *марийская просветительская мысль, устное народное творчество, просветительская литература, национальное самосознание.*

Существенный вклад в культуру марийского народа во второй половине XIX века внесла сформировавшаяся собственная национальная интеллигенция в лице С. Нурминского, Г. Яковлева, И. Молярова, П. Ерусланова Т. Семенова, М. Давыдова, В. Лукоянова и др. Их можно считать первыми марийскими литераторами-публицистами, педагогами-этнографами. Они, с одной стороны, испытывали на себе влияние русского просветительства, приступившего к переосмыслению исторического опыта как России, так и всего человечества, и брали на вооружение его идеи. С другой стороны, в своих произведениях марийские просветители опирались на богатое народно-поэтическое творчество, на основе которого формировались эстетические и этические воззрения народа, поднимали и осмысливали в них социально-нравственные проблемы времени и вопросы общечеловеческого звучания, которые ценны и с точки зрения педагогики. С деятельности просветителей начинается новая полоса сбора, изучения и издания фольклорного материала мари – уже с новыми целевыми установками. К тому же они подходили к образцам устной поэзии родного народа как к литературному фактору: именно на их основе создавались и развивались письменная литература и литературный язык. Они заложили основы для появления оригинальной художественной литературы на марийском языке.

Наиболее заметный след в истории марийской просветительской мысли оставил краевед-этнограф и фольклорист С.А. Нурминский. Его историко-этнографическая и литературная деятельность началась с «Очерка религиозных

верований черемис». В этом очерке, носящем отчасти информационный характер, он первым из исследователей марийского устного творчества пытался объяснить духовный мир, религиозную жизнь народа в связи с реальной окружающей действительностью. «Весь сказочный мир черемис, – писал он, – вертится около леса и его обитателей; все загадки и поговорки вертятся около его же… Лес, по воззрениям черемис, населен волшебными существами… Поэтому богослужения, религиозные торжества… совершаются черемисами в лесу» [7, с. 65–66]. Проявление таких тенденций в творчестве С. Нурминского не прошло мимо внимания тогдашней краевой исторической науки. «Этот очерк, – отметил профессор И.Н. Смирнов, – первая попытка поставить жизнь народа, религию и поэзию в связь с окружающей природой» [6, с. 213].

Научные исследования и литературное творчество С. Нурминского продолжались свыше полувека, за это время им были опубликованы историко-этнографические очерки «Инородческие приходы» («Православное обозрение», 1863 г., XII), «Монастыри Казанского края» («Православный собеседник», 1864 г., январь), «Заметки о черемисах Казанской губернии» («Православное обозрение», 1869 г., IX), «К вопросу о религиозных верованиях и культе черемис» («Живая старина», 1891, т. III), «Секта Кугу-Сорта среди черемис Яранского уезда» (Вятка, 1893). Кроме того, С.А. Нурминский часто выступал в периодической печати со статьями, выражающими его просветительские устремления. Во время работы в г. Вятке им были написаны такие статьи, как «Инородческие школы» («Православное обозрение», 1864 г.), «Народные училища Вятской губернии» («Журнал Министерства народного просвещения», 1878), «Грамотность среди населения Вятской губернии» (Памятная книжка Вятской губернии, 1888), раздел о народном образовании в Вятском крае для сборника «Столетие Вятской губернии» (1880). Немало его заметок, посвященных вопросам народного образования, появилось в «Школьной жизни», «Народной школе» и «Вятских губернских ведомостях» [1].

Литератором-просветителем, непосредственно работавшим среди марийского населения, был Гавриил Яковлев. Широкую известность он получил после выхода его книги «Религиозные обряды черемис». Книга была написана, по признанию самого автора, «главным образом, для православного духовенства в целях просвещения народа» [8, с. 3]. По замечанию И.Н. Смирнова, особую ценность книге придают тексты молитв и причитаний. Помимо текстов и формул, некоторые разделы книги выделяются богатством бытового, этнографического материала, например, дано описание луговомарийской свадьбы, ага-пайрема и общественных поминок [6, с. 227]. Однако содержание книги выходило за пределы религиозного просветительства и обогащало историко-этнографическую науку. Этнографический материал автор преподносил как реальный, достоверный факт, отражающий закономерности объективного мира. Так, приводя многочисленные названия марийских языческих богов, олицетворяющих стихийные силы природы, он в то же время отмечает тесную связь марийских праздников с сельскохозяйственным календарем. Причину возникновения у народа мари многих понятий религиозного характера автор пытается объяснять его повседневной трудовой практикой, окружающей его обстановкой.

Книга Г. Яковлева «Религиозные обряды черемис» содержит ценнейшие сведения о традиционной культуре и быте марийского народа второй половины XIX века. В этой связи она имеет немаловажное значение в изучении истории духовной культуры края.

Исследованием и сбором материалов, связанных с присоединением Марийского края к русскому государству, в те годы плодотворно занимался И.Я. Моляров. Он больше всего известен как автор статей и очерков, посвященных истории народа мари. «В лице Молярова, – отмечал профессор И. Смирнов, – кажется, мы имеем первого марийца, который заинтересовался историей своей народности» [6, с. 220]. И. Моляровым за короткий промежуток времени были написаны десятки историко-этнографических статей. Среди них наиболее значительной оказалась его работа «Беседы к черемисам Кузнецовского прихода» [4], содержащая народные легенды о присоединении Марийского края к русскому государству.

Марийское просветительское движение наиболее яркое выражение нашло в педагогической и литературно-этнографической деятельности П.И. Ерусланова и Т.С. Семенова.

В лице П.И. Ерусланова марийский народ имел подлинного энтузиаста просвещения на родном языке. За годы педагогической деятельности им были составлены и изданы несколько учебников для восточно-марийских школ: «Букварь для восточных черемис» (Казань, 1892, переиздан в 1898 г.); «Первая учебная книжка для совместного обучения черемис и русских» (Казань, 1892, последующие издания в 1892, 1897, 1899 гг.). В свободное от преподавательской работы время П. Ерусланов занимался сбором легенд и преданий, на основе которых написал десятки статей и этнографических очерков, опубликованных, главным образом, в изданиях Императорского Русского географического общества и в журнале «Этнографическое обозрение».

В статьях «Родственный союз по понятиям восточных черемис» (1895) и «Краткий отчет о поездке к уфимским черемисам» (1896) П. Ерусланов с тревогой писал о том, что марийцы Уфимской губернии вследствие долговременного совместного жительства с магометанами, а также из-за скрытой и неразборчивой в средствах пропаганды ислама, подвергались сильному влиянию магометанства. «Ислам проникает во все стороны жизни черемис, – писал он, – вытесняя все самобытное, черемисско-языческое как во внешней бытовой обстановке, так равно религиозно-нравственных, правовых воззрениях и понятиях» [2, с. 35], что «для черемисского языка, с одной стороны, для народности, с другой – представляется большая опасность быть поглощенными татарским языком и народностью» [2, с. 35]. Далее П.И. Ерусланов отмечал, что, «вместе с усвоением от татаро-башкир языка, понятий, обычаев, значительно изменяется нравственный облик и характер черемис» [3, с. 327].

По его мнению, в противоположность характеру мари других местностей отличительными чертами населения, подвергающегося сильному влиянию ислама, «следует считать скрытность, подозрительность, лукавство и враждебное отношение ко всему, что так или иначе напоминает русское. Только женский пол в этом отношении выделяется весьма выгодно; женщины

сохранили национальную черту черемис – откровенность и добродушие» [3, с. 327] – благодаря тому, они, «а вместе с ними и дети, более всего говорят на родном наречии» [3, с. 326].

В целом, труды П. Ерусланова оказались наивысшим достижением всей дореволюционной марийской историко-этнографической науки. В его очерки включены тексты легенд и преданий, подробности происходивших событий; они читаются как писательский репортаж, как бытовые зарисовки.

Историко-этнографический характер имеют также исследования Т. Семенова, стремившегося проследить этнические корни марийского народа. Его работы отличаются смелостью научных взглядов, неустанными поисками нового. Они оставили заметный след в исторической науке о марийцах, став стимулом и основой для дальнейших поисков. В этом плане наиболее заметным является его историко-этнографический очерк «Черемисы», изданный в нескольких номерах журнала «Православный благовестник» в 1893 г. Автор очерка, прежде всего, описал ареал расселения древних марийцев, проследил пути миграции мари. При этом он подметил, что «определенные исторические сведения о черемисах восходят только к временам завоевания Казани» [5, с. 29–30]. Далее Т. Семенов отмечал, что после падения Булгарского царства возникло Казанское ханство и черемисы оказались в его составе. При этом черемисы вошли в близкие и дружественные отношения с татарами благодаря тому, что они в них встретили народ, близкий по понятиям и языку. «В борьбе татар с русскими черемисы из всех инородческих племен края были самыми деятельными союзниками татар, – писал Т. Семенов. – Летописцы наши, рассказывая о русских походах на Казань и в область вятскую, выставляют черемис всегда на первом плане, называя их то «войнолюбивыми», то «злолютыми ратниками». По мнению некоторых, самое название *черемис* с тюркского языка означает *воинственный*» [5, с. 29–30].

Значительным явлением в истории марийской письменности стала сказка Т. Семенова «Черемисская сказка о том, как один черемисин обманул черта», опубликованная на марийском и русском языках на страницах научного журнала «Известия Общества археологии, истории и этнографии». В этой сказке утверждалось, что разум человека, его сметливый и могучий ум сильнее всего на свете. Сказка интересна и тем, что она представляла художественную обработку фольклорного произведения и по своему стилю напоминала рассказ-новеллу. Тем самым, обработка Т. Семеновым произведения устного народного творчества стала первой попыткой создания оригинального художественного произведения на марийском языке.

Этнографические очерки П. Ерусланова и Т. Семенова отличались богатым жизненным материалом. Многие этнографы, не знающие марийского языка, не могли глубоко вникнуть в национальную жизнь (например, И. Смирнов, С. Кузнецов и др.), поэтому неточно передавали и обобщали факты. П. Ерусланов и Т. Семенов именно знанием языка оказались сильнее своих предшественников по этнографической науке [1, с. 68].

Появление у марийских педагогов-просветителей интереса к историко-социальным проблемам и их обращение к теме дружбы с соседними народами не было случайным явлением. Все это свидетельствовало о зарождении

общественного самосознания, национального историко-социологического взгляда на прошлое и настоящее родного народа.

Литература

1. *Васин К.К.* Марийские литераторы-просветители второй половины XIX века // Марийская литература, искусство и народное творчество. Йошкар-Ола, 1966. С. 55–56.

2. *Ерусланов П.И.* Родственный союз по понятиям восточных черемис // Этнографическое обозрение. М., 1895.

3.Ерусланов П.И. Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 г. // Этнографическое обозрение. Т. 29–30. № 2–3. М., 1896.

4. *Моляров И.Я.* Беседы к черемисам Кузнецовского прихода // Известия по Казанской епархии. Казань, 1873. № 7–9.

5. *Семенов Т.* Черемисы: этногр. очерк // Православный благовестник. М.: Изд. правосл. миссионер. общества, 1893. № 3.

6. *Смирнов И.Н.* Черемисы: ист.-этногр. очерк. Йошкар-Ола: РОО РМЭ ПРМ «СММ «У вий (Молодая сила)», 2014.

7. *Степанов А.Ф.* Просветитель С.А. Нурминский: ист.-краевед. очерк. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989.

8. *Яковлев Г.* Религиозные обряды черемис. Казань: Изд. правосл. миссионер. общества, 1887.

В.Ю. Михальченко
Институт языкознания РАН (Москва)

СОЦИАЛЬНО-РЕЧЕВАЯ АДАПТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ*

В статье рассматриваются процессы социально-речевой адаптации к изменению разных социальных параметров (возраста, сферы общения). Динамика в изменениях обуславливается разными задачами первичной и вторичной социализации языковой личности.

Ключевые слова: *социализация, социально-речевая адаптация, условия функционирования, родной язык.*

Социальная лингвистика является относительно молодой наукой, в которой существует значительный потенциал исследовательских подходов, применения целого арсенала социолингвистических методов, уточнения или даже открытия новых закономерностей существования языков в социуме.

Современная отечественная социальная лингвистика, в основном, сосредоточена на изучении макросоциолингвистических проблем, хотя микросоциолингвистика не менее богата мало исследованными в социальном аспекте проблемами. К таким проблемам относится социально-речевая адаптация языковых личностей и языковых общностей к изменению социальных условий их существования.

Социально-речевая адаптация – это процесс, который последовательно, поэтапно проходит языковая личность или же определенная общность носителей

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00-296.*

языка в течение жизни. Здесь важными являются, с одной стороны, изменения социальных условий, а с другой стороны, речевой репертуар, социально-коммуникативная система, которая призвана отвечать на социальные потребности носителя языка.

В научной литературе это явление называется социализацией, под которой понимается «процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в обществе» [1, с. 198]. Существуют две стадии социализации – первичная и вторичная. Эти стадии характеризуются разными признаками, разными закономерностями динамики, однако следует признать, что роль языка очень важна как на первой стадии, так и на второй: язык является компонентом социализации и её основным инструментом.

Социализация невозможна без овладения речью, и не речью вообще, а речью данной социальной среды. Цель социализации – овладение языком как коммуникативным средством, обеспечивающим социальное взаимодействие в обществе. В каждой из стадий социализации роль языка весьма важна, но в то же время различна.

Первичная социализация начинается с языковой социализации носителя языка в детстве [2, с. 404–405]. Главным элементом этого периода является родной язык, который ещё называют языком матери, языком семьи, языком этнической идентичности, так как, даже не сохранив по разным причинам знание родного языка, носитель того или иного языка воспринимает его как показатель своей этнической идентичности. Об этих явлениях ярко свидетельствуют данные переписей населения, в которых находим показатели количества этноса зачастую намного шире, чем количество владеющих данной этнолингвой. Это свидетельствует о том, что из всего набора этнических признаков дольше всего осознается принадлежность к тому или иному этническому языку.

Следует отметить, что в этой области существуют тенденции отрицать важность родного языка в жизни человека. Так, например, в советское время философы, историки вели споры о формировании единой советской общности – советского народа. Признание этой общности вело к необходимости признать единую культуру, территорию и единый язык. Предполагалось, что русский язык должен стать вторым родным языком всех народов Советского Союза. О высокой социальной роли русского языка – языка единения многонационального общества в СССР и в современной России – спорить не приходится. Однако нельзя торопить события, силами ученых исследователей навязывая его ускорение. Подобные тенденции недооценки роли родного языка наблюдаются и в настоящее время. Действительно, легко перейти от отказа признавать родной язык к замене его формулой «второй родной язык». На наш взгляд, такой подход искажает языковую биографию личностей, осознающих свою принадлежность к определенной языковой общности, более того, лишают исследователей исходной точки для изучения процессов социально-речевой адаптации. Кроме того, видимо, не следует называть интеграционные процессы, в которых главную роль играет русский язык, этим эмоциональным термином «второй *родной* язык». Этот термин уместен в публицистике, а не в научных исследованиях, где лучше

называть его государственным языком, языком единения многонациональной страны, и не заменять им язык единения отдельной языковой общности. Тем более не следует противопоставлять одно другому. Необходимо помнить о том, что контингент людей, признающий родным тот или иной язык, является основным потенциалом пополнения общности носителей языка, особенно языка, объявленного государственным. Если игнорируется этот факт, то основные усилия людей, проводящих в жизнь законы о языках, политизируются и направляются на чужие языковые общности. На наш взгляд, необходимо вначале расширить языковую общность этноса за счёт указанного потенциала и лишь потом пытаться приобщить к своему языку, получившему статус государственного, другие языковые общности.

Вторичная социализация наступает преимущественно вместе со школьным периодом, так как расширяется диапазон сфер общения ребенка, начинается изучение норм родного языка, позже русского языка, а еще позже и иностранных языков. На ранних этапах вторичной социализации основная задача – дать знания языков, необходимых для дальнейшего процесса социализации, профессионального вхождения в сложный социум. Следует отметить, что ранний этап вторичной социализации не всегда даёт приемлемый эффект для дальнейшей жизни, для социально-речевой адаптации к разным социальным потребностям. Прежде всего, это можно сказать о преподавании иностранных языков в школе – хорошие знания русского языка, достаточные для социально-речевой адаптации в любой сфере, сопровождаются обычно совершенно недостаточными знаниями иностранных языков. При оценке такого положения необходимо помнить о том, что современный период развития человечества характеризуется глобализацией, следовательно, языки глобализации, особенно наиболее распространённый из них – английский, выходят на новый уровень актуальности, и к знанию иностранных языков ставятся более высокие требования. Именно из-за невозможности в школе приобрести достаточные компетенции в области иностранных языков, в некоторых республиках Российской Федерации увеличивается количество часов, отведённых на иностранные языки, правда, иногда это делается за счёт часов для русского языка. Совершенно неправильно противопоставлять эти два языка по принципу или / или, необходимо учитывать, что в пределах Российской Федерации и отчасти в международной жизни функциональной доминантой является русский язык, а для социально-речевой адаптации в мире глобализации все же превалирует английский язык. Именно поэтому знания обоих языков важны для процессов социально-речевой адаптации. Отметим, кстати, что русский язык в связи с наличием языковой среды усваивается успешнее, чем иностранные языки, а последние при отсутствии социальной потребности в их использовании постепенно забываются.

Основная социолингвистическая закономерность, характерная для более позднего этапа социализации, – это осложнение социальной жизни языковой личности, её вступление в многообразную социальную действительность. Главным становится вопрос – достаточны ли знания, полученные в школе, для удовлетворения всех потребностей социально-речевой адаптации. Тут языковой репертуар личности накладывается на систему социальных обязанностей и

возможностей. Часто оказывается, что не все компоненты языкового репертуара востребованы социальной жизнью. В зависимости от социальной роли актуальными становятся определённые языки, конкретные формы их реализации (устная или письменная), конкретные формы их существования (например, литературный русский язык, иностранный литературный язык). В связи с социальной актуализацией определённых форм существования языков наступает период вытеснения тех форм существования языка из репертуара языковой личности, которые не востребованы его социальными ролями, частотой чередования ситуаций общения, в которых они применяются. В силу вступает деление языков на функционально первый – чаще всего употребляемый – язык и функционально второй – менее часто или даже мало употребляемый язык. Следует отметить, что у большинства народов России родной язык зачастую становится функционально вторым, так как даже при наличии юридического статуса у многих языков нет функционального статуса – они реально не применяются в разных сферах общения. Для сохранения языков необходимы социальные стимулы – их функционирование в разных сферах общения, необходимость их применять в качестве одного их компонентов двуязычия или в условиях характерного для глобализации трилингвизма в качестве его компонента. Нередко проходит языковая смена – замена функционально первым языком языка исконного, родного. Видимо, важно в таком случае, во-первых, фиксировать все уровни исчезающего языка; во-вторых, создать возможные условия для его сохранения, поддержки; в-третьих, не допускать никакого давления, оставляя свободным процесс социально-речевой адаптации к новым реалиям, так как сама социальная действительность, речевая практика создаст условия для испытания витальности языка.

Итак, в разнообразных процессах социально-речевой адаптации языки проходят сложный путь, который зависит не только от их носителей, условий их существования, но и от исследователей, так или иначе интерпретирующих их развитие и создающих предпосылки для их дальнейшего исследования и для реализации языковой политики. Главное – язык существует для общения, единения и взаимопонимания людей, его не следует использовать в политических целях. Видимо, необходимо помнить о том, что основной социолингвистической закономерностью, определяющей языковой мир в многоязычных сообществах, является правильно организованная социально-языковая адаптация общества к этнолингвистическим условиям страны. Иначе говоря, на государственном уровне бесконфликтное языковое функционирование может обеспечить только такая языковая политика, которая соответствует языковой ситуации. Лишь в таком гармонично устроенном сообществе можно максимально реализовать возможности социально-речевой адаптации языковых личностей, языковых общностей и избежать языковых конфликтов.

Литература

1. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. *В.Ю. Михальченко*. М., 2006. 312 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. *В.Н. Ярцева*. М.: Совет. энциклопедия, 1990. 682 с.

О.В. Мошкина, Л.П. Москвина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЛЕГЕНДЫ ГОРЫ КАРМАН-КУРЫК

Карман-Курык – удивительная по своей красоте гора, расположенная на территории Республики Марий Эл. Она хранит в себе многочисленные тайны, загадки. В статье описываются некоторые легенды, связанные с этой жемчужиной марийского края.

Ключевые слова: *Карман-Курык, гора, легенда, Онар, Овды.*

Любое географическое название – это, прежде всего, имя, оно даёт возможность отличать один географический объект от других [4, с. 3]. Карман-Курык – название горы в Моркинском районе Республики Марий Эл. По своему происхождению это название чисто марийское: *карман* «крепость», *курык* «гора», т. е. «крепостная гора» [4, с. 56]. Когда наступали враги, мари прятались в горах, которые впоследствии были названы «Карманами» [5, с. 42].

Карман-Курык находится недалеко от тракта Йошкар-Ола – Морки, справа от дороги, возле деревни Абдаево. Это низкогорная форма Вятско-Марийского вала, который возвышается над уровнем моря на 220 с лишним метра, одна из самых высоких точек Марий Эл. Карман-Курык – государственный памятник природы с 1968 года [5, с. 17].

В марийской литературе и фольклорных текстах имеется много упоминаний об этой горе. Известный краевед Республики Марий Эл К.К. Васин само слово «Карман» объясняет так: «Это тюркское слово и означает – крепость». Семантику слова он связывает с тем, что в 15–16 веках мари часто подвергались набегам татар и вотяков (удмуртов), укрывались от них в специально огороженных частоколом *илемах* – подземных укрытиях, признаки которых сохранились в восточной части горы. Данный факт запечатлен в целом ряде легенд. Известный журналист А.Ф. Филиппов собрал около двадцати различных легенд о Карман-Курык. Одна из них гласит: горы образовались в результате того, что огромный воин, Онар, проходил по моркинской земле, вытряхнул накопившуюся в лаптях землю – так появились две возвышенности [9, с. 8].

Онар – легендарный герой марийской мифологии, собирательный образ марийского богатыря (*патыр*), в честь которого марийский край часто называют Землей Онара. Термин «онар» в луговомарийском и «нар» в горномарийском наречии марийского языка буквально означают «великан», «исполин». Иногда они употреблялись для обозначения родоначальника, воина, предводителя, князя. В настоящее время «онар» и «нар» употребляются в качестве эпитета, для характеристики физической мощи, большого роста людей («*онар капан рвезе*» – «парень большого роста», «*онар вий*» – исполинская, великая сила»). В.А. Акцорин считал термин «онар» состоящим из двух элементов: 1) «*он*», восходящего к финскому «on», который, по этимологическому словарю финского лингвиста И. Тойвонена, означает «великий», «большой»; 2) «*ар*», видимо, восходящего к общеиндоевропейскому слову, означавшему «человек». Следовательно, «онар» – великий человек [8, с. 158].

В представлении древних мари, Онары (или Нары) выступают первыми обитателями поднявшейся из морских вод земли. Земля постепенно обсыхает, покрывается еловыми лесами; вскоре в лесах появляются нары, а спустя какое-то время, люди. Нары представлялись человекообразными существами необычайного роста (их головы доставали до облаков) и силы (сохранившиеся и обнаруживаемые в земле кости мамонтов считались костями и зубами этих великанов). По некоторым источникам, нары носили одежду из железа, а также медные наколенники и медные шапки.

В марийских легендах Онар предстает перед нами, как богатырь, отец последующего поколения богатырей, защитник земли и народа. В древнем предании говорится, что когда-то, в далекие времена, возле реки Волги жил могучий великан, которого звали Онар [7, с. 118]. Был он так велик, что встанет, бывало, на крутом волжском откосе, и только чуть-чуть не достает головой до поднявшейся над лесами цветной радуги. Потому-то и называют радугу в старинных легендах Воротами Онара. Одежда Онара была краше радуги: белая рубаха расшита на груди алым, зеленым и желтым шелком, подпоясан богатырь поясом из голубого бисера, а на шапке – серебряные украшения.

За день он обходил всю землю марийскую от края до края. Там, где садился отдыхать, земля прогибалась, образуя ложбину; следы его ног становились озерами; там, где он вытряхивал набившийся в лапти песок, появлялись курганы. У богатыря Онара и шаг был богатырский: раз шагнет – семь верст оставит позади. В один день он успевал побывать и на Волге, Пижме с Немдой, которые впадали в светлую Виче (так называется по-марийски река Вятка). Дорога ему была не нужна, он шел прямо через леса – перешагивал могучие дубы и сосны, словно мелкий кустарник. Не останавливали его и болота: самая большая топь для него была как лужа-калужинка. Люди для него были не более, как букашки. Есть в легенде такой эпизод: он поднял с земли пахаря с лошадью и сунул в карман, чтобы показать матери забавную букашку; однако та отругала его, приказала отпустить на прежнее место и никогда больше не трогать людей. Попалась Онару на пути речка, и пришла великану на ум озорная мысль: набрал он земли в горсть и кинул ее в речку. Легла богатырская пригоршня поперек течения, запрудила речку, и тотчас разлилось перед запрудой большое озеро.

Про многие холмы и озера в марийском крае народ прежде говорил, что это следы древнего великана. Так, недалеко от д. Абдаево Моркинского района Онар вытряхнул свои лапти, и образовались две горы – Карман-Курык и Малый Карман. А там, где Онар спал и оставил след от своей головы, образовалась яма, она наполнилась водой – так появилось озеро Кугуер. Похожие легенды существуют и в других местностях, например, в селах Кузнецово (Горномарийский район) и Сердеж (Моркинский район), в деревне Шукшиер (Сернурский район) [9, с. 11].

В другой легенде говорится о том, что вблизи Карма-Курык жили изгнанные с общин уродливые женщины – *Овды.* На северном склоне горы видны сомкнувшиеся своды карстовой пещеры. Эта пещера была известна под названием «Овда рож», что в переводе с марийского – нора Овды. По местным легендам и преданиям, именно здесь жило это мифическое существо. Образ

Овды известен мари от Поволжья до Приуралья [2, с. 40]. Овды были большого роста, покрытые шерстью, их страшные, горящие глаза вызывали страх у местного населения [1, с. 6]. Эти женщины забрасывали свои груди через плечо, волосы у них были длинные, ступни огромные [8, с. 232].

В легенде говорится, что возле горы Карман-Курык была маленькая деревушка – Посанур [1, с. 111]. Жители этой деревни держали лошадей. На ночь этих лошадей отпускали пастись на волю. Утром животные возвращались домой, уставшие, потные, у них не было сил для работы. Однажды один старик взял дёготь, которым мазали телегу, намазал спину своей лошади и погнал её на ночной выгон. Утром лошадь вернулась, а на ее спине сидела Овда. Жители деревни начали хлестать Овду. Она обиделась на них и прокляла все селениея: *«Пусть ваше селение вымрет! Пусть его жители перестанут плодиться!»* [3, с. 111–112]. Сейчас этой деревни нет.

Повествование об Овде занимает большую часть содержания марийских быличек. Можно предполагать, что Овды – это домарийское аборигенное население, жившее в 10–11 веках; соответственно они имеют исторический интерес. Возможно, это был какой-то лесной народ, живший за счёт охоты. При столкновении с ними мари поражал их образ жизни, поведение, отличительные особенности, связанные с мистицизмом [6, с. 179].

Возле Карман-Курык раньше была деревня. Жители этого селения работали на поле с утра до ночи, ходили на охоту, ловили рыбу. Жила в этой деревне девушка невиданной красоты. Когда наступила пора выходить ей замуж, родители выбрали для нее богатого жениха. Но дочь не хотела выходить за него замуж, сбежала из дому на вершину горы Карман-Курык, долго простояла там, вся в слезах, после чего спрыгнула вниз. На том месте, куда она упала, образовался камень, а из камня проросла маленькая берёзка. С тех пор это место называют *ӱдыр кӱ*, что в переводе с марийского означает «девичий выступ».

Культурно-природный комплекс Карман-Курык открыт для самых разных исследователей. Географы и биологи могут изучать разнообразие растений и животного мира, любители необычного – разные мистические истории, фольклористы – словесную культуру народа мари.

Литература

1. *Акцорин В.А.* Марий калык ойпого = Марийский фольклор: мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола, 1991. 288 с.

2. *Васильева В.М.* Учебная экологическая тропа природы «Карман-Курык». Йошкар-Ола, 2010. 40 с.

3. *Васильева Д.П.* Ландшафтная география Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 132 с.

4. *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал: рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола, 1991. 160 с.

5. *Галкин И.С.* Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985. 95 с.

6. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология: этногр. справочник. Йошкар-Ола, 2007. 310 с.

7. *Юзыкайн А.М.* Юзо туня = Волшебный мир. Йошкар-Ола: Марево, 2002. 144 с.

8. *Юнусов И.Ш.* Актуальные проблемы финно-угроведения: материалы регион. конф. Ч. 1. Бирск, 2004. 200 с.
9. *Юксерн В.* Онар. Йошкар-Ола, 1968. 27 с.

М.В. Пенькова
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ МАРИЙСКИХ ПРЕДАНИЙ

Статья посвящена рассмотрению малоизученного вопроса о художественных особенностях и эстетической ценности исторических преданий марийского народа. До настоящего времени фольклорные тексты данного жанра использовались в науке, главным образом, в качестве источника исторического и этнографического материала.

Ключевые слова: *марийский фольклор, несказочная проза, предание, художественное своеобразие, жанровая специфика, эстетическая ценность.*

Вопрос о жанровой специфике предания, долгое время остававшийся дискуссионным, в настоящее время практически разрешен одним из ведущих финно-угорских ученых-фольклористов Т.Г. Владыкиной. Ссылаясь на труды отечественных исследователей, доказавших, что фантастика и историзм не могут быть критериями разграничения таких жанров, как легенды и предания, она отмечает, что «на раннем этапе формирования преданий способ изображения действительности не мог не быть мифологическим, и отсюда преимущественно берут начало фантастические мотивы и элементы в системе данного жанра; но на позднем же этапе победу постепенно одерживает конкретно-исторический способ, вследствие чего мифологические по происхождению и фантастические по внешним признакам элементы подвергаются вполне закономерной демифологизации, уступая различного рода реалиям» [3, с. 11]. Т.Г. Владыкина выделяет универсальный жанр преданий, который является вербальной формой отношения народа к исторической действительности, мифической или реалистической [2, с. 172], что вполне применимо и к марийскому фольклору.

Выделяя в преданиях художественность, ученые говорят о бессознательном творчестве, когда рассказчик верит в правдивость своего рассказа, пусть даже порой и вымышленного им. Нередко он, «придерживаясь в основном фактов, кое-что невольно прибавляет от себя, слегка оснащая повествование плодами собственного домысла» [1, с. 18]. В данном случае в преданиях работа фантазии и интерпретация фактов – форма бессознательно-художественного отражения действительности. Возникала необходимость подтвердить достоверность сказанного указанием на давность и общераспространенность предания. Во многих преданиях присутствует изначальная характерная фраза, которая вводит в суть повествования, к примеру: *«тидӹ гишӓн цилӓн пӓлӓт»* («об этом всем известно»), *«тидӹ пиш перви ылын» («это случилось в древности»), «тыге кочай ойлен»* («так дед рассказывал»). Древность предания должен был подтвердить и возраст тех лиц, от которых рассказчик якобы слышал его. Такого рода ссылки убеждали в важности и

истинности повествования: *«кандашлу вич ияш кува ойлен»* («рассказывала старуха восьмидесяти пяти лет»), *«эче кого папамок шайыштеш ылыы»* («еще прабабушка моя рассказывала»). Иногда достоверность предания подтверждалась пословицей или поговоркой, возникшей, как считали, в связи с описываемым событием. Так, по преданиям, на укреплении Аламнер татарские воины скатывали на русские войска горящие бревна. С тех пор якобы и осталась в народе поговорка, которую, в основном, помнят лишь местные долгожители: *«йылышы мӓнгӹлӓок вӹсӓлт валат»* («летят, как горящие бревна»); *«руш пикш гае шикшалте»* (русские пропали, словно дымка) [10]. Подтвердить достоверность описываемого в предании должны были и различные упоминания о подарках и грамотах (чаще Ивана Грозного). Но эти реалии, как правило, не сохранялись (они утеряны, украдены, сгорели и т.д.). Приводятся и другие доказательства истинности рассказываемого: реальные названия местности, сел, урочищ, сохранивших якобы память о происходящих там событиях. Такие ссылки на давность рассказа и на подтверждающие его реалии стали одним из художественных и жанровых признаков преданий.

Для марийских преданий характерны слабая представленность стилистических средств и отсутствие специальных зачинов, присказок, концовок, своеобразных словесных формул. Один и тот же сюжет предания излагался в различной композиции в зависимости от мастерства сказителя. Но он почти всегда был одноплановым, с простейшей схемой развития основных событий. Чаще всего сюжет состоял из одного эпизода, по существу, одного мотива; однако эпизод, как правило, был важный, кульминационный, позволяющий раскрыть суть события, характер действующего лица, драматические коллизии. Встречаются и бессюжетные предания простейшего типа, имеющие форму короткого сообщения: о качествах героя, времени его жизни, о людях, которые слышали о его необыкновенных поступках. Исключение составляют единичные эпические предания, в которых дается подробное описание происходивших событий, к примеру, предание о падении города Малмыжа и о князе вятских марийцев Болтуше, которое отличается наличием ряда исторических фактов, синтезом историчности и поэтичности. Вполне очевидно, что «ответственность» за поэтический домысел лежала на том, кто фиксировал фольклорный материал (текст был записан в начале XX века в Малмыжском уезде К.П. Чайниковым).

В преданиях марийцев наблюдается заимствование отдельных мотивов. Это, например, касается цикла преданий о Тюкан Шуре и о крещении, где представлены общие для русского и финно-угорского фольклора мотивы (избрание царя; несогласие народа с новыми условиями жизни, переселение, бунт и т.д.). В отдельных преданиях варьируются основные мотивы предания. Так, традиционный мотив насыпки холмов мифологическими богатырями, великанами-первожителями был переосмыслен и привнесен в более поздние циклы преданий об Иване Грозном, о Пугачеве. В них высота холма свидетельствовала уже не о силе великана, а о многочисленности войска того или иного предводителя. Такое варьирование и переосмысление (проявления художественности) были характерны, к примеру, и для преданий о событиях, связанных с захоронениями убитых или погибших в плену татарских воинов,

похороненных вместе, в одной могиле во время похода Ивана Грозного [7, с. 145].

Необходимо отметить высокую степень устойчивости некоторых мотивов и сюжетных ситуаций преданий. Так, оказалась очень устойчивой ситуация взятия Казани Иваном Грозным посредством подкопа под стены Казанского Кремля в цикле преданий о Грозном, она сохранилась до настоящего времени.

Предания марийского народа практически невозможно четко разделить по принципу *исторические* и *топонимические*, которые часто выступают в «сюжетном тандеме» (в фольклорном тексте присутствует и историческое повествование во времени, и рассказ о происхождении названия места действия). Примечателен в этом плане мотив образования родными братьями (друзьями) селения, названного в дальнейшем в честь его первооснователей.

Художественной выразительности преданий способствуют применяемые некоторыми, наиболее одаренными, рассказчиками изобразительно-выразительные средства, например, эпитеты, сравнения. В марийских преданиях эпитет выполняет функцию художественного определения, отмечающего существенную черту в изображаемом явлении, выделяющего какое-то качество героя, которое рассказчику хотелось передать более красноречиво. Эпитет был наиболее простым и доступным для него средством художественного изображения. Например, отмечая силу марийцев, рассказчик привносил в фольклорный текст такие эпитеты: *«эн тале, виян, патыр, чевер» (*«статный, сильный, храбрый, красивый») [5]. При этом язык марийских преданий оставался близок к разговорной речи. Важным художественным средством языка в марийских преданиях является сравнение: *«ойленыт, ожно пешак кугу енг-влак иленыт улмаш, пӱнчӧ гае, ала, кужу пӱнчӧ деч кужу лийыныт»* [6] («рассказывали, что в старину жили очень большие люди, были они как сосны, даже выше сосен»); *«князьын пушыжо-влак, миен пернен-пернен, шырпын шаланеныт, а сарзе-влак сер гыч йӱрла йогышо пикш да курыкла сӱмырлышӧ пырня йымак логалын колен пытеныт»* [9, с. 160] («корабли князя тонули, а солдаты его гибли от стрел, что сыпались, словно дождь и от бревен, что были страшней больших камней»). Широко использовались гиперболизация (мотив перебрасывания топора не дальние расстояния от одного героя к другому) [пример из личного фонда – *М.П.*], экспрессия (*«яндар памаш вӱд йоген эрта да Степан Разин тыште улмыжым шарныкта»* [4] – «протекает здесь чистая родниковая вода и напоминает о том, что был здесь когда-то сам Степан Разин»).

Результаты экспедиций показали, что в настоящее время предания бытуют чаще лишь в тех местах, где имеется какое-нибудь памятное место. Оно может быть охраняемым местным населением, а может, просто быть значимым, как, например, Ратная тропа у деревни Черномуж (Шарангский район Нижегородской области). Предания не являются застывшей формой повествования; этот жанр развивается, в том числе и в художественном плане, начиная с композиции и заканчивая отдельными изобразительно-выразительными средствами.

Литература

1. *Азбелев С.Н.* Отношение легенды, предания и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Наука, 1965. С. 5–25.

2. *Владыкина Т.Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: монография / Удм. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. Ижевск:, 1997. 356 с.

3. *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза: Вопрос генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 227 с.

4. Материалы фольклорной практики МарГУ. 1997. Тетрадь № 44. Записи Романовой О.В. в д. Лапка-Сола Волжского района Республики Марий Эл – от Степановой Е.В., 1925 года рождения; в с. Помары Волжского района Республики Марий Эл – от Матвеевой Д.С., 1938 года рождения, от Романова В.И., 1951 года рождения, Копцевой Ф.И., 1935 года рождения.

5. Материалы фольклорной практики МарГУ. 1993. Тетрадь № 7. Записи Абакумовой И.Е. в д. Карай Волжского района Республики Марий Эл – от Бусыгиной З.Ф., 1934 года рождения.

6. Материалы фольклорной экспедиции МарНИИЯЛИ в Волжский, Звениговский, Горномарийский районы. 1965. Тетрадь № 22. Записи Акцорина В.А.

7. Нижегородские марийцы: сб. материалов для изучения этнической культуры марийцев. Йошкар-Ола, 1994. 250 с.

8. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 3. Д. № 301. Сб. материалов марийского исторического фольклора. Записи Бердникова А.М.

9. Тошто марий ой-влак = Марийские легенды и предания // сост. *В.А. Акцорин.* Йошкар-Ола, 1972. 216 с.

Кристиан Пишлёгер (Christian Pischlöger)
Венский университет (Австрия, г. Вена)

ВИКИПЕДИИ НА ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

В статье дается анализ современного состояния Википедий на финно-угорских языках Урало-Поволжья (преимущественно – марийской и удмуртской) не только с позиций википедистов, но и с точки зрения социолингвистики.

Ключевые слова: *народы Урало-Поволжья, финно-угорские языки, марийский язык, удмуртский язык, социолингвистика, Википедия.*

21–23 сентября 2016 г. в Ижевске и на площадке Архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай» состоялся Уральский вики-семинар [7]; в нем участвовали представители некоторых Википедий Урало-Поволжья. Это только один из серии подобных семинаров, например, 22 октября 2015 г. в Ижевске состоялась конференция в честь десятилетия Удмуртской Википедии [1]; 24–26 апреля 2015 г. в Уфе проходил «вики-сабантуй» – «комплекс мероприятий, посвящённых 10-летию Башкирской Википедии, призванных способствовать развитию языковых разделов народов России» [3], и в Санкт-Петербурге 1–2 октября 2016 г. прошла конференция, посвященная развитию проектов Викимедиа на языках народов России [2]. В 2017 году

планируется семинар «Вики-пайрем» в Йошкар-Оле, его организатор – сотрудник МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева и РЦМК Андрей Чемышев.

Википедия считается интересной не только для википедистов, компьютерных технологов, программистов, но и для социолингвистов, так как, по мнению некоторых исследователей, Википедия – это один из показателей витальности языка. Венгерский математик и лингвист Андраш Корнаи отмечает: «Нет Википедии, значит, нет подъема наверх, нет прогресса, нет развития» («No Wikipedia, no ascent») [9, с. 3].

Мы будем рассматривать Википедии Урало-Поволжья преимущественно на примере марийской и удмуртской Википедий – с точки зрения социолингвистики, а не только с позиций википедистов.

Сравним некоторые данные о числе говорящих и количестве статей в Википедиях на финно-угорских языках (Табл. 1). Количество статей дано по состоянию на июнь 2012 г. [8, с. 17] и октябрь 2016 г. [13]; число говорящих на финно-угорских языках Урало-Поволжья приводится на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. [4; цит. по: 8].

Таблица 1

Численность говорящих и количество статей в Википедиях на финно-угорских языках Урало-Поволжья

Язык		Говорящие	Статьи в Википедии (2012)	Статьи в Википедии (2016)
Мордовский	Мордовский (без уточнения)	392941		
	Эрзянский	36725	1512	3271
	Мокшанский	2025	1117	1129
Марийский	Марийский (без уточнения)	365127		
	Луговомарийский	189	3027	9355
	Горномарийский	23062	5063	10128
Удмуртский		324338	3080	4007
Коми		156099	3215	4710
Коми-пермяцкий		63106	3396	3425

Число говорящих, как видим из приведенной таблицы, не обязательно совпадает с числом статей в Википедиях. Например, луговых марийцев (в таблице скорее всего соответствует вариантам «марийский (без уточнения)» и «луговомарийский», так как луговомарийцы традиционно себя называют просто марийцами) намного больше, чем горных, но на горномарийском статей больше, чем на луговомарийском, – и это преимущественно благодаря одному человеку, активно пишущему статьи для горномарийской Википедии. Кроме того, как видно из цифр, на луговомарийском языке в настоящее время имеется 9355 статей; однако эта цифра немного вводит в заблуждение, так как имеются «пустые» статьи, созданные одним из пользователей (например, даются растения и цветы с латинскими названиями, которые, в лучшем случае, сопровождаются

фотографиями, но часто без текстов [5]). Несовпадение числа говорящих и статей, а именно, относительно меньшее число статей, чем самих говорящих, наблюдаем и в коми, коми-пермяцкой Википедиях. По данным на октябрь 2016 г., в коми Википедии размещены 4710 статей, что только на 1300 больше, чем в Википедии на коми-пермяцком языке, хотя говорящих на коми языке почти в три раза больше.

Финно-угорские Википедии, как видим из цифр, относятся к «маленьким» Википедиям [12, с. 238], которые «могут передать человеческие знания только во фрагментах и обычно там нет очень большой активности» [12, с. 238. Пер. с англ. наш – *К.П.*]. Надо отметить, что приведенные цифры не отражают качества и актуальности статей в Википедиях. Некоторые из них содержат контент, которого нет на других языках, и это, несомненно, придает им дополнительную ценность («It must be mentioned that these numbers do not reflect the quality of the Wikipedia articles. Some Udmurt articles feature content not available in other languages, which undoubtedly brings an added value» [11, с. 124; 10, с. 149]).

На наш взгляд, мы не должны сравнивать «маленькие» Википедии с такими «большими», как англоязычная, немецкоязычная или русскоязычная; в случае с финно-угорскими Википедиями Урало-Поволжья важны не их количество, а актуальность и релевантность статей в глазах читателя.

Кроме официальной Википедии на удмуртском языке, есть ещё проект Национальной библиотеки Удмуртской Республики «Воршуд». Он основан на такой же технологии, которая использована в Википедии, то есть на Медиавики («MediaWiki»). Проект библиотеки содержит разнообразную информацию об удмуртской культуре, литературе, истории, этнографии и т.д. – и на русском, и на удмуртском языке. Интересно и то, что в последние два года состоялось сотрудничество библиотеки с газетой «Удмурт дунне», выходящей на удмуртском языке. Журналисты брали интервью у знаменитых представителей удмуртского общества, публиковали в газете, а затем сотрудники Национальной библиотеки размещали эти интервью в Вики «Воршуд» (в категории «Удмуртские звезды»). Таким способом в последние два года на удмуртском языке создано большое количество статей, содержащих уникальную информацию, которая доступна только на удмуртском языке.

Если в работе над удмуртским Вики «Воршуд» мы видим сотрудничество с журналистами, местными медиа, то создатели марийской Википедии в 2010 году дополнили такое сотрудничество участием в пополнении контента преподавателей и студентов Марийского государственного университета. В результате такой совместной работы за полгода были подготовлены более 500 статей (преимущественно это были биографии и «местные» темы). Для студентов это был практический опыт в подготовке и оформлении статей на родном языке и в научном стиле [5]. Такая работа развивает навыки письма на родном языке, стилистические умения, опыт работы с источниками и текстами. Несмотря на некоторые отличия стилей энциклопедической и научной статей, оба текста имеют одинаковые научные правила, требуют научного подхода к подбору источников, к анализу, подготовке ссылок и т.д.

Проект Викимедия состоит не только из Википедии, но и других подпроектов: Викисловарь («Wiktionary»), Викицитатник («Wikiquote»), Викиучебник («Wikibooks»), Викиновости («Wikinews»), Викиверситет («Wikiversity») и т.п. В нем также имеется отдел Викитека («Wikisource»), где размещен, к примеру, роман «Элнет» Сергея Чавайна, одного из основоположников марийской литературы. Текст романа ранее не был доступен в интернете для интересующихся им во всем мире, он был представлен только на одном японском сайте, где размещался отрывок из романа. Организаторы Викитеки воспользовались сканом рукописи романа, обнаруженным в МарНИИЯЛИ, и, таким образом, смогли разместить текст в свободном доступе в интернете [5].

Создатель Удмуртской Википедии Денис Сахарных о количестве и способах пополнения статей удмуртской Википедии писал: «Если бы все пользователи интернета, владеющие, к примеру, удмуртским языком, написали бы всего лишь две-три статьи на темы, которые им, безусловно, известны – о родном селе / городе, о своём районе, о его истории и знаменитых людях, о примечательных природных объектах своей малой родины, – мы бы уже имели уникальный сетевой общедоступный справочник об Удмуртии на удмуртском языке» [6, с. 14]. Приведенная цитата относится к удмуртскому языку, но она актуальна и применительно к Википедиям на всех финно-угорских языках Урало-Поволжья, которые рассматриваются в данной статье.

Таким образом, важно не количество, а содержание и качество статей, их актуальность и релевантность для читающего на родном языке, возможность найти в них материал, который невозможно найти в других Википедиях или в других источниках Интернета. Один из способов пополнения Википедий на финно-угорских языках Урало-Поволжья – это курсовые и дипломные работы студентов или отрывки из них, которые могут стать основой для статей. Для студентов – это закрепление привычки использовать родной язык не только в устной речи, но и в письменном научном стиле. Если бы из 400 тысяч говорящих на марийском языке или 325 тысяч говорящих на удмуртском хотя бы 1% написал бы хотя бы одну статью, то уже на 3250–4000 статей пополнился бы контент вышеупомянутых финно-угорских Википедий. В случае с удмуртской Википедией статей уже было бы почти в два раза больше, чем есть в настоящее время; аналогичное изменение ситуации было бы и в марийской Википедии. Чтобы писать и редактировать статьи в Википедии, в отличие от первых лет их существования, не требуется особых знаний Вики-разметки, писать их не сложнее, чем, например, создавать документы в Word или PowerPoint. Таким образом, приглашение создателя удмуртской Википедии Дениса Сахарных публиковать статьи в удмуртской Википедии (и в других финно-угорских Википедиях Урало-Поволжья) не потеряло актуальности, и в настоящее время по-прежнему остаётся в силе его призыв: «Попробуйте начать прямо сейчас!» [6, с. 14].

Литература

1. В Ижевске прошла конференция в честь 10-летия Удмуртской Википедии // Викиновости. URL: https:// ru.wikinews.org/wiki/В_Ижевске_прошла_конференция_в_

честь_10- летия_Удмуртской_Википедии (дата обращения: 03.10.2016).

2. Вики-конференция 2016 // Викимедиа. URL: https:// ru.wikimedia.org/w/index.php?title=Вики-конференция_2016&oldid=43002 (дата обращения: 03.10.2016).

3. Вики-Сабантуй 2015 // Викимедиа. URL: https:// ru.wikimedia.org/w/index.php?title=Вики-Сабантуй_2015&oldid=38351 (дата обращения: 03.10.2016).

4. Всероссийская перепись 2010. Национальный состав населения РФ // Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 29.09.2016).

5. *Протасов В.* Опыт наполнения марийской Википедии: доклад на Уральском вики-семинаре. Ижевск, 2016. URL: https://vk.com/ural_wiki? w=wall-127784631_118%2Fall (дата обращения: 03.10.2016).

6. *Сахарных Д.М., Аркашев В.П.* Удмуртский язык при работе на персональном компьютере: метод. рекомендации. Ижевск: ИПКиПРО УР, 2010. URL: http://files.udmurt.info/udmurtskiy-yazyk-nakompjutere.pdf (дата обращения: 03.10.2016).

7. Уральский вики-семинар 2016 // Викимедиа. URL: https:// ru.wikimedia.org/w/index.php?title=Уральский_вики- семинар_2016&oldid=42672 (дата обращения: 03.10.2016).

8. *Cagnoli S.* Les langues finno-ougriennes dans la révolution médiatique du «Web 2.0» // Études finno-ougriennes [En ligne], 44 / 2012, mis en ligne le 22 janvier 2014. URL: http://efo.revues.org/437; DOI: 10.4000/efo.437 (дата обращения: 03.10.2016).

9. *Kornai A.* Digital Language Death // PLoS ONE 8(10): DOI: 10.1371/journal.pone.0077056.

10. *Pischlöger Ch.* Udmurtness in Web 2.0: Urban Udmurts Resisting Language Shift // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 38. 2014. P. 143–162.

11. *Pischlöger Ch.* Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // Reetta Toivanen and Janne Saarikivi (eds.). New and Old Language Diversities – vanishing voices, polyphonic communities. Multilingual matters. 2016. P. 108–132.

12. *Van Dijk Z.* Wikipedia and lesser-resourced languages // Language Problems & Language Planning 33 (3). 2009. P. 234–250.

13. Wikipdia contributors 2016 // «List of Wikipedias». Wikipedia, The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Wikipedias (дата обращения: 03.10.2016).

Н.В. Пушкина

Республиканский центр марийской культуры (г. Йошкар-Ола)

ЭТНОГРАФИЗМЫ В МАРИЙСКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1920–1960 ГОДОВ

Статья посвящена изучению этнопоэтики марийской драматургии 1920–1960-х годов. В работе характеризуются этнографизмы, связанные с духовной культурой марийского народа, выявляются их художественные функции.

Ключевые слова: *марийская драматургия, 1920–1960-е годы, этнопоэтика, духовная культура, этнографизмы.*

Марийские драматурги 1920–1960-х годов часто обращались к традиционной культуре народа – праздникам, обрядам, обычаям, которые транслировали народное мировоззрение, религиозные верования. В тексте произведений это было представлено в виде этнографических элементов (этнографизмов). В произведениях А. Конакова, С. Чавайна, Н. Мухина, Г. Ефруша, И. Борисова, М. Шкетана, Н. Мухина, Н. Арбана, С. Николаева и других драматургов они являлись образно-стилистическим средством, а также «участвовали» в создании характеров персонажей, в воссоздании этнической психологии, национального сознания.

Этнографизмы были уже в первых драматургических произведениях «Кайык лудо» («Дикая утка») С. Чавайна и «Суд» Г. Микая, созданных в начале XX века и представлявших собой, по словам В.А. Акцорина, «переработанные народные комедии» [1, с. 3].

Фольклорно-этнографический материал придавал драматургическому произведению социально-бытовую и мировоззренческую направленность. Чаще всего воспроизводились в пьесах календарно-обрядовые праздники, ритуальные обряды, обычаи, связанные с годичным круговоротом в природе и сельскохозяйственным календарем. К примеру, С. Чавайн детально описал летний праздник Семык в пьесах «Ямблат кӱвар» («Ямблатов мост») и «Шӱдӧ тенге олно» («Сторублевый выкуп»).

В празднично-обрядовых сценах раскрывались характеры персонажей, передавались этнический менталитет и духовная культура народа. Марийский народ относился к празднику как к жизненной школе, как средству упрочения тесной связи с космосом, окружающей природой и обществом. Праздничные обрядовые действия, песни, игры помогали марийцу утвердить себя как добродетельного, обладающего честью и достоинством, равноправного члена общины, защитить свои гражданские и религиозные права, поддержать общий ритм жизни, достичь победы добра над злом.

Герои пьес искренне радовались праздникам, жили ожиданием чуда, разделяли общую радость. В пьесе С. Николаева «Айвика» Якай в день праздника Семык вспоминает языческого бога «мать земли» («мланде ава»), обеспечивающего народу и марийской земле достаток: *«Я к а й (пондашым кок кидше дене ниялтен ойла) Могай сылне кеҥеж эр! Таче семык пайрем. Шумат шольым, айда пайрем кечын шочмо мландыланна эсен мутым каласен, мланде ава деч перкем йодына»* [2, с. 72] (*«Я к а й (двумя руками бороду поглаживая, говорит) Какое летнее утро! Сегодня праздник Семык. Шумат, братишка, давай в праздник родную землю поблагодарим, у матери земли достаток попросим»)*. Праздники способствовали сохранению традиционной культуры марийцев. Считалось, что трепетное и ответственное отношение к народному празднику обеспечивало дальнейшее благополучие семьи и всех его членов. Отсюда персонажи «Айвики» осознают важность того, что нужно все сделать правильно, соблюсти все праздничные ритуалы:

«О з а м б а й. Ӱдырем, шӧрвалет ямде?

А й в и к а. Чыла ямде. Теве! (ӱстел ӱмбак ончыкта) Пура пӧртыштӧ.

О з а м б а й. Якай кугызатым шӧрвал авызлаш кондем. Якай тос, шичса ӱстелтӧрыш, шӧрвалым авызлена, вара пӱрым подылына.

Я к а й. Шӧрвалым авызлаш тореш омыл, а пӱрыжым тетла ом керт» [2, с. 86]
(«О з а м б а й. Дочка, сливки готовы?
А й в и к а. Все готово! Вот! (на стол ставит) Квас дома.
О з а м б а й. Дедушку Якая сливками угощать приведу. Якай, друг, садитесь за стол, сливки попробуем, потом медовухи выпьем.
Я к а й. Сливки попробовать не против, а медовухи больше не могу».

Сложный комплекс обычаев и обрядов, имевших социальное, правовое, мировоззренческое, духовно-нравственное значение, представлен в таких пьесах, как «Ормыж» («Одержимый»), «Кок сӱанат пеле» («Две с половиной свадьбы») и «Ораде» («Дурной») М. Шкетана, «У мланде» («Новая земля»), «Шӱдӧ тенге олно» («Сто рублевый калым»), «Мӱкш отар» («Пасека») и «Акпатыр» С. Чавайна, «Акпарс» и «Салика» С. Николаева, «Ӱҥышӧ деч ӱш лектеш» («В тихом омуте черти водятся»), «Ивук» и «Кок тул лонгаште» («Между двух огней») Н. Мухина, «Илыш ваштареш» («Навстречу жизни») и «Ику» А. Конакова, «Энҥыремышвот» («Паутина») Г. Ефруша, «Орьеҥ мелна» («Свадебные блины») и «Ксения» А. Волкова и др.

Особое место в драматических произведениях занимала свадьба. Как отмечают многие исследователи, марийская дореволюционная народная свадьба по своей форме напоминает многоактную драматическую пьесу. Свадьба состояла из ряда взаимосвязанных сцен: «ӱдыр ончымаш» (смотрины), «туларым колтымаш» (сватовство), «келшымаш» (согласие, рукобития), «шергашым вашталтымаш» (обмен колец), «пура йӱмаш» (совместное празднование после заключения всех согласий), «сӱан» (свадьба), «вуй пӱтырымаш» (отвод молодых в клеть), «оръеҥ мелна» (приготовление блинов) и т.д. «Каждый акт свадьбы сопровождался своеобразными обрядами, богатыми драматическими и театральными элементами» [1, с. 38]. Часть этих сцен подробно описывалась в драматургических текстах. Особый интерес у художников слова вызывал акт непосредственного сватовства из-за использования в них ярких образов, основанных на сравнении. Эта сцена была своего рода искусной импровизацией на темы торговли или охоты. В ней присутствовали отголоски древней табуации невесты, имя которой нельзя было произносить прямо. Сват говорил: «Мы зашли к вам в поисках телочки» («*Тунам кычалын пурен улына*»). В драматургических диалогах была некоторая таинственность, которая не мешала получению важного согласия.

В 1930-е годы часть драматургов, писавших о распаде устоев дореволюционной жизни, представляет свадебный обряд в его традиционном виде уделом прошлого, патриархального, выражением суеверного, языческого сознания. Самое крупное произведение, в котором дано такое представление, – это драма «Эх, родители!» М. Шкетана. Автор, отталкиваясь от запросов времени, размышляет об уходе патриархальной крестьянской семьи и о формировании современных традиций. Старые обычаи (выбор жениха и невесты родителями, насильно выдавать замуж), по мнению драматурга, являются не только тормозом для социально-общественного развития народа, но и причиной многих несчастий и бед:

«М а т р а. Кугыза! Таче Соҥгой Япык эргылан Маюкым йодо… Мыйын шонымаште, пуаш лиеш вет…

С а в л и й. Лиеш, тыгай улан суртыш пуаш кӱлеш» [3, с. 151]

(«М а т р а. Муж! Сегодня Сонгой Япык просил для своего сына Маюк… По-моему, можно отдать…

С а в л и й. Можно, в такой богатый дом можно отдать»).

Марийская свадьба, со своими разработанными веками театрализованными, драматическими и игровыми элементами, оказала большое влияние на развитие национальной драматургии. Драмы и комедии драматургов развивают ряд свадебных элементов и мотивов.

Наиболее популярным компонентом этнопоэтики марийской драматургии 1920–1960-х годов были не только народные обряды, но и игры, песни и пляски в их чистом, первородном виде. Это был достаточно легкий и выигрышный способ разнообразить, оживить драматическое действие, придать изображаемому миру специфическую национальную окраску, сделать его сценически эффектным.

К этнографизмам можно отнести также обращение авторов к марийским народным инструментам, например, в пьесах А. Конакова. Музыкальные инструменты с древности были тесно связаны с обрядами. В пьесах А. Конакова «Ику», «Сиротка» («Тулык ӱдыр»), «Навстречу жизни» («Илыш ваштареш»), «Кунавий», «Метель» («Поран») используются образы барабана (тӱмыр), колокольчика («онгыр»), волынки (шӱвыр). С этими образами обильно входят в пьесы песни и музыка, которые способствовали созданию эмоционально насыщенной картины деревенской жизни, делали пьесу сценически яркой, несмотря на то, что само драматургическое действие в нем было довольно слабым.

Итак, этнографический материал, вошедший структуру марийской драматургии 1920–1960-х годов, являлся продуктивным средством художественного изображения. Этнографизмы придавали произведению функционально-семантическую нагрузку, эмоциональную насыщенность, сценическую яркость.

Литература

1. *Акцорин В.А.* Народная драма. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 198 с.

2. *Николаев С.* Волгыдо корно: пьеса-шамыч. Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1950. 235 с.

3. *Шкетан М.* Чумырен лукмо ойпого. I том: Почеламут, пьеса-влак / С. Черных ямдылен. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 392 с.

В.Г. Родионов
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье ставится проблема генезиса художественного сознания уральских народов. Его истоки автор видит в пещерном искусстве Урала, в мифопоэтическом творчестве финно-угорского этноса. Доказывается необходимость установления

связи между последовательными звеньями эволюционной цепочки художественного сознания финно-угорских народов с учетом традиций всех видов народного искусства.

Ключевые слова: *уралистика, финно-угорские народы, художественное сознание, истоки, пещерное искусство Урала, мифопоэтическое творчество, фольклорно-мифологические образы.*

Актуальность проблемы «истоки художественного сознания уральских народов» определяется тем, что в отечественном литературоведении широко распространено неверное представление о роли литературы и фольклора в художественном творчестве народа. С точки зрения теории европейской беллетристики, литература является высшей ступенью эволюции национального художественного сознания, что не совсем верно. Как известно, традиционное художественное сознание евразийских народов отличалось от подобного сознания европейцев, прежде всего, своей синтетичностью, нерасчленённостью художественной функции от остальных функций словесного творчества. Евразийское художественное сознание по своей природе коллективное и преимущественно отражает жизнь не отдельного индивида, а всего этносоциального сообщества. В этом плане фольклор, по сравнению с литературой, ориентированной на европейскую беллетристику, имеет ярко выраженное этно-центростремительное начало; он более приспособлен к меняющейся жизни своего этноса (на уровне трансформации старых и образования новых жанров). Именно в жанрах фольклора сохранены разностадиальные особенности поэтики, установки на вымысел и историческую достоверность. Устное поэтическое творчество вместе с остальными видами народного искусства сохранило художественные традиции самых ранних предков современных народов, в том числе тюркских и финно-угорских. В обозримом историческом пространстве в процессе дифференциации древнейшего художественного синкретизма происходило обособление различных видов народного искусства. При этом накопленные этносом художественно-поэтические традиции, как правило, переходили из одного вида искусства к другому. Поэтому историю литературы евразийских народов, как историю особого вида национального искусства, следует вписать именно в такой исторический контекст художественного сознания [4].

По свидетельству лингвистов, антропологов и археологов, древнеуральская раса и уральская языковая общность сложились на Южном Урале и в прилегающих к нему районах со времён заселения данного региона первобытным человеком [1, с. 26; 2, с. 17; 5, с. 4–5]. К XI тыс. до н.э. (период позднего палеолита) человек обитал почти на всей территории Урала [2, с. 11]. По схеме П. Хайду, прауральская эпоха уральской группы языков существовала вплоть до VI – IV тыс. до н.э., затем она, по мере продвижения прауральцев в более северные и западные районы, разделилась на прафинно-угорскую (приблизительно до конца III тыс. до н.э.) и прасамодийскую (приблизительно до начала н.э.) ветви. Отсюда следует полагать, что уникальные памятники древнекаменного века в пещерах Урала (это, прежде всего, пещерные рисунки) оставлены в XIV–X тыс. до н.э. [2, с. 12–13] именно прауральцами.

Наиболее ранней пещерой древнекаменного века на Урале является пещера Шульганташ (Канова) в верховьях р. Белой Бурзянского района

Республики Башкортостан. Она была освоена человеком примерно в XIV–XI тыс. до н.э. Новейшие исследования показали, что рисунки на стенах этой пещеры выполнены в XII-X тыс. до н.э. [2, с. 12–13]. Это, в первую очередь, изображения мамонтов, лошадей и носорога. Все животные переданы, как отмечают Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова, в реалистичной манере и в плане движения идут влево (со стороны стены) [2, с. 13].

Рисунки фигур мамонтов, схожих с подобными фигурами из пещеры Шульганташ, обнаружены и на стенах Игнатьевской пещеры [8, с. 50]. К примеру, в одной из ниш стены имеются силуэтные фигуры мамонтов. Находящийся слева и выше ниши мамонт – с хоботом и без бивней, каждая пара его ног показана одной линией. По другую сторону ниши изображён силуэт ещё одного животного (очевидно, тоже мамонта) в лежачем положении. Последовательность событий всей сцены возле этой ниши В.Н. Широков и В.Т. Петрин условно называют «убиением мамонта» [8, с. 50], Если такая интерпретация верна, то наличие сюжета (повествования) в изображениях данной пещеры указывает на их относительно позднее происхождение, чем рисунки, относящиеся к эпохе до верхнего палеолита. По авторитетному заключению А.П. Окладникова, животные в рисунках среднего палеолита и ранней эпохи верхнего палеолита как бы изолированы от окружающего пространства, от других соседних фигур, поэтому в них нет определённого сюжета, повествования о каких-то событиях [3, с. 32].

Следующей отличительной чертой данного палеолитического памятника является наличие изображения своеобразного антропологического существа с линейным туловищем руками и ногами, между которыми обозначен фаллос, округлой головой и тремя чертами над ней. Руки существа согнуты в локтях и опущены на бедра. У ног существа нанесены два стреловидных знака, смыкающиеся острыми концами. По обе стороны от них изображены субпараллельные линии, некоторые из них изогнуты и смыкаются концами [6, с. 56–57]. Следует заметить, что рисунок весьма нечёток, возможно, и другая интерпретация его содержания.

Особый интерес представляет фигура животного с туловищем верблюда, стоящего по направлению влево (со стороны зрителя). Хорошо выделены контуры двух горбов, небольшой хвост, задняя нога и отвислое брюхо. К верблюжьему туловищу вместо головы и шеи приставлена анфас морда-маска овальной формы с двумя ушами [6, с. 65–66] (изображение «скрученной перспективы»), что тоже является редким явлением для начала верхнего палеолита. Все животные, за исключением верблюда и быка, обращены головой вправо. Чёрные рисунки мамонта и линии были выполнены углём, красные фигуры написаны позднее чёрных. Репертуар образов и знаков Игнатьевской пещеры и наскального искусства под открытым небом послепалеолитического периода значительно различаются. Последнее было создано в период от позднего неолита до эпохи бронзы включительно, есть рисунки даже эпохи железа [6, с. 83]. Авторы книги «Искусство ледникового периода» считают, что украшенные пещеры служили людям «как места проведения обрядов посвящения, требующие атмосферы таинственной и необычной» [6, с. 169].

Итак, художественное мышление прауральцев в самом своём начале отразилось в пещерном искусстве Урала, его специфические особенности выразились в стиле рисунков каменного века и стали документальными свидетельствами того факта, что художественное сознание любого народа, в том числе и финно-угорских, имеет весьма длительную историю своего развития. При этом разные виды народного искусства исторически развивались неравномерно, но все они (фольклорные жанры, народный костюм, орнамент, танец, музыка и т.д.) испытали определённое воздействие мифопоэтического сознания этноса. Художественное сознание Нового времени должно изучаться, следует ещё раз повторить, как очередной, современный этап его многотысячной истории, начиная с эпохи становления современного человека. При этом исследователь должен устанавливать связи между последовательными звеньями эволюционной цепочки художественного сознания финно-угорских народов, используя в этом изыскании традиции всех видов народного искусства.

Литература

1. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. 422 с.

2. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.

3. *Окладников А.П.* Центрально-Азиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Ценкер Агуй (Сэнгри-Агуй), Западная Монголия). Новосибирск: Наука, Сибир. отд., 1972. 76 с.

4. *Родионов В.Г.* Чувашская литература 1900–1908 годов // Чувашская литература XX века. Ч. 1: 1900–1955 годы: коллект. монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. С. 12–69.

5. *Рона-Таш А.* От Урала до Карпатского бассейна. Новые результаты исследований по ранней истории венгров // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 3–11.

6. *Широков В.Н., Петрин В.Т.* Искусство ледникового века. Игнатьевская и Сергиевская пещеры на Южном Урале. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2013. 190 с.

А.А. Рыбакова, Г.Н. Кадыкова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДИИ НАРОДНОЙ МАРИЙСКОЙ ВЫШИВКИ Г. ЗВЕНИГОВО)

В статье рассматриваются вопросы сохранения и развития марийской традиционной вышивки. Проанализирована деятельность студии «Народная марийская вышивка» при Доме народных умельцев города Звенигово под руководством Майковой Надежды Евсеевны по передаче искусства марийской вышивки подрастающему поколению.

Ключевые слова: *народная марийская вышивка, традиционная культура, декоративно-прикладное искусство, орнамент, традиции.*

Проблема сохранения и развития традиционной народной культуры, накопленного столетиями духовного культурного наследия, проблема их эффективного использования в развитии отечественной культуры на современном этапе приобретают особую актуальность.

Особенностью каждой культуры, конечно же, является традиционная вышивка; именно она является средоточием людской памяти, человеческой мысли, ставшей заветом и мудрым посланием последующим поколениям. Она широко отражает художественный взгляд ее создателей, их неподдельную, искреннюю одаренность.

Известно, что народ мари издавна славился искусством вышивания. Традиционная вышивка выполнялась без предварительного наброска – это требовало большого умения. Узор необходимо было расположить на определенной поверхности таким образом, чтобы не нарушить законы и порядки симметрии. В повседневный быт народа мари вышивка вошла, как прекрасное творчество; она органически слилась с его многовековой мечтой о светлом будущем, с его хорошо сложившейся народной художественной традицией [5, с. 157].

Обаяние искусства вышивки у мари всегда было примером нравственного совершенства, трудолюбия [1, с. 23]. Вышивальщицы вкладывали в свой труд любовь и талант. Самый нарядный и изящный костюм надевали в праздники. Каждая девушка умела вышивать, по вышивке судили об её способностях. Марийская девушка, выходя замуж, приносила в подарок будущим родственникам заранее заготовленные творения, вышитые самостоятельно. Одежда с народной традиционной вышивкой занимала священное и почитаемое место в приданом у невесты, олицетворяла ее любовь к своему избраннику.

Конечно же, отличительной чертой в вышивке был и остается орнамент. Его особенностью было то, что узор обводился графически четкой контурной линией. Сам орнамент в марийской вышивке несет в себе определенный смысл или скрытую информацию из глубоких корней – олицетворяет мировоззрение человека, оберегает и защищает человека от нечистых сил, а также служит красивым украшением [3, с 45]. Встречаются три типа орнамента: геометрический, растительный и животный (зооморфный) [2, с. 386].

В последние годы в России, в целом, и в Республике Марий Эл возрос интерес к традиционной вышивке. В различных районах республики были открыты специализированные студии или центры, которые активно вовлекают детей и молодежь в сферу восстановления народных традиций. Так, в городе Звенигово существует учреждение художественного и декоративно-прикладного направления – Дом народных умельцев г. Звенигово. При нем с первых лет создания плодотворно работает студия «Народная марийская вышивка» под руководством Майковой Надежды Евсеевны. В 2004 году студия получила звание «Народная» [5]. Цели студии – это возобновление, сохранение и развитие традиций, в особенности народной марийской вышивки, а также ознакомление подрастающего поколения и различных слоев населения с ценностями традиционной народной культуры.

Н.Е. Майкова с раннего детства приобщалась в семье к традициям марийского народа, всегда интересовалась и увлекалась его культурой, получила

специальное образование, чтобы обучать детей мастерству, и открыла студию марийской вышивки. В 1998 году она создает первые авторские полотенца «Солык», которые впоследствии были приобретены Музеем собраний Государственного российского Дома народного творчества.

Н.Е. Майкова является мастером своего дела. Она представляет свои работы не только в районе, но и далеко за его пределами. С 1 по 7 декабря 2000 года она приняла участие в первых Дельфийских играх в г. Москве, где она сумела показать красоту марийской национальной вышивки и среди представителей 27 стран мира в номинации «Прикладное искусство» получила достойное четвертое место. Затем, в 2002 году, она была награждена специальным призом МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева в номинации «Современный костюм». В 2006 году она становится лауреатом I степени в Межрегиональной ярмарке народных художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов. Н.Е. Майкова награждена также дипломом Межрегионального фестиваля марийской культуры «Тошто марий пайрем» (Нижегородская область, п. Тоншаево, 2012). Имеет благодарственные письма от творческого объединения «Триумф» за подготовку участников V Международного фестиваля-конкурса детского и юношеского творчества «Звуки и краски столицы» (г. Москва, 2014), Департамента культуры Кировской области (Областной Дом народного творчества, 2014), начальника отдела национальных отношений Департамента внутренней политики Администрации губернатора Пермского края (25 апреля 2015 г.) [6]. Она была удостоена диплома победителя в номинации «Реконструкция» на Всероссийском форуме национального единства (г. Пермь, 23–26 сентября 2015 г.).

Традиционное народное искусство играет важную роль в жизни подрастающего поколения, поэтому Надежда Евсеевна активно работает со школами города и района, привлекая учащихся и молодежь к традиционной марийской национальной вышивке. Ее студию посещает множество детей, которым нравится вышивать, некоторые дети сами являются носителями марийской культуры. Посещают студию представители и других национальностей (русские, чуваши, татары), которым интересно познать не только свою культуру, но и культуру другого народа, которые понимают, что традиции каждого народа самобытны и уникальны. Самые лучшие работы украшают Дом народных умельцев г. Звенигова.

У Н.Е. Майковой есть ученицы, которые не только познали мастерство вышивания, но уже сами достигли значительных успехов в этой области. В 2000 году Гаврилова Алевтина Вячеславовна награждена дипломом 1 степени на Республиканском конкурсе «Мастер года», а в 2002 году Мингазовой Наиле присуждена Государственная молодежная премия Республики Марий Эл в области литературы и искусства им. Олыка Ипая в номинации «Народное творчество, промыслы и ремесла». В 2008 году другая ученица Надежды Евсеевны, Мурзаева Светлана, получила диплом I степени на Международной молодежной Ассамблее национальных культур в номинации «Город мастеров» в г. Ульяновске [6]. Н.Е. Майкова важнейшей своей задачей как руководителя студии «Народная марийская вышивка» считает развитие традиционной народной культуры, привлечение юного поколения к духовному наследию

предков. Научиться мастерству может тот, кому это интересно. Ведь народные промыслы приобретают значимый смысл для каждого, кто ими занимается. Можно смело утверждать, что благодаря творческой деятельности Н.Е. Майковой сохраняется и развивается искусство традиционной марийской вышивки.

Литература

1. *Крюкова Т.А.* Марийская вышивка / МарНИИЯЛИ; Государственный музей этнографии народов СССР. Л., 1951. 197с.

2. *Кадыкова Г.Н., Кудрявцев В.Г.* Об ансамбле марийского народного костюма // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности: сб. ст. Йошкар-Ола, 2015. С. 384–391.

3. Традиционная культура марийского народа: учеб. пособие / Мар. гос. ун-т; *В.Г. Кудрявцев, Г.Н. Кадыкова, Л.П. Москвина, О.Н. Яшмолкина*. Йошкар-Ола, 2015. 196 с.

4. Марийцы: коллект. монография / *О.А. Калинина, М.Н. Мамаева, Т.Л. Молотова, Т.Б. Никитина, Н.С. Попов*. Йошкар-Ола: Мин-во культ., печати и по делам национальностей РМЭ, 2008. 213 с.

Информаторы:

1. Майкова Надежда Евсеевна, 1977 года рождения, уроженка деревни Шоруньжа Моркинского района РМЭ.

2. Чугунова Ирина Валерьевна, 1974 года рождения, уроженка деревни Ноля-Вершина Медведевского района РМЭ.

Соегов Мурадгелди
Национальный институт рукописей
Академии наук Туркменистана (г. Ашхабад)

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ (УРАЛИСТИКА) ГЛАЗАМИ ТЮРКОЛОГА

В данной статье нашел отражение взгляд специалиста по тюркским языкам на некоторые вопросы истории и современного состояния уралистики (финно-угроведения) в свете исследований по алтаистике, а также по ностратике (ностратическому языкознанию).

Ключевые слова: *финно-угроведение, уралистика, тюркология, родство языков, внутренняя система, параметры, новые методы.*

Примечательно, что зарождение алтаистики и уралистики (финно-угроведения) в истории науки происходило как взгляд на соокупность родственных языков, а позже в отдельных странах их стали рассматривать в качестве двух самостоятельных языковых семей. Несмотря на это, у профессоров вузов ряда стран (Турции и др.) до сих пор преобладает мнение о существовании единой урало-алтайской семьи родственных языков. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что 200-летие со дня рождения крупного финского урало-алтаиста Матиаса Александра Кастрена (Matthias Alexander Castren, 02.12.1813 – 07.05.1852), который в своей докторской диссертации,

защищенной им в 1845 году, предложил гипотезу о генетическом родсте уральских и алтайских языков, было широко отмечено не только на его родине в Финляндии, но и в Республике Хакасия (Российская Федерация) в ходе Международной научной конференции, посвященной этой знаменитой дате и проходившей в г. Абакан 25–28 сентября 2013 года [4].

Автор этих строк о взглядах, существовавших на алтайскую и финно-угорскую (а также других) языковые семьи, впервые слышал, будучи студентом факультета туркменской филологии Туркменского госуниверситета в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века, на лекциях профессора М.Н. Хыдырова по «Истории туркменского языка» и доцента К. Шамурадова по «Введению в тюркологию». На третьем курсе, когда под руководчтвом доцента Я. Чунгаева подготовил курсовую работу на тему «Туркменский язык и ностратическая языковая макросемья», основным источником служила книга В.М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)», изданная в 1971 году. На основе анализа доступных материалов уже тогда мы убедились, что языки алтайской и уралской семей, являясь самими близкими между собой, составляют центр (ядро) «носратической языковой сверхсемьи», концепция которой была разработана В.М. Илличом-Свитычом (1934–1966), 80-летие со дня рождения которого было отмечено нами в 2014 году специальной статьей на страницах турецкого языкового журнала [11].

Осуществлявший научное руководство нашей работой кандидат филологических наук, доцент Язмухаммет Чунгаев (Çöňňäýew), который в разные годы заведовал кафедрой туркменского языка и работал деканом туркменской филологии ТГУ, был тогда и остается до сих пор единственным ученым в Туркменистане (разве что, после члена Венгерской Академии наук А. Вамбери, путешествовавшего по туркменским земялям в 1862 году), занимавшимся вопросами уралистики путем сравнения фактов венгерского языка с аналогичными фактами туркменского и других языков [6; 8].

Труды Я. Чунгаева [5; 7 и др.] становятся объектом внимания обычно в работах, выполненных вне Туркменистана. Так, например, Ш.Г. Шабанова в своей кандидатской диссертации «Ономастическая лексика азербайджанской мифоэпики» (Махачкала, 2004) отмечает: «Лексика ономастики огузских языков изучалась с различных точек зрения. Так, например, в работе Я. Чунгаева рассматриваются связи туркменского и древнетюркского языков с венгерским, где венгерские параллели сопоставляются с тюркскими с учётом исторических контактов носителей указанных языков. Такие же параллели, но уже с тунгусо-маньчжурскими языками, рассматриваются в другой работе того же исследователя» [9, с. 9]. Интересно то, что эти слова точь-в-точь повторяются на с. 17 кандидатской диссертации З.М. Аппажева «Лексико-семантические особенности терекемейского говора азербайджанского языка», защищенной также Махачкале в 2005 году под руководством доктора филологических наук, профессора Р.С. Кадырова. Установление подобного плагиата никак не является задачей настоящей статьи. Отметим, что ссылки на разработки Я. Чунгаева находим в кандидатской диссертации Г.Н. Чимитдоржиевой «Исторические

связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)» (Улан-Удэ, 2003) и в работах некоторых других авторов.

Мы, вслед за академиком Б.А. Серебрениковым (1915–1989), крупным специалистом по общему и сравнительному языкознанию, а также уральским и алтайским языкам, считаем, что языки этих двух генетически родственных групп являются идентичными по основным параметрам своих внутренних систем: наличие в общем праязыке гармонии гласных и их фонемной долготы; первоначальная падежная система состояла из именительного (без особого окончания), родительного, направительного, винительного, местного и отложительного (исходного) падежей; древний финно-угорский синтаксис был синтаксисом тюркского типа [1, с. 549]. От себя добавим, что в официальном названии Республики Марий Эл второй компонент «Эл» исторически не что иное, как современное туркменское слово с долгим гласным «ил» [и:л] ‘народ’, ‘страна’, а его первый компонент «Марий» (на горномарийском: Марый) следует сравнивать с туркменским топонимом «Мары» (более 2,5 тыс. лет тому назад: Mouru) [10, с. 172–175], в составе которых можно восстановить корень-лексему «эр» ‘мужчина’, ‘муж’.

В заключение отметим, что, наряду с традиционно существующим лингвистическим методом установления родственности языков мира, нами было предложено использовать новый, дополнительный метод, условно называемый «сказочным», при помощи которого выявляются общие сюжетные линии сказок народов-носителей предположительно родственных языков с похожими сказочными героями и персонажами, восходящими к единому источнику. Использование этого метода может стать результативным только при сравнении сказок народов, представители которых не контактировали в обозреваемом прошлом, например, не менее трех тысяч и более лет. Такими народами были и являются туркмены и корейцы или туркмены и американские индейцы, на примере сказок которых нами проведены соответствующие исследования, и их результатами еще раз подтверждено дальнее языковое родство этих народов [2, с. 108–123; 3].

Но применение предложенного метода в отношении фольклора алтайских и уральских народов (например, марийцев и татар) для дополнительного подтверждения родства их языков выглядит проблематично, ибо их представители постоянно контактировали между собой в течение многих последних столетий и, скорее всего, заимствовали друг у друга много сказочных сюжетов. Поэтому необходимо разработать новые, более эффективные методы для успешного ведения последующих разработок в данной области научных знаний.

Литература

1. *Серебренников Б.А.* Финно-угорские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. *В.Н. Ярцева*. М., 1990.

2. *Соегов М.* Взгляд на предполагаемое родство корейского и туркменского языков через призму сравнительного сказковедения (в связи с вопросом о трансформации мифов в сказки) // Вестник Центра корейского языка и культуры. 2013. № 15. С. 108–123.

3. *Соегов М.* Многообещающий подход к сказочному эпосу в его сравнительном изучении (на примере народных сказок туркмен и индейцев Америки) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия «Эпосоведение». 2016. № 2. // URL: http://epossvfu.ru/wp-content /uploads/2016/06/Соегов.pdf (дата обращения: 03.07.2016).

4. Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд: материалы Межд. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (1813–1852). Абакан, 2013. 268 с.

5. *Чунгаев Я.* Лексические взаимосвязи тунгусо-маньчжурских и древнетюрских языков: мет. разработки. Ашхабад, 1983. 130 с.

6. *Чунгаев Я.* О связях туркменского и древнетюркского языков с венгерским. Ашхабад, 1985. 84 с.

7. *Чунгаев Я.* О тунгусо-маньжурских, монгольских и древнетюркских лексических соответствиях (Л в анлауте) // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1980. № 6. С. 64–70.

8. *Чунгаев Я.* Тунгусо-маньчжурские основы с начальным м-: урало-алтайские соответствия // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири: сб. научных трудов. Новосибирск, 1985. С. 35–47.

9. Шабанов Ш.Г. Ономастическая лексика азербайджанской мифоэпики: дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2004.

10. *Söyegov M.* 2500 Yıl Önceki Mouru'dan Günümüz Marı'ya kadar Uzanan Kültürel Yol veya 2015 Yılı Türk Dünyası Kültür Başkenti olarak Neden Marı (Eski Merv) Seçildi? // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием. Уфа, 2015. С. 172–175.

11. *Söyegov M.* Vladislav İlliç-Svitiç'in Doğumunun 80. Yıldönümünde Nostratik Teorisi ve Bunu Daha da İlerletebilecek Özel Bir Varsayım (Hipotez) // Türk Dili Dergisi Sayı: 165 Kasım-Aralık. Ankara, 2014. S. 39–43.

В.И. Шабыков
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)
Р.А. Кудрявцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙЦЫ И МАРИЙСКОЯЗЫЧНЫЕ СМИ (ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО) В НАЧАЛЕ 2010-Х ГОДОВ*

Статья посвящена изучению общественного мнения марийского населения Республики Марий Эл в аспекте его отношения к марийскоязычным СМИ, выявлены современные тенденции в реализации марийцами их этнокультурных потребностей через восприятие теле- и радиопередач.

Ключевые слова: *Республика Марий Эл, общественное сознание, марийцы, марийскоязычные СМИ, телевидение, радио.*

Целью статьи является обобщение результатов социологического исследования «Языковая ситуация в Республике Марий Эл», проведенного отделом социологии МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева в 2012 году.

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-18032.*

Марийскоязычные СМИ (теле- и радиопередачи) являются объектом внимания, прежде всего, марийского населения Республики Марий Эл (далее – РМЭ); они в максимальной мере позволяют реализовывать этнокультурные потребности марийцев, а также открывают широкие возможности для их этнической самоидентификации. В целом, наименее индифферентной частью населения республики в плане обращенности к передачам на марийском языке являются городские жители, молодежь и немарийская часть населения.

Источниками марийскоязычных телепередач в РМЭ являются две телевещательные компании: ГТРК «Марий Эл» (каналы «Россия-1» и «Регион 12» (программа Марий Эл ТВ на канале «РЕН ТВ»). В целом, наибольшее число зрителей этих передач (53,2 %) – у канала Россия-1 (регулярно смотрят его 24,1 %, нерегулярно – 13,1 %, смотрят редко – 16 %), а наименьшее (33,5 %) – у канала «Культура». Несмотря на то, что оба канала являются общедоступными на всей территории РМЭ, к одному из них, а именно, к каналу «Культура», респонденты проявляют минимальный интерес, не смотрят его передачи 67,3 % опрошенных. Также у значительной части населения отсутствует интерес к марийскоязычным передачам на «РЕН ТВ» (62,8 %). Такая ситуация вызвана в определенной мере тем, что на канале «Культура» мало региональных передач, кроме того, они, в основном, представлены в сетке выходных дней, а вещание на «РЕН ТВ» ограниченное, локализированное (Йошкар-Ола и прилегающие к ней районы). Указанные факторы нельзя не учитывать и при анализе ответов респондентов-мари.

В целом же, отношение марийского населения к телепередачам на марийском языке заметно отличается от общей картины, например, на канале «Россия-1» смотрит их (регулярно, нерегулярно, редко) значительное большинство опрошенных (84,1 %), при этом регулярно смотрит их примерно половина респондентов-мари (46,2 %) (Табл. 1). Не смотрят общедоступный телеканал «Россия-1» 14,1 % опрошенных марийцев.

Таблица 1

Отношение населения РМЭ к телепередачам на марийском языке на канале «Россия-1»
в зависимости от национальной принадлежности респондентов (в % от опрошенных)

Националь-ность	Смотрю регулярно	Смотрю нерегулярно	Смотрю редко	Не смотрю	Не ответили
Русские	7,4	5,2	14,3	72,7	0,4
Марийцы	46,2	21,6	16,3	14,1	1,8
Татары	5,8	10,1	17,4	66,7	0,0
Другие	6,1	18,4	30,6	36,7	8,2

Передачи на канале «Россия-1» вызывают наибольший интерес у сельских мари (Табл. 2): в той или иной мере (регулярно, нерегулярно, редко) смотрят их 86,3 % опрошенных, регулярно – 57,2 % (среди горожан регулярно смотрят только 31,5 %). Сельские мари в значительном своем большинстве не смотрят марийскоязычные телепередачи на канале «Культура» и «РЕН ТВ»

(соответственно 56,2 % и 56,9 %), такая же позиция по отношению к ним примерно у половины жителей поселков (соответственно 48,2 % и 42,4 %). Горожане свои предпочтения отдают «России-1» и «РЕН ТВ»: если передачи на этих каналах не смотрит примерно пятая часть опрошенных мари (соответственно 17,3 % и 19 %), то на канале «Культура» – более трети (36,2 %).

Таблица 2

Отношение марийцев к телепередачам на марийском языке
в зависимости от места жительства (в % от опрошенных)

Каналы вещания	Место жительства	Смотрю регулярно	Смотрю нерегулярно	Смотрю редко	Не смотрю	Не ответили
«Россия-1» (ГТРК «Марий Эл»)	Город	31,5	31,0	18,5	17,3	1,7
	Поселки	36,5	28,2	17,6	15,3	2,4
	Село	57,2	14,4	14,7	12,0	1,7
«Культура» (ГТРК «Марий Эл»)	Город	17,3	27,4	16,1	36,2	3,0
	Поселки	15,3	20,0	14,1	48,2	2,4
	Село	9,7	9,0	19,4	56,2	5,7
«РЕН ТВ» (Регион 12 – Марий Эл ТВ)	Город	32,7	30,4	17,3	19,0	0,6
	Поселки	16,5	18,8	20,0	42,4	2,3
	Село	13,0	7,0	17,1	56,9	6,0

Примерно три четверти опрошенных марийцев выражают беспокойство по поводу степени представленности их этнического языка на телевидении: 51,6 % считают, что марийских передач явно мало, они уверены в том, что следует увеличить их количество; кроме того, 22,1 % респондентов-мари дали ответ «пожалуй, маловато». На недостаточность телепередач на марийском языке в большей степени сетуют сельские мари. «Явно их недостаточно, следует увеличить количество передач» и «Пожалуй, маловато» ответили 58,3% горожан, 71,8 % жителей поселков и 82,9 % селян (Табл. 3). 64,2 % сельских мари выступают за увеличение таких передач.

Таблица 3

Ответы марийцев на вопрос «Как вы думаете, достаточно ли передач на марийском языке на телевидении?»
в зависимости от места жительства (в % от опрошенных)

Варианты ответов	В целом	В том числе		
		Город	Поселки	Село
Явно не достаточно, следует увеличить количество передач	51,6	34,5	41,2	64,2
Пожалуй, маловато	22,1	23,8	30,6	18,7
Достаточно	13,0	22,6	16,5	6,7
Излишне	0	0	0	0
Затрудняюсь ответить	12,3	17,3	11,7	9,7
Не ответили	0,9	1,8	0	0,7

Анализ отношения марийцев к телепередачам на марийском языке на канале «Россия-1» показывает, что наибольшую часть регулярных зрителей марийскоязычных передач составляет наименее образованная часть общества – респонденты с неполным средним образованием (63,4 %); среди лиц со средним и средним специальным образованием таковых примерно 44 %; среди марийцев с высшим и незаконченным высшим образованием – 37,3 %, то есть примерно на 26 % меньше, чем среди самой малообразованной группы опрошенных. Такая тенденция подтверждается и по отношению к передачам «РЕН ТВ», которые регулярно смотрят больше всего марийцы с неполным средним образованием (60,2 %), среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием таковых в 2 раза меньше (30,1 %).

Среди марийцев в возрастной группе 60 лет и выше телепередачи на марийском языке на канале «Россия -1» смотрят: регулярно – 70,3 %, нерегулярно – 11 %, редко – 7,7 %. В молодежной среде кардинально иная ситуация: среди респондентов в возрасте 15–19 лет регулярно смотрит их всего лишь четверть опрошенных, немного таковых (28,4 %) и в возрастной группе 20–29 лет. Надо полагать, что молодежная среда и наиболее образованная часть этнического сообщества предпочитает получать информацию из других источников, в частности, из интернета.

Радиопередачи на своем этническом языке регулярно слушают 36,1 % марийцев, нерегулярно слушают – 20,5 %, редко – 18,7 % (Табл. 4).

Таблица 4

Отношение населения РМЭ к радиопередачам на марийском языке
в зависимости от национальной принадлежности респондентов
(в % от опрошенных)

Националь-ность	Слушаю регулярно	Слушаю нерегулярно	Слушаю редко	Не слушаю	Не ответили
Русские	2,8	4,2	10,2	79,3	3,4
Марийцы	36,1	20,5	18,7	21,6	3,3
Татары	2,9	4,3	17,4	75,4	0,0
Другие	2,0	0,0	12,2	73,5	10,2

Относительно места жительства, возраста, образовательного уровня респондентов, выражавших свое отношение к марийскоязычным передачам на радио, прослеживается такая же тенденция, как и по отношению к телепередачам: наибольший интерес к ним проявляют сельские жители и почти 40 % горожан-мари не слушают радиопередачи на своем этническом языке (Табл. 5); регулярно слушают их люди в возрасте 60 лет и старше (почти половина опрошенных), более четверти молодых респондентов в возрасте 15–19 лет не слушают их вообще (Табл. 6).

Таблица 5

Отношение марийцев к радиопередачам на марийском языке
в зависимости от места жительства (в % от опрошенных)

Место жительства	Слушаю регулярно	Слушаю нерегулярно	Слушаю редко	Не слушаю	Не ответили
Город	16,1	20,8	22,0	39,3	1,8
Поселки	35,3	14,1	22,4	24,7	3,5
Село	47,5	22,1	15,7	10,7	4,0

Таблица 6

Отношение марийцев к радиопередачам на марийском языке
в зависимости от возраста (в % от опрошенных)

Варианты ответа	15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Слушаю регулярно	22,2	23,6	32,7	41,5	45,6	49,5
Слушаю нерегулярно	20,6	22,6	20,8	20,3	20,6	17,6
Слушаю редко	27,0	27,4	11,9	17,1	11,8	17,6
Не слушаю	25,4	25,5	32,6	18,7	17,6	8,8
Не ответили	4,8	0,9	2,0	2,4	4,4	6,5

Марийцев, считающих недостаточным объем марийскоязычной части радиоэфира, почти в 2 раза меньше, по сравнению с респондентами с аналогичным мнением относительно телепередач (соответственно 22,5 % и 51,6 %) (Табл. 7). 22,5 % опрошенных марийцев выбрали некатегоричный ответ «Пожалуй, маловато». Респондентов-мари, считающих, что таких передач достаточно, примерно столько же, сколько с таким мнением респондентов русской и татарской национальностей, – примерно треть опрошенных.

Таблица 7

Ответы марийцев на вопрос «Как вы думаете, достаточно ли передач на марийском языке на радио?»
в зависимости от места жительства (в % от опрошенных)

Варианты ответов	В целом	В том числе		
		Город	Поселки	Село
Явно недостаточно, следует увеличить количество передач	22,5	18,5	24,7	24,1
Пожалуй, маловато	22,5	18,5	18,8	25,8
Достаточно	31,7	26,2	32,9	34,4
Излишне	1,4	0,6	0	2,3
Затрудняюсь ответить	20,3	33,9	23,6	11,7
Не ответили	1,6	2,3	0	1,7

Наибольшую обеспокоенность по поводу судьбы марийского языка в радиоэфире выражает сельское марийское население (Табл. 7): почти половина респондентов из села ответили, что передач «явно недостаточно» и «пожалуй, маловато» (в городе такой ответ получен от 37 % опрошенных). Каждый четвертый респондент-мари считает, что надо увеличить количество марийскоязычных передач, что значительно уступает ответам по телепередачам (64,2 %).

Результаты исследования позволяют утверждать, что радиопередачи на марийском языке, как и радиосвязь в традиционном формате, на современном этапе теряют свою былую востребованность как источник информации. Примерно пятая часть марийского населения (21,6 %) вообще не слушает радиопередачи на родном (этническом) языке.

Итак, анализ результатов социологического исследования позволяет следующим образом характеризовать отношение марийского социума к марийскоязычным СМИ и уровень его этнической идентичности по языку в начале 2010-х годов: в марийской среде есть здоровая тяга к поддержанию коммуникативного статуса родного (этнического) языка, о чем свидетельствует значительное число респондентов, считающих недостаточным и «маловатым» присутствие марийского языка в региональном теле- и радиоэфире; радиопередачи на марийском языке, по сравнению с телепередачами, менее востребованы в современном обществе; можно говорить о присутствии в марийском сообществе РМЭ отчетливо выраженной тенденции этноязыковой индифферентности на массово не популярных телеканалах и на радио; наиболее «уязвимой» частью марийского населения в плане обращенности к передачам на марийском языке являются городские жители и молодежь.

Г.Е. Шкалина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ КАК РАЗВИТИЕ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена современному осмыслению культурного наследия финно-угорских народов. В условиях размывания этнических факторов, ассимиляции, аккультурации жизненно важным является решение проблемы проектируемости для возрождения этноэкологических, этноэтических, этнополитических традиций народов уральской семьи. В статье приводятся примеры природосообразных практик финно-угорских народов, что гармонично вписывается в философию современного экоцентризма, культурного разнообразия, диалога и полилога культур.

Ключевые слова: *культурное наследие, финно-угорские народы, этноэкологические проекты, природоссобразные практики, экоцентризм, экологическое сознание, диалог культур, полилог культур, этнофутуризм.*

Современное общество возникает на основе трансформации, перемены самого «кода цивилизации». Изменения затрагивают не только сферу экономики и техники, но и системы ценностей, социальной коммуникации и информации.

В современных социокультурных трансформациях в числе многочисленных разновекторных процессов сталкиваются глобализация и регионализация. Обострение культурного, этнического, конфессионального самосознания является ответом на унификаторские тенденции глобализации. Одной из форм позиционирования и репрезентации регионализма в социокультурном пространстве становится возрождение этноэкологических, этноэтических, этнополитических традиций. К сожалению, в Российской Федерации существует проблема ограничения культурного потенциала финно-угорских народов. В условиях размывания этнических границ процессами глобализации, ассимиляции, аккультурации оптимизируются формы поддержания традиционной этнической культуры, что придаёт ей сугубо закостенелый музейный статус, тогда как выводы ЮНЕСКО на основе исследований геокультурного пространства Земли очень обнадёживающие: а) все культуры самобытны и самоценны; б) различия между культурами имеют непреходящую природу; в) стирание различий между культурами не может быть признано критерием и направлением развития мировой культуры.

Применительно к заявленной теме возникает необходимость выработки методологии, применимой к сохранению культурного наследия финно-угорских народов, развитию их адаптационных способностей к новым условиям и вызовам. В связи с этим жизненно важным является решение проблемы проектируемости для возрождения этноэкологических, этноэтических, этнополитических традиций, формирования высококачественной многоуровневой культурной среды. Развитие проектных технологий обусловливает стремление сохранить природный и культурный генофонд как бесценное наследие. Ключом в проектировании обновлённой культурной среды является определение её основных универсальных точек, природосообразных практик народов уральской семьи, которые пронизывают все уровни этнонационального пространства. Одной из таких отправных точек является ***экоцентризм***, признающий многообразие адаптационных стратегий в освоении различных уровней, форм, качеств, свойств природы.

Термин *экоцентризм* (от греческого: oikos – дом) сегодня в науке используется для определения природоцентрической – в противовес человекоцентрической – системы ценностей. Экоцентрическое мировоззрение базируется на убеждении, что в сравнении с важной частью природы – человечеством, вся экосфера безусловно важнее: она сложнее, интегрированнее, прекраснее, загадочнее и старше исторического времени. Экоцентризм противостоит *техноцентризму*, ценности которого связаны с техникой. Экоцентристы рассматривают людей как подчиненных природе, а не контролирующих ее. Они полагают, что мир природы следует уважать за происходящие в нем процессы и его дары, и самообеспечение человека – более верный путь, чем технологический контроль [3].

В данном контексте примечательным является вывод французского структуралиста К. Леви-Стросса о том, что народы мира делятся на две большие группы. Одна группа людей все свои жизненные установки направляет на изобретения, новые открытия, завоевание чужих территорий, на «технический прогресс»; другая же считает смыслом своей жизни сохранение изначальных

способов установления связи с природой, окружающим миром. В стратегии межкультурных связей следование ложной посылке однонаправленности прогресса ведет, по К. Леви-Строссу, к насаждению, порой насильственному, так называемого западного образа жизни, результатом чего является разрушение существующих у второй группы народов их вековых традиций [1].

Трагические коллизии XXI века, его агония проанализированы в научно-исследовательской программе Римского Клуба, международной неправительственной организации, созданной в 1968 г. А. Печчеи и А. Кингом. Содержание докладов Римского клуба очень близко всем финно-угорским народам. Мы понимаем, что интерес к проблематике биологического разнообразия является реакцией людей на потерю связи с окружающей средой, на отгораживание мира человека от мира природы и на фактическое противопоставление общества и природы. Это – реакция на экологический кризис, обусловленный последствиями разрушения природы и осознанием очевидных долговременных вредных последствий техногенной цивилизации. Исследования Римского клуба (Д. Медоуз и др.) разрушили миф о безграничности природных ресурсов и их «естественной» предназначенности для удовлетворения утилитарных потребностей человека. Стало понятным, что надо искать другие формы обустройства социальной жизни, не уничтожающие природу, что главным источником экологической напряженности является сам человек, уклад его общественной жизни, что для решения экологических проблем (т.е. проблем самого человека) времени или уже нет, или его осталось очень мало [2].

Однако значительная часть современного российского истеблишмента, финансового и экономического менеджмента убеждена в том, что в период экономического, структурного социального и духовного кризиса обсуждать экологические проблемы не актуально. Тем не менее, сегодня не надо быть учёным, чтобы признать, как слишком быстро мы расходуем ресурсы Земли и производим слишком много отходов. Истощаются недра, чрезмерно эксплуатируются леса, пастбища и пахотные земли, недопустимо загрязняется окружающая среда, сокращается видовое разнообразие животного и растительного мира. Повсеместно отмечается рост врожденных уродств, аллергических и онкологических заболеваний, других негативных явлений, что указывает на исчерпание присущих человеку компенсаторно-адаптационных возможностей, противостоящих изменениям окружающей среды. В результате развития этих процессов произошли такие изменения, которые обусловили превращение антропогенного фактора в решающий фактор не только регионального, но и глобального масштаба. В целом, можно говорить об угрожающих последствиях неограниченного антропогенного воздействия на биосферу планеты и на тесную связь экологических, экономических, социальных, нравственных проблем.

Объективные реалии свидетельствуют о том, что в настоящее время практически во всех сферах деятельности человека в его сознании прочно утвердилось представление о «человеческой исключительности» и освобождённности его от подчинения экологическим закономерностям. Поведение людей по отношению к окружающей среде, основанное на парадигме

«человеческой исключительности», и есть одна из главных причин экологического кризиса на нашей планете. Насилие над природой стало средством достижения материального благополучия, что ведет к тому, что человек и сам всё более погружается в небытие. Не способный к взлёту высокой духовности, он утрачивает жизненную перспективу и теряет будущее. Он живёт в сожалении о прошлом и в мечтах о земном рае, но не понимает и не воспринимает настоящего. Человек XXI века стремится воскресить в себе то естественное, архаическое отношение к природе, когда мир воспринимался во всей первозданной чистоте, в каждом мгновении как мощный, но и ранимый, опасный, но и спасающий, живой и чувствительный организм. Вот почему для человека «быть» сегодня – это значит, преодолеть кризис экологический (мировоззренческий), связанный с пониманием природы.

Общественно-экологическое сознание существовало всегда, на всех этапах исторического развития человечества. Именно сложившийся тип экологического сознания определял поведение людей при их взаимодействии с миром природы. Каждая этническая культура развивала свои собственные техники для согласования жизни общества с природным порядком. К примеру, народ мари во все времена отличало отношение к природе как к живому партнёру: *«Глухой лес – отец мой, зеленый луг – мать моя, голубое небо, яркая зарница – любимые мои друзья»*. Природа для народа мари исстари имеет статус совершенного и непогрешимого сакрально и культурно организованного пространства. Жизнь человека с таким миропониманием пронизана этноэтическим принципом: *как я сегодня отношусь к природе, так завтра буду жить я, а также моя семья, мой народ, моя страна*. Человек в структуре такой вселенной активно включается в деятельность по обеспечению своего успешного существования, пытаясь предотвратить нечаянное нарушение космического порядка. Именно на такую поведенческую модель ориентируют человека народные праздники, обряды, обычаи. В современном компьютерном обществе такое поведение наглядно демонстрирует то, что в атмосфере ужесточающихся глобализационных процессов самоценной реальностью становится этничность, что устаревший и уходящий в историю образ человеческого существования обретает новую жизнь в актуализированных ценностях этнической культуры, что ревитализация глубинных пластов этнической культуры осознается как важный ресурс жизнеспособности общества как в настоящем геокультурном пространстве, так и в будущем мироразвитии.

Самопроявление и самовыражение финно-угорских народов – это стремление утвердить право быть сегодня (*сей-час*) и продолжаться завтра в своем образе жизни как цивилизационный феномен. Сохранившаяся система сельских поселений, традиционный уклад и культура коренного населения, благоприятная экологическая обстановка делают многие финно-угорские регионы России привлекательными для развития сельского туризма и таких его направлений, как эко- и агротуризм. Современные технологии в сочетании с индустрией туризма, поддержкой народных промыслов и традиционных производств могут стать основой таких форм инновационного развития села, которые будут, кроме всего прочего, способствовать сохранению нематериального культурного наследия финно-угорских народов и его

актуализации в глобальном контексте. Следовательно, в настоящее время финно-угорские народы имеют большое количество внутренних предпосылок для проектирования своей национальной культуры.

Большинство проблем наших народов связано с отдалением от собственной природы, господством форм постколониального мышления, до сих пор воспроизводимых в регионалистике. Тем не менее, в области национального искусства заметны высокие точки, видны перспективы для экологического воспитания и формирования адаптационных и развивающих способностей. Особо нужно отметить явление этнофутуризма в финно-угорском искусстве, понимаемое как проектно-ориентированный союз этнической идентичности, современного искусства и социокультурного авангарда.

Современное финно-угорское культурное сообщество осознает необходимость поиска новых возможностей – выразительных, технических, организационных, социальных. Наиболее радикальным изменениям в последнее десятилетие подверглись визуальные искусства, первыми освоившие виртуальное пространство и технологические достижения, предложившие миру новые, невиданные доселе формы творческой реализации. Интернет вторгся в сферу театра, создав, например, возможность непосредственного, хотя и виртуального, онлайнового присутствия при реализации новых форм театрального действа. Музеи выставляют во всемирную паутину свои виртуальные экспозиции, безмерно расширяя тем самым круг посетителей. Работа образовательных учреждений и библиотек также претерпела радикальные изменения благодаря внедрению новых информационных технологий. Радикальные изменения глобального контекста повлекли за собой радикальную перестройку всей системы функционирования культуры. Тем не менее, мировая практика не знает государств, отказывающихся от поддержки культуры. В области культурной политики в развитых странах мира можно зафиксировать следующие ключевые тенденции:

– переосмысление границ сферы культуры как объекта культурной политики;

– включение в сферу государственной культурной политики негосударственных коммерческих и некоммерческих организаций, общественных объединений и т. д. Распространение английской модели «вытянутой руки», предполагающей делегирование полномочий по распределению бюджетных средств независимым организациям;

– развитие систем оценки социального вклада и эффективности учреждений и организаций культуры, в частности – индикаторов для оценки использования государственного финансирования и критериев для его предоставления;

– переход в работе с культурным наследием от собственно «охранительных» тенденций к максимизации доступа к нему и оптимизации его использования в целях развития экономики и социальной сферы; внедрение комплекса мер по актуализации нематериального культурного наследия;

– политическое акцентирование создания условий для развития творческих способностей личности, понимание культуры как средства

укрепления социальной сплоченности общества и преодоления различных разрывов – поколенческих, пространственных, собственно культурных и др.;

– повышение роли и участия творческих профессионалов в формировании культурной политики и стратегий бюджетного финансирования сферы культуры, формирование широкой общественной дискуссии по вопросам определения текущих и стратегических приоритетов культурной политики;

– использование культуры как инструмента экономического развития (творческие отрасли экономики, имиджевые и образовательные проекты), а также достижения социального согласия (использование идей культурного разнообразия, диалога и полилога культур).

Финно-угорское культурное сообщество в своей проектной деятельности должно ориентироваться на более полное, расширенное, антропологическое понимание культуры, включающее широчайшую сферу стилей жизни и способов совместного существования людей, творческой деятельности и формирования системы ценностей, норм, мировоззрения и идентичности. Такое понимание культуры превосходит представление о том, что культурная политика ограничивается сохранением культурного наследия и туризмом. Самые последние европейские политические тенденции в области культуры, инноваций сплоченности признают вклад культуры и творческих секторов:

– культура рассматривается как инструмент содействия межкультурному диалогу, творчеству и международным отношениям;

– предлагается более широкий подход к инновациям, в том числе инвестирование в дизайн и творческие отрасли;

– культура идентифицируется как фактор привлекательности в городах и регионах, а творческие отрасли считаются самыми лучшими для того, чтобы обеспечить связь между творчеством и инновациями.

Таким образом, культурное наследие финно-угорских народов – это не музейный экспонат, а основа для будущего развёртывания этноэкологических проектных технологий. Культурная политика государства применительно к финно-угорским регионам должна включать элементы гармоничного жизнеустроения в природе, экологического сознания, гуманитарной социальной практики, создания социальных условий для возрождения духовного потенциала народа, самореализации человека в его родовой сущности. Государство как субъект права несет юридические и моральные обязанности перед прошлым, настоящим и будущим за сохранение и развитие культурного наследия всех народов, проживающих на его территории.

Литература

1. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / пер. с фр. *Вяч. Вс. Иванова*. М., Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

2. *Пестель Э.* За пределами роста. М.: Прогресс, 1988. 270 с.

3. *Шкалина Г.Е.* Проблема экоцентризма в традиционном народном мировоззрении // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности: сб. ст. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2015. С. 469–472.

О.Н. Яковлева
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

МИСТИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПИХАМПАРА В СЛОВЕСНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Статья посвящена рассмотрению семантики, фольклорной и литературной трансформации образа Пихамбара, идущего из мифологии древних тюрков.

Ключевые слова: *литература тюркских народов, мифопоэтика, мистико-мифологические образы, образ Пихампара.*

Мистико-мифологические образы животных имеют широкое распространение в словесном творчестве тюркских народов. В книге «Национальные образы мира. Общие вопросы» Г.Д. Гачев отмечает: «Национальное своеобразные образы (символы) мира отражают особенности идиоэтнического мировосприятия, они обусловлены психологией народа, его образом жизни, природными условиями проживания, многовековыми национальными традициями» [2, с. 223]. На основе таких образов в ходе коллективного творчества создавались сказания, легенды, которые, в свою очередь, способствовали рождению индивидуально-художественного опыта, связанного с мифологическими образами.

Одной из древних легенд мировой культуры является миф о странствиях тотемного первопредка – ВОЛКА. Предания о волчице-прародительнице и волке-предке имеют глубокие исторические корни. Н.Я. Бичурин в книге «Собрание сведений о народах», ссылаясь на китайскую летопись VII века, сообщает, что тюрки-тугю произошли от волчицы: однажды враги истребили целое племя, в живых остался только десятилетний мальчик. Ратники, видя его малолетство, пожалели его и не стали убивать, отрубили ему конечности и бросили в травянистое озеро. Волчица стала кормить его мясом, родила от него десять сыновей, которые впоследствии обзавелись семьями и каждый из них образовал свой особый род. В их числе был Ашина, человек с выдающимися способностями, призванный быть государем. Над воротами своего местопребывания он выставил знамя с волчьей головой – как знак своего происхождения. Постепенно его род разросся до нескольких сот семейств [2, с. 185–186; 9]. Таким образом, для древних тюрков важным аспектом национального миросозерцания становится символика животных [7, с. 363], в данном случае – волчья голова.

По мнению Л.Н. Гумилева, слово «Ашина» значило «волк». По-тюркски волк – *бури* или *каскыр* (кашкăр – *О.Я.)*. «Ашина» – «благородный волк». Китайские авторы считают понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами, видимо, опираясь на воззрения самих тюркских ханов [4; 13]. Тотемное животное «благородный волк» со временем приобретает сверхъестественное значение – приближенный к Богу и Духам, несущий добро – *Пихампар*, который в чувашских народных поверьях наделялся даром всеведения. В данной статье мы проанализируем образ белого волка Пихампара в тюркской языковой картине мира.

В словаре Н.И. Ашмарина сохранилось наиболее полное толкование образа Пихампара. Пихампар (*Пиханпар)* – это название духа, раздающего людям добрые качества и сообщающего йомзям (шаманам) пророческие видения, покровителя домашнего скота, охраняющего его от хищных зверей: «П. кашкăрсен пуçлăхĕ (князь, вождь волков) белый волк» [1, с. 252].

Волки – это собаки Пихампара, которые слушаются только его. Поэтому чуваш, увидевший волка на дороге или около стада, молит его о спасении*: «Пихампар, йыттуна чар!»* («Пихампар, удержи свою собаку»). Пихампар – персонаж из разряда *Турă*, хотя по отношению к нему можно встретить термины «дух», «пророк», «ангел», «хранитель».

Во многих исторических легендах чувашских писателей отражается вера в Бога Пихампара: *«Нимех те мар, Натюш... Сехмет хăрушă та, Пихампар ырă, теççĕ. Инкек пире çакланмасăрах иртĕ»* [12. Здесь и далее, кроме особо оговоренных мест, перевод на русский язык наш. – *О.Я.*] («Ничего, Натюш… Говорят, страшен Сехмет, да добр Пихампар. Обойдет нас ненастье стороной»; *«Али те тӳпенелле пăхрĕ те: «Вăй пар, Пихампар!» — терĕ ăшра»* [10] («Обратив взоры к небу, Али тоже взмолился: «Дай силу, Пихампар!»); *«Эсĕ-и ку, хĕрĕм? И-и, Пихампар, сыхла мана усал-тĕселтен. Укаслу леш тĕнчерен таврăнчĕ!»* [11] («Это ты, дочка? И-и, Пихампар, убреги меня от всякой нечисти. Вернулась Укаслу из мира мертвых»).

Можно сделать вывод, что в чувашских народных поверьях Пихампар – всевидящий помощник Бога, но в то же время он ликантроп, превращающийся в белого волка, который указывает путь заблудившимся путникам: *«Инçех те мар кашкăр ларать иккен. Хăй – тĕлĕнмелле! – хĕллехи мулкач пек шап-шурă. <…> кашаман ларнă тĕле çитрĕ те самаях такăр сукмака асăрхарĕ.... Ара, çул кăтартать мар-и ку?* [5, с. 83]. («Невдалеке, оказывается, сидит волк. Сам, что удивительно, подобен зимнему зайцу, весь белый-пребелый. <…> дойдя до места, где сидел волк, он увидел тропу… Так, не дорогу ли он нам указывает?»).

В чувашской мифологии Пихампар помогает только тем людям, которые ведут праведную жизнь, живут в гармонии с природой: *«Çапла тĕрĕс пурăнакан çынна санăн ырă пулăшуçу — шурă кашкăр ялан пулăшса, çул кăтартса пытăр»* [5; 10] («Тем, кто ведет праведную жизнь, пусть твой добрый покровитель – белый волк – помогает и направляет всегда»).

Согласно старинному чувашскому обряду, при основании деревни, дома и в других начинаниях первым делом поклонялись своим покровителям: *«Эй, Аслă Турă! Эй, Кĕпе, Пихампар, Пӳлех, Хăрпан! Сире хисеплесе çак ушкăнпа чӳк тăватпăр паян. Мĕнпур кил-йышăмпа, мĕнпур çурт лартакан йышăмпа, мĕнпур выльăх-чĕрлĕхĕмпе, хуран пăттипе асăнатпăр сире. Вăй парăр, ăнăçу парăр пире çĕнĕ кермен туса лартмашкăн. Манăн мар, пĕтĕм чăвашăн чапĕ пултăр вăл. Тунă кĕллĕм кĕлле кĕтĕр, тунă кĕллĕм шута кĕтĕр»* [10] («Эй, Всемогущий Бог! Эй, Кепе, Пихампар, Пюлех, Хорпан! Мы сегодня всем народом в вашу честь совершаем жертвоприношение. Со всеми домочадцами, со всеми пришедшими помочь нам в поднятии дома, вместе со всей живностью мы обращаемся к вам с поминальной кашей. Дайте нам силу, удачу в поднятии нового дворца (замка). Пусть это будет не в мою честь, а для блага всего чувашского народа. Пусть молитва войдет в силу, пусть она исполнится»). По другой легенде, при

основании деревни зарывали волка, а у волжских булгар был обычай закапывания черепа волка под различные строения.

Есть и такая древняя легенда, в которой говорится о том, что когда-то татарский народ, кочевавший по горам и лесам, заблудился, попал в окружение врагов и был обречен на гибель. От гибели их спас белый волк, который вывел их из лесов и гор лишь ему известными тропами. Старинная башкирская легенда гласит, что в голодные годы волки бегают по полям целыми стаями; в стае двенадцать волков, а тринадцатый с ними – белый. Двенадцать – серые, тонконогие, с поджатыми хвостами, а тринадцатый – на крепких и гибких ногах, и хвост у него пушист и толст, как метла. Белый волк, как атаман, водит по деревням серых волков и точно указывает им, где плохо прикрыты сараи, хлева, где жмутся от зимней стужи овцы, где коровы, где лошади и т.д. По чувашским народным обычаям, животного, задушенного волками или собаками – как отмеченного (назначенного в качестве жертвы) самим Пихампаром, народ никогда не употреблял в пищу.

В славянской культуре вождём и владыкой волков является св. Юрий (Егорий). Он собирал их вокруг себя и каждому определял, где и чем кормиться. Среди крестьян существовало поверье, что волк не задавит ни одной твари без божьего соизволения, что на Юрьев день Егорий Храбрый разъезжает по лесам на белом коне и раздает волкам наказы, кому и чем кормиться. Об этом свидетельствует легенда о путнике, который спас «обреченную» овцу от волка и, заблудившись, попал к самому Егорию Храброму. Егорий отчитал крестьянина за то, что он оставил одного волка голодным и повелел вернуть добычу, обещав взамен указать дорогу из темного леса [8]. Как убеждают нас народные верования, «кровавая» обреченная жертва никогда не уйдет от зубов волка и собак.

«Вся жизненная философия чувашского народа продиктована его стремлением придерживаться определенного порядка, созданного многими поколениями предков и самой природой» [6, с. 136]. Любое нарушение принятого миропорядка ведет к разрушению, и, в первую очередь, разрушению самого человека, его внутреннего духовного мира.

Таким образом, в вышеприведенных мифах тюркских народов (чуваш, башкир, татар) волку отводится особая роль: вначале его образ фигурирует как образ прародителя, а потом как покровителя – *Пихампара*. Интересен тот факт, что, пройдя через разные вехи цивилизации, этот образ не теряет святости тотемного животного.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 9. Чебоксары, 1999. 616 с.
2. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Общие вопросы. М.: Совет. писатель, 1988. 448 с.
3. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах. Собрание сведений о народах, обитавших в Срединной Азии в древние времена. Чебоксары, 1960. 656 с.
4. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. Глава II. Предки // URL: http://kitap.net.ru/gumilev/dt02.php (дата обращения: 10.01.2016).
5. *Максимов Н.* Шурă акăш çулĕ // Тăван Атăл. 2009. 12-мĕш № .

6. *Мышкина А.Ф.* О некоторых фольклорно-мифологических и религиозно-мистических особенностях сознания чувашского народа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3. С. 135–137.

7. *Мышкина А.Ф.* Отражение национальных традиций в художественно философской прозе // Вестник Чувашского университета. 2006. № 1. С. 358–364.

8. Славянская культура. Культ волка // URL: http://slavyanskaya-kultura.ru/slavic/gods/kult-volka.html (дат обращения: 15.09.2016).

9. *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказкой Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959 // URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/K_Trever_Kawk_Albanija.pdf (дата обращения: 17.04.2016).

10. http://www.chuvash.org/w/lib/haylav/pay/5823.2.html (дата обращения: 17.04.2016).

11. http://www.chuvash.org/lib/haylav/pay/7164.1.html (дата обращения: 17.04.2016).

12. http://chuvash.org/lib/haylav/pay/9289.5.html (дата обращения: 17.04.2016).

13. http://www.kulichki.com/~gumilev/articles/Article105.htm (дата обращения: 17.04.2016).

РАЗДЕЛ 4. МАРИЙСКАЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФИЛОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

З.И. Аликова
Многопрофильный лицей-интернат
(п. Руэм, Республика Марий Эл)

ПРЕПОДАВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В УСЛОВИЯХ ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена проблеме преподавания в профильной школе предметов этнокультурного компонента, в частности, марийского языка как государственного и истории, культуры народов РМЭ, выявлению роли внеурочной деятельности в изучении, сохранении и развитии языка и культуры.

Ключевые слова: *этнокультурный компонент, нестандартные уроки, учебный проект, творческий лабиринт, фольклорный фестиваль.*

В ГБОУ Республики Марий Эл «Многопрофильный лицей-интернат» создана этнокультурная образовательная среда**,** способствующая через различные формы уроков, внеурочной и внеклассной работы формированию гражданской идентичности личности, приобщению детей к этнической и общероссийской культуре.

Реализация этнокультурного компонента осуществляется через изучение марийского (государственного) языка (2 часа в неделю в 9-х классах), истории, культуры народов РМЭ (далее – ИКН) в 9–11-х классах (1 час в неделю).

Школьный предмет «Марийский (государственный) язык» способствует развитию коммуникативно-речевой компетенции и общей культуры, формированию уважения к языку. Обучаясь марийскому языку, дети другой национальности учатся не только общению, но и входят в мир иной культуры. Однако при этом они испытывают определенные трудности, поэтому необходимо создать атмосферу взаимопонимания и сотрудничества, пробудить интерес к изучению языка, создать ситуацию успеха. Для того чтобы решить данную проблему, учителя используют нестандартные формы уроков. В частности, на уроках ИКН в рамках внедрения нетрадиционных форм обучения проводятся такие уроки, как урок-диспут, урок-викторина «Знаешь ли ты?», урок-путешествие (например, «Клуб путешественников»). На таких уроках обучающиеся работают в мини-группах, выступают в роли гидов, готовят экскурсии по следующим темам: «Народные праздники», «Первые улицы города…», «Знакомьтесь, новая Йошкар-Ола», «Путешествие в картинную галерею» и т.д.

В 9-ом классе обучающиеся реализуют учебный проект «Моя малая Родина», в рамках которого знакомят одноклассников со своей малой родиной, известными личностями, народными промыслами и т.д.

В реализации этнокультурного компонента важную роль играет внеурочная деятельность, где можно максимально использовать возможности

новых и эффективных форм для изучения, сохранения и развития языка и культуры. Вот уже несколько лет в лицее проходит праздник «День знаний» в форме творческого лабиринта «Моя малая Родина». Вначале заместителем директора по учебно-воспитательной работе проводится анкетирование. Детям предлагается вопрос «Что для меня означает понятие «Моя малая Родина»?» Затем лицеисты по жеребьевке делятся на творческие группы: математиков, физиков, химиков, биологов, филологов и краеведов – им предстоит составить ментальную карту той или иной картины малой Родины, например, «Малая Родина глазами физиков и краеведов».

В первый день, разбившись на микрогруппы, лицеисты собирают материал, определяются с идеями, а на следующий день составляют ментальные карты, параллельно осваивая компьютерную программу Edraw MindMap, и готовятся к их публичному представлению. Таким образом, результатом деятельности групп становится представление ментальных карт о малой Родине.

С целью сохранения национальных традиций и привития любви к культуре разных народов ежегодно в лицее проводится районный фольклорный фестиваль «Народные традиции живут в душе моей», в котором участвуют школы Медведевского района РМЭ со своими постановками на основе фольклорного материала: «Ӱдыр сий» («Девичий пир»), «Праздник Пасхи», «Масленица» и т.д.

Приобщению детей к духовно-нравственным ценностям, развитию их творческих способностей, осознанию себя как патриота и гражданина России способствует поисково-краеведческая деятельность. Обучающиеся занимаются поиском материалов в Государственном архиве РМЭ, встречаются с интересными людьми, создают исследовательские проекты, которые представляют на площадке «Мой проект», действующей в лицее в рамках региональной инновационной площадки «Реализация механизмов метапредметности через внедрение учебного курса «Основы научно-технического творчества»». Например, проект «Во имя жизни» (о работе эвакогоспиталя № 3071 в д. Кожла-Сола Звениговского района) ученицы 9-го класса Л. Афлетуновой прошел несколько этапов: от лицейской площадки «Мой проект», республиканской конференции научно-исследовательских проектов школьников «Прошлое и настоящее Республики Марий Эл» до Всероссийского конкурса «Салют, Победа!», где занял II место.

Немаловажную роль играют: посещение детьми театров, где происходит погружение в марийский язык; музейные уроки; встречи с интересными людьми, позволяющие учащимся более эффективно усваивать учебный материал и приобщаться к культуре и истории родного края. Все это помогает мотивировать обучающихся на изучение этнокультурных предметов и прививать любовь и уважение к своему родному краю.

Литература

1. *Федорова С.Н.* Этнокультурное развитие детей. Психолого-педагогическое сопровождение. М.: Форум, 2011. 176 с.

З.А. Беляева
Кадамская ООШ (с. Кадам, Республика Марий Эл)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА НА УРОКАХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ И ВО ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЕ

В статье рассматривается проблема формирования этнической идентичности в школьном образовании на основе устного народного творчества мари, представляющего собой богатый этнокультурный и духовный источник.

Ключевые слова: *устное народное творчество, поисково-исследовательская деятельность учащихся, урок, марийский язык и литература, внеклассная работа.*

Современный образовательный процесс требует от педагогов творческого подхода в обучении и воспитании подрастающего поколения. Перед общеобразовательной организацией ставится задача формирования личности: любящей свой край и свое Отечество, уважающей свой народ, его культуру и духовные традиции; осознающей и понимающей ценности многонационального российского народа, человечества; уважающей других людей, умеющей вести конструктивный диалог, достигать взаимопонимания, сотрудничать для достижения общих результатов [1].

Современные дети вооружены компьютерами, смартфонами и другими электронными устройствами, постоянно (часто без необходимости) смотрят телепередачи, что наносит неизмеримый вред не только здоровью, но и психике ребенка. Электронные устройства часто заменяют живое общение в семье и кругу друзей. Подрастающее поколение мало интересуется историей и духовным богатством своего народа, что порождает этнический нигилизм, т.е. равнодушие к национальным культурным ценностям и моральным нормам. Это требует организации учебно-воспитательного процесса, основанного на национальных и общечеловеческих ценностях, культурных традициях народов нашей страны.

В этой связи при Кадамской общеобразовательной школе стал функционировать краеведческий музей с ежегодно пополняемым отделом «Этнография и фольклор Кадамской стороны». В нем представлен богатый фольклорный материал в виде тематически оформленных альбомов (например, «Бабушкин сундук»). Кроме того, собрано много предметов старины: орудия труда и предметы домашней утвари. Активным членом совета музея является пенсионер В.В. Иванов – «наш путеводитель», как ласково называют его дети.

Деятельность учителя марийского языка и литературы не представляется без интеграции предметов «Марийский язык» и «Марийская литература» с духовной культурой марийского народа. Безусловно, со школьной скамьи ребенок обязан знать историю, традиционную культуру и особенности хозяйственной деятельности родного народа, что должно вызывать гордость и восхищение. С этой целью в нашей школе проводится немало мероприятий как в рамках уроков, так и во внеурочное время, способствующих формированию уважительного отношения к духовному богатству народа мари и других национальностей РФ (например, ежегодное празднование Дня марийской

письменности и Дня национального героя, проведение Недели марийского языка, литературы и культуры и т.д.).

С давних пор в школе функционирует литературно-краеведческий кружок, важнейшим направлением работы которого была и остается поисково-исследовательская деятельность обучающихся в области фольклора и этнографии марийского народа. В произведениях устного народного творчества – истоки духовной культуры народа мари, его своеобразное миропонимание, а также ценностные установки о добре и зле. Результатом поисково-исследовательской деятельности учащихся стал накопленный богатый фольклорный материал, представленный в кабинете марийского языка и литературы и в отделе «Фольклор и этнография марийского народа» школьного музея. Систематизированный и классифицированный по жанрам материал активно используется на уроках и во внеурочных мероприятиях.

Учащиеся школы – постоянные участники художественной самодеятельности сельского Дома культуры, а также организаторы и участники встреч с пожилыми людьми и ветеранами войны и труда. На сцене они часто перевоплощаются в различных сказочных героев, исполняют марийские народные песни, рассказывают легенды и предания старины. В 2015-2016 учебном году учащимися было проведено мероприятие под названием «Бабушкин сундук». Накопленный фольклорный материал послужил непосредственным источником для его сценария.

В свое время в деревне Верхний Кадам учащиеся встречались с пожилой ее жительницей А.П. Беляевой и записали от нее легенды о возникновении деревень Верхний Кадам, Средний Кадам, Русский Кадам и Малый Кадам. Результаты беседы были красочно оформлены и представлены на конкурс исследовательских работ, а затем на основе услышанных от информатора легенд дети написали инсценировку и разыграли на сцене сельского Дома культуры перед родителями и пожилыми односельчанами.

В воспитании бережного отношения к окружающей природе и культуре родного народа неоценимую помощь оказывает такой фольклорный жанр, как «ойӧрӧ» (запреты). Систематическое использование запретов на уроках марийского языка и литературы способствует формированию в детях чуткого отношения к живой и неживой природе. Весь собранный ими материал такого рода классифицирован по темам: «Люби и цени природу», «Сохрани семью», «Будь здоровым», «Цени родителей» и т.д. Данный материал на уроках используется, в основном, при изучении раздела «Синтаксис», при анализе содержания художественных произведений, а обучающимися – при написании творческих работ.

В целях актуализации фольклорного материала, в частности, по запретам, нами практикуется общешкольный урок на тему «Хочешь жить – знай запреты предков!» Урок начинается со сценки, в которой пожилая женщина и учитель ведут откровенный разговор о современных детях, их проступках. Затем учащиеся, разделившись на группы, выступают с подготовленными ими докладами по собранным запретам. Детям так понравилось, что теперь они, делая замечания своим товарищам, часто используют в речи тексты запретов.

Ребята с большим желанием и интересом изучают фольклорные произведения, ежегодно обогащают школьный музей новыми материалами. Старожилы деревни охотно делятся своими знаниями, рассказывают не только местные (Кадамской стороны) легенды, народные приметы и пословицы, запреты и песни, но знакомят детей фольклорными материалами других районов республики. Следует отметить, что все это способствует активизации творческой деятельности самих ребят. Уже с 5-го класса дети сами пытаются сочинять и песни, и стихи. Такие наиболее интересные авторские работы и материалы учащихся также красочно оформляются и хранятся в специальных альбомах в классе.

Таким образом, материалы поисково-исследовательской деятельности учащихся школы не лежат мертвым грузом. Они эффективно используются на уроках, в различных мероприятиях и конкурсах. Такая работа, прежде всего, способствует формированию духовно-нравственной, всесторонне развитой личности. Родительская общественность, убежденная в важности этой работы, относится к школе с уважением и благодарностью.

Литература

1. ФГОС основного общего образования // URL: projects/413/file…приказ…1897.rtf (дата обращения: 12.10.2016).

З.А. Волкова

Верх-Ушнурская СО(Н)Ш с углублённым изучением отдельных предметов (с. Верх-Ушнур, Республика Марий Эл)

МАРИЙ ЙЫЛМЫМ ТУНЫКТЫМАШТЕ У ЙӧНЫМ КУЧЫЛТМАШ

Статья посвящена рассмотрению вопросов изучения марийского языка в условиях внедрения ФГОС нового поколения. Утверждается, что необходимым условием для успешного обучения родному марийскому языку является использование инновационных форм, методов и технологий на уроках и внеурочной деятельности.

Ключевые слова: *инновационный подход, обучение родному языку, электронный словарь, сервис проверки правописания, кружок.*

Кызытсе жапыште ФГОС почеш йоча-влакым шочмо йылме дене туныктымаштат у йӧн-влакым кучылташ тыршыман. Тидым шотыш налын, Ӱшнур школын коллективше у информационный технологийым туныктымо пашашке шындарыме амаллан кӧра «21 курымысо тунемшын ялысе школышто информаций тӱняште этнокультурный компетенцийжым виянгдымаш» теме дене проектышке ушнен. Тиде проект республик кӱкшытыштӧ инноваций площадкыште шынгдаралтеш.

Проектын цельже тыгай: йоча-влакын этнокультурный компетенцийыштым виянгдымаште ялысе национальный школышто информационно-образовательный тӱнян модельжым чонгаш. Тиде пашам шукташлан кугурак класслаште тунемше-влакым марий йылмым туныктымаште «1 тунемше: 1 компьютер» туныктымо модельым пуртымо. Тыгай модельым кучылтмашын сай могыржым ончыкташ лиеш: кажне тунемше посна ноутбук

дене пашам ышта, тушко тӱрлӧ программым шындарыме. Тидыже тунемше-влаклан келге шинчымашым налаш сай йӧным ышта. Урокышто посна тунемшат, тӱшка денат тӱрлӧ пашам ыштен кертыт, мӧнгысӧ пашамат шукташ сай. Тиде модель йоча-влакым шонаш, творчески пашам ышташ, ончыкылык илышлан шуараш полша. Кызыте марий йылме уроклаште FU-Lab финно-угор йылме-влакым информатике шотышто ворандарымым шуктышо регион-влак коклосе лабораторийын информационный ресурсшым [1] кучылтына. Школышко тиде лабораторийын пашаеҥжым, А.В. Чемышевым, ӱжмӧ. Тудо тыгай мастер-класс-влакым пуэн: «Марий клавиатур», «Марий йылме дене возыктышым тергыме программе», «Марла-рушла электрон мутер», «Марий Википедий» да молат. Нине программе-влакым марий йылме урокыштат кучылташ тыршена. Марий электрон мутерым кажне урокыштак почына. Кеч-могай творческий пашам ыштыме годым тунемше-влак палыдыме мут-влакым электрон мутерыште муыт. Тыгак нуно у электрон мутер почеш посна сӱретан мутерым ыштеныт, тудым марий йылме уроклаште мутер диктантым эртарыме годым кучылтына. Тиде сӱретан мутерым кум йылмым (марий, руш да англичан) кучылтын ыштеныт. Тидым чыла иктешлымек, проект паша дене республик кӱкшытыштӧ эртаралтше «Творчество и поиск» шанче да практик конференцийыште вийыштым тергенат да икымше верышке лектыныт.

10-шо классыште «Морфологийым» ушештарыме годым электрон мутер пеш полша. Тиддеч посна «Возыктышым тергыме программым» [2] урокын чыла ужашыштыжат кучылташ йӧнан. Кеч-могай текстым тиде программыште возымеке, йоҥылыш возымо мут вигак палемдалтеш. Тунемше-влак электрон мутер почеш йоҥылышым тӧрлат да мутын чын возалтмыжым шарнен кодыт. Творческий пашам возымеке, йоча-влак Марий Википедийышке шындарат. Тунемше- влаклан электрон ресурсым кучылтын пашам ышташ келша.

Шке паша опыт дене 2014-ше ийын март тылзыште республик кӱкшытыштӧ эртарыме семинарыште палдарыме. Тышке кандаш район гыч нылле наре туныктышо толыныт ыле. Варажым тиде ресурсым кучылтын, мастер-классым «Эн сай марий йылмым туныктышо» район да республик кӱкшытыштӧ конкурслаште ончыктымо.

Электрон ресурсым урок деч ӧрдыжысӧ пашаштат кучылташ келша. ФГОС почеш «Мут поянлык» кружок эртаралтеш. Тушто йоча-влак у орфографий мутер гыч палыдыме мут-влакым возен луктедат, электрон мутерыште значенийжым кычалыт. Тыге кажныже шканже кучылташ кӱлешан посна мутерым ышта. Сайын тунемше-влак дене марий йылме дене шинчымашым келгемдаш олимпиадылан ямдылалтме годым «Марий мутвундо» кружокын занятийлаштыжат электрон мутерлан энертена.

Тунемше-влак марий мутым возымо да кутырымо йылмыште веле огыл, возымо цифровой форматыштат кучылт кертыт. Интернет кӱкшытыштӧ шочмо йылме дене пашам ыштымаш тудым эше келгынрак тунемаш да умбакыжат арален кодаш йӧным ышта. Электрон ресурс полшымо дене шинчымашым келгемдымаш йоча-влаклан, национальный культурыштым йомдарыде, ончыкылык илышлан ямдылалташ полша.

Литератур

1. Удмуртско-русский электронный словарь // URL: http://wiki.komikyv.ru/index.php/ (дата обращения: 11.09.2016).

2. Сервис проверки правописания // URL: http://webspell.fu-lab.ru/ (дата обращения: 11.09.2016).

Т.И. Иванова

Верх-Ушнурская СО(Н)Ш с углублённым изучением отдельных предметов (с. Верх-Ушнур, Республика Марий Эл)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В РАМКАХ ФГОС

Статья посвящена проблеме формирования этнокультурных компетенций обучающихся начальной школы в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). Необходимым условием успешного обучения является способность учителя использовать инновационные формы, методы и технологии организации деятельности с младшими школьниками.

Ключевые слова: *ФГОС, начальная школа, этнокультурные компетенции, инновационный подход, универсальные учебные действия.*

ФГОС предусматривает работу школы по сохранению и развитию культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, право на изучение родного языка, возможности получения начального общего образования на родном языке, овладение духовными ценностями и культурой народов нашей страны.

Содержание этнокультурного образования в начальной школе реализуется преимущественно за счёт введения учебных курсов марийского языка, чтения на марийском языке, истории и культуры народов Марий Эл (ИКН), окружающего мира, изобразительного искусства, музыки, обеспечивающих целостное восприятие окружающего мира, а также за счет системно-деятельностного подхода и индивидуального обучения.

Известно, что образование, полученное на начальной ступени, является фундаментом всего последующего обучения. В первую очередь, это касается сформированности универсальных учебных действий (УУД), обеспечивающих умение учиться.

По согласованию с администрацией школы, родителями и педагогами начальных классов учебный процесс организован по инновационному развивающему УМК «Перспективная начальная школа». Формированию и совершенствованию компетенций обучающихся способствуют активные методы обучения, которые приводят к большей вовлечённости младших школьников в образовательный процесс. Ученик выступает в разных ролях: обучаемого, обучающего и в роли организатора учебной деятельности с помощью героев учебников Маши и Миши, помогающих изучать предмет.

Для речевого развития нужна среда, в которой происходит общение. Неудивительно, что маленький ребёнок обучается говорить на том языке, на

котором говорят с ним с раннего возраста. Исходя из этнической принадлежности, которая может быть смешанной, язык может быть родным и неродным. Язык нужен как средство общения, как инструмент познания окружающей действительности.

При изучении родного языка и чтения, ИКН Маша и Миша в интерактивной форме знакомят детей с историко-культурными особенностями родного края, с его фольклором и традициями. Так, на уроках ИКН по темам «Йошкар-Ола – столица Республики Марий Эл», «Жизнь и быт людей в городе», «Символика столицы: герб, флаг» эти герои проводят для детей виртуальную экскурсию по столице республики, во время которой, используя презентации, знакомят с достопримечательностями и символикой, а затем проводят викторину с целью проверки степени усвоения полученных знаний. Такой нетрадиционный подход к обучению повышает мотивацию школьников к учебной деятельности.

Из нашего опыта работы ясно, что положительный результат при изучении родного языка дает игровая деятельность, например, задания на развитие логического мышления, разноуровневые творческие задания. В случае, если ученик не может выполнить данное упражнение самостоятельно, на помощь приходит сосед по парте или задание выполняется в группе. При такой работе у обучающихся появляется возможность овладеть умением договариваться, слышать и слушать друг друга, распределять между собой роли.

Инновационные формы работы используются и во внеурочной деятельности при подготовке к различным конкурсам. Например, на базе Верх-Ушнурской школы впервые были проведены такие республиканские мероприятия, как конкурс «Изи мӧр пеледыш», праздник «Уярня пайрем»; в прошлом учебном году проведены акция по написанию марийского диктанта и конкурс сочинений «Шочмо верем», посвященный Дню марийской письменности.

Углублению знаний обучающихся, их умений и навыков в этнокультурном направлении способствует и регулярное их участие в республиканском конкурсе сочинений «Йӱштӧ кугызалан серыш», республиканской новогодней ёлке «Йомак тӱня», республиканских «Колумбовских чтениях», республиканском празднике «Пеледыш пайрем», а также районном конкурсе «Самырык тукым».

Итак, формированию УУД в начальной школе в рамках ФГОС активно способствуют и предметы, удовлетворяющие языковые права и этнокультурные потребности обучающихся, и этнонаправленная внеурочная деятельность. При формировании этнокультурных компетенций обучающихся важны инновационные подходы, которые максимально способствуют развитию интеллекта ребёнка, воспитанию в нем гражданина и патриота своей малой родины и России, в целом.

В.В. Константинова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ*

Статья посвящена рассмотрению проблемы подготовки будущих педагогов для осуществления педагогической деятельности в поликультурной образовательной среде. В такой среде молодой педагог наравне с общекультурными и общепрофессиональными компетенциями должен владеть этнокультурными компетенциями. Автор представляет в статье модель формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов условиях вузовской подготовки.

Ключевые слова: *компетентностная модель, будущий педагог, этнокультурная компетентность, поликультурная образовательная среда.*

В контексте новой парадигмы образования в системе подготовки педагогических кадров принято говорить о моделях. Модель (лат. modulus – мера, образец) – система объектов или знаков, воспроизводящая наиболее существенные свойства системы оригинала. В мировом образовательном процессе действуют четыре основные модели образования: традиционная, рационалистическая, гуманистическая (феноменологическая), неинституциональная [2, с. 69]. В традиционной и рационалистической моделях обучающийся является объектом педагогического воздействия. В таких моделях педагог работает «на среднего ученика» и действия направлены на формирование личности с заранее заданными свойствами, на передачу в готовом виде содержания или способов обучения. Неинституциональная модель – это образование вне школ, вузов и других социальных институтов: дистанционное обучение, обучение через книги, средства массовой информации, мультимедийные учебники, сеть Интернет и т.п. Очевидный плюс данной модели – максимальная свобода выбора обучающимся места, времени, профиля и способа обучения, возможность обучаться вне зависимости от места проживания.

М. В. Кларин считает, что «все образовательные модели можно разделить на традиционные и инновационные. В рамках традиционной механизм взаимодействия педагога с обучающимися основывается на субъект-объектном подходе. Задача педагога заключается в воспроизведении образцов знаний, деятельности, правил и алгоритмов. Инновационная модель – это субъект-субъектные взаимоотношения между учителем и учеником. В данной модели процесс обучения и воспитания строится как решение проблем и предполагает высокую самостоятельность учащихся [6].

Е.В. Бондаревская и С.В. Кульневич считают, что «в целом, можно говорить о существовании двух основных парадигм в современном образовании: формирующей (традиционной) и личностно ориентированной (гуманистической), каждой из которых присущ свой «специфический набор

* *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-16-12006.*

частных парадигм, описывающих представления о цели, содержании и процессе воспитания и обучения» [1, с. 224]. Гуманистическая, личностно ориентированная модель образования получает все большее распространение и развитие в современном мире.

В условиях полиэтнического региона в научном мире принято говорить об этнокультурном образовании. В трудах И.А. Арабова, К.Ш. Ахиярова, Г.Н. Волкова, Т.А. Пигиловой, А.Н. Яковлевой и др. этнокультурное образование представлено как целостный процесс изучения и практического овладения ценностями народной культуры, прорастающей в культуру этноса и входящей в систему мировой культуры, процесс становления, социализации, воспитания личности на этнокультурных традициях. По утверждению вышеназванных ученых, одним из результатов этнокультурного образования должна стать этнокультурная компетентность личности [4].

Этнокультурная компетентность педагогов, по мнению В.А. Шаповалова, – это «готовность к преодолению трудностей в коммуникативных и иных формах взаимодействия с представителями различных этнических общностей, а именно:

– непредвзятость позиций при оценке других людей, их национально-психологических особенностей;

– преодоление этноцентрических предубеждений;

– способность эмоционально, участливо и тактично откликаться на запросы, интересы и поступки людей других культур» [8].

Л.В. Коновалова рассматривает этнокультурную компетентность как интегративное профессионально-личностное качество профессионала и гражданина, выражающееся в следующем: наличие совокупности знаний об этнокультурной реальности; толерантные установки на общение с людьми разных национальностей; способность тактично и участливо откликаться на интересы и поступки людей иных этнических культур; готовность эффективно и творчески осуществлять профессиональную деятельность в условиях полиэтнического социума на основе межкультурного диалога; способность к адекватному выбору решений в конкретных ситуациях межэтнического взаимодействия [3].

Т.В. Поштарева считает, что этнокультурная компетентность – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующееся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию [5].

Условием формирования этнокультурной компетентности будущих выпускников психолого-педагогического и педагогического направлений подготовки является наличие и внедрение в учебно-воспитательный процесс вуза особых образовательных моделей. Одной из таких моделей может стать модель формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов средствами музейной педагогики, которая должна состоять из следующих блоков: целевой (цели, задачи, принципы), содержательный (формы, методы, средства) и оценочный (критерии, уровни, педагогические условия, результат).

Актуальность такой модели вызвана тем, что в последнее десятилетие как в научной литературе, так и на практике все чаще приходится встречать использование потенциала музеев (музейно-педагогическая деятельность) в воспитании и просвещении подрастающего поколения. Музеи хранят в своих архивах большой объем историко-культурного материала, который может быть интересен для современной молодежи.

Для реализации цели формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов средствами музейной педагогики необходимо решить следующие задачи:

– вооружение студентов этнокультурными знаниями средствами музейно-педагогической деятельности;

– формирование положительного эмоционального отношения будущих педагогов к этнокультурному материалу через учебную и воспитательную работу;

– формирование практических умений и навыков использования этнокультурных знаний в работе с обучающимися и воспитанниками поликультурной образовательной среды.

При формировании этнокультурной компетентности необходима интеграция научных знаний из различных отраслей педагогики (теории воспитания, этнопедагогики, социальной педагогики, педагогики высшей школы), философии, культурологии, социологии, музейной педагогики, социальной психологии. Как исходные в изучении вопроса использования музея как средства формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов в условиях их профессиональной подготовки можно рассматривать такие методологические принципы, как системность, культуросообразность, деятельность, интеграция, диалоговость, индивидуально-личностная ориентация личности.

Принцип системности позволяет рассматривать процесс формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов средствами музейной педагогики как целостную совокупность различных видов деятельности и элементов, находящихся в противоречивом единстве и во взаимосвязи с полиэтнической образовательной средой региона.

Принцип культуросообразности, декларирующий необходимость подготовки педагогов с учетом национальных и культурно-исторических традиций с оптимальным сочетанием общечеловеческих и национальных ценностей.

Принцип активной деятельности личности, базирующийся на позициях деятельностного подхода, предполагает рассмотрение всех изменений в личности через призму ее деятельности, акцентирует внимание исследователя на том, что не только окружающая среда формирует личность, но и личность является активным объектом познания и преобразования окружающего мира.

Основными принципами личностно-ориентированного подхода в процессе обучения в вузе, в формировании этнокультурной компетентности студентов средствами музейной педагогики являются следующие: принцип гуманистической направленности этнокультурного образования, при котором в центре педагогической деятельности находится каждый студент, его личностное

развитие и социальное становление; принцип систематичности и последовательности, реализующийся через целенаправленное и планомерное решение задач формирования этнокультурной компетентности студентов в пространстве университета; принцип субъектности, равенства в общении и партнерства будущих учителей в совместной деятельности, направленной на решение профессиональных задач, связанных с проблемами полиэтнической образовательной среды; принцип выбора, вариативности и многообразия социально и личностно значимой деятельности студентов, обеспечивающий решение задач и т.д.

Принцип интеграции образовательного и музейного контекстов предполагает использование содержания музейной педагогики в подготовке будущих педагогов.

Принцип диалоговости определяет гуманитарную природу взаимодействия взрослого и обучающихся с культурой музеев.

При организации работы по формированию этнокультурной компетентности будущих педагогов необходимо использовать теоретические и практические методы. К теоретическим методам относятся: анализ нормативных документов и научной литературы по проблеме, историко-педагогический анализ развития полиэтнической образовательной среды Республики Марий Эл с целью выявления проблем и перспектив ее развития, теоретико-методологический анализ структуры этнокультурной компетентности будущего педагога, понятийно-терминологический анализ категорий и понятий, системный анализ процесса формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов, моделирование процесса формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов средствами музейной педагогики в процессе обучения в вузе.

К эмпирическим методам могут быть отнесены: исследование и обобщение опыта и практики формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов, педагогический эксперимент по формированию этнокультурной компетентности студентов, наблюдение за динамикой развития личностных и профессиональных качеств будущих учителей, связанных с их этнокультурной компетентностью, анкетирование, тестирование, самооценка студентами уровня сформированности отдельных компонентов этнокультурной компетентности, статистические методы обработки данных.

В качестве форм организации деятельности по формированию этнокультурной компетентности будущих педагогов выступают лекции, практические занятия, экскурсии, мастер-классы, научно-практические семинары, конференции. Средствами формирования этнокультурной компетентности являются музейные экспонаты, краеведческая литература, научные статьи, монографии, архивные документы, результаты собственных исследовательских работ студентов. Для оценки результативности работы по формированию этнокультурной компетентности будущих педагогов можно использовать методики, представленные в пособии Г.У. Солдатовой «Психодиагностика толерантности личности» [7]. Реализация предложенной нами образовательной модели будет способствовать конкретизации теоретико-методологических и технолого-методических основ формирования

этнокультурной компетентности будущих педагогов; активизации работы в формате «социального партнерства» между университетом и музеями республики и города Йошкар-Олы с целью разработки проектов и мероприятий в области этнокультурного развития личности; использованию интерактивного информационно-образовательного ресурса, направленного на пропаганду возможностей музеев с целью формирования этнокультурной компетентности и толерантных установок будущих педагогов.

Литература

1. *Бондаревская Е.В., Кульневич СВ.* Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Творч. центр «Учитель», 1999. 560 с.

2. *Бордовская Н.В., Реан А.А*. Педагогика: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 304 с.

3. *Коновалова Л.В.* Формирование и развитие этнокультурной компетентности педагогов в процессе непрерывного образования: автореф. дис... докт. пед. наук. Великий Новгород, 2011. 39 с.

4. Константинова В.В., Алексеева Е.В. Музейная педагогика как средство формирования этнокультурной компетентности будущих педагогов // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. URL: http://www.science-education.ru/article/view?id=24933 (дата обращения: 13.07.2016).

5. *Поштарева Т.В.* Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде образования: автореф. дис... докт. пед. наук. Владикавказ, 2009. 40 с.

6. *Сидоров С.В.* Сайт педагога-исследователя // URL: http://si-sv.com/publ/1/osnovnye_modeli_obrazovanija/14-1-0-504 (дата обращения: 13.10.2016).

7. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокопьева Т.Ю., Кравцова О.А.* Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 172 с.

8. *Шаповалов В.В*. Высшее образование в поликультурном обществе / Ставр. гос. ун-т. Ставрополь: Изд-во, 2006. 30 с.

В.В. Константинова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ПРЕДМЕТОВ, РЕАЛИЗУЮЩИХ ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Статья посвящена рассмотрению проблемы интегрированного преподавания предметов, реализующих языковые права и этнокультурные потребности обучающихся на территории Республики Марий Эл. Автор раскрывает принципы разработки примерной программы интегративного курса, который создан на базе содержания двух самостоятельных учебных дисциплин: «Марийский (государственный) язык» и «История и культура народов Марий Эл».

Ключевые слова: *образование, гуманизация, личностно-ориентированный подход, интеграция, марийский язык, история и культура народов Марий Эл, обучающиеся*.

Введение новых Федеральных государственных образовательных стандартов начального и основного общего образования способствовало актуализации вопроса о создании интегративных курсов, в том числе и по предметам, реализующим языковые права и этнокультурные потребности обучающихся.

Вопросы интеграции предметов изучаются как в отечественной, так и зарубежной педагогической науке. В разные годы их поднимали И. Гербарт, А. Дистервег, Я.А. Коменский, Д. Локк, И.Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский. Такие современные исследователи, как А.Я. Данилюк, К.Ю. Колесина, рассматривают интеграцию как принцип дидактики. Также авторами работ по проблемам интеграции учебных предметов являются Н.С. Антонов, К.Ш. Ахияров, В.А. Волков, В.Г. Иванов, В.Н. Максимова, Д.Т. Мугалимов, М.С. Пак, И.П. Яковлев. Все ученые единодушны в признании того, что интеграция – это объединение, синтез определенных учебных дисциплин в новый самостоятельный учебный курс.

Энциклопедия профессионального образования представляет три уровня интеграционной взаимосвязи учебных дисциплин:

1-й уровень – высший уровень целостности, на котором происходит полная содержательная и процессуальная интеграция в рамках нового интегрированного предмета;

2-й уровень – уровень дидактического синтеза, на котором сохраняется каждый предмет, а интеграция осуществляется на базе одного из них; при этом интегрирующим фактором являются общие объекты изучения;

3-й уровень – уровень междисциплинарных связей, где интегрирующим фактором являются общие элементы содержания учебных дисциплин [3].

В соответствии с требованиями ФГОС НОО и ООО в части сохранения родных языков народов Российской Федерации и их культурного разнообразия в системе регионального школьного образования Республики Марий Эл преподаются: марийский язык и литература, история и культура народов Марий Эл в образовательных организациях с родным (нерусским) и с русским (неродным) языком обучения; марийский (государственный) язык, история и культура народов Марий Эл – в образовательных организациях с русским языком обучения.

На основе анализа действующих примерных программ по марийскому (государственному) языку и истории и культуре народов Марий Эл разработаны варианты примерных программ интегрированного курса. В нем нашли отражение все три уровня интеграции учебных предметов, но основную содержательную линию составляют программные темы по языку и культурно-исторический материал по истории и культуре народов Марий Эл. Программа интегрированного курса ориентирует педагогов строить процесс обучения в русле требований новых ФГОС, т.е. на формирование личностных, метапредметных и предметных результатов обучения. Содержание курса способствует формированию у обучающихся представлений о марийском языке как средстве общения в условиях поликультурной образовательной среды. Лингво-краеведческий, культурно-исторический и литературный материал

программы помогает формированию позитивного эмоционально-ценностного отношения к марийскому языку как духовному богатству марийского народа. На уроках школьники учатся общению в различных ситуациях общения, выбирая языковые средства для решения коммуникативных задач, кроме того, знакомятся с культурно-историческим материалом марийского края.

Известно, что одним из принципов интеграции учебных предметов является системный подход. Он способствует реализации содержания разных учебных предметов в их единстве, с учетом общего и отличительного. В соответствии с требованиями ФГОС основным методическим и технологическим подходом в обучении марийскому (государственному) языку и истории и культуры народов Марий Эл является системно-деятельностный подход. По ходу усвоения учебного материала у обучающихся происходит формирование личностных, метапредметных универсальных учебных действий. Реализуя принцип «от простого к сложному, от близкого к далекому», интегрированный курс способствует формированию и нравственных качеств обучающихся, что немаловажно в современных условиях российской действительности.

Для обучения говорению в программе определены актуальные для младшего и подросткового возрастов темы из различных сфер общения. Из класса в класс они наполняются новым содержанием. Такой подход способствует реализации принципов коммуникативной технологии обучения: речевой направленности, функциональности, ситуативности, новизны, учета индивидуальных особенностей обучающихся.

Итак, организация обучения марийскому (государственному) языку на основе лингвокраеведческого, историко-краеведческого материала способствует мотивации к изучению марийского языка и активизации познавательной деятельности обучающихся.

Литература

1. *Зверев И.Д., Максимова В.Н.* Межпредметные связи в современной школе. М., 1981. 159 с.

2. *Монахова Г.А.* Образование как рабочее поле интеграции // Педагогика. 1997. № 5. С. 52–55.

3. Энциклопедия профессионального образования: в 3 т. / РАО; Ассоциация «Профессиональное образование»; науч. ред. совет: *С.Я. Батышев, А.М. Новиков, В.А. Поляков*. М., 1998.

В.Г. Кудрявцев, Л.П. Москвина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена вопросам формирования национальной идентичности в вузовском образовании на основе традиционной культуры марийского народа, представляющей собой богатый этнокультурный источник.

Ключевые слова: *этнокультурный компонент, национальная идентичность, вузовское образование, традиционная народная художественная культура.*

В сохранении и развитии этнической идентичности малочисленных народов Российской Федерации важнейшим институтом общественного воспроизводства и государственной безопасности является система вузовского образования. Она выступает действенным инструментом культурной и политической интеграции общества. Опираясь на общие тенденции мирового развития и Концепцию развития поликультурного образования в Российской Федерации, модернизация современного российского образовательного пространства вуза призвана отражать интересы российского общества и государства, связанные с формированием этнической и общероссийской идентичности.

Этнокультурное образование направлено на сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры. Принятие идеи этнокультурного образования означает создание национальной системы обучения и воспитания.

В Институте национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета преподаются общественно-политические, гуманитарные и специальные предметы. На занятиях студенты знакомятся с концепцией национально-этнического и поликультурного образования, осваивают традиционные виды народного художественного творчества, направленные на решение задач гармонизации межнациональных отношений. Наряду с этим, рассматриваются вопросы национального самосознания и мировосприятия, национальные традиции бытового общения, особенности взаимоотношений в различных социокультурных ситуациях. На практических занятиях усваивается методика использования музыки, народного и декоративно-прикладного искусства, календарных праздников, профессионального искусства.

Задачам формирования национальной идентичности в вузовском образовании во многом отвечает изданное в 2015 году учебное пособие «Традиционная культура марийского народа» [3]. Оно предназначено для бакалавров и магистрантов по направлениям подготовки «Народная художественная культура», «Профессиональное образование (Декоративно-прикладное искусство и дизайн)», «История (История и культура регионов России)» и содержит материал об истоках марийского народного музыкального и изобразительного искусств и об основных видах традиционной культуры. Авторский коллектив впервые комплексно рассматривает особенности народного изобразительного и музыкального искусств, зодчества, традиционных праздников, ремесел, промыслов. Издание окажет помощь студентам в овладении разнообразными знаниями по традиционной культуре, и с этой целью в него включены разделы курса со списком рекомендуемой литературы, контрольные задания и вопросы, словарь основных понятий и терминов, тематика рефератов.

В книге отмечается, что для современной культурной политики Республики Марий Эл актуальны взаимосвязанные между собой вопросы возрождения богатых пластов народного творчества и развития современного

профессионального декоративно-прикладного, музыкального искусства, художественных промыслов, традиционной праздничной культуры. Их широкое культивирование, развитие и практическое использование в художественной, образовательной и просветительской деятельности представляется актуальной и перспективной в построении национальной культурной политики и в широком внедрении в общественную жизнь государственными структурами по управлению культурой, искусством и образованием. Потеря части национального достояния в современной жизни также актуализирует вопросы сохранения народных промыслов и ремесел, являющихся одним из ресурсов социокультурного развития.

В издании освещены основные виды народного искусства, рассматриваемые в контексте образно-художественной системы мировосприятия и мировоззрения марийского народа; выявлены культурообразующие и эстетические доминанты художественного творчества; определены закономерности и особенности развития этнической традиции. Изучение общих закономерностей развития народного искусства проводится с позиций как ансамблевой организации предметно-пространственной среды, так и взаимосвязи с традиционным укладом жизни, занятиями, ремеслами, промыслами, музыкальной культурой, праздничной и обрядовой традициями. Актуальность исследования определена отсутствием подобных учебно-методических разработок и необходимостью разрешения противоречий между высоким нравственно-эстетическим и культурным потенциалом народного искусства и наблюдаемой тенденцией к его угасанию, потребностью общества в сохранении народного художественного творчества и отсутствием способов решения этой проблемы в научной теории и современной практике. Авторский коллектив приходит к утверждению, что эти имеющиеся противоречия могут выразить суть проблемы, заключающейся в необходимости изучения, сохранения и представления традиционного искусства в современной народной и профессиональной художественной культуре.

Общая картина развития искусства от истоков до формирования собственных художественных традиций и современного декоративно-прикладного искусства марийского народа выявлена в разделе «Народное искусство, художественные промыслы и ремесла». Особое внимание уделяется религиозно-мифологической картине мира, акцентируется внимание на характерных для традиционного искусства образах водоплавающих птиц, зооморфных и солярных изображениях. Особо подчеркнуто место украшений в ансамбле женского и мужского костюмов, раскрыта семантика некоторых орнаментальных знаков, например, Древа жизни. Большое внимание уделено таким домашним промыслам, как вышивка, ткачество, прядение, и основным видам ремесел древних мари (кузнечное, ювелирное и т. д.). Развитые традиции резьбы по дереву и строительного искусства обозначены характерными местными образными, конструктивными и функциональными особенностями. Вполне определенное место занимает описание деревянной утвари, ремесел, производства мебели и музыкальных инструментов. Выявлен талант народных умельцев-строителей при сооружении уникальных культовых, жилых и хозяйственных построек, включаемых в комплекс сельских поселений,

рассмотрены планировка усадьбы, дворов, анализируются малые архитектурные формы [1].

Роль этнокультурного компонента проявляется в возрождении традиций народного искусства через сеть районных домов-ремесел и студий народного творчества, представленных современными мастерами и профессиональными художниками декоративно-прикладного искусства и дизайна. В этом плане важно знакомить студентов с достижениями Л. В. Веткиной, Н.Е. Майковой, В.А. Ермакова, В.Н. Кудрявцева, Н.И. Ведерникова, Ю.Г. Кондакова, А.А. Орловой, Ю.М. Смирновой, А.А. Шайдуллиной и др.

Важная роль в этнокультурном воспитании студентов и формировании их национальной идентичности отводится музыкальному творчеству. Раздел «Музыкальное творчество» представлен историей собирания и изучения народного музыкального творчества, характеристикой жанровой системы, стилистических особенностей песен, традиционного музыкального инструментария. Представленный анализ мелодики изучения марийской музыки, её интонационного содержания позволяет рассмотреть приемы мелодического развития, ритмического оформления, структуры народных напевов [2]. Здесь же обобщены данные научных исследований в области этномузыкологии, полученные О.М. Герасимовым, О.К. Егоровой, Д.М. Кульшетовым, М.Н. Мамаевой и др. Они целостно представляют процесс развития марийской фольклористики как одно из направлений отечественного музыкознания. Большую помощь в освоении материала оказывает разработанный глоссарий, содержащий научные определения основных терминов.

Раздел «Праздники» направлен на освоение самобытности богатых народных традиций, проявляющихся в весенне-летних и осенне-зимних календарных праздниках и обрядах. Дополнением к ним являются семейно-бытовые обряды, связанные с циклами рождения, свадьбы и смерти. В частности, в книге отмечается то, что, наряду с широко известными народными праздниками, возрождаются локальные традиции праздничной культуры. Так, выявленный исследователями оригинальный в своей основе праздник печи позволяет понять этническое своеобразие марийской культуры. В структуре этого во многом забытого праздника нашли отражение представления об устройстве окружающего человека мира. В ходе полевых наблюдений аргументированно выявлена тенденция ревитализации традиционных праздников в сельской местности. В пособии подчеркивается, что календарные праздники и обряды позволяли регулировать хозяйственные занятия, будни и досуг, духовно обогащая людей. Развиваясь в разных исторических условиях, они сыграли важную роль в сохранении традиционной культуры.

Изложенный в учебном пособии материал иллюстрирован черно-белыми и цветными иллюстрациями. Авторский коллектив заключает, что народная художественная культура представляет богатый этнокультурный источник для формирования национальной идентичности и является важным звеном в вузовском образовании. Использование возможностей изучения курса «Традиционная культура марийского народа» может стать основой для формирования позитивных тенденций в образовательной деятельности.

Литература

1. *Кудрявцев В.Г.* Комплекс архитектурных традиций в марийском народном зодчестве // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности: сб. ст. Йошкар-Ола, 2015. С. 324–329.

2. *Москвина Л.Р., Петухова Г.Н.* Ансамбль «Куат» в истории марийской музыкальной культуры 1930-х годов // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности: сб. ст. Йошкар-Ола, 2015. С. 239–243.

3. Традиционная культура марийского народа: учеб. пособие / *В.Г. Кудрявцев, Г.Н. Кадыкова, Л.П. Москвина, О.Н. Яшмолкина.* Йошкар-Ола, 2015. 196 с.

М.М. Кудряшова, А.С. Ипаева, Л.А. Поликарпова
Гимназия № 4 им. А.С. Пушкина (г. Йошкар-Ола)

ВНЕКЛАССНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена проблеме воспитания этнокультурной толерантности школьников. Рассмотрена работа педагогического коллектива гимназии № 4 г. Йошкар-Олы, определены основные формы внеклассных мероприятий по воспитанию этнокультурной толерантности школьников, благодаря которым создаётся единая культурно-образовательная среда образовательного учреждения.

Ключевые слова: *воспитание, этнокультурная толерантность, гимназия, внеурочная деятельность.*

В современном мире наблюдаются участившиеся акты нетерпимости, насилия, терроризма, национализма и другие проявления дискриминации одних лиц и социальных групп другими лицами или социальными группами.

Россия – многонациональная страна с множеством разнообразных и непохожих друг на друга культур, поэтому проблема воспитания толерантной культуры на сегодняшний день является одной из самых актуальных.

Каждый регион многолик и эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем. И перед современной школой встает задача формирования личности ученика как носителя гуманистических и толерантных идей в системе межэтнических отношений.

В решении задачи воспитания этнокультурной толерантности большое значение имеют объективно заданное пространство совместного пребывания и взаимодействия разных этносов, приобщение к общему знанию и познанию, привлечение практического местного, регионального материала на уроках, применение фактов и явлений региональной культуры во внеурочной работе [1].

Работа педагогического коллектива гимназии № 4 им. А. Пушкина г. Йошкар-Олы по воспитанию этнокультурной толерантности осуществляется как на уроках, так и во внеурочной деятельности. Основная цель работы в этом направлении – воспитание потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач:

– освоение учащимися основ историко-культурного богатства народов, населяющих РМЭ;

– формирование у учащихся позитивной этнической идентичности;

– формирование интереса и уважения к традициям, обычаям и культуре различных этносов, проживающих в республике;

– развитие способности к толерантному общению, конструктивному взаимодействию с представителями иной национальной, социальной, религиозной принадлежности;

– укрепление атмосферы межэтнического согласия и толерантности, препятствование созданию и деятельности националистических экстремистских молодежных группировок.

В гимназии, в соответствии с базисным учебным планом, с 1 по 11 классы ведётся предмет «История и культура народов» (далее – ИКН) с элементами марийского языка, в 10–11 классах – интегрированные курсы, например: литература – ИКН, МХК – ИКН, география – экономика, экология – география. Также этнокультурный компонент реализуется на всех уроках эстетического цикла (музыка, изобразительная деятельность и др.)

Организация внеурочной деятельности повышает эффективность педагогического процесса, позволяет закрепить и расширить знания, полученные на уроках. В гимназии им. А. Пушкина основными формами внеклассных мероприятий по воспитанию этнокультурной толерантности школьников являются:

1) внеклассные мероприятия по изучению истории и культуры, ценностей и традиций народов РМЭ («Моя малая Родина – Марий Эл», «Марийский край родной», «Марийские народные инструменты», «Русские народные инструменты», «Музыка души», «Марийская национальная кухня» и др.);

2) этнокультурные мероприятия и культурные акции: Недели марийских народных танцев (различных этнографических групп), «Народные праздники», «Музыкальная культура народа мари», «День рождения РМЭ» (4 ноября), «День марийской письменности» (10 декабря), «Дни родственных финно-угорских народов» (октябрь), «День национального героя» (26 апреля), «Масленица» и др.;

3) конкурсы на лучший реферат, сочинение, рассказ, стихотворение по культуре и традициям народов РМЭ (конкурс чтецов стихов марийских поэтов о родном крае, «Я и ты», «Мои истоки» и др.);

4) конкурсы рисунков, плакатов, фотографий по культуре и традициям народов РМЭ («Люблю мой край родной», «Марийские народные орнаменты», «Русские и марийские полотенца» и др.);

5) конкурсы и викторины по знанию истории РМЭ: «Что знаешь о республике?» (1–4 кл.), «Легенды и сказки народов РМЭ» (1–4 кл.), «Птицы РМЭ» (3–4 кл.), КВН в 5 и 6 классах «Знаешь ли ты родной край?» и др.;

6) тематические выставки по культуре и традициям народов РМЭ («Цветок марийский мой – Йошкар-Ола», «Родная земля – очарование», «Герои-земляки Великой Отечественной войны», «Новинки марийской литературы»,

тематический стеллаж «Вечный зов земли марийской», «Россия – Родина моя», «Убранство в избе (русской и марийской)» и др.).

7) тематические экскурсии в музеи, к памятникам истории и культуры народов РМЭ (посещение выставок национального музея РМЭ им. Т. Евсеева, выставочного зала «Радуга» при библиотеке им. С.Г. Чавайна, цикл экскурсий «По улицам города» к памятникам С.Г. Чавайна, И.С. Палантая и др., «Городской пейзаж» и др.);

8) тематические классные часы: цикл бесед о РМЭ «Моя Родина – Марий Эл» (1 кл.), «По улицам и площадям» (2 кл.), «Государственные символы РМЭ и России» (3–4 кл.), «Традиции народов РМЭ» (1–4 кл.) и др.;

9) внеклассные мероприятия по воспитанию культуры толерантности, укреплению толерантности и профилактике экстремизма в молодежной среде («Гражданин – человек свободный и ответственный», «Правоотношения и правонарушения», «Человек в системе социально-правовых норм», «Уроки единства», «Я – гражданин России» и др.);

10) участие в городских и районных мероприятиях и акциях (Дни славянской письменности и культуры, Конкурс чтецов «Чаплане шочмо йылме, шочмо мланде», музыкальный конкурс «Самырык тукым», колумбовские чтения, посещение спектаклей марийского национального театра драмы им. М. Шкетана и русского драматического театра им. Константинова и др.);

11) исследовательская и проектная деятельность («Украшение домашнего интерьера марийскими узорами», «Использование марийского национального орнамента при моделировании одежды», «Моя родина», «Мой род» и др.).

Благодаря проводимым мероприятиям создаётся единая культурно-образовательная среда гимназии. Полученные знания и навыки общения позволяют учащимся проявлять национальную идентичность и руководствоваться принципами уважения и толерантности в реальных межнациональных отношениях в регионе, ближайшем окружении, конструктивно взаимодействовать с представителями иной национальной, социальной, религиозной принадлежности.

Толерантность предполагает не только понимание, но и принятие того факта, что окружающий мир и населяющие его народы очень разнообразны. При этом каждый этнос уникален и неповторим. Только признание этнического и религиозного многообразия, понимание и уважение культурных особенностей, присущих представителям других народов и религий, в сочетании с демократическими ценностями гражданского общества, могут содействовать созданию подлинно толерантной атмосферы.

Толерантное сознание формируется там, где школа, учителя целенаправленно работают с семьями учащихся, в социуме, в целом, и в его секторах [1].

Литература

1. Этническая толерантность как феномен современного общества / *М.Д. Киекбаев, Д.М. Абдрахманов, И.З. Султанмуратов*. Уфа, 2008. 155 с.

Л.В. Максимова
Исменецкая СОШ (с. Исменцы, Республика Марий Эл)

МАРИЙ ЙЫЛМЕ УЧЕБНИКЫН ИСТОРИЙЖЕ ГЫЧ (С.М. КУШАКОВЫН 2 КЛАССЛАН МАРИЙ ЙЫЛМЕ УЧЕБНИКШЕ)

Статья посвящена истории создания учебной литературы на родном языке, в частности, анализу учебника марийского языка для 2 класса, вышедшего в 1949 году. В статье дается информация об учителе марийского языка и литературы Исменецкой школы С.М. Кушакове как авторе учебника, даётся краткая аналитическая характеристика учебника, акцентируется внимание на его этнопедагогическом материале.

Ключевые слова: *марийская национальная учебная книга, учебник марийского языка, просветительская деятельность.*

Шочмо йылме – тиде айдеме илышым тӱҥал пуышо да ӱмыр мучко сӧрастарыше кугу вий. Так огыл мо тудым «ава йылме» маныт, садлан йылме культурым памаш вӱд гай яндарым ышташ тыршыман.

Шочмо йылме нерген ойлымо годым марла книгам савыктыме йодышым тарватыде огеш лий. Вет книга, савыктыме мут – йылмын кӱлешлыкшым, чаткалыкшым палемдымаште эн куатле йӧн. Тудо йылмым лывыртымаште, мутвундым пойдарымаште, литератур йылмым виянӧдымаште моткоч кугу сомылым шуктен шога [3, с. 14]. Туныктымо книга шочмо йылмын ару куатшым, поянлыкшым арала, пӱртӱс поянлыкшым, тӱвыражым, чон поянлыкшым чапландара.

Мутлан, Степан Михайлович Кушаковын 2-шо класслан ямдылыме марий йылме учебникшым налаш. Тудо 1949-ше ийыште савыкталтын. С.М. Кушаков шкежат туныктышо лийын, шке жапыштыже Эсмекпляк школышто марий йылмым да литературым туныктен. Тунам школышто марий йылме посна предмет семын веле огыл тунемалтын, а шочмо йылме, марий мут кӱшнӧ лийыныт, ятыр предметым тунемше-влак шочмо йылме дене тунемыныт. Тале, творческий куатан лийын тиде уста айдеме. Тудым пӱсӧ уш-акылан, кумда шинчымашан марий интеллигент, Эсмекпляк кундемын тале эргыже смын паленыт. С.М. Кушаков суапле пашаж дене шкеж нерген поро шарнымашым коден.

С.М. Кушаков Эсмекпляк кундемын ик эн мотор верыштыже, Мари-Отар ялыште, 26-шо декабрь 1918-ше ийыште шочын. Тудын тунемме корныжо ялысе тӱналтыш школ гыч тӱҥалын, варажым Памар селасе ШКМ (школа крестьянской молодежи – *Л.М.*), Звенигово педтехникум… 1938-ше ийыште Курыкмарий педтехникумым тунем пытарен. Техникум деч вара туныктымо пашашке уло кумылын ушнен. А 1939-ше ийыште Йошкар Армий радамыш налыныт. Кугу Ачамланде сар тӱҥалмеке, икымше кечыла гычак тушман дене кучедалмаште лийын. 1942-шо ийыште Степан Михайлович нелын сусырген, да 1943-шо ийыште пел йолан самырык пӧръеҥ шочмо ялышкыже пӧртылын. Нӧргӧ рвезе ден ӱдыр-влаклан шочмо йылмым туныкташ тӱҥалын да тетла ойырен налме паша деч нигунамат коранҥын огыл.

Икмыняр жап гыч туныктышо шке вийжым йӧршеш у пашаште, марий йылмым туныктымо книгам ямдылымаште терген. 1949-ше ийыште МАССР просвещений министерствын темлымыж почеш, Степан Михайлович икымше кугу пашажым савыктен луктын. Тиде 2-шо класслан «Марий йылме» туныктымо книга лийын. Варажым тудо икмыняр ий почела шым гана ешаралтын да вашталтын савыкталтын.

С.М. Кушаковын 2-шо класслан ямдылыме «Марий йылме» туныктымо книгаже – ойыртемалтше. Тудым программылан келшышын ямдылыме. Автор йоча-влакын ийготыштлан келшыше ятыр воспитательный значениян материалым пуртен; грамматике дене кылдалтше тӱҥ правил-влакат куштылгын, умылаш лийшын йонгат, тӱрлӧ кӱлешан пример-влак дене умылтаралтыт. Ятыр текстым автор шке чоҥен. Текстлаште пӱртӱссӱрет кумда верым айлен, тыгак еҥ-влакын пырля пашашке ушнымышт нерген ойлалтеш, Совет властьым да Ленин ден Сталиным моктымо шӱлыш шыҥдаралтын.

Туныктымо книгаште калык ойпогыланат кугу тӱткыш ойыралтын. Шагал огыл заданий тушто але калык муро дене кылдалтын. Мутлан, тыгай тушто-влакым ончыкташ лиеш: *Киддыме-йолдымо – тувырым чия. Ик печке ныллe шӱдышан. Ик велне – мелна, вес велже – когыльо* да т.м.

Калык мурат вашлиялтеш:

Вӱд тӱрышкет волальым,
Вӱд йогымым ончалаш.
Пионерышкет пуральым,
Калык пашам ышталаш.

Автор книгашке верысе топоним-влакымат пуртен: *Патыръер, Ширланъер, Аркитъер, Кукшенер, Аркамбал*.

Кугыт шотышто 1949-ше ийысе учебникыште 52 параграф пуалтын, кызытсе учебникыште – 33 параграф веле. Тышечын коеш: тачысе школышто марий йылме уроклан шагат шагалрак ойыралтеш.

1949-ше ий гыч 1962-шо ий марте учебник шым гана савыкталтын. Тидын нерген информацийым В.Т. Михайловын «Марийская национальная учебная книга (1775–2005)» книгаштыже муаш лиеш [2].

С.М. Кушаковын туныктымо книгаже ончыкылык автор-влаклан марий йылме дене туныктымо книгам ямдылымаште негыз лийын. 2006-шо ийыште савыкталтше марий йылме учебник дене таҥастарымаште раш коеш: теме-влак коклаште кугу ойыртем уке, лач формулировко шотышто гына вашталтышым шижына. Мутлан, С.М. Кушаковын ямдылыме книгаштыже тыгай теме-влакым вашлияш лиеш: «Ик вожан мут- шамыч. Ик вожан мут-шамычым ыштымаш» але «Почеш мут-шамыч». Кызытсе книгаште нуно тыге йонгат: «Икгай вожан мут-влак» да «Кумдан кучылталтше почеш мут-влак».

С.М. Кушаков шочмо йылмыжым моткоч пагален да йӧратен, тудым шочмо эл, шочмо мланде дене ойыраш лийдымын кылден. 2-шо класслан «Марий йылме» учебникым ямдылыме сомылжым туныктышын ик эн суапле да кӱлешан пашажлан шотлаш лиеш.

Литература

1. *Кушаков С.М.* Марий йылме: тӱналтыш школын кокымшо класслан лукмо учебник. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1949. 95 с.

2. Михайлов В.Т. Марийская национальная учебная книга (1775–2005): научное издание / Мар. гос. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. Йошкар-Ола, 2007. 352 с.

3. *Проблемы* развития марийского языка как государственного / МарНИИ. Йошкар-Ола, 2000. 72 с.

Л.С. Матросова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

КАФЕДРА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена обзору этапов становления и развития кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Ключевые слова: *кафедра марийского языка и литературы, языкознание, литература.*

Республика Марий Эл является одним из национальных субъектов Российской Федерации. Марийский язык – это один из двух государственных языков в Республике Марий Эл. Марийский язык и литература, культура народа мари определяют национальную идентичность региона. Их сохранение и развитие являются ключевыми задачами региональной национальной политики.

Центром изучения и развития марийского языка и культуры в настоящее время является Марийский государственный университет, при котором функционирует кафедра марийского языка и литературы. Деятельность кафедры способствует не только сохранению и развитию марийского языка и литературы, но также и сохранению культурной самобытности народа мари, укреплению и развитию межнациональных отношений в регионе.

Основы для научного изучения марийского языка и литературы, для организации подготовки кадров в области национального филологического образования были заложены кафедрой марийского языка и литературы Марийского педагогического института им. Н.К. Крупской, которая была создана 30 сентября 1931 года. Первым заведующим кафедрой был назначен доцент В.Т. Соколов [1, с. 39].

С первых дней существования кафедры марийским учёным приходилось решать важные для того времени задачи языкового строительства: создание литературного языка, алфавита, орфографии, словарей. С февраля 1934 года на кафедре начал работать В.М. Васильев, который читал лекции по марийскому языку и истории языка, марийской диалектологии и устному народному творчеству. Одновременно занимался разработкой теоретических вопросов марийского языкознания и решением практических задач языкового строительства [1, с. 39].

С 1931 года в должности доцента кафедры начинает работать известный марийский языковед Г.Г. Кармазин. Результатом его научно-педагогической

работы стало учебное пособие для преподавателей марийского языка «Марий грамматик. Морфологий» («Марийская грамматика. Морфология»), выпущенное московским издательством «Учпедгиз» в 1935 году. С именами В.М. Васильева и Г.Г. Кармазина связано зарождение марийского языкознания.

Для чтения лекций приглашались ученые из МарНИИ, других кафедр института, других образовательных учреждений. Так, лекции по истории марийской литературы читал известный общественный деятель, лектор-публицист, педагог и ученый, поэт и музыкант В.А. Мухин. Им в 1930 году была написана «Научная грамматика марийского языка». Исследованием и преподаванием истории марийской литературы, составлением школьных учебников по марийской литературе занимался И.А. Шабдаров. Под его руководством функционировал литературный кружок, составлялись хрестоматии по марийской литературе, публиковались литературные произведения.

С 1943 года кафедру марийского языка и литературы возглавил Н.Т. Пенгитов. Педагогическую деятельность на кафедре в этот период успешно осуществляли Т.Г. Апатеева, В.Т. Тимофеева, Ф.И. Гордеев, И.А. Борисов, К.К. Васин, Я.Г. Григорьев и др. Н.Т. Пенгитовым был издан ряд статей, посвященных анализу особенностей наречий и звукового строя марийского языка («Некоторые особенности наречий в марийском языке», «О марийском литературном языке» [1, с. 46]). Его «Сопоставительная грамматика русского и марийского языков» (Йошкар-Ола, 1958) стала первой обобщающей работой по сопоставительному изучению языков.

Исследования литературоведов в 1940–1950-е годы велись по таким направлениям, как идейно-художественный анализ творчества известных марийских писателей, выявление особенностей поэтики их произведений, традиции и новаторства. В рамках этих направлений доцентом Т.Г. Шуркановой (Апатеевой) были написаны статьи о творчестве Н. Ильякова и И. Ломберского. Тамара Гавриловна поддерживала тесные связи со школами Марийской АССР, являлась одним из авторов учебников-хрестоматий по марийской литературе для VIII (1976) и IX–X (1974) классов, учебных пособий «Н.В. Игнатьев в школе», «Осып Шабдар в школе» [1, с. 47].

В 1960-х гг. усилия специалистов кафедры были направлены на создание научной грамматики «Современный марийский язык». Авторами книги «Современный марийский язык. Морфология» (Йошкар-Ола, 1961) были Н.Т. Пенгитов, О.Г. Сурикова, В.Т. Тимофеева, Ф.И. Гордеев, Л.П. Васикова. Продолжение этого коллективного труда стал «Современный марийский язык. Синтаксис» (Йошкар-Ола, 1961).

В 1983 году вышел второй том «Этимологического словаря марийского языка» Ф.И. Гордеева. В 1985 году публикуется его монография «Историческое развитие лексики марийского языка», которая представляла интерес не только для ученых-финно-угроведов, но также и тюркологов, иранистов, балтистов и т.д.

Крупнейший ученый финно-угровед Куклин А.Н. занимался вопросами фонетики и фонологии, марийской диалектологии и ареальной лингвистики, ономатологии и этимологии, языковых контактов и социолингвистики,

стилистики и культуры марийской речи, сопоставительной грамматики марийского и русского языков. Наиболее значимыми его работами являются «Фонетика красноуфимского говора марийского языка» (1982), «Топонимия Волго-Камского региона» (1998), «Олык-эрвел марий орфоэпий» (2003), «История Марий Эл в географических названиях» (2010).

Исследования в области литературоведения активно велись профессором И.С. Ивановым. Им были опубликованы книги «Марийская народная лирика» (1980), «Язык писателя» (1989), «Особенности языка писателей» (1991), «Марийская свадьба» (1994). И.С. Иванов принимал участие в подготовке учебного пособия «История и культура марийского народа» (1992, 1993, 1994, 1996, 1998).

Кафедра марийского языка и литературы МГПИ им. Н.К. Крупской за многие годы плодотворной работы дала путевку в большую жизнь многим тысячам своих выпускников, заложила фундамент марийского языкознания.

1 января 1972 года был организован Марийский государственный университет, а 1 сентября 1975 года при историко-филологическом факультете была открыта кафедра марийского языка и литературы [2, с. 5, 143]. Заведующим кафедрой стал доктор филологических наук, профессор И.Г. Иванов.

И.Г. Иванов активно занимался вопросами научного изучения истории марийского литературного языка, фонетики, лексикологии, диалектологии марийского языка, а также составлением учебников и учебных пособий для вуза. Он явился автором учебных книг по марийской диалектологии (1981), истории марийского литературного языка (2003), фонетики современного марийского языка (2000), «Марийские филологи» (1988), программ по истории литературного языка, современного марийского языка, диалектологии.

Вопросами исторической грамматики, фонетики, лексикологии, синтаксиса, стилистики и ономастики марийского языка на кафедре занимался доктор филологических наук, профессор И.С. Галкин. К сфере его основных научных интересов входили также вопросы языкового контактирования, чему посвящены такие его работы, широко известные во всем финно-угорском мире: «Имеются ли притяжательные местоимения в марийском языке» (1965), «Из истории финно- угорской лексики в марийском языке» (1958), «Некоторые вопросы контактирования языков» (1977), «О марийско-пермских параллелях» (1978), «О некоторых явлениях русско-марийского языкового контактирования» (1979), Марийско-хантыйские лексические параллели» (2004), «Марийско-мансийские лексические параллели» (2004) «Марийско-ненецкие лексические параллели» (2004).

Ведущим специалистом в области морфологии, фонетики, синтаксиса, стилистики, педагогики и методики обучения марийскому языку являлся профессор З.В. Учаев. Среди его работ необходимо выделить как ключевые следующие: «Марий йылме да литература дене отметка норма» (1986), «Марий йылме морфологий дене факультатив» (1988), «Марий йылме дене диктант сборник: 5–9 классым туныктышо-влаклан» (1991), «Марий йылме да литератур дене сочинений тема-влак» (1993), «Сборник заданий по морфологии» (2001), «Узловые проблемы морфологии марийского языка» (2002).

В 1990 году кафедра стала называться кафедрой марийской филологии. Ее заведующим стал профессор И.С. Галкин. Спустя три года, в 1993 году, она была переименована в кафедру марийской и финно-угорской филологии, заведующим которой стал доктор филологических наук, профессор Ю.В. Андуганов. Он занимался вопросами общего финно-угроведения, сравнительно-исторического языкознания, теории слова, языковых контактов, истории марийского языка, словообразования и синтаксиса марийского языка. Среди его – «Кызытсе марий йылме дене программа: марий филологий отделенийын студентше-влаклан» (1978), «Мут але мут сочетаний: туныктышылан полыш» (1985).

В 1995 году на базе марийской и финно-угорской филологии были организованы две кафедры: марийской литературы (заведующий – доцент С.С. Сабитов) и финно-угорских языков (заведующий – профессор Ю.В. Андуганов). В 2000 году была образована кафедра марийского языка, ее заведующим был назначен профессор И.Г. Иванов. На уазанных кафедрах трудились выдающиеся ученые-финно-угроведы. Была развернута серьезная работа по подготовке научно-педагогических кадров. Аспирантами и докторантами руководили профессора Ю.В. Андуганов, И.С. Галкин, И.Г. Иванов, Н.Н. Глухова, Н.И. Исанбаев, А.Е. Китиков, доценты С.С. Сабитов, Р.А. Кудрявцева, Н.И. Куторов.

Штатными преподавателями кафедры марийской литературы, кроме С.С. Сабитова, были Г.Н. Бояринова, М.Т. Сергеев, Г.А. Яковлева. С.С. Сабитов изучал марийское устное творчество народа мари, историю становления и развития марийской фольклористики, фольклорные связи народов Среднего Поволжья и т.д. [2, с. 147].

В 2008 году произошло слияние Марийского государственного университета и МГПИ им. Крупской. На базе объединенного вуза был создан институт финно-угроведения. Его директором стал доктор филологических наук, профессор А.Н. Куклин, а в 2010–2013 годах институт возглавляла доктор филологических наук, профессор Р.А. Кудрявцева. В институте финно-угроведения работали три выпускающие кафедры, имеющие широкие связи с финно-угорским миром: общего и финно-угорского языкознания (заведующие – доцент О.А. Сергеев, с 2010 года доцент Е.М. Андрианова); марийского языка (заведующая – доцент Л.С. Матросова) и финно-угорской литературы и фольклора (заведующий – доцент С.С. Сабитов). На этих кафедрах работали широко известные в финно-угорском мире профессора И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев, Р.А. Кудрявцева, А.Н. Куклин, Н.Н. Глухова, Е.Н. Мустаев и И.С. Иванов.

В сентябре 2013 года институт финно-угроведения вошел в структуру института национальной культуры и межкультурной коммуникации; в условиях на базе бывших кафедр марийского языка и финно-угорской литературы и фольклора была образована кафедра марийского языка и литературы. Заведующей кафедрой стала доцент Л.С. Матросова. В настоящее время кафедра марийского языка и литературы является главным подразделением, занимающимся изучением и преподаванием марийского языка и литературы, ведущим подготовку национальных кадров на марийском языке, имеющим в штате высококвалифицированных ученых-педагогов в области марийского

языка и литературы. Среди преподавателей кафедры: доценты Л.С. Матросова, Л.И. Барцева, В.Н. Максимов, Г.Н. Бояринова, преподаватель Е.Г. Ласточкина.

Кафедра марийского языка также обеспечивает обучение в вузе марийскому языку как государственному, который изучают студенты 11 направлений подготовки очной и заочной форм обучения.

Исследования в области марийского языка и литературы осуществляются в рамках научного направления «Языки и литература народов России и зарубежных стран». Сотрудники кафедры активно апробируют результаты своих исследований в региональных, межрегиональных, всероссийских и международных научных мероприятиях. Кафедра выпускает научный ежегодник (сборник трудов) «Fenno-Ugrica» (им занимался профессор А.Н. Куклин), третий выпуск которого выйдет в 2016 году. Издание адресовано студентам и аспирантам филологических специальностей, этнологам и контактологам, учителям языка и литературы, специалистам по уралистике и финно-угроведению.

В 2011–2014 годах кафедра организовывала Летнюю школу марийского языка и культуры для российских и иностранных граждан; в 2014 году школа впервые была проведена с выездом в Республику Башкортостан. В 2013–2014 годах по заданию ректората университета кафедрой была разработана система сертификации по марийскому языку для госслужащих Республики Марий Эл. В перспективном плане работы кафедры – разработка материалов для сертификации по всем уровням марийского языка и ее внедрение в практику.

Кафедра марийского языка является активным участником и организатором таких мероприятий, как «Марий тиште кече», Неделя марийского языка и литературы, «Марий талешке кече» и др.

Кафедра активно участвует в республиканской и межрегиональной олимпиаде по марийскому языку и литературе (Л.С. Матросова, Л.И. Барцева, Г.Н. Бояринова, В.Т. Михайлов, С.С. Сабитов, З.К. Иванова, С.А. Малинина), в составлении олимпиадных заданий. С.С. Сабитов и Л.С. Матросова являлись председателями жюри этих олимпиад.

Кафедра марийского языка и литературы как одно из самостоятельных научно-образовательных структурных подразделений института национальной культуры и межкультурной коммуникации активно развивается, вносит весомый вклад в дело сохранения, популяризации и научного исследования марийского языка, марийского фольклора и марийской литературы, а также в гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений в республике.

Литература

1. Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской: очерки истории факультетов и кафедр в лицах и событиях / МГПИ им. Н.К. Крупской; под общ. ред. *Г.В. Рокиной*; сост. и науч. ред. *Р.А. Кудрявцева*. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 2006. 414 с.

2. Марийский государственный университет: 1972–2002 гг. / Мар. гос. ун-т; под общ. ред. *А.Г. Иванова*. Йошкар-Ола, 2002. 312 с.

С.В. Никитина
Моркинская СОШ (пос. Морки, Республика Марий Эл)

КАЛЫК ЙЎЛАМ – ЙОЧА ЧОНЫШ

Статья посвящена вопросам изучения народных традиций, языка, особенностей культуры марийского народа в общеобразовательной школе.

Ключевые слова: *общеобразовательная школа, методика преподавания, марийский (государственный) язык, культура народа мари, формы уроков, народная педагогика, работа с лексикой, творчество учителя.*

1990-ше ийла тўҥалтыш гыч тачысе кече мартеат марий туныктышо-влак ончылно ик эн тўҥ йодыш шога: кузе марий, руш да вес национальностян тунемше-влакым кугыжаныш программе почеш марий йылмым тунемаш кумыланда? Тўҥалтыш жапыште тиде туныктымо пашам ворандарен колтымаште лач шочмо йылмым туныктымо методикылан веле энертыме. Сандене туныктымо пашашке у йӧн-влакым шындарымашын кўлешлыкше шижалтын. Тыге, кугезе ойпогылан, йот йылмым туныктымо методикылан да шочмо калыкнан илыш йўлажлан энертен, йоча-влакым чын мутланаш, шонымашыштым да чон шижмашыштым почын пуаш туныктена.

Мемнан марий калыкнан йылмыже, йўлаже да культурыжо – кугезына-влакын пуэн кодымо пӧлекышт. Нуно шкешотан, моткоч ныжылге да лывырге улыт; ача-ава семын йӧратен, арален илаш гын, самырык тукымын ончыкылыкшо ўшанле лийшаш. Тыгай шонымашым тунемше-влаклан уроклаште але тўрлӧ мероприятийлаште шындарен, сай лектышыш шуаш лиеш. А тидланже урок-экскурсий, урок-путешествий, урок-портрет, урок-шонкалымаш, чон почын мутланымаш да тулеч молат полшат. Тыгодым ик эн ончыл верыште шочмо кундемнан, калыкнан поянлыкше, тўвыраже, лўмлӧ да пагалыме енгышт лийын шогат.

Туныктымаш пашаште эн тўҥлан тыгай аспектлам шотлена: туныктымаш, уш-акыл шуарымаш, шкем тыматлын кучымаш але икте-весе деке пагалымаш кумылым шочыктымаш, лекше йодышым жапыштыже рашемдымаш. Тўҥ принцип-влак:

1) туныктымо материалым писын да раш умылашлан тўрлӧ роль ден кылдалтше материалым лончылена але шкежак тўҥ геройжо лийына. А тыгайже годым тунемше вожылде, ӧрде шке рольжым – сомылжым – шукташ тырша. Мутлан, тунемшын кутырымаште мут поянлыкше шагал, туге гынат тудо йӧршеш ӧрдыжеш огеш код: кеч шагал мутан рольышко ушна да ушешыже кўлеш шомакым пышта. Рольым модмаште тунемше-влак мастар ең семын ойканашым пуат, врач семын эмлат, кугу фирмын вуйлатышыже семын сатум колтылыт але, мӧнгешла, налыт да т.м. Южгунам тунемме материал ик жаплан ӧрдыжкӧ шӱкалалтеш. Тўҥжӧ – йоча-влак геройын образше гоч мутланаш тунемыт, мутым да тудын значенийжым шарнен кодыт;

2) туныктышо да тунемше, тыгак тунемше-влак коклаште кыл лийшаш. Кажне тунемшылан илыш, паша ыштыме да каныме верла дене кылдалтше роль да тудын посна кўлешлыкшым шотыш налмаш йочалан кутыраш чолгалыкым ешара, у деч у рольым налаш кумылым луктеш;

3) тӱшкан шуктымо пашаште ваш полшымаш, умылтарымаш, рашемдымаш лийшаш. Южгунамже ик чолга тунемшын шинчымашыже пырля тунемме йолташыжлан чинче падыраш семын кӱлеш. Тышеч раш, урокышто тӱшкан шуктымо паша годым ваш полшымаш, умылтарымаш икте-весым пагален илаш кумыланда.

Нине принцип-влаклан энертымаште тӱнжӧ – мут поянлыкым кучылт моштымаш. Шуктымо сомыл-влак вучыдымо, шонаш таратыше, ӧрыктарыше улыт гын, тунемме лектышат шинча ончылнак лиеш. Тыгодым палемдыман, нуно йочан ийготшылан, жаплан, ситуацийлан келшыше лийшаш улыт. Тунам веле йоча куаным, предметын кӱлешлыкшым шижеш.

Кӱшнӧ каласен кодымо ыле, тунеммаште фольклор материаллан, марий калыкын илыш-йӱлажлан да лӱмлӧ ен-влаклан шагал огыл вер ойыралтеш. Заочный путешествий, ваш мутланымаш, тӱрлӧ вере миен коштмаш, коча-кован туныктен кодымо, илышлан ӱшан вийым шочыктышо шомакышт йоча-влакын чоныштышт келге кышам кодат. Мутлан, тыгай шомак-влак: *«Чодыра Кугыза, Чодыра Кува,тендан дек толынам! Шулдыран кайыкет деке Юмын пӱрымӧ почеш мый толынам. Шулдыран кайыкетым мый декем кондо, сонарыштем пиалым, тазалыкым пу!»* – тунемше-влаклан калыкнан уш-акыл пӱсылыкшым, *шӱм-чон поянлыкшым почын пуаш полшат. Але вес ойым ончалына: «Чодыра Оза, Чодыра Кугыза! Тендан дек толынам. Те кугу виян, яндар южан улыда. Мыйымат шке шӱлышышкыда пуртыза, кап-кылышкем, кид-йолышкем вийдам колтыза, таза лияш полшыза».* Шижыда, могай пагалымаш дене кугезына-влак йодыныт. Арам огыл ойлат: кажне ойлымо шомакын вийже уло, нимоат арам ок ышталт. Шомак кайык огыл, лектеш гын, мӧнгеш ок пуро, тудо южеш кодеш.

Марийын эн йӧратыме пушенгыже – куэ. Лум дечат ош шӱман пушенгым марий калык ожнысек моткоч пагала. Кудыр куэ чумыр марий поэзийыште ший гае волгалтше символыш савырнен. Ме чыланат мончаш пураш йӧратена. Куэ выныык дене кап-кылнам лывыртена. Выныыкшымат моктен налман. Чодыраш миен, куэм сӧрвалыман: *«Мотор куэ! Мый тый декет толынам. Тый виян улат. Кап-кылем пенгыдемдаш, кид-йолем лывырташ тыйын парчатым нангайынем. Виетым пырля нал, таза лияш полшо».* Тыге каласымеке, выныык эм дене иктак лиеш.

Кенежым чодыраште, кумда олыкышто, чодыра воктенысе пасу тӱрыштӧ эм шудым погаш жапым ойырыман. Олыкышко *«Салам лийже, кумда олык!»* манын пурыман. Шудым погымо годымат калыкын шке шотан шомакше лийын: *«Изи шудо, йодын толынам, шкемым, авамым, ачамым эмлаш. Тыйым пеленем нангайынем, ӱнаретым, виетым пырля нал»*. Калык палемден: торжа кумыл дене погымо годым шудо эмлаш ок полшо, лӱдмыж дене шудо чыла вийжым мландыш угыч колта, яра вондо веле кодеш. А саска погымо годым мемнан кована тыге ойлаш туныктен: *«Чодыра кува! Чодыра кугыза! Саскам погаш толынам. Кидем-йолем лывырте, шинчавылышем пӱсемде. Кондымо атем темаш полшо».* Тыге ойлен погаш тӱналмеке, нигунамат яра ате дене пӧртылын огытыл. Яндар, волгыдо памаш вӱд гай ару чонан лийына гын, пӱртӱсын юзо вийже ончыкылык илышыште поро шонымашке шуаш вийым пуа. Шкенан кумылнат шулдыранше лиеш.

Мутвундым рончымаште тунемше-влак коктын, тӱшкан чумырген але посна-посна тыршат. Тыге моштен вуйлатыме пашан акше – кумда материалым кӱчык жапыште рашемдымаш. Икманаш, туныктышын усталыкше да личность семын шкенжым кучен моштымыжо – туныктымо пашан тӱвыргӧ саскаже.

Н.И. Ураськина , Л.В. Бусыгина
НИИ национального образования (г. Ижевск)

ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье освещаются вопросы организации билингвального образовательного пространства в общеобразовательных организациях Удмуртской Республики. Внимание уделяется проблемам языковой ситуации в семье, жизненному пространству ребенка, его личной мотивации, характеристике учебного плана, языковой компетентности и мотивации педагогов. Исследование основано на мониторинге, проведенном сотрудниками БУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования».

Ключевые слова: *общеобразовательные организации, билингвальный образовательный процесс, поликультурное воспитание, мониторинг.*

Модернизация отечественного школьного образования, его целенаправленная ориентация на поликультурное и полилингвальное образование связывается, прежде всего, с качественным обновлением содержания образования и обеспечением его развивающего культуросообразного характера. В современных условиях перехода к деятельностно-компетентностной образовательной модели с ведущим фактором межчеловеческого взаимодействия особую актуальность приобретает формирование у учащихся коммуникативной и иноязычной компетенций. В данной ситуации важными структурными компонентами обучения выступают билингвальное обучение и поликультурное воспитание, обеспечивающие взаимодействие обучающихся в поликультурном пространстве и их приобщение к ценностям мировой культуры. Обучение на нескольких языках способствует развитию коммуникативных способностей учащихся, памяти, культуры речи, снимает языковой барьер (барьер непонимания любого другого иностранного языка) и т. д. Также влияет на формирование таких качеств, как патриотизм, толерантность, гибкость, мобильность, а значит, учащийся становится более приспособленным к трудностям нашего многогранного и непростого мира. То есть билингвальное образование выступает средством личностного развития и социальной адаптации подрастающего поколения.

Обучение на билингвальной основе в условиях Удмуртской Республики (учитывая, что удмуртский язык, наравне с русским, является государственным языком), главным образом, актуализирует проблему удмуртско-русского обучения учащихся с учетом их степени владения языками. Вопрос касается детей из национально однородных, удмуртских семей, в которых идет активный

процесс обрусения, а также детей из смешанных русско-удмуртских семей. В последнем случае речь идет об освоении удмуртского языка как второго родного языка. Когда мы говорим о создании условий для билингвизма, целью, в первую очередь, ставим сохранение национальной идентичности учащихся при тотальном всеобщем обрусении, сохранение удмуртского языка в условиях доминирования русского языка. Другой вопрос – вопрос искусственного билингвизма, обучения удмуртскому языку детей других национальностей, который также требует особого внимания.

Наше исследование основано на проведенном сотрудниками БУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования» мониторинге особенностей организации билингвального образовательного процесса в общеобразовательных организациях Удмуртской Республики. Особое внимание уделялось определяющим факторам в развитии билингвального образовательного процесса: языковой ситуации в семье, жизненному пространству ребенка, его личной мотивации, характеристике учебного плана, языковой компетентности и мотивации педагогов.

Известно, что самоопределение ребенка и мир его ценностей формируются, главным образом, под влиянием родителей. Успех в освоении двух и более языков зависит от родителей, от того, какие они ставят цели перед собой и своими детьми. Мотивация детей – это важнейший элемент успеха. Также эффективность усвоения языка возрастает, когда в семье язык звучит в непринужденной форме, когда это не сложный учебный процесс, а естественное общение близких людей.

Результаты мониторинга показали, что сегодня идет распад института семьи, поддерживающей билингвизм и многоязычие: лишь в 15 % семей, в которых родители – билингвы, в качестве общения между родителями и детьми сохраняется родной язык. Родители сами снижают уровень необходимости общения и использования удмуртского языка. Разумеется, чем больше в семье общаются на русском языке, тем меньше речевых ситуаций на родном языке, тем ниже мотивация ребенка говорить на родном языке. Он всего может достичь, используя доминирующий язык.

Сегодня удмуртский язык учащимся в большей степени нужен только для общения на уроках удмуртского языка и достаточно в узком кругу людей.

В школах республики удмуртский язык изучают как самостоятельный предмет и факультативно. Преподавание ведется по двум программам: обучение удмуртскому языку учащихся, для которых данный язык является родным, и обучение удмуртскому языку как неродному. Не безосновательны, на наш взгляд, пожелания респондентов ввести в образовательную практику разноуровневое обучение удмуртскому языку, поскольку в классе по одной программе не могут обучаться дети, свободно владеющие удмуртским языком, и русскоязычные дети. В такой ситуации высокий результат для многих школьников будет недостижим, что приведет к отрицательному отношению к образовательному процессу в целом. Поэтому внутренняя дифференциация учебных групп в зависимости от уровня знаний языка и способностей каждого учащегося создаст более благоприятные условия для успешного овладения языком.

На вопрос об обязательном преподавании удмуртского языка, который является государственным, в школах республики большинство родителей (49 %) выбрали преподавание удмуртского языка только для всех желающих детей, объясняя это излишней загруженностью учащихся старших классов, «невостребованностью» языка, отсутствием льгот при поступлении в вузы. Респонденты выступают за принятие мер по повышению востребованности, престижа удмуртского языка в республике. Действительно, с постепенной утерей языка, как показывает предыдущий проведенный НИИ национального образования мониторинг на тему «Исследование проблем и потребностей в этнокультурном образовании Удмуртской Республики», «многие респонденты стремятся сконструировать уже и свою этничность через собственное пожелание» [1, с. 16].

В этой ситуации для сохранения родного языка сегодня необходим комплекс мероприятий – это и активная государственная национальная политика, и совершенствование подготовки научных и педагогических кадров, и улучшение информационно-технических условий для функционирования билингвального образовательного процесса в образовательных организациях. Результат возможен только при совместной слаженной работе всех уровней.

Особого внимания требует отношение учителей к поставленной проблеме, ибо сущность билингвального образования выражается в педагогическом общении того, кто обучает, и того, кто учится. Поэтому билингвальное обучение как один из инновационных методов обучения требует двусторонней заинтересованности: необходимы как мотивация учащихся, так и мотивация педагогов.

Билингвальное образование как желательную модель поддерживает почти половина школьников и родителей (47 % и 40 % соответственно), тогда как лишь 11,5 % учителей согласны с этим. Учителя, принимая саму педагогическую идею билингвального образования, осознавая ее важность для гуманистической парадигмы образования, обозначают первостепенные проблемы в данной сфере. Они отмечают, что на данный момент нет (или их минимум) специалистов-билингвов, не разработаны технологии организации билингвального урока. При этом следует отметить, мы столкнулись с проблемой «отрицательной мотивации» не только среди учащихся и родителей, но и среди учителей. Поэтому, на наш взгляд, решение задач билингвального образования школьников требует, в первую очередь, усиления поликультурной составляющей в подготовке будущего учителя.

Подводя итоги, следует отметить, что этнонациональное образование – это деликатная, политичная социальная сфера, требующая организации комфортных условий в школе, атмосферы взаимопонимания и общности интересов между учащимися, родителями, педагогами и органами управления образованием. В связи с этим важной представляется проблема создания механизмов согласования интересов всех участников билингвального образовательного процесса. В качестве возможных вариантов можно рекомендовать проведение ежегодных совместных семинаров-совещаний по проблемам билингвального образования, организацию различного рода совместных исследовательских проектов, творческих лагерей и т.п.

Значимой должна стать модернизация этноязыкового образования на основе инновационных технологий. Наиболее актуальными инновациями сегодня, на наш взгляд, являются интерактивные методы обучения, требующие обновления учебно-методических ресурсов (необходимы, в частности, словари и энциклопедии, электронные учебники по удмуртскому языку и литературе, материалы для интегрированных уроков, методические пособия и рекомендации по организации билингвального урока), улучшения материально-технической базы, увеличения удмуртского сегмента в Интернете.

Сегодня необходимостью стала разработка новой стратегии языкового образования, нового подхода к билингвальному образованию. По результатам мониторинга можно констатировать, что идет стремительный переход образовательных организаций с изучением удмуртского языка как родного на изучение удмуртского языка как неродного по причине сокращения количества детей, владеющих удмуртским языком. В таких условиях при обучении удмуртскому языку необходимо вводить технологии разноуровневого обучения; школе сегодня необходимы учебники удмуртского языка трех уровней: для владеющих языком, слабо владеющих и не владеющих языком.

Практика показывает, что в условиях билингвальной образовательной среды для полноценного общения на языке одного только изучения языка как предмета в классе недостаточно. На наш взгляд, возможны интегрированные уроки по языку и литературе, которые будут побуждать учащихся к творческой деятельности. В процессе обучения детям, вероятно, следует позволять свободно выбирать язык, на котором они будут обсуждать учебный материал, ибо овладение языком наиболее успешно происходит в случае значимого и актуального контекста. Следует также стремиться приучать школьников больше думать о своем будущем, создавая связь между существующим и ожидаемым, зависимым от их поликультурности и многоязычия. В такой ситуации, следует заметить, предпочтительны учителя-билингвы, которые являются примером для своих учащихся. Поэтому необходимо совершенствовать содержание и формы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров для системы национального образования, создавать условия профессионального роста педагогов и сотрудников школы.

В заключение следует отметить, что билингвальное образование, во-первых, способствует этнической идентификации и формированию культурного самосознания обучаемых, во-вторых, препятствуют их этнокультурной изоляции от других народов. Школьное билингвальное образование является элементом подготовки детей к жизни в мультикультурном обществе. Поэтому билингвальный образовательный процесс является актуальной духовной и социальной потребностью современной школы.

Литература

1. Исследование проблем и потребностей в этнокультурном образовании Удмуртской Республики // Вестник образования и науки Удмуртской Республики. 2011. С. 16–21.

С.Ю. Федорова
СОШ № 20 (г. Йошкар-Ола)

ИКТ-ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС

В статье рассматривается проблема применения информационных технологий, в частности, Интернет-ресурсов, в практике учителей иностранного языка, обосновывается эффективность их использования в образовательном процессе.

Ключевые слова: *ИКТ-технологии, мультимедийные курсы, Интернет-ресурсы, проектная деятельность.*

Федеральный государственный образовательный стандарт ориентирует на воспитание и развитие таких личностных характеристик обучающегося, как креативный и критически мыслящий, активно и целенаправленно познающий мир, осознающий ценность науки, труда и творчества для человека и общества, мотивированный на образование и самообразование в течение всей своей жизни; владеющий основами научных методов познания окружающего мира, мотивированный на творчество и современную инновационную деятельность; готовый к учебному сотрудничеству, способный осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационную деятельность.

Эффективным средством формирования такого «портрета» выпускника школы является использование информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в образовательном процессе. ИКТ – компьютерное аппаратное и программное обеспечение, а также их содержательное наполнение, используемое для достижения целей информатизации образования [1, с. 54]. В общеобразовательном учреждении информационные технологии, в основном, связаны с применением компьютера, интерактивной доски и мультимедийного проектора. Компьютерные технологии, прежде всего, дают широкую возможность пользоваться Интернет-ресурсами.

В системе школьного филологического образования интернет-ресурсы становятся важным источником новой образовательной информации, источником и организатором самообразования, а также представляют исключительный материал для организации уроков, различных по форме и типу. В числе отобранных материалов могут быть словари, биографические справки, иконография деятелей политики, науки и культуры, необходимый текстовый материал и др. Они позволяют решать такие дидактические задачи, как совершенствование и активизация процесса обучения, введение дифференцированной работы, возможность привлечения учащихся к исследовательской, творческой деятельности, усиление мотивации к обучению, обеспечение гибкости процесса обучения и т.п.

Так, на уроках английского языка используются такие мультимедийные курсы, как:

– новый компонент курса «New Opportunities Russian Edition» – «Test Master CD-Rom» (издательство Pearson Education Limited. Longman), который разработан для каждого уровня УМК и предоставляет широкие возможности учителям в составлении тестов для контроля знаний и навыков учащихся;

– интерактивный курс «Round-up» (издательство Pearson Education Limited. Longman), предоставляющий учителю эффективную возможность для использования компьютерного тестирования как формы контроля, а обучающимся – проверить свои ответы и подвести итоги выполненных заданий. Также в него внедрены увлекательные игры и занимательные материалы по отдельным разделам грамматики;

– интерактивный курс “Grammar Practice” Third Edition with CD-ROM Pearson Education Limited. Longman), представленный тремя уровнями: Elementary, Pre-intermediate, Intermediate. Данный курс интересен тем, что в конце каждого раздела учебного пособия дается алгоритм проверки усвоения грамматического материала. Компьютерная программа позволяет проверить выполненное задание в автоматическом режиме, проследить правильные варианты выполненных заданий. При этом обучающиеся данной программой могут пользоваться не только на уроке, но и дома в рамках самостоятельной работы;

– интерактивный курс “Way Ahead” (издательство Macmillan), представленный шестью уровнями. Для закрепления грамматического и лексического материала в игровой форме включены игры, кроссворды, занимательные упражнения. Интересным и увлекательным является звуковое и графическое оформление программы;

– также интересен и увлекателен CD-Rom с дополнительными заданиями для обучающихся – это значительное дополнение к учебному комплекту. Для отработки грамматики и лексики данный диск предоставляет большое количество упражнений. Программа проста в пользовании, требуются минимальные навыки работы с компьютером.

Словом, данные мультимедийные курсы представляют обширный материал по лексикологии, морфологии и синтаксису английского языка и окажут существенное помощь при их изучении.

Важным моментом применения ИКТ-технологий на уроках иностранного языка является проектная деятельность, основа которой – исследовательская работа обучающихся. Она включает в себя поиск информации в Интернет-ресурсах, ее обработку, осмысление и представление в форме презентации с яркими иллюстрациями, видеоклипами, звуком. При этом необходимо заметить, обращение к методу проектов возможно во время проведения разных форм уроков и на всех его этапах: при проверке домашнего задания в форме сообщений или докладов; при изучении новой темы в форме защиты рефератов, творческой работы и т. д.; при закреплении изученного в виде различных творческих работ, презентаций.

Как известно, изучение темы или раздела традиционно предполагает такие учебные действия, как повторение, закрепление и обобщение. Однако эти элементы можно объединить, предлагая учащимся на завершающем этапе изучения темы создать мультимедийный проект. Работа над созданием презентации предоставляет ученикам отличную возможность систематизировать приобретенные знания и навыки, практически применять их, а также дает возможность реализовать свои способности и интеллектуальный потенциал. При этом обучающиеся испытают интерес к самостоятельной творческой работе,

почувствуют значимость результатов своей работы и собственную успешность. Можно заключить, что мультимедийные презентации стимулируют интерес учащихся к изучению языка и культуры страны изучаемого языка.

Таким образом, ИКТ-технологии становятся важным средством в процессе обучения, источником новой информации и предоставляют уникальный и своеобразный материал для моделирования уроков, позволяют осуществлять такие их функции как информационная, обучающая, рефлексивная [2, с. 12].

Задача педагога – помочь учащимся осваивать ИКТ-технологии, сориентироваться в пространстве Интернета, развивать навыки критической оценки представленных глобальной сетью информации (определить их научность и достоверность) и способов организации этой информации.

Литература

1. *Чернобай Е.В.* Технология подготовки урока в современной информационной образовательной среде: пособие для учителей общеобразовательных учреждений. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013. 56 с.

2. *Ээльмаа Ю.В., Федоров С.В.* Информационные технологии на уроках литературы: пособие для учителей общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2012. 176 с.

Р.Ю. Яншитова
Лицей-интернат (пос. Ургакш, Республика Марий Эл)

НАСЛЕДИЕ УЧЕНЫХ-ЛИНГВИСТОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА

Статья посвящена исследованию топонимов на территории Ургашского сельского поселения, в частности, ойконима «Ургакш». В этой связи в статье актуализируется необходимость изучения научного наследия ученых-лингвистов и проведения поисково-краеведческой работы с обучающимися.

Ключевые слова: *топонимика, ойконим, Ургакш, ученые-лингвисты, краеведение.*

Мы живём в мире названий, которые окружают нас и служат надёжными указателями мест, где что-то происходит или находится. С помощью названий фиксируется вся жизнь человека, начиная с места его рождения, учеба, проживание, работа, отдых, маршруты поездок, информация о других событиях и т.д. Каждое название имеет происхождение и значение.

В 1985 году Марийским книжным издательством была издана книга И.С. Галкина «Тайны марийской топонимики», которая посвящена краткому изложению отдельных явлений марийской топонимики. Она знакомит самый широкий круг читателей с интереснейшей наукой, теснейшим образом связанной с краеведением, а также может помочь обучающейся молодёжи в комплексном изучении родного края.

В книге И.С. Галкина мы нашли бесценный материал о поселке Ургакш. Ученый пишет: «В Советском районе Марийской АССР расположены три

населенных пункта с наименованием *Ургакш* – это д. Новый Ургакш, д. Старый Ургакш, поселок Ургакш, по-марийски У Ургаш, Тошо Ургаш и Ургаш. Топонимы возникли путем перенесения гидронима на населенные пункты, ср. р. Ургакш, по-марийски Ургаш вӱд.

Что представляет собой гидроним Ургакш (Ургаш), при помощи современного марийского языка объяснить невозможно. Мы можем лишь сказать, что конечный элемент – *кш* > *-ш* является марийским уменьшительным суффиксом <…>. Кроме того, в Нижегородской области имеется река Урга, которая впадает в р. Суру с левой стороны. Несомненно, гидронимы Урга и Ургакш по происхождению взаимосвязаны. По-видимому, гидроним Урга очень древний и входит в один класс с гидронимами на *-га*, но, что он первоначально означал, сказать сейчас трудно. Топооснову *Ур-* мы можем лишь сопоставить с мансийским *ур* «гора, возвышенность, увал, водораздел», тогда Ургакш «речка у возвышенности, на водоразделе» [1, с. 122–123].

Обучающиеся с большим интересом изучают тему о своей малой Родине. На встрече со старожилами поселка Клавдией Ивановной Голиковой и Анной Васильевной Полушиной дети узнали, что основателем починка Ургакш был Петр Павловский. Починок был основан примерно 250–300 лет тому назад, и первыми жителями были русские православные люди. Старожилы починок называли Царевский Ургакш, так как починок входил в Царевококшайский уезд Казанской губернии. И тут у ребят возник вопрос: «Почему же топоним *Ургакш* звучит по-марийски (слово *ургаш* в переводе на русский означает *шить*), тогда как основателями были русские люди?» Заинтересовавшись этим вопросом, мы с ребятами продолжили дальнейшие поиски. Ответы нашли в трудах ученых и краеведов А.Н. Куклина, Э.М. Иванова, М.Н. Янтемира.

Э.М. Иванов в книге «Край родной, любимый» пишет: «После разгрома крестьянского восстания под предводительством Степана Разина в этот край переселились жители из селений Лаптево. Там беглые русские крестьяне в конце 17 века заложили селение Чкарино. Именно русские, т.к. в радиусе 10 верст вокруг Ронги нет другого русского селения, т.е. можно утверждать, что около 400 лет назад приютили русских жившие здесь марийцы. Вокруг Чкарино возникли починки Егошино, Ургакш, Лебедевский, Журавлевский, Красный ключ» [2]. Познакомившись с содержанием книги Э.М. Иванова, сопоставив его со словами старожилов, мы пришли к выводу, что починок Ургакш возник действительно в конце 17 в.

Краеведам книга М.Н. Янтемира «Описание Маробласти» ценна тем, что в нем автор зафиксировал сохранившиеся к началу XX в. всевозможные варианты названий населенных пунктов и большинства рек и озер Марийского края. В своей книге М.Н. Янтемир пишет о том, что, начиная с конца 16 века, в Марийском крае стали появляться русские. Территория края населялась, главным образом, выходцами из-под Котельнича и Вятки, т.е. новгородцами и потомками ушкуйников. Селились они в местах марийских поселений под защитой крепостных стен городов, вытесняя мари в менее удобные территории. Так возникли первые русские селения Вараксино, Сурты, Пижанка, Чкарино, Ургакш, Паганур, Азаново, Шоя-Кузнецово [4, с. 33–37; 67–69].

Интересным для нас оказалось мнение доктора филологических наук А.Н. Куклина об ойкониме *Ургакш.* В этой связи юные краеведы решили встретиться с ним. Во время встречи с профессором возникла интересная дискуссия о происхождении названий, связанных с нашей местностью. А.Н. Куклин пришел к выводу, что многие марийские селения получили свои имена по рекам, на берегах которых они были выстроены. При этом обычно названия рек приобретали впоследствии уменьшительную форму. Так, например река *Визым* (Куженерский район) стала *Визимкой*, река *Кордем* (Оршанский и Советский районы) – *Кордемкой*. С рекой *Урга* вышло по-иному: в ее имени закрепился марийский уменьшительный суффикс *-ки*. Он сохранился и в официальном названии селения Ургакш. В неофициальном же названии фонема *-к-* суффикса *-ки* со временем была утрачен. Поэтому мари йское название поселения выступает в форме *Ургаш.* Слово Ургакш является древним, оставленным каким-то народом финно-угорского племени [3, с. 41–51].

Данные топонимических исследований используются при проведении уроков географии, истории, истории культуры народов Марий Эл, марийского языка, на школьных мероприятиях, районных и республиканских конференциях.

Литература

1. *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал? Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 123 с.

2. *Иванов Э.М.* Край родной, любимый: ист.-краевед. очерки. Советский, 1995. 76 с.

3. *Куклин А.Н.* Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской,1998. 204 с.

4. *Янтемир М.Н.* Описание Маробласти. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во,1981.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абукаева Любовь Алексеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Албахтина Татьяна Алексеевна, докторант Тартуского университета (Эстония).

Александрова Лариса Вячеславовна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Аликова Зоя Ивановна, учитель марийского языка, истории и культуры народов Марий Эл ГБОУ Республики Марий Эл «Многопрофильный лицей-интернат» п. Руэм Медведевского района Республики Марий Эл.

Андрианова Елена Михайловна, канд. филол. наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Анисимова Алина Радионовна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Антонов Юрий Григорьевич, доктор филол. наук, доцент, зав. кафедрой финно-угорских литератур ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

Антропов Геннадий Григорьевич, докторант Тартуского университета (Эстония).

Арекеева Светлана Тимофеевна, канд. пед. наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Архипова Мария Юрьевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Афанасьева Снежана Михайловна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Ахмастинова Гузель Камиловна, аспирант ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет».

Ахметшина Гульнара Разифовна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Беляева Анастасия Ильинична, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Беляева Зоя Александровна, учитель марийского языка и литературы, истории и культуры народов Марий Эл МОУ «Кадамская основная общеобразовательная школа» Советского района Республики Марий Эл.

Беляева Татьяна Николаевна, канд. филол. наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Барцева Людмила Ивановна, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Бояринова Галина Никитьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Бусыгина Людмила Васильевна, ведущий научный сотрудник БУ Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования».

Венина Надежда Константиновна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Виногорова Ольга Владимировна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Вишнева Марина Александровна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Владимирова Ольга Геннадиевна, канд. филол. наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Волкова Зинаида Александровна, учитель марийского языка и литературы ГБОУ Республики Марий Эл «Верх-Ушнурская средняя общеобразовательная (национальная) школа с углубленным изучением отдельных предметов» Советского района Республики Марий Эл.

Волкова Наталия Эрнестовна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Гаврилова Елена Александровна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Галкина Вероника Валериевна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Гаязова Альфира Харисовна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», учитель английского языка Лажъяльской ООШ Сернурского района Республики Марий Эл.

Глухова Наталья Николаевна, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Горячева Мария Александровна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук.

Григорьева Надежда Алексеевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Григорьева Светлана Васильевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Гундогдиева Сурай Худайбереновна, старший научный сотрудник Национального института рукописей Академии наук Туркменистана (Туркменистан).

Гусева Надежда Васильевна, магистр филологии, аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», зав. РИО ГБОУ ДПО и ПК (С) «Марийский институт образования».

Дубникова Лилия Олеговна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Ермакова Галина Алексеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Ефремова Елена Владимировна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Загребина Анастасия Ильинична, студент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Зайцева Татьяна Ивановна, доктор филол. наук, доцент, зав. кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Закирзянов Альфат Магсумзянович, доктор филол. наук, доцент, зав. кафедрой татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации им. Л. Толстого ФГАУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Зорина Зоя Георгиевна, доктор филол. наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Иванов Иван Семенович, канд. филол. наук, профессор, ветеран ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Иванова Ольга Вячеславовна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Иванова Татьяна Ильинична, учитель начальных классов ГБОУ Республики Марий Эл «Верх-Ушнурская средняя общеобразовательная (национальная) школа с углубленным изучением отдельных предметов» Советского района Республики Марий Эл.

Изергина Екатерина Юрьевна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Ильина Галина Геннадьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Ипаева Алена Семеновна, учитель истории и культуры народов Марий Эл МБОУ «Гимназия № 4 им. А.С. Пушкина» г. Йошкар-Олы.

Ипакова Марина Тимерьяновна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела языка ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

Кадыкова Галина Николаевна, канд. ист. наук, доцент, зам. директора института национальной культуры и межкультурной коммуникации, и.о. зав. кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Карпова Людмила Владимировна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кириллова Ирина Юрьевна, канд. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник филологического направления БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Коваленко Екатерина Сергеевна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кондрашкина Елена Алексеевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук.

Константинова Валентина Васильевна, канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и образовательных систем ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кошаев Андрей Васильевич, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кудрявцев Владимир Геннадьевич, доктор искусствоведения, профессор кафедры культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кудрявцева Раисия Алексеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кудряшова Мария Михайловна, учитель музыки МБОУ «Гимназия № 4 им. А.С. Пушкина» г. Йошкар-Олы.

Кузнецова Маргарита Нифонтовна, доктор философии, канд. филол. наук, ветеран ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кузьмин Григорий Викторович, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кумаева Мария Владимировна, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела мансийской филологии и фольклористики БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

Кутасова Валентина Евгеньевна, канд. истор. наук, доцент кафедры социально-культурных технологий ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Кушакова Валентина Валериановна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Ласточкина Елена Григорьевна, старший преподаватель кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Макарова Тамара Олеговна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Максимов Валерий Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Максимова Любовь Викторовна, учитель русского языка и литературы, марийского языка и литературы МОУ «Исменецкая средняя общеобразовательная школа» Звениговского района Республики Марий Эл.

Максимова Ольга Михайловна, магистрант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Мамонтова Марина Сергеевна, канд. пед. наук, и.о. зав. кафедрой социально-культурных технологий ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Матросова Лидия Сидоровна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Медведева Татьяна Альбертовна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Милютина Лиана Валерьевна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Михайлов Виталий Тимраевич, канд. пед. наук, доцент, зав. лабораторией «Марийская школа» ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Михальченко Вида Юозовна, доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук.

Мокеева Анастасия Эдуардовна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Москвина Лидия Павловна, канд. ист. наук, доцент кафедры культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Мошкина Ольга Витальевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Мукина Ираида Васильевна, канд. филол. наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Мышкина Альбина Федоровна, доктор филол. наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Никитина София Васильевна, учитель марийского (государственного) языка, МОУ «Моркинская средняя общеобразовательная школа № 1» Моркинского района Республики Марий Эл.

Окишева Христина Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Павлова Ирина Федоровна, канд. пед. наук, зав. кафедрой мультимедиа и интернет-технологий ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Пенькова Мария Викентьевна, канд. филол. наук, ученый секретарь ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

Пишлёгер Кристиан, докторант Венского университета (Австрия).

Поликарпова Лидия Аркадьевна, учитель ритмики МБОУ «Гимназия № 4 им. А.С. Пушкина» г. Йошкар-Олы.

Пушкина Наталья Васильевна, магистр филологии, директор ГБУК Республики Марий Эл «Республиканский центр марийской культуры».

Разина Юлия Николаевна, магистрант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Родионов Виталий Григорьевич, доктор филол. наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Родыгина Анна Родионовна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Рыбакова Анна Артемовна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Рябинина Марианна Владимировна, канд. филол. наук, специалист Научно-образовательного центра языковых технологий «Марий йылме» ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Савирова Марина Петровна, канд. филол. наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Салтыкова Ирина Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Семёнов Александр Филиппович, магистрант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Семенова Эльвира Семеновна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, доцент, зав. отделом языка ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

Сибатрова Серафима Сергеевна, канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела языка ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

Смелова Ирина Николаевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Смирнова Анна Владиславовна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Соегов Мурадгелди, доктор филол. наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, главный научный сотрудник Национального института рукописей Академии наук Туркменистана (Туркменистан).

Соколова Вероника Аркадьевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Соловьев Владислав Игоревич, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Софронова Ирина Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Софронова Лиана Владимировна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Стрелкова Ольга Борисовна, канд. филол. наук, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Таганова Марал Аннаевна, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Национального института рукописей Академии наук Туркменистана (Туркменистан).

Тимерханова Надежда Николаевна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой лингвистической типологии и лингводидактики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Тихонова Ирина Геннадьевна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Ураськина Надежда Ивановна, канд. пед. наук, директор БУ Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования».

Федорова Любовь Петровна, канд. пед. наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

Федорова Снежана Юрьевна, магистр филологии, аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», учитель английского языка МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 20» г. Йошкар-Олы.

Федосеева Надежда Александровна, канд. филол. наук, зав. отделом литературы ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент БОУ ВО Чувашской Республики «Чувашский государственный институт культуры и искусств».

Хайруллин Руслан Зинатуллович, доктор пед. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации НОУ ВПО «Российский новый университет».

Чендемерова Надежда Юрьевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Шабыков Виталий Иванович, канд. филос. наук, старший научный сотрудник отдела социологии ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

Шеянова Светлана Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры финно-угорских литератур ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва».

Шкалина Галина Евгеньевна, доктор культурологии, профессор кафедры культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Эрцикова Галина Алексеевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела языка ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

Ягодарова Ирина Александровна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Якимова Екатерина Романовна, канд. филол. наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Якимова Надежда Ивановна, канд. филол. наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Яковлева Ольга Николаевна, соискатель кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова».

Ямбаршева Анастасия Герантиевна, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Яндемерова Снежана Владимировна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Яншитова Роза Юрьевна, учитель марийского языка ГБОУ Республики Марий Эл «Лицей-интернат п. Ургакш» Советского района Республики Марий Эл.

Яшметова Наталия Александровна, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Н а у ч н о е и з д а н и е

Проблемы марийской и сравнительной филологии

Сборник статей

Ответственный редактор
Р.А. Кудрявцева

Компьютерная обработка материалов и компьютерная верстка
Т.Н. Беляева
Р.А. Кудрявцева

Дизайн обложки
Р.А. Кудрявцева

Темплан 2016 г. № 73.
Подписано в печать 19.10.2016 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 29,12.
Тираж 300. Заказ № ___

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография «Восхождение»
424000, г. Йошкар-Ола, б-р Данилова, д. 6.